Министерство образования и науки Российской Федерации

Санкт-Петербургский государственный университет

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПО КУРСУ «СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК»

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации

ФГАУ «Федеральный институт развития образования»

Рекомендовано уполномоченным учреждением ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена» к использованию в образовательных учреждениях, реализующих образовательные программы высшего профессионального образования по направлению подготовки 032700 «Филология» по дисциплине «Старославянский язык»

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
2013

УДК 811.163.1
ББК 81.2Рус-2-923
С77

Регистрационный номер рецензии
ФГАУ «Федеральный институт развития образования»
№ 073 от 2011 г.

Авторы:
С. А. Аверина, *Л. М. Навтанович*,
М. Б. Попов, *О. А. Старовойтова*

С77 **Старославянский** язык: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С. А. Аверина, Л. М. Навтанович, М. Б. Попов и др. / Учебно-методический комплекс по курсу «Старославянский язык». — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 448 с.

ISBN 978-5-903549-11-5

Учебник содержит теоретический материал курса «Старославянский язык». В нем представлены все основные разделы данной дисциплины: фонетика, лексика, словообразование, морфология и синтаксис. В конце каждой главы даны контрольные вопросы и практические задания по основным темам курса.

Учебник предназначен для студентов филологических факультетов высших учебных заведений, магистров и аспирантов, изучающих проблемы палеославистики, а также специалистов в области лингвистики и всех интересующихся славянским сравнительно-историческим языкознанием.

УДК 811.163.1
ББК 81.2Рус-2-923

Учебно-методический комплекс создан и издан за счет пожертвования Фонда «Русский мир»

ISBN 978-5-903549-11-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый учебник подготовлен коллективом сотрудников кафедры русского языка филологического факультета СПбГУ, в течение многих лет читавших курс старославянского языка. Учебник предназначается в первую очередь для студентов бакалавриата, изучающих старославянский язык на филологических факультетах университетов, но может быть полезен и для студентов и аспирантов других гуманитарных специальностей, а также для всех интересующихся вопросами палеославистики.

Учебник задуман как часть учебно-методического комплекса по курсу «Старославянский язык» и представляет собой сжатое, но вместе с тем и достаточно полное описание старославянского языка на различных уровнях — фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом. Кроме того, в соответствии с принятой в отечественных университетах традицией авторы включили в учебник сведения об общих тенденциях и конкретных языковых изменениях, которые определили развитие позднего праславянского языка и возникавших на базе его диалектов самостоятельных славянских языков. Эта информация призвана не только усилить объяснительный аппарат при описании собственно старославянского языка, но и создать базу для изучения истории славянских языков, прежде всего исторической грамматики русского языка.

Синхронический аспект описания старославянского языка превалирует в учебнике над диахроническим. В данном случае это сознательная методическая установка авторов. Последовательно провести синхронический или диахронический подход при описании старославянского материала довольно трудно: так, например, в учебниках старославянского языка глагол обычно подается «более синхронно», а существительное — «более диахронно». Это устоявшаяся научная традиция, и для нее есть серьезные методические основания, этой традиции авторы в целом и следуют. Генезис той или иной особенности старославянского языка подается в учебнике в виде исторического комментария. Авторы считают, что, хотя, объем такого комментария (в том числе углубление в праславянскую реконструкцию) и может быть различным в зависимости от целей, которые ставятся в каждом конкретном случае, он, конечно, не достигает того объема, который необходим в учебнике по сравнительно-исторической грамматике славянских языков. Авторский коллектив исходил из принципиальной установки, что курс старославянского языка не может и не должен подменять курс истории праславянского языка.

Авторы пытались представить описание старославянского языка не только с учетом достижений классической филологической науки, но и в соответствии с современным уровнем развития палеославистики, в ряде случаев по-новому освещая дискуссионные проблемы. Вместе с тем, учитывая, что данный учебник рассчитан прежде всего на студентов-первокурсников, авторы вынуждены были приводить указанные выше принципы изложения в соответствие с этим обстоятельством. Так, несмотря на то, что в практике университетского преподавания курс старославянского языка справедливо рассматривается как историко-лингвистическое введение в изучение славянских языков, авторы осознанно свели к минимуму обсуждение и объяснение причин рассматриваемых языковых изменений. На начальном этапе обучения историко-лингвистическим дисциплинам студенту в первую очередь необходимо ознакомиться с собственно фактическим материалом (с условиями того или иного изменения, с типичными случаями и исключениями и т. п.) и только после прочного усвоения этих знаний — на более поздних этапах обучения (в следующих курсах и спецкурсах) — целесообразно переходить к обсуждению причин языковых изменений.

С учетом того, что главным адресатом учебника является начинающий филолог, в данном учебнике иногда более подробно, чем это принято в пособиях по старославянскому языку, освещаются общелингвистические и общеграмматические вопросы и объясняется соответствующая терминология. По этой же причине (с целью облегчить студенту восприятие нового материала) большинство старославянских текстов, приводимых в учебнике, переводятся на современный русский язык. Один из сознательных методических приемов, используемых в учебнике, — сравнение с современными славянскими языками (и прежде всего с современным русским). Данное сопоставление не имеет своей целью показать прямую зависимость одного от другого, а, наоборот, призвано, основываясь на сходстве древнего языка и современного (т. е. на материале, уже известном студенту), продемонстрировать особенности (т. е. отличия) старославянского языка и тем самым облегчить их запоминание.

Еще одной принципиальной установкой являлось то, что университетский учебник должен учитывать разные точки зрения на то или иное явление, а в ряде случаев может оставлять проблему открытой, если доступный материал не позволяет склониться к той или иной позиции. В некоторых случаях, по мнению авторов, это не только допустимо, но и единственно возможно. У студента не должно создаваться впечатление, что все вопросы палеославистики решены и ему нужно лишь заучить «правильные» положения.

В конце каждой главы даны вопросы и практические задания, необходимые для контроля за усвоением курса, а также список литературы, куда вошли основные классические труды, сохранившие свою актуальность, и важнейшие современные исследования, имеющие непосредственное отношение к научной проблематике данной главы. Кроме того, в конце книги имеется библиографический список, не дублирующий библиографию по главам, включающий классические труды по палеославистике и базовые учебники по старославянскому языку. Цель библиографических дополнений состоит в том, чтобы дать студенту необходимый минимум информации, позволяющий ориентироваться в историографии вопроса и в нынешней научной проблематике палеославистики.

Авторы пользуются возможностью, чтобы выразить глубокую признательность первым рецензентам, прочитавшим книгу в рукописи и сделавшим ценные замечания: коллегам по кафедре русского языка СПбГУ проф. В. В. Колесову, проф. Т. В. Рождественской, проф. О. А. Черепановой, а также многим коллегам по филологическому факультету СПбГУ и из других университетов, знакомившимся с текстом учебника на разных этапах нашей работы над ним. Считаем своим приятным долгом поблагодарить официальных рецензентов книги проф. А. М. Камчатнова и проф. Б. И. Осипова. С чувством особой признательности мы вспоминаем нашего дорогого учителя и коллегу Татьяну Аполлоновну Иванову, которая вдохновила нас на написание этого учебника и была одним из первых его рецензентов.

СОКРАЩЕНИЯ

Языки, диалекты, алфавиты

англ. — английский
арм. — армянский
ат. — аттический диалект
балт. — прабалтийский
балт.-слав. — балто-славянский
бел. — белорусский
болг. — болгарский
венг. — венгерский
в.-луж. — верхнелужицкий
в.-слав. — восточнославянский
герм. — прагерманский
глаг. — глаголический
гот. — готский
греч. — (древне)греческий
др.-англ. — древнеанглийский
др.-болг. — древнеболгарский
др.-венг. — древневенгерский
др.-в.-н. — древневерхненемецкий
др.-инд. — древнеиндийский
др.-иран. — древнеиранский
др.-ирл. — древнеирландский
др.-исл. — древнеисландский
др.-лат. — древнелатинский
др.-лит. — древнелитовский
др.-н. — древненемецкий
др.-перс. — древнеперсидский
др.-прус. — древнепрусский
др.-рус. — древнерусский
др.-тюрк. — древнетюркский
з.-слав. — западнославянский
и.-е. — индоевропейский
индоир. — индоиранский
ирл. — ирландский
исп. — испанский
кашуб. — кашубский
кир. — кириллический
лат. — латинский
латыш. — латышский
лит. — литовский
мак. — македонский
нар.-греч. — народно-разговорный греческий

нар.-лат. — народная латынь
нем. — немецкий
н.-луж. — нижнелужицкий
осет. — осетинский
панн.-слав. — паннонославянский
пол. — польский
полаб. — полабский
псл. — праславянский
рум. — румынский
рус. — русский
серб. — сербский
скр. — санскрит
слав. — славянский
слвн. — словенский
слвц. — словацкий
ст.-сл. — старославянский
с.-х. — сербохорватский
турецк. — турецкий
тюрк. — тюркский
укр. — украинский
фин. — финский
франц. — французский
хорв. — хорватский
ц.-сл. — церковнославянский
чеш. — чешский
ю.-слав. — южнославянский

Лингвистические термины

альвео-палат. — альвео-палатальные (согласные)
аор. — аорист
В. — винительный (падеж)
велярн. — велярные (согласные)
вопр. — вопросительный
вр. — время
гл. — глагол
губн. — губные (согласные)
Д. — дательный (падеж)
дв. — двойственное (число)
действ. — действительный (залог)
диал. — диалектный
ед. — единственное (число)
ж. — женский (род)
заднеяз. — заднеязычные согласные
Зв. — звательный (падеж) звательная (форма)
зубн. — зубные (согласные)
И. — именительный (падеж)
имп. — имперфект
инф. — инфинитив
кл. — класс (глагола)
кратк. — краткая (форма)
л. — лицо
литер. — литературный
личн. — личный
м. — мужской (род)
М. — местный (падеж)
мест. — местоимение
мн. — множественное (число)
накл. — наклонение
нар. — наречие
наст. — настоящее (время)
нескл. — несклоняемое (существительное или прилагательное)
НСВ — несовершенный вид
относит. — относительный
п. — падеж
палат. — палатальные (согласные)
переднеяз. — переднеязычные (согласные)
перен. — переносное (значение)
пов. — повелительное (наклонение)
полн. — полная форма
предл. — предлог
прил. — прилагательное
притяж. — притяжательный
прич. — причастие
прост. — просторечный
р. — род
Р. — родительный (падеж)

с. — средний (род)
СВ — совершенный вид
сигм. — сигматический (аорист)
собир. — собирательное
совр. — современный
согл. — согласный
ср. — сравни
сравн. — сравнительная степень
среднеяз. — среднеязычные (согласные)
страд. — страдательный (залог)
сущ. — существительное
Т. — творительный (падеж)
ч. — число

Старославянские памятники

Асс. — Ассеманиево евангелие
ев. — евангелие
Евх. — Синайский требник
Ен. — Енинский апостол
Зогр. — Зографское евангелие
Ин. — Евангелие от Иоанна
Киев. — Киевский миссал
Клоц. — Сборник Клоца
Лк. — Евангелие от Луки
Мар. — Мариинское евангелие
Мк. — Евангелие от Марка
Мф. — Евангелие от Матфея
Надп. Сам. — Надпись царя Самуила
Остр. — Остромирово евангелие
Сав. — Саввина книга
Син. — Синайская псалтырь
Супр. — Супрасльская рукопись
Унд. — Листки Ундольского
Хил. — Хиландарские листки
1 Пет. — 1-е соборное послание св. апостола Петра

Глава I
ПРОИСХОЖДЕНИЕ СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА И СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

§ 1. «Старославянский язык» как историко-лингвистическая дисциплина

Старославянский язык — древнейший славянский литературно-письменный язык. Он появился во 2-й половине IX в. в процессе переводческой деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников. С возникновением старославянского языка связано начало развития постоянной письменной традиции у славян. Поскольку до появления старославянского языка славяне не имели письменности, памятники, написанные на этом языке, фактически являются первой фиксацией славянской речи. Можно без преувеличения сказать, что создание старославянской письменности — главное событие в культурной истории славянства. Особенно велико значение старославянского языка для русских, так как старославянский язык и его продолжение — церковнославянский язык русской редакции — во многом определили облик современного русского литературного языка.

Традиционное понимание старославянского языка как языка первых славянских переводов греческих богослужебных книг, выполненных в середине IX столетия, несомненно, требует комментариев. Во-первых, оно является не единственным: точки зрения на данное понятие разнятся в зависимости от круга текстов, древних рукописей, включаемых в его состав. Во-вторых, следует различать «старославянский язык» как некую языковую систему, реализованную в текстах и являющуюся предметом лингвистического исследования, и содержание учебного курса «Старославянский язык», с которого в отечественных классических университетах начинают изучать историю русского и других славянских языков.

Старославянский язык как языковая система, которая реализована в текстах и о которой мы узнаем, изучая дошедшие до нас древние рукописи, — это и язык первых славянских переводов, и общеславянский литературный язык, и древнейшая письменная фиксация славянской речи. Освоение старославянского языка важно для студентов-русистов не только в лингвистическом, но — шире — в историко-филологическом отношении. Изучение старославянского языка формирует взгляд на язык как культурное достояние, дает начальные представления о языковых изменениях,

столь важных для понимания языка как системы, а также позволяет освоить целый ряд необходимых будущему филологу конкретных сведений о русском и других славянских языках.

Курс старославянского языка, как он сложился в отечественной университетской традиции, не предполагает лишь изложения сведений о старославянском языке как таковом. Этот курс прочно занял место *историко-лингвистического введения* в научное изучение славянских языков, а знакомство с ним позволяет ставить и решать важные вопросы причинно-следственных отношений в историческом развитии славянских языков. Таким образом, основы сравнительно-исторического метода также находят свое место в курсе старославянского языка. Соответственно этот курс не ограничивается рамками IX—XI вв., временем появления старославянского языка и создания древнейших дошедших до нас старославянских памятников. Он включает в себя элементы *сравнительно-исторической грамматики славянских языков*, т. е. сведения по истории праславянского языка. Представление о структуре праславянского языка и изменениях, пережитых этим языком (например, об особенностях строения праславянского слога, о возникновении носовых гласных, о палатализации заднеязычных, монофтонгизации дифтонгов, судьбе сочетаний согласных с йотом, типах основ существительных, способах глагольного действия и формировании категории вида, возникновении полных прилагательных и некоторых других), необходимо студентам-русистам для понимания многих явлений как в самом старославянском языке, так и при изучении истории русского языка.

Сохранившиеся рукописи позволяют достаточно надежно реконструировать исходную систему и нормы старославянского языка. Эволюция этих норм, которая проявляется в сохранившихся старославянских и церковнославянских памятниках X—XI вв. и даже более поздних рукописях, дает материал по истории общеславянского литературного-письменного языка на разных территориях распространения старославянской письменности.

§ 2. Славянские языки

Как видно уже из названия, старославянский язык относится к группе славянских языков, которые, в свою очередь, входят в индоевропейскую языковую семью. К современным славянским языкам относятся белорусский, болгарский, македонский, польский, русский, серболужицкие (верхнелужицкий и нижнелужицкий), сербохорватский, словацкий, словенский, украинский и чешский.

Славяне компактно проживают главным образом в Европе, в таких странах, как Австрия, Белоруссия, Болгария, Босния и Герцеговина, Германия, Македония, Польша, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Черногория, Чехия. Общее число говорящих на славянских языках, по данным на начало XXI в., составляет более 300 млн человек, а с учетом тех, кто пользуется русским языком как вторым, — более 400 млн.[1]

Славянскими языками пользуются следующие народы[2]:

русским языком — **русские** (самоназвание — русский, -ие);

укра́инским (українська мова) — **укра́инцы** (українець, -нці);

белорусским (беларуская мова) — **белорусы** (беларус, -ы);

польским (język polski) — **поляки** (polak, -cy);

чешским (český jazyk, čeština) — **чехи** (čech, -si);

словацким (slovenský jazyk) — **словаки** (slovák, -áci);

верхнелу́жицким (hornjoserbska rěč) и **нижнелу́жицким** (dolnoserbska rěč, dolnoserbski jězik) — **лу́жицкие сербы**, или **(сербо)лужичане** (serbja, serby);

болгарским (български език) — **болгары** (бъ́лгарин, бъ́лгари);

македонским (македонски јазик) — **македонцы** (македонец, -нци);

словенским (slovenski jezik) — **словенцы** (slovenec, -nci);

сербохорватским (српскохрватски језик, hrvatskosrpski jezik)[3] — **сербы** (србин/срб, -и), **черногорцы** (црногорац, -рци), **хорваты** (hrvat, -i) и **муслима́не**, или **боснийцы-мусульмане** (muslìman, -i; bosanac, -nci).

Перечисленные языки выполняют разнообразные функции и являются литературными языками, а большинство из них (за исключением лужицких[4]) являются государственными языками. Кроме того, существуют так называемые *микроязыки*, т. е. языки узкого распространения. Таков, например, **руси́нский** (*паннонско-русинский*, или *югославорусинский*) язык на территории Сербии и Хорватии (около 30 тыс. носителей, предки которых в XVIII в. переселились сюда из смешанных украинско-словацких сел). Язык **русинов** имеет литературно-письменную форму.

Славянские языки, кроме того, имеют диалекты, причем в ряде случаев трудно решить, что́ перед нами — самостоятельный язык

---

[1] По данным: *Brunner B.* (ed.) Time World Almanach 2002 with Information please. Des Mines: Learning Network, 2001. P. 474.

[2] При чтении примеров из славянских языков пользуйтесь Приложением 1.

[3] Имеются два варианта сербохорватского литературного языка: **сербский** (восточный) и **хорватский** (западный).

[4] Письменность на серболужицких языках возникла в XVI в. В течение XVII в. постепенно формируются литературные языки. Первые литературные произведения появляются в конце XVIII в.

или диалект. Данная проблема осложняется тем, что некоторые диалекты имеют литературно-письменную форму. К литературным микроязыкам относятся, в частности, **каш́убский**, который иногда рассматривают как диалект польского языка (кашубы — около 300 тыс. носителей — проживают на севере Польши; культурный центр — Гданьск), и возникшие на основе диалектов сербохорватского — **ча́кавский** (культурные центры — Сплит и Риека) и **ка́йкавский** (культурный центр — Загреб[1]).

Носители этих микроязыков пытаются сохранить свое культурно-этническое своеобразие[2].

Самый молодой славянский литературный язык — **македонский**: первая его официальная кодификация была проведена после Второй мировой войны. Долгое время македонский язык рассматривался как диалект болгарского языка, с которым у него наблюдается много общего (например, отсутствие склонения и наличие постпозитивного артикля).

Отвлекаясь от современности, следует упомянуть мертвый славянский язык — **пола́бский**, на котором говорили до XVIII в.[3] и который не получил литературной обработки. Когда говорят о полабском языке, то имеют в виду язык полабских славян, дошедший до нас в виде сделанных в конце XVII — начале XVIII в. записей слов и отдельных текстов.

Современные славянские литературные языки используют алфавиты, основанные на кириллице или на латинице[4]. Кириллица принята в тех славянских странах, где распространено православие: Белоруссии, Болгарии, Македонии, России, Сербии, Украине и Черногории. Соответственно белорусский, болгарский, македонский, русский, сербский вариант сербохорватского языка и украинский языки имеют алфавиты на основе кириллицы. В других, прежде всего католических, славянских странах — Польше, Чехии, Словакии, Хорватии, Словении — пользуются алфавитами на латинской основе с разными диакритическими знаками для передачи специфических звуков каждого языка. Таковы польский, чешский, словацкий, верхне- и нижнелужицкий, хорватский вариант сер-

---

[1] В основу сербохорватского литературного языка был положен што́кавский диалект.

[2] Подробнее о славянских микроязыках см.: *Дуличенко А. Д.* Малые славянские литературные языки (микроязыки) // Языки мира: славянские языки. М., 2005.

[3] Последний носитель полабской речи скончался в 1756 г.

[4] Кроме того, в католическом богослужении в Черногории и в нескольких прибрежных районах Хорватии до 1969 г. использовалась глаголица — первый (по общепринятому мнению) славянский алфавит, созданный Кириллом (см. § 9), а в Боснии в течение некоторого времени параллельно с кириллицей и латиницей использовался также арабский алфавит.

бохорватского[1] и словенский языки. Славяне-мусульмане, проживающие в Боснии и Герцоговине и говорящие на сербохорватском языке, также используют латиницу.

Различают три группы славянских языков: *восточнославянскую* (русский, украинский, белорусский); *западнославянскую* (польский с кашубским, чешский, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий, мертвый полабский); *южнославянскую* (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский). Эта классификация, конечно, носит не только географический характер, она указывает на степень близости славянских языков друг к другу и во многом отражает процесс распада праславянского языка на самостоятельные славянские языки.

По диалектной основе (см. § 8) **старославянский** язык обычно относят к последней группе, однако он занимает среди славянских языков особое место. К нему плохо применимо определение «мертвый» в том смысле, как, например, к латинскому или — из славянских — к полабскому, так как он никогда не был «живым», разговорным языком. С самого своего возникновения старославянский был языком письменно-литературным, причем он появился не в результате спонтанного, естественного преобразования одного из южнославянских диалектов, а в процессе целенаправленной языкотворческой деятельности конкретных исторических лиц (Кирилла и Мефодия), которые переводили на понятный славянам язык греческие богослужебные тексты. Греческий язык византийской эпохи явился непосредственной моделью при создании старославянского языка, который тем самым получил в готовом виде достижения эллинской культуры, а через посредство греческого также и богатства древних языков Востока. Органичность же слияния греческой и славянской языковых стихий является заслугой создателей старославянского языка и первого славянского алфавита. Этот язык стал первым славянским литературным языком, который, как уже говорилось, одно время был языком общим («своим») почти для всех славян.

Славянские языки характеризуются значительной близостью. Русские и болгары, сербы и поляки, украинцы и словенцы часто могут объясниться друг с другом без переводчика. В языках данной группы наблюдаются регулярные фонетические соответствия, общность инвентаря морфем и словообразовательных типов, а также некоторых лексико-семантических групп.

[1] Кроме графики, между сербским и хорватским вариантами сербохорватского языка имеются различия в произношении и лексические различия: ср. серб. *нѐдеља* — хорв. *sèdmica* ‘неделя’, *пѝзориште* — *kàzalište* ‘театр’ и т. п.

Факт значительного сходства между славянскими языками, сохраняющегося до настоящего времени, иллюстрирует таблица 1.

В ней приведено несколько слов со значениями ‘звезда’, ‘месяц’, ‘снег’, ‘белый’,‘песок’, ‘семя’ из так называемого 100-словного списка наиболее устойчивой (базовой) лексики, составленного М. Сводешем (см. § 4). Применительно к приведенным примерам можно говорить не только об этимологической, но и о семантической эквивалентности, так как данные слова имеют практически одинаковые значения в славянских языках.

Таблица 1

Сходство слов с одинаковым значением в славянских языках

	‘звезда’	‘месяц’	‘снег’	‘белый’	‘песок’	‘семя’
Рус.	звезда	месяц	снег	белый	песок	семя
Укр.	звізда́[1]	мíсяць	снiг	бíлий	пiсóк	сíм’я
Бел.	звязда́[2]	мéсяц	снег	бéлы	пясóк	сéмя
Чеш.	hvězda	měsíc	sníh	bílý	písek	sémě / símě[3]
Слвц.	hviezda	mesiac	sneh	biely	piesok	semeno[4]
Пол.	gwiazda	miesiąc	śnieg	biały	piasek	siemię
В.-луж.	hwězda	měsac	sněh	běły	pěsk	symjo
Н.-луж.	gvězda	mjasec	sněg	běły	pěsk	semje
Болг.	звезда́	мéсец	сняг	бял	пя́сък	сéме
Мак.	ѕвезда	месец	снег	бел	песок	семе
С.-х.	звéзда	мȅсēц	снȇг	бȅо, бȉо	пéсак	сȅме
Слвн.	zvézda	mệsec	snég	bél	pések	séme
Ст.-сл.	**звѣзда**	**мѣсѧць**	**снѣгъ**	**бѣлъ**	**пѣсъкъ**	**сѣмѧ**
Псл.	*gvězda	*měsęcь	*sněgъ	*bělъ	*pěsъkъ	*sěmę

Примечания:

[1] Диалектная форма; лит. *зíрка*, *зоря*.

[2] Диалектная форма; лит. *зорачка*.

[3] Книжные формы; обычно — *semeno*.

[4] Имеется поэтическая форма — *semä*.

Так бывает, разумеется, далеко не всегда. Даже если отвлечься от обычной многозначности подавляющего большинства лексем, эквивалентные с этимологической точки зрения слова часто не совпадают семантически: например, рус. *рано* и пол. *rano* ‘утро’; рус. *добрый* и с.-х. *добар* ‘хороший’, чеш. *dobrý* ‘хороший’; рус. *плохой*, укр. *плохи́й* ‘смирный, тихий, кроткий’, бел. *плóхi* ‘болезненный,

плохой’, чеш. *plochý* ‘плоский’, пол. *płochy* ‘пугливый; ветреный; суетный’; рус. *беспечность* и чеш. *bezpečnost* ‘безопасность’; рус. *запоминать* и чеш. *zapomínat* ‘забывать’. С другой стороны, даже очень употребительные слова не являются этимологически эквивалентными: ср. рус. *говорить*, укр. *мовити*, *казати*, с.-х. *казати*, *говорити*, пол. *mówić*, чеш. *mluviti*. При этом славяне, контактируя с другим славянским языком, воспринимают с некоторым семантическим сдвигом этимологически эквивалентные, но семантически разошедшиеся слова: например, чешское словосочетание *čas lasky* ‘пора любви’ русский воспримет как ‘час ласки’, а *národná bezpečnost* ‘национальная безопасность’ — как ‘беспечность, свойственная народу’.

В таблице 2 показано, как на разные славянские языки переводится, например, 3-й стих XIII главы Евангелия от Матфея[1].

Таблица 2

Перевод Евангелия на славянские языки

Язык	3-й стих XIII главы Евангелия от Матфея
Греч.	Ἰδοὺ, ἐξῆλθεν ὁ σπείρων τοῦ σπείρειν
Ст.-сл.	**се изиде сѣѩи да сѣѥтъ**
Рус.	Вот вышел сеятель сеять
Укр.	От вийшов сівач сіяти
Бел.	Вось вышаў сявец сеяць
Болг.	Ето, излезе сеяч да сее
Мак.	Еве излезе сејач да сее
С.-х. (серб.)	Гле, изиђе сијач да сије
С.-х. (хорв.)	Gle, izidje sijač da sije
Слвн.	Glej, izšel je sejalec sejat
Слвц.	[Raz] vyšiel rozsievac, aby rozsieval
Чеш.	Aj, vyšel rozsevač, aby rozsival
Пол.	Oto wyszedł rozsiewca, aby rozsiewał
В.-луж.	Hlaj, syjeŕ wuńdźe k rozsywanju
Н.-луж.	Lej, jaden sejc žešo ven set

[1] С некоторыми дополнениями использован пример из кн.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2: Тексты. Словарь. Очерк морфологии. М., 1952 (вкладка, б/с).

§ 3. Понятие праславянского языка

Итак, сходство славянских языков очевидно. В начале XIX в. лингвисты пришли к выводу, что материальное сходство языков при наличии некоторых условий объясняется их родством, т. е. тем, что они происходят из одного источника, теперь не существующего, — праязыка. Славянские языки представляют именно такой случай. По мере углубления в древность сходство между славянскими языками увеличивается, в идеале стремясь к тождеству. Существование праязыка предполагало компактную территорию проживания, общее этническое и лингвистическое сознание у представителей данного этноса — славян.

Праславянский язык (англ. Proto-Slavic, нем. Urslavisch) — один из языков индоевропейской семьи родственных языков и является продолжением праиндоевропейского, или общеиндоевропейского, праязыка. Ближайшие к славянским и наиболее важные для реконструкции праславянских форм — балтийские языки («живые» литовский, латышский и «мертвый» прусский).

Однако вопрос о том, каким образом возникла близость балтийских и славянских языков, является дискуссионным. Издавна существуют различные варианты гипотезы, согласно которой славянские и балтийские языки восходят к так называемому *балтославянскому праязыку*, выделившемуся из праиндоевропейского и позднее распавшемуся на праславянский и прабалтийский. Альтернативная точка зрения предполагает, что сходство этих языков объясняется длительными контактами в процессе их параллельного развития уже после того, как они выделились из праиндоевропейского языка. В этом случае речь идет уже не о *балто-славянском языке*, а о *балто-славянском языковом союзе*[1].

Возникновение, развитие и распад праславянского языка имели длительную историю. Можно предполагать, что обособление праславянского от других индоевропейских диалектов началось

---

[1] Под *языковым союзом* понимают особый, отличный от генетической, тип общности географически соседних языков, у которых в течение длительных контактов возникает ряд сходных структурных черт. Ярким примером языкового союза, включающего в себя славянские языки, может служить балканский языковой союз, в который входят такие индоевропейские языки, принадлежащие к разным группам, как *болгарский* и *македонский* (славянская группа), *румынский* (романская группа), *албанский*, *новогреческий*. К числу *балканизмов* относят, например, такие морфологические особенности, как развитие постпозитивного артикля, утрата инфинитива, развитие формы аналитического будущего времени с вспомогательным глаголом ‘хотеть’ и др. Подробнее о балто-славянских языковых отношениях см.: *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. С. 27—37; *Откупщиков Ю. В.* 1) К гипотезе о балто-славянском «языковом союзе»; 2) Литовский язык и праславянские реконструкции // Откупщиков Ю. В. Opera filologica minora (Античная литература. Языкознание). СПб., 2001. С. 329—346.

в III—II тыс. до н. э. Начало формирования отдельных славянских языков относят обычно к VI—VII вв., а иногда и к значительно более поздней эпохе — X—XII вв.

Более ранняя датировка (VI—VII вв.) распада праславянского языкового единства основана на том, что именно к этому времени относятся **первые** известные нам диалектные различия внутри праславянского языка, прежде всего фонетические (например, различия в результатах второй палатализации заднеязычных согласных, см. § 26), которые проявляются в современных славянских языках. Затем количество таких различий увеличивается, и к середине IX в. они уже выстраиваются в определенную систему. Такая датировка окончания развития праславянского как единого целого пересекается с эпохой так называемого Великого переселения народов (V—VI вв.). Более поздняя датировка (X—XII вв.), восходящая к гипотезе Н. С. Трубецкого, базируется главным образом на том, что падение редуцированных гласных (см. § 20), будучи **последним** общеславянским изменением, завершается в XII в. Однако падение редуцированных, хотя и имело общие предпосылки, происходило у славян в разное время и в значительной степени с разными результатами, поэтому нет никаких оснований относить распад праславянского языка к столь поздней эпохе. Соответственно падение редуцированных гласных в славянских языках можно рассматривать как результат параллельного независимого развития.

Многие исследователи полагают, что в середине IX в., т. е. ко времени создания старославянской письменности, несмотря на огромную территорию, занимаемую славянскими племенами, языковые (диалектные) различия между отдельными группами славян были столь незначительны, что современники (сами славяне и их соседи) воспринимали эти различия как различия внутри одного языка. Совершенно оправданно вместе с тем изучение этих различий как фактов истории отдельных славянских языков в исторических грамматиках соответствующих языков.

Для обозначения общего праязыка славян (языка-источника, языка-основы) в научной литературе используется несколько терминов. Наиболее употребительным в настоящее время является термин *праславянский язык*, который подчеркивает реконструированный характер языковой системы, а ее также полное единство, исключающее членение на диалекты. С ним конкурирует термин *общеславянский язык* (англ. *Common Slavic / Slavonic*, нем. *Gemeinslavisch*). В некоторых работах эти термины различаются, в частности, *праславянским* называется более ранний период истории славянского праязыка, а *общеславянским* — более поздний, когда однородное его развитие было уже нарушено разделением на

отдельные группы диалектов, продолжающих, однако, тенденции языкового развития, заложенные еще в праславянский период.

Мы не располагаем текстами, написанными носителями праславянского языка, поскольку он существовал в то время, когда у славян еще не было письменности. Он реконструируется учеными с применением сравнительно-исторического метода и представляет собой систему *архетипов* — гипотетически выведенных языковых форм, к которым должны возводиться все зафиксированные формы современных славянских языков. Реконструированные праславянские формы записываются латинскими буквами под звездочкой (астериском) — *.

Например, из форм славянских языков со значением ‘береза’ (рус. *берёза*, укр. *бере́за*, бел. *бяроза*, болг. *бреза́*, мак. *бреза*, с.-х. *брѐза*, слвн. *bréza*, чеш. *bříza*, слвц. *breza*, пол. *brzoza*, в.-луж. *brěza*, н.-луж. *bŕaza*, полаб. *breză*) выводится праславянская форма **berza*, которая, в свою очередь, на основании форм индоевропейских языков (ср. лит. *béržas*, др.-инд. *bhūrjá-*, осет. *bærz/bærzæ*, др.-англ. *beorc*, др.-в.-н. *birihha*; также, вероятно, лат. *frāxinus*) восходит к и.-е. **bherəg'ā* ‘светлое дерево’. В старославянских памятниках само слово не зафиксировано, хотя легко может быть реконструировано, поскольку тот же корень обнаруживается в названии месяца — **брѣзьнъ** ‘апрель’. И.-е. корню **bher-* ‘светлый, блестящий, белый’, представленному в слове **брѣза**, родственны псл. **bělъ* и ст.-сл. **бѣлъ** ‘белый’[1]. Подробнее о принципах реконструкции праязыковых форм см. в § 15.

Поскольку понятие праславянский язык представляет языковую систему, охватывающую речь славянских племен от времени их сложения до времени разделения, его эволюция достаточно продолжительна. Сравнение славянских языков дает сведения о праславянском языке накануне его распада на отдельные славянские языки. Сравнение с другими индоевропейскими языками и внутренняя реконструкция позволяют восстанавливать состояние праславянского языка более ранних периодов и в конечном счете его историю. Реконструкция праславянского языка и его история составляют предмет **сравнительной грамматики славянских языков**.

Сходство славянских языков, как уже было сказано, объясняется их происхождением из общего языка-источника — праславянского языка. История древних славян свидетельствует о том, что предпосылкой распада праславянского единства и — как следствие — праславянского языка стало расселение этноса на значительных территориях, контакты с другими народами, вхождение в различные государственные образования, что часто приводит к

[1] Удлинение гласного и.-е. *е > псл. *ē > *ě в корне, видимо, имело место уже на славянской почве.

распадению единого языка и появлению отдельных самостоятельных языков. Такие же процессы привели ранее к расщеплению индоевропейской языковой общности и, следовательно, распаду единого индоевропейского праязыка. Возникновение первых славянских государств (см. § 6) способствовало долгому и непростому процессу формирования отдельных славянских этносов.

Многие исследователи полагают (на основании развития псл. *tl, *dl; см. § 22) , что на рубеже V—VI вв. произошло первоначальное разделение праславян на две ветви: восточную и западную. Окончательное распадение славянского единства и позднейшее перераспределение славян на западную, восточную и южную подгруппы завершаются в X в., после переселения на рубеже IX—X вв. носителей венгерского языка на территорию современной Венгрии[1]. Каждая из групп отличается от других культурно-историческими и лингвистическими признаками, на что справедливо указывал Н. С. Трубецкой: «По окончании эпохи общеславянского единства славяне разделяются на более мелкие группы — западную, южную и восточную, каждая из которых воплощает как бы особую „ориентацию“. Культурная физиономия славянства, таким образом, была предрешена с самого начала, еще тогда, когда предки славян являлись лишь частью общей массы индоевропейцев и говорили еще на диалекте общеиндоевропейского праязыка. Уже тогда срединное положение этих племен вызвало в них тенденции к связи то с востоком, то с западом, то с югом. Позднее эти тенденции дифференцировались в связи с дифференциацией самого славянства, и в результате каждая из ветвей славянства сохранила за собой одну из этих тенденций»[2].

Современные славянские языки выделились из праславянского в процессе его довольно сложного диалектного дробления. Так, восточнославянские языки — русский, украинский и белорусский — не выделились непосредственно из праславянского языка, а восходят к некоему промежуточному восточнославянскому языковому единству, которое традиционно называют *древнерусским языком*. Этим термином в славистике принято обозначать язык восточных славян, проживавших на территории Древней (Киевской) Руси, откуда и термин *древнерусский* (< *Древняя Русь*). Таким образом, древнерусский язык — общий предок (праязык) русского,

[1] Обзор современных точек зрения на диалектное членение позднего праславянского и на процессы формирования групп славянских языков см.: *Иванов Вяч. Вс.* Диалектные членения славянской языковой общности и единство древнего славянского языкового мира (в связи с проблемой этнического самосознания) // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 212—236.

[2] *Трубецкой Н.С.* Верхи и низы русской культуры: этническая основа русской культуры // Исход к Востоку. София, 1921. С. 96.

украинского и белорусского языков. Он начал формироваться с VI—VII вв. на основе консолидации восточнославянских говоров распадающегося праславянского языка и просуществовал приблизительно до XIV—XV вв., когда началось образование самостоятельных восточнославянских народов и языков. Письменность на древнерусском языке появляется в X—XI вв., и на нее прямое влияние оказали старославянские тексты, пришедшие на Русь после принятия ею христианства.

Огромную роль в развитии всех славянских языков сыграл их первый литературно-письменный язык — старославянский. На протяжении двух веков старославянский был литературным языком всех славян, а позже его преемник — церковнославянский язык — оставался в некоторых южнославянских и восточнославянских регионах литературным языком вплоть до XVII—XVIII вв.

§ 4. Лексикостатистическое датирование

В середине XX в. начал разрабатываться метод лексикостатистического датирования отношений между родственными языками. Этот метод получил название *глоттохронологии* и позволяет производить относительную и абсолютную датировку времени расхождения родственных языков, т. е. определять хронологию языковой дивергенции (расхождения). Он может использоваться, во-первых, для установления и подтверждения предположительного родства языков и выявления степени этого родства, во-вторых, для определения порядка отделения различных родственных языков от единого ствола, в-третьих, для определения конкретного времени расхождения языков.

Начало глоттохронологии положили работы американского лингвиста Морриса Сводеша[1]. Позднее в его методику были внесены серьезные изменения, сделавшие, по мнению многих лингвистов, глоттохронологию более точным и надежным инструментом.

Теория глоттохронологии базируется на гипотезе постоянной скорости изменений базисной лексики языков, а также на эмпирическом наблюдении, что чем ближе родство языков, тем больше между ними совпадений в базисной лексике. Ключевым понятием теории является, таким образом, понятие базисной лексики, или основного словарного состава. «*Базисная лексика* определяется как противопоставленная „культурной“, часто заимствуемой из языка в язык. К базисной лексике обычно относят слова, по возможности

[1] *Сводеш М.* 1) К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 53—87.; 2) Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Там же. С. 23—52.

Таблица 3

Процент совпадений в базовой лексике балтийских и славянских языков (на основе метода глоттохронологии)

Языки	Латыш.	Прус.	Рус.	Укр.	Бел.	Пол.	Чеш.	Слвц.	Н.-л.	В.-л.	Слвн.	С.-х.	Мак.	Болг.
Лит.	68	49	47	47	47	43	44	46	46	45	44	44	45	46
Латыш.	—	44	45	40	44	40	41	42	43	45	40	41	41	42
Прус.		—	41	41	40	39	42	42	42	42	40	41	39	49
Рус.			—	86	86	77	74	74	73	74	74	71	70	74
Укр.				—	92	76	73	76	74	74	71	73	71	72
Бел.					—	80	77	80	78	78	76	77	74	77
Пол.						—	81	85	83	80	79	75	71	74
Чеш.							—	92	87	87	84	79	75	74
Слвц.								—	87	86	80	80	76	75
Н.-луж.									—	94	78	74	73	71
В.-луж.										—	78	77	76	73
Слвн.											—	85	75	76
С.-х.												—	84	80
Мак.													—	86

не зависящие от конкретной культуры и исторической эпохи и присутствующие в любом языке: основные термины родства, названия самых элементарных и универсальных явлений природы и природных объектов (‘солнце’, ‘луна’, ‘ночь’, ‘вода’, ‘камень’, ‘земля’ ...), названия частей тела, числительные (по крайней мере, самые первые), простые действия и признаки (‘знать’, ‘видеть’, ‘умирать’, ‘сидеть’, ‘стоять’, ‘белый’, ‘черный’, ‘далеко’ ...)»[1]. На практике глоттохронология пользуется 100-словным списком базисной лексики, который был составлен М. Сводешем:

1. белый (white) 2. большой (big) 3. видеть (see) 4. вода (water) 5. волосы (hair) 6. вошь (louse) 7. все (all) 8. глаз (eye) 9. голова (head) 10. гора (mountain) 11. грудь (breast) 12. давать (give) 13. два (two) 14. дерево (tree) 15. длинный (long) 16. дождь (rain) 17. дорога (road) 18. дым (smoke) 19. есть (eat) 20. желтый (yellow) 21. женщина (woman) 22. жечь (burn) 23. живот (belly) 24. жир (fat) 25. звезда (star) 26. зеленый (green) 27. земля (earth) 28. знать (know) 29. зола (ash) 30. зуб (tooth) 31. идти (walk) 32. имя (name) 33. камень (stone) 34. коготь (claw) 35. кожа (skin) 36. колено (knee) 37. кора (bark) 38. корень (root) 39. кость (bone) 40. красный (red) 41. кровь (blood) 42. круглый (round) 43. кто (who) 44. кусать (bite) 45. лежать (lie) 46. лететь (fly) 47. лист (leaf) 48. луна (moon) 49. маленький (small) 50. много (many) 51. мужчина (man) 52. мы (we) 53. мясо (meat) 54. не (not) 55. новый (new) 56. нога (foot) 57. нос (nose) 58. ночь (night) 59. облако (cloud) 60. огонь (fire) 61. один (one) 62. перо (feather) 63. песок (sand) 64. печень (liver) 65. пить (drink) 66. плавать (swim) 67. полный (full) 68. приходить (come) 69. птица (bird) 70. рог (horn) 71. рот (mouth) 72. рука (hand) 73. рыба (fish) 74. семя (seed) 75. сердце (heart) 76. сидеть (sit) 77. сказать (say) 78. слышать (hear) 79. собака (dog) 80. солнце (sun) 81. спать (sleep) 82. стоять (stand) 83. сухой (dry) 84. теплый (warm) 85. тот (that) 86. ты (thou) 87. убивать (kill) 88. умирать (die) 89. ухо (ear) 90. хвост (tail) 91. холодный (cold) 92. хороший (good) 93. человек (person) 94. черный (black) 95. что (what) 96. шея (neck) 97. этот (this) 98. я (I) 99. язык (tongue) 100. яйцо (egg).

Предполагается, что за тысячелетие меняется 14% лексики из этого списка. Индоевропейские языки, принадлежащие к разным группам, имеют около 30% совпадений в списке базисной лексики. Это означает, что индоевропейский праязык распался приблизительно 5 тыс. лет назад. У балтийских и славянских языков — 45—50% совпадений (см. табл. 3), т. е., согласно глоттохронологии, прабалтийский и праславянский выделились из предполагаемого балто-славянского более 3 тыс. лет назад. Праславянский язык в соответствии с положениями глоттохронологии начал распадаться около 1500 лет назад, так как славянские языки, относящиеся

[1] *Бурлак С. А.*, *Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005. С. 11. В этой же работе на с. 129—153 подробно обсуждаются проблемы применения метода глоттохронологии.

к разным подгруппам, имеют между собой 75—85% совпадений; восточнославянские языки с 86—92% совпадений разошлись примерно 800 лет назад. Конечно, эти датировки приблизительны и в большей степени указывают на относительную, а не абсолютную хронологию расхождения родственных языков.

Выводы, полученные в результате применения метода лексикостатистического датирования на материале балтийских и славянских языков (см. табл. 3, с. 21)[1], в целом соответствуют общепринятым в балтистике и славистике классификации и схеме отделения этих языков от единого ствола[2].

§ 5. Древнейшие сведения о славянах

Первые упоминания о славянах относятся к эпохе Великого переселения народов, т. е. к V—VI вв., когда славяне появляются на границах Византийской империи, в частности на Дунае.

Впервые славяне упоминаются в сочинениях римских и греческих авторов в I—II вв. У Плиния Старшего в «Естественной истории» (ок. 77 г.) они называются *venedi*(*s*), у Корнелия Тацита в «Германии» (98 г.) — *veneti*, у Клавдия Птолемея в «Географии» (ок. 178 г.) — οὐενεδαί (*venedai*). Информация о славянах шла к этим авторам через германское посредство, с чем связано и имя *venedi*. Немцы до сих пор называют лужицких славян *Wenden*. Названия русских у финнов (фин. *venäje*) и эстонцев (эст. *vene*) также появились через германское посредство. Таким образом, можно с уверенностью предполагать, что этнонимом *venedi* в указанных сочинениях I—II вв. обозначались славяне, но это не самоназвание.

Традиционно считается, что под своим собственным именем славяне упоминаются с VI в. В греко-латинских источниках VI в. имя **словѣне** (в такой форме этот этноним встречается в старославянской письменности; ед. ч. **словѣнинъ**) обычно передается следующим образом: греч. Σκλαβηνοί, Σκλαβίνοί, Σκλᾶβοι, Σθλαβίνοι, лат. *Sclaveni*, *Sclavini*, *Sclavi*, *Stlavi*. Вставка согласного между [s] и [l] объясняется особенностями греческой и латинской фонетики: этим языкам было чуждо произношение сочетания [sl]. Древнейшим признается свидетельство Прокопия Кесарийского (527 г.).

[1] *Girdenis A.*, *Mažiulis V.* Baltų kalbų divergencinė chronologija // Baltistica. 1994. T. XXVII (2). P. 9. См. также: *Novotná P.*, *Blažek V.* Glottochronology and its application to the Balto-Slavic languages // Baltistica. 2007. T. XLII (2). P. 185—210; T. XLI (3). P. 323—346.

[2] О недостатках глоттохронологического метода М. Сводеша и о возможности другого лексикостатистического подхода к оценке генетической близости славянских языков см. в кн.: *Журавлев А. Ф.* Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.

Однако уже в «Географии» Птолемея (II в.) имеется упоминание о *Σταβανοί* и *Σουοβηνοί*, в которых некоторые слависты видят попытку передать самоназвание славян.

Происхождение самоназвания праславянского этноса **slověne* является предметом дискуссий. В настоящее время наиболее распространенной является этимология, связывающая слова **словѣне** ‘славяне’ и *слово* ‘слово, речь, дар речи’, **слоути/словѫ** ‘слыть/слыву’. Славянское самоназвание **slověne*, образованное от **sluti/slovǫ* ‘слыть/слыву, быть известным, своим’, первоначально, видимо, означало ‘ясно говорящие’, что отражает древнюю этническую самоидентификацию в соответствии с культурной оппозицией «мы/свои» — «они/чужие» (ср. **нěмьсь* ‘немой; говорящий неясно, косноязычно; чужой, иностранец; немец’; ср. также *чудь*, т. е. ‘чужие’, — славянское название финно-угорского народа, платившего дань Руси).

Византийский историк Иордан, гот по происхождению, утверждал, что в его время (551 г.) славянского единства уже не существовало. Он говорит о трех группах славян — *венедах*, *словенах* и *антах*, подчеркивая их родство: «происходя из одного корня, они имеют теперь три имени». Что касается третьего имени *анты* (греч. Ἄντες, Ἄνται, *Antes*, *Anti*), не являющегося самоназванием и не поддающегося этимологизации на славянской почве (не исключено, что первоначально это было название какого-нибудь неславянского народа[1]), то скорее всего это обозначение политического объединения — славянского или славяно-аварского племенного союза, существовавшего непродолжительное время. С VII в. этот этноним больше не упоминается в источниках. Таким образом, нет достаточных оснований проецировать упоминаемые Иорданом этнонимы *венеды*, *словене* и *анты* на три группы славян — западных, южных и восточных, как это нередко делается.

§ 6. Основные предпосылки возникновения письменности у славян

Начало распада праславянского этноязыкового единства традиционно относят примерно к VI—VII вв., но говорить о существовании отдельных славянских языков и самостоятельных этносов (народностей) для этого времени не представляется возможным. Такие понятия, как «южнославянский», «западнославянский», «восточнославянский», являются в значительной степени географическими, а не этноязыковыми. Формированию новых славянских

[1] Возможно, это слово иранского происхождения и означало ‘живущие на окраине’; если принять тюркскую этимологию, то ‘союзники’.

этносов и языков способствовало возникновение первых государств на обширной территории, занятой славянскими племенами. Они, вероятно, вырастали из военно-политических объединений славян, получивших в византийских источниках конца VI — начала VII в. название *славиний*, или *славий*.

Первым государственным объединением славян, оставившим след в их исторической памяти и источниках, было *Само*, которое сложилось в 20—30-е гг. VII в. и получило название по имени князя, основавшего его. Оно объединяло часть западных и южных славян на территории нынешних Чехии, Словакии, Словении и Хорватии, однако быстро распалось после смерти своего основателя в 658 г. В 680 г. возникает Болгарское царство (так называемое Первое болгарское царство, просуществовавшее до 1018 г.). В IX в. на юге Моравии (на территории современной Чехии) появляется Великоморавское княжество, к которому в 833 г. было присоединено Нитранское княжество. В то же время в районе озера Балатон (территория современной Венгрии, но венгры обосновались там значительно позднее) возникает Паннонское (Блатенское) княжество, в 874 г. вошедшее в состав Великой Моравии. В 895 г. из Великоморавского княжества выделилась Чехия. У восточных славян к концу IX в. складывается единое государство Русь (так называемая Киевская Русь), распавшееся к середине XII в. Усложнение общественной жизни славянских племен, вызванное появлением первых славянских государственных объединений, создавало благоприятные условия для возникновения письменности.

В VIII—IX вв. славяне начинают принимать христианство в качестве государственной религии: Паннония в конце VIII — начале IX в., Великая Моравия — в 831 г., Болгария — в 865 г. В условиях интенсивного перехода от язычества к христианству славянские князья предпринимают попытки войти в контакт с церковной иерархией с целью получения текстов, трактующих нормы церковной и светской жизни в соответствии с христианской верой. Естественно, для них было желательно, чтобы эти тексты излагались на понятном славянам языке. Но собственной развитой письменности у славян в начале IX в. еще не было.

Видимо, зачатки письма существовали у славян и раньше, однако попытки создания более развитой письменности активизируются с принятием христианства и развитием государственности. Вначале славяне пытались записывать свою речь при помощи букв греческого и латинского алфавитов. Греческий алфавит, очевидно, использовался для записи славянской речи на территориях, граничивших с Византией, однако до нас не дошло прямых свидетельств этого. На то, что подобное было возможно, указывают обнаруженные в Болгарии надписи на протоболгарском (тюркском) языке, сделанные

греческими буквами. Что касается использования латинского алфавита для записи славянских текстов на территориях, граничивших с империей Каролингов, то это подтверждается документально.

Самым ранним дошедшим до нас памятником, в котором славянская речь записана латинскими буквами, являются Фрейзинге́нские отрывки — рукопись 2-й половины X—XI в., содержащая три религиозных текста, переведенных (возможно, с др.-в.-нем.?), видимо, в Моравии в 1-й половине IX в. Славянский текст занимает 5 листов и записан каролингским минускулом[1]. Поскольку латинский алфавит не был приспособлен к славянской фонетической системе, во Фрейзингенских отрывках ряд славянских фонологических различий не отражен (ср. передачу шипящих и свистящих: *tu*(*o*)*ima oſıma* = [tvoima očima] = ст.-сл. **твоима очима** ‘твоими (двумя) глазами’, *ıgdaſe* = [jegdaže] = ст.-сл. **ѥгдаже** ‘когда’, *prıdeſ*= [prideš] ‘придёшь’ = ст.-сл. **придеши**, *ſtrasti I petzali* = [strasti i pečali] ‘страсти и печали’ = ст.-сл. **страсти и печали**, *siuuim* = [živym] ‘живым (Д. мн.)’ = ст.-сл. **живъıимъ** и под.), поэтому для передачи этого текста принято использовать условную транскрипцию. Приведем в такой транскрипции небольшой отрывок из этого памятника: «Daj mi, bože gospodi, tvoju milost, da bim nesramen i nestiden na sudinem dine pred tv(oj)ima očima stojal igdaže prideš sudit živim i mrtvim, komuždo po svem dele» ‘Дай мне, Господи, твою милость, чтобы я без стыда и срама в судный день пред Твоими очами стоял, когда Ты придешь судить живых и мертвых, каждого по делам его’ = ст.-сл. (в нормализованной орфографии) *[**Даи ми • Боже Господи • Твоѭ милость • да бимь несрамьнъ и нестъıдьнъ на сѫдьнѣѥмь дьне прѣдъ Твоима очима стоꙗлъ • ѥгдаже придеши сѫдитъ живъıимъ и мрътвъıимъ • комоужьдо по своѥмь дѣлѣ**].

Важно, что инициатива использования греческого и латинского алфавитов для записи своей речи принадлежала самим славянам. Об этом сообщает такой авторитетный источник, как трактат «О письменах» («**О писменьхъ**») древнеболгарского писателя *черноризца Храбра*. Это сочинение («сказание»), написанное на старославянском языке, появилось, вероятно, между 886 и 893 гг. и является, по сути, первым очерком истории славянской письменности. Храбр написал его с целью разъяснения достоинств славянского алфавита, созданного Кириллом, в частности его преимуществ перед греческим как средства передачи славянской речи[2]. Процитируем самое начало трактата (текст реконструирован по поздним спискам и приводится в нормализованной орфографии):

---

[1] Находятся в составе латинской рукописи, которая хранится в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене.

[2] Это сочинение опубликовано и исследовано в кн.: *Куев К. М.* Черноризец Храбр. София, 1967.

прѣжде оубо словѣне не имѣахѫ кънигъ • нъ чрьтами и рѣзами чьтѣахѫ и гатаахѫ погани сѫште

‘Прежде ведь славяне не имели письма, но с помощью черт и резов читали и гадали, когда язычниками были’.

крьстивъше же сѧ • римьскъıими и грьчьскъıими писменъı нѫждаахѫ сѧ пьсати словѣньскѫ рѣчь без оустроенига

‘Крестившись же, латинскими и греческими буквами пытались записывать славянскую речь, без порядка’.

нъ како можеть сѧ пьсати добрѣ грьчьскъıими писменъı • богъ • или животъ • или ѕѣло • или црькъı • или чаганиѥ • или широта • или гадь • или ждоу • или юность • или ꙗзыкъ и ина подобьнага симъ • и тако бѣшѧ мънога лѣта •

‘Но как можно написать хорошо греческими буквами [слова] «**Богъ**», или «**животъ** [‘жизнь’]», или «**ѕѣло** [‘очень’]», или «**црькъı** [‘церковь’]», или «**чаганиѥ** [‘надежда’]», или «**широта** [‘ширина’]», или «**гадь** [‘еда’]», или «**ждоу** [‘где’]», или «**юность** [‘молодость’]», или «**ꙗзыкъ** [‘народ’]» и иные [слова] подобные этим? И так было многие годы’.

Итак, использование славянами греческих и латинских букв при записи славянской речи не привело в конечном счете к возникновению полноценной славянской письменности и, что особенно важно, письменной традиции. Появление в 60-е гг. IX в. более совершенной системы славянского письма, вполне оригинальной и приспособленной для передачи именно славянской речи, и создание на основе этого письма первого славянского литературного языка связано уже с именами Кирилла и Мефодия. Черноризец Храбр пишет об этом так:

По томь же чьловѣколюбьць богъ • строꙗи вьсга • и не оставлꙗꙗи чьловѣча рода без разоума • нъ вьсꙗ къ разоумоу приводѧ и съпасению • помиловавъ родъ словѣньскъ • посъла имъ свѧтаѥго конъстанътина философа • нарицаѥмаѥго курила • мѫжа правьдьна и истиньна • и сътвори имъ три десѧте писмена и осмь • ова оубо по чиноу грьчьскъıихъ писменъ • ова же по словѣньстѣи рѣчи

‘После этого же человеколюбец Бог, направляющий всё и не оставляющий человеческого рода без знания, но всех к познанию приводящий и спасению, проявив милость к роду славянскому, послал им святого Константина Философа, названного [в пострижении] Кириллом, мужа праведного и справедливого. И тот создал им тридцать букв и восемь, одни по образцу греческих букв, другие же в соответствии со славянской речью’.

§ 7. Создание старославянского языка

Помимо сочинения черноризца Храбра основным источником наших сведений о создании первого славянского алфавита и письменности, а значит, и старославянского языка, являются жития Кирилла (Константина Философа) и Мефодия. Жития написаны на старославянском языке и дошли до нас в поздних списках (Житие Кирилла — в списках начала XV в., Житие Мефодия — XII в.); имеются также греческие (Житие Климента — ученика Кирилла и Мефодия) и латинские (грамоты римских пап Иоанна VIII и Стефана V, свидетельство папского библиотекаря Анастасия) источники.

Константин (родился в кон. 826 — нач. 827 г., умер в 869 г. по сентябрьскому летосчислению, принятому в Византии), прозванный за ученость Философом, а в монашестве принявший имя Кирилл, и его родной старший брат Мефодий (родился ок. 815 г., умер в 885 г.), чье мирское имя неизвестно, были родом из города Фессалоники (современный греческий город Сало́ники). Этот портовый город, который имел древнее славянское название Солоунь (поэтому Кирилла и Мефодия называют «солунскими братьями»), был одним из крупнейших городов Византийской империи и располагался в районе со смешанным славянским и греческим населением. Вероятно, братья были греками, но не исключено и их славянское происхождение. Во всяком случае, они в одинаковой степени владели как греческим, так и славянским языками.

В создании славянской письменности приоритет, согласно житиям, принадлежал младшему из братьев — Константину, которого также называют Константином-Кириллом (Солунским). Он учился в Константинополе в эпоху культурного подъема Византии, характеризовавшегося, в частности, повышенным интересом к филологическому изучению античных текстов. Учителями Константина были выдающиеся деятели византийской культуры Лев Математик и Фотий, ставший впоследствии патриархом. Позднее Константин служил хартофилаксом (хранителем патриаршей библиотеки) и преподавал философию, а также был членом, а может быть, и главой византийских дипломатических миссий в Хазарский каганат и Арабский халифат. Во время этих поездок он изучал языки, что отнюдь не было распространенным занятием в среде образованных подданных Византии. Кроме славянского и греческого Константин владел латинским, еврейским, хазарским, готским языками. Таким образом, деятельность в период, предшествовавший работе по созданию славянской письменности, основательно подготовила Константина к главному делу его жизни.

Согласно источникам, в 862 или 863 г. в Константинополь к императору Михаилу III прибыло посольство из Великой Моравии

от князя Ростислава (Растицы) с просьбой прислать мораванам «епископа и учителя», который мог бы изложить им на славянском языке основы христианского вероучения. Возможно, этому предшествовало аналогичное обращение к папе, на которое, однако, не было получено положительного ответа. Следует иметь в виду, что Великая Моравия в церковном отношении подчинялась баварскому епископу, формально находившемуся под юрисдикцией папского престола. Византийское же правительство отнеслось к просьбе Ростислава благосклонно, и не позднее 864-го, но скорее всего в 863 г., в Моравию была послана миссия во главе с Константином, который создал алфавит и начал вместе с Мефодием переводить необходимые книги с греческого на славянский язык. Таковы в общих чертах сведения, сообщаемые историческими источниками.

Однако письмо, созданное Константином, по общему мнению славистов, столь совершенно, что может рассматриваться только как результат длительной и кропотливой работы. Эта работа могла быть начата Константином заблаговременно, задолго до приглашения в Великую Моравию. Нельзя исключать того, что работы по созданию славянской письменности могли быть инициированы византийским правительством, которое в первой половине IX в. активно поддерживало миссионерскую деятельность византийского духовенства на пограничных с Византией славянских землях. Дело в том, что на окраинах империи и в приграничных с Болгарским царством районах славяне оставались единственным на территории Византии языческим народом, хотя большая часть византийских славян была уже христианизирована. Болгарское царство официально приняло христианство позднее, во второй половине IX в. Официальное крещение Болгарии римскими священниками — неожиданное для Константинополя — датируется 865 г., однако в 870 г. после неудачных попыток болгар получить разрешение от папы на организацию епископской кафедры произошла переориентация на Византию. То, что большинство славян в Византийской империи было христианизировано ко времени появления славянской письменности, означает, что возникновение письменности и переводческая деятельность первоучителей проходила в условиях уже сложившейся христианской речевой традиции у византийских славян. Это, несомненно, благоприятствовало деятельности Константина и Мефодия.

Таким образом, начатая, видимо, еще в Византии работа по созданию письменности для славян, живших в Византии и в прилегавших к ней областях, была продолжена в Великой Моравии, где Константин и Мефодий проработали около трех лет. Кроме того, по приглашению князя Коцела они несколько месяцев плодотворно работали в Паннонии. Паннонские славяне ко времени деятельности Константина и Мефодия в их землях уже длительное время

жили в условиях развитой речевой христианской традиции на славянском языке. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные заимствования христианской терминологии в венгерском языке, которые происходили устным путем из языка паннонских славян в процессе их ассимиляции пришлым венгерским населением в X—XII вв. (завоевание венграми этих территорий относится к 895—900 гг.): ср. венг. *pap* ‘священник’ < слав. **popъ* (из др.-в.-н. *pfaffo*), венг. *szent* ‘святой’ < слав. **svętъ* (ст.-сл. **свѧтъ**), венг. *oltár* ‘алтарь’ < слав. **oltarь* (ст.-сл. **олътарь**), венг. *pogány* ‘язычник’ < слав. **poganъ* (ст.-сл. **поганъ**), венг. *pokol* ‘ад’ < слав. **pьkъlъ* (ст.-сл. **пьцьлъ** ‘смола’) и многие другие[1]. Поскольку паннонские славяне были полностью ассимилированы венграми, славянские древние заимствования в венгерском оказываются единственным источником наших сведений о диалекте паннонских славян.

Деятельность Константина и Мефодия в Великой Моравии и Паннонии проходила в непростых условиях постоянной борьбы с немецким духовенством. В церковном отношении Великая Моравия подчинялась баварскому, а Паннония — зальцбургскому архиепископу. И тот и другой, с одной стороны, были в значительной степени независимы от папского престола, который в принципе одобрял деятельность Константина, а с другой — естественным образом действовали в интересах Восточнофранкского королевства. Камнем преткновения было использование славянского алфавита и отправление богослужения на славянском языке. Баварские миссионеры, которые работали в Моравии с начала IX в., возражали против этих новшеств. Сами они записывали необходимые славянские тексты — переводы молитв — латинскими буквами и проводили богослужение на латинском языке.

Примером такого рода текстов могут служить Фрейзингенские отрывки (см. § 6), которые по языку близки кирилло-мефодиевским переводам, но обычно не включаются в состав старославянских памятников (словенские ученые рассматривают Фрейзингенские отрывки в качестве памятника, отражающего черты *древнесловенского* языка).

Во время моравской миссии Константин и Мефодий опирались на поддержку папы, которая временами была непоследовательной и противоречивой. В 867 г. они отправились в Рим к папе Адриану II за официальным одобрением своей деятельности. Там Константин заболел и в 869 г. умер, а Мефодий с учениками продолжил свою деятельность в славянских землях. В 870 г. папа поставил его

---

[1] *Хелимский Е. А.* Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Славянское языкознание: X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 347—368.

паннонским архиепископом. В епархию входили Великая Моравия, Паннония и некоторые другие славянские земли, что, конечно, не могло не обострить и без того сложные отношения с немецким духовенством, в частности с зальцбургским архиепископом. В начале 70-х гг. Мефодия по доносу даже заключили в монастырь, но он был освобожден по повелению папы Иоанна VIII. Борьба за сохранение и распространение славянской письменности велась учениками Кирилла и Мефодия и после смерти последнего в 885 г., однако закончилась она запрещением славянского богослужения и их изгнанием из Великой Моравии.

После описанных событий ученики Кирилла и Мефодия направляются в Болгарию, Хорватию, Сербию. Однако у западных славян кирилло-мефодиевские традиции славянской письменности продолжались (частично, может быть, и возродились) и в X в., например в Чехии, а через нее, видимо, даже и в Польше. Тем не менее то, что не удалось сделать в Великой Моравии и Паннонии, а именно создать прочную славянскую письменную традицию, было достигнуто в Болгарском царстве. Там в 893 г. на Преславском соборе славянский язык был провозглашен, наряду с греческим, языком Церкви и государства, и оттуда он распространялся на другие славянские и не только славянские земли. 893 год знаменует окончание тридцатилетнего периода становления старославянского языка и начало его стабилизации в древнеболгарском варианте. Следующие несколько десятилетий традиционно считаются «золотым веком» древнеболгарской литературы. Он приходится на годы царствования болгарского царя Симеона (893—927гг.), при котором наблюдался расцвет письменности на старославянском языке.

Подводя итоги сказанному, можно дать более точную характеристику старославянскому языку. **Старославянский язык** — это древний литературно-письменный язык, сложившийся во 2-й половине IX в. в процессе переводческой деятельности Константина-Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников. В том виде, в каком слависты представляют себе его существование в IX — начале X в., старославянский язык является результатом реконструкции. Начальное состояние этого языка приходится реконструировать по более поздним памятникам письменности, так как старославянские рукописи, относящиеся к этому периоду, не сохранились. Дошедшие до нас старославянские письменные памятники, в том числе содержащие кирилло-мефодиевские переводы, могут быть датированы концом X—XI в. Эти памятники являются копиями древнейших, что и позволяет более или менее точно реконструировать начальное состояние старославянского языка.

Под старославянским языком традиционно понимается язык старшего периода в истории славянской письменности — язык

IX—XI вв. Далее тексты на этом языке продолжали переписываться, как правило, с максимальной точностью (в первую очередь это касается текстов Священного Писания — см. § 10), с сохранением слов и форм, которых могло не быть в живых говорах, но одновременно с включением отдельных элементов (в основном в области фонетики и отчасти морфологии) живого языка писцов, — таким образом возникал особый вариант письменно-литературного языка, восходящий к старославянскому и являющийся его продолжением, который называют *церковнославянским языком*. Но поскольку в разных славянских землях «накапливались» свои локальные особенности, говорят о разных *изводах* (редакциях) церковнославянского языка — русском (восточнославянском), болгарском (среднеболгарском[1]), сербском, хорватском, чешском. Итак, под *церковнославянским языком* в широком смысле понимают славянский книжно-письменный язык во всех его исторических и региональных вариантах (изводах).

§ 8. Проблема диалектной основы старославянского языка

Специфика славянских языков на фоне других индоевропейских состоит в том, что древнейшая фиксация славянской речи, представленная старославянскими памятниками, по времени почти совпадает с распадом праславянского языка и отстоит совсем не намного от позднего праславянского. Поэтому с момента зарождения славистики и на протяжении всего XIX в. старославянский язык использовался в качестве источника для реконструкции праславянского и индоевропейского языков. Старославянский язык служил своего рода моделью для реконструируемого праславянского языка. При этом, учитывая, что во время возникновения старославянского языка диалектные различия между разными группами славян были уже достаточно выразительными, слависты всегда придавали большое значение проблеме диалектной основы старославянского языка, т. е. выяснению того, на базе какого славянского говора создавался первый славянский алфавит и осуществлялись кирилло-мефодиевские переводы, другими словами, какова была народно-разговорная основа старославянского языка.

В настоящее время этот вопрос можно считать более или менее решенным. Большинство славистов сходятся в том, что свой алфавит и первые переводы с греческого Константин создавал, ориентируясь на тот славянский говор, который был ему знаком с детства, т. е. на

[1] Для обозначения болгарского извода церковнославянского языка XII—XIV вв. употребляется термин *среднеболгарский*, потому что историки болгарского языка часто называют *древнеболгарским* сам *старославянский язык* (см. § 8).

говор солунских славян. То, что в основу первого славянского алфавита лег звуковой строй древних славянских говоров окрестностей Солуня, стало очевидным после диалектологических исследований, проведенных в районе Салоник словенским ученым Ватрославом Облаком в конце XIX в., который обнаружил в македонских говорах ряд фонетических особенностей, характерных и для древнейших старославянских памятников (рефлексы сильных редуцированных *е* < *ь*, *о* < *ъ* (см. § 20), наличие аффрикаты *dz* < **g* по второй палатализации (см. § 16 и 26), произношение рефлекса **ě* как [ä] (см. § 16 и 17) и даже наличие *št* < **tj*, *žd* < **dj* (см. § 16 и 27), что не характерно для основной массы македонских говоров). Еще одним аргументом в пользу болгаро-македонской основы старославянского языка является тот факт, что многие греческие заимствования проникали в язык первых переводов не книжным путем, а из живой речи именно болгаро-македонских славян, интенсивно контактировавших с греческим населением. Например, основная ст.-сл. форма **сѫбота** ‘суббота, неделя’ с носовым, обозначенным буквой **ѫ**, может восходить только к нар.-греч. σάμβατα (мн. от σάμβατον), так как литер.-греч. σάββατα давала другую, более редкую в старославянских памятниках, форму без носового — **собота**, которая проникла в эти памятники книжным путем.

Старославянский язык как язык письменно-литературный, не предназначенный для использования в условиях бытового общения, коренным образом отличался от живых языков и диалектов тех славян, которые пользовались им на письме и в богослужении. Соответственно старославянский язык начального периода (своего рода «прастарославянский») нельзя отождествить с солунским говором (славянским говором Солуня, или солунским *койне*[1]), хотя именно к нему он был ближе всего в фонетическом и лексико-грамматическом отношении. В IX—X вв. старославянский язык был для всех славян, независимо от их диалектной принадлежности, почти одинаково понятным и непонятным, т. е. требовавшим специального изучения. Основные функции старославянского языка (богослужение) и славянских говоров (бытовое общение) были столь несовместимы, что различия между славянскими языками (и говорами) того времени оказывались совсем незначительными по сравнению с тем разрывом, который существовал между этими языками, с одной стороны, и книжным старославянским языком, с другой. Это оправдывает наше отношение к старославянскому как к языку, а не просто как к текстам, т. е. как к употреблению какого-либо славянского говора на письме.

[1] Термином *койне* (от греч. κοινῆ ‘общий’) обозначают общий для населения какой-либо территории язык/диалект, возникший на базе одного говора или смешения нескольких говоров.

Будучи в первую очередь языком Церкви, языком литургическим, старославянский язык выражал понятия и идеи, далекие от обыденной жизни древних славян, что потребовало создания большого количества новых слов. Часть необходимой лексики уже появилась в языке солунских славян, живших в условиях христианской речевой традиции и издавна контактировавших с греческим населением. Но этого было недостаточно, поэтому создатели старославянского языка ввели в него много новых заимствований из греческого, как прямых (**ароматъ** 'благовоние' < греч. *ἄρωμα, ἀρώματος*; **икономъ** 'управляющий' < греч. *οἰκονόμος*; **оусиꙗ** 'существо' < греч. *οὐσία*; **власвимисати/власвимлꙗти** 'богохульствовать' < греч. βλασφημεῖν; они могли иметь и близкие собственно славянские соответствия — **воньꙗ**, **хоулити**), так и ка́лек, т. е. слов, переведенных поморфемно (**добровоньѥ** 'благоухание, аромат' < греч. εὐωδία, ср. εὐ-ωδ-ία = {**добро**} + {**вонь(ꙗ)**} + {**ьѥ**}; **благословити** 'воздать хвалу, благословить' < греч. εὐλογεῖν, ср. εὐ-λογ-εῖν = {**благо**} + {**слов(о)**} + {**-ити**}; **дъводоушьѥ** 'сомнение' < греч. διψυχία, ср. δι-ψυχ-ία = {**дъв(а)**} + {**доуш(а)**} + {**ьѥ**}; **нєгасимъ** (страд. прич. наст. вр.) < греч. ἄσβεστος, ср. ἄ-σβεσ-τος = {**нє**} + {**гас(ити)**} + {**мъ**}). При этом кальки в старославянских текстах используются параллельно с прямыми заимствованиями: ср. **икономъ** — **приставьникъ** (последнее слово является калькой с греч. ἐπιστάτης); ср. также греч. *οὐσία*, которое было и заимствовано (ст.-сл. **оусиꙗ**), и калькировано (ст.-сл. **сѫщьство**). Греческие элементы пронизывали все уровни старославянского языка, особенно лексику и синтаксис как наиболее тесно связанные с передачей смысла. Греческие синтаксические конструкции копировались, когда в славянском не находилось подходящего соответствия.

Кроме того, уже на начальном этапе своего существования этот язык включал в себя черты других славянских диалектов, как южных, так и западных, в частности лексику паннонских и моравских говоров (ср. **ашють** 'напрасно', **рѣснота** 'истина', **отълѣкъ** 'остаток' и др.). Наличие в старославянских памятниках целого ряда подобных слов, а также заимствованных из латинского и немецкого (например, **оцьтъ** 'кислое вино, уксус' < лат. *acetum*; **поганъ** 'язычник' < лат. *paganus*, из которого и греч. παγανός; **постъ** 'пост' < др.-в.-н. *fasta*; **мънихъ** 'монах' < др.-н. *munich* (совр. нем. *Mönch*) < лат. *monicus* < греч. μοναχός) легло в основу так называемой *паннонской теории* происхождения старославянского языка. Согласно этой популярной в XIX в., но в настоящее время отвергнутой теории, первые переводы были ориентированы на язык предков нынешних словенцев, живших в древней Паннонии[1]. Словенский

[1] Впоследствии, с конца X в., эти территории были заселены венграми, которые ассимилировали паннонских славян, заимствовав в венгерский язык большое количество славянской христианской терминологии.

ученый В. Копитар, создатель паннонской теории, исходил из того, что немецкие и латинские заимствования могли проникнуть в старославянские тексты только из языка древних словенцев, контактировавших с носителями латино-немецкой культуры. Однако Кирилл и Мефодий, прибыв в Великую Моравию, а затем и в Паннонию, скорее всего использовали связанную с христианской обрядностью лексику, уже сложившуюся здесь за несколько десятилетий существования христианской традиции (в процессе деятельности западных миссий), а не изобретали все сами.

С проблемой определения диалектной основы кирилло-мефодиевских переводов отчасти связана и терминологическая трудность, а именно обозначение языка этих переводов и древнейших славянских памятников, отражающих кирилло-мефодиевские традиции. В целом следует признать, что в славистике нет общепринятого названия для того языка, который в отечественной науке и практике университетского преподавания с середины XX в. получил устойчивое обозначение *старославянский*.

Многие слависты, особенно болгарские, пользуются термином *древне-* или *староболгарский язык* (болг. *старобългарски*, англ. *Old Bulgarian*, нем. *altbulgarisch*). В этом случае ставится знак равенства между языком кирилло-мефодиевских переводов и начальным состоянием языка болгарских славян, что неправомерно ни с хронологической (применительно к IX в. вряд ли стоит говорить о сформировавшихся самостоятельных славянских этносах и языках), ни с географической (особенно с учетом того, что территория, на которой жили солунские славяне, никогда не входила в состав болгарского государства) точек зрения. Однако несомненно, что в понимании старославянского языка как древнеболгарского имеется рациональное зерно. Ведь именно в Болгарии в конце IX — начале X в. имел место расцвет старославянской письменности и сформировалась письменная традиция, которая затем распространялась на другие территории в основном оттуда. Кроме того, большинство древнейших сохранившихся славянских письменных памятников, которые традиционно считаются «старославянскими», являются вместе с тем древнеболгарскими (т. е. болгаро-македонскими) и могут выступать в качестве источников изучения истории болгарского и македонского языков. Таким образом, мы воспринимаем старославянский язык как нечто выкристаллизовавшееся прежде всего в рукописях X—XI вв., т. е. через призму болгаро-македонскую (см. обзор памятников старославянского канона в § 10), а не солунскую или моравскую.

Некоторые слависты используют для обозначения языка первых переводов термин *древнецерковнославянский* (англ. *Old Church Slavic* и *Old Church Slavonic*, нем. *Altkirchenslavisch*), который, с одной сто-

роны, подчеркивает первоначальную функцию старославянского языка как культового, которую он, однако, быстро перерос, а с другой — противопоставлен термину *церковнославянский*, которым обозначаются более поздние территориальные ответвления или изводы (местные разновидности) церковнославянского языка как письменно-литературного языка разных славянских (и не только) народов. В то же время этот термин совсем не учитывает диалектную (южнославянскую, болгаро-македонскую) специфику первого литературного языка славян.

Сами же славянские книжники, которые создавали первые переводы и переписывали древнейшие памятники, не испытывали терминологических трудностей и называли его просто «славянским» — **ѩзыкъ словѣньскъ**.

Следует отметить еще одно обстоятельство, которое, наряду с близостью древних славянских языков и диалектов, облегчало распространение старославянского языка. Древние славяне имели общую устно-поэтическую речевую традицию. Некоторые слависты даже говорят о едином «литературном» языке, который был представлен в древних славянских фольклорных текстах. Возможно, развитая народно-поэтическая речь (наряду с уже существовавшей христианской обрядностью) способствовала быстрой выработке языковых средств, необходимых для первых переводов с греческого, а ее единство у славян — быстрому усвоению старославянской письменности как своей широкими слоями славянства.

§ 9. Старославянские азбуки: глаголица и кириллица

Древнейшие старославянские памятники письменности написаны двумя внешне сильно различающимися видами письма — *глаголицей* и *кириллицей* (см. табл. 4). В связи с этим возникает ряд вопросов, ключевыми из которых являются два: **какой из этих алфавитов был создан Кириллом**; **какой из них древнее**? Прямых ответов (а их может быть четыре) на эти вопросы исторические источники не содержат, и дискуссия вокруг данной проблемы имеет в славистике длительную историю. Однако в настоящее время более или менее общепринятым является мнение, согласно которому Кирилл создал именно глаголицу, а позднее на ее основе возникла кириллица[1].

[1] Критический обзор некоторых новых гипотез см. в работе: *Иванова Т. А.* Глаголица: новые гипотезы (несколько критических замечаний по поводу новых исследований о первой славянской азбуке) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LVI. СПб., 2004. С. 78—93.

То, что автором глаголицы был Константин-Кирилл Солунский, базируется на следующих косвенных аргументах:

1) глаголица в большей степени, чем кириллица, подходила для передачи звукового строя солунского диалекта, носителем которого, очевидно, был Кирилл и который предположительно лег в основу созданного им письма (о фонологической характеристике старославянских алфавитов см. § 16);

2) начертания глаголических букв, в отличие от кириллических, свидетельствуют об индивидуальном творчестве (а именно на оригинальности алфавита настаивают исторические источники, когда говорят о письме, созданном Кириллом), хотя некоторые буквы имеют соответствия или их можно возвести к буквам других алфавитов, главным образом греческого и древнееврейского (что тоже неудивительно, если учесть филологическую подготовку Кирилла);

3) об индивидуальном творчестве свидетельствует и тот факт, что при создании букв глаголицы были использованы христианские символы: крест — первая буква алфавита «**азъ**» (✝); треугольники «▽» и «△» (символ троицы) и круг «◯» (символ бесконечности божества) послужили элементами для создания букв «**иже**» (Ⰺ) и «**слово**» (Ⱄ), которые используются для передачи греческого сокращения имени *Иисус* (греч. Ἰησοῦς) — ΙΣ = глаг. ⰈⰔ (кир. ІС);

4) существует мнение, что первоначально имя Кирилла носила именно глаголица; в доказательство приводится запись писца Упиря Лихого 1047 г., сохранившаяся в нескольких списках XV—XVI вв., в которой он сообщает, что Бог сподобил его «**написати книги си • ис коуриловицѣ кнѧзю володимирꙋ новѣгородѣ кнѧжащю**» (т. е. ‘переписать книги эти «с кириллицы» для князя Владимира, княжащего в Новгороде’). С учетом того, что переписанная им книга — кириллическая, а в рукописи встречаются глаголические буквы, полагают, что ее оригинал был целиком написан глаголицей, следовательно, под «куриловицей» (= кириллицей) Упирь Лихой подразумевал глаголицу[1]. Впрочем, А. И. Соболевский не без основания полагал, что оригинал этой рукописи не был полностью глаголическим, а Упирь Лихой назвал «куриловицей» не глаголицу, а особую разновидность южнославянского устава, которая отличалась от той разновидности, которой пользовался писец[2].

Косвенные аргументы слависты приводят и в пользу большей древности глаголицы по сравнению с кириллицей.

---

[1] Термин *глаголица* возник, видимо, сравнительно поздно — в XVI в. в Хорватии (ср. *glagoljaši* ‘католический священник, использующий глаголические книги во время богослужения’).

[2] См.: *Соболевский А. И.* Ис коуриловицѣ // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1923. Т. 26. С. 240—243 (переизд. в кн.: *Соболевский А. И.* Труды по истории русского языка. Т. 2: статьи и рецензии. М., 2006. С. 528—530.

1. Наличие в *азбучных молитвах*[1] двух стихов на **х** и трех на **и** предполагает, что в исходной азбуке были две буквы для передачи [х] (возможно, первоначально для различения [х] и [х’]) и три буквы для передачи [i] (вероятно, первоначально также с разной звуковой значимостью). Это характерно именно для глаголицы. В глаголических памятниках три буквы — **Ⰹ**, **Ⰺ**, **Ⰻ** — употребляются в соответствии с двумя кириллическими **и**, **і**, а две буквы — **Ⱈ** «**хѣръ**» и **Ⱒ** «**хлъмъ**» — употребляются в соответствии с одной кириллической **х**. Буква **Ⱒ**, которую часто называют «паукообразное **х**», встречается очень редко и только в слове **хлъмъ** ‘холм’, поэтому в славистике условно называется «**хлъмъ**». Впрочем, в сочинении черноризца Храбра эта буква обозначена **хлъ**, и возможно, что за этим сокращением скрывается слово **хлѣбъ**, которое, как предполагают некоторые слависты[2], и было названием данной буквы в первоначальной глаголице.

2. Числовое значение соотносимых букв глаголицы и кириллицы не совпадает, причем если в глаголице все буквы от **а** «**азъ**» до **ч** «**чрьвь**» включительно (в том числе не имеющие соответствий в греческом алфавите) имеют числовое значение, рост которого строго соответствует порядку букв, то в кириллице буквы **б** «**боукы**» и **ж** «**живѣте**», созданные для передачи славянских фонем и добавленные к греческому алфавиту, числового значения не имеют. Само по себе такое соотношение, строго говоря, не доказывает большей древности глаголицы, однако в памятниках ошибки в обозначении чисел, вытекающие из несовпадения числового значения букв глаголицы и кириллицы, указывают на то, что глаголица древнее.

3. Бо́льшую древность глаголицы подтверждают и особенности памятников, в которых имеются как глаголические, так и кириллические буквы. Существует два типа таких памятников: а) рукописи, в которых основной (он же и более древний) текст писан глаголицей, но которые имеют более поздние записи на полях (маргиналии) кириллицей; б) переписанные с глаголических оригиналов кириллические рукописи со спорадическими вкраплениями букв глаголицы (возможно, по невнимательности писца).

4. До нас дошли и такие старославянские памятники, в которых более поздний текст нанесен поверх соскобленного или смытого

---

[1] *Азбучными*, или *акростишными*, молитвами называются такие, в которых начальные буквы каждого стиха идут в порядке их следования в алфавите. Ср., напр., начальные семь стихов (в нормализованной орфографии) Азбучной молитвы Константина Преславского, ученика Кирилла и Мефодия:

> **Азъ словомь симь молѭ сѧ богоу·**
> **Боже вьсеѩ твари и зиждителю·**
> **Видимꙑимъ и невидимꙑимъ·**
> **Господа доуха посъли живѫщаего·**
> **Да въдъхнетъ въ срьдьце ми слово·**
> **Ѥже бѫдетъ на оуспѣхъ вьсѣмъ ·**
> **Живѫщиимъ въ заповѣдьхъ ти** <...>

[2] *Tkadlčík V.* Systém hlaholské abecedy // Studia palaeoslovenica. Praha, 1971. S. 357—377.

более древнего. Их называют *палимпсе́сты* (от греч. παλίμψηστος). Если в палимпсесте алфавиты разные, то удаленный текст всегда писан глаголицей, а по нему идет кириллица (и никогда наоборот), что говорит о систематической замене глаголицы кириллицей (см. список старославянских памятников в §11).

Как видим, аргументы 2—4 основаны на том, что при столкновении в рукописи (или в двух связанных друг с другом рукописях) глаголицы и кириллицы глаголический текст естественно рассматривать как более древний. Вопрос несколько осложняется тем, что гибридные памятники, где в кириллический текст вкрапляются отдельные глаголические буквы, не отражают каких-либо явных закономерностей, свидетельствующих о переписывании текста с глаголического оригинала. Кроме того, имеются древнеболгарские надписи, в которых глаголические и кириллические буквы чередуются. Загадочным представляется использование кириллических букв в начале некоторых псалмов в таком кириллическом старославянском памятнике, как Синайская псалтырь.

Итак, создавая глаголицу, Константин-Кирилл, видимо, исходил из средневековой грамматической традиции, которая предполагала, что письменность одного языка должна отличаться от письменности другого всеми тремя воплощениями своих букв: *начертанием* (в латинской грамматической терминологии — figura), *значимостью* (potestas) и *названием* (nomen). С этим связана, видимо, и необычность (оригинальность) начертаний глаголицы. Некоторые историки считают, впрочем, что непохожесть глаголицы на греческий и латинский алфавиты могла иметь и дипломатическую подоплеку, поскольку ее создатель работал в условиях трений между Римом и Константинополем.

Что касается второго старославянского алфавита — *кириллицы*, то ее возникновение и начало широкого распространения, в том числе замена ею глаголицы, очевидно, относятся к деятельности учеников Кирилла и Мефодия в Болгарии. Однако успех кирилло-мефодиевского дела в Болгарии, который в источниках получил наименование **прѣложение кънигъ** ‘переложение, изменение письма’, имел и оборотную сторону. Замена глаголицы, созданной Кириллом, на кириллицу означала в определенном смысле нарушение кирилло-мефодиевских традиций, хотя и была проведена, вероятно, учеником Кирилла и Мефодия Константином Преславским[1] (некоторые слависты связывают введение кириллицы с именем другого их ученика — Климента О́хридского). Постепенное вытеснение глаголицы кириллицей приводит к тому, что глаголическое письмо к концу XII в. выходит из активного употребления, хотя не исчезает полностью.

[1] См.: *Ильинский Г. А.* Где, когда, кем и с какой целью глаголица была заменена «кириллицей»? // Byzantinoslavica. 1931. Т. 3. Вып. 1. С. 79—87.

Таблица 4

Соотношение старославянских азбук

Название буквы	Глаголица		Кириллица		Звуковое значение
	Начертание	Числовое значение	Начертание	Числовое значение	
азъ	Ⰰ	1	а	1	a
боукꙑ	Ⰱ	2	б	—	b
вѣдѣ	Ⰲ	3	в	2	v
глаголи	Ⰳ	4	г	3	g
добро	Ⰴ	5	д	4	d
єстъ	Ⰵ	6	є	5	g
живѣтє	Ⰶ	7	ж	—	ž’ = ž
ꙃѣло	Ⰷ	8	ꙃ (ѕ)	6	dz’= ʒ́
ꙁемлꙗ	Ⰸ	9	ꙁ	7	z
ижеи	Ⰹ	10	і	10	(j)i
[ижеи]	Ⰺ	—	—	—	(j)i
ижє	Ⰻ	20	и	8	(j)i
ћє(она)	Ⰼ	30	—	—	g’ (?)
како	Ⰽ	40	к	20	k
людиѥ	Ⰾ	50	л	30	l
мꙑслитє	Ⰿ	60	м	40	m
нашь	Ⱀ	70	н	50	n
онъ	Ⱁ	80	о	70	o
покои	Ⱂ	90	п	80	p
рьци	Ⱃ	100	р	100	r
слово	Ⱄ	200	с	200	s
тврьдо	Ⱅ	300	т	300	t
ѵкъ, икъ (ижица)	Ⱛ	400	ѵ	400	ü, i, u
оукъ, оникъ	Ⱆ	400	оу, ꙋ	400	u
фрьтъ	Ⱇ	500	ф	500	f
хѣр(оувим)ъ	Ⱈ	600	х	600	x
отъ	Ⱉ	700 (?)	ѡ	800	o
пѣ, пє	?	800	—	—	?
ци	Ⱌ	900	ц	900	c’ = ć

Название буквы	Глаголица		Кириллица		Звуковое значение
	Начертание	Числовое значение	Начертание	Числовое значение	
чрьвь	Ⱍ	1000	ч	90	č’ = č
ша	Ⱎ	—	ш	—	š’ = š
шта	Ⱋ	800	щ	—	št’/št (?)
ѥръ	Ⱏ	—	ъ	—	ъ
ѥръı	ⰟⰊ, ⰟⰉ, ⰟⰋ	—	ъи, ꙑ	—	y = ɨ
ѥрь	Ⱐ	—	ь	—	ь
ꙗдь, ꙗть	Ⱑ	—	ѣ	—	(j)ä = (j)ě
хлъмъ(?) / **хлѣбъ**(?)	Ⱒ	—	—	—	x
ю, юсъ	Ⱓ	—	ю	—	(j)ü = (j)u
юс большой	Ⱘ	—	ѫ	—	ǫ = o^{n}
юс малый	Ⱔ	—	ѧ	900	ę = e^{n}
юс большой йотированный	Ⱙ	—	ѭ	—	(j)ǫ̈ = (j)ö^{n}
юс малый йотированный	Ⱗ	—	ѩ	—	(j)ę = (j)e^{n}
йотированное **а**	—	—	ꙗ	—	(j)ä = (j)a
йотированное **є**	—	—	ѥ	—	(j)e
кси	—	—	ѯ	60	ks
пси	—	—	ѱ	700	ps
фита	Ⱚ	—	ѳ	9	ϑ, t, f

Примечание. В графе «Звуковое значение» запятая разделяет вариантные чтения соответствующей буквы, знак равенства «=» соединяет разные равноправные способы обозначения соответствующих фонем, а через косую линию «/» даны возможные, включая диалектные или хронологически сменяющие друг друга, варианты произношения. Две точки над гласными обозначают переднее произношение соответствующих гласных после йота и мягких согласных. Йот в скобках (j) указывает на то, что буква может обозначать сочетание йота с соответствующим гласным, в частности в начале слова и после гласного. Запятая вверху при согласном и знак «´» над согласным обозначают его мягкость, а знак «ˇ» указывает на шипящий характер согласного (при этом одновременно может быть обозначена его мягкость). Индекс «^{n}» при гласном обозначает носовой призвук этого гласного, но традиционно в палеославистике носовые гласные принято обозначать значком «˛» под гласным — ę ([e] носовое), ǫ ([o] носовое), что отличается от обозначения носовых гласных в международной фонетической транскрипции, где носовой характер гласного обозначается тильдой над гласным — [õ], [ã], [ĩ].

Новый алфавит — кириллица — представлял собой греко-византийский устав[1] (= унциáл), дополненный глаголическими буквами. Буквы глаголицы были введены в греческий устав для передачи славянских звуков (фонем), которые не имели более или менее прямых соответствий в греческом языке и поэтому для них не хватило греческих букв. Постепенно эти дополнительные глаголические буквы были стилизованы под греческий устав. Восточноболгарский эпиграфический материал X—XI вв. (в частности, двуязычные греко-славянские граффити) показывает, что с палеографической точки зрения между греческим и славянским текстами нет различий. Например, славянское **bogъ* нельзя было записать, используя только греческие буквы, так как в греческом не было букв для передачи славянских фонем /ƀ/ и /ъ/, поэтому к греческим добавлялись глаголические: слав. /ƀogъ/ → **ⰁⰑⰃⰟ** (глаголица) → **ⰁОГⰟ** (первоначальная кириллица) → **богъ** (стилизованная кириллица). Замена глаголицы кириллицей была проведена в Болгарии, так как именно там уже существовала длительная традиция употребления греческого письма «без устроения» (по выражению черноризца Храбра, который, однако, в своем трактате «О письменах» ничего не говорит о существовании двух типов славянского письма), т. е. без приспособления к строю славянской речи. Вместе с тем глаголица не была отвергнута принципиально, и обе азбуки были равноправны даже в Восточной Болгарии еще в середине X в.

Итак, глаголица — это искусственно созданный, а кириллица — исторически сложившийся алфавит, т. е. греческое письмо, приспособленное к звуковому строю славянской речи («славянизированное») под влиянием глаголицы (см. табл. 4).

Таким образом, можно выделить следующие основные этапы развития древней славянской письменности:

1) до возникновения буквенного письма славяне, как и другие народы, знали **различные типы первобытного письма**, в частности пользовались «**чрътами и рѣзами**» (свидетельство черноризца Храбра) при совершении языческих обрядов и для примитивного счета;

2) **использование греческого и латинского письма «без оустроѥниꙗ»** (свидетельство черноризца Храбра); примером могут служить Фрейзингенские отрывки (см. § 6);

3) **создание глаголицы** (отчасти под влиянием греческого письма);

4) **возникновение кириллицы**, т. е. славянизация греческого алфавита по образу глаголицы.

[1] *Устав* — древнейший из трех последовательно сменявших друг друга почерков, или видов, кириллического письма (два другие — *полуустав* и *скоропись*). Устав XI—XIII вв., представленный в пергаменных рукописях, — это медленное, торжественное письмо в границах двух параллельных линеек, причем буквы писались прямо, перпендикулярно к строке. Со второй половины XIV в. сменяется полууставом, сохраняясь, однако, до XVI в. в торжественно оформленных богослужебных рукописях.

§ 10. Корпус текстов старославянской письменности и важнейшие понятия текстологии

Большинство дошедших до нас памятников, написанных на старославянском языке, представляет собой переводы греческих текстов. Это в первую очередь богослужебные (литургические) книги. Еще в Византии Константин-Кирилл начал переводить на славянский язык греческое служебное Евангелие[1]. В Великой Моравии Кирилл и Мефодий закончили начатый перевод Евангелия, а также перевели (предположительно в 864—867 гг.) Апостол, Псалтырь, которая в Средние века была первой[2] и главной книгой при обучении грамоте, а также некоторые другие тексты, в том числе Номоканон (сборник церковных законов — сокращенный перевод Номоканона Иоанна Схоластика). Затем, уже после смерти Кирилла, Мефодий со своими учениками сделал перевод значительной части библейских текстов[3]. Кроме того, в сотрудничестве с моравскими властями ими был создан древнейший памятник славянского права— «Закон судный людем». К этому же периоду, вероятно, относится и создание Жития Кирилла, основоположника славянской письменности. Позднее в Болгарии, в царствование царя Симеона (893—927 гг.), переводятся новые греческие тексты, в том числе создаются компилятивные сборники, а также пишутся оригинальные сочинения на старославянском языке, например Житие Мефодия, Житие Наума, одного из учеников Кирилла и Мефодия, уже упомянутый трактат «О письменах» черноризца Храбра, «Азбучная молитва» Константина Преславского, сочинения Климента Охридского, ученика Солунских братьев и, возможно, автора их житий. Следует упомянуть и такое философско-богословское сочинение, как «Шестоднев» Иоанна Экзарха, выдающегося болгарского писателя X в., представляющий собой по большей части перевод с греческого и компиляцию.

Памятники письменности, которые являются основным источником при изучении старославянского языка, исследуются не только лингвистами, но и представителями смежных областей зна-

---

[1] Существует, однако, и другая точка зрения — о том, что вначале Константин перевел не служебное евангелие (или евангелие-апракос), а четвероевангелие (или евангелие-тетр — о разных типах евангельского текста см. § 11); этот вывод был получен на основании исследования славянского текста Евангелия от Иоанна, проведенного по основной массе рукописей XI—XVI вв. (Евангелие от Иоанна в Славянской традиции. СПб., 1998). См. также: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С.149.

[2] После *Часослова* — сборника основных молитв.

[3] Каков был объем библейских переводов, осуществленных Мефодием и его учениками (т. е. действительно ли, как сообщает Житие Мефодия, ими были переведены все тексты, кроме Книг Маккавейских), остается предметом научных дискуссий — см., в частности: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. С. 153—159.

ния — историками, палеографами, текстологами, искусствоведами и другими. Данные этих наук для лингвиста носят вспомогательный характер. На начальном этапе лингвистического исследования того или иного старославянского памятника первостепенную роль играют данные текстологии и палеографии.

Палеография (от παλαιός 'древний' и γράφω 'пишу') занимается историей письма (эволюцией письменных знаков, изменением графической формы букв, особенностями применяемых сокращений), а также всем, что касается внешнего вида рукописи: особенности писчего материала (пергамен, бумага), характер переплета, виды чернил, орнаменты и т. д. Палеография дает возможность, исходя из вышеперечисленных данных, примерно определить время и место написания недатированной и нелокализованной рукописи.

Одна рукопись могла содержать только *один* **текст** (например, текст Евангелия), или же в ее состав могли входить *несколько* **текстов** (например, несколько житий). Одновременно один и тот же текст мог сохраниться в составе как одной, так и, чаще, нескольких рукописей (а некоторые тексты, в частности тексты Священного Писания, дошли до нас в огромном количестве рукописей, например тексты Псалтыри — примерно в 3750 рукописях[1]).

Некоторые подобные тексты, возможно написанные или переведенные еще в старославянский период (IX—XI вв.), сохранились в составе сравнительно поздних рукописей (например, XV—XVII вв.). Какой вариант текста из сохранившихся ближе всего к исходному? Как соотносятся между собой сохранившиеся рукописи? Выяснением этих и других вопросов, связанных с *историей текста*, занимается **текстология.** В ее задачи входят: выяснение взаимоотношений между сохранившимися списками, выделение на этом основании редакций и изводов памятника, реконструкция по мере возможности более древнего вида текста.

Базовыми понятиями текстологии являются понятия **текста** как языкового выражения некоего смыслового ряда и **списка текста** как конкретного проявления текста в письменной форме. Иногда для обозначения понятия **«список текста»** используют также и термин **«рукопись»**, но обычно их различают: под рукописью понимают *рукописную книгу*, которая может содержать список одного какого-то текста или же несколько списков (при этом *разных*) текстов. Один и тот же текст может быть представлен в нескольких списках, и, наоборот, одна рукопись, как уже указывалось, может содержать списки как одного, так и нескольких текстов (т. е. произведений в широком смысле слова). Термин «памятник» может употребляться и для

[1] Данные И. Е. Евсеева, цит. по: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. С. 132.

обозначения текста (например, Четвероевангелие, Апостол), и для указания на рукопись (Зографское евангелие, Енинский апостол).

Текст, в свою очередь, может иметь несколько **редакций**, т. е. вариантов текста, возникших в результате целенаправленной, часто идеологической, переделки его книжниками. Кроме того, текст может изменяться в процессе его переписывания на разных территориях в течение длительного времени (в процессе переписки в текст могли проникать отдельные диалектные особенности того или иного языка или говора, в основном фонетические или морфологические). Такие непроизвольные изменения текста под пером переписчиков, принадлежащих к различной книжной среде, наслаиваясь, приводят к возникновению **извода**. Подобные изменения, имеющие, как правило, не идеологическую, а чисто языковую основу, важнее для собственно лингвистического анализа. Они отражаются во многих текстах, поэтому термин «извод» обычно используется в более широком смысле — как совокупность языковых особенностей, характеризующих определенную территориальную разновидность церковнославянского языка (см. также § 7).

Авторские тексты старославянской письменности, т. е. **первые переводы** и **первые оригинальные произведения**, принадлежавшие перу Кирилла, Мефодия и их ближайших учеников, до нас не дошли. Все, чем мы располагаем, — это списки, отстоящие от времени первоначального создания текстов как минимум на 100—150 лет.

К числу важных терминов текстологии относятся также и такие понятия, как **«архети́п»** и **«прото́граф».** Определение **архетипа** дать довольно сложно, поскольку говорят об *архетипе текста* вообще, *архетипе редакции, архетипе группы списков*. При этом под архетипом обычно понимают тот вид текста, к которому восходят списки текста произведения, или списки редакции произведения, или отдельная группа списков (т. е. тот более древний вид текста, который можно восстановить на их основании)[1]. **Протограф** — по сравнению с архетипом более близкий по тексту предшественник данного списка или группы списков (протограф *не* обязательно относится к списку как оригинал к копии, между списком и

[1] Это отнюдь не обязательно *авторский* или *первоначальный* текст, — это только текст, от которого пошли остальные сохранившиеся списки (данного произведения, или конкретной редакции, или просто отдельной группы списков). Например, текст был создан в Древней Руси в XI в., но все его списки, *кроме одного*, исчезли в XIII в. во время монголо-татарского нашествия. И от этого списка (который мог уже значительно отличаться от первоначального и который тоже со временем пропал) пошли все дошедшие до нас списки, что означает, что, если мы будем реконструировать текст по сохранившимся спискам, мы восстановим его архетип — случайно сохранившийся список XIII в. (а не авторский текст). Для определенного типа памятников, в частности для летописей, понятие *«архетип»* вообще неприменимо (*Лихачев Д. С.* Текстология. СПб., 2001. С. 142—146).

протографом могут быть «промежуточные звенья»; разница между архетипом и протографом в том, что архетип может отстоять довольно далеко в цепочке переписывания от сохранившихся списков, а протограф — находится «близко» по тексту к списку)[1]. Ту рукопись, с которой непосредственно была переписана данная рукопись, называют ее **антиграфом**.

Сказанное можно проиллюстрировать на следующем примере. **Авторский текст** Жития Кирилла, созданный, вероятно, в Великой Моравии между 869 (год смерти Кирилла) и 880 гг., до нас не дошел. Мы располагаем 48 **списками** этого текста, находящимися в **рукописях** XV — начала XVIII в. **Архетип** Жития Кирилла, который реконструируется по этим спискам, представляет собой, вероятно, не первоначальный текст, а **редакцию** текста, возникшую в период создания Жития Мефодия, т. е. во 2-й половине 885 г. (год смерти Мефодия). В основу реконструкции кладут обычно список **русского извода**, находящийся в рукописном сборнике середины XV в. Этот список содержит редакцию текста, отличающуюся от более поздней, которую выявляют списки XV в. **южнославянских изводов**.

§ 11. Старославянские памятники

Для реконструкции старославянского языка, особенно его звукового и грамматического строя, в первую очередь привлекаются самые древние списки старославянских текстов, но для изучения лексики важную роль играют и более поздние списки и редакции.

Памятники старославянского языка, которые до нас дошли, представляют собой списки с первых переводов, сделанных Кириллом и Мефодием и их учениками во 2-й половине IX в., и относятся к X—XI вв. Поэтому в старославянских памятниках отражаются не только языковые явления 2-й половины IX в., но и результаты различных изменений, которые происходили в славянских говорах после этого периода, т. е. языковые особенности X — начала XI в.

Большинство старославянских памятников отражают особенности болгаро-македонских говоров X—XI вв., но могут отражать и языковые явления, характерные для других южнославянских, а также некоторых западнославянских или даже восточнославянских говоров этого периода.

Старославянские памятники написаны глаголицей и кириллицей (см. § 9). Древнейшие сохранившиеся глаголические памятники

[1] Подробнее см.: *Лихачев Д. С.* Текстология. С. 146—147; там, в частности, говорится: «Архетип и протограф могут совпадать, но если архетип намечается в точке схождения восходящих линий родства, то к протографу список восходит обычно по прямой».

почти все созданы в Западной Болгарии (исключение составляют отдельные отрывки, предположительно написанные в Моравии), кириллические — в Восточной Болгарии. В языковом отношении глаголические памятники считаются более архаичными, чем кириллические. Это касается прежде всего фонетической и грамматической систем. Для их лексического состава характерно значительное количество греческих слов (грецизмов), а также некоторое число опосредованных латинизмов и гебраизмов. Присутствие в лексике многих памятников тюркизмов указывает на их восточноболгарское происхождение: там тюркское воздействие на славян было значительно сильнее, чем в Западной Болгарии (Македонии). Важными признаками восточноболгарского происхождения рукописи являются отсутствие в ней написаний, отражающих изменение сильного **ъ** в **о** (при наличии отражения сильного **ь** в **є**), а также так называемая *одноеровая* графика (см. с. 52, также § 20).

Глаголические памятники, видимо, представляют собой довольно точные списки с рукописей, содержавших авторские тексты Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников. Качество кирилло-мефодиевских переводов отличалось более высоким уровнем по сравнению с поздними переводами. В кириллических памятниках часто представлены новые переводы, значительно уступавшие по точности и уровню исполнения кирилло-мефодиевским.

Большинство из дошедших до нас памятников не датировано и не локализовано, т. е. не содержит прямого указания на время и место их написания, но по палеографическим и лингвистическим особенностям они могут быть локализованы во времени и пространстве с достаточной точностью. Древнейшей *датированной* рукописной книгой, содержащей старославянский текст, является кириллическое Остроми́рово евангелие 1056—1057 гг. Однако этот памятник не всегда включают в число старославянских, так как он, несмотря на древность, содержит особенности языка восточнославянского переписчика.

Отнесение того или иного памятника к старославянским представляет собой проблему и в значительной степени условно. Как уже было сказано, древнейшие дошедшие до нас рукописи, содержащие кирилло-мефодиевские переводы, относятся к X—XI вв. Тексты, которые создавались на старославянском языке во 2-й половине IX — начале X в., в том числе и кирилло-мефодиевские переводы, представлены и в значительно более поздних списках. Существует традиция считать собственно старославянскими, т. е. старославянскими в узком смысле слова, лишь те рукописи, которые были переписаны в X—XI вв., причем только на территориях, где работали Кирилл и Мефодий и их ближайшие ученики. В таком случае из круга старославянских рукописей выводятся

такие важные памятники, как, например, Остромирово евангелие 1056—1057 гг., который считается церковнославянским памятником русского (восточнославянского) извода, содержащим кирилло-мефодиевский перевод евангелия. Таким образом, Остромирово евангелие, как и многие другие памятники разных изводов, непосредственно связанные с кирилло-мефодиевской традицией и содержащие важную информацию о старославянском языке, не включается в старославянский канон. Многие ученые не согласны с таким сужением круга старославянских памятников. В настоящем учебнике мы будем в целом придерживаться узкого подхода, но в некоторых случаях привлекается и материал древнейших церковнославянских памятников, в частности русского извода.

Корпус классических старославянских памятников составляют 18 рукописей X и XI вв. Из них 12 рукописей глаголические: Киевский миссал (Киевские листки), Зографское, Мариинское, Ассеманиево и Боянское (палимпсест) евангелия, Зографский палимпсест, Синайская псалтырь, Синайский требник, сборник Клоца, Рыльские листки, Охридские листки, Македонский листок; 6 рукописей кириллические: Саввина книга, Супрасльская рукопись, Енинский апостол, листки Ундольского, Хиландарские листки, Зографские листки. Киевский миссал содержит перевод с латинского языка, тексты остальных памятников переведены с греческого языка. По содержанию это в основном переводы греческих богослужебных книг, представляющих собой следующие функциональные типы: Евангелие, Псалтырь, Апостол, Минея, Требник.

Ниже перечисляются важнейшие старославянские памятники, сгруппированные по типу содержащихся в них текстов, и дается их краткая характеристика.

Ева́нгелие (греч. εὐαγγέλιον ‘радостная весть, благовествование’) — книга, содержащая повествования о земной жизни и учении Иисуса Христа.

Известны два типа евангелий: 1) четвероевангелия (греч. τετραεὐαγγέλιον) — евангелия-тетр, в которых последовательно даны рассказы четырех евангелистов: Матфея (Мф.), Марка (Мк.), Луки (Лк.) и Иоанна (Ин.); 2) служебные евангелия (греч. ἄπρακτος ‘недельный’) — евангелия-а́пракос, представляющие собой евангельские отрывки, расположенные в соответствии с календарным порядком недельных чтений при отправлении церковной службы.

Зо́графское четвероевангелие

Глаголический памятник конца X—XI в., написан в пределах Западной Болгарии (Македонии). Объем 304 л., из них 288 л. — евангель-

ский текст, 16 л. — синакса́рь (месяцеслов), написанный кириллицей XIII в. Средняя часть (л. 41—57) Зографского евангелия представляет собой так называемый Зографский палимпсест (см. ниже).

Найдено в Зографском монастыре на Афоне (откуда и получило свое название) А. Михановичем в 1843 г. Изучено русским славистом В. И. Григоро́вичем в 1844—1845 гг. В 1860 г. рукопись была привезена в Россию.

Хранится в Российской национальной библиотеке (РНБ; бывшая ГПБ — Государственная публичная библиотека) в Санкт-Петербурге.

Издано: *Jagič V.* Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879; переизд.: Грац, 1954.

Марии́нское четвероевангелие

Глаголический памятник XI в., написан в пределах Западной Болгарии (Македонии), но имеет некоторые черты сербского языка. Объем 171 л.

Памятник назван по Мариинскому (св. Богородицы) монастырю на Афоне, откуда был привезен в Россию В. И. Григоровичем в 1845 г.

Хранится в Российской государственной библиотеке (РГБ; бывшая ГБЛ — Государственная библиотека им. Ленина) в Москве.

Издано: *Jagič V.* Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae codex Marianus. Berlin; SPb., 1883; переизд.: Грац, 1960.

Ассема́ниево служебное евангелие

Глаголический памятник XI в., написан в пределах Западной Болгарии (Македонии). Объем 158 л.

Название получило по имени кардинала Дж. Ассема́ни — директора Ватиканской (Папской) библиотеки, обнаружившего рукопись в Иерусалиме и вывезшего ее в 1736 г. в Италию.

Хранится в Ватиканской библиотеке.

Издано: *Vais J.*, *Kurz I.* Evangeliarum Assemani. T. 1: Prolegomen. Tabulae. Praha, 1929 (Codex Vaticanus 3. Slavicus glagoliticus) [фототипически]; *Kurz I.* Evangeliář Assemanův. Dil 2. Praha, 1955 (Kodex Vaticánský 3. Slovanský) [в кириллической транскрипции]; *Иванова-Мавродинова В.*, *Джурова А.* Асеманиевото евангелие: Старобългарски глаголически паметник от X век: Художествено-историческо проучване. София, 1981 [факсимильно].

Са́ввина книга

Кириллический памятник XI в., написан в северо-восточной Болгарии (возможно, в области к северу от Дуная). Объем 129 л.; представляет собой служебное евангелие. По всей вероятности, список с глаголического оригинала; по особенностям орфографии считается одним из ранних кириллических памятников. Собствен-

но к старославянскому канону относится древнейшая часть Саввиной книги (л. 25—153 и л. 166), которая и датируется XI в. Кроме того, Саввина книга содержит две древнерусские части (л. 1—24 датируются концом XIII — началом XIV в., а л. 154—165 — концом XI — началом XII в.).

Назван по имени писца Саввы, который оставил две приписки со своим именем (л. 49 и 54): ср. на л. 49 — **попъ сава псалъ** ‘поп Савва писал’.

Хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве.

Издана: *Щепкин В. Н.* Саввина книга. СПб., 1903 (Памятники старославянского языка. Т. 1. Вып. 2); переизд.: Грац, 1959; Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI—XII и конца XIII века / изд. подг. О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. М., 1999.

Ватиканский палимпсест

Кириллический памятник X—XI вв. Содержит текст служебного евангелия. Есть предположение, что писцом рукописи был поп Савва, переписавший Саввину книгу.

Хранится в Ватиканской библиотеке.

Издан: *Кръстанов Т., Тотманова А. М., Добрев И.* Ватиканско Евангелие, старобългарски кирилски апракос от X в. в палимпсестен кодекс. Vat. Gr. 2502. София, 1996.

О́хридские листки

Глаголический памятник XI в. Объем 2 л.; содержат отрывок служебного евангелия.

Названы по месту (г. Охрид в Болгарии), где были найдены В. И. Григоровичем в 1845 г.

Хранятся в Одесской государственной научной библиотеке (Украина).

Изданы: *Ильинский Г. А.* Охридские глаголические листки. СПб., 1915 (Памятники старославянского языка. Т. 1. Вып. 2. Ч. 2).

Листки У́ндольского

Кириллический памятник XI в. Объем 2 л.; содержат отрывок служебного евангелия.

Названы по имени первого владельца — библиографа и собирателя памятников славянской письменности В. М. Ундольского.

Хранятся в Российской государственной библиотеке (Москва).

Изданы: *Срезневский И. И.* Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868; *Карский Е. Ф.* Листки Ундольского: отрывок кирилловского евангелия XI в. СПб., 1904 (Памятники старо-

славянского языка. Т. 1. Вып. 3); переизд.: М., 1962; *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслеци. София, 1978. С. 18—24.

Боя́нское служебное евангелие (Боянский палимпсе́ст)

Глаголический памятник конца XI в. В XIII в. глаголический текст был счищен, а поверх него кириллицей был написан другой текст (евангелие-апракос).

Памятник назван по месту (Боянский монастырь близ Софии), где был найден В. И. Григоровичем в 1845 г.

Хранится в Российской государственной библиотеке (Москва).

Издано: *Добрев И.* Глаголическият текст на Боянския палимпсест: Старобългарски паметник от края на XI век. София, 1972.

Зо́графский палимпсе́ст

Глаголический памятник конца XI в. В конце XII в. первоначальный глаголический текст был смыт и поверх него написан поздней глаголицей текст евангелия-апракос, который как поздняя вставка (от XI—XII вв.) был включен в текст Зографского четвероевангелия. Смытый первоначальный текст, который и называется Зографским палимпсестом, прочитан И. Добревым и издан в кириллической транскрипции.

Хранится в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

Издан: *Добрев И.* Палимпсестовите части на Зографското евангелие // Константин-Кирил философ: Доклади от симпозиума, посветен на 1100-годишнината от смъртта му. София, 1971. С. 157—164.

Две датированные рукописи XI в., содержащие тексты евангелий, принадлежат к русскому изводу и обычно не включаются в число старославянских памятников, так как отражают явные языковые черты восточнославянских переписчиков. Это ***Остроми́рово евангелие 1056—1057 гг.*** и ***Арха́нгельское евангелие 1092 г.*** Остромирово евангелие, которое является самой древней точно датированной славянской рукописью, представляет собой служебное евангелие, переписанное в Киевской Руси с восточноболгарского протографа. Названо по имени новгородского посадника Остромира — заказчика этой работы. Хранится в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

Издано: Остромирово евангелие 1056—1057 года. С приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843 (переизд.: М.: Языки славянских культур, 2007); *Савинков Н.* Остромирово евангелие 1056—1057 гг. СПб., 1883; 1889 [фотолитографически]; Остромирово евангелие. М., 1988 [факсимильное].

Из более поздних списков евангелий разных изводов можно назвать ***Мстиславово ев.*** начала XII в. (до 1117 г.), ***Га́лицкое ев. 1144 г.*** и ***Добрилово ев. 1164 г.*** (русский извод), ***Доброми́рово ев.*** начала XII в. и ***Добре́йшево ев.*** XIII в. (болгарский извод), ***Миросла́вово ев.*** конца XII в., ***Вука́ново ев.*** конца XII — начала XIII в. и ***Никольское ев.*** XIV в. (сербский извод).

Псалты́рь (греч. ψαλτήριον) — книга, содержащая песнопения (псалмы, греч. ψαλμός 'песнь, песнопение') во славу Бога, часть из которых принадлежит библейскому царю и пророку Давиду.

Сина́йская псалтырь

Глаголический памятник XI в., написан в пределах Западной Болгарии (Македонии). Объем 177 л.; содержит 137 псалмов без комментариев. На основании содержания, а также по языковым особенностям памятник считается связанным с кирилло-мефодиевским временем.

Рукопись открыта в середине XIX в. архимандритом Порфирием (Успенским) в монастыре Св. Екатерины на горе Синай (Синайский полуостров), откуда и происходит ее название.

Хранится в монастыре Св. Екатерины на Синае.

Издана: *Северьянов С.* Синайская псалтырь: глаголический памятник XI в. Пг., 1922 [в кириллической транскрипции]; *Altbauer M.* Psalterium Sinaiticum, an 11th Century Glagolitic Manuscript from St. Catharines Monastery, Mt. Sinai. Skopje, 1971 [фототипически]; *Tarnanidis J. C.* The Slavonic manuscripts discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988 [отрывок (2 листа) рукописи, фототипически].

Среди рукописей, найденных в 1975 г. в монастыре Св. Екатерины на Синае, находится глаголическая Псалтырь Димитрия Синайского. Этот старославянский памятник объемом 145 л. содержит текст 151 псалма. В настоящее время международный коллектив палеославистов на базе Института славистики Венского университета готовит издание памятника. Полный текст рукописи представлен на сайте «Славянское письменное наследие „Манускрипт“» (http://mns.udsu.ru/mns/portal.main?p1=42).

Другие древнейшие (XI в.) списки Псалтыри — ***Чу́довская псалтырь*** и ***Евге́ниевская псалтырь*** — принадлежат русскому изводу и обычно выводятся за пределы старославянских памятников. К 1-й половине XIII в. относится ***Боло́нская псалтырь*** — памятник болгарского извода.

Из древнейших славянских памятников, содержащих текст Псалтыри, следует отметить найденный в 2000 г. во время раско-

пок в Новгороде так называемый ***Новгородский кодекс*** (***Новгородская це́ра***, ***Новгородская псалтырь***), археологически датируемый 1-й четвертью XI в. Памятник представляет собой три деревянные страницы — навощенные дощечки (це́ры) — с легко читаемым процарапанным текстом 75-го и 76-го псалмов, а также фрагментом 67-го псалма. В ***Новгородском кодексе*** используется только один знак (**ъ**) для редуцированных, т. е. представлена *одноеровая* графика. Редкие ошибки в передаче юсов выдают восточнославянское происхождение писца, но другие особенности русского извода церковнославянского языка еще не представлены.

Издан: *Зализняк А. А.*, *Янин В. Л.* Новгородский кодекс первой четверти XI в. — древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. 2001. № 5. С. 3—25.

Апо́стол (греч. ἀπόστολος ‘посланник’) — книга, содержащая деяния и послания апостолов — учеников Иисуса Христа, предназначенная для чтения в церкви при богослужении.

Е́нинский апостол

Кириллический памятник XI в. Объем 39 л. Рукопись очень плохой сохранности, неполная, содержит текст служебного апостола.

Назван по месту (с. Енина около г. Казанлы́ка в Болгарии), где был найден в 1960 г. при реставрации церкви Св. Параскевы.

Хранится в Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия в Софии (Болгария).

Издан: *Мирчев К.*, *Кодов Х.* Енински апостол: Старобългарски паметник от XI век. София, 1965 [фототипически]; *Кодов Х.* Енински апостол. Факсимилно издание. София, 1983.

Два других древних списка апостола — ***О́хридский апостол*** (апостол-апракос краткий) конца XII в. и ***Сле́пченский апостол*** (апостол-апракос полный) конца (?) XII в. — являются памятниками болгарского извода и не включаются в число старославянских.

Мине́я (греч. μηναῖον ‘месячник’, от μήν ‘месяц’) — книга, содержащая службы годового круга (предназначенные для церковного чтения на каждый день какого-либо месяца), включающая жития святых, легенды о мученичестве и подвижничестве святых, творения Отцов церкви.

Су́прасльская рукопись

Кириллический памятник XI в., написан в пределах Восточной Болгарии (вероятно, в северо-восточной ее части). Объем 285 л.; представляет собой мартовскую минею, т. е. сборник житий святых и гоми́лий (проповедей) на март, включает 24 жития и 24 гомилии. Бо́льшая часть рукописи восходит к тексту X в., к пресла́вской школе письменности.

Открыта М. К. Бобровским в 1823 г. в библиотеке Супрасльского (откуда и название) монастыря под Белостоком.

Рукопись разрознена, хранится в Народной библиотеке в Варшаве (Польша), Университетской библиотеке в Любля́не (Словения) и Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург).

Издана: *Северьянов С.* Супрасльская рукопись. СПб., 1904 (Памятники старославянского языка. Т. 2. Вып. 1); переизд: в 2 т. Грац, 1956; *Займов И.*, *Капалдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. Т. 1—2. София, 1982—1983.

Тре́бник, или **евхоло́гий** (греч. εὐχολόγιον 'молитвенник', от εὐχωλή 'молитва') — книга, содержащая молитвы, молитвословия и требы (церковные службы на разные случаи жизни).

Сина́йский требник

Глаголический памятник XI в., переписан в Македонии, по-видимому, с мораво-паннонского оригинала (так как часть текстов переведена с латинского и немецкого языков). Объем 106 л.

Назван по месту (монастырь Св. Екатерины на Синае), где был найден архимандритом Порфирием (Успенским) в 1850 г.

Рукопись разрознена, хранится в монастыре Св. Екатерины на Синае, а также в Российской национальной библиотеке и Библиотеке Академии наук (Санкт-Петербург).

Издан: *Geitler L.* Euchologium: Glagolski spomenik manastira Sinai brda. Zagreb, 1882 [в кириллической транскрипции]; *Frček J.* Euchologium Sinaiticum: Texte slave avec sources grecques et traduction française // Patrologia Orientalis. Paris, 1933. T. 24. Fasc. 5; Paris, 1939. T. 25. Fasc. 3; *Nachtigal R.* Euchologium Sinaiticum. Vol. I: Fotografski posnetek; Vol. II: Tekst s komentarjem. Ljubljana, 1941— 1942.

Отрывок *Синайского требника* обнаружен в 1975 г. и издан в: *Tarnanidis J. C.* The Slavonic manuscripts discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988.

Известен ряд сборников, по содержанию близких к минеям; они включают поучения, гоми́лии, похвальные слова и другие тексты. Как правило, сохранились только незначительные по объему отрывки из этих сборников.

Сборник Кло́ца

Глаголический памятник XI в., вероятно, переписан в Западной Болгарии (Македонии). Объем 14 л. (сохранившихся от большого кодекса); содержит отрывки из проповедей. Анонимную гомилию, имеющуюся в этом сборнике, ряд ученых считает произведением Мефодия.

Сборник назван по имени графа П. Клоца — владельца библиотеки, в которой его обнаружил В. Ко́питар в 1830 г.

Рукопись разрознена, хранится в городском музее в Тренто (Италия) и в музее «Ferdinandeum» в Инсбруке (Австрия).

Издан: *Vondrák V.* Glagolita Clozův. Praha, 1893; *Dostál A.* Clozianus codex palaeoslovenicus glagoliticus: Staroslověnský hlaholský sborník tridentský a innsbrucký. Praha, 1959 [фототипически, с кириллической и латинской транскрипцией текста].

Хиланда́рские листки

Кириллический памятник XI в., написан в пределах Восточной Болгарии. Объем 2 л.; содержит отрывок текста славянского перевода поучений Кирилла Иерусалимского.

Рукопись была найдена в 1844 г. В. И. Григоровичем в Хиландарском монастыре на Афоне.

Хранится в Одесской государственной научной библиотеке (Украина).

Изданы: *Кульбакин С. М.* Хиландарские листки: Отрывок кирилловской письменности XI в. СПб., 1900 (Памятники старославянского языка. Т. 1. Вып. 1); *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслеци. София, 1978. С. 24—39.

Зо́графские листки

Кириллический памятник XI в., написан в пределах Восточной Болгарии. Объем 2 л.; содержит отрывок перевода монашеских «Правил» св. Василия Великого.

Названы по Зографскому монастырю на Афоне, где рукопись была обнаружена П. А. Лавровым.

Хранятся в библиотеке Зографского монастыря.

Изданы: *Lavrov P.* Les Feuillets du Zograph // Revue des études slaves. 1926. Vol. 6. P. 5—23; *Lavrov P. A.*, *Vaillant A.* Les Régles du Saint-Basile en vieux-slave: Les Feuillets du Zograph // Revue des études slaves. 1930. Vol. 10. P. 5—35; *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслеци. София, 1978. С. 39—45.

Ры́льские листки

Глаголический памятник XI в., написан в пределах Западной Болгарии (Македонии). Объем 7 л. и 3 вырезки; представляют собой отрывок из несохранившегося кодекса литургического назначения — исповедальной молитвы и части наставления (паренесиса) Ефрема Си́рина. Возможно (как предполагает И. Гошев), они входили в полный евхологий или специальный сборник молитв.

Названы по месту (Рыльский монастырь в Болгарии), где были обнаружены разными учеными (В. И. Григорович, 1845 г.; К. Иречек, 1880 г.; Й. Иванов, 1936 г.).

Рукопись разрознена, хранится в Рыльском монастыре (Болгария) и Библиотеке Академии наук (Санкт-Петербург).

Изданы: *Гошев И.* Рилски глаголически листове. София, 1956.

Киевский миссáл (Киевские листки)

Глаголический памятник, по всей вероятности, X в., написан в пределах Моравии (на западнославянское происхождение указывают некоторые языковые, в частности фонетические, особенности). Объем 7 л.; содержит отрывок литургии (мессы) по римскому обряду, переведенный с латинского оригинала (причем первая страница первого листа содержит другой текст, более позднего письма).

Назван в связи с открытием его И. И. Срезневским в 1874 г. в Киеве, куда памятник был в 1860 г. перевезен из Иерусалима архимандритом Августином (Капустиным).

Хранится в Библиотеке Украинской академии наук (Киев).

Издан: *Jagić V.* Glagolitica: Würdigung neuentdeckter Fragmente. Wien, 1890; *Mohlberg G.* Il messale glagolitico di Kiew (sec. IX) ed il suo prototipo romano del sec. VI—VII // Atti della Pontificia Academia Romana di archeologia. Ser. III: Memoire. Roma, 1928. Vol. II. P. 207—320 [с латинским текстом]; *Німчук В.В.* Київські глаголичні листки. Київ, 1983 [фототипически, с кириллической транскрипцией и латинским текстом].

До нас дошли несколько датированных **надписей**, выполненных кириллическими буквами, из которых самые древние:

- надпись на поминальном камне 921 г. в скальном монастыре около селения Крепча (Болгария);
- надпись 930—931 гг. на корчаге (глиняном сосуде) из Преслáва;
- Добруджáнская надпись 943 г. на камне;
- надпись 993 г. болгарского царя Самуúла на надгробной плите из с. Герман в Западной Македонии (Греция);
- Битóльская надпись болгарского самодержца Ивана Владислава 1015—1016 гг. на камне.

Не моложе середины X в. (по археологическим данным) древнейшая глаголическая надпись, найденная в Круглой церкви в Преславе (Болгария): **ⱅⰻⰳⰻⰱⰶⰵ = ти г҃и б҃жє = ти г(оспод)и б(о)жє** ‘Тебе, Господи, Боже’. Приблизительно к этому же времени (1-я половина X в.) относится и обнаруженная там же древняя глаголическая азбука — Преславский абецедарий («abecedarium bulgaricum»), содержащий первые 18 букв глаголицы. Также известны многочисленные глаголические и кириллические надписи на строительных блоках, каменных плитах, свинцовых пластинах, которые археологически датируются X—XI вв.

Материал древнеславянских надписей, многие из которых древнее дошедших до нас старославянских рукописей, важен при изучении распространения славянской письменности. Хотя сохранившиеся надписи значительно уступают рукописям по объему, их корпус постоянно пополняется новыми находками. Кроме того, они отражают некоторые местные черты старославянского языка, что с учетом хорошей хронологической и территориальной локализованности надписей повышает их роль как источника для реконструкции исходной системы старославянского языка и его истории.

§ 12. Образцы древних славянских текстов

Приведем два древних славянских текста: начальный отрывок из Евангелия от Луки (табл. 5) по глаголическому ***Зографскому евангелию***, л. 131 (Лк. I: 1—5) и кириллическую ***надпись на надгробной плите Мóстича*** (табл. 6). Последняя была обнаружена в 1952 г. в Преславе (Болгария). Она не датирована, но уверенно может быть отнесена к 60-м гг. X в., поскольку в ней упоминается болгарский царь Петр, который правил с 927 по 969 г.

Таблица 5

Отрывок из Зографского евангелия

Глаголический текст	Транслитерация кириллицей	Перевод
ⰵⰲⰰⰼⰵⰾⰻⰵ ⱉⱅⱏⰾⱆⰽⱏⰺ: ⱂⱁⱀ҇ⰵⰶⰵⱆⰱⱁ·ⰿⱀⱁⰸⰻⱀⰰⱍⱗⱎⱗ· ⱍⰻⱀⰻⱅⰻⱂⱁⰲⱑⱄⱅⱐ·ⱁⰹⰸⰲⱑ- ⱄⱅⱏⱀⱏⰹⱈⱏⰲⱏⱀⰰⱄⱏⰲⰵⱎⱅⰵⱈⱏ ⱑⰽⱁⰶⰵⱂⱃⱑⰴⰰⱎⱗⱀⰰⰿⱏⰱⱏⰺⰲⱏ- ⱎⰵⰺⰹⱄⰽⱁⱀⰻⱄⰰⰿⱁⰲⰻⰴⱐⱌⰻ· ⰹⱄⰾⱆⰳⰺⱄⰾⱁⰲⰵⱄⰻ·ⰹⰸⰲⱁ- ⰾⰻⱄⱗⰹⰿⱐⱀⱑⱈⱁⰶⰴⱐⱎⱓ·ⰹ- ⱄⱂⱃⱏⰲⰰⱂⱁⰲⱄⱑⱈⱏⰲⱏⰹⱄⱅⰻ- ⱀⱘⱂⱁⱃⱗⰴⱆ·ⱂⱄⰰⱅⰻⱅⰵⰱⱑ· ⱄⰾⰰⰲⱏⱀⱏⰹⱅⰵⱁⱇⰻⰾⰵ·ⰴⰰⱃⰰ- ⰸⱆⰿⱑⰵⱎⰻ·ⱁⱀ҇ⰻⱈⱏⰶⰵⱀⰰⱆ- ⱍⰻⰾⱏⱄⱗⰵⱄⰻⱄⰾⱁⰲⰵⱄⰵⱈⱏ ⱆⱅⰲⱃⱏⰶⰴⰵⱀⱐⰵ·	**еваћелие** **ѡтъ лоукъı** **пон҇еже оубо • мнози начѩшѩ** **чинити повѣсть • о їзвѣ-** **стънъїхъ въ насъ вештехъ** **• ѣкоже прѣдашѩ намъ • бъıвъ-** **шеı їскони самовидьци •** **ї слоугъı словеси • їзво-** **ли сѩ ї мьнѣ хождьшю • ї-** **спръва по всѣхъ въ їсти-** **нѫ по рѩдоу • псати тебѣ •** **славънъї теофиле • да ра-** **зоумѣеши • о н҇ихъже наоу-** **чилъ сѩ еси словесехъ** **оутвръжденье •**	Евангелие от Луки. Поскольку многие начали составлять повествование о изве- стных среди нас фактах, как [их] передали нам быв- шие изначально очевидцами и служителями слова, захоте- лось и мне, следуя с самого начала за всеми, правди- во по порядку написать тебе, славный Теофил, и ты осо- знаешь достоверность учения, которому ты был обучен.

Таблица 6

Надпись на надгробной плите Мостича

Текст надписи с разделением на слова	Текст надписи с раскрытием титл и знаками препинания	Перевод
сьде лежитъ мо- стичь чрьгоубы- лꙗ бывъıи при сумеонѣ цр҃и и при петрѣ цр҃и [о]- с[м]иѭ же десѧ- ть лѣтъ сы оста- вивъ [ч]рьгоубыль- ство ї вьсе їмѣни- ѥ бъıстъ чрьнори- зьць ї въ томь сь- врьши жизнь своѭ	**Сьде лежитъ Мо- стичь чрьгоубы- лꙗ, бывъıи при Сумеонѣ цѣсари и при Петрѣ цѣсари. Осмиѭ же десѧ- ть лѣтъ сы, оста- вивъ чрьгоубыль- ство ї вьсе їмѣни- ѥ, бъıстъ чрьнори- зьць ї въ томь сь- врьши жизнь своѭ.**	Здесь лежит Мо- стич, бывший чергубы- ля[1] при царе Симеоне и при царе Петре. Будучи 80 лет, оста- вил чергубыль- ство и все имуще- ство и стал мона- хом. И так закончил жизнь свою.

§ 13. Основные сведения по истории изучения старославянского языка

Хотя первым исследованием, посвященным старославянскому языку и славянской письменности, является сочинение болгарского книжника IX в. черноризца Храбра «О письменах», где наряду с изложением истории возникновения старославянской азбуки имеется попытка проанализировать звуковой состав славянской речи, эта работа воспринимается не как исследование, а как источник для изучения старославянского языка.

Начало академического славяноведения в России падает на 2-ю четверть XVIII в. Первым ученым, который, не являясь формально членом Петербургской академии наук, начал рассматривать проблемы происхождения славян и их истории, был историк **Василий Никитич Тати́щев** (1686—1750), автор «Истории российской» (М., 1768—1848), над которой он работал с 1720 г. В. Н. Татищев, признавая языковую и культурную общность славян, делил древние славянские племена на восточную, южную, западную и северную группы.

Славянскими древностями и проблемой происхождения славян интересовался и **Василий Кириллович Тредиако́вский** (1703—1768), который, в частности в работе «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, а именно: 1. О первенстве словенского языка перед тевтоническим; 2. О первоначалии россов; 3. О варягах, рус-

1 *Чергубы́ля* — в древнеболгарском языке несклоняемое существительное протоболгарского (тюркского) происхождения, обозначавшее одну из высших государственных должностей в Первом болгарском царстве.

сах славенского звания, рода и языка» (М., 1773), разрабатывал идею о большей древности славянских языков по сравнению с другими родственными языками, опираясь на донаучное этимологизирование названий различных стран и народов (см. § 15).

Предтечей научного славяноведения можно считать **Михаила Васильевича Ломонóсова** (1711—1765), который, как это следует из его опубликованных работ и черновых заметок, имел вполне ясные представления о родстве славянских языков и их составе. Он пришел к выводу, что славянские языки — русский, польский, болгарский, сербский, чешский, словацкий, лужицкий («вендский») — являются «сродственными» (родственными) и восходят к одному языку, который он называл «славенским». Кроме того, ученый признавал родство славянских языков с балтийскими, а также греческим, латинским и немецким (но не с финским или китайским). Ломоносов исходил при этом не из общих соображений, а из анализа языкового материала, а именно сравнения числительных первого десятка. Существенно, что Ломоносов стремился разграничить древний язык церковных книг (старославянский, или «славено-моравский») и собственно русский (древнерусский), считая, что и тот и другой произошли из одного источника — «древнего славянского языка» (праславянского), а не русский из «славено-моравского». Таким образом, Ломоносов довольно ясно разграничивал праславянский, старославянский и древнерусский языки[1].

О подлинно научной разработке старославянского языка следует говорить все же только с конца XVIII в. Основоположниками славянской филологии считаются чешский ученый Й. Добровский и русский ученый А. Х. Востоков.

Йóзеф Дóбровский (1753—1829), как и многие исследователи в других славянских странах, был сторонником общефилологического подхода к изучению старославянского языка. Основные его работы — «Glagolitica» («Глаголица», 1807), «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris» («Основы древнего наречия славянского языка», 1822; перевод издан в России под названием «Грамматика языка славянского по древнему наречию», 1833—1834), «Cyrill und Method der Slawen Apóstel» («Кирилл и Мефодий. Славянские апостолы», 1823) — посвящены самым разным аспектам исследования старославянского языка и происхождения славянской письменности.

Й. Добровский впервые дал систематическое изложение грамматики церковнославянского языка (правда, на основе сравнительно поздних памятников славянской письменности) и обосновал, исходя

[1] См.: *Успенский Б. А.* М. В. Ломоносов о соотношении церковнославянского, древнерусского и «древнего славянского» языков (на материале его записки о А. Л. Шлёцере) // Kalbotyra (Языкознание). № 39 (2). Закономерности развития и взаимодействия языков. Вильнюс, 1988. С. 13—19.

из 10 фонетических, морфологических и лексических признаков, его южнославянское происхождение («иллирийская», т. е. сербская, основа). Ему же принадлежит первая научная классификация славянских языков, которые он разделял на две группы: юго-западную, куда входил и русский язык, и северо-западную. Двучленная классификация Й. Добровского была позднее уточнена русским историком и этнографом **Николаем Ивановичем Надéждиным** (1804—1856) и украинским ученым **Михаилом Александровичем Максимóвичем** (1804—1873), которые фактически обосновывали ставшее общепринятым деление славянских языков на три группы (южную, западную и восточную). Й. Добровский высказал также предположение, что первой славянской азбукой была кириллица, а создателем ее являлся Кирилл. Фундаментальные труды Й. Добровского оказали большое влияние на дальнейшую разработку проблем палеославистики[1].

Александр Христофорович Востóков (1781—1864) первый применил сравнительно-исторический метод к исследованию славянских языков в своей небольшой работе «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам» (1820). Им осуществлено первое издание (1843) Остромирова евангелия, отличающееся научной строгостью и точностью методов исследования и описания материала. В 1858—1861 гг. А. Х. Востоков издал «Словарь церковнославянского языка» (ч. I—II). Последняя большая работа ученого — «Грамматика церковнословенского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам» (1863).

На основании сравнительно-исторического изучения различных славянских языков А. Х. Востоков смог продвинуться значительно дальше Й. Добровского в описании фонетической системы старославянского языка: он установил, что буквы ѫ и ѧ обозначали носовые гласные, а ъ и ь обозначали гласные звуки, которые он определял как краткие гласные («полугласные»). Востоковым были отмечены и другие особенности старославянского языка (например, отсутствие различия в склонении существительных и кратких прилагательных, различение инфинитива и супина, отсутствие деепричастия, которое, по его мнению, еще не сформировалось, и др.), что явилось важным открытием в языкознании начала XIX в. Востоков впервые указал на *полногласие* (см. § 23) как на черту русского языка, отличающую его от старославянского (рус. *город*, *берег* — ст.-сл. градъ, брѣгъ). Таким образом, прямо не полемизируя с Добровским, но выделяя такую яркую черту восточнославянских языков, как полногласие, Востоков примкнул к трехчленной классификации славянских языков.

[1] *Карский Е. Ф.* К столетию со дня выхода «Institutiones» И. Добровского 1822—1922 // Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С. 607—615.

Кроме того, в отличие от Добровского, Востоков видел диалектную основу старославянского языка в болгарском наречии, полагая, что первоначальная славянская азбука была создана для болгар. Итак, А. Х. Востоков был первым, кто на большом языковом материале и с применением сравнительно-исторического метода доказал родство славянских языков. Он работал в контексте европейской науки того времени, хорошо знал и использовал работы своих современников А.-Л. Шлёцера, Й. Добровского, Я. Гримма и др.

В работах, посвященных описанию славянских рукописей, он последовательно разграничивал праславянский и старославянский (церковнославянский) языки и указывал на существование различных редакций (изводов) церковнославянского. Для того чтобы отличать *праславянский*, для которого использовался термин «славенский», от языка церковных книг (восходящего к языку кирилло-мефодиевских переводов), который называли *церковным*, Востоков стал использовать термин *церковнославянский* («церковнословенский», т. е. церковный и славянский)[1].

Из современников Добровского и Востокова следует назвать словенского ученого **Варфоломе́я (Ерне́я) Ко́питара** (1780—1844), который опубликовал найденный им древнейший глаголический памятник — Сборник Клоца (1836). В предисловии к изданию Копитар изложил свои взгляды на происхождение старославянского языка и письменности — так называемую паннонскую теорию, согласно которой языком первых славянских переводов был язык славян, живших в Паннонии, т. е. предков нынешних словенцев, а глаголица признавалась более древней азбукой, чем кириллица.

С 30-х гг. XIX в. начинается чрезвычайно активная работа по собиранию и изданию памятников старославянской письменности.

Здесь особая заслуга принадлежит русскому ученому-филологу **Виктору Ивановичу Григоро́вичу** (1815—1876), который в 1844 г. совершил поездку на Балканы и Афонский полуостров, открыв множество славянских рукописей, среди которых были и древнейшие: Зографское, Мариинское евангелия, Хиландарские листки. Именно открытия В. И. Григоровича стимулировали новые исследования в области старославянского языка.

Словацкий ученый, историк и филолог **Павел Йо́зеф Шафа́рик** (1795—1861), опираясь на материалы В. И. Григоровича, выдвинул теорию происхождения славянской письменности, фактически лежащую в основе современного научного взгляда на этот вопрос. В своих работах «Rozkwět slowanské literatury w Bulharsku» («Расцвет славянской письменности в Болгарии», 1848) и особенно «Über

[1] Подробнее об этом см.: *Keipert H.* Востоков и Шлецер (О началах сравнительно-исторического метода в славянском языкознании) // Russian Linguistics. 2006. P. 303—319.

den Ursprung und die Heimat des Glagolitismus» («О происхождении и родине глаголицы», 1858) он утверждал, что глаголица древнее кириллицы (и в ней используются знаки еврейско-самаритянского, финикийского и других алфавитов), и связывал ее изобретение с именем Константина-Кирилла, тогда как создание кириллицы он приписывал ученику Мефодия Клименту. В вопросе о языковой основе старославянского языка Шафарик, отказавшись от прежних взглядов (совпадавших с позицией Й. Добровского), присоединился к В. Копитару.

Ученик Копитара словенский ученый **Франц Ми́клошич** (1813—1891) в своих работах, продолжая развивать его взгляды, доказывал невозможность болгаро-македонской основы старославянского языка. Большую роль в распространении «паннонской теории» сыграли его первые обобщающие капитальные труды по славистике. Прежде всего это «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen» (Сравнительная грамматика славянских языков: в 3 т.; 1-е изд. — 1852—1875; 2-е, перераб., — 1875—1883), где были даны очерки отдельных славянских языков с использованием материалов праславянского и старославянского языков. Ф. Миклошичу принадлежат также два фундаментальных лексикографических труда: «Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum» («Старославянско-греко-латинский словарь», 1862—1865) и «Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen» (первый «Этимологический словарь славянских языков», 1886).

Однако в конце XIX в. «паннонская теория», долгое время имевшая сторонников благодаря научному авторитету Миклошича, была опровергнута словенским ученым **Ва́трославом О́блаком** (1864—1896), результаты исследования которого были опубликованы в его работе «Makedonische Studien» («Македонские исследования», 1896) (см. § 8).

Академик **Измаи́л Иванович Срезне́вский** (1812—1880) продолжил в палеославистике направление (углубленное лингвистическое исследование и описание старославянских памятников), начатое А. Х. Востоковым в 40—60-х гг. XIX в. Он открыл и описал глаголические Киевские листки (Киевский миссал) и Саввину книгу. Ему же принадлежит ряд описаний старославянских и церковнославянских рукописей, а также палеографических исследований: «Древние письмена славянские» (1848); «Древние глаголические отрывки, найденные в Праге» (1857); «Древние глаголические памятники, сравнительно с памятниками кириллицы» (1866); «Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка» (1868); «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках» (1867—1881). Он же собрал материалы к историческому словарю древнерусского языка («Материалы для словаря древнерусского

языка по письменным памятникам», 1893—1912). Этот словарь, подготовленный к изданию детьми Срезневского уже после смерти ученого, и сейчас является одним из самых полных. Фактически именно Срезневский впервые наметил программу исторического изучения русского языка в связи с историей народа («Мысли об истории русского языка», 1849).

И. И. Срезневский был инициатором и непосредственным участником (в качестве автора и редактора) издания «Известий Академии наук по Отделению русского языка и словесности» (с 1852 г.) и «Сборника статей, читанных в Отделении русского языка и словесности» («Сборник ОРЯС», с 1867 г.), где публиковались многие серьезные исследования по палеославистике.

На последующее изучение старославянского языка большое влияние оказал один из основоположников сравнительно-исторического языкознания, немецкий ученый **А́вгуст Шле́йхер** (1821—1863) — автор фундаментального исследования «Formenlehre der kirchenslavischen Sprache» («Морфология церковнославянского языка», 1852), в котором для реконструкции морфологических особенностей дописьменного периода был привлечен материал литовского языка (принцип, ставший для славянского языкознания в дальнейшем традиционным), что позволило объяснить целый ряд фонетических и грамматических изменений в праславянском языке.

Немецкий ученый **А́вгуст Лески́н** (1840—1916) — один из представителей нового научного направления («младограмматиков»), выдвинувших гипотезу о регулярности (безысключительности) звуковых изменений (см. § 15), — издает первое систематизированное и тщательно разработанное пособие по старославянскому языку «Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache» («Руководство по древнеболгарскому (древнецерковнославянскому) языку», 1871, 1886), затем и «Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache» («Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка», 1909; в русском переводе вышла в 1915 г.). В этих трудах впервые были определены условия ряда праславянских фонетических изменений и разработаны вопросы их относительной хронологии.

Деятельность И. И. Срезневского знаменовала собой начало «золотого века» палеославистики. Во 2-й половине XIX — начале XX в. появляется ряд важных исследований и изданий памятников старославянской письменности.

Значительный вклад в научную разработку проблем славянской филологии внесен академиком **Ва́трославом (Игнатием Викентьевичем) Я́гичем** (1838—1923), хорватом по национальности. Он был не только крупнейшим ученым-славистом (ему принадлежит более 700 работ по различным вопросам славянской филологии), но и выдающимся организатором в области науки. В 1876 г. Ягич основал в Берлине «Archiv für slavische Philologie» («Архив славянской фило-

логии»), ставший лучшим славистическим научным журналом конца XIX в.; на его страницах печатались фундаментальные исследования по старославянскому языку. Позже, живя в Петербурге (1880—1886) и возглавляя после И. И. Срезневского кафедру славянской филологии Петербургского университета, он стал инициатором издания «Исследований по русскому языку», где были опубликованы многие работы по старославянскому языку и истории русского языка.

С 1908 г. по инициативе Ягича начинает выходит серия «Энциклопедия славянской филологии», включившая труды многих выдающихся ученых-славистов. В этом издании были опубликованы также его «История славянской филологии» (1910) и исследование «Глаголическое письмо» (1911), в котором представлена история изучения глаголицы, дано подтверждение новыми фактами теории И. Тейлора о происхождении глаголицы из греческого минускула, установлена бóльшая древность глаголического письма по сравнению с кириллическим и сделано палеографическое его описание.

И. В. Ягичу принадлежат лучшие издания и описания старославянских памятников (Зографского и Мариинского евангелий, Киевских листков и др.). Его интерес к вопросам происхождения славянской письменности, к истории славянской книжности отразился в исследованиях: «Вновь найденное свидетельство о деятельности Константина-философа, первоучителя славян св. Кирилла» (1893); «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке» (1895); «Entstehungsgeschichte der Kirchenslavischen Sprache» («История возникновения церковнославянского языка», 2-е изд., 1913), где фактически окончательно доказана несостоятельность «паннонской теории» происхождения старославянского языка.

Важную роль в славянском языкознании сыграл польский ученый **Ян (Иван Александрович) Бодуэ́н де Куртенэ́** (1845—1929) — профессор Казанского, затем Петербургского университета, основатель Казанской лингвистической школы, один из основоположников современной лингвистики. Им сделан и ряд конкретных открытий (условия прогрессивной ассимиляции заднеязычных согласных, известной как третья, или бодуэновская, палатализация; закон сокращения основ в пользу окончаний и др.), имеющих значение для изучения старославянского языка.

Выдающуюся роль в изучении старославянского языка и письменности сыграли русские ученые академик Ф. Ф. Фортунатов и его ученики А. А. Шахматов, Б. М. Ляпунов, Н. Н. Дурново, Е. Ф. Карский, Г. А. Ильинский, С. М. Кульбакин.

Филипп Федорович Фортуна́тов (1848—1914) — теоретик и историк языка, создатель Московской (фортунатовской) лингвистической школы, сделавший важные открытия в области индоевропейской и балто-славянской акцентологии. Ф. Ф. Фортунатов в своих трудах большое внимание уделял изучению и преподаванию старославян-

ского языка. В течение ряда лет (1880—1890) он читал в Московском университете курс лекций по фонетике старославянского языка. Его «Лекции по фонетике старославянского языка» (1919), опубликованные уже после смерти автора, переизданы в 1957 г. Ф. Ф.Фортунатов интенсивно занимался вопросами старославянской письменности (особенно в последние годы своей жизни). Он редактировал серию изданий «Памятники старославянского языка», напечатал ряд работ, посвященных анализу палеографических и языковых особенностей памятников старославянской письменности: «Состав Остромирова евангелия» (1908), «Старославянское -**тъ** в 3-м лице глаголов» (1908), «О происхождении глаголицы» (1913).

Перечислим некоторые важные работы в области славистики ученых фортунатовской школы.

Вячеслав Николаевич Щéпкин (1863—1920): «Рассуждение о языке Саввиной книги» (1898—1899), исследование и издание Болонской псалтыри «Болонская псалтырь» (1906) — лучшие образцы научного издания памятников славянской письменности;

Алексей Александрович Шáхматов (1864—1920): «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (1915), в котором многие явления исторической фонетики древнерусского языка рассматриваются на фоне данных старославянских памятников, а также выдвигается гипотеза о происхождении русского литературного языка на основе древнеболгарского (старославянского) языка;

Александр Иванович Тóмсон (1860—1935): серия статей (1908—1913) о развитии категории одушевленности в славянских языках (переизд.: *Томсон А. И.* Избранные работы по морфологии славянских языков. Развитие категории одушевленности. М., 2006);

Евфимий Федорович Кáрский (1861—1931): «Славянская кирилловская палеография» (1928; переизд. 1979), представляющая собой энциклопедическое описание особенностей кирилловского письма;

Борис Михайлович Ляпунóв (1862—1943): «Формы склонения в старославянском языке» (1905), содержащая развернутый очерк системы склонения старославянского языка;

Степан Михайлович Кульбáкин (1873—1941): курс лекций «Древнецерковнославянский язык» (1911—1912) и «Грамматика церковнославянского языка по древнейшим памятникам» (1915), до 1950-х гг. остававшиеся единственными отечественными учебниками по старославянскому языку;

Николай Николаевич Дурновó (1876—1937): «Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка» (1924); «Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов» (1929), где представлена концепция происхождения старославянского языка и славянских азбук, ставшая общепринятой в современной славистике; «Славянское правописание X—XII вв.» (1933).

Заметный след в палеославистике оставила научная деятельность академиков А. И. Соболевского и П. А. Лаврова.

Алексей Иванович Соболе́вский (1856—1929), возглавлявший с 1888 по 1908 г. кафедру русского языка и словесности в Петербургском университете, читал лекции по старославянскому (древнецерковнославянскому) языку. На основе конспекта этих лекций он издает учебник «Древнецерковнославянский язык. Фонетика» (1891), который был первым систематическим описанием фонетики старославянского языка и на долгие годы стал практически единственным пособием по курсу. Ему также принадлежит одно из первых в отечественной славистике пособий по палеографии «Славяно-русская палеография. Конспекты лекций, читанных в С.-Петербургском Археологическом Институте» (1901—1902; 2-е изд. 1908). Особое место среди многочисленных славистических исследований ученого занимает сборник его статей, посвященных вопросам изучения лексики старославянских памятников, — «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии» (1910).

Наиболее важными трудами **Петра Алексеевича Лавро́ва** (1856—1929) являются монографии «Палеографический обзор кирилловского письма» (1915) и «Материалы по истории возникновения древней славянской письменности» (вышли в 1930 г. под редакцией Б. М. Ляпунова).

Григорию Андреевичу Ильи́нскому (1876—1937) принадлежат образцовые издания старославянских и церковнославянских памятников (Слепченский апостол, Охридские глаголические листки и др.), а также новаторский для своего времени труд «Праславянская грамматика» (1916), в котором впервые обосновано право на самостоятельное существование *истории праславянского языка* как научной дисциплины наряду со старославянским языком и исторической грамматикой отдельных славянских языков.

Необходимо сказать, что отечественная славистика после революции 1917 г. переживала не лучшие времена. Внедрение в лингвистику «нового учения о языке» востоковеда акад. **Николая Яковлевича Марра** (1864/65—1934), отрицавшего сравнительно-историческое языкознание и гипотезу языкового родства, систематическая травля ведущих ученых подручными Марра и жесточайшая цензура, в том числе атеистическая, террор властей отнюдь не способствовали развитию палеославистики и изучению старославянского языка в СССР в первые послереволюционные десятилетия. По так называемому Делу славистов были арестованы и в 1934 г. осуждены многие ведущие отечественные ученые[1]. Н. Н. Дурново и Г. А. Ильинский

[1] Подробнее см.: *Ашнин Ф. Д.*, *Алпатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

были расстреляны, В. Н. Перетц умер в ссылке, А. М. Селищев несколько лет провел в лагере и после освобождения в 1937 г. прожил недолго. После революции многие слависты вынуждены были эмигрировать, другие — печатать свои работы за границей. Центр изучения палеославистики постепенно перемещался за границу[1].

Чешский ученый **Ва́цлав Во́ндрак** (1859—1925) — автор популярного и очень обстоятельного пособия «Altkirchenslavische Grammatik» («Древнецерковнославянская грамматика», 1900; 2-е изд., перераб. и доп., 1912), где впервые был представлен раздел старославянского синтаксиса. Позднее этот раздел был переведен на русский язык и издан отдельной книгой под названием «Древнецерковнославянский синтаксис» (1915). В ней были собраны и публиковавшиеся в 1890—1906 гг. его исследования, посвященные языку ряда древнейших старославянских памятников (Сборника Клоца, Киевского миссала, Пражских отрывков, Супрасльской рукописи и др.).

Крупным вкладом в палеославистику стал его двухтомный труд «Vergleichende Slavische Grammatik» («Сравнительная славянская грамматика», 1-е изд. — 1906—1908; 2-е, перераб., — 1924, 1928). В этой грамматике (в отличие от грамматики Ф. Миклошича, к тому времени уже устаревшей) славянский языковой материал систематизирован по языковым фактам и очерк истории славянских звуков и форм дан от праславянского состояния до современного (в различных славянских языках). В дальнейшем этот методический принцип был положен в основу всех последующих работ подобного типа.

Трудно переоценить значение деятельности французского индоевропеиста и слависта **Антуа́на Мейе́** (1866—1936). А. Мейе был организатором французского Института славяноведения (Institut d'études slaves) и с 1921 г. в течение ряда лет являлся редактором его печатного издания «Revue des études slaves». Его первая значительная работа «Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieuxslave» («Исследования об употреблении родительного-винительного падежа в старославянском языке», 1897) касалась становления категории одушевленности в старославянском и других славянских языках. Следует также отметить двухтомный труд «Études sur l'étimologie et le vocabulaire du vieux slave» («Этюды об этимологии и словаре старославянского языка», 1902/05), где не только представлены многочисленные славянские этимологии, но и обсуждаются вопросы морфологии, словообразования и ряд других теоретических проблем славянских языков.

---

[1] Подробнее о положении славяноведения в первые десятилетия советской власти см.: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.

Итогом исследований А. Мейе в области славянского языкознания стал капитальный труд «Le slave commun» («Общеславянский язык», 1924; 1934; в русском переводе с примечаниями П. С. Кузнецова вышел в 1951 г.), посвященный реконструкции праславянского языка. До сих пор он считается образцовым руководством по праславянскому языку.

Почти одновременно с трудом А. Мейе вышла книга голландского слависта **Николауса (Николая) Ван-Вейка** (1880—1941) «Geschichte der altkirchenslavischen Sprache» (1931; русский перевод книги под названием «История старославянского языка» опубликован в 1957 г.). Это своеобразный итог многочисленных исследований автора в области истории славянских языков.

В 1934 г. выходит литографированный курс лекций по старославянскому языку «Altkirchenslavische Grammatik. Schrift-, Laut- und Formensystem» («Древнецерковнославянский язык. Система письма, фонетика и морфология»; посмертно переиздан в 1954 г.) **Николая Сергеевича Трубецко́го** (1890—1938) — разностороннего филолога и лингвиста, одного из основоположников фонологии. Описание старославянского письма и языковой системы Трубецкой строит на строго синхронном основании, сосредоточившись на рассмотрении внутренних факторов, определяющих функционирование фонологической и морфологической систем. Эта работа, основанная на конспекте лекций, которые Трубецкой читал в 1932/33 гг. в Венском университете, обобщает ряд его статей, посвященных истории праславянского и отдельных славянских языков, и содержит множество оригинальных интерпретаций старославянского материала.

Примерно в это же время — в начале 30-х гг. — появляется фундаментальная двухтомная грамматика старославянского языка («Altkirchenslavische Grammanik». I—II. Heidelberg, 1932, 1934) немецкого слависта **Пауля Дильса** (1882—1963), а в конце 30-х — руководство по старославянскому языку («Rukovět' jazyka staroslověnského». Praha, 1937—38) чешского слависта **Милоша Вейнгарта** (1890—1939).

После Второй мировой войны происходит активизация научных разысканий в области старославянского языка. Помимо значительного количества научных публикаций по разным аспектам палеославистики начинает издаваться много научной периодики — журналов, тематических сборников.

Так, французский славист, ученик А. Мейе, **Андре́ Вайа́н** (1890—1977) публикует «Manuel du vieux slave» («Руководство по старославянскому языку», 1948; в русском переводе 1-я часть книги — «Grammaire» — вышла в 1952 г.). Оставляя за пределами работы сопоставление старославянского материала с данными других славянских и индоевропейских языков и сводя к минимуму

теоретические обобщения, Вайан дает исчерпывающее синхронное описание грамматики старославянского языка и форм, встречающихся в старославянских памятниках.

А. Вайаном издана фундаментальная «Grammaire comparée des langues slaves» («Сравнительная грамматика славянских языков». I—V. 1950—1977); опубликованы многочисленные статьи, среди них статья о происхождении славянских алфавитов, в которой он высказывает и аргументирует свою точку зрения (разделяемую в настоящее время многими учеными) об искусственном характере глаголицы.

После «дискуссии по вопросам языкознания», в ходе которой идеи Марра были подвергнуты уничтожающей критике, начинается подъем славистических исследований в СССР. Недостаток отечественных пособий по праславянскому и старославянскому языкам, вызванный господством марризма (Трубецкой называл его «маразмом»), восполнялся изданием переводных работ зарубежных славистов (Мейе, Вайана, Ван-Вейка). Значительным событием в научной разработке старославянского языка был выход книги крупнейшего русского слависта **Афанасия Матвеевича Сели́щева** (1883—1942) «Старославянский язык» (ч. 1 — 1951; ч. 2 — 1952). В первой части этого труда представлено обширное введение в кирилло-мефодиевскую проблематику и палеославистику, а также фонетика старославянского языка в сравнительно-историческом освещении и на основе детального описания материала старославянских памятников. Эта оригинальная работа содержит много интересных наблюдений над материалами ряда памятников, особенно македонских и болгарских.

Вторая часть представляет собой очерк морфологии (в отличие от фонетики — довольно сжатый) и словообразования старославянского языка, хотя первоначально автор предполагал дать развернутое описание морфологии и синтаксиса старославянского языка.

И еще один капитальный труд А. М. Селищева остался неоконченным. Это «Славянское языкознание», фактически энциклопедия славянского языкознания середины XX в. Из задуманных трех частей исследования в 1941 г. вышла только первая часть, посвященная западнославянским языкам. Имеются основания полагать, что к печати была подготовлена и вторая часть книги, посвященная южнославянским языкам, но сама рукопись, очевидно, была утеряна во время войны.

Наряду и параллельно с лингвистическим изучением старославянского языка, включающим его синхроническое и диахроническое описание на разных уровнях (фонетическом, грамматическом, лексическом и т. д.), в качестве отдельного направления палеославистики можно выделить изучение литературного наследия Кирилла, Мефодия и их учеников. Это направление палеославистики, которое можно условно назвать «филологическим», занимается разысканием и иссле-

дованием текстов старославянской письменности, в первую очередь древнейших переводов Библии и других богослужебных текстов.

И первым на этом пути был основоположник славянской филологии **Й. Добровский**. Он, в частности, собирался написать полную историю древнеславянского перевода Библии, чего, однако, не осуществил. Следует признать, что это было и невозможно на тот момент, поскольку абсолютное большинство рукописей, в том числе и почти все древнейшие рукописи, еще не были известны ученым. Тем не менее выводы Добровского, сделанные на основе доступных ему сравнительно поздних рукописей и первых печатных кодексов (Отрожского 1581 г., Московского 1663 г., Елизаветинского 1751 г.), были подтверждены результатами, полученными А. В. Горским и К. И. Невоструевым в их фундаментальном труде (о них см. с. 71—72) пятьдесят лет спустя. Добровский оставил свои замечания по целому кругу вопросов славянской библейской филологии: о греческом оригинале церковнославянской Библии, о редакциях новозаветных текстов, о взаимоотношении первопечатных изданий книг Нового Завета, о древности тех или иных лексем и словоупотреблений в славянских текстах Священного Писания, о глаголическом тексте библейских книг и его отношении к кириллическому и т. д. В частности, Й. Добровский, наиболее подробно занимавшийся текстами Евангелия и Апостола, пришел к выводу о том, что они сохранились в трех редакциях: antiqua, media, postrema (*древней, средней и новой*). А. В. Михайлов писал: «Острый ум и тонкая наблюдательность Добровского даже при тех скудных средствах, которыми он располагал, помогли ему подметить и установить такие факты, которые впоследствии вполне оправдались»[1].

Не менее важный вклад в исследование кирилло-мефодиевского наследия был внесен **А. Х. Востоковым.** Помимо образцового издания Остромирова евангелия его перу принадлежит фундаментальное описание[2] одного из рукописных собраний (ныне составляет часть собрания РГБ), в котором им было описано 473 рукописи и сделано немало ценнейших комментариев, не утративших своего значения и по сей день[3].

---

[1] *Михайлов А.В.* Опыт изучения Книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1912. С. CXCII.

[2] Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное А. Х. Востоковым. СПб., 1842.

[3] Например, один из ветхозаветных текстов, имевший на славянской почве очень интересную и непростую судьбу, *Книга Есфирь*, получает в описании А. Х. Востокова лаконичное, но весьма точное замечание: «Замечательно, что Книга Есфирь была переведена с еврейского и, по-видимому, в России, однако же в весьма давнее время» (там же. С. 25). Исследования Н. А. Мещерского и А. А. Алексеева, проведенные более 100 лет спустя, подтвердили, что один из переводов *Книги Есфирь* действительно был сделан непосредственно с еврейского в Древней Руси (см., в частности: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. С. 180—182).

В одно время с Й. Добровским изучением переводческой деятельности Кирилла и Мефодия занимался **Константин Федорович Калайдо́вич** (1792—1832). Он ввел в научный оборот такой важный для истории славянской письменности источник, как Пролог Иоанна Экзарха Болгарского к его переводу Богословия Иоанна Дамаскина. Калайдович обратил внимание на следующее сообщение Пролога о переводе Священного Писания на старославянский (в терминологии Калайдовича — *древний церковнославянский*) язык: **къстѧ҃тинъ философъ... мьногы троуды приѩ... отъ євангелиѩ. и апⷭ҇ла. прѣлагаѩ изборъ... архиепискоупъ Меѳодии. братъ єго. прѣложи вьсѧ кънигы .ѯ҃. отъ єлиньска ѧзыка въ словѣньскь** ‘Константин философ... приложив много труда, перевел избранное из Евангелия и Апостола; архиепископ Мефодий, брат его, перевел все книги, [числом] 60, с греческого языка на славянский’. В своем труде, посвященном этой находке, Калайдович ввел в научный оборот очень важный материал о переводе Священного Писания на старославянский язык[1]. К. Ф. Калайдович активно занимался поиском древних рукописей, им, в частности, открыты такие важные памятники древнерусской письменности, как Изборник 1073 г., Галичское евангелие 1144 г., Апостол 1307 г. и многие другие.

В 1843 г. в научный оборот был введен другой важный историко-литературный источник — Паннонские Жития Кирилла и Мефодия. Они стали известны благодаря статье **Александра Васильевича Горского** (1812—1875), профессора, а впоследствии и ректора Московской духовной академии. С этого момента главным источником о литературном наследии Кирилла и Мефодия по переводу книг Священного Писания стала 15-я глава Жития Мефодия, в которой сообщается, что незадолго до смерти Мефодий перевел всю Библию, кроме Маккавейских Книг.

В 1855 г. А. В. Горский совместно с **Капитоном Ивановичем Невостру́евым** (1815—1872) по предложению московского патриарха Филарета приступает к составлению Описания славянских рукописей Московской синодальной библиотеки (т. 1—4; 1855—1869). О филологических достоинствах данного труда писали следующее: «Таких произведений ума, учености, трудолюбия, внимательности в научной литературе нашей очень немного; немного таких произведений и в литературе Западной Европы» (И. И. Срезневский)[2]; «издатели одолжили славянскую филоло-

---

[1] Увлеченный своей находкой, Калайдович всецело доверял сообщению Пролога (в отличие от Й. Добровского, с недоверием отнесшегося к нему): «Итак, Библия, которою мы теперь пользуемся, принадлежит к концу IX века. Время сделало некоторые изменения в слоге... Грамотные исправляли перевод, неучи портили» (*Калайдович К. Ф.* Иоанн Ексарх Болгарский. М., 1824. С. 12).

[2] Цит. по: *Михайлов А. В.* Опыт изучения Книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. С. CCXXIV.

гию незабвенной услугой» (И. В. Ягич)[1]. В 4 томах была описана 341 рукопись, в их числе — древнейший полный славянский библейский кодекс — Геннадиевская библия (1499)[2]. При описании каждой библейской книги Геннадиевской библии авторы ставили своей задачей определение языка оригинала (греческого, еврейского, латинского и редакции греческого текста, с которой был сделан перевод), выяснение древности славянского перевода, выяснение отношений текста данной книги к тексту, вошедшему в состав первой печатной — Острожской библии 1581 г. В результате своего исследования авторы Описания пришли к крайне важному выводу о том, что текст, представленный в Геннадиевской библии, отличается пестротой относительно происхождения и качества переводов.

Ученик А. В. Горского, **Григорий Александрович Воскресе́нский** (1849—1918), профессор Московской духовной академии, занимался историей новозаветных текстов в славянской письменности. На основании исследования 112 рукописей Евангелия от Марка им были выделены четыре основные редакции славянского перевода Евангелия и осуществлено их синоптическое издание[3]. Также им было осуществлено исследование славянского Апостола (по 51 рукописи), в истории Апостола Г. А. Воскресенский выделил те же 4 редакции, что и в истории Евангелия[4]. Г. А. Воскресенский поднял вопрос о необходимости *научного критического* издания славянской Библии и в связи с этим обратился с прошением в Священный Синод, но ходатайство удовлетворено не было. Лишь позднее (в 1915 г.) для этой цели была организована Библейская комиссия.

Одним из непревзойденных образцов филологического исследования славянских библейских текстов является труд **Александра Васильевича Михайлова** (1859—1927) «Опыт изучения текста Книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе» (Варшава, 1912), за который в 1915 г. он был удостоен Ломоносовской премии; помимо блестяще осуществленного критического издания четьего текста Книги Бытия по 26 спискам, труд содержит

---

[1] *Ягич И.В.* История славянской филологии. СПб., 1910. С. 634.

[2] До Геннадиевской библии тексты Священного Писания не бытовали в составе одной рукописной книги — одни рукописи содержали Евангелие, другие — Апостол и т. д. (древнейший кодекс Нового Завета — Чудовский Новый Завет, XIV в.), ветхозаветные книги были известны в составе сборников, напр. Восьмикнижия, включавшего Пятикнижие Моисеево, Книги Судей, Иисуса Навина и Руфь.

[3] *Воскресенский Г. А.* Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из 108 рукописей Евангелия XI—XVI вв. Сергиев Посад, 1894.

[4] *Воскресенский Г. А.* Послания св. ап. Павла по основным спискам четырех редакций рукописного слав. апостольского текста с разночтениями из рукописей Апостола XII—XVI вв. Вып. 1—5. Сергиев Посад, 1892—1908.

подробнейший очерк истории славянской библеистики с конца XVIII до начала XX в.

Иван Евсеевич Евсеев (1867—1920), профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, занимался исследованием переводов текстов пророков на славянский язык[1], также его перу принадлежат «Очерки по истории Славянской Библии» (Пг., 1915). Но, возможно, более велика его роль как организатора науки: в 1915 г. благодаря его усилиям создается Комиссия по научному изданию славянской Библии, в состав которой вошли лучшие представители русской филологии того времени (достаточно сказать, что сопредседателями ее были академики А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, В. М. Истрин). Правила издания древнеславянских текстов, внесенные в Библейскую комиссию от Московского археологического общества, были разработаны А. В. Михайловым. Комиссия планировала за 60 лет осуществить критическое издание полного текста славянской Библии. Однако последующие исторические события в России воспрепятствовали осуществлению проекта.

В XX в. изучение проблем кирилло-мефодиевского литературного наследия и выяснение отношений между древнейшими рукописями славянского Евангелия перемещаются за границу. Этим вопросам были посвящены труды **Иосифа Вайса**, **Вацлава Вондрака, Карела Гора́лека**, **Лешека Моши́ньского**[2]. Возобновление филологического исследования истории текстов Священного Писания среди российских ученых связано с именами **Никиты Александровича Мещерского** (1906—1987) и **Лидии Петровны Жуковской** (1920—1994). Н. А. Мещерский занимался древнеславянской переводной письменностью, в частности славянскими переводами библейских книг, но особое внимание он уделял переводам, осуществленным в Древней Руси[3]. Ему принадлежит инициатива в разработке проблемы о возможности прямых переводов с древнееврейского, осуществленных в Древней Руси. Л. П. Жуковская занималась изучением текста славянского Евангелия, результаты ее исследования нашли отражение в труде «Текстология и язык древнейших славянских памятников» (М., 1976). Переводческой технике Кирилла и Мефодия посвящен ряд работ **Евгения Михайловича Верещагина**[4]. Важным шагом в исследо-

---

[1] *Евсеев И. Е.* 1) Книга пророка Исайи в древнеславянском переводе. СПб., 1897; 2) Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.

[2] См.: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. С. 148.

[3] См.: *Мещерский Н. А.* Источники и состав славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л., 1978.

[4] См.: *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. Ч.1: Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971; Ч. 2: Варьирование языковых средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972; История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.

вании славянского перевода Евангелия стало критическое издание текстов Евангелия от Иоанна и Евангелия от Матфея по примерно 1000 рукописей[1], осуществленное при непосредственном участии и сотрудничестве широкого круга исследователей. Руководителем проекта являлся **Анатолий Алексеевич Алексеев**, который посвятил истории славянского текста Библии ряд работ, среди них труд, обобщающий результаты исследований, имеющихся на сегодняшний день, по истории славянского библейского текста — «Текстология славянской Библии» (СПб., 1999).

Свидетельством подъема палеославистики в середине XX в. может служить появление в целом ряде стран новых журналов и периодических изданий по славянскому языкознанию, где публикуются многочисленные исследования, посвященные палеославистической проблематике: «Lingua Posnaniensis» (Познань, Польша, 1949—), «Oxford Slavonic Papers» (Англия, 1950—), «Wiener slavistischen Jahrbuch» (Вена, Австрия, 1950—), «Български език» (София, Болгария, 1951—), «Ricerche slavistiche» (Рим, Италия, 1952—), «Slovo» (Загреб, Югославия, 1952—), «Вопросы славянского языкознания» (Москва, СССР, 1954—1963), «Scando-Slavica» (Копенгаген, Дания, 1954—), «Studia Slavica» (Будапешт, Венгрия, 1955—), «Die Welt der Slaven» (Висбаден, Германия, 1956—), «Zeitschrift für Slawistik» (Берлин, Германия, 1956—), «Romanoslavica» (Бухарест, Румыния, 1958—), «Slavica Pragensia» (Прага, Чехословакия, 1959—), «Slavica» (Дебрецен, Венгрия, 1960—), «Славянска филология» (София, Болгария, 1963—), «Советское славяноведение» (Москва, СССР, 1965— ; с 1991— «Славяноведение», Россия) «Старобългаристика / Palaeobulgarica» (София, Болгария, 1977—) и т. д.

Для современного этапа изучения данной дисциплины характерен интерес исследователей к синтаксису и грамматической семантике, а также к лексике и словообразованию старославянского языка, тогда как в предыдущие годы преимущественное внимание уделялось фонетике/фонологии и формообразованию.

Палеославистические исследования ученых разных стран, не только славянских, координируются Международным комитетом славистов, созданным при подготовке Московского (первого послевоенного) съезда славистов в 1958 г., национальными комитетами славистов и многочисленными проблемными комиссиями по различным аспектам палеославистики. Особую роль играют международные съезды славистов (возобновившиеся с 1958 г.), созываемые каждые 5 лет.

Накопленный многолетними палеославистическими исследованиями материал систематизированно представлен в ряде спра-

[1] Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб., 1998; Евангелие от Матфея в славянской традиции. СПб., 2005.

вочных изданий: Кирило-Методиевска енциклопедия: в 4 т. / гл. ред. акад. П. Динеков. София, 1985—2003; *Ильинский Г. А.* Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934; *Попруженко М. Г.*, *Романски Ст.* Кирило-Методиевска библиография за 1934—1940 гг. София, 1942; *Дуйчев И., Кирмагова А., Паунова А.* Кирило-методиевска библиография (1940—1980). София, 1983; *Можаева И. Е.* Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике 1945—1974 гг. М., 1980.

Контрольные вопросы и задания

1. Перечислите современные славянские языки и народы, пользующиеся этими языками. На какие группы делятся славянские языки?

2. Чем объясняется близость славянских языков? В какую языковую семью входят славянские языки?

3. Что такое *праязык*? Перечислите известные вам праязыки.

4. Объясните различие между терминами *старославянский язык* и *праславянский язык*?

5. В чем суть разногласий по отношению к использованию терминов *старославянский*, *древнецерковнославянский* и *древнеболгарский язык*?

6. Каковы были основные предпосылки возникновения письменности у славян?

7. Охарактеризуйте основные результаты деятельности Кирилла и Мефодия.

8. Объясните различие между терминами *старославянский* и *церковнославянский язык*. Перечислите изводы церковнославянского языка.

9. Дайте определение старославянского языка и характеристику его диалектной основы.

10. Какова была роль греческого языка в процессе создания старославянского языка?

11. Какие аргументы существуют в пользу большей древности глаголицы по сравнению с кириллицей?

12. Какую из двух азбук создал Кирилл?

13. Дайте общую характеристику древних славянских памятников письменности.

14. Каковы критерии отнесения тех или иных памятников к старославянским? Какие из этих памятников традиционно принято считать старославянскими?

15. Охарактеризуйте роль А. Х. Востокова в изучении старославянского языка.

16. Каково значение старославянского языка для развития русского литературного языка?

Литература

Бернштейн С. Б. Константин-философ и Мефодий: начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984.

Бирнбаум Х. Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции / пер. с англ. М., 1986.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Обозрение славянского языкового мира в связи с другими ариоевропейскими (индогерманскими) языками (вступ. лекция, прочитанная в Юрьевском (Дерптском) ун-те 6/8 сентября 1883 г.) // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. I. С. 127—138.

Верещагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.

Живов В. М. Исторический очерк. О церковнославянском языке // Плетнева А. А., Кравецкий А. Г. Церковно-славянский язык / науч. ред. В. М. Живов. М., 1996. С. 12—23.

Зализняк А. А. О древнейших кириллических абецедариях // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сб. к 70-летию В. Вс. Иванова. М., 1999. С. 543—576.

Иванова Т. А. Избранные труды. СПб., 2004. Ч. 1: У истоков славянской письменности.

Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961.

Кузьменко Ю. К. Появление письменности в средневековой Европе // История лингвистических исследований: Средневековая Европа. Л., 1985.

Миронова Т. Л. Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X—XI вв. М., 2001.

Основы балканского языкознания. Ч. 2: Славянские языки / под ред. А. В. Десницкой, Н. И. Толстого. СПб., 1998.

Откупщиков Ю. В. Литовский язык и праславянские реконструкции // Baltistica. 1974. Т. X, 1. Р. 7—20 (перепечатано также в кн.: *Откупщиков Ю. В.* Opera philologica minora (Античная литература. Языкознание). СПб., 2001. С. 335—346).

Рождественская Т. В. Кирилло-мефодиевские традиции и древнерусская эпиграфика X—XI вв. // Рождественская Т. В. Древнерусская эпиграфика X—XV вв. СПб., 1991. С. 33—45.

Седов В. В. Этногенез ранних славян // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 7. С. 594—605.

Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.

Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979.

Тахиаос А.-Э. Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. Сергиев Посад, 2005.

Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А. Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000.

Хабургаев Г. А. Первые столетия славянской письменной культуры: истоки древнерусской книжности. М., 1994.

Хелимский Е. А. Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Хелимский Е. А. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 416—432.

Якобсон Р. Основа сравнительного славянского литературоведения // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 23—79.

Глава II
ФОНЕТИКА

§ 14. Общие замечания

Старославянский язык является литературно-письменным языком, поэтому описание его звукового строя носит в известной степени условный характер. Условность эта связана с тем, что реконструируемая фонетическая система старославянского языка не может отражать всего диалектного многообразия древних славян, пользовавшихся этим языком как своим[1]. Когда говорят о его звуковых особенностях, то главным образом имеют в виду фонетические системы живых языков или диалектов. Например, реконструируя исходную звуковую систему старославянского языка, в частности отраженную в первоначальной глаголице, прежде всего подразумевают фонетическую систему солунского говора (и/или солунского городского койне). При этом необходимо принимать во внимание славяно-греческое двуязычие создателей славянской письменности и их ближайших учеников. Вместе с тем, описывая старославянскую фонетику в целом, мы должны учитывать те изменения, которые происходили в старославянском языке и отражались в древнейших памятниках в связи с распространением славянской письменности, в частности приспособление глаголицы к языку моравских и паннонских славян или замену глаголицы кириллицей, которая имела место у славян болгарских. При описании условной, «идеализированной» фонетической системы старославянского языка обычно больше ориентируются на древнеболгарскую систему конца X — начала XI в., чем на фонетическую систему солунского говора.

При описании звукового строя старославянского языка нужно также иметь в виду, что дошедшие до нас письменные памятники отражают результаты фонетических изменений, принадлежащих к хронологически разным пластам (это, конечно, относится не только к фонетике). С одной стороны, в старославянском языке, как и в любом славянском языке, в том числе и в русском, отражаются фонетические явления (прежде всего речь идет о чередованиях), которые возникли в результате фонетических изменений праславянского языка, т. е. в дописьменный период. С другой стороны,

[1] Он был «своим» в том смысле, что, видимо, воспринимался теми, кто писал и читал на старославянском языке, как некая особая (культурная, священная, обработанная, литературная и т. п.) форма родного языка.

старославянские памятники отражают изменения, которые происходили уже после создания славянской письменности. Таким образом, в старославянских памятниках отражаются фонетические явления разных хронологических слоев.

Первый слой — самый поверхностный — это звуковые явления, отражающие фонетические изменения после создания старославянского языка и характеризующие непосредственно язык переписчиков, а древнейшие сохранившиеся памятники были написаны главным образом во 2-й половине X—XI в. К таким сравнительно поздним звуковым изменениям, отраженным в рукописях XI в., относятся, например, утрата редуцированных гласных и связанная с ним вторая волна возникновения слоговых плавных, изменение свистящей аффрикаты /d͡ź/ в /z/ и др.

Второй слой — это языковые явления, характерные для фонетической системы периода создания славянской письменности и в целом для первоначальной исходной системы норм старославянского языка, т. е. для 2-й половины IX в. (некоторые из сохранившихся памятников были, возможно, переписаны с оригиналов, созданных в этот период, и несут некоторую информацию о языке своих протографов), например закон открытого слога, закон внутрислогового сингармонизма, а также частично связанные с действием этих тенденций поздние праславянские фонетические изменения, которые носили диалектный характер.

Третий слой — это явления, отражающие праславянские фонетические изменения, имевшие место в дописьменный период. Они важны, во-первых, для понимания своеобразия старославянского звукового строя, а во-вторых, помогают разобраться в некоторых особенностях формо- и словообразования. Это прежде всего упрощение групп согласных, палатализации заднеязычных, монофтонгизация дифтонгов и др.

Для реконструкции фонетической системы позднепраславянского и старославянского языков используются следующие основные источники:

- графика и орфография старославянских памятников, написанных двумя древними славянскими алфавитами — глаголицей и кириллицей;
- данные древних и современных славянских языков и родственных индоевропейских языков в рамках сравнительно-исторического метода;
- материал языковых контактов древних славян (с родственными и неродственными соседними народами), отраженных, в частности, в лексических заимствованиях, которые осваивались в соответствии с фонетическими закономерностями взаимодействующих языков.

Итак, фонетическая система старославянского языка является результатом длительного языкового развития сначала праиндоевропейского, а затем праславянского языка. Кроме того, сама эта система в письменный период переживала различные изменения. Соответственно, прежде чем начать последовательное описание старославянского звукового строя, следует ознакомиться с основными положениями сравнительно-исторического языкознания.

§ 15. Основы сравнительно-исторического языкознания

Специалисты по истории лингвистических учений отмечают, что ни одной из мировых лингвистических традиций — ни европейской, ни арабской, ни индийской, ни китайской, ни японской — не было изначально свойственно понимание языка как объекта, изменяющегося во времени. Расхождение между требованиями нормы и узусом, которое в современной лингвистике объясняется изменением системы, сначала оценивалось как «порча языка». Древние филологи, объясняя происхождение слов, ставили перед собой задачу «очистить» язык от искажений, но не занимались собственно историко-лингвистическим исследованием. Представление об изменяемости языка начинает проникать в лингвистическую теорию только в XVIII в., однако уже в XIX в. идея историзма подчиняет себе европейское языкознание. В XIX в. по-настоящему научным считалось только историческое изучение языков. Решающими в развитии европейского исторического языкознания были два момента: во-первых, возникновение *гипотезы языкового родства* и, во-вторых, гипотезы *непреложности звуковых законов* (или *регулярности звуковых изменений*).

К концу XVIII в. ученые стали склоняться к тому, что сходство санскрита, греческого, латинского, готского, древнеперсидского и некоторых других языков, названных впоследствии индоевропейскими, нельзя объяснить иначе как тем фактом, что они **произошли из одного источника, который, по-видимому, уже не существует**. Так была сформулирована гипотеза языкового родства. В начале XIX в. прочный фундамент под идею языкового родства подвели немецкие ученые Франц Бопп (его труд «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков», 1816, считается основой сравнительного языкознания) и Якоб Гримм (его «Немецкая

грамматика» в 4 т., 1818—1837, — первая сравнительно-историческая грамматика в полном смысле слова), а также датский ученый Расмус Раск («Исследование в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка», написанное в 1814 г., опубликовано в 1818 г.). В этот ряд основоположников сравнительно-исторического языкознания следует включить и имена создателей научного славяноведения славянских ученых Й. Добровского и А. Х. Востокова.

Основоположники сравнительно-исторического языкознания (компаративистики) пришли к выводу, что единственно правдоподобной гипотезой, объясняющей близость между такими языками, как санскрит, греческий, латинский и другие индоевропейские, которые характеризуются специфическим сходством, является гипотеза, предполагающая, что они восходят к одному языку (*праязыку*, *языку-основе*), другими словами, что когда-то в более раннее время эти языки представляли собой один язык, а различия между ними вызваны позднейшими изменениями этих языков[1].

Гипотеза языкового родства дала лингвистам ориентир в той области исследований, где до этого господствовал произвол, проявлением которого были фантастические этимологии, предлагавшиеся в то время. Например, русский писатель и филолог XVIII в. В. К. Тредиаковский считал, что *Норвегия* — это искаженное *Наверхия*, от *наверху*, т. е. ‘на севере’, *Британия* — искаженное *Братания*, от *брат*, *скифы* — от *скиты* (*скитаться*), *турки* — от *юрки* (*юркие*).

Установление родства языков имело весьма важные для развития исторического языкознания последствия, поскольку теперь, если языки признаны родственными, необходимо объяснять уже не сходство, а различия между ними. Эти различия связаны с языковыми изменениями, пережитыми подобными языками. В процессе сравнения родственных языков были обнаружены такие различия между ними, которые оказалось возможным свести к рядам *регулярных фонетических соответствий*. Регулярные фонетические соответствия впервые были установлены на примере германских согласных Р. Раском.

Рассмотрим славянские (возьмем в качестве примера старославянские формы) переднеязычные смычные /t/ и /d/. В славянских языках противопоставлены звонкие и глухие согласные, однако они имеют три ряда соответствий в родственных индоевропейских языках.

---

[1] С некоторыми работами основоположников сравнительно-исторического языкознания можно ознакомиться в кн.: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1960. С. 25—64.

1-й ряд:

ст.-сл. **т** [t]	=	лат. **t** [t]	=	греч. τ [t]	=	герм. **th**[ϑ]	=	скр. **t** [t]	=	и.-е. *t
ст.-сл. **ты**	=	лат. tū	=	греч. τύ[1]	=	гот. þu[2]	=	скр. tvám	=	и.-е. *tū/tu ‘ты’
ст.-сл. **триѥ**	=	лат. trēs	=	греч. τρεῖς	=	гот. þreis	=	скр. tráyas	=	и.-е. *trei- ‘три’

2-й ряд:

ст.-сл. **д** [d]	=	лат. **d** [d]	=	греч. δ [d]	=	герм. **t** [t]	=	скр. **d** [d]	=	и.-е. *d
ст.-сл. **подъ**[3]	=	лат. ped-is	=	греч. ποδ-ος	=	гот. fōtus	=	скр. pad-	=	и.-е. *ped- ‘нога'
ст.-сл. **ꙗдь**	=	лат. edō	=	греч. ἔδομαι	=	гот. itan	=	скр. ad-mi	=	и.-е. *ed- ‘есть’

3-й ряд:

ст.-сл. **д** [d]	=	лат. **f** [f]	=	греч. ϑ [t^h]	=	герм. **d** [d]	=	скр. **dh** [d^h]	=	и.-е. *d^h
ст.-сл. **дымъ**	=	лат. fūmus	=	греч. ϑῡμός	=	гот. dauns	=	скр. dhūmás	=	и.-е. *d^{h}ūmos
ст.-сл. **дѣло**	=	лат. fēci ‘я сделал’	=	греч. τίϑημι ‘кладу’	=	гот. ga-de-þs ‘дело’	=	скр. dádhāmi ‘кладу, делаю’	=	и.-е. *d^{h}ē-[4] ‘сажать’

Сравнительно-исторический метод предполагает, что при реконструкции праиндоевропейской системы фонем необходимо ввести в нее особую фонему для каждого из трех рядов соответствий (естественно, чтобы приписать фонемы праязыку, аналогичные звуковые соответствия должны быть найдены для *достаточного* количества морфем):

*t — для ст.-сл. **т** = лат. *t* = греч. τ = герм. *th* = скр. t ... (1-й ряд)
*d — для ст.-сл. **д** = лат. *d* = греч. δ = герм. *t* = скр. d ... (2-й ряд)
*d^h — для ст.-сл. **д** = лат. *f* = греч. ϑ = герм. *d* = скр. dh ... (3-й ряд)

Необходимо подчеркнуть одно важное обстоятельство, которое стало понятным после возникновения теории фонемы, а именно: при реконструкциях сравнительно-историческая грамматика оперирует не звуками в их физических реализациях, а фонологи-

[1] Дорическая форма; греч. σύ, где σ из *tv- косвенных падежей.

[2] Буква þ в готском языке обозначала *зубной щелевой согласный* (дентальный спирант), который традиционно обозначается в фонетической транскрипции знаком [ϑ].

[3] Также **подъшьва** ‘подошва’.

[4] Слав. **дѣти** ‘деть’.

ческими противопоставлениями, поэтому реконструируются не звуки, а фонемы.

Итак, в индоевропейских языках были не только глухие и звонкие фонемы *p и *b, *t и *d, *k и *g, но и какой-то третий ряд смычных фонем. Возможно, учитывая санскритские соответствия, это была фонема типа /d^h/[1], т. е. звонкая придыхательная, но может быть и /t^h/ или какая-нибудь другая. Однако сами по себе соответствия не дают ответа на этот вопрос, они указывают лишь на наличие фонологического противопоставления.

Кроме придыхательных смычных для индоевропейского праязыка необходимо реконструировать три ряда велярных согласных[2]: велярный (*k, *g, *g^h), лабиовелярный (*k^w, *g^w, *g^{wh}) и палатовелярный (*k’, *g’, *$g’^h$)[3]. Это диктуется наличием в и.-е. языках следующих рядов соответствий (приводим соответствия только для глухих велярных):

ст.-сл. **къто** = лит. kàs = лат. quod = греч. τοῦ = и.-е. *k^wo-
ст.-сл. **кръвь** = лит. kraũjas = лат. cruor = греч. κρέας = и.-е. *kreu-
ст.-сл. **съто** = лит. šim̃tas = лат. centum[4] = греч. ἑκατόν = и.-е. *k’m̥t-

Позднее в одном индоевропейском ареале — условно «восточном», куда входили балто-славянский, индоиранский и др., велярные и лабиовелярные совпали, а палатальные превратились в спиранты[5] (свистящие или шипящие), в другом — условно «западном», куда входили германский, греческий, латинский и др., соответствующие фонемы изменялись более сложным образом, но спиранту восточного ареала соответствует велярный. Таким образом, индоевропейские языки по этому признаку разделились на две большие группы, которые традиционно называются языками «**satem**» (восточная) и «**centum**» (западная)[6].

В праславянском языке звонкие придыхательные совпали с соответствующими обычными смычными: *b^h > *b, *d^h > *d, *g^h > g,

---

[1] В работах по индоевропеистике придыхательные смычные часто обозначают *th, dh и т. д.

[2] Термин *велярный* (от лат. velum ‘мягкое нёбо’) используется для обозначения *заднеязычных* согласных по пассивному органу. При артикуляции заднеязычного согласного задняя часть спинки языка (активный орган) смыкается или сближается с мягким нёбом (пассивным органом). Соответственно *лабиовелярные* согласные характеризуются одновременно и *велярной* и *лабиальной* (губной) артикуляцией, а палатовелярные — *велярной* и *палатальной* (от лат. palatum ‘твердое нёбо’).

[3] В работах по индоевропеистике встречаются и другие обозначения лабиовелярных: *$k^ṷ$, *$g^ṷ$.

[4] Следует читать [kentum].

[5] Термин *спирант* часто используют для обозначения щелевых (= фрикативных) согласных.

[6] Термины образованы по форме, которую приняла и.-е. праформа *k’m̥t- ‘сто’ — в языке Авесты (иранский) *satem*, в латинском — *centum*.

*g^{wh} > *g^{w}, *g'^{h} > *g’, а затем велярные совпали с лабиовелярными: *k^{w} > *k, *g^{w} > *g, в то время как палатовелярные изменились в спиранты: *k’ > s, g’ > z[1]. Так в праславянском появилась фонема *z (ст.-сл. **зима** < *g’eim-< и.-е. *g'^{h}ei-, ст.-сл. **знаѫ** < *g’nō-< и.-е. *g’nō-).

В отношении реальности реконструированных праформ в компаративистике существуют две точки зрения:

1) путем сопоставления можно выявить только соответствия, всякая форма под звездочкой всего лишь формула соответствия, а понятие праязыка сводится к гипотетической системе, из которой должны непротиворечиво выводиться формы языков-потомков и которая не может быть интерпретирована как историческое состояние, локализованное во времени и пространстве;

2) реконструируемая форма принимается за реальность, праязык рассматривается как общее для всех языков-потомков предшествующее состояние, которое при всех возможных диалектных различиях интерпретируется как некое единство; это реально существовавшее единство имеет предысторию, которая в свою очередь поддается реконструкции, и содержит в себе тенденции дальнейшего развития. Такая точка зрения предполагает возможность типологического подхода к реконструированному праязыку.

Итак, «два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше»[2]. Этот «бывший в употреблении раньше» праязык представляет собой более древнее состояние каждого из родственных языков. Как мы видели, формы праязыка реконструируются специальными методами, основным из которых является *сравнительный метод*.

В основе сравнительного метода лежит сравнение засвидетельствованных морфем разных родственных языковых систем. В соответствии с приведенным выше определением родственных языков можно сказать, что морфемы родственных языков являются результатами различной эволюции одной и той же морфемы праязыка. Таким образом,

1) морфема, которая представлена во всех или нескольких родственных языках и которая заведомо не является позднейшим заимствованием, восходит к более ранней и уже не существующей общей для всех этих языков праформе;

---

[1] Иногда реконструируются промежуточные этапы изменения: *k’ > *c’ (или *c) > *s и *g’ > *dz’ (или *dz) > *z. О разных путях развития и.-е. *k’, *g’ в языках группы *satem* см.: *Эдельман Д. И.* Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М., 2002. С. 21—29.

[2] *Мейе А.* Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 50.

2) фонемы, составляющие план выражения данной праформы, могут быть приписаны общей праязыковой фонетической системе *накануне* распада этого праязыка.

Сравнение славянских морфем, родственных корням русских слов *снег* и *белый*, позволяет реконструировать праславянские формы (праформы) *sněg- и běl-: ср. рус. *снег*; *белый*; укр. *сніг*; *білий*; бел. *снег*; *белы*; чеш. *sníh*; *bílý*; слвц. *sneh*; *biely*; пол. *śnieg*; *biały*; в.-луж. *sněh*; *běły*; н.-луж. *sněg*; *běły*; полаб. *snęg*; *b'olě*; болг. *сняг*; *бял*; мак. *снег*; *бел*; с.-х. *снȇг*; *бȅо*; слвн. *snég*; *bél*; ст.-сл. **снѣгъ**; **бѣлъ**.

Сравнение псл. *sněg- и *běl- с родственными формами индоевропейских языков позволяет реконструировать праиндоевропейские формы *snoig^{wh}- (ср. лит. *snaĩgala* 'снежинка', греч. νείφει 'снег идет', гот. *snaiws* 'снег') и *b^{h}ēl- (ср. лит. *báltas* 'белый', др.-инд. *bhālam* 'блеск', греч. φάλιος 'белый'). Эта реконструкция показывает, в частности, что в праславянской фонеме *ě (восходящая к ней старославянская фонема /ě/ обозначалась в кириллице буквой ѣ «ять») когда-то совпали и.-е. *ē и *oi, т. е. фонема /ě/ была монофтонгического (из и.-е. монофтонга *ē) и дифтонгического (из и.-е. дифтонга *oi) происхождения. Таким образом, звуковые изменения являются обратными процедуре реконструкции.

Регулярные фонетические соответствия между родственными языками — это еще не звуковые изменения, а лишь констатация звуковых (а в сущности — фонемных) соответствий между родственными языками, пережившими разные звуковые изменения. Открытие регулярных соответствий привело к разработке теории звуковых изменений («звуковых законов»), что положило начало *исторической фонетике*.

Выше были представлены примеры внешней, т. е. основанной на данных различных языков, реконструкции. В некоторых случаях оказывается возможным реконструировать явления более древней эпохи, не выходя за пределы одной системы. Такой метод, когда реконструкция осуществляется на основе сравнения родственных морфем одной системы, называется *методом внутренней реконструкции*. Он вытекает из представления о системности языка. Материалом, широко используемым для внутренней реконструкции, являются исторические чередования, поскольку они не мотивированы фонетическими условиями в современном языке. Например, чередование *г//ж* в глаголах *бегу*, *бегут* — *бежишь*, *бежит*, *берегу*, *берегут* — *бережешь*, *бережет* и других фонетически не мотивировано, поэтому следует предположить, что оба чередующихся согласных восходят к одному прототипу — праславянскому *g, который когда-то изменился перед *i и *e, дав в соответствующих словоформах современного языка /ž/.

После принятия гипотезы языкового родства и открытия регулярных фонетических соответствий началась работа по реконст-

рукции индоевропейского праязыка. В 1860 г. немецкий ученый Август Шлейхер реконструировал и.-е. звуки, корни, основы, склонения и спряжения и даже составил басню «Овца и кони» на и.-е. языке[1]. Тем самым была заложена основа исследований по истории конкретных индоевропейских языков.

Начало следующего этапа в становлении исторического языкознания связано с именами лингвистов нового поколения, так называемых *младограмматиков* (нем. Junggrammatiker): датского ученого Карла Вернера, немецких ученых Карла Бругмана, Германа Остгофа, Германа Пауля и других, которые в 70-е гг. XIX в. разработали теорию *регулярности* (или *закономерности*, *непреложности*, *безысключительности*) *звуковых изменений*: «Каждое звуковое изменение, поскольку оно происходит механически, — писали Г. Остгоф и К. Бругман, — совершается *по законам*, *не знающим исключений*, то есть направление, в котором происходит изменение звука, всегда одно и то же у всех членов языкового сообщества, кроме случая диалектного дробления, происходит в одном и том же направлении, и все без исключения слова, в которых подверженный фонетическому изменению звук находится в одинаковых условиях, участвуют в этом процессе»[2].

Итак, согласно младограмматической концепции, звуковое изменение происходит механически и осуществляется без исключений во всех словах. Однако если проанализировать результаты действия какого-либо старого звукового изменения, то в современном языке обнаружатся нарушения соответствующего «звукового закона». Младограмматики выявили три типа исключений из «звукового закона»:

1) нарушения звукового закона, появившиеся в результате действия *другого звукового закона*;

2) образования по *аналогии*;

3) *заимствования* форм из других языков и диалектов.

Все эти отклонения от закономерных результатов звукового изменения возникают уже после его завершения и потому, строго говоря, не являются исключениями из «звукового закона».

Гипотеза младограмматиков о непреложности звуковых законов никогда не была доказана, но тем не менее этот постулат остается краеугольным камнем сравнительно-исторических исследований, без него была бы невозможна праязыковая реконструкция. Этот постулат остается гипотезой, но такой гипотезой, которая подтвердила свою полезность на практике в ходе многолетних научных исследований.

---

[1] Эта басня приведена в кн.: *Звегинцев В. А.* История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. С. 104.

[2] *Остгоф Г., Бругман К.* Предисловие к книге «Морфологические исследования в области индоевропейских языков». 1878. Цит. по: *Звегинцев В. А.* Указ. соч. С. 160.

Итак, в основе сравнительно-исторического языкознания лежат две гипотезы: *гипотеза языкового родства* и *гипотеза регулярности звуковых изменений*.

Вопрос о причинах языковых изменений обсуждается с начала возникновения сравнительно-исторического языкознания, и все серьезные лингвисты указывают на трудность решения этой проблемы, в частности по отношению к звуковым изменениям, хотя было предложено множество подходов к ее решению. Наименее приемлемыми с современных позиций следует признать выдвигавшиеся еще в XIX в. объяснения звуковых изменений климатическими[1] или географическими условиями, а также физиологическими различиями между говорящими на разных языках и диалектах. Более широкое распространение получили объяснения, основанные на принципах *минимального усилия* (экономии) и *имитации*[2], а также на теории *субстрата* (влияние побежденного языка на язык-победитель). Например, Й. Добровский объяснял восточнославянское полногласие, т. е. изменение типа *tort> torot (рус. *город, голова, берег* и под.; см. § 23) финским влиянием (теория субстрата), а А. Х. Востоков — климатическими условиями. С развитием в 20-е гг. XX в. исторической (диахронической) фонологии внимание лингвистов было перенесено на внутренние структурные факторы звукового развития, которые выражались в разных видах *давления фонологической системы*[3] (например, развитие полногласия обычно рассматривается как изменение, вызванное действием *закона открытого слога*; см. § 22). Наиболее сложным представляется установление причин **конкретных** звуковых изменений, т. е. объяснение того, почему именно данный звук (фонема) изменяется именно в таком направлении, причем именно в данное время, а не раньше и не позже. В 1-й поло-

---

[1] Например, развитие *аканья* в южнорусских говорах и сохранение *оканья* в севернорусских говорах можно было бы объяснять тем, что говорящие в холодном северном климате должны держать рот закрытым с целью предотвратить поступление холодного воздуха в полость рта и поэтому не заменяют /о/ в безударной позиции более открытым гласным /а/.

[2] «Причины звуковых изменений в языке мало ясны. Наблюдаемая изредка разница в отдельных особенностях языка у старшего поколения в селе, с одной стороны, и у младшего (взрослого) поколения — с другой, позволяет догадываться, что большая часть изменений происходит при усвоении детьми речи родителей... Если в селе все дети близкого возраста, постоянно общаясь между собою, усваивают одну и ту же звуковую особенность и потом, выросши, сохраняют ее и передают следующему поколению, то получается звуковое изменение в языке данного села» (*Соболевский А. И.* Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907. С. 4).

[3] Первый опыт структурного объяснения фонетических изменений представлен в работе: *Трубецкой Н. С.* К истории задненебных в славянских языках [1933 г.] // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 168—179. См. также: *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии). М., 1960 (2-е изд. под названием: Принцип системности в фонетических изменениях).

вине XX в. Л. Блумфилд резюмировал положение дел в этой области исследований следующим образом: «Ни одному исследователю еще не удалось установить связь между звуковым изменением и каким-либо предшествующим ему явлением: причины звуковых изменений неизвестны»[1]. Таким образом, следует исходить из того, что каждое изменение обусловлено многими факторами и, соответственно, имеет много различных причин.

§ 16. Фонологический анализ глаголицы и кириллицы

Филологический и фонологический анализ глаголицы и кириллицы имеет особое значение для реконструкции звуковой системы старославянского языка в момент возникновения славянской письменности, поскольку создатели новой письменности по необходимости являются «стихийными» фонологами, которые в идеале должны отражать на письме только фонологически существенные различия.

Анализируя готское письмо, В. М. Жирмунский отметил: «Все алфавиты, созданные заново, если бы они создавались на пустом месте, были бы фонологическими в том смысле, что буквы обозначали бы фонемы как смыслоразличительные звуковые типы (термин Л. В. Щербы), а не оттенки фонем, механически обусловленные положением звука и не осознаваемые ни говорящим, ни слушающим. Однако алфавиты никогда не создаются на пустом месте; они обычно примыкают к традиции другого, более раннего письма... Кроме того, не будучи ученым специалистом в области фонологии, создатель нового алфавита в своем „стихийном фонологизме“ мог натолкнуться на те или иные объективные трудности технического характера в обозначении или даже в различении как фонем, так и их оттенков»[2].

Поскольку, как полагают, глаголица не представляла собой исторически сложившегося письма, а была специально создана для передачи славянской речи, естественно предположить, что глаголический алфавит потенциально имел строго фонологический характер, т. е. в принципе отражал только фонематически существенные противопоставления. Вместе с тем это предположение не озна-

---

[1] *Блумфилд Л.* Язык. 2-е изд. М., 2002. С. 420.

[2] *Жирмунский В. М.* Готские *ai*, *au* с точки зрения сравнительной грамматики и фонологии // Вопросы языкознания. 1959. № 4. С. 67—78. По сути та же идея была еще раньше высказана Л. Р. Зиндером: «Если бы для каждого языка изобреталась своя особая система знаков, то каждая фонема этого языка могла бы обозначаться специальной буквой. Но история письма учит, что алфавит не изобретается для каждого языка заново, а заимствуется из языка в язык. Полностью приспособить чужой алфавит — задача чрезвычайно трудная, а иногда и невыполнимая. Погрешности против звуковой стороны могут быть заложены, таким образом, в письменности с самого начала ее существования» (*Зиндер Л. Р.* Вопросы фонетики (популярный очерк). Л., 1948. С. 53).

чает, что исходное старославянское письмо представляло собой фонематическую транскрипцию славянской (солунской) речи (хотя в значительной степени приближалось к ней). Причина отклонения старославянского письма от фонематической транскрипции заключалась прежде всего в том, что глаголица создавалась под сильным влиянием греческого письма. Но нельзя исключить и того, что Кирилл, отражая в глаголице фонологические оппозиции, мог (хотя бы «стихийно») применить такие графические принципы, которые нарушали соотношение «одна фонема = одна графема», в частности использовать гласные буквы для обозначения мягкости согласных[1] (ср. так называемый *слоговой принцип* современного русского письма, когда твердость/мягкость согласного передается следующей гласной буквой).

Рассмотрим сходства и различия между глаголицей и кириллицей с точки зрения передачи ими звуков славянской речи.

Состав первоначальной глаголицы является предметом дискуссий. В качестве исходной позиции можно принять сообщение Храбра, который пишет, что Кирилл изобрел 38 букв. Это же количество букв находим в латинской рукописи XI в. — кириллическо-глаголическом Мюнхенском абецедарии. Однако многие ученые вслед за Н. Н. Дурново[2] вполне обоснованно полагают, что созданный Константином-Кириллом глаголический алфавит включал 36 букв. Древнейшие азбучные акростихи насчитывают именно 36 стихов. Спорным является и первоначальный состав кириллицы, но для этого алфавита вопрос стоит не столь остро, так как кириллица складывалась более или менее постепенно в результате преобразования греческого письма и глаголицы. Различия в составе букв глаголицы и кириллицы, их начертании и цифровой значимости несколько затушевывают сходство графических принципов обоих алфавитов, которое, несомненно, объясняется влиянием глаголицы на кириллицу.

Как правило, и в глаголице, и в кириллице одна буква передает одну фонему. В глаголице только в двух случаях можно заподозрить передачу фонемы сочетанием букв: 1) [y] = ⱏⰹ (=ъи); 2) [u] = ⱆ (=оѵ). Однако в случае ⱆ второй элемент графемы не употребляется без первого, отделившись от ижицы, к которой, видимо, восходит, т. е. ⱆ получился из ⱁⱛ. Таким образом, для передачи славянского [u] в обоих алфавитах на основе греческой графики (заимствование

[1] Н. С. Трубецкой полагал, что идею обозначать мягкость согласного буквой гласного (напр., глаг. коню ‘коню’ Д. ед., волѭ ‘волю’ В. ед.) Кирилл мог почерпнуть из современной ему греческой графики, где уже в IX в., видимо, были палатализованные согласные [l’], [n’]: ср. εννεα [en’a] ‘девять’, λιονταρι [l’ontari] ‘лев’ (см.: *Кузьменко Ю. К.* Появление письменности в средневековой Европе // История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л., 1985. С. 50).

[2] *Дурново Н. Н.* Мюнхенский абецедарий (1930 г.) // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 613—623.

принципа греческого письма в передаче [u] через сочетание букв ου) был создан диграф — буква «**ѹкъ**»: в глаголице ⰑⰖ, которая затем превратилась в Ⱆ, и в кириллице **ѹ** с ее лигатурным вариантом[1] ꙋ, который часто использовался в начале и в конце строки. Следует иметь в виду, что диграфы не включались в состав алфавита, хотя в текстах использовались для обозначения фонем. Таким образом, ни ⰟⰊ/**ъи**, ни Ⱆ/**ѹ** не входили в глаголический и кириллический алфавиты. Название диграфа **ѹ** — «**ѹкъ**» — довольно позднего происхождения; оно возникло не ранее XV в.

Что касается ⰟⰊ, то, возможно, в первоначальной глаголице буква Ⰺ специально была включена в алфавит для использования в составе диграфа, передающего [у], а в таком случае здесь также не нарушался фонографический принцип. В кириллице находим больше отступлений от этого принципа: к двум случаям, указанным для глаголицы, но относящимся к обоим алфавитам, следует присовокупить наличие в кириллице букв ѯ (= [ks]) и ѱ (= [ps]), взятых из греческого алфавита и предназначенных для передачи соответствующих сочетаний согласных (невозможных в славянских словах по фонетическим причинам — см. ниже) в греческих заимствованиях: **алеѯандръ**, **ѱалмъ** ← греч. Ἀλέξανδρος, ψαλμός.

Как уже было отмечено, в глаголических рукописях есть три буквы, которые могут иметь одно звуковое значение [i]: две, соответствующие кириллическому **і** (в русской традиции *і*-«десятеричное») — Ⰻ (основной вариант, с числовым значением «10») и Ⰹ (*і* «на ножке», без числового значения), а также Ⰺ (с числовым значением «20»), соответствующее кириллическому **и** (с числовым значением «8»; в русской традиции *и*-«восьмеричное»). Несомненно, в первоначальной глаголице эти буквы имели разную значимость, однако установить исходное состояние на основании употребления этих букв в дошедших рукописях практически невозможно, так как оно уже было затемнено произошедшими фонетическими изменениями. В Киевском миссале, древнейшей глаголической рукописи, имеется следующее распределение этих букв: Ⰺ употребляется в диграфе ⰟⰊ для обозначения этимологического [у] < *ū, в союзе «и» используется только Ⰻ, а его дублет Ⰹ («на ножке») встречается как после гласных, так и после согласных. В другой древней рукописи — Зографском евангелии — Ⰺ употребляется после согласных и в начале слова после союза «и», Ⰻ — в начале слова и в союзе «и», а Ⰹ — после гласных в составе одного слова и в качестве элемента диграфа ⰟⰉ. Таким образом, видно, что показания памятников довольно сложно привести к общему знаменателю.

[1] *Лигатура* (лат. ligatura ‘связка, пучок’) — соединение, спайка двух (и более) букв в один знак, причем исходные буквы, приспосабливаясь друг к другу, частично меняют свое начертание (ср. *диграф* **ѹ** > *лигатура* ꙋ). Возможно, лигатурного происхождения глаг. Ⱋ ← Ⱎ + Ⱅ и кир. **щ** ← **ш** + **т**.

Буквы, которые в русской славистической традиции называются «юсами» (первоначально это название, вероятно, имела буква Ⱓ/ю), в старославянском языке передавали носовые гласные [ǫ] (ѫ «юс большой») и [ę] (ѧ «юс малый»). Не ясно, сколько юсов было в древнейшем глаголическом алфавите — два (Ⱘ и Ⱗ) или три (Ⱘ, Ⱗ и Ⱙ). Дело в том, что в азбучных молитвах им отводится два стиха, но древнейшие рукописи используют три юса. Из сравнения начертания юсов в глаголице видно, что они имеют общую часть (Ⱔ), соответствующую четвертому юсу — Ⱔ, который в некоторых более поздних рукописях выступает в качестве самостоятельной буквы и обозначает звук [ę] после непалатальных согласных. Сходство в начертании юсов показательно: оно говорит о том, что Кирилл стремился придумать сходные начертания для обозначения фонем с одним дифференциальным признаком (см. § 19).

В кириллице юс малый выступает в трех вариантах: ѧ (наиболее распространенный вариант), ꙙ и ꙛ (сравнительно редкие варианты), которые встречаются только в нескольких рукописях. В Сав. ѧ, как правило, употребляется в начале слога (после гласных и в начале слова), т. е. имеет звуковое значение [ję], а ꙙ и ꙛ (они выступают как дублеты) — после согласных, т. е. в значении [ę]. В Супр. отсутствует знак ꙙ, а ѧ и ꙛ употребляются, как в Саввиной книге. Иное распределение в Хиландарских листках: также используются только две буквы — ѧ и ꙛ, но употребляются они противоположным образом: ѧ — после согласных, ꙛ — после гласных и в начале слова.

Еще одной особенностью глаголицы в обозначении гласных было отсутствие буквы, соответствующей кириллической ꙗ. Глаголические памятники используют один знак Ⱑ вместо двух кириллических букв ѣ и ꙗ, которые употреблялись в соответствии с этимологией: глаг. ⰲⱑⰽⱏ = кир. вѣкъ, глаг. ⱑⰽⱁ = кир. ꙗко. Сначала это объясняли несовершенством глаголицы, но последующее изучение южнославянских говоров показало, что неразличение [a]/[ě] в позиции после палатальных (мягких) согласных и [j] характерно для многих македонских говоров, в том числе близких к Солуни. Таким образом, использование в глаголице одной буквы в соответствии с кириллическими ѣ и ꙗ, видимо, объясняется нейтрализацией [a] ÷ [ě] > [ě] после мягких (палатальных) согласных. При транслитерации глаголических памятников кириллицей в соответствии с традицией для передачи глаг. Ⱑ используется буква ѣ: глаг. ⰲⱑⰽⱏ транслитерируется как вѣкъ, а глаг. ⱑⰽⱁ — как ѣко, т. е. в транслитерированных кириллицей глаголических рукописях буква ꙗ отсутствует.

При создании глаголицы был использован следующий графический принцип: одинаковые буквы обозначают разные фонологические единицы, если эти фонологические единицы не встречаются в одинаковых позициях, т. е. находятся в отношении дополнительной дистрибуции. В частности, буквы Ⱐ/Ⱏ, Ⰵ, Ⱑ, Ⱘ

обозначали соответственно [i], [e], [ě], [ę] после согласных и [ji], [je], [jě], [ję] после гласных и в начале слова. Это оказалось возможным потому, что в солунском диалекте того времени сочетание «j + гласный переднего ряда» не могло находиться в позиции после согласного, а соответствующий гласный переднего ряда в начале слова обязательно развивал протетический [j]. В противоположность этому сочетания «j + гласный заднего ряда» противопоставлялись соответствующим «чистым» гласным в одинаковых позициях, что и отразилось в обоих алфавитах: противопоставления букв Ⱆ/оу — Ⱓ/ю и Ⱘ/ѫ — Ⱙ/ѭ в начале слова передавали оппозиции [u]/[ju], [ǫ]/[jǫ] (ср. Ⱆⱅⱃⱁ/оутро — Ⱓⱀⱏ/юнъ, ⰘⰃⰾⱐ/ѫгль — Ⱉⰴⱆ/ѭдоу ‘где’), а в позиции после согласных — противопоставление твердых и мягких (палатальных) согласных (см. ниже). Сказанное о гласных заднего ряда касается и кириллической пары а/ꙗ.

С использованием описанного выше графического принципа связано, вероятно, отсутствие в глаголице и кириллице особой буквы для обозначения [j]. Однако возможны и иные интерпретации. В частности, можно предполагать, что глаголические буквы Ⱓ и Ⱙ передавали в начале слова не бифонемные сочетания /ju/ и /jǫ/, а самостоятельные фонемы /ü/ и /ǫ̈/. Соответственно юнъ = Ⱓⱀⱏ может быть интерпретировано фонологически как /junъ/ или /ünъ/, а ѭдоу = Ⱉⰴⱆ — как /jǫdu/ или /ǫ̈du/ (см. § 19).

Так называемые йотированные буквы глаголицы и кириллицы использовались, как сказано выше, для обозначения мягкости предшествующего согласного. В старославянском языке существовали «мягкие», точнее, палатальные, согласные фонемы [ń], [ĺ], [ŕ], возникшие из исконных праславянских сочетаний *nj, *lj, *rj. (см. § 27). В глаголице противопоставление [n]/[ń], [l]/[ĺ], [r]/[ŕ] перед гласными заднего ряда [u], [ǫ] (а в кириллице и перед [a]) передавалось противопоставлением йотированных и нейотированных букв. Однако перед гласными переднего ряда соответствующее противопоставление не нашло отражения на письме (в частности, в глаголице не было буквы, соответствующей кириллическому ѥ, и еще одного юса для передачи носового гласного переднего ряда). Лишь позднее и непоследовательно стали использовать для этого особый значок над согласным и следующим за ним гласным: Ⰽⱁⱀ͡ⱐ = кон͡ь ‘конь’ И. ед., Ⰽⱁⱀ͡Ⰹ = кон͡и И. мн. (ср. на кон͡и [na końi] ‘на коне’ и искони [iskoni] ‘сначала’[1]), Ⰽⱁⱀ͡Ⱔ = кон͡ѧ В. мн. Отмеченную особенность глаголицы — невыраженность противопоставления твердых и мягких согласных перед гласными переднего ряда — не следует считать недочетом составителей первого алфавита. Она отражает фонетическую систему солунского го-

[1] Ср. также бол͡ии [boĺĭjĭ] ‘бóльший’ (сравн. степень) и балии [balĭjĭ] ‘врач’ (И. ед.).

вора, в котором ко времени возникновения глаголицы, видимо, произошла нейтрализация палатальных и твердых согласных в положении перед гласными переднего ряда. Данное предположение подтверждается исследованиями современных западноболгарских и македонских говоров, для которых характерно неразличение [ĺ]/[l] и [ń]/[n] перед передними гласными. Интересно, что то же самое явление отмечается в ряде моравских говоров чешского языка, т. е. именно в тех местностях, для которых в древнейший период развития старославянского языка было характерно распространение глаголицы. Что же касается большинства болгарских говоров, то там оппозиция [ĺ]]/[l], [ń]/[n], [ŕ]/[r] сохранялась, поэтому в кириллицу были введены буквы ѥ и ꙗ, предназначенные для передачи противопоставления твердых и мягких согласных перед [e] и [a] (перед [i] и [ь] могли использоваться специальные надстрочные значки — см. выше). Введение в кириллицу букв ѥ и ꙗ, а также ѩ, не имевших соответствий в первоначальной глаголице, было серьезным достижением древних болгарских книжников, так как оно учитывало звуковой строй восточноболгарских говоров.

В глаголице имелась буква ⰻ (в кириллице ей соответствовала ѵ), которая, вероятно, сначала называлась «**икъ**» (или «**ѵкъ**»), а в русской традиции за ней закрепилось более позднее название «ижица». Предполагается, что она предназначалась для передачи греческого υ в заимствованиях. В архаическом греческом произношении υ читалось как [ü], и этому произношению, видимо, следовали составители первой славянской азбуки; в разговорном же греческом того времени ему соответствовал [i]. Обычно в славянской речи (это отражают и старославянские памятники) греческий звук [ü] = υ заменялся славянскими звуками [i] = **и** (что совпадало с бытовым греческим произношением), [’u] = **ю** или [u] = **ѹ**: ср. греч. ὑποκριτής > ст.-сл. **ѵпокритъ / ипокритъ / ѹпокритъ**, греч. ὑπόστασις > ст.-сл. **ѵпостась / ѹпостась**, греч. μύρον > ст.-сл. **мѵро / миро** (ср. в связи с этим и обратные гиперкорректные замены: **ѹтро / ютро**, но в Мар. **ѵтро**).

Глаголическая буква ⱚ «**фита**», скорее всего отсутствовавшая в первоначальной глаголице, была предназначена для передачи в греческих заимствованиях междузубного (межзубного) щелевого звука [ϑ], который, видимо, существовал в произношении двуязычных славянских книжников. Эта буква обычно писалась в соответствии с греческой ϑ в словах, заимствованных из греческого. Однако славяне, в родном языке которых такой звук отсутствовал, могли заменять его своей фонемой /t/ (изредка другими, например /x/), передавая те или иные фонетические признаки греческого звука: греч. Μάρϑα > ст.-сл. **маръта / маръѳа** (но в Супр. также и **марха**), греч. τὰ πάϑη ‘страсти (Господни)’ > ст.-сл. **тафати** (в Мар., 166а 30). Иногда в рукописях на месте ожидаемого ѳ пишется ф: греч. Γολγοϑᾶ > ст.-сл. **голъгота / голъгоѳа**, но в Сав. наряду с **голъгаѳа** также и **голъгафа**. Возможно,

славянские книжники в процессе заимствования субституировали греческий звук [ϑ] звуком [f], которого также не было в то время в славянской фонетической системе, но, возможно, [f] оказывался более приемлемым для славян, активно контактировавших с греками.

Для передачи греческого [f] служила глаголическая буква «**фрьтъ**»: Греческий губной [f], который через двуязычных книжников был заимствован в старославянский из греческого языка (ср. греч. φαρισαῖος > ст.-сл. **фарисеи** (**-ѣи**), греч. γναφεύς > ст.-сл. **гнафеи** 'белильщик'), в бытовой славянской речи заменялся славянским губным же [p]. Это отражают не только древние заимствования из греческого в славянские языки (ср. греч. φάρος > рус. *парус*), но и старославянские рукописи: ср. греч. φοίνιξ > ст.-сл. **финикъ** 'пальма', но в Син. **пінікъсъ**; греч. τὰ πάθη 'страсти (Господни)' > ст.-сл. **тафати** (Мар. 166а 30); греч. πορφύρα > ст.-сл. **поръфѵра** 'багряница, пурпур', но в Зогр. отмечена гиперкорректная форма **форфира**. Некоторые исследователи полагают, что буква «**фрьтъ**» имела в старославянском языке чисто графическое значение, т. е. читалась как [p], употребляясь только в словах, заимствованных из греческого. Подобное могло иметь место у славянских книжников, которые не владели греческим произношением.

Глаголическая буква Ⰷ «**ѕѣло**» передавала особую фонему, которая фонетически представляла собой мягкую аффрикату [ʒ́ = d'ᶻ'] в отличие от фрикативной фонемы [z], которая обозначалась буквой Ⰸ «**ꙁемлꙗ**». В кириллице для передачи этой аффрикаты, возникшей в результате 2-й и 3-й палатализаций из *g (см. § 26), использовалась буква ꙃ (видоизменение кириллической буквы ꙁ), которая в более поздних памятниках была заменена буквой ѕ, первоначально не имевшей в кириллице звукового значения и заимствованной из греческой цифири (греч. ς «вау») для передачи цифры 6. Традиционно при транслитерации глаголических текстов кириллицей глаголическая буква Ⰷ «**ѕѣло**» заменяется знаком ѕ. Наличие в глаголице особого знака для аффрикаты [ʒ́ = d'ᶻ'] говорит о том, что в солунском говоре того времени эта аффриката еще не изменилась в фрикативное [z]. Такую аффрикату до сих пор сохраняют некоторые македонские говоры в районе Солуня. Дошедшие до нас старославянские памятники (как глаголические, так и кириллические) в целом отражают смешение букв «**ꙁемлꙗ**» и «**ѕѣло**», которые стали графическими дублетами.

Особый интерес представляют глаголические буквы Ⱋ «**шта**» и Ⰼ «**ђе**». В первоначальной глаголице, возможно, не было буквы Ⱋ, если учесть, что в древнейших глаголических памятниках она либо не встречается (вместо нее употребляется сочетание ⰞⰕ = кир. **шт**), либо встречается эпизодически. В поздних же, наоборот, используется исключительно Ⱋ. По своему начертанию глаголическая Ⱋ представляла комбинацию букв Ⱎ и Ⱅ. По-видимому, буква Ⱋ была создана для обозначения мягкой аффрикаты [š'͡č'],

возникшей в южнославянских говорах праславянского языка из древних сочетаний *tj и *stj (см. § 27). В других диалектах представлены иные рефлексы этих сочетаний, в частности [š͡t’], которое, возможно, и обозначалось в глаголических памятниках сочетанием **Ⱎⱅ**, а в кириллических — буквой **щ** и сочетанием **шт**. Не вполне ясно, была ли подобная аффриката в речи Кирилла и Мефодия, так как македонские говоры обычно дают рефлекс [ḱ], хотя в районе Салоник сохраняются говоры, имеющие в этом случае [št].

Что касается буквы **Ⰼ**, которой не было в кириллице, то полагают, что она была введена в глаголицу для передачи греч. γ в заимствованиях: ср. греч. ἡγεμών > ст.-сл. **иђемонъ**, греч. Αἴγυπτος > ст.-сл. **еђупьтъ**. В исконных славянских словах этот звук не встречался вследствие произошедших в праславянском палатализационных процессов (см. ниже). В большинстве позиций звук, обозначавшийся в греческом буквой γ, был фрикативным и воспринимался как отличный по способу образования от славянского взрывного [g]. Характерно при этом, что для передачи греческого [k’] Кирилл не создал специальной буквы. В славистике при транслитерации старославянских глаголических текстов кириллицей принято передавать букву **Ⰼ** специальным знаком ћ, который использовался в том же значении в древних кириллических памятниках сербского извода церковнославянского языка.

Существует и совершенно иная трактовка[1] глаголических **Ⱋ** и **Ⰼ**, согласно которой буква **Ⱋ** была введена Кириллом в глаголицу для передачи солунского рефлекса *tj, а буква **Ⰼ** — для передачи рефлекса *dj. Эти рефлексы, вероятно, представляли собой палатальные смычные (типа [ḱ] и [ŕ], как в македонском) или палатальные аффрикаты (типа [ћ] и [ђ], как в сербохорватском) (см. § 27). В диалекте, на котором говорили славяне Моравии, не было необходимости в этих буквах, так как там рефлексы данных сочетаний, совпавшие с уже существовавшими фонемами, соответственно обозначались другими буквами: *tj > ć (**Ⱌ** = **ц**), *stj > šč (**ⰞⰝ** = **шч**), *dj > ʒ́ (**Ⰷ** = **ѕ**). Позднее в Болгарии буквой «**шта**» (**Ⱋ** = **щ**) стали обозначать свои рефлексы *tj (šč или št’).

Анализ глаголицы показывает, что в солунском диалекте, который лег в основу первого славянского алфавита и старославянского языка, практически не было ни одного фонологического противопоставления, которое не передавалось бы на письме. Пожалуй, единственным исключением является противопоставление [r̥] [l̥] ↔ [rъ] [lъ] (см. § 23, 3б).

[1] *Дурново Н. Н.* Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 575—579.

§ 17. Фонетическая характеристика и происхождение гласных

Исходная фонетическая система старославянского языка насчитывала 11 фонем (или 13, если считать самостоятельными фонемами /ü/ и /ǫ̈/, см. § 19). (См. табл. 7, где спорные фонемы даны в скобках.)

Количество гласных фонем старославянского языка совпадало с их количеством в позднем праславянском накануне создания славянской письменности.

Перечислим гласные фонемы старославянского языка древнейшего периода и дадим их предполагаемую артикуляционную характеристику по ряду, подъему и лабиализации. Для каждого гласного указываем его основное кириллическое соответствие.

/a/ **а** — нелабиализованный открытый гласный непереднего (заднего) ряда; ст.-сл. /a/ < и.-е. *ā, *ō: **мати** < и.-е. *mātēr (др.-инд. mātā, лат. māter), **знати** < и.-е. *g'nōtēi (др.-инд. ǰñāta-, греч. γιγνώσκω).

/o/ **о** — нелабиализованный (или слаболабиализованный) гласный средне-нижнего подъема заднего ряда; ст.-сл. /o/ < и.-е. *a, *o: **домъ** < и.-е. *dom- (лат. domus, греч. δόμος), **отьць** < и.-е. *at- (лат. atta, греч. ἄττα ‘папаша’, др.-инд. attā ‘мать’).

Нелабиализованность ст.-сл. /o/, восходящего к позднепраславянскому *a, в котором совпали и.-е. *o и *a, подтверждается данными заимствований: ср. лат. pagánus > слав. **поганъ** ‘языческий, язычник’, лат. Sclavi; гот. ganisan > ст.-сл. **гонєзнѫти** ‘избавиться’, др.-в.-н. pfaffo > слав. **попъ** > венг. pap, фин. pappu. В этом отношении показательны языковые контакты славян с греками. В древних заимствованиях греческое ударное α передается славянским **а** [a], а безударное α [a] — славянским [o], причем ударность/безударность в греческом, очевидно, соответствует долготе/краткости в праславянском: греч. Σατανᾶς > слав. **сотона**, слав. **словѣнє** > греч. Σκλαβηνοί. В более поздних южнославянских заимствованиях 2-й половины IX в. из тех диалектов, в которых уже произошла лабиализация [a > o], устанавливается соответствие слав. /o/ — греч. ο: слав. **воѥводы** ‘воеводы’ > греч. βοέβοδοι, слав. **словѣнє** > греч. Σθλοβενοί. В связи с открытостью и нелабиализованностью славянского /o/ в заимствованиях иноязычное лабиализованное /o/ часто субституировалось славянским лабиализованным же гласным /u/: ср. гот. bōkō > ст.-сл. **боукꙑ**, греч. εἰκών > ст.-сл. **икоуна** ‘изображение’, греч. ὄξος > ст.-сл. **оуксоусъ** (греческое [o] было закрытым).

/e/ **є** — нелабиализованный достаточно широкий открытый (средне-нижнего подъема) гласный переднего ряда; ст.-сл. /e/ < и.-е. *e: **берѫ** < и.-е. *b^h^erō (лат. ferō, греч. φέρω, лит. beriú).

/ě/ **ѣ** — нелабиализованный открытый гласный переднего ряда, возможно, дифтонгического характера; ст.-сл. /ě/ < псл. *$ě_1$ (так на-

зываемый ять первый, монофтонгического происхождения) < и.-е. *ē, а псл. *ě$_2$ (так называемый ять второй, дифтонгического происхождения) < и.-е. *oi, *ai, *ōi, *āi: сѣмѧ < и.-е. *sēmn̥ (лат. sēmen, др.-в.-н. sāmo), цѣна < и.-е. *k^{w}oinā (лит. káina, греч. ποινή).

Поздний праславянский *ě, в котором совпали *ě$_1$ и *ě$_2$, произносился (по крайней мере, стал произноситься позднее) по-разному в разных диалектах праславянского языка и разных славянских языках: в одних (как в старославянском) он был открытым гласным (= [æ], [ä], [^{i}a] или дифтонг [e͡a]), в других (например, восточнославянских) — закрытым (= [ê] или [i͡e]). Ср. данные заимствований: слав. **вѣкъ** > рум. veak (вероятно, заимствование из южнославянских говоров), слав. **грѣхъ** > фин. räähkä, слав. **хлѣвъ** > фин. läävä, но слав. **вѣсть** > фин. viesti (вероятно, оба финских слова заимствованы из северных восточнославянских говоров: первое — более раннее, второе — более позднее, проникшее в финский после повышения артикуляции /ě/).

/y/ **ы** — нелабиализованный гласный верхнего подъема колеблющейся артикуляции, возможно, дифтонгического характера; ст.-сл. /y/ < и.-е. *ū; **дымъ** < и.-е. *d^{h}ūmos (лат. fūmus, греч. θυμός, лит. dū́mai), **сынъ** < и.-е. *sūnus (лат. sūnus), **сыны** (В. мн.) < и.-е. *sūnāns (ст.-сл. /y/ может восходить также к и.-е. *uns, *ans, *ons в конце слова). Существует мнение, что ст.-сл. /y/ был дифтонгом типа [u͡i] или, во всяком случае, дифтонгоидом, что вполне вероятно. Иногда это мнение подкрепляют показаниями славянских заимствований в литовском языке: слав. **мыло** > лит. muĩlas, слав. **тынъ** > лит. tuĩnas (в более поздних заимствованиях славянское **ы** передается литовским í). Ср. также способ графического обозначения фонемы /y/ в глаголице — ⰟⰊ = Ⱏ+Ⰺ, который не отличается от обозначения /ъi/ и не противоречит возможности бифонемной трактовки /y/ как /ъi/.

/i/ **и** — нелабиализованный гласный верхнего подъема переднего ряда; ст.-сл. /i/ < и.-е. *ī, *ei, *oi, *ai (т. е., как и ст.-сл. /ě/, мог быть монофтонгического и дифтонгического происхождения): **живъ** < *g^{w}īwos (лат. vīvus, др.-инд. ǰīvas, лит. gývas), **видъ** < *weidos (лит. véidas, греч. Fεηδας), **бери** < и.-е. *b^{h}erois (греч. φέροις).

Таблица 7

Система гласных фонем старославянского языка

Подъем	Передний ряд		Непередний ряд	
Верхний	(ü)	i	y	u
Средневерхний	(ǫ̈)	ь	ъ	
Средненижний		ę e	o	ǫ
Нижний	—	ě	a	—
	Лабиализованные	Нелабиализованные		Лабиализованные

/u/ **оу** — лабиализованный гласный верхнего подъема заднего ряда; ст.-сл. /u/ < и.-е. *ou, *au: **оухо** < и.-е. *aus- (лат. auris, лит. ausìs, греч. диал. αὔασιν). Ст.-сл. [ü] — **ю**, фонематическая сущность которого не вполне ясна (иногда его признают самостоятельной фонемой /ü/, но обычно рассматривают как аллофон фонемы /u/ после палатальных согласных), восходит к и.-е. *eu: **блюдѫ** ‘слежу, соблюдаю’ < и.-е. *b^heud^h- (греч. πεύθομαι).

/ъ/ **ъ** — нелабиализованный гласный средне-верхнего подъема заднего ряда; ст.-сл. /ъ/ < и.-е. *u: **дъшти** < и.-е. *d^hugətēr (греч. θυγάτηρ, лит. duktė̃), **медъ** < и.-е. *med^{h}u (др.-в.-н. metu, др.-инд. madhu, греч. μέθυ).

/ь/ **ь** — нелабиализованный гласный средне-верхнего подъема переднего ряда; ст.-сл. /ь/ < и.-е. *i: **вьдова** < и.-е. *wid^{h}ewā (лат. vidua, др.-инд. vidhávā), **мьзда** < и.-е. *misd^h- (гот. mizdō, греч. μισθός). Бóльшая закрытость ст.-сл. /ь/ по сравнению с /е/ проявляется в романских заимствованиях: acẹtu > ст.-сл. **оцьтъ** ([ẹ] — закрытый узкий гласный).

/ǫ/ **ѫ** — носовой лабиализованный (или нелабиализованный) гласный среднего (или средне-верхнего) подъема заднего ряда; ст.-сл. /ǫ/ < и.-е. *on, *om, *an, *am, *n̥, *m̥ + согласный (но не *s): **пѫть** < и.-е. *pont^h- (лат. pontis Р. ед., др.-инд. pánthās), **ꙁѫбъ** < и.-е. *g’omb^{h}os (греч. γόμφος, лит. žam̃bas, др.-инд. jámbhas), **дѫти** ‘дуть’ (**дъмѫ** ‘дую’) < и.-е. *dm̥- (лит. dùmti). Такие фонетические характеристики [ǫ], как подъем и лабиализованность, полностью перекрывались признаком ринезма и поэтому варьировались по диалектам. Что касается так называемого третьего носового [ǫ̈] **ѭ**, то обычно его рассматривают не как самостоятельную фонему, а как аллофон фонемы /ǫ/ после палатальных согласных (см. § 19).

/ę/ **ѧ** — носовой гласный среднего подъема переднего ряда; ст.сл. /ẽ/ < *en, *em, *m̥, *n̥ + согласный (не *s): **пѧтъ** ‘пятый’ < и.-е. *penk^{w}tos (греч. πέμπτος, лит. peñktas), **десѧтъ** ‘десятый’ < и.-е. *dek’m̥tos (лит. dešim̃tas, греч. δέκατος, гот. taíhunda).

§ 18. Система согласных

На основании анализа глаголицы и кириллицы, а также орфографии древнейших памятников можно реконструировать следующий исходный состав согласных фонем старославянского языка (табл. 8).

В славянских языках и диалектах ко времени появления письменности уже имелись некоторые расхождения, касавшиеся состава согласных фонем.

Возможно, в славянской речи двуязычных Кирилла, Мефодия и их ближайших учеников и, соответственно, в языке первых старославянских переводов имелся звук [f], который отсутствовал в

составе согласных фонем праславянского языка, а также славянских языков и диалектов того времени. Старославянскую фонему /f/ следует рассматривать как фонетическое заимствование из греческого языка. То же можно сказать и о междузубном спиранте [ϑ]. Звук [f], вероятно, был более приемлем для славянской фонетической системы, чем [ϑ], особенно в тех диалектах, где губно-губная артикуляция [w] была заменена на губно-зубную [v][1]. То, что старославянский мог сохранять праславянский губно-губной глайд [w], косвенно подтверждается материалом заимствований. В древних венгерских заимствованиях из языка паннонских славян славянский [w] перед согласными подвергся вокализации, что подтверждает его глайдовую природу: ср. венг. диал. *lóka* ‘скамья’ < др.-венг. *lāwka < панн.-слав. *lawъka = **лавъка**; венг. *oláh* ‘румын’ < др.-венг. *ulāh < панн.-слав. *wlax(ъ) = **влахъ** < псл. *walxъ. Ср. также замену греч. *ου* славянским **в** в позиции перед гласным: греч. ’Ιανουάριος > ст.-сл. **еньварь** (также и **еноуарь**)[2].

Таблица 8

Система согласных фонем старославянского языка

	Лабиальные		Дентальные		Палатальные				Велярные	
					Шипящие		Свистящие			
Взрывные	p	b	t	d					k	g
Аффрикаты					č’		ć	ʒ́		
					š͡t’	ž͡d’				
Щелевые	(f)		s (ϑ)	z	š’	ž’	ś		x	
Носовые	m		n		ń					
Плавные			l r		ĺ ŕ					
Глайды		w			j					

Дискуссионной в палеославистике является фонематическая интерпретация праславянского *j. Многие специалисты полагают, что, поскольку Кирилл не создал специальной буквы для обозначения /j/, соответствующий звук, близкий неслоговому [i̯], не был отдельной фонемой в солунском говоре, а являлся как бы частью следующей гласной фонемы (ср. глаг. **ⰵⰾⰵⱀⱐ** = кир. **єлєнь** ‘олень’

[1] В собственно славянской лексике фонема /f/ появляется только после падения редуцированных гласных (см. § 20) и оглушения /v/, оказавшегося вследствие этого изменения на конце слова: ср. **съдравъ** ‘здоров’ > [sdrav] > [zdraf].

[2] О фонетической характеристике старославянского /w/ см. также § 22.

= /elenь/ = [i̯elenь]). Однако то, что верно для одного славянского диалекта, может не соответствовать положению в другом диалекте, а фонематическая неустойчивость [j/i̯] характерна для славянских языков на разных этапах их развития. Кроме того, как было показано выше, отсутствие отдельной буквы для /j/ может быть объяснено и особым графическим принципом, использованным при создании глаголицы. Поэтому более целесообразным представляется признать рефлекс *j в старославянском языке отдельной фонемой.

Однако если признать, что [j/i̯] является реализацией самостоятельной фонемы, то следует ответить и на вопрос, аллофоном какой именно фонемы является этот звук. В таком случае, видимо, приходится выбирать из двух возможностей: это либо гласная фонема /i/, либо согласная фонема /j/. При втором решении *j признается самостоятельной фонемой, входящей в подсистему согласных. Для позднего праславянского (после монофтонгизации дифтонгов) и старославянского языков такое решение более приемлемо[1]. Кроме того, оно в принципе соответствует общей тенденции развития *j и удобно при описании морфологической системы старославянского языка.

Выше (см. § 16) уже говорилось о сложностях, связанных с интерпретацией звукового значения буквы «**шта**» (**щ**) и сочетания букв «**ша**» и «**тврьдо**» (т. е. **шт**) в глаголице и кириллице. Этот вопрос следует решать применительно к отдельной рукописи и в связи с фонетической системой диалекта, лежащего в основе данного конкретного списка. Однако с учетом общей картины употребления этих букв в старославянских памятниках для старославянского целесообразно реконструировать мягкую (альвео-палатальную) аффрикату [s͡t’] независимо от того, какая картина наблюдалась в солунском диалекте Кирилла и Мефодия. Общая тенденция эволюции этой аффрикаты в старославянском заключалась, по-видимому, фонетически в изменении палатальной артикуляции к переднеязычной и фонологически в приобретении бифонемного статуса, т. е. в превращении в сочетание двух фонем.

Даже при беглом взгляде на старославянскую систему согласных бросается в глаза отсутствие противопоставления согласных фонем по признаку палатализованности/непалатализованности, хорошо знакомого нам по современному русскому языку, и, напротив, наличие большого количества палатальных (среднеязычных) согласных[2]. Праславянские и старославянские палатальные

---

[1] *Попов М. Б.* К проблеме фонематического статуса *j в праславянском и старославянском // Вестник СПб. ун-та. 2001. Сер. 2. Вып. 3. С. 48—56.

[2] *Палатальные* (от лат. *palatum* ‘твердое нёбо’; это характеристика по месту образования, т. е. по пассивному органу) согласные образуются путем смыкания или приближения средней части спинки языка к твердому нёбу, поэтому при характеристике по активному органу они характеризуются как *среднеязычные*.

согласные не унаследованы из индоевропейского языка, а являются славянским новообразованием.

Палатальные согласные часто называют мягкими, но мягкими являются и палатализованные согласные. В фонологическом отношении различие между палатальными и палатализованными заключается в том, что для палатальных подъем средней части спинки языка к твердому нёбу рассматривается как основная, а для палатализованных согласных — как дополнительная артикуляция, которая как бы накладывается на основную (губную, переднеязычную или заднеязычную). Среднеязычные (палатальные) согласные не могут иметь такую дополнительную артикуляцию, так как среднеязычность сама представляет собой подъем средней части спинки языка к твердому нёбу и является основной артикуляцией этих согласных.

В старославянском языке, в отличие от современного русского языка, не было самостоятельных палатализованных фонем, противопоставленных непалатализованным. Однако широко распространено мнение, что твердые согласные палатализовались в позиции перед гласными переднего ряда, т. е. становились как бы «полумягкими». Такая палатализация была автоматической, т. е. не приводила к возникновению самостоятельных фонем, создавая лишь особые палатализованные аллофоны. В старославянском языке любой твердый согласный мог оказаться в позиции перед гласным переднего ряда, в том числе и заднеязычные согласные (по крайней мере, в речи двуязычных славянских книжников), которые, правда, были возможны в этой позиции только в заимствованиях: ст.-сл. **китъ** < греч. κῆτος, ст.-сл. **кедръ** < греч. κέδρος, ст.-сл. **геона** 'ад' < греч. γέεννα, ст.-сл. **хитонъ** < греч. χιτών и др. В исконной лексике заднеязычные изменялись в палатальные согласные (шипящие и свистящие) в процессе праславянских «палатализаций» (см. § 26). Иногда славянской модели с рефлексом палатализации подчинялись и заимствованные слова (ср. **жеона** вм. **геона** 'ад' < греч. γέεννα).

§ 19. Носовые гласные

Вокализм старославянского языка характеризовался наличием носовых гласных. С уверенностью можно утверждать, что в старославянском были две носовые фонемы, которые в славистике традиционо обозначаются знаками /ę/ («*е* носовое») и /ǫ/ («*о* носовое»). Возможно, была еще одна носовая фонема /ǫ̈/ («переднее *о* носовое», или «третий носовой»).

В общей фонетике носовыми называют такие гласные, которые произносятся с опущенной нёбной занавеской, в результате

чего воздушная струя проходит через носовую полость, создавая особый носовой тембр (ринезм). В современном русском языке носовой тембр характерен для гласных в позиции после носовых согласных: таковы, например, оба гласных в слове *мама* [mã́mʌ̃] (носовой тембр в современной фонетической транскрипции принято обозначать тильдой над гласным). Однако в русском языке такие гласные являются не самостоятельными носовыми фонемами, а аллофонами фонемы /a/, поэтому их называют *назализованными*, а не *носовыми* гласными. В других языках, например во французском, носовые гласные противопоставлены неносовым и являются самостоятельными фонемами. Как правило, исторически носовые гласные фонемы возникают из неносового гласного в результате утраты следующего за ним носового согласного (обычно гласный и носовой согласный входят в один слог): VN > ṼN > Ṽ (где V — гласный, N — носовой согласный, Ṽ — назализованный или носовой гласный).

Фонетически старославянские носовые были скорее всего гласными среднего подъема, но для них признак подъема, видимо, не был фонологически существенным, и они могли довольно свободно варьировать по подъему, поскольку их главный признак — ринезм — перекрывал признак подъема. Таким образом, носовые составляли особую подсистему вокализма.

Наличие носовых гласных в позднем праславянском и старославянском языках ставит несколько фонологических проблем. Важнейшими из них являются две. Во-первых, сколько носовых было в праславянском языке — два (/ę/, /ǫ/) или три (/ę/, /ǫ/, /ǫ̈/)? Во-вторых, стали ли носовые самостоятельными фонемами, или они продолжали оставаться бифонемными сочетаниями гласного и носового согласного (/en/, /on/ и т. п.)?

Носовые гласные старославянского языка на письме обозначаются буквами, которые традиционно называются юсами. В целом корпус глаголических памятников, которые признаются старославянскими, знает четыре юса: глаг. Ⱗ (= ѩ) — для /ę/, глаг. Ⱘ (= ѫ) — для /ǫ/, глаг. Ⱙ (= ѭ) — для /ǫ̈/, который встречался только после палатальных согласных, глаг. Ⱔ (= ѧ) — юс, представляющий собой по начертанию общую часть всех юсов, который выступает в некоторых более поздних старославянских рукописях в качестве самостоятельной буквы для обозначения /ę/ после непалатальных согласных (при этом Ⱗ используется после палатальных). Из сравнения начертания глаголических юсов видно, что они имеют общую часть (Ⱔ), которая в Ⱗ и Ⱘ присоединяется к частям, совпадающим соответственно с глаголическими Ⰵ (= є) и Ⱁ (=о). Этим и объясняется трактовка соответствующих фонем как «носового *е*» и «носового *о*», что, возможно, соответствова-

ло положению в солунском диалекте середины IX в. Сходство в начертании показательно и в другом отношении: оно говорит о том, что Кирилл стремился придумать сходные начертания для обозначения фонем, характеризующихся одним различительным признаком (ср. отсутствие подобного сходства при обозначении кратких и долгих по происхождению фонем).

Итак, глаг. **Ⱗ** явно более позднего происхождения, чем другие юсы, поскольку древнейшие памятники не используют этой буквы. Дискуссионным остается вопрос о количестве юсов в первоначальной глаголице — было их два (**Ⱔ** и **Ⱘ**) или три (**Ⱔ**, **Ⱘ** и **Ⱙ**). Хотя древнейшие глаголические памятники имеют три юса, в азбучных молитвах им отводятся только два стиха. Ответ на вопрос, сколько носовых фонем было в солунском диалекте ко времени создания славянской письменности, зависит от того, сколько юсов было в глаголице, созданной Кириллом. Но, даже если в ней сначала было только два юса и они соответствовали двум носовым фонемам в солунском диалекте, проблема «третьего носового», для которого славянские книжники — носители других диалектов — нашли специальное обозначение в древнейших славянских памятниках, не снимается.

В славистике «третий носовой» [ǫ̈] рассматривается либо как самостоятельная фонема /ǫ̈/, отличная от /ǫ/ и /ę/, либо как аллофон фонемы /ǫ/ после палатальных согласных.

Признание фонематической самостоятельности [ǫ̈] в значительной степени связано с проблемой фонематической самостоятельности *j на том или ином этапе развития праславянского языка и его диалектов. Как и любая задача, связанная с определением фонематического статуса звуковой единицы, проблема йота (так же, как и проблема /ǫ̈/) имеет два аспекта — синтагматический и парадигматический, но в связи с «третьим носовым» особенно важен синтагматический аспект, а именно: вычленяется ли [j] в речевом потоке как отдельная фонологическая единица, т. е. является ли он отдельной фонемой или входит в состав следующей за ним гласной? Из признания рефлекса *j частью гласной фонемы вытекает, что в системе вокализма имелись самостоятельные фонемы /ü/ и /ǫ̈/, а глаголические буквы **Ⱓ** (=ю) и **Ⱙ** (=ѭ) передавали в начале слога не бифонемные сочетания /ju/ и /jǫ/, а самостоятельные фонемы /ü/ и /ǫ̈/.

Что касается проблемы, связанной с носовыми гласными (представляют ли они монофонемные образования или являются сочетаниями неносовых гласных с носовыми согласными), то довольно широко распространена последняя точка зрения, восходящая к идеям Н. С. Трубецкого. Ученый считал, что носовых фонем в праславянском не было, а были сочетания фонем «гласный + n, m» (которые дали рефлекс /a/ в рус. *чадо*, *пяток* и рефлекс /e/ в с.-х.

чедо, *петак*) или «гласный + ν, μ» (мак. диал. *чендо*, *пенток*, пол. *ząb* = *zomp*, *ręka* = *renka*)[1]. По Трубецкому, псл. *ę и *ǫ находились в отношении дополнительной дистрибуции с сочетаниями фонем *en, *on, поэтому они не самостоятельные фонемы, а комбинаторные варианты (аллофоны) этих сочетаний. Однако псл. *ę, *ǫ находятся в дополнительной дистрибуции и чередуются не только с *en, *on, но также с *em, *om (а на самом деле с еще большим числом сочетаний «гласный + носовой сонант»: *ьn, *eń, *ьm, *ъn, *ъm): ср. **жѧти** 'жать' — **жьмѫ** 'жму' и **жьнѭ** 'жну', **дѫти** 'дуть' — **дъмѫ** 'дую' и т. п. И поскольку носовые не могут быть аллофонами одновременно всех этих сочетаний, Трубецкой предложил считать графический элемент **Є** в составе глаголических букв **ЭЄ**, **ЭЄ** отдельной буквой, которая обозначает не носовой признак носовых гласных фонем, а некий «сонантический коэффициент N», выступающий фактически как отдельная фонема или, в терминологии Трубецкого, архифонема: [ę] = /eN/, [ǫ] = /oN/, [ǫ̈] = /öN/. Фонологически, однако, такая интерпретация представляется не более убедительной, чем традиционная. Во-первых, даже с точки зрения экономности описания, к которой Трубецкой, несомненно, стремился, его гипотеза почти ничего не выигрывает, так как приходится ввести в систему фонем две новые фонологические единицы — /N/ и /ö/. Во-вторых, /ö/ возможно только перед /N/, т. е. фонологически неотделимо от него, поэтому «сонантический коэффициент N» естественнее всего трактовать как линейно выраженный дифференциальный признак ринезма («носовости»). В-третьих, против гипотезы Трубецкого свидетельствует возможность фонематической последовательности *eNn = *ęn в условиях действия праславянского закона открытого слога (ср. ст.-сл. **поманѫти**), что является аргументом в пользу наличия носовых гласных фонем с полноценным признаком ринезма. В конце концов, носовые гласные противопоставлены сочетаниям гласного с носовым согласным в позиции перед согласным: ср. ст.-сл. **ѥмлѭ** 1 л. ед. наст. [**jem**ĺǫ̈] — **ѩлъ** прич. на -l- [jęlъ].

Старославянские памятники в целом последовательно отражают наличие носовых гласных, поскольку юсы употребляются в соответствии с этимологией: ср. **рѫка** /rǫka/, **мѫжь** /mǫžь/, **зѫбъ** /zǫbъ/, **пѫть** /pǫtь/, **пѧть** /pętь/, **рѧдъ** /rędъ/, **чѧдо** /čędo/ и т. п. Только более поздние памятники различных изводов церковнославянского языка отражают изменения, связанные с носовыми гласными. Так, для русского извода характерно смешение букв **ѫ** и **оу**, **ѧ** и **ꙗ/а** (**поуть** /putь/, **пѧть** /pätь/, **чадо** /čädo/ вместо **пѫть**, **пѧть**, **чѧдо**), что отражает утрату носовых гласных в древнерусском

[1] *Трубецкой Н. С.* Носовые гласные в лехитских языках // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 209.

языке. В памятниках среднеболгарского извода (XII—XIV вв.) отражается написание **ѫ** вместо **ѧ** после шипящих и свистящих согласных (**чѫдо** вм. **чѧдо**), и написание **ѧ** вм. **ѫ/ѭ** после палатальных сонантов (**творѧ** вм. **творѭ**).

В большинстве славянских языков и диалектов (кроме польского и кашубского) носовые гласные утратились, изменившись в разное время и через различные промежуточные этапы в неносовые гласные. Южнославянские языки имеют следующие рефлексы носовых: псл. *ǫ > болг. (к XIII—XIV вв.) *мъж*, *зъб*, *ръка*; мак. (к XII—XIII вв.) *рака*, *пат*; слвн. *mož*, *zob*, *roka*; с.-х. *му̑ж*, *зу̑б*, *ру̑ка*; псл. *ę > болг. *пет*, *ред*; мак. *пет*; слвн. *pet*, *red*; с.-х. *пе̑т*, *ре̑д*. Впрочем, некоторые болгарские, македонские и словенские говоры сохраняют следы старых носовых (согласно Н. С. Трубецкому, это архаизм): болг. диал. *зъмб*, *дъмб*, *рънка*, *мъндр*, *чендо*, *ензик*, *пенть*; мак. диал. *so*^{n}*t*, *go*^{m}*ba*, *z’ä*^{n}*t*; слвн. диал. *monka*, *ronka*, *mesenc*.

В чешском, включая моравские говоры, и словацком носовые гласные изменялись так же, как в восточнославянских языках: *ǫ > u, *ę > ä.

Польский язык отразил изменения, связанные с носовыми, более сложным образом: в XIV в. *ę > ’ą и *ǫ > ą; в XVI—XVII вв. долгие *ā̜, ’ā̜ > ǫ, ’ǫ, краткие *ă̜, ’ă̜ > ę, ’ę, причем перед смычными согласными они пережили вторичную дифтонгизацию.

§ 20. Редуцированные гласные

Старославянские гласные /ъ/ и /ь/ в современной славистике называются по-разному, причем соответствующие термины различным образом определяют место этих фонем в системе праславянского и старославянского вокализма. Споря с теми, кто видел в *ерах* лишь графическое излишество, Й. Добровский доказывал, что **ъ** был введен создателем кириллицы для обозначения конца слова и отделения предлогов. Открытие звукового значения старославянских **ъ** и **ь** (как и *юсов*) принадлежит А. Х. Востокову, который считал /ъ/ и /ь/ краткими (полугласными) звуками.

Позднее гласные /ъ/ и /ь/ стали называть «иррациональными гласными», что подчеркивало особое место этих фонем в системе вокализма и в каком-то смысле «объясняло» их последующую утрату. Распространенное в прошлом название «глухие гласные», указывающее возможную фонетическую характеристику гласных /ъ/ и /ь/ в тех позициях, где они впоследствии утрачивались, в настоящее время устарело и практически не применяется.

Иногда эти гласные называют «сверхкраткими», подразумевая их якобы бóльшую краткость по сравнению с обычными краткими гласными. Такая трактовка не представляется обоснованной глав-

ным образом с фонологической точки зрения, так как, во-первых, сомнительна сама возможность противопоставления гласных по трем степеням длительности, а во-вторых, ко времени появления первых памятников письменности оппозиция по долготе/краткости была заменена оппозицией по подъему (или напряженности).

Наибольшее распространение в отечественной палеославистике получил термин «редуцированные гласные», первоначально указывавший на количественную и/или качественную редукцию гласных *i > ь и *u > ъ, но в наше время практически утративший эти оттенки в значении и превратившийся в абстрактное обозначение гласных, восходящих к *i и *u[1]. В западной славистике распространен лишенный какого-либо фонетического содержания термин «еры» (англ. *jers*), означающий, что речь идет о гласных, передававшихся буквами **ъ** и **ь**.

В исходной старославянской системе (как и в позднем праславянском) гласные фонемы /ъ/ и /ь/ выступали в двух позиционных вариантах: в так называемой *слабой позиции* эти фонемы были представлены звуками [ъ̲] и [ь̲] (*слабые редуцированные*), а в *сильной позиции* — звуками [ъ̳] и [ь̳] (*сильные редуцированные*). Фонетическое различие между сильными и слабыми редуцированными гласными заключалось, видимо, в том, что слабые еры, в отличие от сильных, подвергались редукции, прежде всего количественной, в то время как сильные, наоборот, не только не редуцировались, но даже понижали подъем (при прочих равных чем ниже подъем гласного, тем он длительнее). В этом смысле термин *редуцированные гласные* по отношению ко всем ерам, а значит, и к ерам в сильной позиции, не вполне удачен. Однако точно реконструировать различия между редуцированными гласными в разных позициях в позднем праславянском языке не представляется возможным. Можно сказать, что распределение по сильным и слабым позициям, т. е. их способность редуцироваться в некоторых позициях, и было главной чертой, отличавшей редуцированные гласные от других гласных фонем, которые в связи с этим иногда называют, тоже не вполне удачно, «гласными полного образования».

Редуцированные гласные были слабыми в следующих положениях:

1) в конце фонетического слова: **домъ̲**, **ѹдобь̲** ‘легко’;

2) перед слогом, содержащим любой гласный, кроме редуцированного: **дъ̲ва**, **къ̲нѧзь**, **съ̲творити**, **съ̲хнетъ̲**, **мь̲ꙁда** ‘плата’, **ль̲стити**, **въ̲ домъ̲**;

[1] Имеются в виду краткие гласные *ĭ и *ŭ. В учебнике краткость праиндоевропейских и праславянских (до утраты признака долготы/краткости) гласных, как правило, специально не указывается. Обозначается только долгота гласного — *ī, *ū и т. д., а отсутствие знака долготы над гласным указывает на его краткость — *i, *u и т. д.

3) перед слогом, содержащим сильный редуцированный: **съньмъ** ‘сборище’, **льстьць, тьмьнъ, въ дьнь, съ чьстиѭ**.

Редуцированные гласные были сильными:

1) когда за ними следовал слог, содержащий слабый редуцированный: **съзьдати, подъ мъноѭ, домъ тъ, дьнь сь** ‘сегодня’.

2) сильным следует считать редуцированный гласный в односложном слове. Поскольку в старославянском языке действовал закон открытого слога, редуцированный односложного слова одновременно оказывался и конечным гласным в слове. Таковы редуцированные в формах И. ед. м. р. указательных местоимений **сь, тъ** и в союзе **нъ**: ср. **сь естъ с҃нъ мои** (Мф. 3: 17 Зогр.) ‘сей есть сын мой’ (в Сав. **се** с изменением редуцированного в /е/); **нъ иже сътрьпитъ до коньца тъ съпасетъ сѧ** (Супр. 71.1) ‘но тот, кто выдержит до конца, спасется’.

Итак, типичной слабой позицией для редуцированных гласных было положение на конце фонетического слова, а типичной сильной позицией — положение перед слогом с конечным слабым редуцированным. Соответственно отсчет позиций шел от конца фонетического слова к началу (ср. словоформы, содержащие только редуцированные гласные: **жьрьчьскъ, льстьць сь** и т. п.).

Слабые редуцированные не могли находиться под ударением, так как еще в праславянском языке произошла оттяжка ударения со слабых редуцированных на предшествующий слог: псл. *stolъ́ > *stólъ, но *stolá (ср. ст.-сл. **столъ, стола**). Если слог с ударным редуцированным был начальным в словоформе, то ударение переносилось на следующий слог: псл. *sъ́xnetъ > *sъxnétъ (ср. ст.-сл. **съхнетъ** ‘сохнет’), псл. *vъ sъ́něxъ > *vъ sъně́xъ (ср. ст.-сл. **въ сънѣхъ** ‘в снах’), псл. *mь́nьjь > *mьnь́jь (ср. ст.-сл. **мьнии** ‘меньший’). Во многих случаях исконное ударение не совпадает с современным русским литературным: ср. псл. *lьgъ́kъ м. р., *lь́gъka ж. р. (ср. ст.-сл. **льгъкъ, льгъка**, рус. *лёгок*, *легка́*), псл. *bědь́nъ м. р., *bě́dьna ж. р. (ср. ст.-сл. **бѣдьнъ, бѣдьна**, рус. *бе́ден*, *бедна́*). Таким образом, распределение редуцированных гласных по сильным и слабым позициям не зависело от места ударения, а современное русское литературное ударение не может точно указывать на то, каково было ударение в тех или иных словоформах праславянского и старославянского языков.

Формы, которые отклоняются от ожидаемого результата падения редуцированных, объясняются как возникшие по аналогии. Так, рус. *лёгок*, *тёмен*, *менее* (с поздним переносом ударения на первый слог) вм. **льгок*, **тмен*, **мнее* (из **льгъкъ, тьмьнъ, мьнѥѥ**) появляются по аналогии с формами *легка*, *легко*, *легкий*; *темна*, *темно*, *темный*; *меньше*, *меньший*, которые были фонетически закономерными. Во многих случаях слабый редуцированный сохранялся, поскольку находился в сложной группе согласных, а затем

изменялся в какой-либо другой гласный: ср. рус. *снохá* < **снъха**, рус. *дoскá* (но и диал. *цка*) < **дъска**, рус. *стезя́* < **стьꙁꙗ**, рус. *сóхнет* (с поздним переносом ударения) < **съхнетъ** и т. п.

Графика и орфография старославянских памятников сами по себе не дают оснований для различения сильных и слабых редуцированных. Реконструкция сильных и слабых позиций /ъ/ и /ь/ основана на тех изменениях, которые редуцированные гласные позднее претерпели в славянских языках, в том числе старославянском. Эти изменения отражены большинством дошедших до нас памятников старославянской письменности XI—XII вв. и имели результатом утрату редуцированных как самостоятельных фонем всеми славянскими языками, хотя и в разное время. Древнейшие славянские рукописи — западнославянский Киевский миссал и восточнославянское Остромирово евангелие (1056—1057 гг.) — не отражают утраты редуцированных, но это объясняется тем, что у восточных и западных славян изменения, связанные с редуцированными гласными, происходили позднее, чем у южных славян. У южных славян начальный этап падения редуцированных гласных, возможно, относится к X в. Об их раннем падении в диалекте паннонских славян (предков словенцев) свидетельствует отсутствие обозначения редуцированных гласных в Фрейзингенских отрывках.

Процесс утраты (дефонологизации) /ъ/ и /ь/, который традиционно называют **падением редуцированных гласных**, заключался в том, что в слабой позиции /ъ/ и /ь/ исчезали, а в сильной позиции изменялись в другие гласные (т. е. как бы «прояснялись»).

В старославянских рукописях утрата слабых редуцированных выражалась в пропусках букв **ъ** и **ь** на месте этимологических редуцированных: **къто** > **кто**, **бьрати** ‘брать’ > **брати**, **беретъ** ‘берёт’ > **берет**.

Менее показательно их смешение (**къто** ~ **кьто**, **бьрати** ~ **бърати**). Однако в некоторых памятниках мена редуцированных носит фонетически закономерный характер. Например, перед слогом с гласным переднего ряда отражается **ь** > **ъ**, а перед слогом с гласным непереднего ряда — **ь** > **ъ**: **дъвѣ** > **дьвѣ**, **вьдова** > **въдова**. Не всегда такое распределение может быть отнесено к периоду после утраты слабых редуцированных, и в таком случае оно, по-видимому, отражает перегласовку редуцированных, вызванную межслоговой ассимиляцией, происходившей до падения редуцированных. От этой перегласовки следует отличать мену редуцированных, которая вызвана лабиовеляризацией /ь/ после палатальных шипящих и свистящих согласных и его переходом в /ъ/, причем это изменение имело место не только в слабой, но и в сильной позиции: **ножъ**, **чъто**, **дъждъ**, **коньцъ**, **шъдъ**.

Среди старославянских памятников есть и такие, в которых употребляется только одна буква редуцированного (такие памят-

ники называются *одноеровыми*), например глаголическое Боянское евангелие с Ⱏ (ъ) или кириллический Енинский апостол с **ъ**, причем оба памятника отражают изменение сильного /ь/ > /е/.

Что касается сильной позиции, то глаголические памятники, большинство которых переписано македонскими (западноболгарскими) писцами, отражают изменение /ъ/ > /о/ и /ь/ > /е/: **сънъ** > **сонъ**, **дьнь** > **день**. Восточноболгарская Супрасльская рукопись заменяет **ь** на месте сильного /ь/ буквой **є**, т. е. указывает на переход /ь/ > /е/, но оставляет без изменения **ъ** на месте сильного /ъ/. Это говорит о том, что в древнеболгарском говоре писца этой рукописи /ъ/ в сильной позиции не совпал ни с какой другой гласной фонемой, хотя и перестал быть редуцированным. Интересна орфография восточноболгарской Саввиной книги, где наблюдается пропуск **ъ** и **ь** в слабой позиции при отсутствии изменений в сильной, за исключением случаев, объясняемых морфологически. Такая орфография является аргументом в пользу той точки зрения, что сначала утрачивались слабые редуцированные, а лишь затем изменялись («прояснялись») сильные.

§ 21. Напряженные редуцированные

В старославянском языке, как и во многих других славянских языках и диалектах, редуцированные гласные /ъ/ и /ь/ в позиции перед и после /j/, а значит, и перед этимологическим *i, который в начале слога получал протетический или эпентетический /j/, характеризовались более высоким подъемом и тем самым становились более напряженными гласными. В свою очередь гласные верхнего подъема /y/ и /i/ в позиции перед /j/ становились редуцированными, приобретая их способность различаться в сильной и слабой позициях. С фонологической точки зрения важно, что /ъ/ и /y/ перед /j/ совпадали (нейтрализовались) в одном звуке, который обозначим как [ъ̂], а /ь/ и /i/ — в другом, который в транскрипции будем обозначать как [ь̂]. В старославянском языке для них не было создано специальных графем; рефлексы этой нейтрализации передавались: буквами **ы** и **ъ** — [ъ̂], буквами **и** и **ь** — [ь̂]:

добрыи ~ **добръ** < *dobrъ̂jь̂ < *dobrъjь;
вы истинѫ ~ **въ истинѫ** < *wъ̂ jь̂stinǫ < *wъ jьstinǫ;
костиѭ ~ **костьѭ** (Т. ед.) < *kostь̂jǫ < *kostьjǫ;
мыѭ ~ **мъѭ** < *mъ̂jǫ < *myjǫ;
сиꙗти ~ **сьꙗти** < *sь̂jati < *sijati;
прѣдами и ~ **прѣдамь и** ‘предам его’ < *prědamь̂ jь̂ < *prědamь jь.

Не вполне ясно, аллофонами каких фонем — /ъ/, /ь/ или /y/, /i/ — являлись эти напряженные редуцированные в старославянском языке. Вероятно, в разных древних славянских диалектах их фонематический статус был различным. Будучи редуцированными,

звуки [ъ̂] и [ь̂] могли находиться либо в сильной, либо в слабой позиции, т. е. вели себя так же, как и обычные, ненапряженные, редуцированные. Это еще более усложняет и без того запутанную картину, представляемую старославянскими памятниками.

В старославянском языке в сильной позиции напряженный [ъ̂] изменялся в /y/, а напряженный [ь̂] — в /i/. Обычные (ненапряженные) редуцированные «прояснялись» перед слогом, содержащим слабый напряженный редуцированный: ср. **восиꙗти** [wosjati] < **въсиꙗти** [wъ̳sь̂jati], **пришествиѥ** [prišestwije] < **пришьствиѥ** [prišь̳stwь̂je]. Иногда в словоформах, где ожидается рефлекс напряженного редуцированного гласного, находим рефлекс обычного ненапряженного редуцированного: **доброи**, **лѫкавои**, **людеи**, **гостеи**, **приѥмъ** вместо **добрꙑи**, **лѫкавꙑи**, **людии**, **гостии**, **приимъ** и др. Для этих случаев возможно такое объяснение: напряженный редуцированный (видимо, аллофон фонем /y/ или /i/) был еще до падения редуцированных заменен обычным редуцированным по аналогии с родственными формами (например, dobrъ̂jь̂ > dobrъjь̂ по аналогии с dobrъ, gostь̂jь̂ > gostьjь̂ по аналогии с gostь, gostьmь, gostьхъ и т. п.) с последующим изменением сильного /ъ/ или /ь/ в /o/ или /e/. Для говоров, отраженных памятниками с этими формами, следует признать принадлежность [ъ̂] и [ь̂] соответственно фонемам /y/ и /i/.

Кроме того, памятники часто отражают утрату интервокального [j] в положении между двумя напряженными редуцированными и их стяжение в один гласный: [ъ̂jь̂] > [y] (**добрꙑи** > **добрꙑ**).

§ 22. Основные принципы строения слога

Яркой чертой звукового строя старославянского языка был так называемый **закон открытого слога**, в соответствии с которым в старославянском языке были возможны только слоги, оканчивавшиеся на гласный или слоговой плавный: **коупьць**| [ku|pь|cь] (3 слога), **блаженьство** [bla|že|nь|stwo] (4 слога), **стлъпъ** [stl̥|pъ] (2 слога) и т. п.

Членение славянского слова на слоги не совпадало с членением его на морфемы: ср. **ножьницѧ** ‘ножны’ = {**но**|**ж**}-{**ь**|**н**}-{**и**|**ц**}-{**ѧ**|} [1]. Из этого несовпадения слоговых и морфемных границ вытекает одно очень важное для фонологической системы следствие, а именно принципиальная возможность вычленения из слога самостоятельных фонем — гласных и согласных. Однако в отличие, например, от современного русского, где граница между словами может проходить внутри открытого слога (ср. [d̕é|t-u|šól] *дед ушёл*, [tá|m-a|knó] *там окно*), в старославянском языке межсловные границы всегда совпадали со слоговыми, поскольку слова всегда оканчивались

[1] Здесь слоговые границы обозначены знаком «|», морфемные — знаком «-», а сами морфемы заключены в фигурные скобки.

гласным звуком. Из сказанного следует, что для старославянского языка была характерна бо́льшая спаянность гласных и согласных внутри слога, чем в современном русском языке.

Закон открытого слога не был унаследован праславянским языком из индоевропейского. Это собственно славянское явление, которое возникло в результате целой серии фонетических изменений балто-славянского и праславянского периодов. К концу праславянского периода (именно этот этап фиксирует классический старославянский язык) тенденция к распространению открытых слогов превращается в закон, не знающий исключений, который действовал в славянских языках до падения редуцированных гласных.

Закон открытого слога часто трактуют как **закон возрастающей (восходящей) звучности**. Такая трактовка отражает стремление ученых учитывать не только тот факт, что слог заканчивается гласным (т. е. является открытым), но и то, какие сочетания согласных в старославянском языке возможны, а какие невозможны внутри слога. По степени звучности (или сонорности, громкости) все звуки могут быть разделены на несколько классов. Согласно правилам распределения звуков в старославянском слоге наиболее звучными являются гласные, за ними идут глайды (т. е. полугласные звуки) [w], [j], восходящие соответственно к неслоговым гласным *u, *i, и плавные [r], [l], которые в старославянском могли выполнять слогообразующую функцию. Далее следуют шумные согласные, причем звонкие более звучные, чем глухие.

Согласно закону восходящей звучности согласные и гласные звуки старославянского языка в пределах слога располагались в порядке возрастания их звучности. Сначала шел шумный согласный, затем носовой сонант, глайд [w] или плавный ([r] или [l]), и завершал эту цепь гласный. Обычными в старославянских словах были, например, следующие группы согласных в начале слога: **гнѣздо**, **обнажити**, **кладѧзь** ‘колодец’, **звѣзда**, **жрѣбѧ** ‘жеребёнок’, **снъха**, **писмѧ** ‘буква’, **нравъ**, **хвала**, **шлѣмъ** и т. п. Возможно было и сочетание двух шумных согласных (в том числе и как часть группы согласных), но в этом случае щелевой согласный всегда предшествовал смычному (ср. **старъ**, **страдати** ‘трудиться’, **спѣти** ‘делать успехи’ (ср. **съпѣти** ‘петь, спеть’), **дрѧзга** ‘лес’, **мьзда**, **избытъкъ**). Это значит, что смычные трактуются в качестве более звучных, чем щелевые согласные, что, как известно, противоречит данным общей фонетики[1]. Данное обстоятельство заставляет с осторожностью относиться к трактовке закона открытого слога как закона восходящей звучности.

[1] Экспериментально-фонетические исследования дают следующий ряд звуков в порядке увеличения их звучности: взрывные — аффрикаты, фрикативные — носовые — плавные — глайды (полугласные) — гласные верхнего подъема — среднего подъема — нижнего подъема.

Не запрещены в старославянских словах и сочетания двух шумных щелевых согласных: ср. **пасха**, **въсхотѣти**, **въсхвалити**, **въсхлѫпати** ‘просить милостыню’. Важно подчеркнуть, что внутри слова возможны такие сочетания согласных, которые не встречаются в начале старославянских слов (/zd/, /zg/, /sx/ и др.).

В сочетаниях согласных [w] мог находиться прямо перед плавным и даже после шумного перед плавным: ср. ст.-сл. **врата**, **власть**, **сврабьнъ** ‘свербящий, вызывающий зуд’, **отврѣсти** ‘открыть’. Некоторые ученые рассматривают наличие сочетаний /wr, wl/ как свидетельство того, что в старославнском языке /w/ уже стал губно-зубным щелевым [v]. Видимо, ситуация в южнославянских диалектах была различной, причем не исключено и то, что в разных позициях данная фонема реализовывалась разными звуками — глайдом [w] и щелевым [v].

При освоении заимствований сочетания согласных, противоречащие структуре славянского слога, разрежались в старославянском вставными неорганическими (неэтимологическими) редуцированными [ъ] и [ь]: греч. ψαλμός [psalmos] > ст.-сл. **пъсалъмъ**, греч. βάρβαρος [varvaros] > ст.-сл. **вар(ъ)варъ**, греч. μνᾶ, μνᾶς [mnas] > ст.-сл. **мънасъ** ‘мина (монета)’, греч. Αἴγυπτος [eγüptos] > ст.-сл. **єѵ҇ипьтъ**, греч. Ἀνδρέας [andreas] > ст.-сл. **ан(ь)дреи** и т. п. Написание слов с неорганическими редуцированными в старославянских памятниках сильно варьируется (ср. **псалмъ**, **ѱал҄мъ**, **псал҄мъ**, **п҄салмъ**[1], **пъсалъмъ**, **пьсалмъ**, **пъсаломъ**, **псаломъ** и др.). Такой разнобой связан с падением редуцированных гласных, которое отражено старославянскими памятниками. Можно предположить, что в живой славянской речи вставка **ъ** или **ь** в этих случаях была обязательна до падения редуцированных, хотя вставные редуцированные не всегда вели себя как обычные **ъ** и **ь**, которые строго распределялись по сильным и слабым позициям.

Первоначально в праславянском языке закон открытого слога проявлялся как тенденция: многие фонетические изменения праславянского языка, которые проходили в разное время и были, возможно, обусловлены разными причинами, так или иначе приводили к увеличению числа открытых слогов за счет закрытых.

Наиболее наглядно эта тенденция проявлялась в утрате конечных согласных. В конце слова в праславянском языке было возможно 5 согласных: *d, *t, *r, *n (< и.-е. *n,*m), *s. И все они отпадают, возможно, в том порядке, в каком они перечислены выше): **сынъ** (В. ед.) < *sūnun < и.-е. *sūnum (др.-инд. sūnúm, лит.

---

[1] Специальный надстрочный значок, так называемый па́ерок — ҄, в древних славянских рукописях использовался для обозначения редуцированных гласных, пропускаемых на письме.

sūnų)[1], **мати** (И. ед., ср. В. ед. **матерь**) < и.-е. *mātēr (лат. māter, греч. μήτηρ), **то** < и.-е. *tod (греч. τό, др.-инд. tad), **паде** (аор. 3 л. ед.) < *pādet (ср. др.-инд. ábharat 'он нес'), **сынъ** (И. ед.) < и.-е. *sūnus (лит. sūnùs).

Внутри слова в праславянском языке группы согласных, оказывавшиеся в результате перемещения слоговой границы по закону открытого слога в начале слога, подверглись (вероятно, тоже в разное время) упрощениям и сокращениям, большинство из которых привело к дальнейшему уменьшению количества согласных в речевой цепи:

1. *tt, *dt > *st: ст.-сл. **мести** < псл. *mettei (ср. ст.-сл. **метѫ** (1 л. наст. вр.); на древность этого изменения указывает аналогичное чередование в литовском языке: mèsti — metù);

2. *ps, *bs, *ts, *ds, *ss, *zs > *s: ст.-сл. **съсати** 'сосать' < псл. *supsātei (др.-инд. sūpah 'похлебка', гот. supōn 'приправлять'), ст.-сл. **масло** < псл. *māzsla (ср. ст.-сл. **мазати**), ст.-сл. **бесѣда** < псл. *bezsēdā (приставка *bez + корень *sēd-, ср. ст.-сл. **сѣдѣти** 'сидеть');

3. *pt, *bt, *kt, *gt > *t: ст.-сл. **грети** (инф.) 'грести'[2] < псл. *grebtei (ср. ст.-сл. **гребѫ** (1 л. наст.), лит. grẹ́bti — grẹ́biu), ст.-сл. **потъ** < *paktas (ср. **пекѫ** 'пеку');

4. *pn, *bn, *tn, *dn > *n: ст.-сл. **сънъ** < псл. *supnas (ср. ст.-сл. **съпати**, лит. sãpnas, греч. ὕπνος), ст.-сл. **дъно** < псл. *dubna (лит. dubùs, 'глубокий');

5. *tm, *dm, *pm, *bm > *m: ст.-сл. **племѧ** < псл. *pledmēn (ср. ст.-сл. **плодъ**)[3], ст.-сл. **омыти** < псл. *abmūtei (ср. ст.-сл. **об-** 'об' + **мыти** 'мыть');

6. *bw > *b: ст.-сл. **обида** < псл. *abweidā (ср. ст.-сл. **об-** 'об' + **вид(ѣти)** 'видеть'), ст.-сл. **обити** < псл. *abweitei (ср. ст.-сл. **об-** 'об' + **вити** 'вить')[4];

7. *tl, *dl > *l (у южных и восточных славян): ст.-сл. **плелъ** < псл. *pletlas < *plektl- (ср. чеш. pletl 'плёл', лат. plectō, греч. πλέκω, πλεκτή 'веревка'), ст.-сл. **молити** < псл. *madlītei (ср. чеш. modliti se, пол. modlić się).

Можно заметить, что многие из групп согласных, подвергшихся упрощению, например *pn, *dm, *bw, *dl и т. п., не противоречили принципу восходящей звучности. Отметим также, что некоторые праславянские изменения, связанные с *упрощением групп согласных*, уже не действовали в старославянском языке. Например, когда-то

---

[1] Если перед *n находился долгий гласный, то позднее на месте его сочетания с носовым сонантом возникал носовой гласный: **нѣсъ** (сигм. аор. 1 л. ед. от **нести**) < *nesson, но **несѫ** (наст. 1 л. ед.) < *nesōn.

[2] Ср. ст.-сл. **грѣти** — **грѣѭ** 'греть' — 'грею'.

[3] Но ср. **седмь, седмъ, седмица** < *sebdm-.

[4] Ср. ст.-сл. омонимы **обити** 'обвить' < *ab-wei-tei и **обити** 'окружить' < *ab-ī-tei 'обойти'.

псл. *wr упростилось в *r (ст.-сл. **ротити сѧ** ‘клясться’ < *wrot-; ср. др.-инд. vrtám, лат. verbum), но более позднее изменение псл. *wartā > ст.-сл. **врата** [wrata] говорит о том, что сочетание /wr/ опять стало возможным. Ст.-сл. **тлѣшти** ‘толочь’ < *telktei, ст.-сл. **длань** ‘ладонь’ < *dalnis оказались возможны только тогда, когда закончилось изменение псл. *tl, dl > ю.-слав. и в.-слав. *l (п. 7). Согласно п. 4 псл. *pn, *bn > псл. *n, что представлено в глаголах на **-нѫ-**: ср. ст.-сл. **съгънѫти** < псл. *sugubnantei (ср. ст.-сл. **съгъıбати**), ст.-сл. **канѫти** < псл. *kāpnantei (ср. ст.-сл. **капати**, **каплѩ**), поэтому ст.-сл. **обновити**, **обнажити**, **прозѧбнѫти**, **осльпнѫти**, **истопнѫти** можно объяснить как возникшие позднее в результате морфонологического выравнивания морфем.

В праславянских диалектах происходили и другие фонетические процессы, которые соответствовали тенденции к открытости слогов и являлись в известном смысле упрощениями групп согласных, например метатезы плавных, изменения сочетаний согласных с *j и некоторые другие (см. § 23, 27).

С действием закона открытого слога была связана *тенденция к слоговому сингармонизму*, который обеспечивал единство слога. Смысл этой тенденции заключался в том, что в слоге предпочитались (а в ряде случаев только и были возможны) одинаковые по тембру (по ряду для гласных и по твердости/мягкости для согласных) звуки, т. е. в старославянском языке преобладали два типа слогов: *бемольный* (твердый согласный + гласный непереднего ряда) и *диезный* (мягкий согласный + гласный переднего ряда). Такое положение сложилось в результате ряда праславянских фонетических изменений, в частности так называемых *палатализаций* (см. § 26) и *перегласовок гласных* после палатальных согласных.

В рамках тенденции к слоговому сингармонизму в праславянском языке происходили перегласовки гласных, а именно замена гласных непереднего ряда на гласные переднего ряда того же подъема после палатальных согласных: *jū > *jī (> ji), *ju > *ji (> jь), *ja > *je[1]. Соответственно в старославянском после палатальных согласных невозможны неогубленные гласные непереднего ряда [y], [ъ], [o]: **шити** < *sjūtei (лит. siúti, др.-инд. syūtáh), **иго** < *jьgo < *jiga < *juga (лат. jugum, греч. ζυγόν, др.-инд. yugám), **морѥ** < *marja (лит. mãrios). В то же время возможны сочетания палатальных согласных с лабиализованными гласными [u]/[ü] и [ǫ]/[ǫ̈]: **рюти** ‘реветь’ < *ŕüti < *rj$ū_2$tei[2] < *reutei (др.-инд. rāuti), **знаѭ** < *znajǫ̈ < *znājān.

---

[1] Йот здесь обозначает любой палатальный согласный.

[2] Здесь индексом $_2$ обозначен новый *ū дифтонгического происхождения, который не утрачивал лабиализации и не изменялся в *ī после палатальных согласных по закону внутрислогового сингармонизма.

Если [ü] и [ǫ̈] были самостоятельными лабиализованными фонемами переднего ряда, то сфера действия тенденции к слоговому сингармонизму оказывается максимально широкой и может претендовать на статус синхронического закона. Если же не считать их самостоятельными фонемами, то следует признать, что, оставаясь на уровне диахронической тенденции вплоть до окончания действия закона открытого слога, слоговой сингармонизм так и не стал в славянских языках синхроническим законом, не знающим исключений.

В связи с праславянскими тенденциями к открытости слога и внутрислоговому сингармонизму находятся и некоторые особенности строения начала слова в старославянском языке, в частности наличие протетических согласных.

Если слово начиналось с гласного, то это мог быть только гласный непереднего ряда /a/, /o/, /ǫ/, /u/: ср. **азъ**, **онъ**, **ѫгль**, **оумъ**. Гласные непереднего ряда /y/, /ъ/, восходящие к лабиализованным *ū, *u, не встречались в начале слова, так как они еще в праславянском языке, утрачивая лабиализацию, выделили перед собой в этой позиции протетический лабиальный согласный: ср. **высокъ** (греч. ὕψι, др.-в.-н. ūf), а также **выкнѫти** — **обыкнѫти** ‘привыкнуть’ и **въпити** (др.-перс. ufyeiti) — **възъпити** (в первом глаголе каждой пары корни **вык-**, **въп-** с протетическим [w] < *ū, *u, во втором — те же корни **-ык-**, **-ъп-**, но без протетического согласного, который не развивался после конечного согласного приставки **об-** и **въз-**[1]).

В праславянском языке все начальные гласные переднего ряда развивали перед собой протетический согласный /j/. Таким образом, в старославянском в начале слова встречаем гласные переднего ряда, прикрытые йотом, [ji], [je], [ję], [jě]/[ja]: **иже** (‘которые, они же’ И. мн. м. р.), **ѥлень**, **ѩзыкъ**, **ѣхати**/**ꙗхати**.

Протетический *j появился на сравнительно поздних этапах праславянского языка, когда уже намечались диалектные различия. В восточных праславянских говорах, которые позднее легли в основу древнерусского (общевосточнославянского) языка, до появления протетического йота происходило изменение начального псл. *e- в *a-[2] (позднее это краткое *a дало *o): *ezera > *azera > др.-рус. **озеро** > рус. озеро, *edīnu > *adīnu > др.-рус. **одинъ** > рус. один, *eseni > *aseni > др.-рус. **осень** > рус. осень и т. п. В южных и западных праславянских говорах такого изменения не было и позднее перед *e- развивался протетический *j (ср. ст.-сл. **ѥзеро**, **ѥдинъ**, **ѥсень**). В тех формах, где *j был этимологическим, различие в формах отсутствовало: ср. ст.-сл. и др.-рус. местоимения **ѥго** ‘его’, **ѥмоу** ‘ему’, **ѥи** ‘еи’ и др.

[1] Сама приставка **въз-** имеет протетический /w/ в начале и составляет параллель приставке-предлогу **из-**: **въз-** (= *wъz-< *uz-), **из-** (= *jьz-< *iz-).

[2] Такое же изменение переживали соседи восточных праславян — балты.

Следует отметить, что в старославянском языке в начальном [ji] совпали праславянские *ji и *jь: показательно совпадение форм относительных местоимений **ижє** (‘который, он же’ И. ед.) <*jьže и **ижє** (‘которые, они же’ И. мн.) < *jize; ср. также **идѫ** ‘иду’ < *jьd-< *id-, **имѫ** ‘беру, возьму’ < *jьm-< *im-, **иꙁ** < *jьz < *iz.

Развитие протетических согласных в праславянском языке связано с законом открытого слога: протеза «прикрывает» начальный гласный от конечного гласного предшествующего слова, предотвращая так называемое *зияние* на стыке слов. Однако имеются и общефонетические предпосылки для развития протетических согласных. Если гласный находится в абсолютном начале слова, как в словах *он*, *ум* и т. п., то артикуляция этого гласного начинается в славянских языках со слабого гортанного взрыва, т. е. фактически с согласного звука, который как бы входит в состав гласного, т. е. не фонологизован и, соответственно, не замечается говорящими.

Вероятно, протеза имела место перед всеми начальными гласными, но не все протетические согласные были идентифицированы с существующими фонемами, т. е. фонологизованы. В этом смысле не всегда ясен фонематический статус протетического [j] на различных этапах истории славянских языков, в том числе и старославянского языка (см. § 18). Закон открытого слога, приводивший к зияниям на стыке слов, усиливал тенденцию к фонологизации протетических звуков.

§ 23. Краткая предыстория старославянской системы гласных

Праславянский язык унаследовал из индоевропейского вокализм, который имел подсистемы кратких и долгих фонем:

Краткие:			*Долгие:*		
i		u	ī		ū
e		o	ē		ō
	a			ā	

Кроме того, в раннем праславянском языке имелось несколько типов дифтонгических сочетаний, или дифтонгов, подвергшихся в поздний праславянский период изменениям. Эти дифтонги представляли собой бифонемные сочетания, вторым элементом которых были:

1) гласные верхнего подъема *i, *u — *ei, *eu, *ai, *au, *oi, *ou;

2) носовые сонанты *n, *m — *in, *im, *un, *um, *en, *em, *on, *om, *an, *am;

3) плавные сонанты *r, *l — *ir, *il, *ur, *ul[1], *er, *el, *or, *ol, *ar, *al.

Такая подсистема дифтонгических сочетаний сложилась после сокращения долгих индоевропейских дифтонгов[2], но до начала славянских монофтонгизаций дифтонгов.

Одной из особенностей, определившей своеобразие праславянской фонетической системы, была *делабиализация гласных*. Наиболее древним, видимо, было изменение *o и *ō, выделившее праславянский вокализм на и.-е. (германском, индоиранском и балтийском) фоне[3], а позднее — возможно, уже после монофтонгизации дифтонгов — утратили лабиализацию *ū и *u. Уже после изменения *ō > *ā и *o > *a возникла система гласных, в которой признак лабиализованности становился избыточным и для гласных верхнего подъема, что впоследствии способствовало утрате ими лабиализованности: *ū > ȳ > y и *u > ъ (см. ниже и § 17). Все фонемы стали противопоставляться в первую очередь по признакам ряда и количества. Естественно, эти изменения затронули и дифтонги, число которых сократилось, но которые оставались бифонемными сочетаниями. Итак, ведущим и продуктивным признаком системы стал признак ряда, причем все гласные фонемы последовательно разделились на передние и непередние (задние):

Краткие:		*Долгие:*		*Дифтонги:*	
i	u	ī	ū	ei	ai
e	a	ē	ā	eu	au

Сохранялись и дифтонгические сочетания двух других типов — с носовыми и плавными:

i (+n/m/r/l)	u (+n/m/r/l)
e (+n/m/r/l)	a (+n/m/r/l).

Не исключено, что такое построение вокализма, строго подчиненное признаку ряда, явилось одним из факторов последующих изменений в системе не только гласных, но и согласных, в частности палатализаций заднеязычных согласных, которые происходили только перед гласными переднего ряда (см. § 26).

Преобразование раннепраславянской системы вокализма в позднепраславянскую, к которой непосредственно и восходит старославянская, было осуществлено в результате серии фонетических изменений, приведенных ниже.

---

[1] Дифтонгические сочетания *in, *im, *un, *um, *ir, *il, *ur, *ul восходят к индоевропейским долгим и кратким слоговым сонантам.

[2] И.-е. *āi, *ōi, *ēu, *ōu могли сохраняться в исходе флексий.

[3] Ср. в балт. только *o > *a; в герм. *o > *a, но *ā > *ō; в индоир. *e/ē, *a/ā, *o/ō > *a/ā.

1. ***Монофтонгизация дифтонгов на *i, *u.*** Такие дифтонги находились перед согласными и в конце слова:

***ei (> *ī₂)**[1] **> ст.-сл. /i/**:

ст.-сл. **кривъ** — лит. kreĩvas,

ст.-сл. **бити** < *beitei (ср. **биѭ** 'бью' < *bъjǫ < *bijān[2] < *beiān),

ст.-сл. **три** (И. мн. ж. р.) < *trei (ср. И. мн. м. р. **триѥ** < *trьje < *treies);

***ai (> *ē₂) > ст.-сл. /ě/** [в конце и в середине слова]:

ст.-сл. **рѫцѣ** (Д. ед.) — лит. rañkai,

ст.-сл. **снѣгъ** — лит. snaĩgala,

ст.-сл. **берѣте** 'берите' — греч. φέροιτε;

***ai (> ī₂) > ст.-сл. /i/** [только в конце слова. Условия перехода не ясны, но скорее всего они не фонетического, а морфологического характера]:

ст.-сл. **бери** 'бери' — греч. φέροις;

***eu (> *jū₂) > ст.-сл. /ju/**:

ст.-сл. **людиѥ** — лит. liáudis, нем. Leute,

ст.-сл. **блюдѫ** — греч. πεύθομαι 'расспрашиваю, выведываю',

ст.-сл. **шюи** — др.-иран. savyás 'левый' < и.-е. *seu-;

***au (> *ū₂) > ст.-сл. /u/**:

ст.-сл. **соухъ** — лит. saũsas, греч. αὖος,

ст.-сл. **сыноу** (Р. ед.) — лит. sūnaũs, гот. sunaus,

ст.-сл. **слоути** 'слыть' — **словѫ** 'слыву' < псл. *slau- (ср. ст.-сл. **слово**; греч. κλέω 'славить').

После монофтонгизации дифтонгов *au, *eu в системе фонем снова появились лабиализованные гласные. Новая лабиализованная фонема дифтонгического происхождения $*ū_2$ не совпала со старой, утратившей лабиализацию и превратившейся в *y.

Если сочетание соответствующих дифтонгу фонем находилось перед гласным, то это было гетеросиллабическое сочетание фонем, т. е. его элементы находились в разных слогах, а значит, не составляло дифтонга и, соответственно, не подвергалось монофтонгизации. Ср.: ст.-сл. **бити** 'бить' — **биѭ** 'бью' < псл. *bei-, ст.-сл. **пѣти** 'петь' — **поѭ** 'пою' < псл. *pai-, ст.-сл. **плоути** 'плыть' — **пловѫ** 'плыву' < псл. *plau- (ср. лит. pláuti 'полоскать, мыть'), ст.-сл. **милоуѭ — миловати** 'проявлять сострадание' < псл. *meilau-. Этимологически родственные корни формально и семантически могут разойтись достаточно далеко: ср. **гоумьно** 'гумно, ток, житница' и

[1] Индексом $_2$ иногда принято маркировать гласные $*ī_2$, $*ē_2$ ($=*ě_2$), $*ū_2$ дифтонгического происхождения для отличия их от таких же гласных монофтонгического происхождения $*ī_1$, $*ē_1$ ($=*ě_1$), $*ū_1$, с которыми они в конечном счете совпали еще в праславянский период.

[2] И.-е. *ei + гласный в праславянском изменялось в *ij + гласный и соответственно в *ьj + гласный.

говѧдо ‘бык, вол’ восходят к одному праславянскому корню *gau- (< и.-е. *gʷou-), оформленному разными суффиксами.

2. ***Монофтонгизация дифтонгов на носовые согласные.*** Возникновение носовых гласных также можно рассматривать как своего рода монофтонгизацию дифтонгов. Условия изменения были те же, что и в предыдущем случае: VN(T) > Ṽ(T) в позиции перед согласным и в конце слова, т. е. фактически в конце слога:

***un, *um, *an, *am > ст.-сл.** /ǫ/:

ст.-сл. **джти** ‘дуть’ < псл. *dumtei < и.-е. *dm̥- (лит. dùmti),
ст.-сл. **пжть** < псл. *pant-< и.-е. *pontʰ- (лат. pontis Р. ед., др.-инд. pánthās),
ст.-сл. **ꙁжбъ** < псл. *zamb- < и.-е. *g’ombʰ- (греч. γόμφος, лит. žam̃bas);

***in, *im, *en, *em > ст.-сл.** /ę/:

ст.-сл. **пѧтъ** ‘пятый’ < псл. *pent-< и.-е. *penkʷt- (греч. πέμπτος, лит. peñktas),
ст.-сл. **десѧтъ** ‘десятый’ < псл. *desimt-< и.-е. *dek’m̥t- (лит. dešim̃tas, греч. δέκατος),
ст.-сл. **кънѧꙁь** ‘князь’ < псл. *kuning- (заимствовано из герм. *kuningaz).

Ср. разнонаправленное развитие таких сочетаний с носовыми, которые находились перед согласным (т. е. все сочетание оказывалось в одном слоге и было действительно *дифтонгическим*), и таких, в которых носовой находился перед гласным (т. е. сочетание гласного с носовым распределялось между соседними слогами и не было дифтонгическим, т. е. носовой согласный относился к следующему слогу)[1]: ст.-сл. **джти** ‘дуть’ — **дъмж** ‘дую’, ст.-сл. **ѩти**, **възѧти** ‘брать, взять’ — **имж**, **възьмж** ‘беру, возьму’ (ср. лит. im̃ti — imù).

3. ***Преобразование дифтонгических сочетаний «гласный + плавный согласный».*** Изменения таких сочетаний происходили сравнительно поздно и не одновременно в разных славянских языках, поэтому их результаты варьируются. Преобразования дифтонгических сочетаний на плавный, закрывавший слог, несомненно, связаны с действием тенденции к открытому слогу, соответственно практически во всех славянских языках и диалектах закрытый слог на плавный открывался. Изменения дифтонгических сочетаний с плавными не приводили к появлению новых фонем, но меняли фонемный состав словоформ и их слоговую структуру.

Целесообразно выделить две группы таких сочетаний в позднем праславянском: одну группу составляли дифтонгические сочетания гласных *a (< и.-е. *a, *o), *e с плавными типа ***(T)ART**, другую — дифтонгические сочетания редуцированных гласных *ъ, *ь

---

[1] Такие сочетания можно назвать *тавтосиллаби́ческими* (однослоговыми) и *гетеросиллаби́ческими* (разнослоговыми).

с плавными типа ***ТЪRT**. В этих формулах **Т** обозначает любой согласный, **А** — гласный /а/ или /е/, **Ъ** — гласный /ъ/ или /ь/, а **R** — плавный /r/ или /l/. Формула *(Т)ART объединяет *TART с неначальным (прикрытым) дифтонгическим сочетанием и *ART с начальным (неприкрытым) сочетанием. Поскольку редуцированные гласные не могли находиться в начале слова, то неприкрытых слогов с /ъ, ь/ не было.

3а. Тип ***(T)ART: метатеза плавного.** Дифтонгические сочетания типа ***(T)ART** переживали удлинение гласного и метатезу (= перестановку) плавного, т. е. *(T)ART > *(T)RĀT:

*(T)arT > *(T)ārT > *(T)rāT > (T)raT: **нравъ**, **мразъ**, **рабъ**, **рало**, **раз-**;

*(T)alT > *(T)ālT > *(T)lāT > *(T)laT: **блато**, **младъ**, **ладиица**, **лакъть**;

*TerT > *TērT > *TrēT > *TrěT: **брѣгъ**, **прѣдъ**;

*TelT > *TēlT > *TlēT > *TlěT: **шлѣмъ**, **млѣко**.

Метатеза плавных у южных славян имела место между серединой VIII и серединой IX в. Ко времени принятия христианства этот процесс уже завершился: ср. отсутствие метатезы в заимствованиях христианской эпохи — ст.-сл. **олътарь** < лат. *altāre*, ст.-сл. **оръганъ** < греч. ὄργανον, ст.-сл. **Сеpьгии** < греч. Σέργιος (но ср. более древнее заимствование **рака** 'гроб' < гот. *arka*, лат. *arca* 'ящик'). В некоторых древних славянских памятниках (содержащих, в частности, тексты X в.) встречаются отклонения от описанных закономерностей: ср. **балˇтина** 'болото, топь', **залˇтаринъ** 'золотых дел мастер', **палˇтъ** 'кусок ткани', **салность** 'солёность' вместо **блатина**, **златаринъ**, **платъ**, **сланость**. Для начала слова ряд старославянских памятников дает формы без перестановки, но с развитием неорганического редуцированного: **алъкати**, **алъдии** вместо **лакати**, **ладии**. Изредка встречаются написания, отражающие диалектные изменения с метатезой, но без удлинения: **робъ**, **розвѣ**, **розмъıслити** и т. п. (примеры из Супр., которая выделяется и другими особенностями).

В результате метатезы в старославянском языке могли возникать чередования: ср. **брати (сѧ)** 'бороться' < *bor-tei — **борѭ (сѧ)**, **боркши (сѧ)** 'борюсь, борешься' < *bor-i-ǫ, **заклати** 'заколоть' < *kol — **заколѭ**, **заколкши** 'заколю, заколешь' < *kol-i-ǫ, **брѣмѧ** 'груз' < *ber-mę — **берѫ** 'собираю' < *ber-ǫ. Перед согласным плавный дифтонгического сочетания подвергался метатезе, а перед гласным в корне сохранялась этимологическая последовательность фонем.

Праславянские дифтонгические сочетания типа *(T)ART изменялись неодинаково в различных группах славянских языков. В южнославянских языках, а также в чешском и словацком происходило удлинение гласного, сопровождавшееся метатезой, как и в старославянском языке: ст.-сл. **градъ**, **глава**, **брѣза**, болг. *град, глава, бре́за,* с.-х. *град, глава, брȇза*, чеш. *hrad, hlava, bříza*, слвц. *hrad, hlava, breza.*

В лехитско-лужицкой группе западнославянских языков либо имела место метатеза без удлинения (*TORT > *TROT[1]), либо — что более вероятно — после плавного развивался вставной гласный (как и у восточных славян; см. ниже) с последующим перераспределением гласности (*TORT > *TORəT > *TəROT > *TROT; ср. пол. *gród*, *głowa*, *brzoza*). Дошедшие до нас записи полабской речи позволяют предположить, что в этом окраинном западнославянском языке соответствующие сочетания с [r] сохраняли закрытый слог: полаб. *storna* ‘сторона’, *morz* ‘мороз’ и др.[2]

Восточнославянские языки в положении между согласными развивали — через стадию вставного гласного после плавного — так называемое *полногласие*: *TART≥ *TORT > *TORəT > *TOROT (ср. *morz- > *morəz- > др.-рус. **морозъ** > рус. *мороз*; *berg->*berəg- > др.-рус. **берегъ** > рус. *берег*). Полногласие, возникнув в результате древнерусского звукового изменения, стало отличительной чертой лексики русского, украинского и белорусского языков: ср. рус., укр. *моро́з*, бел. *маро́з*, но ст.-сл. **мразъ**, болг., мак. *мраз*, с.-х. *mrȁz*, слвн. *mràz*, чеш., слвц. *mráz*, пол., в.-луж. *mróz*, н.-луж. *mroz*, полаб. *morz*.

В начале слова у восточных славян удлинение гласного зависело от слоговой интонации (слогового тона) на дифтононгическом сочетании. Если сочетание с плавным имело восходящую интонацию, то происходила метатеза плавного с удлинением гласного и получалась форма с начальным *ra-, *la- (*ardl- > *rādl- > **рало** ‘плуг’, *alk- > *lāk- > **лакомъ** ‘жадный, алчный’). Если же интонация была нисходящей, то метатеза не сопровождалась удлинением и на месте праславянского начального сочетания гласного с плавным в древнерусском языке выступала форма с начальным *ro-, *lo- (*arb- ≥ *orb- > *rob- > **робъ**; *alkuti- > *olkuti- > *lokuti> **локъть**).

Следует также иметь в виду, что у восточных славян (как и у предков лужичан и кашубов) еще до начала изменения дифтонгических сочетаний с плавными псл. *TelT переходило в *TolT, поэтому в др.-рус. *TelT > *TolT > *ToləT > *ToloT. Этим объясняется отсутствие исконных (незаимствованных из старославянского) древнерусских форм типа ***TeleT: ср.: псл. *melko > др.-рус. *molko > *moləko > рус. *молоко*, но ст.-сл. **млѣко** (откуда рус. *Млечный Путь*). Если же согласный перед *e в *TelT был палатальным рефлексом 1-й палатализации (см. § 26), то рефлексом полногласия было *ело*: ср. **xelm-* > **š’elmъ* > * *š’eləmъ* > *шеломъ* (ср. ст.-сл. **шлѣмъ**, откуда заимствовано и рус. *шлем*).

---

[1] Для этой группы, а также для в.-слав. языков, которые переживали эти изменения позже ю.-слав. и после изменения краткого *a в /o/, используется формула *TORT (<*TART) (см. п. 4).

[2] Параллельно этому, видимо, не развивались и носовые гласные: ср. полаб. ronka, runka ‘рука’.

3б. Тип ***ТЪRT: возникновение слоговых плавных.** При изменении сочетаний типа ***ТЪRT** в старославянском (как в других южнославянских, а также чешском и словацком языках) возникали слоговые плавные (*ТЪRT > *TR̥T):

*TirT/*TurT > *TьrT/*TъrT > *Tr̥T,

*TilT/*TulT > *TьlT/*TъlT > *Tl̥T.

Старославянские памятники обозначают слоговые плавные сочетанием букв «плавный + редуцированный» (как правило, для сочетаний всех типов используется **ъ**): **тръгъ** [tr̥gъ], **връхъ** [wr̥xъ], **стлъпъ** [stl̥pъ], **влъкъ** [wl̥kъ]. Подобные написания в системе старославянской графики оказывались двузначными, так как аналогичным же образом передавались на письме сочетания плавных с редуцированными, восходившие к праславянским *TrъT, *TlъT, *TrьT, *TlьT. Последние не противоречили закону открытого слога (и восходящей звучности): **кръвь** [krъvь], **плъть** [plъtь], **грьмѣти** [grьměti], **сльза** [slьza]. После падения редуцированных гласных в корнях этого типа возникли так называемые *вторичные слоговые плавные*: **кръвь** [kr̥v], **плъть** [pl̥t], **грьмѣти** [gr̥měti], **слъза** [sl̥za], которые совпали с теми, что появились в результате действия закона открытого слога.

Таким образом, возникновение вторичных слоговых плавных было одним из следствий падения редуцированных. Сначала количество форм со слоговыми плавными увеличилось за счет корней типа *TRЪT в тех случаях, когда редуцированный находился в слабой позиции: после выпадения слабого редуцированного слоговую функцию принимал на себя плавный: *slь̲za > sl̥za, *krъ̲wawъ > kr̥wawъ и т. п. В орфографии старославянских памятников этот процесс практически не отражается, хотя иногда в рукописях встречаются написания и без **ъ/ь** типа **слза**, **крвє**, **окрстъ**, которые более точно передают фонемный состав корня.

Затем в результате действия морфологической аналогии вторичные слоговые плавные распространились и на формы, в которых редуцированные были сильными и прояснялись: например, **крьстъ** [krь̳stъ̲] > **крєстъ** [krest] ⇒ **крстъ** ~ **кръстъ** [kr̥st] по аналогии с формами косвенных падежей **крьста** [krь̲sta] > **крста** ~ **кръста** [kr̥sta]. Написание в этом слове **ъ** вместо **ь** говорит о том, что редуцированного уже нет, а сочетание **ръ** между согласными передает слоговой плавный.

Итак, старославянский язык не сохранил различий между сочетаниями *TьrT и *TъrT, а также между *TьlT и *TъlT, так как слоговые плавные не различались по твердости/мягкости. Также вследствие развития вторичных слоговых плавных не сохраняется различие между сочетаниями типа *ТЪRT и типа *TRЪT. Если сравнить старославянские формы с современными русскими соответствиями, то можно увидеть, что русский литературный язык

сохраняет этимологическое различие в паре *ТьrТ и *ТъrТ, но не в паре *ТьlТ и *ТъlТ: ср. *верх — торг*, но *столп — волк*. Кроме того, русский язык сохранил этимологическое различие между сочетаниями типа *ТЪRТ и типа *ТRЪТ: ср. *столп — плоть*, *торг — кровь*, *верх — греметь*, *волк — слеза* и т. п. Таким образом, материал русского языка позволяет различать первичные и вторичные слоговые плавные в старославянском языке, а также дает возможность определить, какой редуцированный был в праславянских формах, к которым восходит старославянский слоговой плавный [r̥].

4. *Возникновение редуцированных гласных.* Еще одним важным событием в истории праславянского вокализма была централизация кратких гласных верхнего подъема, т. е. смещение их к центру артикуляционного треугольника. Централизация (понижение подъема) гласных *i и *u, видимо, сопровождалась их количественной редукцией в безударных позициях, а для *u также и дальнейшим ослаблением лабиализации. Соответственно в системе вокализма появились редуцированные гласные: ***i > ь, *u > ъ**.

Такие изменения, как делабиализация гласных, монофтонгизация дифтонгов на *i и *u, возникновение носовых гласных в подсистеме долгих и редуцированных гласных в подсистеме кратких в конечном счете настолько усложнили славянский вокализм, что различительный признак долготы/краткости перестал удовлетворять потребностям системы. Поэтому в поздний праславянский период произошел так называемый переход от «количественных» (по долготе/краткости) различий между гласными к «качественным» (по напряженности/ненапряженности и подъему). В целом этот переход может быть описан при помощи следующих соответствий:

*ī > i	*ū > y
*i > ь	*u > ъ
*e > e	*a > o
*ē > ě	*ā > a

§ 24. Аблаут

В старославянском языке есть чередования гласных, которые невозможно объяснить на собственно славянском материале, так как они не являются результатом праславянских фонетических изменений. Таково чередование е//о в корнях ст.-сл. слов **везѫ — возъ**, **гребѫ — гробъ**, **съберѫ — съборъ**. То же самое мы видим и в других славянских языках (ср. рус. *везу — воз*, *гребу — гроб*, *соберу — собор*). Поскольку аналогичные чередования имеются и в других индоевропейских языках (ср. лат. *tegō* ‘покрываю’ — *toga* ‘тога’, *regō* ‘правлю’ — *rogus* ‘костер’; греч. λέγω ‘говорю’ — λόγος ‘слово’, φέρω ‘несу’ — φόρος ‘дань’), ученые предполагают, что они унасле-

дованы из и.-е. праязыка, в котором уже утратили фонетический характер и превратились в морфологическое и словообразовательное средство. Этот тип чередований принято называть *абла́утом* (нем. Ablaut), или *апофони́ей* (франц. apophonie). Итак, чередование по аблауту — это морфологическое чередование гласных в индоевропейском праязыке.

Нормальной ступенью аблаута считается гласный *е, а гласный *о — его качественной ступенью, соответственно *е//*о представляет собой качественный аблаут. Кроме того, в состав чередований по аблауту входили также нулевая ступень *∅ (результат редукции гласного) и продленная ступень *ē, у которой тоже была своя качественная ступень *ō[1]. Таким образом, полный состав чередования по аблауту мог состоять из пяти ступеней, однако весь ряд редко бывает представлен в одной морфеме. Происхождение аблаута и различных его ступеней является предметом индоевропейского сравнительно-исторического языкознания. Старославянский язык отражает аблаутные чередования в преобразованном виде. Кроме того, к концу праславянского периода они утратили продуктивность.

На базе и.-е. аблаута в праславянском языке сформировался следующий ряд чередований *е//*о//*ē//*ō//*i//*u//*ī//*ū, который в процессе фонетических и некоторых морфонологических изменений преобразовался в ряд е//о//ě//а//ь//ъ//i//у, или ст.-сл. *основной ряд* **є//о//ѣ//а//ь//ъ//и//ы**, ср. псл. корни *rek- и *tek-, представленные на разных ступенях чередования в ст.-сл. {**рек**}**ѫ** — **про**{**рок**}**ъ** — **на**{**рѣк**}**ати** — {**рьц**}**и** — **про**{**риц**}**ати** и {**тек**}**ѫ** — **по**{**ток**}**ъ** — {**тѣ**}**хъ** — **ис**{**тач**}**ати** — {**тьц**}**и** — **ис**{**тиц**}**ати**.

Еще более глубокие изменения произошли в тех случаях, когда чередования по аблауту *е//*о//*∅ (ср. **рекѫ** — **рокъ** — **рьци**) происходили в дифтонгических сочетаниях.

В индоевропейском праязыке нулевая ступень дифтонгического сочетания на носовой (n и m) и плавный (r и l) могла реализоваться в виде слогового сонанта *en//*on//*∅n > *en//*on// *n̥, *er//*or//*∅r > *er//*or//*r̥. В позднем праславянском и.-е. слоговые сонанты отражены как дифтонгические сочетания редуцированных с сонантом: *n̥ > ьn/ъn, *r̥ > ьr/ъr, которые, как и нормальная ступень чередования, изменялись в соответствии с законом открытого слога (см. § 23, п. 2): ср. псл. *wert-//*wort-//*wьrt- > ст.-сл. **врѣмѧ** — **врата** — **врътѣти** (ср. **завора** 'засов' < *-vor- + гласный), псл. *pent-//*pont-//*pьnt-> ст.-сл. **пропѧти** 'растянуть, распять' — **пѫта** 'оковы, путы' — **пропьнѫ** 'распну' (ср. **опона** 'завеса' < *-pon- + гласный).

Нулевая ступень дифтонгических сочетаний на *i и *u представляла собой сами эти гласные *i и *u, которые в праславянском

[1] Некоторые индоевропеисты различают нулевую ступень и ступень редукции. Различают также ступени редукции кратких и долгих гласных.

отражались в виде /ь/ и /ъ/, а дифтонги подвергались монофтонгизации (см. § 23, п. 1):

*ei // *oi // *∅i > $*ī_2$ //$*ē_2$// *i > i // ě // ь (ср. ст.-сл. **цвисти — цвьтѫ — цвѣтъ**);

*eu// *ou// *∅u > $*jū_2$//*ū//*u > ü // u // ъ (ср. ст.-сл. **блюдѫ — боүдити — бъдѣти**).

Таким образом, в старославянском языке параллелизм индоевропейских чередований типа *e//*o//*∅ в дифтонгических сочетаниях полностью утратился.

§ 25. Из предыстории старославянской системы согласных: раннепраславянские изменения и переход *s > *x

После резкого сокращения числа согласных фонем в ранний праславянский период, в частности после утраты и.-е. придыхательных смычных и палатальных согласных, славянская система консонантизма с начала нашей эры стала пополняться новыми фонемами. Наиболее важные изменения происходили в конце праславянского периода, предположительно на протяжении V—IX вв. Они известны в славистике как 1-я, 2-я и 3-я палатализации заднеязычных согласных и изменения сочетаний согласных с *j. Эти изменения привели к возникновению, а затем и увеличению числа палатальных согласных. Однако прежде чем говорить о палатализациях заднеязычных согласных, следует отметить такое изменение, как возникновение фонемы *x, поскольку если праславянские заднеязычные *k и *g были унаследованы из праиндоевропейского, то *x является славянским новообразованием.

Изменением, которое привело к появлению в праславянском языке фонемы *x, был переход единственного и.-е. щелевого согласного *s в *š (предположительно, это мог быть ретрофлексный[1] согласный) после *ī/*ĭ, *ū/*ŭ, *r, *k. Этот переход, известный в индоевропеистике и славистике под сокращенным именем *правило RUKI*, затронул индоиранскую и балто-славянскую зоны поздне-индоевропейских диалектов: в индоиранском и литовском *š из и.-е. *s в целом сохранил свою артикуляцию, в латышском и древнепрусском рефлексом *ś был *s, а в праславянском *š из и.-е. *s дал новую заднеязычную (велярную) фонему *x.

В праславянском языке условия изменения были следующие: и.-е. *s (> *š) > псл. *x в позиции после *ī/*ĭ, *ū/*ŭ, *r, *k, если непосредственно за *s не следовал согласный: ст.-сл. **мѣхъ** ‘мех,

[1] *Ретрофлексными* называют переднеязычные согласные, при образовании которых передний край и кончик языка подняты вверх и загнуты назад (таковы, например, русские согласные [š] и [ž]).

бурдюк’ < псл. *maisas (лит. *maĩšas*); ст.-сл. **приходъ**, **прѣходити** < псл. *prīsādas, *persādītei (др.-инд. *ā-sad-*); ст.-сл. **снъха** < псл. *snusā (др.-инд. *snuṣā*); ст.-сл. **връхъ** < псл. *virsus (лит. *viršùs*). Отсутствие изменения перед согласным иллюстрируют родственные старославянские формы: ср. **прахъ** ‘пыль’ < псл. *parxъ < *parsas и **пръсть** ‘земля, пыль’ < псл. *pirstis (ср. латыш. *pȁrsla* ‘снежинка’, др.-исл. *fors* ‘водопад’). В первом слове /x/<*s появилось после *r согласно правилу перехода *s > *x, а во втором переход отсутствует, поскольку за *s идет согласный. Ср. также отсутствие изменения *s > *x перед согласным в ст.-сл. **истъıи** ‘настоящий, тот самый’ < и.-е. *isto-, ст.-сл. **блискъ** ‘молния’ < и.-е. *bʰleisk-.

Итак, истоки праславянского перехода *s в *x были достаточно древними, может быть позднеиндоевропейскими. Во-первых, он происходил до окончательного завершения в праславянском языке изменения палатального *k’ в *s. Это вытекает из того, что *s из и.-е. *k’ не переходило в *x после *ī, *ĭ, *ū, *ŭ по «правилу RUKI», т. е. это /s/ еще не совпало с исконным и.-е. *s[1]. Этим объясняется то, что в ст.-сл. **вьсь** ‘деревня’ < и.-е. *wik’- (лат. *vīcus* ‘селение’, гот. *weihs*, др.-инд. *viš-* ‘племя’), ст.-сл. **писати** < *peik’ātei (греч. ποικίλος ‘пёстрый’, лат. *pingo* ‘рисую’) перехода *s > *x нет.

Во-вторых, переход *s > *x имел место до упрощения групп согласных: ср., с одной стороны, ст.-сл. **хоудъ** ‘слабый’ < псл. *xaud < псл. *kxoud-< и.-е. *ksoud- (др.-инд. *kṣódati* ‘толочь, дробить’), а с другой — **роусъ** ‘светловолосый’ < псл. *raus- < псл. *rouds-< и.-е. *roudʰs- (греч. ἐρυθρός ‘красный’). Первое слово указывает на то, что *x появился до утраты начального *k, а второе — на то, что после изменения *ds > *s наличие *u перед *s не приводило к его изменению в /x/, т. е. процесс уже завершился.

Кроме того, [x] в славянских языках мог появиться в словах звукоподражательного происхождения (таких, как ст.-сл. **хлѫпати** ‘нищенствовать, побираться’, ст.-сл. **хапати** ‘кусать’, ц.-сл. **хохотати**, рус. *хрипеть*, *хлюпать*, *хлопать*). Еще один источник [x] в славянских языках — заимствования: ст.-сл. **хорѫгъı** ‘скипетр’ из герм. *horungō (гот. *hrugga* ‘палка, посох’), ст.-сл. **хлѣбъ** из гот. *hlaifs*, ст.-сл. **христ(ос)ъ / хрьст(ос)ъ** ‘помазанник, мессия’ из греч. χριστός. Наличие [x] в германских заимствованиях I—II вв. н. э. указывает на время перехода *s > *x — не позже II в. н. э.

В дальнейшем псл. *x из и.-е. *s, будучи заднеязычным, изменялся в процессе палатализаций: ср. ст.-сл. **мъıшь** (по 1-й палатализации; см. § 26) < псл. *mūxis < *mūsis (греч. μῦς, лат. *mūs*). Та-

[1] С учетом этого реконструируют промежуточные этапы изменения: *k’ > *ć’ (или *c) > *s. Соответственно, когда *s переходил в *š или *x, на месте и.-е. *k’ был еще *ć’ (или *c), а не *s.

ким образом, хронологически изменение *s > *x предшествует 1-й палатализации, хотя есть и другие точки зрения на относительную хронологию этих изменений.

§ 26. Палатализации

Палатализациями в исторической фонетике называют звуковые изменения, в результате которых твердые согласные становятся мягкими (палатальными или палатализованными) перед гласными переднего ряда.

В палеославистике под палатализациями традиционно понимают праславянские изменения («переходы») заднеязычных (велярных) согласных **k*, **g*, **x* в мягкие шипящие и свистящие согласные перед и после гласных переднего ряда. Обычно различают три таких палатализации: 1-ю, 2-ю и 3-ю. Две из них (1-я и 2-я) были *регрессивными*, поскольку происходили под влиянием следующего гласного, и одна *прогрессивной*, при которой смягчающее воздействие на заднеязычный оказывал предшествующий гласный (3-я палатализация). Эти палатализации осуществлялись в системе, которая не знала фонологического противопоставления палатализованных и непалатализованных согласных (см. § 18), поэтому они привели к появлению новых палатальных фонем на месте заднеязычных. Соответственно эти палатализации называют «переходными»: заднеязычные как бы «перешли» в мягкие шипящие и свистящие согласные.

Важнейшим системным результатом палатализаций было пополнение состава согласных фонем позднего праславянского языка: в результате 1-й палатализации возник «шипящий» палатальный ряд, а 2-я и 3-я палатализации привели к появлению «свистящего» палатального ряда. Первоначальные палатальные фонемы, возникшие в процессе палатализаций, подвергались последующим изменениям в разных славянских языках и диалектах (например, могли отвердевать).

Кроме того, палатализации явились источником чередований, игравших существенную роль в старославянском склонении и спряжении, а также в словообразовании.

1-я палатализация

Приблизительно в V—VI вв. заднеязычные в позиции перед гласными переднего ряда *ī, *i, *ē, *e изменились в мягкие шипящие: *k > *č’, *g > *ž’, *x > *š’:

ст.-сл. **чрънъ** < псл. *č’ьrn- < псл. *kirn- (прус. kirsnan),

ст.-сл. **кричати** < *krīč'ātei < * krīkētei (ср. лит. *krỹkti* 'пронзительно визжать'),

ст.-сл. **жєна** < *genā (ср. греч. γυνή),

др.-рус. **живъ** < псл. *gīw- (лит. *gỹvas*),

ст.-сл. **тишина** < *teiš'īnā < *teixīnā (ср. ст.-сл. **тихъ**) < *teisīnā (ср. лит. *teisùs* 'справедливый').

Это изменение называют 1-й палатализацией заднеязычных. Условиям данной палатализации подчинялись и заднеязычные перед неслоговым *i̯, который оказывался перед гласным: *dauxi̯ā > *dauš'i̯ā> *duš'a = **доуша**. Позднее сочетание рефлекса заднеязычного и неслогового *i̯ (> *j), т. е. будущего «йота», в позиции перед гласным совпало с рефлексом первой палатализации, т. е. *xi̯a > *š'i̯a > *š'a и т. д.

С фонетической точки зрения 1-я палатализация представляла собой регрессивную аккомодацию, т. е. приспособление согласного к тембру следующего гласного, что отражало тенденцию к внутрислоговому сингармонизму (см. § 22). Первоначально рефлексами заднеязычных по 1-й палатализации были палатальные, т. е. среднеязычные согласные, причем взрывной *g на одном из этапов изменения имел в качестве рефлекса аффрикату [ǯ']=[d'ž'] (звонкий коррелят [č']=[t'š']), которая рано утратила затвор и превратилась в щелевой согласный [ž']. Однако традиционно рефлексами 1-й палатализации считаются мягкие шипящие (двухфокусные) согласные, а сама эта палатализация может быть названа «шипящей».

К 1-й палатализации примыкает изменение *ē > *ā после палатальных согласных, которое закрепило фонологизацию ее шипящих рефлексов: ср. *bēgētei > *bēž'ētei > *bēž'ātī$_2$ > **бѣжати** (не ***бѣжѣти**, ср. не после палатального *sēdētei > *sēdētī$_2$ > **сѣдѣти** 'сидеть'). До перехода *ē > *ā согласные [č'], [ǯ'], [š'] (< *k, *g, *x соответственно), появившиеся на месте велярных перед гласными переднего ряда по 1-й палатализации, могли трактоваться как аллофоны этих велярных, так как их появление было позиционно обусловлено следующим гласным переднего ряда. После же перехода *ē > *ā палатальные согласные оказались возможны и перед гласным непереднего ряда [a], т. е. стали противопоставляться заднеязычным в одной и той же позиции: ср. ст.-сл. **касати сѧ — часъ** < *kēsas (др.-прус. *kīsman* < *kesman 'время, минута'). А это значит, что палатальные согласные функционально окончательно отделились от заднеязычных и стали самостоятельными фонемами.

Рефлексы 1-й палатализации широко представлены в морфологических чередованиях старославянского языка: ср. в основах на заднеязычные **чловѣкъ — чловѣчє** (Зв.), **дроугъ — дроужє** (Зв.), **жєнихъ — жєнишє** (Зв.); в спряжении настоящего времени **рєкѫ — рєчєши**, **рєчєтъ**; в аористе **двигъ** (1 ед.) — **дви-**

жє (2 и 3 ед.); в словообразовании **пророкъ — пророчьскъ**, **грѣхъ — грѣшьнъ** и т. п.

2-я палатализация

Сразу после 1-й палатализации началась монофтонгизация дифтонгов (см. § 23, п. 1), в результате которой появились новые сочетания заднеязычных согласных с гласными переднего ряда, возникшими из дифтонга *ai. 2-я палатализация, так же как и 1-я, имела место перед гласными переднего ряда, но происходила перед новыми, возникшими из *ai гласными переднего ряда *ē (*$ě_2$), *ī. Соответственно рефлексы 2-й палатализации мы находим перед *ě и *i дифтонгического происхождения. По характеру рефлексов эту палатализацию иногда называют «свистящей», так как в большинстве славянских диалектов, в том числе в солунском говоре, заднеязычные согласные по условиям 2-й палатализации изменялись в мягкие свистящие *k > *ć, *g > *ʒ́ (=ďᶻ), *x > *ś:

ст.-сл. **цѣлъ** < *ćěl-< *$kē_2$l-< *kail- (гот. *hails* 'здоровый'),

ст.-сл. **влъци** < *wl̥ć$ū_2$ < *wilkai (лит. *vilkaĩ*),

ст.-сл. **ѕѣло** 'очень' < *ʒ́ěl-< *$gē_2$l-< *gaila (лит. *gailùs* 'резкий'),

ст.-сл. **сѣдъ** 'седой' < *śěd-< *$xē_2$d-< *xaid- (родственно псл.*śěrъ 'серый', ср. др.-исл. *harr* < герм. *haira-).

Особым случаем 2-й палатализации является изменение сочетания заднеязычного с *w в позиции перед *ě или *i дифтонгического происхождения. В некоторых праславянских диалектах глайд [w] оказался проницаемым для палатализирующего воздействия переднего гласного на заднеязычный согласный в позиции 2-й палатализации. Такая дистантная палатализация имела место в южнославянских (соответственно и в старославянском) и восточнославянских (непоследовательно) говорах:

ст.-сл. **цвѣтъ** < *$kwē_2$tъ < *kwait- (бол. *цвят*, рус. *цвет*, рус. диал. *квет*, укр. *цьвiт/квiт*, пол. *kwiat*),

ст.-сл. **ѕвѣѕда** < *$gwē_2$zda < *gwaizdā (пол. *gwiazda*, лит. *žvaigzdẽ*),

ст.-сл. **влъсви** И. мн. < *wl̥x$wī_2$ < *wulxwai (ср. **влъхвъ** И. ед., болг. *влъ́хва* 'волшебник').

Центр 2-й палатализации, где она осуществилась наиболее последовательно и откуда распространялась на другие славянские территории, находился в пределах расселения южных славян. Хотя в целом тенденция к смягчению заднеязычных имела место во всех праславянских говорах, некоторые периферийные (например, северо-западные восточнославянские) говоры были охвачены ею слабее, чем славянский юг. У западных славян *x по условиям 2-й (и 3-й — см. ниже) палатализации изменялся в *š', совпав с рефлексом 1-й палатализации, а дистантная палатализация перед

*w отсутствовала. В одном из восточнославянских диалектов, а именно в древненовгородском, 2-я и, возможно, 3-я палатализации не осуществились, во всяком случае в том виде, в каком они происходили в других праславянских диалектах, т. е. не давали свистящих рефлексов. Таким образом, 2-я палатализация была первым крупным праславянским изменением, которое давало расхождения по славянским языкам и диалектам.

Рефлексы 2-й палатализации, как и 1-й, представлены в морфологических чередованиях старославянского языка, особенно широко в именном склонении:

чловѣкъ — **чловѣцѣ** (М. ед.) — **чловѣци** (И. мн.),
дроугъ — **дроуѕѣ** (М. ед.) — **дроуѕи** (И. мн.),
женихъ— **женисѣ** (М. ед.) — **жениси** (И. мн.),
рѣка — **рѣцѣ** (М. ед.),
нога — **ноѕѣ** (М. ед.),
снъха — **снъсѣ** (М. ед.);
ср. также в императиве: **рекѫ** — **рьцѣте** (пов. 2 мн.).

О рефлексах 2-й палатализации *k, *g в позиции после *s см. также § 28 (п. 3).

3-я палатализация

Рефлексы 3-й палатализации совпали с рефлексами 2-й палатализации. Это были мягкие свистящие согласные. Однако условия обеих палатализаций были различными, в известном отношении противоположными: 2-я палатализация была регрессивной, 3-я — прогрессивной.

По 3-й палатализации заднеязычные согласные изменялись в палатальные свистящие: *k > *ć, *g > *ʒ́ =ď^{z}), *x́ > *ś (в з.-слав. языках *x > *š’). Это происходило в положении после *i (<*ī), *ь (<*ĭ), *ę (*ĭn)[1], т. е. после гласных переднего ряда (но не после *e< *e и *ě < *ē!), причем только в том случае, если непосредственно после заднеязычного не шел согласный или гласные *y, *ъ (восходящие к древним лабиализованным *ū, *ŭ):

ст.-сл. **лице** ‘лицо’ < *lice < *lića < *līka; **нарицати** ‘называть, вызывать’ < *na-rićati < *nā-rīkātei (но **прѣрѣкати** ‘уговаривать, прекословить’ < *prě-rěkati < *per-rēkātei, поскольку *ē (= ě) не создавал условий для палатализации следующего заднеязычного);

[1] Соответственно 3-я палатализация имела место после появления носовых гласных, но до совпадения носового *į < *in (**ѩѕга** ‘болезнь’ < *įʒ́a < *ingā, **заѩць** ‘заяц’ < *zajįćь < *zājinkas) и носового *ę < *en (**исѧкати** < *isękati < *issenkātei; ***присѧга** < *prisęga < *prīsengā; **тѧгота** < *tęgota < *tengatā), поскольку закономерные рефлексы 2-й палатализации отсутствуют после *ę из *en, а *ę и *į совпали во всех славянских языках.

ст.-сл. **стьꙃга** ‘дорога, тропа’ < *stьʒa< *stьga < *stigā (латыш. *stiga*, греч. στίχος ‘ряд’);

ст.-сл. **польꙃга** ‘польза’ < *polьʒa < *paligā;

ст.-сл. **кънѧꙃга** ‘князя’ Р. ед. < *kъnęʒa < *kuningā (заимств. из герм. *kuningaz* И. ед.); в И. ед. **кънѧꙃь**, где 3-я палатализация не должна была происходить перед *ъ < *ŭ, рефлекс палатализации /ʒ́/ появился по аналогии с другими формами парадигмы, т. е. *kъnęgъ > *kъnęʒ́ь > **кънѧꙃь** по аналогии с **кънѧꙃга**, **кънѧꙃю** и др.;

ст.-сл. **вьсе** ‘всё’ И.-В. ед., с. р. < *wьśe < *wьśa < *wьxa < *wisa (лит. *vìsas*).

Наблюдается отсутствие рефлекса 3-й палатализации в словах, этимологически однокоренных приведенным выше, если за велярным согласным следует /ъ/ < *ŭ и /у/ < *ū или какой-либо согласный: ст.-сл. **льгъко** ‘легко’ и **льгꙑн҇и** ‘облегчение’ (ср. **польꙃга**), ст.-сл. **кънѧгꙑн҇и** ‘княгиня’ (ср. **кънѧꙃь**), ст.-сл. **стьгна** ‘улица’ и **постигнѫти** (ср. **стьꙃга**). Ср. также другие примеры на отсутствие рефлекса палатализации при наличии следующего за велярным согласного: ст.-сл. **играти**, **мьгла**, **стькло** и др.

Рефлекс 2-й и 3-й палатализаций [ʒ́] впоследствии отвердел ʒ́ > ʒ(=d͡z), а затем в большинстве славянских языков (за исключением польского и частично македонского) утрачивается смычка d͡z > z, что, в частности, отражается и старославянскими памятниками, которые смешивают буквы ⰸ/ꙃ и ⰷ/з (см. § 16): ср. этимологически незакономерные написания **польза**, **проꙃꙃбе**, **ноꙃѣ** и под.

3-я палатализация, как и 2-я, распространялась с территории южных говоров праславянского языка. В частности, старославянские памятники последовательно отражают ее результаты. Восточнославянская территория была охвачена 3-й палатализацией в значительно меньшей степени, а в древненовгородском диалекте 3-я палатализация, как и 2-я, возможно, не осуществлялась: ср. написание в новгородской берестяной грамоте № 390 конца XIII в. **вохо мое** /wxo moje/ ‘всё моё’, отражающее характерное для древненовгородского диалекта отсутствие рефлекса 3-й палатализации в местоимении с. р. (ср. ст.-сл. **вьсе**). Многие слова с рефлексом 3-й палатализации заимствованы в русский литературный язык через церковнославянский из старославянского: *восклицать* (ср. ст.-сл. **клицати** ‘кричать’ и рус. *кликать*), *польза* (ср. ст.-сл. **польꙃга**, **польꙃевати** ‘приносить пользу’ и рус. диал. *польга*), *состязаться* (ср. ст.-сл. **състѧꙃати сѧ** ‘спорить’), *мерцать* (ср. ст.-сл. **помрьцати** ‘меркнуть’ и рус. *смеркаться*) и т. п.

Рефлексы 3-й палатализации широко представлены главным образом в конце основы и в суффиксах **-ьць**, **-ьце**, **-ьца**, **-иць**, **-ица** (**ловьць**, **срьдьце**, **двьрьца**, **корабиць**, **оубиица**, **рꙑбица**). Распределение рефлексов 3-й палатализации носило в значительной степени не

фонетический, а морфологический характер: ср. отсутствие рефлексов палатализации в суффиксах **-икъ**, **-ьникъ** существительных м. р. типа склонения на *o и наличие такого рефлекса в этимологически родственных суффиксах **-ица**, **-ьница** существительных м. и ж. р. типа склонения на *a (см. § 48). Отсутствие ожидаемых рефлексов 3-й палатализации в суффиксах прилагательных **тѧжькъ**, **горькъ** и наречий **тѧжько**, **горько** могло быть результатом влияния суффикса **-ъкъ** прилагательных **льгъкъ** и **сладъкъ** на корни, оканчивающиеся палатальным согласным[1]. На основе фонетических условий 3-й палатализации возникли чередования в однокорневых глаголах, относившихся к разным глагольным классам, типа **подвиѕати сѧ** 'двигаться/двинуться' (3-й класс; о глагольных классах см. § 71) и **подвигнѫти сѧ** (2-й класс). Под эту модель чередования подстраиваются глаголы, в которых не было условий для осуществления 3-й палатализации: **навъıцати** 'учиться, познавать' — **навъıкнѫти** < *na-vyk-a-ti — *na-vyk-nǫ-ti, **осѧѕати** 'ощупать' — **осѧгнѫти** < *o-sęg-ati (< *a-seng-ā-tei; после *ę из *en палатализация не происходила) — *o-sęg-nǫ-ti. Также по аналогии появилась форма **блисцати сѧ**[2], где 3-я палатализация после /s/ не должна была происходить (ср. **искати**, **пискати** 'свистеть' и т. п.). Рефлекс 3-й палатализации после *ьr из *ir в слове **помръцати** 'меркнуть' такого же морфологического происхождения: **помръцати — помръкнѫти**.

Итак, 3-я палатализация отражается непоследовательно во всех славянских языках, в то время как 2-я палатализация не охватила некоторые окраинные славянские диалекты, в частности восточнославянский северо-запад, но в тех диалектах, где 2-я палатализация имела место, она проходила довольно последовательно.

Соотношение 2-й и 3-й палатализаций

3-ю, прогрессивную, палатализацию часто называют *бодуэновской*, по имени И. А. Бодуэна де Куртенэ, который был одним из первых, кто попытался сформулировать ее условия. Однако до сих пор нет единства мнений по многим вопросам, связанным с этой палатализацией[3].

---

[1] Ср. нередкость таких контекстов: **горкоє сладько сътворивъ** (Супр. 430, 18—19) 'горькое превратил в сладкое'; **растворєи [...] горъкѫѭ водѫ въ сладъкѫѭ** (Евх. 20б 15) 'претворяющий горькую воду в сладкую'.

[2] В Супр. отмечена фонетически закономерная форма **блискати сѧ** 'сверкать' (ср. также блискъ 'молния').

[3] Более чем столетняя дискуссия по вопросам, связанным со 2-й и 3-й палатализациями, обстоятельно рассмотрена в работе голландского слависта Виллема Вермеера: *Vermeer W.* Comedy of errors or inexorable advance? Exploring the dysfunctionality of the debate about the progressive palatalization of Slavic // Dutch Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists, Ljubljana: Linguistics. Amsterdam; New York, 2003.

Во-первых, предметом дискуссий долгое время являются условия и рефлексы заднеязычных по 3-й палатализации. В частности, не ясно, какие гласные, следовавшие за заднеязычным, препятствовали палатализации. Предлагался различный набор этих гласных: 1)*ъ, *u, *o, *ǫ; 2)*ъ, *u, *ǫ; 3)*oi, *ǫ; 4)*ъ, *u. Сам Бодуэн де Куртенэ считал, что важную роль в изменении играло ударение, но эта гипотеза не получила подтверждения. Спорным является и то, какие согласные — палатальные или палатализованные — возникали в процессе этой палатализации, а кроме того, совпадали или нет первоначально рефлексы 2-й и 3-й палатализаций. Высказывалось мнение, впрочем ничем не обоснованное, что первоначально 2-я палатализация давала палатализованные («полумягкие») свистящие, а 3-я — палатальные («более мягкие») свистящие.

Во-вторых, отдельную, хотя и связанную с перечисленными вопросами, проблему составляет относительная и абсолютная хронология и распространенность 3-й палатализации. Какая палатализация древнее — 2-я (А. Мейе, А. Вайан и др.) или 3-я (Х. Педерсен, Н. С. Трубецкой и др.)? Все ли славянские языки и диалекты были охвачены 3-й палатализацией и в какой степени? Наиболее убедительным аргументом в пользу большей древности 2-й палатализации остается отмеченное еще А. Мейе соотношение форм, где заднеязычный находится в позиции обеих палатализаций: если 2-я палатализация древнее 3-й, то форма местоимения **вьсѣхъ** (М. мн.) — фонетически закономерна (ср. *wixaixu> *wьxěxъ> *wьśěxъ), а форма существительного **отьцихъ** (М. мн.), входившая исконно в твердый тип склонения (см. § 50), — фонетически не закономерна и объясняется морфологически влиянием мягкого типа склонения (ср. **кон҃ихъ** М. мн.); если же 3-я палатализация древнее, чем 2-я, то форма существительного **отьцихъ** (М. мн.) — фонетически закономерна (ср. *atikaixu> *atićaixu>[1] *atićeixu> *atićī$_2$xu> *otьćixъ), а форма местоимения **вьсѣхъ** (М. мн.) — фонетически не закономерна и должна объясняться морфологически влиянием твердого типа склонения, что маловероятно, поскольку в старославянском мы имеем **сихъ**, а не ***сѣхъ** (см. § 59). Другой показательный пример — ст.-сл. наречие **льзѣ** 'можно', которое представляет собой адвербиализованную форму Д. или М. ед. существительного *lьga 'послабление, возможность'. Этот осколок парадигмы несомненно отражает фонетически закономерную форму, появившуюся еще до влияния мягкого склонения, которое осуществлялось после завершения палатализации и происходило в соответствии с тенденцией к внутрислоговому сингармонизму, т. е. до появления форм *lьʒa (***льꙃꙗ**) И. ед./*lьʒi (***льꙃи**) Д./М. ед., что также доказывает бóльшую

[1] Это изменение по закону внутрислогового сингармонизма: *a > *e после палатального.

древность 2-й палатализации. В пользу позднего характера 3-й палатализации свидетельствует и то, что она не осуществлялась в позиции после рефлекса дифтонга *ai (например, *raikā > *rěka> рѣка; *snaigā > *sněga > снѣга Р. ед.), хотя ее осуществления следовало бы ожидать, если бы 3-я палатализация происходила до монофтонгизации дифтонгов (т. е. раньше 2-й палатализации, которая заведомо происходила после монофтонгизации *ai> ě/i в тех случаях, когда второй гласный дифтонга создавал условия для 3-й палатизации: ср. *raikai > *rěkě > rěćě = рѣцѣ (М. ед.).

Прогрессивный характер 3-й палатализации сближает ее с изменением *s > *x по *правилу RUKI* (см. § 25) и не вполне соответствует тенденциям к открытости слога и внутрислоговому сингармонизму, поскольку в процессе изменения взаимодействовали фонемы, находившиеся в разных слогах. Однако, если иметь в виду чисто фонетический аспект, само по себе это обстоятельство может свидетельствовать как в пользу того, что 3-я палатализация древнее двух других, т. е. происходила до возникновения этих двух тенденций, так и в пользу ее осуществления уже на излете действия закона открытого слога. Тем не менее с середины XX в. развивается гипотеза, согласно которой 3-я палатализация древнее не только 2-й, но даже и 1-й палатализации (А. Мартине, Г. Лант, Р. Чэннон и др.). Эта гипотеза, впрочем, сталкивается с непреодолимым препятствием в виде формы Зв. падежа отьче существительных типа отьць и прилагательного типа отьчьскъ. Эти и подобные формы, в которых заднеязычный одновременно находится в позиции обеих (1-й и 3-й) палатализаций, имеют рефлекс 1-й, а не 3-й палатализации, что неопровержимо указывает на большую древность 1-й палатализации.

Что касается абсолютной хронологии, то славянское заимствование пѣнѧзь < др.-в.-н. penning- также убедительно свидетельствует в пользу сравнительно поздней датировки 3-й палатализации (VIII—IX вв.) и о ее пересечении со 2-й (VII—VIII вв.): пѣнѧзь содержит рефлекс 3-й палатализации, а сама др.-в.-н. форма penning-, восходящая к герм. *panningaz, отражает изменение *e* > *a*, которое датируется VII—VIII вв. Следовательно, 3-я палатализация имела место не ранее конца VIII — начала IX в.

Итак, если исходить из того, что обе свистящие палатализации являются поздними, что наиболее вероятно, то с фонологической точки зрения безразлично, какая из них древнее, поскольку и 2-я, и 3-я палатализации являются частями одного фонематического процесса. Примерно таким был и первоначальный взгляд на палатализации А. А. Потебни, А. И. Соболевского, И. А. Бодуэна де Куртенэ и др.: 2-я и 3-я палатализации рассматривались как 1-е и 2-е условия 2-й («свистящей») палатализации, причем в обоих условиях палатализация происходила одновременно. Возможно,

отношение между 2-й и 3-й палатализациями сходно с отношением между 1-й палатализацией и переходом *ē > *ā после палатальных согласных (см. § 26). В таком случае 2-ю и 3-ю палатализации на начальных этапах их осуществления можно трактовать как чисто фонетические изменения, т. е. как приспособление артикуляции согласного к артикуляции соседнего (следующего для 2-й и предшествующего для 3-й) гласного переднего ряда, которое на первом этапе изменения не приводит к возникновению новых фонем, а вызывает лишь аллофонное варьирование. В конечном счете во всех славянских языках рефлексы 2-й и 3-й палатализаций совпали, поэтому фонологически важно именно совмещение рефлексов обеих палатализаций, так как только после этого можно определенно констатировать фонологизацию «свистящего» ряда *k > *ć, *g > *ʒ́, *x > *ś. В разных славянских языках и диалектах это происходило по-разному. Таким образом, на аллофонном уровне 3-я палатализация гипотетически могла предшествовать не только 2-й, но также и 1-й палатализации, однако фонологизация палатального «свистящего» ряда— явление более позднее, чем фонологизация «шипящего» ряда, а именно фонологизация результатов фонетического изменения важна при решении вопроса об относительной хронологии славянских палатализаций. В любом случае создание Кириллом специальных букв для новых шипящих и свистящих говорит о том, что и шипящие, и свистящие ко времени создания славянской письменности представляли собой противопоставленные заднеязычным самостоятельные фонемы.

Заднеязычные перед гласными переднего ряда после палатализаций

После завершения палатализаций в славянских диалектах не должно было сохраниться слов, в которых заднеязычные согласные находились бы перед гласными переднего ряда. Однако ко времени создания старославянского языка живой процесс палатализации уже прекратился. Об этом говорят многочисленные заимствования в старославянском языке, в которых заднеязычные согласные находятся перед гласными переднего ряда: ст.-сл. **к͡есар͡ь** ‘кесарь, римский император’ < греч. *καῖσαρ* (ср. более раннее заимствование с отражением 2-й палатализации **цѣсар͡ь** ‘властелин, царь’[1] < гот. Káisar ‘император’ < лат. Caesar), ст.-сл. **иг͡емонъ** < греч. *ἡγεμών* ‘правитель’, **арх͡итриклинъ** < греч. *ἀρχιτρίκλινος* ‘распорядитель

[1] То, что в старославянском слова **к͡есар͡ь** и **цѣсар͡ь** имели разное значение, видно из следующего евангельского контекста: **не імамъ цѣсарѣ • тъкꙋмо к͡есарѣ** ‘мы не имеем (иного) властелина, кроме (римского) императора’ (Ин. 19: 15 Зогр.).

пира’, **параскевьгии** ‘пятница’ < диал. греч. παρασκευί (литер. греч. παρασκευή).

Вместе с тем в старославянском языке имеются романские заимствования с аффрикатой /ć/, которая не является непосредственным рефлексом какой-либо славянской палатализации: ст.-сл. **цръкы** ‘церковь’ (< герм. *kirikō < диал. греч. κυριακόν ‘принадлежащее господу, храму’), ст.-сл. **оцьтъ** ‘уксус, кислое вино’ (< лат. *acetum*), ст.-сл. **цѧта** ‘мелкая монета’ (< лат. *centum* или гот. *kintus*). Наличие /c/ в этих заимствованиях объясняется тем, что в языке романского населения, которое соседствовало на Балканах со славянами, ко времени заимствований уже осуществился типологически сходный со славянскими палатализациями переход *k’* > *c*. В ряде случаев для некоторых древних славянских говоров при заимствовании можно предполагать немецкое посредство. В частности, такие формы старославянских памятников, как **ціръкъве**, **ціръкъвь**, а также **cirkuah** Фрейзингенских отрывков, возможно, представляют заимствования из немецких диалектов, переживших переход *k* > *z* [ts] (ср. др.-в.-н. kiricha).

§ 27. Изменение сочетаний согласных с *j

Приблизительно в VII—VIII вв. праславянские диалекты пережили изменения, еще больше увеличившие инвентарь палатальных фонем, а также количество чередований согласных. Эти фонетические изменения представляли собой слияние *j, восходящего к *i (= /ĭ/), с предшествующим ему согласным в качественно новый звук или сочетание звуков. Их иногда называют йотовыми палатализациями. В отличие от описанных в предыдущем параграфе палатализаций изменения сочетаний согласных с *j касались всех согласных, а не только заднеязычных, для которых рефлексы данного изменения совпали с рефлексами 1-й палатализации. В связи с тем что эти изменения проходили сравнительно поздно, между славянскими языками и диалектами можно обнаружить значительные различия в рефлексах. Поэтому, рассматривая результаты изменения сочетаний согласных с *j, как они отражены в старославянском языке, мы будем, где необходимо, дополнять старославянский материал данными других славянских языков.

1. Сочетания заднеязычных согласных с *j:

*kj > *č’: *awikjas > ст.-сл. **овьчь** ‘овечий’ (кратк. притяж. прил. от **овьца** < *owikā с рефлексом 3-й палатализации);

*gj > *ž’: *lugjān > ст.-сл. **лъжѭ** (1 ед. наст.; ср. **лъгати**); *lugjā > ст.-сл. **лъжа** (ср. **лъжь** ‘лживый’ < *lugjas; др.-в.-н. *lugîs*);

*xj > *š’: *dauxjā > ст.-сл. **доуша** (ср. **доухъ**, **дъхновение** ‘дыхание, ветер’).

2. Сочетания переднеязычных сонантов с *j:

*nj > *ń: *kanjas > ст.-сл. **конь** (болг. *кон*, с.-х. *коњ* , чеш. *kůň*);

*lj > *ĺ: *palja > ст.-сл. **полѥ** (болг. *поле́*, с.-х. *поље*, слвн. *polje*);

*rj > *ŕ: *baurjā > ст.-сл. **боурꙗ** (рус. *буря*, с.-х. *бура*, слвн. *búrja*, чеш. *buře*).

В результате изменения сочетаний сонантов с *j появились новые палатальные фонемы /ń/, /ĺ/ и /ŕ/, противопоставленные старым переднеязычным /n/, /l/ и /r/. В разных праславянских говорах фонема /ŕ/, видимо, реализовалась звуками, которые, строго говоря, не были палатальными в артикуляторном отношении. Палатальность (среднеязычность) плохо уживается с таким способом образования, как вибрация (дрожание). В одних праславянских говорах фонема /ŕ/ могла быть реализована как [ri̯], т. е. монофонемное сочетание слегка палатализованного дрожащего [r] с i-образным призвуком (бывшим неслоговым *i); в других — как палатализованный [r’].

3. Сочетания переднеязычных щелевых с *j:

*sj > š’: *peisjān > ст.-сл. **пишѫ** (1 ед. наст.; ср. инф. **пьсати**);

*zj > *ž’: *nazjas > ст.-сл. **ножь** (ср. **вънозити** ‘вонзить’).

Аналогичным образом *s и *z изменялись перед *nj и *lj, т. е. сонанты оказывались как бы «проницаемыми» для воздействия *j на щелевой: ср. **помышлꙗти** < *pomysljati, **въжлюбити** < *wъzljubiti, **иж нѥго** < *jьz njego и т. п. Рефлексы данных сочетаний в приставках и предлогах постепенно вытеснялись формами, возникшими по аналогии: ср. **въжлюбити** > **възлюбити**, **иж нѥго** > **из нѥго** и др.

4. Сочетания губных согласных с *j:

*pj > *pĺ: *kaupjān > ст.-сл. **коуплѭ** (1 ед.; инф. **коупити**; ср. болг. *купя*, рус. *куплю*, укр. *купю*, пол. *kupię*, н.-луж. *kupju*);

*bj > *bĺ: *bjeudān > ст.-сл. **блюдѫ** (1 ед.; греч. πεύθομαι; ср. рус. *блюсти*, с.-х. *бљудити*, укр. диал. *блюди́ть* ‘соблюдать’); ст.-сл. **блюдо/блюдъ** < псл. *bjud- из гот. *biuþs* ‘стол’ (ср. болг., рус. *блюдо*, с.-х. *бљудо*, луж. *blido* ‘стол’);

*mj > *mĺ: *zemjā > ст.-сл. **землꙗ** (ср. болг. *земя́*, мак. *земја*, с.-х. *зѐмља*, пол. *ziemia*, чеш. *země*, луж. *zemja*);

*wj > *wĺ: *čirwjen-> **чръвлѥнъ** ‘красный’ (прич. страд.; ср. др.-рус. **чьрвити** ‘красить’; болг. *черве́н*, мак. *црвен*, рус. *червленый* ‘багряный’).

Палатальный /ĺ/, который появился на месте /j/ в сочетаниях губных согласных с *j, обычно называют «l-*эпентетикум*» (‘вставное’). Этот термин отражает традиционное объяснение изменения данных сочетаний: между губным согласным и следующим за ним *j развивался эпентетический *l, а затем *plj > *pĺ. Однако реконструировать промежуточную стадию в данном случае нет необходимости. Расхождения между славянскими языками в отражении

l-эпентетикум связаны с тем, что позднее в некоторых языках *ĺ на конце именной и глагольной основ утрачивался в результате действия морфологической аналогии (ср. болг. *купя*, *земя*, но *блюдо*), хотя процесс его утраты подчинялся и фонетическим условиям (памятники показывают, что раньше всего l-эпентетикум исчезал перед *i и *ь: ср. в Супр. **по вьсеи земи** вместо **земли**, **корабникъ** вместо **корабльникъ** 'капитан корабля' и т. п., в Ен. **приеметь** вместо **приемлеть**, **възлѹбени** вместо **възлюблени** и т. п.).

5. Сочетания переднеязычных взрывных с *j:

*tj > *šť: *swaitja > ст.-сл. **свѣшта** (ср. **свѣтъ**; лит. *šviẽsti* 'светить', др.-инд. *śvētyás* 'светлый, белый'); ср. болг. *свещ*, мак. *свеќа*, с.-х. *свéћа*, слвн. *svéča*, рус., бел. *свеча*, укр. *свiча*, пол. *świeca*, чеш. *svíce*, луж. *swěca*;

*dj > *žď: *medja > ст.-сл. **межда** (ср. лит. *mẽdis* 'дерево', др.-инд. *mádhyam* 'середина'); ср. болг. *межда*, мак. *меѓа*, с.-х. *мèђа*, слвн. *méja*, рус., укр., бел. *межа*, пол. *miedza*, чеш. *meze*, слвц. *medza*, в.-луж. *mjeza*, н.-луж. *mjaza*.

Если *t и *d оказывались в позиции перед *rj и *wj, они изменялись в старославянском аналогичным образом (вероятно, это был процесс, характерный только для древнеболгарских говоров): ст.-сл. **смоштрѭ** < *sъmotrjǭ (1 ед.; инф. **съмотрити**); ст.-сл. **оумѫждрѭ** < *umõdrjǭ (инф. **оумѫдрити**); ст.-сл. **оумрьштвлꙗти** < *umьrtwjati (итератив от **оумрътвити**) и др. Эти фонетически закономерные формы постепенно заменялись формами, образованными по аналогии: например, **оумѫждрꙗти** > **оумѫдрꙗти**, как **оумѫдрити** и т. п.

Как видим, сочетания *tj и *dj изменялись неодинаково в славянских языках. У восточных славян — *tj > č', *dj > *ǯ' > *ž' (ср. др.-рус. **свѣча**, **межа**). У западных славян — *tj > *c', *dj > *ʒ' > *z' (ср. в Киев. — **даꙃь** [= ст.-сл. **граждь**, императив от **дати**], **обѣцѣлъ** [= ст.-сл. **обѣшталъ**, прич. прош. вр. от **обѣштати**]. Более пестрая картина наблюдается у южных славян, особенно если учесть диалектный материал. Для большинства болгарских говоров можно предположить изменение *tj > *š'č' > *št' > *št и *dj > *ž'ǯ' > *žď > *žd; для большинства сербохорватских — *tj > *ḱ > *ć/ћ и *dj > *ǵ > *dž/ђ. В македонских говорах с конца XIII в. *št' > *ḱ, *žď > *ǵ под сербским влиянием.

6. Сочетания согласных *kt перед *ĭ/*ī:

*ktĭ > *št'ь: ст.-сл. **ношть** < *naktis (ср. лит. *naktìs*);

*ktī > *št'i: ст.-сл. **мошти** (инф.) < *maktī₂ < *magtei (ср. наст. вр.: 1 ед. **могѫ** и 3 мн. **могѫтъ**).

По характеру изменения к сочетаниям согласных с *j примыкало в праславянском сочетание *kt (в том числе то, что получилось из *gt в результате оглушения), если оно находилось в позиции

перед верхними гласными переднего ряда *ĭ и *ī. Рефлексы этих сочетаний в конечном счете совпали с рефлексами сочетания *tj.

Данное изменение особенно часто представлено в инфинитивах некоторых глаголов 1-го класса (см. § 71) и связанных с ними именах существительных: ср. **мошти/могѫ — мошть** ‘мощь’, **пешти/пекѫ — пешть** ‘печь’ и др. (но ср. **решти/рекѫ — рѣчь**). В ряде случаев (не столь важных для морфологии) изменение *kt > *št’ имело место и перед другими гласными переднего ряда, например перед *е: ср. ст.-сл. **дъштере** (Р. ед. при И. ед. **дъшти** ‘дочь’) < *dukter- (ср. лит. *duktẽrs* И. ед.).

§ 28. Изменения некоторых сочетаний согласных

Об упрощении групп согласных, связанном с действием закона открытого слога, говорилось выше. Здесь речь пойдет главным образом об изменениях *s и *z перед согласными, возникшими в старославянском языке в результате палатализаций и изменения сочетаний согласных с *j.

1. *sč > *šč > *št’: ст.-сл. **раштисти** ‘рассчитать’ < *rasčisti (= ***разчисти**) < *arzkeittei (ст.-сл. **чисти/чьтѫ** ‘читать, считать, почитать’; ср. лит. *skaitýti* ‘считать’, др.-инд. *cétati* ‘соблюдать, познавать’); ст.-сл. **иштѭ** < *jīskjān (1 ед. наст., инф. **искати**; лит. *ieškóti*, др.-в.-н. *eiskōn*).

Поскольку /č/ = [t’š’], то первым этапом изменения было /sč/ > /šč/ ([st’š] > [š’t’š’] фонетически представляет собой ассимиляцию), а вторым — /šč/ > /št’/ ([š’t’š’] > [št’] — утрата второго фрикативного элемента, т. е. упрощение группы согласных). Таково основное направление развития данного консонантного сочетания, отраженное в старославянских памятниках. Однако развитие могло идти и в другом направлении: упрощение группы за счет начального фрикативного элемента, но только на стыке предлога-приставки и корня, что указывает на морфонологическую обусловленность такого развития: *sč (> * šč) > *č: ст.-сл. **бечьстьнъ** (ср. **бештьстьнъ**) ‘посрамленный’ < *besčьstьnъ (***без{чьст}ьнъ**); ст.-сл. **ичрѣва** (ср. **иштрѣва**) ‘из чрева’ < *jьs črěva (***из чрѣва**).

Для звонкого коррелята /ǯ/ = [ďž’] (рефлекс *g по 1-й палатализации и сочетания *gj) возможно только изменение первого типа:

*zǯ> *žǯ> *žď: ст.-сл. **иждити** ‘растратить’ < *jьžǯiti < *jьzǯiti (=***из-жити**) < *jizgītei; ст.-сл. **дъждь** < *dъžǯь < *dъzǯь < *duzgjas (ср. лит. *dužgėti* ‘шуметь’).

2. *sšt’ (> *ššt’) > *št’: ст.-сл. **тьшта** < *tьšt’a < *tьsšt’a < *tistjā (ср. **тьсть**, др.-прус. *tisties* ‘тесть’);

*zžď (> *žžď) > *žď: ст.-сл. **пригвождѫ** (1 л. ед. наст., инф. **пригвоздити** ‘прибить [гвоздями]’) < *prigwažďǫ < *prigwazžďǫ < *prīgwazdjān.

В этом случае происходила регрессивная ассимиляция с последующей утратой двойного согласного.

3. Для начального этапа развития старославянского языка, вероятно, следует реконструировать сочетание *sć (или *sc’) < *sk (по 2-й палатализации), однако старославянские памятники указывают на его двоякое преобразование: *sć = [st’ˢ] мог утрачивать либо конечный, либо начальный фрикативный элемент:

а) *sć > *st’, т. е. [st’ˢ] > [st’]: ст.-сл. **дъстѣ** (М. ед.; И. ед. **дъска** ‘доска, таблица, стол’) < **дъсцѣ**; **ѕемльстии** < **ѕемльсции** (И. мн., м. р.; И. ед. **ѕемльскъ** ‘земной’);

б) *sć > *ć (т. е. [st’ˢ] > [t’ˢ]) только на стыке предлога-приставки и корня: ст.-сл. **ицѣлити** (при ст.-сл. **исцѣлити**) < *jьsćěliti; ст.-сл. **бецѣньнъ** (при ст.-сл. **бесцѣньнъ**) < *besćěnьnъ; ст.-сл. **ицръкъве** ‘из церкви’ (при ст.-сл. **ис цръкъве**) < *jьs ćьrkъwe.

Что касается звонкого коррелята, то данные старославянской письменности ограничиваются практически одним примером: *zʒ́ > *zď: ст.-сл. **дрѧѕдѣ** (М. ед.; И. ед. **дрѧѕга** ‘лес, кустарник’) < *dręzʒ́ě < *dręzgě$_2$ < *drenzgai.

4. Старославянские памятники отражают также утрату *s перед *s/*š и *z перед *z: ст.-сл. **бесъмрътьнъ** ‘бессмертен’ (< * **бес-съмрътьнъ**), **ишьдъ** ‘вышедший’(< * **ис-шьдъ**, краткое прич.), **беѕълобы** ‘без злобы’ (< * **беѕ-ѕълобы**). Это явление старославянского языка отражает запрет на двойные согласные в позднем праславянском языке (о сочетании *z + ž см. выше, п. 1).

5. В случае изменения *zr > *zdr старославянский язык последовательно демонстрирует не упрощение, а «усложнение» группы согласных: ср. обычные ст.-сл. **иѕдраиль** < **иѕраиль**, **въѕдрадовати** < **въѕрадовати**, **раѕдроушити** < **раѕроушити**, **иѕд рана** < **иѕ рана** и т. п. Вставка /t/ между /s/ и /r/ отражается в старославянских памятниках редко: ср. **страмъ** < **срамъ** в Син.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем специфика изучения старославянской фонетики по сравнению с фонетикой современного языка? Каковы основные источники наших знаний о звуковой стороне старославянского языка?

2. Каковы принципы реконструкции звуковой системы праславянского языка накануне его распада? Приведите примеры внешней и внутренней реконструкции. В чем различие между *относительной* и *абсолютной* хронологией?

3. Охарактеризуйте исходную систему гласных старославянского языка и перечислите дифференциальные признаки гласных фонем. Каково происхождение гласных фонем старославянского языка?

4. Охарактеризуйте исходную систему согласных старославянского языка и перечислите дифференциальные признаки согласных фонем.

5. Приведите примеры праславянских фонетических изменений, отражающих тенденцию к открытости слога. Стала ли тенденция к открытому слогу не знающим исключений законом? Если да, то когда закон открытого слога прекратил свое действие в старославянском языке?

6. Что такое внутрислоговой сингармонизм? Приведите примеры праславянских фонетических изменений, отражающих тенденцию к внутрислоговому сингармонизму.

7. Каково происхождение палатальных согласных в старославянском языке? Какими графическими средствами в старославянских рукописях могли обозначаться рефлексы праславянских сочетаний *nj, *lj и *rj?

8. Опишите условия и рефлексы 1-й, 2-й и 3-й палатализаций заднеязычных согласных в старославянском языке. Приведите примеры чередований согласных, обязанных своим происхождением палатализациям заднеязычных.

9. Было ли в старославянском языке противопоставление по твердости/мягкости? Что скрывается за термином «полумягкие согласные»?

10. Сколько носовых гласных было в исходной системе старославянского языка? Как их принято обозначать в фонетической транскрипции и какими буквами передавались носовые гласные в глаголице и кириллице?

11. Каково происхождение фонемы «ять»? Как ее принято обозначать в фонетической транскрипции и какими буквами она передавалась в глаголице и кириллице?

12. Каков принцип распределения редуцированных гласных по *сильным* и *слабым* позициям в старославянском языке? Как старославянские памятники отражали падение редуцированных гласных?

13. Что такое *напряженные редуцированные* и какими буквами они передавались в старославянском языке? Каково их происхождение и как они изменялись в процессе падения редуцированных?

14. Как в рукописях обозначались *слоговые плавные*? Каково происхождение *вторичных* слоговых плавных?

15. Перечислите чередования гласных и чередования согласных в старославянском языке. Укажите источник возникновения этих чередований.

16. Перечислите фонетические различия между старославянским и русским языками. Приведите несколько пар слов, противопоставленных как *старославянизм — русизм*.

Практические задания

Задание 1. Найдите этимологический корень или основу в следующих словах и объясните чередования:

сѣмѧ — сѣмене, плоути — пловѫ, цѣна — каꙗти сѧ, съборъ — брѣмѧ, жешти — жегѫ — жеженъ — съжиꙁати — съжагати, обрѣсти — сърѣѥниѥ — обрѣлъ — сърѧшта ‘нападение’; **крыти — съкръвенаꙗ** ‘тайна’ — **крыѭ — кровъ; грети** ‘похоронить’ — **гребѫ — погрѣбати — гробъ; сънъ — съпати — съплѭ — засыпати; кънѧꙁь — кънѧгыни — кънѧжь — кънѧже; посадити — сѣдѣти — сѣждѫ — сѣсти — сѧдѫ — сѣлъ — посаждати; оумрѣти — оумьрѫ — съмрьть — оуморити — оумарꙗти; рекѫ — речеши — рьци — пророкъ — прорицати — рѣчь — рещи.**

Задание 2. Объясните отклонения от этимологического написания редуцированных гласных:

пришъдъ, въдовица, дьвѣ, скрьжътъ, вьлѣсти, отъшъла, тъма, обьходитъ.

Задание 3. Определите сильные и слабые позиции всех редуцированных гласных:

въздъхнѫти, тьмьнъıи, шьпътъ, къ мънѣ, чьстьнъ, врътьпъ, крьстъ, правьдьникъ, миръ сь, въскрѣшаѭ, сѫчьць, пришьствиѥ, жьрьчьскъ, съ сльзами, слъньцє, прискръбьныи, въскрьснѫти.

Задание 4. Найдите рефлексы редуцированных и определите их позицию:

възмєздиѥ, брениѥ, возлиꙗти, лестиѭ, шествиѥ, восиꙗти, вопиѥши.

Задание 5. Найдите «вторичные» слоговые плавные:

влъкъ, връхъ, кръвавъ, плъть, чръта, сръдьцє, млъчати, окръстъ, плънъ, дръзати, длъжьникъ, пльвати.

Задание 6. Дайте фонетическую транскрипцию старославянских словоформ:

въпл͡ь, кънѧѕь, чръньць, сѫдии, ищѭ, съкрыѭ, погыбѣль, жител͡ь, огнь, кон͡ь, вьсь ‘весь’ (местоимение), **вьсь** ‘деревня’, **пиꙗница, ѥзеро.**

Задание 7. Восстановите праславянскую (до палатализаций) форму:

брѣгъ, млѣко, брашьно ‘пища’, **чрънъ, облакъ, врѣмѧ, вождь, ножь, бѣжати, стьѕꙗ, влѣшти, власть.**

Задание 8. Укажите фонетические признаки заимствованных слов:

архитриклинъ, фарисєи, газофилакиꙗ ‘сокровищница’, **ригєѡнъ** ‘район города’, **голгоѳа.**

Задание 9. Напишите старославянские формы, являющиеся прямым продолжением следующих праславянских:

*kuningoi, *vedtei, *supnos, *rikoite, *virsus, *moisos, *mūsis, *pirstis, *kittei, *bogijos, *nesontjī, *duskīkā, *orzgegtei, *beudōm, *dūsētei, *pledmēn, *dōros, *noktis, *velktei, *olkutis, *penktos, *voinikos, *stergōm.

Задание 10. Дайте исходные (до падения редуцированных гласных) написания старославянских словоформ, находящихся в непосредственном родстве со следующими русскими:

ищу, ропот, холоден, супруг, дерзнуть, дерево, осень, месяц, кипеть, молния, ягненок, улечься, сосед, тысяча.

Литература

Бернштейн С. Б. К истории слога в праславянском языке // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. София, сентябрь 1963 г. Докл. советской делегации. М., 1963. С. 53—69.

Ван-Вейк Н. К истории фонологической системы в общеславянском языке позднего периода // Slavia. 1949/1950. Roč. 19. Seš. 3—4. С. 293—313.

Георгиев В. И. Русское аканье и его отношение к системе фонем праславянского языка // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 20—29.

Глускина С. М. О «третьей» палатализации заднеязычных согласных в славянских языках // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 293. Теория и методика преподавания языка. Л., 1968. С. 95—112.

Дурново Н. Н. Спорные вопросы общеславянской фонетики. I: Начальное *е* в общеславянском языке // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 495—541.

Журавлев В. К. Генезис протезов в славянских языках // Вопросы языкознания. 1965. № 4. С. 32—43 (перепечатано также в кн.: *Журавлев В. К.* Очерки по славянской компаративистике. М., 2005. С. 110—121).

Журавлев В. К. Постулат непреложности звуковых законов и современная компаративистика // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 27—36 (перепечатано также в кн.: *Журавлев В. К.* Очерки по славянской компаративистике. М., 2005. С. 167—176).

Колесов В. В. Праславянская фонема [ǫ̇] в ранних преобразованиях славянских вокалических систем // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Докл. советской делегации. М., 1973. С. 170—195.

Конески Б. Слоговые плавные ρ и λ в старославянском языке // Восточнославянское и общее языкознание. М., 1978. С. 3—6.

Кульбакин С. М. Древнецерковнославянский язык. Введение. Фонетика. Харьков, 1911 (см. также: *Кульбакин С. М.* Древнецерковнославянский язык. Фонетика. М., 2005).

Кузьменко Ю. К. Появление письменности в средневековой Европе // История лингвистических учений: Средневековая Европа. Л., 1985. С. 39—55.

Мареш Ф. В. Происхождение славянского носового *ǫ̈* (*jǫ*) // Вопросы славянского языкознания. 1963. Вып. 7. С. 7—11.

Марков В. М. Замечания о причинах падения редуцированных гласных в славянских языках // Марков В. М. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001. С. 7—19.

Трубецкой Н. С. Носовые гласные в лехитских языках (1925 г.) // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 199—209.

Чекман В. Н. Первая праславянская «палатализация» (палатация) // Чекман В. Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция. Минск, 1979. С. 54—61.

Шустер-Шевц Х. Славянская метатеза плавных и процесс дезинтеграции праславянского // Вопросы языкознания. 2003. № 1. С. 78—91.

Глава III
ЛЕКСИКА

Словарный состав, или лексика, любого языка представляет собой открытую, обновляющуюся, динамичную систему, которая постоянно реагирует на изменения в общественной жизни и общественных потребностях. Лексическая система отличается особой сложностью внутренней организации, а количество лексических единиц намного превышает количество единиц других уровней — фонем, морфем.

Старославянский язык выступил важнейшим фактором стабилизации и систематизации славянской речи, а в дальнейшем оказал огромное влияние на формирование и развитие многих славянских литературных языков. Лексика старославянского языка сильно повлияла на словарный состав русского языка. Слова старославянского языка, используемые в русском языке, получили название *старославянизмов*. Об их роли в развитии лексико-стилистической системы русского литературного языка написано немало (см. работы В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, В. В. Замковой и др.).

Фонетические, морфологические и лексические признаки славянизмов часто пересекаются (ср. пары так называемых славянизмов и русизмов: _**е**дин**ство**_ — _**о**дин_, _лежа**щ**ий_ прич. — _лежа**ч**ий_ прил., _м**ла**дший_ — _м**оло**же_, _б**ре**мя_ — _б**ере**менная_, _х**ра**нить_ — _х**оро**нить_, _чу**жд**ый_ — _чу**ж**ой_, _осве**щ**у_, _осве**щ**ение_ — _све**ч**у_, _све**ч**ение_). Славянизмы прочно вошли в состав русского литературного языка (*между*, *лежащий*, *единство*), хотя некоторые характерны прежде всего для поэтического языка (*брег*, *град* и др.).

Лексические и словообразовательные элементы старославянского (и церковнославянского) языка послужили основой для создания в русском языке значительного количества слов, получивших название *функциональных церковнославянизмов* (*возблестеть*, *воспрославить*, *низлететь*, *златоспелый*, *славожаждущий*). Они использовались писателями прошлого для передачи возвышенного, поэтического или абстрактного содержания, для достижения определенного стилистического эффекта. Создание высокого слога на русской основе с использованием таких слов — заслуга русского классицизма и в особенности его выдающегося представителя и теоретика М. В. Ломоносова. Конечно, и в более древний период русские книжники создавали слова по церковнославянским моделям, а некоторые из таких искусственных церковнославяниз-

мов (*елей*, *юродивый* и др.) прочно вошли в русский литературный язык. В искусственных церковнославянизмах обычно присутствует какая-либо характерная черта, отличавшая старославянские формы от русских. Так, в русском варианте церковнославянского языка используется слово **ѥлеи** (хотя старославянские памятники используют только форму **олѣи** ← лат. oleum ‘елей, масло’), образованное по модели ст.-сл. **ѥсень** — др.-рус. **осень**, ст.-сл. **ѥзеро** — др.-рус. **озеро**, ст.-сл. **ѥдинъ** — др.-рус. **одинъ**, ст.-сл. **Ѥлена** — рус. *Олёна* и т. п. Такого же — по сути гиперкорректного образования — форма *юро́дивый* с /j/ в начале по модели ст.-сл. **юнъ** — др.-рус. **оунъ**, ст.-сл. **югъ** — др.-рус. **оугъ** и т. п. В старославянском языке слово **ѫродивъ** ‘глупый’ начиналось с носового гласного и не имело йота; в русском языке, утратившем носовые, это слово встроилось в приведенную выше модель. Иногда в качестве старославянизма (мнимого) выступает обычное древнерусское и общеславянское слово, которое в разговорном языке заменено новым. Так случилось, например, со словом *око/очи*, которое до XV в. было вполне разговорной формой, пока не было вытеснено новым словом *глаз/глаза*.

Носитель современного русского литературного языка воспринимает лексику старославянского языка по-разному, и с этой точки зрения ее можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют старославянские слова, которых в русском литературном языке нет: **аще** ‘если’, **камо** ‘куда’, **оушидь** ‘беглец’, **тети (тепѫ, тепеши**...) ‘бичевать, бить’ и многие другие. Следовательно, значение подобных слов при чтении старославянских текстов следует устанавливать по словарю[1]. В отдельных случаях значение некоторых слов, бытовавших в древний период существования славян и отразившихся в старославянских, церковнославянских и древнерусских текстах, а затем вышедших из употребления, может быть установлено благодаря их использованию в составе устойчивых сочетаний: **брань** ‘борьба, бой, битва’ (*на поле брани*); **бъılиѥ** ‘травы, растения’ (*быльем поросло*; ср. также *былинка*); **вьсь** ‘деревня’ (*по городам и весям*).

Вторую группу составляют слова, которые, несмотря на внешнее сходство с современными словами, могут иметь другое значение или оттенок значения: **витати** ‘жить, обитать, пребывать’, **вождь** ‘поводырь’, **въспитаниѥ** ‘домашний скот’, **годъ** ‘время’, ‘праздник’, **доброта** ‘красота’, **жиръ** ‘пастбище’, **крабии** ‘ларец’, **лакомъ** ‘жадный’, **лѣто** ‘время’, **молитвьникъ** ‘проситель’, ‘священник’, **окованъıи** ‘стойкий, крепкий’, **роукоѩть** ‘охапка, сноп’, **рьвьнивъ** ‘ревностный, усердный’, ‘сварливый’, **садъ** ‘растение’, **село** ‘жили-

[1] О словарях старославянского языка см. § 37.

ще’, ‘поле’, **словесьнъ** ‘обладающий разумом, разумный’, **оупасти** ‘прокормить’, ‘подчинить, овладеть’, **хыщьникъ** ‘грабитель, разбойник’. Такие слова являются «ложными друзьями переводчика» и требуют особого внимания при переводе текстов.

В третью группу входят слова, которые осталась более или менее без изменения в отношении формы (если не принимать в расчет частичное изменение формы, связанное с фонетическими процессами) и значения и воспринимаются носителями современного русского языка как те же самые, что и соответствующие слова русского языка: **дъва**, **желати**, **жьдати**, **творець**, **оуже**, **ходатаи** и многие другие.

§ 29. Некоторые проблемы изучения лексики старославянского языка

Словарный состав старославянского языка все еще остается менее изученным, чем другие уровни его системы, и данному обстоятельству способствует целый ряд причин объективного характера.

Реконструкция словарного состава древнего языка представляет собой более сложную задачу, чем определение фонетической, морфологической и даже синтаксической систем этого языка, ведь для установления только количественного состава лексических единиц языка на определенном хронологическом срезе (не говоря уже о семантической и стилистической характеристиках слов) требуется значительно более разнообразный и в тематическом, и в жанровом отношении языковой материал, чем для определения состава единиц других языковых уровней.

Лингвисты-историки часто говорят о возможных лакунах, пустых местах в лексических группах. Например, в тематической группе слов, обозначающих брачные отношения, в старославянском языке зафиксированы только слова, называющие женщину: **вьдова**, **потьпѣга** ‘отпущенная, разведенная жена’, хотя в целом слов мужского рода со значением лица, например в группе названий национальностей, профессий и т. д., гораздо больше, чем слов женского рода. Следовательно, лексическая система древнего языка характеризуется определенной асимметричностью. Причем она проявляется не только в отсутствии/наличии лексемы (*** / **вьдова**), но и в семантике слов. Например, существительное **къижьникъ** в старославянских текстах имеет значения 1) ‘знаток законов, книжник’, 2) ‘писец’, а его форма с отрицательной приставкой **некънижьникъ** — ‘неученый человек’; сложное существительное **мьздоимьць** обозначает ‘сборщик налогов’, а **мьздодавьць**

и **мьздоотъдавьць** употребляются в переносном значении — ‘тот, кто воздает по заслугам’. Глагол **простити** (так же, как и соотносимый с ним **пращати**) употреблялся в старославянских текстах в значениях: 1) ‘избавить, освободить от чего-либо’, 2) ‘простить (грехи, повинность)’, а производное от него существительное (*девербатив*) **прощеник** — только в значении ‘прощение (грехов, повинностей)’, обычно в составе выражения **прощеник сътворити**.

Совершенно очевидно, что объемы понятий ‘старославянский язык как система’ и ‘язык старославянских текстов’ не совпадают — первое шире и полностью включает в себя второе. Словарь старославянских текстов оказывается ограничен в первую очередь тем, что многие рукописи до нас не дошли. Кроме того, поскольку сохранились только те рукописные памятники, которые существовали в наибольшем количестве списков, прежде всего тексты церковно-канонического содержания, многие явления материальной и духовной жизни людей того времени не нашли в них отражения. Например, старославянские памятники не знают многих слов-терминов родства и свойства́, которые восстанавливаются для праславянской системы, например: *бабка*, *вдовец*, *внук*, *внучка*, *деверь*, *мачеха*, *отчим*, *падчерица*, *пасынок*, *племянница*, *свекор*, *сноха* и др.

Несмотря на то что слово как определенный звуковой комплекс может сохраняться в течение длительного времени и на обширной территории, в системе другого языка, даже близкородственного, его семантика, условия употребления, словообразовательные связи, сочетаемость, стилистические характеристики отличаются определенным своеобразием. Производя семантические реконструкции древних слов, следует учитывать многочисленные факторы их исторического существования, которые усиливают семантическую неопределенность: это и случайный характер мотивации, и развитие семантики слова под влиянием аналогии, замена слова вследствие табуирования или ограничения на его употребление и т. п.

Таким образом, при рассмотрении плана содержания языка, которым уже не пользуются и который не был разговорным, исследователи неизбежно сталкиваются с различного рода трудностями. И здесь явно недостаточно опоры на собственное языковое чутье, которое оправданно при работе с фактами современного языка, так как культурно-языковой мир современного человека во многих отношениях отличается от духовного мира человека другой эпохи, в рассматриваемом случае — средневекового. Любой семантический перенос необходимо соотносить с процессами и тенденциями развития древней языковой системы.

При описании лексической системы старославянского языка следует четко различать лексемы, которые представлены в текстах,

и лексемы, которые реконструируются. Вслед за Р. М. Цейтлин[1] приведем несколько типичных слов, которые считаются старославянскими, но отсутствуют в дошедших до нас старославянских рукописях: **благовониѥ**, **благолѣпиѥ**, **говѧдо**, **зьритель**, **истокъ**, **конь** (ж. р., ср. производное **искони**), **крава**, **мъıло**, **оса**, **письць**, **стъıдъ**, **телѧ**, **тъıкъı**, **жда**, **ѥсень**, **ѥлень**, **ѩтръı** и др. Вполне вероятно, что в живой славянской речи лексема **говѧдо** — ‘рогатый скот, бык’ (ср. болг. *говедо* — 1) корова, бык, вол; 2) (во мн. ч.) крупный рогатый скот) существовала, не случайно ЭССЯ включает ее в состав праславянского лексического фонда[2], тем не менее корень *govę̨d- известен старославянским памятникам только в составе притяжательного прилагательного **говѧждь** в выражении **говѧжда жила** — ‘плеть’ (Супр.).

К включению подобных лексических единиц в систему надо подходить с осторожностью. Употребление идентичных по строению слов в пределах одной тематической группы (**жрѣбѧ** — **жрѣбьць**, **агнѧ** — **агньць**) как будто бы дает основание предполагать симметрию и для других членов данного единства (**телѧ** — **тельць**), тем не менее слова ***телѧ** в старославянских рукописях, известных нам на сегодняшний день, нет.

Такие попытки «воссоздания» слов в первую очередь объясняются желанием заполнить соответствующие лакуны. Например, наличие лексем **агнѧ**, **жрѣбѧ**, **козьлѧ**, **овьчѧ**, **осьлѧ** подталкивает к реконструкции форм **прасѧ**, **телѧ**, в памятниках не зафиксированных.

Сходные явления наблюдаются и в сфере семантики. Всегда существует опасность приписывания старославянским словам значений, которые не подтверждаются контекстами древнейших рукописей (по-видимому, они сформировались позднее в разных славянских языках): ст.-сл. **глоумъ**, **глоумлѥниѥ** ‘пустая болтовня, пустословие’ иногда ошибочно интерпретируется как ‘сцена, театр’, **простъıни** ‘освобождение, свобода’, ‘прощение’ — как ‘простота, невинность’, **работа** ‘рабство, неволя’ — как ‘работа, труд’. Существительное **правьда** часто переводится как ‘истина’, хотя более тщательное исследование его семантики позволяет утверждать, что из 182 его употреблений в рукописях 179 нужно трактовать как ‘справедливость’ или ‘верное, справедливое положение, установление’. Значение ‘истина’, таким образом, предполагается только в 3 контекстах, объективно оно могло возникнуть из сближения

[1] *Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. София, 1986. С. 28.

[2] Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1980. Вып. 7. С. 75—76. (ЭССЯ)

понятия справедливости с понятием того, что должно быть в действительности[1].

Прилагательному **простовласъ** часто приписывается значение ‘с непокрытой головой’, хотя, если проанализировать единственный в текстах пример его употребления **ѥгда кричава и трьзаниꙗ мѫжь и женъ. въ градьнꙑихъ стьгнахъ и междахъ. и от҆цемъ и матеремь простовласом сѫштемъ • и зѣло жалѫштемъ о младыихъ чѧдѣхъ исѣчении** (Супр. 397.12) ‘когда (были) крик и страдания мужчин и женщин на городских улицах и переулках, отцы и матери были непричесанными, с распущенными волосами и сильно скорбели об обезглавленных младенцах’, следует признать, что значение данного слова напрямую связано с семантикой корня **прост-** ‘естественный’. Установить это помогает культурологический анализ контекста — в рассказе о гибели младенцев в Вифлееме описываются люди, по ветхозаветному обычаю имевшие в знак траура непричесанные волосы. Следовательно, прилагательное **простовласъ** имеет здесь значение ‘непричесанный, с распущенными волосами’.

Все отмеченные проблемы изучения старославянской лексики наряду с такой специфической особенностью лексической системы, как ее незамкнутость (открытость), требуют привлечения самых разнообразных источников, причем не только прямых (рукописи и надписи), но и косвенных (греческие оригиналы старославянских рукописей, церковнославянские рукописи различных изводов и содержания, а также материал современных славянских языков, в том числе диалектный).

§ 30. Состав лексики

В языке классических старославянских текстов, по данным Р. М. Цейтлин[2], насчитывается 9616 слов. С учетом всевозможных погрешностей (например, не учитывались омонимы, некоторые лексические варианты, преимущественно фонетические, и др.) количество известных нам сегодня[3] слов старославянского языка можно довести приблизительно до 10 тысяч.

---

[1] *Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. С. 103—104.

[2] *Цейтлин Р. М.* Характеристика лексических и словообразовательных средств старославянского языка (их семантика и стилистические функции) // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973. С. 414.

[3] Обнаружение новых рукописей может внести существенные коррективы в количественные данные. Так, например, найденный в 1960 г. Енинский апостол включает в себя более 120 лексем, неизвестных другим памятникам.

С точки зрения *употребительности* в памятниках старославянская лексика подразделяется на следующие группы.

1. Широкоупотребительные слова. Они встречаются в большинстве текстов, среди них больше всего служебных слов. Приведем примеры: **аще** 'если', **без**, **бо**, **богъ**, **божии**, **бꙑти**, **врагъ**, **да**, **даръ**, **до**, **дьнь**, **жена**, **животъ** 'жизнь', **или**, **ити**, **къто**, **како** 'как', **мои**, **мъногъ**, **начѧти**, **разоумъ**, **рещи** 'сказать', **рѫка**, **съ**, **съпасти**, **таина**, **творити**, **тоу** 'тут', **оухо**, **цѣсарь**, **чѧдо**, **ꙗсти** 'есть' и др.

2. Редкоупотребляемые слова. Как правило, они встречаются в отдельных рукописях. Приведем примеры: **агода** 'ягода', **бръвь**, **гость**, **гребище** 'могила', **миса** 'блюдо', **мьздоимьць** 'сборщик податей', **плодовитъ** 'плодоносный', **помрачениѥ**, **цвисти** 'цвести', **чело** 'лоб' и др.

3. Гáпаксы[1]. Так называются слова, словоформы, употребленные в определенном круге текстов один раз, а также индивидуальные образования, т. е. окказионализмы. Они составляют четвертую часть словарного состава, зафиксированного в старославянских рукописях. Нередко такие слова в силу изолированности в системе вызывают затруднения в толковании или этимологизации. Иногда гапаксами называют лексемы, употребленные из всего корпуса текстов определенного периода истории языка только в одном памятнике[2].

Наличие гапаксов в старославянских памятниках обусловлено разными причинами и факторами.

Во-первых, есть гапаксы, появление которых связано с ограниченным количеством источников. Такого рода гапаксов в старославянских текстах большинство: **баба** 'кормилица', **межда** 'переулок', **тесати** и др. Если обнаружатся новые рукописи, подобные лексемы могут перестать быть гапаксами.

Во-вторых, изолированность отдельных слов связана с этикетными и жанровыми канонами: часто гапаксами оказываются слова, которые используются при номинации тех явлений жизни и быта, которые редко становились предметом изображения в текстах, дошедших до нас в составе старославянских памятников. Повидимому, к таким гапаксам можно отнести слова **дроужьба**, **мокръ**, **тетъка** и др.

Третью, немногочисленную группу гапаксов составляют сложные слова, производные от разных корней, такие как **новорожденъ**,

[1] Гáпакс (от греч. *hapax* 'единожды') — сокращение формулы *hapax eiremenon* 'единожды произнесенное' или *hapax legomenon* 'единожды названное'. Употребляющийся в качестве существительного, термин обозначает слово, форму, употребление, встречающиеся только один раз.

[2] См.: *Творогов О. В.* Гапаксы «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 2. СПб., 1995. С. 12—15.

сынобожьствиѥ ‘божественное усыновление’, **тождеименитъ** ‘одноименный’, и др. Это так называемые книжные окказионализмы, которые характеризуют стилевую манеру создателей книжно-литературного языка.

В древних рукописях насчитывается около 1200 корневых морфем (без иноязычных заимствований), из них 350 известны по их употреблению только в одном слове[1]. Это говорит о том, что редкие лексемы, в том числе гапаксы, чрезвычайно важны при изучении лексики старославянского языка. Их семантику и сочетаемостные свойства необходимо учитывать при реконструкции лексического состава старославянского языка.

Оставляя в стороне дискуссию о правомерности рассмотрения *тематических групп* (ТГ) лексики как явления лингвистического, а также принципах выделения ТГ и их отличиях от лексико-семантических групп, укажем только, что для изучения лексики старославянского языка учет такого принципа классификации, при котором ряд слов объединяется внеязыковыми факторами, следует считать правомерным, поскольку лексика, как никакая другая область языка, отражает реальную действительность. Под ТГ понимается такое объединение слов, связь которых друг с другом отражает группировку соответствующих предметов и явлений действительности. В тематической группе слова связаны между собой по смежности (например, наименования одежды, частей тела и т. п.).

В старославянских текстах отмечены самые разнообразные ТГ лексики, варьирующиеся по своему количественному и качественному составу. Так, терминов родства и свойства́ (**мати**, **невѣста**, **отьць**, **свекръı**, **срьдоболꙗ** собир. ‘родня, родственники’ и др.) насчитывается 34, названий растений и их частей — 61 (**агода**, **врьбиѥ** ‘ивы, вербы’, **вѣтвь**, **корень**, **листъ**, **мѫта**, **трьниѥ** ‘сорное растение с колючками’ и др.), а глаголов движения — около 200 (например, **бѣгати**, **влачити**, **водити**, **гонити**, **грѧсти**, **двигнѫти сѧ**, **ити**, **лазати**, **носити**, **плавати**, **ристати** ‘прыгать’, **стѫпати**, **ходити**, **шьствовати**, **ꙗхати** и других с многочисленными производными).

Поскольку в лингвистике термин ТГ используется для описания разных парадигматических объединений слов, можно воспользоваться классификацией Ф. П. Филина, предложившего различать *широкие* (например, названия животного мира) и *узкие* (названия плодовых деревьев или частей человеческого тела) *тематические группы*. Приведем примеры.

Названия растений и их частей:

агода ‘плод’, **былиѥ** ‘травы, растения’, **вѣтвь**, **гроздъ** ‘виноградная гроздь’, **дрѣво**, **дѫбиѥ** ‘деревья’, **дѫбъ** ‘дерево’, ‘дуб’, **копръ**

[1] *Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. С. 89.

‘укроп’, **кринъ** ‘лилия’, **листъ, плѣва** ‘мякина, полова’, **плѣвелъ** ‘плевел’ и др.

Названия животных и птиц:

агньць, акридь ‘акрида’, **гадъ** ‘ползающее животное’, **грълица** ‘горлица’, **жаба, китъ, кобыла, кокотъ** ‘петух’, **ко҄нь, лисъ, львъ, орьлъ, осьлъ, рыба, рыбица** и др.

Названия одежды, предметов быта, орудий труда:

блюдо, възглавьница ‘подушка’, **дъска** ‘стол’, **дъхъторъ** ‘подушка’, **єпеньдитъ** ‘одежда’, **котьлъ, кошь** ‘корзина’, **леньтии** ‘льняное полотенце, полотнище’, **лопата, миса** ‘блюдо’, **мрѣжа** ‘сеть, мережа’, **нєводъ, одѣниѥ** ‘одежда, одеяние, платье’, **одѣаниѥ** ‘одежда, одеяние, платье’, **опона** ‘завеса’, **понꙗвица** ‘полотно, полотнище’, **поръфира** ‘багряница, пурпур (богатая одежда)’, **риза** ‘одежда (верхняя)’, **рыло** ‘лопата, кирка’, **санъдалиꙗ, сапогъ, свѣщьникъ** ‘подсвечник’, **брады** и **секыра** ‘топор’, **срачица** ‘рубашка (нательная)’, **ждица** ‘удочка’ и др.

Названия частей тела и болезней:

ганъгрена, голѣнь, грътань, длань, дъна ‘подагра’, **ланита** ‘щека’, **лицє, ръватва** ‘ломота, боль’, **строупъ** ‘рана, язва’, **срьдьцѥ, съсъ** ‘грудь (материнская)’, **тѣло, оуста** ‘рот, губы’, **оухо** и др.

Названия человека по профессии и роду занятий:

балии ‘врач’, **винар҄ь** ‘виноградарь’, **врьтоградар҄ь** ‘садовник’, **гръньчар҄ь** ‘гончар’, **двьрьникъ** ‘привратник’, **гостьникъ** ‘содержатель постоялого двора, гостиницы’, **дѣлател҄ь** ‘крестьянин, земледелец’, **мытар҄ь** ‘сборщик податей’, **ратаи** ‘пахарь’, **слоужител҄ь** ‘служитель’, **сѣчьца** и **сѣчьць** ‘палач’, **чьтьць** ‘чтец (в церкви)’, **шаръчии** и **шарописател҄ь** ‘тот, кто пишет красками, живописец’ и др.

По мнению некоторых исследователей, взгляд на словарный состав старославянского языка обнаруживает, что «весь его лексикон организован вокруг человека. Именно эта идеографическая сфера является наиболее лексически и словообразовательно „проработанной“»[1]. Соотношение слов внутри одной тематической группы может быть связано с антропоцентричностью словаря, поскольку в языке маркируется то, что является культурно, социально или биологически значимым в сознании человека. Например, асимметрия в количественном составе лексем, называющих человека по возрасту (их многочисленность и разнообразие при обозначении человека в детском возрасте и единичность при обозначении человека в других возрастных категориях), объясняется тем, что «в языковом сознании средневекового человека младенец являлся своеобразной персонификацией невинности»[2].

---

[1] *Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. С. 22.

[2] Там же. С. 26.

В последние годы активно ведется изучение лексических микросистем старославянского языка, в частности выделение и анализ *морфемных лексико-семантических групп* (корневых — по общему корню, префиксальных — по общей приставке, суффиксальных — по общему суффиксу)[1].

§ 31. Лексика старославянского языка с точки зрения происхождения

Функциональная характеристика старославянского языка как первого литературно-письменного языка *всех славян* позволяет предположить, что церковные книги первых переводчиков, созданные на нем, могли быть более или менее понятны (с учетом качества подготовки и знания греческого языка) носителям разных славянских языков и диалектов того времени. А это значит, что процент общеславянских слов в старославянских памятниках достаточно высок. Например, в Мариинском евангелии 50% лексического состава приходится на общеславянскую лексику (из общеславянской 10% — диалектная)[2]. Как отмечает А. С. Львов, «обычная лексика памятников старославянской письменности представляла праславянское наследие, была генетически связана с индоевропейской основой или при отсутствии указанных генетических связей, бесспорно, являлась общеславянским слоем рассматриваемого периода»[3].

Несмотря на то что на славянской почве произошли значительные изменения в словарном составе, в славянских языках и до настоящего времени сохранилось довольно много корней индоевропейского происхождения.

Степень сохранности слов, унаследованных от более раннего языкового состояния, различна в разных тематических группах. Например, индоевропейскими по происхождению являются все важнейшие термины родства (рус. *мать*, ст.-сл. **мати** — лит. *mótina*, латыш. *māte*, др.-ирл. *māthir*, др.-инд. *mātár*, арм. *mair*, лат. *māter*), имена числительные (рус. *десять*, ст.-сл. **десѧть** — др.-лит. *dešimtìs*, др.-инд. *dáça*, др.-инд. *ahám*), местоимения (рус. *я*, ст.-сл. **азъ** — лат. *ego*), а вот среди названий домашних животных сохранились только отдельные лексемы, имеющие индоевропейские корни, ср: рус.

---

[1] См.: *Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. С. 88—206; *Ефимова В. С.* Лексика со значением речи в старославянском языке. 1: Слова с корнями -**вѣт**-, -**бесѣд**-, -**каз**- // Славяноведение. 1996. № 1. С. 18—30; другие работы.

[2] *Львов А. С.* Праславянский слой старославянской лексики // Вопросы языкознания. 1976. № 2. С. 73.

[3] Там же. С. 77.

поросенок, *свинья*; укр. *порося*, *свиня*; болг. *прасé*, *свиня́*; пол. *prosię*, *świnia*; чеш. *prase*, *svině*; ст.-сл. ****прасѧ** (см. § 29), **свиниꙗ** — англ. *porc*, *swine*; нем. *Schwein*.

Основной спектр знаний древних славян был своеобразно преломлен в праславянском языке. В нем были представлены лексико-семантические группы[1], связанные с человеком и его жизнью: жилье, хозяйственный обиход, одежда, пища; окружающий мир, природа; род занятий, собирательство, скотоводство, земледелие, ремесло; представления о времени, пространстве, количестве и некоторые другие. Такие древние слова доносят до нашего времени зафиксированный в языке запас представлений, отражавших характерные особенности родового строя с его хозяйственным укладом.

Очевидно праславянское происхождение слов **вода**, **звѣзда**, **землꙗ**, **лоуна**, **морѥ**, **мѣсѧць**, **небо**, **облакъ**, **соуша**, **слъньце** и многих других.

Земледельческий характер древнейшей культуры славян отражен, например, в названии растительного семени: *sěmę (< псл. sěti ‘сеять’) — ‘сеемое’, так как в неземледельческих культурах данное понятие имеет принципиально иную мотивацию, напр. др.-инд. *káṇa* ‘пылинка, крошка’.

Из праславянского языка перешли названия предметов, свидетельствующие о технологии их изготовления или технологии процесса, для которого они предназначаются: ст.-сл. **пьшеница** < псл. *pьšeniсa (< *pьš’eno от прич. *pьš’enъ глагола *pьxati ‘толочь’); ст.-сл. **гоумьно** < псл. *gumьno (от сложения и.-е. корней *g[w]ou-s ‘крупный рогатый скот’ + *mn̥- ‘топтать’: лит. mìnti, псл. *męti, ст.-сл.**мѧти**, рус. *мять*); ст.-сл. **оплотъ** ‘забор, ограда’ < псл. *plo(k)tъ ‘плот, изгородь’ (ср. рус. *плету*, *плести* < *ple(k)ttei).

На фоне древнейшей общеславянской лексики необходимо рассматривать и древнейшую по происхождению диалектную лексику. Первой попыткой постановки проблемы следует считать работу В. Ягича, связанную с изучением так называемый первичной и вторичной лексики в дошедших до нас памятниках старших списков[2].

Первоначально Кирилл и Мефодий при переводе греческих текстов на славянский язык ориентировались на свой родной солунский (южнославянский) говор. В период их деятельности в Моравии и Паннонии в старославянский язык проникли немногочисленные слова, характерные для западнославянского ареала.

[1] Лексико-семантическая группа — это совокупность слов, относящихся к одной части речи, объединенных внутриязыковыми связями, различными семантико-парадигматическими отношениями.

[2] *Jagić V.* Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913. P. 281—421.

Впоследствии в связи с деятельностью древнеболгарских книжников в текстах появился восточноболгарский (преславский) пласт лексики, так называемые восточноболгаризмы.

Изучая лексику старославянских памятников, исследователи пришли к выводу, что южнославянскими диалектизмами являются слова **бъдѣти** 'бодрствовать', **избыти** 'остаться, быть в избытке', **источьникъ**, **кокотъ** 'петух', **ништь** 'нищий'[1], моравизмами можно считать лексемы **братръ**, **дрьколь** 'палка, дубина', **единъ** (в значении неопределенного местоимения), **стоуденьць** 'водоем, колодец', **отълѣкъ** 'остаток', а такие диалектные слова, как **брашьно** 'еда', **глаголати** 'говорить', **одежда**, локализации не поддаются[2]. Проблема лексических моравизмов и еще в большей степени паннонизмов в палеославистике до настоящего времени остается малоизученной.

Характеризуя роль праславянского лексического фонда для изучения всех без исключения славянских языков, сошлемся на высказывание О. Н. Трубачева в отношении «фондовой», т. е. древнейшей, лексики: «Семантическая история оказывается в основном состоявшейся в дописьменный период, а на письменный период приходится в таком случае период относительного покоя»[3].

Для славянской языковой системы древней поры в целом характерно незначительное число *заимствованных слов*. Кроме того, постоянно ведущиеся этимологические исследования вносят коррективы в традиционные представления о происхождении слов. Так, например, ст.-сл. существительное **чѧдо** < псл. *čędo, долгое время считавшееся германским заимствованием, в последнее время трактуется как исконно славянское, производное с суффиксом -do- от псл. глагола *čęti 'рождаться, прорастать, начинаться'[4].

Что касается памятников старославянского языка, то заимствования составляют примерно одну шестую часть общего количества единиц старославянской лексической системы (по подсчетам Р. М. Цейтлин, 1778 из 9616[5]). Перевод греческих богослужебных книг определил преобладающий характер заимствований из греческого языка (*грецизмов*). Они являются в большинстве словами книжного происхождения, связаны с основными понятиями христианства, религиозного мировоззрения, с церковной обрядностью: **аналавъ** греч. ἀνάλαβος 'аналав (часть монашеского облачения)', **презвѵтеръ** греч. πρεσβύτερος 'священник, пресвитер', **сакеларии** греч. σακελλάριος 'хранитель церковной казны'. Отсутствие подоб-

---

[1] *Львов А. С.* Праславянский слой старославянской лексики // Вопросы языкознания. 1976. № 2. С. 84.

[2] Там же.

[3] *Трубачев О.Н.* Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. М., 1984. С. 23.

[4] Этимологический словарь славянских языков. Вып. 4. С. 102—104, 109.

[5] *Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. С. 36.

ных понятий в славянских языках того времени позволяет считать некоторые грецизмы культурными заимствованиями.

Среди грецизмов — собственно лексических заимствований — преобладают имена существительные, например: **акротомъ** греч. ἀκρότομος ‘скала, утес’, **анг҃елъ** ἄγγελος’, **идолъ** греч. εἴδωλος, **июль** греч. Ἰούλιος, лат. iūlius, **катапетазма** греч. καταπέτασμα ‘завеса’, **кивотъ** греч. κιβωτός ‘ларец’, **кодрантъ** греч. κοδράντης, лат. quadrans ‘кондрат[1] (римская монета)’, **кротафъ** греч. κρόταφος ‘висок’, **пинакида** греч. πινακίς ‘дощечка для писания’, **скандалъ** греч. σκάνδαλον ‘соблазн, искушение’, **филосъ** греч. φύλλος (вар. φιλλίτης, φαλίτης) ‘вид вредного насекомого’. Значительную часть этой группы лексики составляют имена собственные, прежде всего личные и географические: **вартоломеи** ‘Варфоломей’, **декаполь** ‘Десятиградие’. От заимствованных слов образуются имена прилагательные: **анг҃ельскъ**, **декапольскъ**, **елиньскъ** ‘греческий’, **июдеискъ**, **фараоновъ**.

Перевод с греческого оригинала позволил создателям первых текстов на славянском языке перенести на славянскую почву ряд книжных *калек*: сложные слова с первой частью *благо*-[2], *бого*-, *добро*-, *зло*-, *лже*-, *ново*- и подобные (**благовѣщати**, **благодѣтьнъ** ‘благодатный’, **боголѣпьнъ** ‘богоугодный, божеский’, **велезълоба** ‘большое зло’, **добродьнъ** ‘знатный’, **добросътворение** ‘благодеяние’, **лихоимие** ‘корыстолюбие’, **милосрьдовати**), слова с отвлеченной семантикой (**бестоудие** ‘бесстыдство’, **боуиство** ‘неразумность’, **влъшьствие** ‘колдовство’, **мрьзость**, **осѫждение**, **помышление**) и др. Собственно *лексическими* (или *словообразовательными*) *кальками* называются такие слова, которые образованы посредством буквального перевода каждой из значимых частей слова, т. е. путем точного копирования значения и способа образования: εὐλογεῖν — **благословити** ‘славить Бога’, χρηστότης — **благость**, πρόσκαιρος — **маловрѣменьнъ** (и **малогодьнъ** ‘недолговечный, временный’), ἔλεος, ἐλεημοσύνη — **милостꙑн҃и** ‘сострадание, милосердие’, αὐτόπτης — **самовидьць** ‘очевидец’, ξημία — **тъщета** ‘ущерб, вред, урон’.

Незначительную в количественном отношении группу заимствований составляют *гебраизмы* и *арамеизмы* — древнееврейские и арамейские слова, проникшие в старославянский язык опосредованно, через греческий язык. В их числе преимущественно имена собственные и сакральные наименования — **гольгота** ‘Голгофа’, **каръвана** ‘сокровищница’, **равви** ‘учитель, наставник’. При введении таких слов в

---

[1] Метатеза **кодрантъ** > **кондратъ** (ср. **конъдратъ** Мк. 12: 42 Зогр.) имела место на славянской почве.

[2] В «Старославянском словаре (по рукописям X—XI вв.)» (под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994) зафиксировано 99 лексем с корнем *благ*- и компонентом *благо*- с существенным количественным перевесом сложных образований последнего типа.

текст иногда используются комментарии, поясняющие их значение: **гл҃а емоу • ефˇфата • еже естъ развръзи сѧ** (Мк. 7: 34 Зогр., Асс., Мар., Сав.) ‘[Иисус] сказал ему: «Эффата!»[1], то есть «Откройся!»’; **ізиде въ нарицаемое краниево мѣсто еже гл҃етъ сѧ евреискъı голгота** (Ин. 19: 17 Зогр., Асс., Мар., Сав.) ‘[он] направился к так называемому лобному месту[2], что по-еврейски именуется «Голгофа»’.

К *тюркизмам* относят такие слова из старославянских текстов, как **бълꙗ** ‘господин’, **капище** ‘идол’, **коумиръ** ‘идол’, **санъ**, **чрьтогъ**, **шаръчии** ‘живописец’.

Влияние латинского языка, хотя и незначительное, также наблюдается в старославянской лексике: **аеръ** (лат. *aer* ‘воздух’), **оцьтъ** (лат. *acetum* ‘кислое вино, уксус’), **олѣи** (лат. *oleum* ‘елей, масло’), **поганинъ** (лат. *paganus* ‘язычник’). Заимствования из латинского чаще всего появлялись в старославянских текстах через греческий язык (**еноуа҃рь** греч. ἰανουάριος, лат. jānuārius), однако имеются свидетельства и непосредственного заимствования из латыни, например: **скѫдьлъ** ‘черепица’ (лат. *scandula*, ср. греч. οἱ κέραμοι). Единичные латинизмы и германизмы могли попасть в славянские языки еще в дописьменную эпоху — **банꙗ** (< псл. *banja ← народнолат. *bānea < лат. *balneum ‘купальня’ ← греч. βαλανεῖον), **мѧта** (< псл. *męta ← лат. *ment(h)a ‘мята’ ← греч. μίνθη), **хорѫгъı** ‘скипетр’ (< псл. *xorǫgy ← герм. *horungō; ср. гот. hrugga ‘палка, посох’), **хлѣбъ** (< псл. *xlěbъ ← герм. *hlaiba; ср. гот. hlaifs, совр. англ. *loaf (of bread)*).

Старославянский язык формировался в процессе переводческой деятельности Кирилла, Мефодия и их ближайших учеников и последователей, соответственно он был ориентирован на греческие тексты и через них впитал лексико-семантическое богатство греческого литературного языка византийской эпохи. Стремление к точности и вместе с тем образности в передаче языка оригинала привело к появлению целого ряда книжно-литературных лексических и фразеологических единиц, часть из которых носила окказиональный характер. Письменность играла стабилизирующую роль, отражая необходимость кодификации человеческих знаний, что проявлялось в особенностях семантического развития системы в целом и отдельных ее единиц. Одним из таких семантических процессов в старославянском языке было переосмысление старого славянского лексического значения слова, в результате чего увеличивалось количество слов с абстрактным значением. В формировании значений слова важна та речевая ситуация, так называемая семантическая позиция, в которую оно попадает. Абстрактные

---

[1] Форма глагола заимствована в старославянский текст из арамейского языка.

[2] Ст.-сл. **краниѥво мѣсто** ‘лобное место’ от греч. κρανίου τόπος (буквально ‘место черепа’; ср. греч. κρανίον ‘череп’).

или переносные значения развились, например, у слов, которые использовались славянами в конкретном значении (врѣдъ — первоначально ‘рана’, затем ‘ущерб, убыток’). Известен и обратный процесс: широкая употребительность слов с отвлеченным значением привела к развитию у некоторых из них вторичных конкретных значений, например: милость ‘сострадательность’ → ‘милостивый поступок’ → ‘милостыня’. Такие «приращения смысла» имели огромное значение для лексической системы старославянского языка, который был первой в истории литературной обработкой славянской речи.

Таким образом, лексика старославянского языка с точки зрения происхождения представляет три пласта: общеславянская, заимствованная и различного типа славянские новообразования (лексические и семантические).

§ 32. Лексика и этимологический анализ

В предыдущем параграфе речь шла о происхождении старославянских слов. Однако в лингвистике есть область сравнительно-исторических исследований, непосредственной задачей которой является изучение истории отдельных слов от современного до наиболее древнего доступного науке состояния. Соответствующий ее раздел называется *этимология*[1]. Этот термин используется не только как название раздела языкознания, изучающего происхождение слов, но и для обозначения собственно происхождения того или иного слова (ср. этимологию слова «этимология»).

Называя предмет, говорящий соотносил его с другими явлениями окружающего мира, поэтому вновь возникающее слово всегда было связано с уже существующими названиями, т. е. было мотивированным. Со временем по разным причинам мотивация утрачивается, и тогда слово начинает функционировать как немотивированное обозначение; например, в современном русском языке прилагательное *красный* не соотносится, как в древности, с существительным *краса*, а существительное *отрок* — с глаголом *речь*. Изменение семантики слова и его словообразовательной структуры — процесс достаточно длительный, на любом этапе употребления слова может произойти его деэтимологизация, т. е.

[1] Слово *этимология* заимствовано в европейские языки из греч. ἐτυμολογία, которое образовано от ἔτυμος ‘истинный, верный’ и λόγος ‘слово, смысл’, т. е. первоначально слово *этимология* обозначало поиски «истинного», исходного значания того или иного слова языка. В лингвистической литературе XIX — начала XX в. этот термин использовался в том значении, которое теперь закрепилось за термином *морфология*.

разрыв связей между формой и содержанием. В этом случае слова становятся объектами этимологии.

В основе этимологического анализа лежит сравнительно-исторический метод (см. § 15). Учет изменений языковой системы на всех ее уровнях — фонетическом, морфемном, грамматическом и лексическом — позволяет установить первичную мотивацию анализируемого слова. Снятие следов, оставленных временем, проводится прежде всего на словообразовательном и морфемном уровне. В этом случае слово сопоставляется с потенциально родственными лексемами того же языка (включая диалекты, поскольку диалектная лексика часто сохраняет архаичные по форме или значению слова) или родственных языков. Так, проводя этимологический анализ слова *человек*, можно выстроить последовательность *человек — увечный — убогий — богатый — рогатый*. Членимость последнего слова из этого ряда, а также ясное значение его аффикса позволяют, попарно сопоставляя слова (общность аффиксов *бог-**ат**-ый — рог-**ат**-ый*, ***у**-веч-н-ый — **у**-бог-ий*; их синонимичность *увечный — убогий* и антонимичность *убогий — богатый*; общий корень *чело**век** — **увеч**ный*, ср. *у**веч**ие*), сделать вывод об исконной членимости слова *человек* и представить мотивацию его образования. Четко вычленяется и первая часть сложения — *чело*-. Видимо, *čelověkъ является славянским новообразованием, которое не имеет параллелей в других индоевропейских языках (даже балтийских) и представляет собой сложение двух корней — *čelo ‘лицо, лоб’ (ср. др.-в.-н. helid ‘мужчина, боец’), представленного также в словах *челядь*, *челюсть*, и *věkъ ‘сила’ (ср. лит. vaĩkas ‘сила’)[1]. Отметим, что в старославянских памятниках форма этого слова отмечается только с редукцией первого гласного — **чловѣкъ** (<*čьlověkъ < *čelověkъ).

При этимологизации слов приходится учитывать разнообразные факторы в их сложном взаимодействии. Так, О. Н. Трубачев рассматривает славянский глагол *двигать* как родственный немецкому Zweig ‘ветка’ (производному от числительного zwei ‘два’), учитывая лингвистические и культурно-исторические данные: значение ‘двигать’ для данного глагола производно от первичного значения ‘поднимать’, а для поднятия тяжестей в качестве рычага известно использование ветки, палки с развилкой (ср. нем. Zweig). Название же такой ветки, развилки может быть производным от числительного ‘два’ (‘раздвоенное’).

Важно учитывать, что в процессе создания и развития каждого слова взаимодействуют различные закономерные явления и процессы (фонетические и семантические изменения, включение

---

[1] Этимология данного слова как сложения *čelo + *věkъ со значением корня ‘имеющий силу во лбу → преисполненный силы’ признается не всеми лингвистами.

в определенное словообразовательное гнездо или изоляция вследствие утраты родственных слов и т. п.), хотя их сочетание в каждом отдельном случае индивидуально.

Не всегда кажущиеся естественными сближения слов оправданны. Так, например, С. П. Обнорский[1] предполагал, что прилагательное *хороший* — закономерная притяжательная форма от иранского существительного *Chors* (*Хорс* — имя божества солнца), заимствованного в доисторическую эпоху, когда в восточнославянских языках развивалось полногласие (данную этимологию разделяет также В. И. Абаев). Однако большинство ученых считает ее неверной: «Наиболее вероятно предположение о происхождении из сокращенной формы на **-шь** от **хоробрый** (см.), ср. Мейе — Вайан 23. Менее вероятно — от хоронен, хоронить (см. Бернекер...; Ягич...; Брюкнер...). Невероятно произведение от имени бога солнца **Хорс** (Обнорский...), потому что для названия божества полногласная форма ***Хоросъ** не засвидетельствована»[2].

Получить информацию о происхождении слова можно из этимологических словарей, однако, имея представление об основных фонетических изменениях, в отдельных случаях удается осуществлять первичный этимологический анализ, не прибегая к справочной литературе. Например, информация о смягчении заднеязычных под влиянием гласных переднего ряда и наличии морфонологического чередования аблаут позволяет сделать вывод о том, что семантически связанные местоимения **къто** и **чьто** — одного корня. Этот же корень был использован при образовании местоименных наречий **къде** (после падения редуцированных происходит ассимилятивное изменение первого согласного; ср. рус. *где*) и **къгда**.

Зная парадигму спряжения старославянского глагола **тети** ‘бить’ — **тепѫ** ‘бью’, **тепеши** ‘бьешь’, несложно восстановить праславянский вид инфинитива *teptei и предположить наличие существительных с обычным для таких случаев абалаутным (см. § 24) чередованием е//о в корне: ср. *грести* — *гроб* (ст.-сл. **гробъ** ‘могила, склеп, гробница’), *плести* — *оплот* (ст.-сл. **оплотъ** ‘забор, ограда’), а затем связать рус. *топор* (в ст.-сл. памятниках не зафиксировано) с глаголом **тети** ‘бить’.

Заимствованное или исконное слово может подвергнуться переосмыслению носителями языка, что иногда приводит к изменению плана выражения слова. Такое изменение мотивированности слова в системе языка и изменение вследствие этого его звуковой оболочки принято называть народной, или ложной, этимо-

---

[1] *Обнорский С. П.* Прилагательное «хороший» и его производные в русском языке // Язык и литература. Л., 1929. Т. III. С. 241—258.

[2] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 4. С. 267.

логией. В старославянском языке примером действия народной этимологии может служить слово **лицемѣръ**, представляющее собой, по-видимому, вторичное преобразование исконного сложения *liceměnъ 'меняющий лицо' (ср. аналогичное литовское образование *veidmainỹs 'лицемер')[1] *licemĕrъ 'оценивающий по лицу'. Еще один древний пример народной этимологии — рус. *верблюд*. Др.-рус. форма **вельблоудъ**, к которой восходит современное русское слово, в свою очередь, возникла в результате переосмысления по типу народной этимологии — **велии /вель** 'большой' + **блѫдити** 'блуждать' — старославянского слова **вельбѫдъ** (*velьbǫdъ), заимствованного из гот. *ulbandus* 'верблюд', которое попало в готский через греческое посредство (греч. ἐλέφας, -αντος 'слон') из восточных языков[2]. Рус. *верблюд* (< др.-рус. **вельблоудъ**) отражает межслоговую диссимиляцию плавных в рамках фонетической тенденции к устранению скопления одинаковых соседних плавных[3] (ср. также ст.-сл. **Порфилъ** 'Порфирий (имя собств.)' < греч. Πορφύριος и рус. *февраль* < др.-рус. **февраръ** / ст.-сл. **ферваръ**; ср. лат. *februarius*, греч. φεβρουάριος).

§ 33. Системные отношения в лексике

Лексика, подобно другим уровням языка, представляет собой систему, т. е. объединение множества элементов, находящихся в закономерных отношениях и образующих в совокупности определенную целостность. Лексические единицы в рамках лексико-семантической системы языка связаны отношениями тождества, сходства, противоположности, включения и др. В самом общем виде связи слов в языке могут быть представлены следующим образом:

1) семантические, образующие «семантические поля», лексико-грамматические группы слов; синонимические и антонимические ряды; связи, отражающие соотношения прямых и переносных значений слова.

2) структурно-семантические, образующие принципы и правила сочетания слов;

3) структурно-морфологические, т. е. связанные с процессом словообразования (деривации).

Будучи языком литературным, старославянский язык характеризуется богатством словарного состава и сложностью его внутренней организации.

---

[1] ЭССЯ. Вып. 15. М., 1988. С. 79.

[2] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1986. С. 293.

[3] Подробнее об этом см.: *Якубинский Л.П.* Скопление одинаковых плавных в практическом и поэтическом языках (1919 г.) // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986. С. 176—182.

Так же, как и в любом языке, в старославянском есть слова, имеющие одно лексическое значение, т. е. *однозначные* (*моносемантические*): **апостола** 'проповедница христианства', **бездъждие** 'засуха' и т. п. Однако им противостоит более многочисленная группа *многозначных* (*полисемантических*) слов. Если сравнить два контекста **бѣ же година третиѣ** (Мк. 15: 25 Мар.) 'был час третий' — **нъ се естъ ваша година • область тьмънаѣ** (Лк. 22: 53 Зогр., Мар.) 'но теперь ваше время и власть тьмы', то становится понятно, что слово **година** в первом случае употреблено в значении 'час', а во втором — 'определенная пора, время, срок'. Многозначность слов (полисемия) широко представлена в старославянском языке: **алъканиѥ** — 1) голод, 2) пост; **милостꙑни** — 1) милосердие, 2) милостыня; **полъ** — 1) половина, 2) берег, 3) пол (женский); **раслабленъ** — 1) ослабевший, слабый от болезни, 2) парализованный; **рьвьновати** — 1) стараться, 2) завидовать; **съвѣсть** — 1) сознание, 2) совесть, 3) свидетельство; **сънъ** — 1) состояние сна, 2) сновидение; **хꙑтрьць** — 1) знаток, 2) мудрец.

Вместе с тем многозначность слов представляет применительно к старославянскому языку серьезную проблему, с одной стороны, из-за ограниченного числа текстов, а с другой — из-за переводного характера его словаря. Например, широкоупотребительное слово **врѣмѧ** в Клоц. 2б.8 встречается в следующем контексте: **аште е льзѣ поуштати женѫ своѭ • на вьсѣко врѣмѧ** '[вопрос:] можно ли разводиться с женою своею? [ответ:] **на вьсѣко врѣмѧ**'. Словари толкуют здесь его значение как 'обстоятельства'. Сопоставив текст речи Мефодия (в которой содержится данное употребление) с рядом гомилий (проповедей) и юридических памятников на греческом и различных славянских языках, Й. Вашица предложил считать данное слово юридическим термином со значением 'прелюбодеяние'[1].

Лексическая система старославянского языка демонстрирует определенную общность тенденций внутреннего развития, сходный характер основных семантических трансформаций лексем. Слова обнаруживают однотипность в развитии переносных значений, их приобретает, например, обиходная лексика: **въспитѣти** 'вскормить' — перен. 'воспитать', **сънѣдати** 'съедать' — перен. 'истреблять, разорять, уничтожать', **оутлъстѣти** 'ожиреть' — перен. 'очерстветь'. Абстрактные или переносные значения развились, таким образом, у слов, которые использовались славянами в конкретном значении: **младъ** 'молодой' — первоначально 'мягкий', **печаль** 'мучение', 'печаль', 'забота' — первоначально 'ожог'. Слово **чрѣво** в старославянских текстах употребляется в прямом значении

---

[1] Цит. по: *Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. С. 19—20.

‘желудок’, ‘живот’, а также в переносном — **адово чрѣво** (Супр. 461.20); слово **дьбрь** имеет значение ‘ущелье, низина’ и употребляется перифрастически в составе сочетания **дьбрь огньнаꙗ** ‘ад’.

Одно и то же фонетическое слово в старославянских текстах могло употребляться в столь различных значениях, что вполне уместно говорить об омонимах. Таковы, например, **плѣнъ** ‘плен’ и **плѣнъ** ‘добыча’; **почисти** ‘прочесть’ и **почисти** ‘почтить’; **скѫдьльникъ** ‘глиняный сосуд’ и **скѫдьльникъ** ‘гончар’; **съвѣдѣниѥ** ‘свидетельство, подтверждение’ и **съвѣдѣниѥ** ‘откровение, провидение’.

В некоторых случаях праславянский корень, обладавший *синкретизмом* значений (т. е. служивший для передачи широкого спектра значений), развивался в направлении поляризации этих значений, что постепенно приводило к «расщеплению» его семантики вплоть до образования у него антонимических значений: ст.-сл. **двиꙁати** ‘двигать’ и ‘затруднять’ (ср. рус. *одолжить* ‘дать в долг’ и ‘взять в долг’, *подозрительный* ‘подозреваемый’ и ‘недоверчивый’; ср. в родственных славянских языках: рус. *вонять* и ст.-сл. **вонꙗти** ‘(приятно) пахнуть, благоухать’; рус. *урод* и пол. *uroda* ‘красота’; рус. *чёрствый* и чеш. *čerstvý* ‘свежий (о хлебе)’ и др.)[1].

Итак, многозначность (полисемантичность) может проявляться по-разному: в *полисемии*, т. е. в наличии у слова нескольких значений, которые выступают в разных контекстах (наиболее распространенный тип); в *омонимии*, когда разные слова имеют близкие или одинаковые значения (омонимия часто является результатом развития полисемии); в *синкретизме*, когда слово одновременно, т. е. в одном и том же контексте, выражает разные, присущие ему значения (в противоположность омонимии это тип с наименее четкой противопоставленностью значений внутри одного слова).

§ 34. Синонимы и антонимы

Словарный состав старославянских памятников демонстрирует развитые синонимические отношения: **алъканиѥ — алъчьба — гладъ — постъ** ‘пост’; **въздрьжаниѥ — пощениѥ** ‘воздержание’; **бездъна — пропадь — ровъ, мирьнъ — покоинъ, съликъствовати — сърадовати сѧ** ‘радоваться вместе с кем-либо’. Синонимические отношения охватывают большинство знаменательных частей речи:

— существительные: **бездъна — бездъниѥ — пропадь — ровъ — ровьникъ, вратарь — дврьникъ** ‘привратник’, **клеветарь — обади-**

[1] Для обозначения такой внутрисловной антонимии, когда одно слово в различных контекстах может иметь противоположные значения, используется термин *энантиосемия* (от греч. ἐναντίος ‘противоположный’ и σῆμα ‘знак, признак’).

тел҄ь — обличител҄ь, казател҄ь — наставьникъ — пѣстоунъ 'наставник', **доброта — красота — лѣпота** 'красота', **свирьць — сопьць** 'тот, кто играет на свирели';

— прилагательные: **бъдрьливъ — бъждр҄ь — пооустьнъ** 'бодрый', **добръ — лѣпъ** 'красивый', **лопотивъ — нанѣмь** 'косноязычный', **маловрѣменьнъ — малогодьнъ** 'кратковременный', **младъ — мѧкъкъ** 'мягкий, нежный';

— местоимения: **единъ — етеръ** 'некий';

— наречия: **въскѫѭ — почьто** 'почему, зачем', **искони — испрьва** 'сначала';

— глаголы: **глаголати — рещи — съказати — бесѣдовати — вѣщати — повѣдати — оглаголати — глашати — зъвати, глѧдати — призирати — съмотрꙗти** 'смотреть', **ослѣпити — омрачити** 'ослепить'.

Синонимические отношения охватывают также некоторые служебные части речи, например предлоги: **искрь — близъ; ради — дѣлꙗ** 'из-за'.

Обращает на себя внимание обилие синонимических рядов, состоящих из однокоренных слов: **бездъна — бездъние; бестоудьникъ — бестоудьць** 'бесстыдник'; **добл҄ь — доблестьнъ — прѣдобръ** 'доблестный'; **длъготрьпѣлие — длъготрьпѣние — трьпѣние — трьпѣльство, лѣпота — вельлѣпота — благолѣпие** 'красота'; **побѣдител҄ь — побѣдьникъ — побѣдотворьць; ровъ — ровьникъ** 'пропасть'; **страстоносьць — страстотрьпьць — страстьникъ** 'мученик'. Явление словообразовательной синонимии представляет собой результат внутрисистемного взаимодействия словообразовательных типов (см. § 39). Примером тому служат, например, имена на **-ьникъ** и **-тел҄ь**, выступающие со значением лица: **жѧтел҄ь — жѧтелꙗнинъ, побѣдител҄ь — побѣдьникъ, прѣдавьникъ — прѣдател҄ь**; абстрактные существительные: **лихоимание — лихоимие — лихоимьство — лихоимьствие** 'корыстолюбие', **опасъ — опасение** 'внимание, старательность', **спѣхъ — спѣшение** 'усердие, старание', **срамъ — срамота** 'позор, срам' и многие другие. Активное использование слов с одинаковыми корнями приводит к тому, что синонимические ряды расширяются, пополняясь за счет грамматически инородных элементов — субстантивированных слов (прилагательных и причастий): **жѧтел҄ь — жѧтелꙗнинъ — жьнѧ(и)** 'жнец'; **подвижьникъ — подвижьнъ** 'борец'; **поустыньникъ — поустыньнъ** 'отшельник, пустынник'; **оучител҄ь — оучѧи**.

В некоторых случаях в синонимическом ряду встречаются лексемы, представляющие собой далеко разошедшиеся в фонетическом отношении формы корня: **оуходъ — оушидь** 'беглец', **оходьникъ — ошьльць** 'отшельник'.

Развитая синонимия — явление, характерное главным образом для литературных языков, стремящихся к максимально точной или

выразительной передаче мысли. Однако, если проанализировать отдельные ряды старославянских синонимов, создается впечатление, что перед нами равноправные с точки зрения выражаемого значения варианты: **бездобь — ашоуть — поустошь — спыти — соуи (въсоуѥ) — тъщь (вътъще) — оумъ (без оума)** ‘тщетно, напрасно’; **маловрѣменьнъ — малогодьнъ** ‘недолговечный’. Это напоминает отношения между так называемыми *семантическими дивергентами* (термин Л. П. Якубинского[1]) в пределах одного значения в диалектах. Такие семантические дивергенты в говорах отличаются от синонимов литературного языка тем, что между ними нет никаких смысловых и стилистических различий. Видимо, это явление связано с недостаточным развитием стилистической системы старославянского языка.

Возможно также, что наших сегодняшних знаний о лексической системе старославянского языка недостаточно, чтобы уловить стилистические или иные различия у синонимов.

Некоторые пары слов, хотя традиционно и рассматриваются как синонимы, не имеют однозначной трактовки в лексической системе старославянского языка. Ср., например, употребление слов **балии — врачь** в разных старославянских памятниках: в Асс., Зогр., Сав. употребляется только лексема **врачь**, в Киевских листках и Син. — только **балии**, а в Мар. и Син. требнике встречаются оба слова. Можно ли называть приведенные варианты синонимами, если они употребляются в одном и том же памятнике письменности? Во избежание терминологических неточностей подобные слова стали именоваться *лексическими вариантами* или *лексическими дублетами*. Лексические дублеты часто выступают в качестве *текстологических дублетов*, которые по-разному переводят одно и то же слово греческого или латинского оригинала в конкретном чтении определенного текста[2].

Лексическая вариантность в старославянском языке давно изучается славистами. А. Х. Востоков в «Рассуждении о славянском языке» (1820) высказал мнение о том, что переписчики рукописей «имели свои причины переменять или, по их мнению, поправлять язык уже мертвый, в книгах только сохранившийся»[3]. Один тип правки был связан с неясностью или неупотребительностью отдельных лексических единиц и их заменой на соответствующие времени и месту создания текста, чтобы быть понятным. Другой тип объяснялся попытками придать правильность языку, причем

[1] *Якубинский Л. П.* Несколько замечаний о словарном заимствовании // Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. С. 67.

[2] Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.). С. 54.

[3] Цит. по кн.: *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. С. 6.

таковая правильность воспринималась книжниками как соответствие современным им нормам или нормам греческой и латинской грамматики.

П. Шафарик выдвинул гипотезу (впоследствии не подтвердившуюся) о том, что в памятниках, написанных кириллицей, слова, характерные для глаголических памятников, заменены другими. Позднее В. Ягич заметил, что одно и то же греческое слово передавалось разными славянскими словами. По мнению А. С. Львова, большое количество лексических вариантов, отличающих рукописи старославянской письменности, «является свидетельством того, что текст первичного перевода позже подвергался сознательным изменениям»[1].

В отдельных случаях варианты противопоставлены друг другу как заимствованное слово/славянское, например: **варъваръ** — **иностраньникъ** — **иноѩзычьникъ** ‘чужеземец’, **еретикъ** — **иновѣрьникъ**, **ипокритъ** — **лицемѣръ**, **кентоурионъ** — **сътьникъ** ‘сотник’, **клеврѣтъ** — **подроугъ** ‘сотоварищ’, **скинꙗ** — **сѣнь** ‘тень’, **стратигъ** — **воѥвода**, **таланътъ** — **ꙁлатица** ‘золотая монета’ — перед нами типичный случай перевода понятия на славянский язык. Как показывает материал, и славянские первоучители, и их последователи, встречая в греческом оригинале слова, нехарактерные для славянского быта, культуры, часто не калькировали их, а стремились перевести, используя языковые ресурсы языка-восприемника. Даже относительно регулярные в старейших славянских памятниках грецизмы, представляющие церковную терминологию, в ряде рукописей оказываются переведенными. В еще большей степени данный процесс характеризует обиходные слова, не связанные с христианской обрядностью.

Данный прием лег в основу нового соотношения слов, которое могло иметь стилистический характер: так, первый член пары **котъка** — **анкѵра** ‘якорь’ употреблялся в нейтральном контексте **имѣаше сии корабль котъкы желѣзны** (Супр. 400.27) ‘были у того корабля железные якоря’, а второй — в метафорическом **архангели то исповѣданьѥ ꙗко и ꙗнкѵрѫ дръжѧтъ** (Супр. 509.17) ‘архангелы тот обет держат как якорь’.

В случае вариантов слов славянского происхождения можно указать на многочисленные словообразовательные пары типа **балованиѥ** — **бальство** ‘лечение’, **благодатьникъ** — **благодѣтел҄ь** ‘тот, кто делает добро’, **врачьба** — **врачьство** ‘лечение’, **давьць** — **дател҄ь** ‘даритель’, **коупьно** — **въкоупе** ‘вместе’, **кън҄игъчии** — **кън҄ижьникъ**, **нагость** — **нагота**, **тѧжесть** — **тѧгость** — **тѧгота** и подобные.

---

[1] *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. С. 280.

В отдельных случаях, по-видимому, можно говорить о передаче лексическими вариантами оттенков значений: в древнейших текстах употреблялись слова **вѣнити**, **цѣнити** и **продати**, причем **вѣнити** означало ‘оценить предназначенный для продажи товар’; **цѣнити** ‘определять размер возмещения’; **продати** ‘продавать’ или первоначально ‘обменять’[1]. Очевидно, значение слова **цѣнити** изменилось, расширившись до ‘определять цену товара’. В такой ситуации глагол **вѣнити** стал избыточным и по этой причине оказался исключенным из поздних текстов церковных книг[2].

В качестве еще одной причины появления лексических вариантов следует назвать приспособление старославянских текстов к языку (говору) той славянской территории, где осуществлялась переводческая и редакторская работа, прежде всего это Моравия и восточная Болгария. Некоторые варианты закрепились в различных по времени и/или месту написания памятниках. Характерные для западнославянской диалектной зоны лексические единицы, используемые в текстах памятников вместо соответствующих южнославянских, принято называть *моравизмами*. К их числу традиционно относят второе слово в каждой из приведенных ниже пар лексических вариантов: **братъ — братръ**, **кладѧзь — стоуденьць** ‘колодец’, **посохъ — дрьколь** ‘палка’, **истина — рѣснота**, **небесьнъıи — небесьскъ**, **етеръ — единъ**.

Пары **гоумьно — токъ**, **дврьникъ — вратарь** ‘привратник’, **животъ — жизнь**, **кънигъı — писаниѥ**, **миса — блюдо**, **пастырь — пастоухъ**, **ради — дѣлꙗ**, **сънꙗмъ — съборъ** ‘собрание’, **тъкъмо — тъчиѭ** ‘только’, **шюи — лѣвыи** и другие представляют важный тип соотношения лексических вариантов. Так, например, установлено, что для пары **гоумьно — токъ** в древнейших старославянских памятниках употреблялось слово **гоумьно**, этимология которого раскрывает способ молотьбы древних славян посредством вытаптывания зерна рогатым скотом на току (см. § 31). В восточноболгарских текстах слово **гоумьно** заменяется на **токъ**. Данные болгарской диалектологии свидетельствуют о преобладании употребления слов *гумно*, *гувно* в западной Болгарии, а в восточной — *ток*, *отак*, *вътък*, что вряд ли представляет собой позднейшее явление. Таким образом, слово **токъ** в старославянских памятниках следует считать *восточноболгаризмом*[3]. В современной славистике восточноболгарский (преславский) лексический пласт внимательно изучался болгарскими учеными И. Добревым и

---

[1] Древнерусские тексты сохраняют одно из древних значений глагола **продати** ‘наложить штраф, наказать штрафом’ (ср. также др.-рус. **продажа** ‘штраф’).

[2] *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. С. 220.

[3] Там же. С. 82.

Т. Славовой. Составлен список преславских лексем[1], содержащий 125 исходных кирилло-мефодиевских слов и их восточноболгарских соответствий.

Обилие лексических вариантов отражает, видимо, такое языковое состояние, при котором единая лексическая норма находится в процессе становления и еще не сформировалась окончательно. Решение проблемы лексических вариантов в памятниках старославянской письменности достаточно сложно и предполагает глубокий и всесторонний анализ лексических единиц в рамках семантического анализа с учетом контекста и типа памятника.

Одним из ярких проявлений системных отношений в лексике является наличие слов, противоположных по существенному для их значения семантическому признаку. Такие слова называются *антонимами*. Антонимические отношения в старославянском языке, так же как и синонимические, охватывают большинство частей речи: **печаль ваша въ радость бѫдеть** (Ин. 16: 20 Остр.) ‘печаль ваша в радость будет’; **чъто иштете живаго съ мрътвъıми** (Лк. 24: 5 Сав.) ‘что вы ищете живого среди мертвых?’; **не трѣбоуѭтъ съдравиі врача нъ болѧщиі** (Мк. 2: 17 Сав.) ‘не здоровые нуждаются во враче, но больные’; **їже аште хоштетъ погоубитъ дш҃ѫ своѭ. мене ради. тъ сп҃етъ ѭ** (Мк. 8: 35 Зогр.) ‘тот, кто потеряет душу свою ради меня, тот спасет ее’.

По своей структуре антонимы подразделяются на однокорневые и разнокорневые. Однокорневые антонимы представляют лексико-грамматическую антонимию, поскольку в некоторых парах, особенно глагольных, антонимичные отношения обусловливаются использованием антонимичных приставок: **вълѣсти — излѣсти**, **обоути — изоути**, **сънъ** ‘состояние сна’ — **бесъние** ‘бессонница’, **вѣра — безвѣрие**, **градьникъ** ‘гражданин’ — **безградьникъ** ‘человек без родины’.

Собственно лексическими являются разнокорневые антонимы: **жизнь — съмрьть**, **ветъхъ — новъ**, **веселити сѧ — плакати**, **долоу** ‘вниз’— **горѣ** ‘вверх’. В антонимические отношения могут вступать слова с разной морфемной структурой: **безвѣрие — правовѣрие**, **вѣчьнъ — маловрѣменьнъ**.

В сложных словах антонимия может создаваться благодаря антонимичности одного из корней при полном совпадении другого из корней, участвующих в сложении, например: **правовѣрьнъ — иновѣрьнъ**.

Обращение к антонимам при создании текстов обусловлено стремлением передать воспринимаемую действительность во всей ее противоречивой сложности и взаимозависимости. Их исполь-

---

[1] *Славова Т.* Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиевски студии. София, 1989. Кн. 6. С. 15—129.

зование придает речи особую остроту: **аште бо праведънъıи едва съпасаѥтъ сѧ • нечьстивъıи и грѣшънъıи кѫде авитъ сѧ** (Супр. 128.8—10) ‘ведь если праведник едва спасется, то нечестивый и грешный где окажется?’; **се лежитъ сь • на паданье і на въстанье мъногомъ • въ і͞ли** (Лк. 2: 34 Асс., Зогр., Сав.) ‘вот лежит он [младенец Иисус] на падение и на восстание многих в Израиле’; **оубогъıи оубо въ дрѫхльствѣ • богатъи же вь веселии** (Супр. 492.2,3) ‘ведь бедняк в скорби, а богач в веселии’.

В многочисленных антонимических парах старославянского языка находит отчетливое выражение важнейший для христианства и средневековой философии конфликт добра и зла: **добръ** — **зълъ**, **добро** — **зъль**, **добрѣ** ‘правильно’ — **зълѣ** ‘плохо’, **добрость**, **доброта** ‘добродетель’ — **зълоба** ‘скверность, пакость’, **добродѣѩ** ‘делающий добро’ — **зълобивъ** ‘причиняющий зло’, **добросътворити** — **зълосътворити**, **благодѣꙗниѥ** — **зълодѣꙗниѥ**, **благословити** ‘восхвалять’ — **зълословити** ‘поносить’ и др.

Антонимы в старославянских текстах широко используются для создания такой фигуры речи, как антитеза: **вьси бо отъ избъıтъка своего въвръгѫ а си отъ лишениѣ своѥго** (Мк. 12: 44 Мар.) ‘ибо все от излишка своего вложили [деньги], а она [бедная вдова] от недостатка своего’, **достоитъ ли въ сѫботѫ • добро сътворити ли зъло творити** (Лк. 6: 9 Зогр.) ‘надлежит ли в субботу творить добро или зло’, **блюди сѧ оубо еда свѣтъ иже естъ въ тебѣ тъма естъ** (Лк. 11: 35 Мар.) ‘остерегайся, чтобы свет, который в тебе есть, не был тьмой’.

§ 35. Экспрессивная лексика

Лексикология изучает различные стороны лексической системы и, в частности, экспрессивность лексических единиц, в которой находит отражение отношение говорящего к действительности, к содержанию или адресату сообщения, т. е. эмоционально выраженная прагматика языка. Одним из средств создания экспрессивной окраски слова являются словообразовательные средства:

— у уменьшительно-ласкательных существительных (диминутивов): **дъщица** ‘дощечка’, **градьць** 1) ‘городок’, 2) ‘садик, огородик’, **облачьць** ‘облачко’, **сѫчьць** ‘веточка’, **црькъвица** ‘церковка, часовня’, **чѧдьце** ‘сынок’,

— у уничижительных существительных (пейоративов): **пивьца** ‘пьяница’, **сѣчьца** ‘палач’, **ꙗдьца** ‘обжора’, **оубиица**, **чародѣица** ‘колдун, обманщик’, **чловѣчинъ** *уничиж.* ‘человек’.

— у прилагательных и наречий с приставкой **прѣ**- (при выражении высшей степени качества, обозначенного соответствующим корнем): **прѣвеликъ**, **прѣмрачьнъ**, **прѣмѫдро**.

Проблема стилистической маркированности лексем старославянского языка мало изучена. В этом отношении имеются только комментарии к отдельным словам, например к паре **кънигъчии — кънижьникъ**. Именно книжная окраска второго члена пары, видимо, побудила переводчиков, справщиков, в соответствии с типом текста, заменить более распространенное слово **кънигъчии** на **кънижьникъ**. В целом же вопрос о стилистических средствах старославянского языка остается открытым.

§ 36. Устойчивые сочетания. Фразеология. Тропы и фигуры

Богатство и выразительность лексической системы старославянского языка проявляются и в том, что наряду со свободными словосочетаниями (**вьдовица оубогаꙗ** 'нищая вдова', **гора въısока**, **пешть хлѣбьнаꙗ**, **ножьнаꙗ болѣзнь** 'болезнь ног') широко представлены сочетания связанные, устойчивые. Например, глаголы **полагати**, **приѩти** сочетаются с абстрактными существительными, образуя устойчивые сочетания **полагати доушѫ** 'отдавать жизнь (за кого-либо)', **полагати памѧть**, **приѩти коньць** 'умереть'. Глагол **дѣꙗти**, имея лексическое значение 'действовать, поступать', образует устойчивые сочетания **дѣꙗти молитвѫ**, **дѣꙗти любъı (прѣлюбъı)**, **дѣꙗти блѫдъ**. Глагол **бъıти** в сочетании с прилагательными образует устойчивые сочетания **простъ бъıти** 'быть избавленным, освобожденным от чего-либо', **годѣ бъıти** 'нравиться'. Сочетания подобного типа обычно называют фразеологическими сочетаниями.

Приведем еще несколько примеров устойчивых сочетаний, встречающихся в старославянских текстах: **неврѣдоу (неврѣдъ) сътворити** 'счесть неподходящим, отвергнуть', **потръгнѫти съмъıслъ** 'задумать', **приимати въ чрѣвѣ** 'беременеть', **прѣдати животъ** 'пожертвовать жизнью, отдать жизнь', **поустити законъ** 'издать приказ, закон', **поустити женѫ, мѫжа** 'развестись', **ликъı ставити** 'устраивать пляски с пением', **съвѣщати слово** 'свести счеты, рассчитаться с кем-либо', **лице оутврьдити** 'принять решение, решиться', **оумѣти кънигъı** 'быть грамотным'.

Несмотря на сложности, связанные с выделением различного типа устойчивых сочетаний в старославянском языке, кажется обоснованным использование термина *фразеологические выражения* для таких сочетаний, которые являются семантически членимыми и состоят из слов со свободными значениями. К ним можно отнести, например, номинативно-терминологические сочетания: **вранъ нощьнъ** 'сыч', **простъ людинъ** 'мирянин', **прикоупъ творѩи** 'меняла', **свѣтьлъıи камъı** 'фенгит (род слюды)'. В отдельных случаях в

составе подобных сочетаний одно из слов приобретает значение, не свойственное ему ни в каких других употреблениях: так, **чистъ хлѣбъ** называет ‘белый хлеб’. Отдельные устойчивые сочетания представляют собой термины, которые словарь старославянского языка даже сопровождает пометой *спец.*: **гласъ искрь** ‘плагальный лад’ (муз.)[1].

Из-за ограниченности материала подчас трудно установить границы между свободными и устойчивыми сочетаниями. Тем не менее в словарях предпринимаются попытки разграничить фразеологически неразложимые и устойчивые сочетания. В «Старославянском словаре (по рукописям X—XI вв.)» под ред. Р. М. Цейтлин и др. (М., 1994) они разграничиваются при помощи двух помет: 1) за знаком □ идут так называемые неразложимые словосочетания (□ **даꙗти славѫ** ‘выражать благодарность’, □ **мѣсто поусто** ‘пустыня’, □ **печаль сътворити** ‘опечалить’, □ **раискаꙗ пища** ‘обитель блаженства, райские кущи’ и др.); 2) за знаком ♦ — устойчивые словосочетания (♦ **дивиꙗ коза** ‘дикая коза’, ♦ **мольбѫ творити**, **мольбꙑ дѣꙗти** ‘молиться’, ♦ **въ пагоубѫ бꙑти** ‘погибнуть’, ♦ **пакость дѣꙗти**, **творити** ‘причинять вред, страдание’, ♦ **паданиꙗ испльнити** ‘наносить поражение’, ♦ **щоуждиихъ въведениѥ** ‘гостеприимство’ и др.).

Старославянские тексты описывают такие действия и события, которые воспринимаются как символические, и их номинация становится базой для формирования фразеологически связанных единиц. Например, словосочетание **оумꙑти рѫцѣ** ‘умыть руки’ употребляется в текстах и как свободное, где все слова имеют прямое значение: **не оумъвенама рѫкама ѣдѧтъ хлѣбъ** (Мк. 7: 5 Зогр., Мар.) ‘немытыми руками едят хлеб’, и как устойчивое: <**пилатъ**> **прiмъ водѫ оумꙑ рѫцѣ прѣдъ народомь** (Мф. 27: 24 Зогр.) ‘Пилат... взял воды и умыл руки перед народом’. Второй — символический — контекст, в котором описывается публичное омовение рук как свидетельство невиновности человека, становится источником фразеологизма *умыть руки*.

Притчевый характер многих библейских сюжетов также вызвал к жизни большое количество паремий (пословиц, поговорок, крылатых выражений): **балии исцѣли сѧ самъ** (Лк. 4: 23 Мар.) ‘врач, исцелись сам’; **не трѣбоуѭтъ съдравнi врача нъ болѧщiи** (Мк. 2: 17; Лк. 5: 31 Сав.) ‘врача требуют не здоровые, а больные’; **никтоже не въливаатъ вина нова въ мѣхꙑ ветъхꙑ** (Мк. 2: 22; Лк. 5: 37 Мар.) ‘никто не вливает новое вино в старые бурдюки’; **зъло дрѣво плодꙑ зълꙑ творитъ** (Мф. 7: 17 Мар.) ‘плохое дерево плохие плоды приносит’; **оудобѣе естъ вельбѫдоу сквозѣ игълинѣ оуши проити** (Мк. 10: 25; Лк. 18: 25 Мар.) ‘легче верблюду сквозь игольное ушко прой-

[1] Особый напев (или тон) церковной голосовой музыки, заимствованный из греческой гармонии пения.

ти'; **темьна вода въ облацѣхъ аеръныхъ** (Син. 17.12) 'темна вода в облаках воздушных' и др.

Евангельские тексты, переведенные на старославянский язык, стали основой целого пласта фразеологической системы славянских языков. Русскому языку, в частности, известны выражения *камень преткновения*: **да не прѣтъкнеши о камень ногы твоѥѩ** (Мф. 4: 6; Лк. 4: 11 Остр.) 'да не преткнешься (не споткнешься) о камень своей ногой'; *волк в овечьей шкуре*: **мънози вльци обьходѧтъ въ одеждахъ овьчахъ. овьчѧ оубо одежда имѫще нъ не и зѫбы и ногъти** (Хил. IIАb 14—19) 'многие волки ходят в овечьих одеждах, но только одежда у них овечья, а не зубы и не когти'; *внести лепту*: **і пришедъши едина въдовица оубога • въвръже дъвѣ лептѣ** (Мк. 12: 42 Мар.) 'и придя, одна бедная вдова положила две лепты'; *преклонить голову*: **лисицѧ ложа имѫть. и пътицѧ нбсьс҃кыѩ гнѣзда а сынъ чловѣчьскыи не имать къде главы подъклонити** (Мф. 8: 20; Лк. 9: 58 Остр.) 'у лисиц есть норы, у птиц небесных — гнезда, а Сыну Человеческому негде преклонить голову'; *отделять овец от козлищ*: **и разлѫчітъ ѩ дроугъ ѿ дроуга. ѣкоже пастырь. разлѫчаетъ овьцѧ отъ козлішть** (Мф. 25: 32 Асс.) 'и отделит их друг от друга, как пастух отделяет овец от козлов' и др.

Некоторые устойчивые сочетания, например **гласъ въпиѭщаего въ поустыни, скрьжьтъ зѫбомъ, трьновъ вѣньць, хлѣбъ насѫщьныи** и др., вошли в систему русского литературного языка практически без изменения формы. Исследователи отмечают в русском языке значительное количество цитатных библейских фразеологизмов, которые употребительны во всех стилях речи; часто их называют застывшими, т. е. менее вариативными и дающими меньше производных, чем в других языках.

Поскольку текст как реализация языковой системы и сам представляет собой сложное явление со своей внутренней организацией, т. е. систему, все элементы такой системы взаимосвязаны и подчинены определенной задаче, поставленной создателем текста.

Выражению контрастности мироощущения и достижению особой выразительности повествования способствует антитеза: **і сѣдѧштиімъ въ тъмѣ і въ сѣни съмрьтънѣ свѣтъ въсиѣетъ на насъ** (Мф. 4: 16 Зогр.) 'и когда окажемся во тьме и в тени смерти, на нас засияет свет'; **акы класы зьрѣлы младеништа • ѥдинѣмъ желѣзомъ исѣчены лежашта • не оу ѥште съ зрьна срьдьчнааго тврьда имѣѭште**... (Супр. 397. 6—7) 'как незрелые колосья, еще не имеющие созревшей внутренней твердости... лежали младенцы, иссеченные железом'; **како можете добро творити зьли сѫште** (Мф. 12: 34 Зогр.) 'как вы можете творить добро, будучи злыми?'; **ізгонѧ вьсѣко безвѣрие із людеи своихъ. селѧ въ нихъ вьсѣко правовѣрие** (Евх. 44b 15—16) 'изгоняя всяческое безверие из людей своих и вселяя в них

всякую истинную веру’; **трепештѫтъ многоочитии • видѧште ꙇ̈соуса въ пльти безъ очию** (Супр. 458. 15—16) ‘трепещут многоокие, видя Иисуса во плоти, без очей (т. е. уже без зрения, мертвого)’.

Сочетания метафорического характера — **вѣровьнаа анкира** (Супр. 500.12—13: **вѣровьнѫѫ анкирѫ**) ‘якорь веры’, **градьникъı вьсеѩ вьселенъıѩ** (Супр. 84.2—3) ‘жители всей земли’, **дьбрь огн҃ьнаꙗ** (Супр. 231.13: **дьбри огн҃ьнъıѩ**) ‘ад’ (букв. ‘огненная долина [низина, ущелье]’) и **матица огньнаꙗ** (Супр. 525.30: **матицѫ огн҃ьнѫѭ**) ‘ад’, **землꙗ забъвена** (Пс. 87:13 Син.: **правъда твоѣ вь землі забьвенѣ**) ‘земля забвения, преисподняя’, **старъıи зълодѣи** (Евх. 63b 10—11) ‘дьявол’ — создают образную составляющую текстов.

Иногда можно проследить процесс формирования подобной образной составляющей, который обусловлен исторически. Так, например, в выражении **из младъ ногътии** ‘с младенчества’[1] прилагательное используется в своем исконном значении ‘мягкий’, т. е. выражение представляло собой типичный метонимический перенос и имело отчетливую мотивацию — в возрасте, когда ногти бывают мягкими, т. е. в младенчестве. По аналогии с ним возникло выражение **из младъı връстъı** (Супр. 252.29—30) ‘с юного возраста’, в котором имя прилагательное используется уже в новом значении ‘юный’.

Усиление смысловой стороны текста осуществляется благодаря и такому распространенному приему, как корневой повтор в различных частеречных образованиях: **тако да просвѣтитъ сѧ свѣтъ вашь прѣдъ чловѣкъı да оуզьрѧтъ дѣла ваша добраѣ** (Мф. 5.16 Зогр.) ‘так да светит свет ваш перед людьми, чтобы они увидели ваши добрые дела’; **ꙁълъı чловѣкъ отъ ꙁълааго съкровишта срьдьца своего иꙁноситъ ꙁълое** (Лк. 6: 45 Мар.) ‘злой человек из злой сокровищницы сердца своего выносит злое’; **да въ правъдѫ сѫдите • а не бесправьдна дѣлаѥте** (Супр. 257.23—24) ‘да судите по справедливости и не творите несправедливости’; **и правъда его прѣбъıваетъ въ вѣкъ вѣкоу** (Син. 110.3, 111.3) ‘и правда его пребывает вовек’; **остави мрътвъıѩ погрети своѩ мрътвьцѧ** (Мф. 8: 22 Зогр.) ‘оставь мертвым погребать своих мертвецов’; **ѣже не оуслъıшітъ гласа обаваѭщаго • отъ прѣмѫдра обавьника обаваема** (Син. 57.6) ‘так что не услышит [змей] голоса заклинателя, заклинаемый самым искусным заклинателем’; **чистотѫ срьдьчьнѫѭ помъıслъı присно чистѧ** (Супр. 280.28— 29) ‘постоянно очищай (блюди) чистоту сердечную в отношении твоих желаний/помыслов’. Иногда подобная структура усложняется использованием синонимичных корней, например **свѣт-** и **гор-**: **онъ бѣ свѣтильникъ горѧ • і свьтѧ • въı же хотѣсте въздрадовати сѧ • въ часъ свьтѣниѣ**

[1] Ср. в греч. та же внутренняя форма ἐξ ἁπαλῶν ὀνύχων.

єго (Ин. 5: 35 Зогр., Мар., Асс.) ‘он был светильник горящий и светящий, а вы хотели порадоваться во время свечения его’.

Элементы лексической системы языка оказываются важнейшим средством создания образности текста, участвуя в формировании тропов и фигур. Старославянские тексты знают такие тропы и фигуры, как:

— эпитет: **быстъ гладъ крѣпъкъ** (Лк. 15: 14 Остр.) ‘был сильный голод’; **ни почрѣпала имаши и стоуденецъ естъ глѫбокъ отъкѫдѫ оубо имаши водѫ живѫ** (Ин. 4: 11 Мар.) ‘у тебя и черпака нет, а колодец глубокий: откуда же у тебя живая вода?’; **сѣнь съмрьтъна** (например, **сѣни съмьртьнѣи** Мф. 4: 16 Мар. ‘(и в) тени смертной’); **не въ огньнѣ пламени • нъ въ образѣ дъждевѣ съходѧштии** (Супр. 250.26—27) ‘не в огненном пламени, а в виде дождя сходящие’; **чистомъ оумомъ и незълобивомъ срьдьцемъ** (Супр. 338.5—6) ‘чистым умам и кротким сердцам’; **аште ли око твое лѫкаво бѫдетъ • все тѣло твое тьмъно бѫдетъ** (Мф. 6: 23 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘если твое око будет худо, то все тело твое будет темно’;

— метафора: **вы есте соль земи** (Мф. 5: 13 Зогр.) ‘вы — соль земли’; **свѣтильникъ тѣлоу єстъ око** (Мф. 6: 22, Лк. 11: 34 Мар., Зогр.) ‘светильник телу — око’; **чистотѫ срьдьчьнѫѭ помыслъі присно чистѧ** (Супр. 280.28—29) ‘чистоту сердечную в отношении твоих желаний/помыслов постоянно очищай (блюди)’; **дондеже име вѣровьнѫѫ анкирѫ** (Супр. 500.12—13) ‘где же есть якорь веры’; **стопы моѩ направи по словеси твоемоу** (Син.118.133) ‘стопы мои направь по слову твоему’; **кръмьникъ чловѣчьскъ** (Супр. 429.11—12) ‘рулевой людей’; **въ ровъ лоубодѣиства въпадъ** (Супр. 526.21—22) ‘пал в пропасть прелюбодеяния’; **сладъка грътани моемоу словеса твоѣ** (Син.118.103) ‘сладки гортани моей слова твои!’; **тьма безвѣдьнаа** (Евх. 33а 24) ‘тьма невежества’;

— метонимия: **въперити** ‘окрылить’ (Супр. 425.2), **глѫбиньнъ** ‘адский’ (Евх. 63b 10—11; Супр. 528.22); **горьнии** ‘небожители’ (Супр. 322.7); **того ради попирааше страсти гадъныѧ** (‘мерзкие, отвратительные’ < **гадъ** ‘ползающее животное’ — в большинстве случаев нечистое, мерзкое) **и ѩдовитыѧ** (Супр. 556.15); **повелѣвъ... желѣзы же оковати и въсѧдоу** (Супр. 104.29) ‘повелев сковать его всюду оковами’;

— сравнение: **бѫдѣте же мѫдри акы змиѩ** (Мф. 10: 16 Асс.) ‘будьте мудры, как змии’; **подобьно естъ цс҃твие неб҃ское зрьноу гороушьноу еже приемъ чл҃вкъ** (Лк. 13: 19 Мар., Зогр.) ‘царство небесное подобно горчичному зерну, которое взял человек...’; **и просвѣтѣ сѧ лице его акъи слъньце • а ризы его бышѧ бѣлы ако снѣгъ** (Мф. 17: 2 Асс.) ‘и просияло лицо его, как солнце, одежды его стали белыми, как снег’; **акы агньць бе злоби. прѣдъ стригѫштиимъ ѥго без гласа** (Супр. 434.25—27) ‘как безропотный агнец, [который] не подает голоса, когда стригут его’;

— оксюморон: **безмѫжьнъ мѫжь** ‘муж только по названию’ (Клоц. 14а 15, Супр. 451.27—28); **безбрашьно брашьно** ‘еда без пищи’ (Супр.272.12—13: **безбрашъныимъ брашъныимъ**); **въмѣстити невьмѣстимааго** (Супр. 248.28—29) ‘вместить невместимое’. Как видно из примеров, данная фигура создается на базе однокоренных слов, одно из которых имеет приставку с отрицательным значением.

— перифраз(а): **егда оскѫдѣете примѫтъ вы вь вѣчьныѩ кровы** (Зогр. Лк.16: 9) ‘чтобы, когда вы обнищаете, [они=ваши друзья] приняли вас в вечные обители’; **дьбрь огньнаа** ‘ад’ (Супр. 231.13: **дьбри огн҃ьныѧ**); **глѫбиньнъ змии** ‘дьявол’ (Евх. 63b 10—11; Супр. 528.22); **старыи зълодѣи** ‘дьявол’ (Евх. 63b 10—11).

Таким образом, изучение старославянской лексики с точки зрения ее функционирования в текстах, а также ее участия в создании разнообразных тропов и фигур чрезвычайно важно. Будучи прежде всего языком церковной письменности, старославянский язык воплощен в текстах, для адекватного понимания которых недостаточно знаний только грамматики и словаря. Метафоричность (укажем, например, метафоры благодати, избавления от греха, сил зла; метафорическое изображение священника и паствы; метафорическое наименование Богородицы) и интертекстуальность (насыщенность текстов фрагментами из воспринятых ранее текстов или текстовыми реминисценциями) старославянских текстов дают новое направление изучению лексической системы, позволяющей в определенной мере реконструировать элементы мировоззрения, или картины мира, народа, пользующегося этим языком. «Литературный язык, — полагал Н. И. Толстой, — есть одно из мощных орудий культуры и в то же самое время важный компонент (сегмент) культуры»[1].

§ 37. Старославянская лексика и ее лексикографическая разработка

Насущная необходимость в изучении и систематизированном описании лексики старославянского языка ощущалась давно. Первые лексикографические труды (А. Х. Востокова, Ф. Миклошича и др.), которые кое в чем не потеряли своего значения и сегодня, в дальнейшем уже не могли удовлетворять все практические потребности науки. Особая роль в разработке старославянской и церковнославянской лексикологии и лексикографии принадлежит В. Ягичу.

---

[1] *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 7.

Изучением словарного состава старославянских и церковнославянских рукописей много занимались русские (В. В. Виноградов, Н. Н. Дурново, А. Л. Дювернуа, С. М. Кульбакин, П. А. Лавров, А. С. Львов, В. А. Погорелов, С. Н. Северьянов, А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, И. И. Срезневский, Р. М. Цейтлин, В. Н. Щепкин и др.), чешские и словацкие (Я. Бауэр, Б. Гавранек, Й. Вайс, М. Вейнгарт, В. Вондрак, Л. Гейтлер, Й. Курц, Ф. Пастрнек, Я. Станислав, П. Й. Шафарик и др.), болгарские (И. Гылыбов, Й. Займов, К. Мирчев, Ст. Младенов, Ст. Раменски, Б. Цонев), югославские (Дж. Даничич и В. Караджич, позднее — Б. Грабар, Ф. Гривец, Й. Хамм, В. Штефанич и др.) слависты. В определенной степени с историей словарного состава старославянского языка связаны и некоторые работы польских славистов (Т. Лер-Сплавинского, Ст. Слонского и др.).

В 1955 г. в Гейдельберге (Германия) выходит «Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten» («Краткий словарь к древнецерковнославянским текстам», в латинской транскрипции) Л.Садник и Р. Айтцетмюллера, задуманный авторами как учебное пособие для чтения старославянских памятников.

Насущная необходимость в изучении и систематизированном описании лексики старославянского языка привела к созданию лексикографического издания, которое содержит весь словарный фонд старославянского языка в памятниках письменности древнейшего (IX—XII вв.) периода. Это «Slovník jazyka staroslověnského» («Словарь старославянского языка») в 4 томах, изданный в Праге в 1958—1997 гг. (переиздание — СПб., 2006). Его лексикографическая база включает 95 источников.

Имеется и сокращенный вариант этого словаря, подготовленный Славянским институтом Академии наук Чешской Республики и Институтом славяноведения Российской академии наук и опубликованный в Москве под названием «Старославянский словарь (по рукописям X—XI вв.)» под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой [сокращ. СС] (1-е изд. — 1994; 2-е, стереотип., — 1999). Его лексикографическая база включает 18 рукописей так называемого классического старославянского канона (X и XI вв.) разных по жанрам старославянских памятников сакрального содержания, таких как Евангелие, Апостол, Псалтырь, Евхологий, Служебник и др. Авторы систематизировали материал, представленный 10 000 лексем, употребленных более 300 000 раз. Сплошная выборка из всех 18 рукописей и учет всех случаев употребления лексических единиц в текстах (в словарной статье указывается количество употреблений каждой лексемы с перечислением памятников) создают обширную и надежную фактографическую базу для изучения старославянской лексики. Принципиальным отличием данного словаря от многих

других исторических словарей является включение в него имен собственных, а также описание валентности слов (**посмиꙗти сѧ комоу**, **чесомоу** или *без доп.*, **пристѫпити къ комоу**, **чесомоу**; **комь**, **чемь** или *без доп.*).

Данный лексикографический труд дает достаточно полное представление о лексической системе старославянского языка в целом, и с его выходом у лингвистов появился замечательный источник для новых исследований славянской лексики, хотя он включает не всю лексику старославянского языка указанного периода. Это издание является прекрасным справочным пособием для всех изучающих старославянский язык[1].

Старославянская лексика представлена не только в толковых и переводных словарях старославянского языка. Она занимает существенное место и в этимологических словарях. Для русистов первостепенное значение до сих пор имеет «Этимологический словарь русского языка» (1950—1958 гг.) немецкого ученого Макса Фасмера (1886—1963), который неоднократно переиздавался в переводе на русский язык и с дополнениями О. Н. Трубачева.

Современный этап развития славянского языкознания, характеризующийся, в частности, координацией усилий и созданием международных научных предприятий, в области славянской этимологии отмечен исследованиями, осуществляющимися в разных научных центрах. В четырех центрах идет работа над общеславянскими этимологическими словарями: «сравнительным» (СадникАйтцетмюллер, Грац/Австрия, с 1963 г.), «славянских языков» (Брно/Чехия, с 1973 г.), «праславянский лексический фонд» (Москва, с 1974 г.) и «праславянский» (Краков/Польша, с 1974 г.)[2]. Все указанные издания различаются концепцией, техникой и порядком издания.

Важным событием в лексикографической науке 2-й половины XX в. стало составление под руководством О. Н. Трубачева и публикация под его редакцией «Этимологического словаря славянских языков. Праславянский лексический фонд» (ЭССЯ). Подготовительная работа длилась более 10 лет, первый выпуск вышел в свет в 1974 г. (в 2012 г. вышел 38-й выпуск ЭССЯ)[3]. На сегодняшний день ясен круг основной праславянской лексики: общий объем ЭССЯ по его завершении будет превышать 25 000 слов

---

[1] См. также: *Крысько В. Б.* Маргиналии к «Старославянскому словарю»// Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 20—38.

[2] Подробнее о них см.: *Копечный Фр.* О новых этимологических словарях славянских языков // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 3—15; *Журавлев В. К.* Славянская компаративистика. Итоги и перспективы // Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка. М., 1980. Т. 39. Вып. 3. С. 242—251.

[3] Тома с 1-го по 30-й ЭССЯ выложены на сайте «Этимология и история слов русского языка» (etimolog.ruslang.ru) Института русского языка им. В. В. Виноградова.

(ср.: «Романский этимологический словарь» В. Мейера-Любка, описывающий лексический состав народной латыни — праязыка современных романских языков, содержит около 10 000 слов). Задача ЭССЯ — реконструкция праславянского словарного фонда: из отдельных слов, сохранившихся иногда во всех, иногда лишь в некоторых (даже в одном) славянских языках, складывается словарь того праславянского языка, на котором говорили славяне до их разделения на группы.

Старославянская лексика широко представлена в названном словаре, поэтому он является необходимым источником для изучения как отдельных старославянских слов, так и старославянской лексической системы в целом, дополняя существующие словари старославянского языка. Например, прилагательное **драгъ** в СС толкуется как ‘дорогой, драгоценный’, перен. ‘дорогой, милый’, в то время как ЭССЯ представляет значение ‘дорогой, милый’ как исторически первичное в общеславянском плане, а значение ‘дорогой (по цене)’ — как производное от него[1]. Какая из линий развития семантики более вероятна? Если учесть, что в значении ‘дорогой, драгоценный’ указанное прилагательное в старославянском языке входит в состав синонимического ряда **бесцѣньнъ — драгъ — мъногоцѣньнъ — чьстьнъ**, все слова которого отличаются ограниченной сочетаемостью и употребляются только по отношению к драгоценным камням, жемчугу, тканям, благовониям, представляется, что историческая интерпретация ЭССЯ соответствует и состоянию, зафиксированному старославянскими текстами.

От этимологии отдельного слова исследователи праславянского языка перешли к реконструкции целых групп слов, семантически взаимосвязанных, например терминов родства, ботанической терминологии, ремесленной терминологии и подобных. Предложенные Н. И. Толстым методы структурной реконструкции семантики дают реальную возможность реконструкции древнеславянской духовной культуры. Успехи же в реконструкции праславянского языка на всех ярусах языковой системы позволили поставить проблему реконструкции праславянского текста и праславянской модели мира (работы Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова).

Контрольные вопросы и задания

1. Какие группы лексики с точки зрения ее происхождения выделяются в старославянском языке?

---

[1] Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд/ Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1978. Вып. 5. С. 76—77.

2. Какова роль иноязычных заимствований в старославянском языке? Приведите примеры прямого заимствования и калькирования греческих слов.

3. Перечислите фонетические признаки заимствований в старославянском языке.

4. Как возникали слова-синонимы в старославянских памятниках?

5. Существовала ли тенденция к стилистической дифференциации словаря старославянского языка?

6. Что такое *гапакс*? Приведите примеры разных типов гапаксов в старославянском языке.

Практические задания[1]

Задание 1. Известно, что слово **тьмиꙗнъ** в старославянском языке было заимствованным, однако приняло форму, свойственную фонетической системе славянских языков. Определите его первоначальную форму и значение, а также источник заимствовпания.

Задание 2. Пользуясь фонетическим критерием, определите, какие из данных слов старославянского языка являются заимствованными:

аерьнъıи, аонагръ, ближика, вратарь, голъгоѳа, етиопѣни, иꙁбытъкъ, иѥмонъ, катапетаꙁма, кенътоурионъ, левьѥитъ, легеонъ, леоугитъ, мѵро, паропсида, страньнъıи, съребро, текˇтонъ, тетрархъ, фараонъ, фервáрь, ѵпокритъ.

Задание 3. Установите происхождение звуков, обозначенных буквами **щ** и **жд,** в следующих прилагательных и определите их значение:

вощанъ, можданъ.

Задание 4. Пользуясь словарем старославянского языка, найдите синонимы к прилагательному из словосочетания **риꙁа прапрѧдьна**.

Задание 5. Переведите на русский язык следующие устойчивые сочетания из старославянских памятников:

старьци людьсции, поѩти женѫ, поустити женѫ, коньць приѩти, плодъ сътворити, полагати памѧть, имѣти бѣсы, дѣꙗти коуплѭ.

Задание 6. Определите значение приведенных в предложении идиом:

1) **и поставить овьцѧ о деснѫѭ себе. а коꙁьлищѧ о шоуѭѭ;**

2) **пастъıрь добръı полагаетъ доушѫ своѭ ꙁа овьцѧ.**

Задание 7. Пользуясь словарем, определите, какое значение имели в старославянском языке приведенные ниже слова. Сравните их со значением данных слов в современном русском языке и прокомментируйте различия:

мамона, горькъ, лентии, полъ, дрѧꙁга, ведро, въꙁдати, село, нелѣпъıи, въскѫѭ, абиѥ.

Задание 8. Наречие **искрь** в старославянском языке значило ‘близ, подле’. Сделайте вывод о значении прилагательного **искрьнии** в старославянском и современном русском языках.

---

[1] При выполнении заданий пользуйтесь «Старославянским словарем» (СС) и этимологическими словарями (М. Фасмера и ЭССЯ).

Задание 9. Пользуясь словарем, определите, какое значение имели в старославянском языке следующие слова:

алкати, ашоутъ, вонꙗ, вънꙋшити, гробъ, лихоимьць, маститъ, обѧзати, одръ, отъкръвенъ, печаль, оплотъ, сѫпрѫгъ, творецъ, тети, ꙋшидь.

Задание 10. Определите значение слова **колѣно** в следующих контекстах:

1) **тъгда въсплачѫтъ сѧ вьсѣ колѣна землъскаѣ** (Мар.);

2) **приде къ н҄емоу прокаженъ молѧ і • і на колѣноу падаѩ** (Зогр.);

3) **сѫдѧще обѣма на десѧте колѣнома издраилевома** (Мар.).

Задание 11. Определите значение слова **ѩзыкъ** в следующих контекстах:

1) **и ѩзыкъ моі прілъпе грътані моемь** (Син.);

2) **и прѣідѫ отъ ѩзыка вь ѩзыкъ. и отъ ц҃ръства вь люді інъıе колѣнома излѣ҃ма** (Син.);

3) **осѫдѧтъ і на съмрьть • і прѣдадѧтъ і ѩзыкомъ** (Сав.).

Задание 12. Найдите в следующих предложениях однокоренные слова, определите их значение, объясните их связь:

ч҃къ етеръ ... въ разбоиникъı выпаде. їже съвлѣкъше и и ѣзвы възложьше на нь. отідѫ оставльше и елѣ жива (Асс.);

лиси ѣзвинъı імѫтъ і п'тицѧ небⷭ҇кꙑѩ гнѣзда (Зогр.).

Задание 13. Определите значение некоторых слов старославянского языка, утраченных современным русским языком, пользуясь в качестве ключа приводимыми однокоренными словами и выражениями, сохранившимися в современном русском языке:

варити (предварительный); **велии** (великий); **възьрѣти** (взор); **ꙁобати** (зоб); **проꙁѧбнѫти** (зябь); **кромѣщьнии** (кромка); **коуръ** (курица); **лѫка** (лукавый); **пробости** (прободение язвы).

Задание 14. Найдите старославянизмы в следующих предложениях:

1. Но вам в удел природа отвела брега бурливого Эолова владенья (И. А. Крылов);
2. Нечаянный хлад разлиялся в моих жилах (Радищев);
3. Какое имею право? Страждущее человечество (Радищев);
4. Моей души предел желанный! / Как часто по брегам твоим / Бродил я тихий и туманный, / Заветным умыслом томим! (Пушкин);
5. Смотрели грозно сквозь туманы / У врат Кавказа на часах / Сторожевые великаны! (Лермонтов);
6. В младенческих летах я мать потерял. / Но мнилось, что в розовый вечера час / Та степь повторяла мне памятный глас (Лермонтов);
7. Но мощь их давится безвременной тоской, / И рано гаснет в них добра спокойный пламень (Лермонтов);
8. Есть грозный суд: он ждет; / Он не доступен звону злата (Лермонтов);
9. Кажду ночь она в лучах / Путь проходит млечный (Лермонтов);
10. Коснется ль чуждое дыханье / Твоих ланит, / Моя душа в немом страданье / Вся задрожит (Лермонтов);
11. С тех пор как вечный судия / Мне дал всевиденье пророка, / В очах людей читаю я / Страницы злобы и порока (Лермонтов).

Задание 15. Определите, являются ли этимологически родственными следующие слова:

зеленый — желтый — золотой, дерево — здоровье, сесть — сажа, юг — ужин, груз — грязь, слава — соловей, невеста — ведьма, пес — писать, начало — конец, обычай — привычка, нож — заноза, сладкий — соленый, плод — племя, чаща — куст.

Задание 16. Сравните названия дней недели в старославянском языке и их современные русские соответствия. Объясните, каково происхождение этих слов.

понедѣльникъ, **въторьникъ**, **срѣда**, **четврътъкъ**, **пѧтъкъ**, **сѫбота** (**собота**), **недѣлꙗ**.

Задание 17. Установите происхождение слов *наперсник* и *сверстник*. Для этого используйте родственные им слова в сларославянских текстах:

1) **припаде къ ногама ста҃аго. и рѫкама своима биѭшти сѧ въ прьси въпиꙗше... горе мнѣ ꙗко жите ѥсмъ диꙗволе** (Супр.);

2) **приеметъ бо тѧ припадаѭща • приемъı тѧ на пръси възлегша** (Ен.);

3) **шесть на десѧте лѣтъ оубо со сѫштоу блаженоумоу врьстоѭ** (Супр.);

4) **отъметаеши бо сѧ родитель братриѩ женъı и дѣтеи... дроугъ и връстъ** (Евх.).

Задание 18. Объясните происхождение слов *азбука* и *алфавит*.

Литература

Абаев В. И. Сложные слова — хранители древней лексики // Вопросы языкознания. 1983. № 4.

Булич С. К. Церковнославянские элементы в современном русском литературном и народном языке. СПб., 1893.

Виноградов В. В. К истории лексики русского литературного языка (1927 г.) // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 12—34.

Винокур Г. О. О славянизмах в современном русском литературном языке (1947 г.) // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 443—459.

Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / за ред. О. С. Мельничука. Київ, 1966. С. 500—564.

Горалек К. Несколько замечаний о задачах сравнительно-исторической лексикологии // Славянское языкознание. М., 1959.

Григорьев А. В. Русская библейская фразеология в контексте культуры. М., 2006.

Достал А. Вопросы изучения словарного состава старославянского языка // Вопросы языкознания. 1960. № 6.

Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.

Мансветова Е. Н. Славянизмы в русском литературном языке XI—XX веков. Уфа, 1990.

Фразеологический словарь старославянского языка (проспект) / под ред. С. Г. Шулежковой. М.; Магнитогорск, 2006.

Хелимский Е. А. Ранняя славянская христианская терминология в венгерском языке // Хелимский Е. А. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М., 2000. С. 436–451.

Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.

Цейтлин Р. М. О старославянских словах, которых нет в рукописях старославянского языка // Этимология. 1975. М.; Наука, 1977.

Глава IV
СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Лексическая система языка постоянно изменяется, утрачивая уже имеющиеся слова и пополняясь новыми. Потребность в новых наименованиях вызвана и повседневной жизнью людей, и историческими или социокультурными событиями. Одним из важнейших средств обогащения словарного состава является словообразование. В результате словообразовательных процессов появляются новые лексические единицы, как правило, созданные по модели уже имеющихся в языке слов и при помощи определенных языковых средств.

Словообразовательную систему языка изучает раздел языкознания, который называется *словообразование*. Этот раздел языкознания занимается исследованием морфемной структуры слов (морфемика), способами их образования, а также словообразовательными средствами.

Словообразование тесно связано с лексикой, поскольку новые слова пополняют словарный состав языка. Кроме того, всякая лексическая единица входит в определенную лексико-семантическую группу. Многогранна и связь словообразования с грамматикой. Образующиеся новые слова всегда оформляются в соответствии с законами грамматического строя языка, т. е. как определенная часть речи с присущими ей грамматическими признаками.

Важность словопроизводства, или словотворчества, при описании языка проявляется и в том, что именно словообразовательные процессы отражают социально и культурно самое значимое в сознании народа. Как отмечают исследователи, «словотворческий акт определенным образом организует смысловое пространство языка, обусловливая отбор значимых фактов и устанавливая между ними связи»[1].

§ 38. Общие замечания о словообразовании

Значение словообразования для старославянского языка трудно переоценить. Своеобразный «словообразовательный взрыв» привел к появлению большого числа новых слов, новых понятий.

[1] *Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002. С. 11.

Однако старославянский язык представляет собой средневековый литературный язык, для которого характерна функциональная ограниченность и ограниченность круга его активных носителей (элитарность). Названные факторы, наряду с теми, которые были подробно охарактеризованы в главе «Лексика», не могут не отразиться на старославянском словообразовании.

Еще в 70-е гг. XX в. Р. М. Цейтлин предложила методику синхронного анализа *словообразовательных пар*. Однако опора на синхронный принцип анализа сильно ограничивает полноту описания, поскольку такое исследование словообразовательной морфемики требует доступа к лексическому фонду изучаемого языка во всей его полноте. Для старославянского языка не является исключением такая ситуация, когда в сохранившихся памятниках по каким-либо причинам отсутствует мотивирующее слово в словообразовательной паре, например, **искони** ‘с (самого) начала’ ← ***конь** (ж. р.) ‘предел, начало’, **говѧждь** (в Супр. **говѧжда жила** ‘плеть’; притяж. прил. псл. *govędj-) ← ***говѧдо** (псл. *govędo ‘бык’), **лъбьнъ** (в Евх. **мѣсто лобъноє** ‘лобное место’; относит. (!) прил.) ← ***лъбъ** (псл. *lъbъ ‘череп, голова’). Причастия-прилагательные **длъготрьпѧ**, **животворѧ** употребляются изолированно, т. е. в текстах не зафиксированы глаголы ***длъготрьпѣти**, ***животворити**[1]. Многие приставочные слова старославянского языка не имеют соответствующей производящей лексемы без приставки (**безълобьнъ**, **несамовольнъ**, **отлъстѣти** и **оутлъстѣти** ‘ожиреть’).

В 1980-е гг. болгарская исследовательница Р. Павлова попыталась расширить источниковую базу текстов для изучения старославянского словообразования путем привлечения материала древнерусских списков XI в. с утраченных старославянских протографов. Данный принцип исследования, позволяющий восстанавливать звенья лексической и словообразовательной систем старославянского языка, в настоящее время применяется многими славистами.

Рассматривая словообразовательные связи, не всегда удается точно установить, от какого производящего (мотивирующего) слова образовано то или иное старославянское производное слово: ср. прил. **зълобивъ** ‘злой’ и гл. **зълобовати** ‘причинять зло’ и **зълобити** ‘порочить, унижать’ могли образоваться от сущ. **зълоба** ‘скверность, пакость, все плохое’ или от **зълобь** ‘скверность’. Сомнения могут возникнуть и в отношении возможного способа словообразования, например: **припѫтьнъ** ‘придорожный’ ← **пѫтьнъ** (в Супр. отмечено в устойчивом сочетании **шьствиє пѫтьноє** ‘путешествие’) или **припѫтьнъ** ← **при пѫти**?

[1] Глагол отмечается в более поздних церковнославянских памятниках русского извода: ср. [**бг҃ъ**] ... **насъ свѣтъмь веселить • насъ животворить • насъ грѣеть** (Слово Иоанна Златоуста; Успенский сборник XII—XIII вв. / под ред. С. И. Коткова. М., 1971).

Особенность функционирования старославянского языка как языка переводов с греческого предполагает активное использование языка греческих оригиналов. В. С. Ефимова считает, что при исследовании лексической и словообразовательной систем старославянского языка греческий язык должен считаться не вспомогательным, а обязательным средством для анализа фактов, поскольку «важной особенностью старославянского словообразовательного механизма являлась возможность непосредственной включенности в словообразовательный процесс слов греческих оригиналов»[1]. Например, можно предположить, что гапакс **ѳѵмиꙗтосьн҃ь** ‘кадильный, из кадильницы’ в старославянском языке был образован с помощью продуктивного суффикса **-ьн҃-** непосредственно от греческого слова θυμιατός, поскольку соответствующего производящего имени в текстах не зафиксировано. В старославянских рукописях не зафиксировано слово ***цѣломѫдръ**, хотя около десятка лексем являются производными от него: **цѣломѫдриѥ** ‘здравомыслие, сдержанность’, **цѣломѫдрость**, **цѣломѫдрьнъ**, **цѣломѫдрьствиѥ**. По-видимому, это кальки непосредственно с греческих слов σωφροσύνη, σώφρων.

Словообразование, как и словарный состав, должно изучаться на основе антропоцентрического подхода, так как «словообразовательный акт возможен лишь тогда, когда он логически мотивирован потребностями человека, в основе которых лежат его ценностные ориентации»[2]. Именно данным обстоятельством Т. И. Вендина объясняет словообразовательную «непроработанность», например, соматической (называющей части тела) лексики, представленной в основном непроизводными именами, — это типичное для Средневековья отсутствие интереса к человеку как существу физическому.

Словообразование, как считал Л. В. Щерба, изучает производные слова в динамическом («как делаются») и в статическом («как сделаны») аспектах, отсюда два раздела словообразования: диахронический и синхронический (синхронный), хотя некоторые исследователи считают, что словообразование всегда диахронно. Несмотря на усиление в последнее время внимания к диахроническому (историческому) словообразованию, нельзя не констатировать, что синхронное словообразование разработано более обстоятельно: имеются как обобщающие описания системы, основанные на единой теории, так и конкретные исследования отдельных ее участков, а также словообразовательные и морфемные словари и учебники, отражающие современный уровень развития теории словообразования.

---

[1] *Ефимова В. С.* Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006. С. 10

[2] *Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. С. 27.

Словообразование старославянского языка как сложная система, сформированная под влиянием многообразных исторических и эволюционных факторов, до сих пор во всей полноте не изучена, а соответствующий раздел в учебниках обычно отсутствует. Серьезного изучения требуют такие аспекты, как изменения в морфемной структуре слов по направлению от индоевропейского языка к старославянскому, процессы образования слов в связи с переводом книг с греческого языка, классификация морфем (особенно аффиксальных) — какие из них появились в праславянском языке и были унаследованы старославянским языком, а какие появились уже в старославянском языке[1], и др.

Учитывая сложности, возникающие при изучении старославянской словообразовательной системы, в настоящей главе авторы будут придерживаться традиционного констатирующего способа изложения языковых фактов.

§ 39. Основные понятия словообразования

Словообразовательный тип — это общий отвлеченный образец, по которому построен ряд мотивированных слов. Слова одного типа характеризуются общностью части речи производящих (мотивирующих) слов и формантом, тождественным в материальном и семантическом отношениях. Показательным примером являются существительные отвлеченных значений:

сущ. **безбожьство** ‘безбожие’ ← предл. **без** + сущ. **богъ**, **бесъмрьтьство** ‘бессмертие’ ← предл. **без** + сущ. **съмрьть**;

сущ. **боуиство** ‘неразумность’ ← прил. **боуи** ‘неразумный, неумный’, сущ. **мѫдрьство** ‘мудрость, рассудительность’ ← прил. **мѫдръ** ‘мудрый, рассудительный’, сущ. **безоучьство** ‘бесстыдство, нахальство’ ← прил. **безокъ** ‘безглазый, нахальный’;

сущ. **дъıханиѥ** ‘дыхание, дуновение’ ← гл. **дъıхати** ‘дышать, дуть’, сущ. **зъваниѥ** ‘зов, крик’ ← гл. **зъвати** ‘восклицать, звать’, сущ. **изношениѥ** ‘вынесение’ ← гл. **износити** ‘выносить’, сущ. **напаꙗниѥ** ‘орошение’ ← гл. **напаꙗти** ‘поить’, сущ. **томлѥниѥ** ‘мучение’ ← гл. **томити** ‘мучить’, сущ. **точениѥ** ‘истечение, излияние’ ← гл. **точити** ‘точить, источать (по капле)’;

сущ. **дрьзость** ‘смелость’ ← прил. **дрьзъ** ‘смелый’, сущ. **радость** ‘радость, веселье’ ← прил. **радъ** ‘рад’;

сущ. **нищета** ‘бедность, нищета’ ← прил. **нищь** ‘бедный, нищий’, сущ. **скорота** ‘скорость, быстрота’ ← прил. **скоръ** ‘скорый, быстрый’.

---

[1] Например, существуют две точки зрения на суффикс -*тель*, который рассматривается либо как общеславянский суффикс, свойственный всем славянским языкам, либо как собственно старославянский суффикс.

Словообразовательное значение — это семантическое отношение производного слова к производящему, выраженное языковыми средствами внутри слова. Оно занимает промежуточное положение между лексическим и грамматическим значениями. В качестве примеров типичных для старославянского языка словообразовательных значений можно назвать «лицо, совершающее действие, названное производящим словом» (с суффиксом **-тель**, **-ьць**: **дѣлатель**, **льстьць**), или «внешний интенсивный признак, названный производящим словом» (с суффиксом **-ат-**: **рогатъ**, **сѫкатъ** 'сучковатый'). Одно и то же словообразовательное значение может быть выражено разными средствами. С этим связано такое явление, как синонимия суффиксов: **бестоудьникъ — бестоудьць** 'бесстыдник', **величиѥ — величьство**, **врачьба — врачьство**, **одѣꙗло — одѣꙗниѥ**, **побѣдитель — побѣдьникъ**, **правость — правота**.

Однокоренные слова определенным образом организуются в группы, называемые *словообразовательными гнездами*. Количество лексем, входящих в состав гнезда, варьируется от единичных производных (**оуста** 'рот, губы' *только мн. ч.* → **оустатъ**, **оуста** → **оустьна** 'губа, рот', **оуста** → **оустити** 'подстрекать, подговаривать' → **наоустити** 'подучить, подстрекнуть' и **пооустити** 'побудить, понудить', **пооустити** → **пооустьнъ** 'бодрый' и **пооущениѥ** 'усердие, готовность') до десятков, образующих разветвленные схемы: например, словообразовательное гнездо с базовым существительным **вѣра** насчитывает 30 лексем, с глаголом **бити** — 39, с глаголом **рещи** — 64. По наблюдениям Р. М. Цейтлин, более 2/3 старославянских слов образуют немногочисленные по количеству входящих лексем словообразовательные гнезда (в терминологии исследовательницы — *лексико-семантические группы по общему корню*).

§ 40. Основные словообразовательные средства

Словообразовательные (*морфологические*) *средства* служат для передачи словообразовательного значения.

1. Основным словообразовательным средством в старославянском языке является *аффикс*.

В старославянских словах встречаются так называемые первичные (в основном одно- и двуфонемные) праславянские (индоевропейские по происхождению) многозначные аффиксы, например суффиксы -l-, -k-, -r-, -t- и др.: **дѣло** < псл. *dělo ← *dē-tei (ср. рус. *деть*, в ст.-сл. только **дѣꙗти**), **крѣпъкъ** 'сильный' < псл. *krěpъkъ ← *krēp- (ср. ст.-сл. **крѣпъ** 'сильный', **крѣпость**), **мокръ** < псл. *mokrъ ← *mok- (ср. ст.-сл. **омочити** 'смочить', **омакати** 'смачивать'), **стадо ← стати** (ср. *stā-d-o ← *stā-tei), **стѣна ← стоꙗти**

(вокализм корня разошелся вследствие монофтонгизации дифтонга; ср. *stai-n-ā ← *stai-ā-tei).

Некоторые из таких аффиксов в период создания старейших переводов уже не вычленялись, например в словах **брада** < псл. *bard- ← и.-е. *bʰar- 'торчать'; **мѫдръ** < псл. *mandr- (ср. лит. *mandrùs* 'бодрый') ← и.-е. *mend⁽ʰ⁾ 'прилагать умственные усилия', **тврьдь** (ср. **творити**, **творьць**), **цѣна** (ср. **каıати сѧ**). Особую роль в праславянском языке играли аффиксы *k и *n, которые, соединяясь с предшествующим им тематическим гласным, давали суффиксы **-ьк-**, **-ьц-**, **-иц-**, **-ък-**, **-ок-**, **-ьн-**, **-ен-**, широко использовавшиеся в именном словообразовании.

Широкое распространение получили сложные суффиксы (суффиксальные образования), например **-тел҄ь**, **-ник**, **-тик**, **-ость**, **-ьство**, **-ьствик**, **-изна**, **-иньск-** и др., функционировавшие с ограниченным кругом значений и называющие в основном лиц и отвлеченные понятия (действия, состояния, качества и т. п.). Они производны от первичных суффиксов, представляя результат их редупликации или интеграции: **-ьство** и **-ик** → **-ьствик** (**невѣрьство** / **невѣрик** → **невѣрьствик**); **-ин-** и **-ьск-** → **-иньск-** (**сотониньскъ**). Эти словообразовательные форманты имели общеславянскую основу, но — что вполне закономерно — частотность их велика именно в книжной речи, требовавшей разнообразных слов для передачи отвлеченных понятий религиозного и философского характера. Бо́льшая продуктивность подобных словообразовательных средств в книжном тексте по сравнению с живой славянской речью привела к тому, что их стали воспринимать как собственно старославянские. В дальнейшем, переписывая уже существующие богослужебные тексты-образцы или переводя новые, древнеславянские писатели широко использовали подобные языковые формы как определенное жанрово-стилистическое средство.

Основная масса приставок старославянского языка восходит к праславянскому периоду (ср. гот. in — греч. ἐν — псл. *un — ст.-сл. **въ(н)**) и по своему происхождению связана с предлогами и частицами, ср.: **въ оухо** — **въ оушию** (**въ ноушию**) 'в [обоих] ушах' — **въоушити** (**въноушити**) 'услышать'; **до съмрьти** — **доводител҄ь**; **отъ горы** — **отъдати** — **отърасль** 'побег, отросток'; **при дворѣ** — **пришьльць** — **приморик**; **не бъıстъ** — **небытик** и т. п. В отдельных случаях осуществлялось формирование приставки на базе полнозначных слов: **низъ**[1] 'вниз' — **низъвѣсити** 'спустить', **низъпасти** 'упасть'. Чем ближе префиксы к наречиям, из которых образовались, тем они семантически определеннее.

[1] Наречие **низъ**, которое сблизилось с приставками, отличалось от других приставок и предлогов на **-з-** (**из-**, **без-** и т. п.) тем, что исконно имело на конце редуцированный гласный.

Наличие или отсутствие редуцированного на конце предлога (приставки) могло приводить к изменениям в морфемной структуре слова. Так, считается, что праславянская приставка *ot- изначально не имела редуцированного на конце, поэтому перед шумными согласными ее конечный согласный отпадал (**оходьникъ — ошьльць** ‘отшельник’, **ошьствиѥ**), что создавало омонимию с приставкой **о**-, которая возникла из *ob- в результате утраты /b/ перед согласным корня[1]: ср. **оходити** ‘отходить, уходить’ (< *otxoditi) и **охоулити** ‘опозорить, осрамить’ (< *obxuliti), **охѫпити** ‘обнять’ (< *obxǫpiti; ср. **похѫпити** ‘обнять’). Приставка *o (< *ob-) могла получать самостоятельный статус и появляться там, где не было условий для выпадения *b: ср. **оимъ** ‘воин’ (< *o-jьm-ъ ‘охватывающий, захватывающий’), при закономерном **обьмъ** (ср. **сии сѫтъ обьмъшии нашѫ странѫ** (Супр.) ‘это [люди] захватившие нашу страну’). Однако согласный в приставке *ot- мог восстанавливаться *до падения редуцированных* при развитии /ъ/ на конце по аналогии с приставками *vъ-, *kъ-, *sъ-, *podъ- (ср. **отъльчьнъ**) или *после падения редуцированных*, когда оказались возможны многие ранее запрещенные сочетания согласных, в результате чего возникали варианты лексем **окрыти — отъкрыти**, **ошьльць — отъшьльць**.

Учитывая исторические изменения в структуре слова, следует отметить утрату некоторых старых приставок: именная приставка **па**- в некоторых словах уже в старославянском языке не выделяется (**памѧть**). Такое явление носит название *опрóщения*. Понятие опрощения ввел в научный оборот В. А. Богородицкий, определив его следующим образом: «Опрощением называется морфологический процесс, посредством которого слово со сложным морфологическим [морфемным] составом утрачивает значение отдельных своих морфологических частей и становится простым символом данного представления. Так, например, слова „вкус“ (ср.: *кус-ать*, *кус-ок*), „забыть“ и т. п. имеют только целостное значение и морфологический состав этих слов (*в-кус*, *за-быть* и т. п.) уже не чувствуется. Таким образом, при опрощении связь с родственными ему словами утрачивается, вследствие чего оно обособляется от них»[2]. В современном русском языке, например, не выделяется именная приставка, соотносительная со старославянской **сѫ**- (рус. *сосед* — ст.-сл. **сѫсѣдъ**, рус. *сугроб* — ст.-сл. **сѫгробъ**, рус. *супруг* — ст.-сл. **сѫпрѫгъ** ‘пара волов’).

Большинство аффиксальных морфем, используемых при образовании старославянских слов, являются исконными — праславян-

[1] Отметим, что имелся вариант приставки и с редуцированным /ь/ **обь**-: **обьстоꙗти** ‘обступать, осаждать’: ср. **обьстоıмъ воı ıмл҃мъ** (Лк. 21: 20 Зогр.) ‘обступаемый войсками Иерусалим’.

[2] *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935. С. 99—100.

скими, индоевропейскими. К числу заимствованных аффиксов исследователи относят, например, суффикс существительных со значением лица **-чии** предположительно тюркского происхождения: **корабьчии** ‘корабельщик’, **самъчии** ‘начальник’, **шаръчии** ‘живописец’.

Важное значение имеет решение вопроса о роли аффиксальных морфем, например суффиксов **-ние**, **-тие**, **-ость**, **-ьство**, **-ьствие**, **-тель**, **-изна**, префиксов **из-**, **прѣ-**, **прѣдъ-**, **чрѣзъ-**, других словообразовательных средств, используемых древнеславянскими писателями при переводе богослужебных и других текстов христианского вероучения и при переписывании текстов-образцов и осознаваемых ими как принадлежность определенных жанрово-стилистических разрядов.

2. *Сложение* представляет собой образование нового слова путем объединения в одно целое двух или нескольких основ. Сложения в древних индоевропейских языках составляли значительную и характерную часть словарного состава. Сложение было особенно продуктивно в образовании имен.

Структура подобных слов в первых славянских письменных памятниках была следующей: имя +, как правило, соединительный гласный *о/е* + отыменное или отглагольное образование (с суффиксом или без него): **богоносьць**, **водоносъ** ‘сосуд для воды’, **воевода**, **кротолюбьць** ‘миролюбивый человек’, **листопадъ** ‘октябрь’, **милосрьдие**, **милосрьдьнъ**, **милосрьдовати**, **побѣдотворьць**, **трьсвѧтъ**.

Сложные слова (*композиты*), благодаря объединению в одной лексеме сем составляющих слов, представляют собой необычайно интересные с точки зрения выражаемого значения единицы: **бѣлоризьць** ‘мирянин’, **законодавьци** ‘законодатель’, **самодѣльникъ** ‘виновник’, **жестоколѣганьникъ** ‘ложащийся на жесткое ложе’ (ср. **мѧкъколѣгание** ‘лежание в мягкой постели’).

3. Особым морфологическим средством, встречающимся в самых разных индоевропейских языках и играющим в них значительную роль, следует считать *чередование* гласных в корневой морфеме, *аблаут* (см. § 24). Основная схема аблаута содержит пять ступеней, которые возникали на разных этапах развития индоевропейских языков и разными путями, однако не каждый корень, где имеется такое чередование, представлен всеми ступенями чередования: **по{греб}ѫ** — **{гроб}ъ** — **по{грѣб}ати** — **{граб}ити**, **{бьр}ати** — **съ{бир}ати** — **съ{бор}ъ** — **{брѣ}мѧ**, **сѫ{сѣд}ъ** — **{сажд}а**.

Морфонологический характер подобных чередований отчетливо проявляется в определенных словообразовательных моделях, характерных для старославянского языка, например образование имени от соответствующего глагола: **съ{бер}ѫ** → **съ{бор}ъ**, **{вез}ѫ** → **{воз}ъ**, **{нес}ѫ** → **{нос}ъ**, **{греб}ѫ** → **{гроб}ъ**.

В старославянском языке аблаут использовался при образовании *итерати́вных глаголов*, которые уже античные грамматики

описали как формы, обозначающие то, что происходит многократно (лат. *dico* 'говорю' / *dictito* 'многократно говорю'): **въложити — вълагати, гнести — оугнѣтати, погрети (погребѫ) — погрѣбати, хътѣти — хытити**. Наряду с суффиксом основы инфинитива **-а-**, характеризующим подобные глаголы (ср.: **направити — направлꙗти, оуправити — оуправлꙗти**), наблюдается последовательное удлинение корневого гласного (ср.: **проводити — проваждати, възьрѣти — взирати, съплести — съплѣтати, съзъвати — съзывати**). По мнению компаративистов, удлинение корневой гласной в глагольных итеративных основах относят к поздней эпохе, т. е. к истории отдельных индоевропейских языков[1].

Чередование, восходящее к индоевропейскому языку-основе, в старославянском языке указывает также на соотношение отдельных форм, в основном глагольных. Например, ступень редукции характеризует формы повелительного наклонения (**рещи — рьци, пещи — пьци**; см. § 77), ступень удлинения — формы архаического сигматического аориста **вести — вѣсъ, бости — басъ**; см. §75) и объектно-субъектного выражения действия (**бъдѣти — боудити, сѣдѣти — садити**) и др.

4. Так же, как и другим индоевропейским языкам, славянским языкам свойствен *супплетиви́зм*, или сплетение основ, когда формы одного слова образовывались от разных основ. Принято считать, что в языке данное явление свойственно древнейшему лексическому пласту: инф. **быти** — 3 ед. **ѥстъ** — 3 мн. **сѫтъ**, инф. **ити** — прич. **шьдъ**; личн. мест. 1 л. **азъ** 'я' — **мене** 'меня' — **мьнѣ** 'мне', прил. **малъ** 'маленький' — сравн. **мьнии** 'меньший', прил. **великъ** 'большо́й' — сравн. **болии** 'бо́льший' и др.

В некоторых случаях далеко разошедшиеся в результате фонетических изменений корни также могут рассматриваться как проявление супплетивизма: ср. **гънати** 'гнать' — **женѫ, женеши** 'гоню, гонишь' (< и.-е. $*g^{wh}\d{n}$-/$*g^{wh}en$-; ср. лит. *giñti* — *genù* 'гнать, выгонять (скот)').

§ 41. Основные способы словообразования

Для старославянского языка справедливо утверждение, что именно словообразовательный механизм в первую очередь обеспечивает его лексическую систему разнообразием слов и в значительной мере способствует пополнению словаря. Естественно, что новые слова создаются на базе готового лексического или морфемного материала по аналогии со строением имеющихся слов.

---

[1] *Савченко А.Н.* Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974. С. 151.

Основными способами словообразования в старославянском языке являются *морфемный* (*морфологический*) и *неморфемный* (*синтаксический* и *лексико-семантический*), различающиеся в зависимости от используемых словообразовательных средств.

1. Под морфемным способом образования понимают такую формальную операцию, в ходе которой одна, две (или несколько) исходных лексических единиц преобразуются в одну новую.

1.1. Основным способом морфологического словообразования является *аффиксация*. Большинство производных слов старославянского языка представляют собой результат присоединения к производящему слову словообразовательных аффиксов — суффиксов и приставок.

1.1.1. *Суффиксальный способ* словообразования: **богатъ** ← **богъ**, **простость** ← **простъ**, **чьстьнъ** ← **чьсть**.

В языке старейших славянских памятников исследователи выделяют около 100 суффиксов, большинство из которых являются праславянскими по происхождению и общеславянскими по распространению.

1.1.2. *Приставочный* (*префиксальный*) *способ* словообразования: **възѧти** ← **ѩти**, **нанѣмь** ‘косноязычный; нескл. прил.’ ← **нѣмъ**, **праотьць** ← **отьць**, **припѫтьнъ** ← **пѫтьнъ**, **прискръбьнъ** ← **скръбьнъ**.

Приставки, которых в старославянском языке насчитывается около 30 (**въ-**, **въз-**, **вы-**, **до-**, **за-**, **из-**, **на-**, **надъ-**, **не-**, **ни-**, **о-** (**об-**), **отъ-**, **па-**, **по-**, **подъ-**, **пра-**, **при-**, **про-**, **прѣ-**, **прѣдъ-**, **раз-**, **съ-**, **сѫ-**, **оу-** и некоторые другие), уточняют значение следующего за ним корневого элемента слова. Некоторые слова с приставками не имеют соответствующих лексем без приставки.

1.1.3. *Приставочно-суффиксальный* (*конфиксальный*) *способ* словообразования: **бездъниѥ**, **бесплътьнъ**, **бесправьдиѥ**, **въскрилиѥ**, **подъгориѥ**, **помориѥ**, **приториѥ**, **прѣдъстолиѥ**, **распѫтиѥ**, **ѫдолиѥ** ‘долина’. Используется в старославянском словообразовании преимущественно для создания имен. Предполагают, что данный способ возник на основе калькирования греческих лексем и со временем стал необычайно продуктивным.

Продуктивность словообразовательных аффиксов, использовавшихся в старославянском языке, различна. Если словообразовательные типы имели схему формально-семантического строения производных слов, которая служила моделью для образования новых слов, то аффикс был *продуктивным*. К числу наиболее продуктивных относят, например, суффиксы существительных **-ниѥ** (при образовании девербативов типа **оправьданиѥ**, **осѫждениѥ**), **-ьць** (при образовании слов со значением лица типа **сѣчьць** ‘палач’); суффиксы прилагательных **-ьн-**, **-ьск-** (**животворьнъ**, **демоньскъ**) и др. Некоторые аффиксы, наоборот, встречаются в ограниченном числе слов, ср., например, именной суффикс -р-: **бъдръ** (← **бъдѣти**),

хътръ (← **хытити**); **даръ** (← **дати**), **жиръ** 'пастбище' (← **жити**), **пиръ** (← **пити**); приставки **па-** (**пагоуба**), **сѫ-** (**сѫсѣдъıни** 'соседка'), **ѫ-** (**ѫдолие** 'долина').

Для целого ряда старославянских слов приходится признать возможность двойной мотивации: прилагательные типа **бесъмрътьнъ**, **бесплътьнъ** могли образоваться от существительных **съмрьть**, **плъть** приставочно-суффиксальным способом или от прилагательных **съмрътьнъ**, **плътьнъ** приставочным способом, прилагательные типа **льстивъ**, **чьстивъ** могут быть мотивированы как существительными **льсть**, **чьсть**, так и глаголами **льстити**, **чьстити**, которые сами образованы от существительных **льсть**, **чьсть**.

1.1.4. Особую группу составляют слова, образованные морфологическим способом, но не имеющие формально выраженных словообразовательных средств. Такой способ называют *безаффиксным* (*бессуффиксным*): ср. сущ., образованные от глаголов, — **вѣдь** 'знание', **гонъ**, **звонъ**, **кръма** 'пища' (у этого слова есть омоним **кръма** 'корма'), **прикоупъ** 'прибыль, польза', **пронъıръ** 'вероломство', **распонъ** 'крест (как орудие казни)', **сълъ** 'посланец', **хоть** 'любовник'. Если взглянуть на данную модель в диахроническом плане, т. е. с точки зрения ее праславянского прототипа, то можно заметить, что любое существительное имело кроме корневой и флективной еще и суффиксальную морфему, например **звонъ** < *zvon-o-s. Утрата суффиксов объясняется различными фонетическими и морфологическими процессами.

1.2. К морфологическим способам образования слов относится и *сложение*. Установлено, что в старейших славянских рукописях сложным (в подавляющем большинстве случаев двухосновным) является каждое 16-е слово.

Многие сложные слова (компóзиты) являются праславянскими образованиями: **громъгласъ**, **дрѣводѣлꙗ**, **маловѣръ**, **маломощь**[1], **многъкратъı**, **простовласъ**, **рѫковѧть**, **чловѣкъ**. Такие композиты появились в результате сложения двух исконно славянских корней: **любодѣи** ← **любъı** + **дѣꙗти**. Многие древние сложения не имеют соединительного гласного: **плодътворение**, **пѧтьдесѧтьнъ**, **трьгоубити**, **трьзѫбьць**.

В отдельных случаях при образовании сложного слова новая единица уже в дописьменную праславянскую эпоху претерпела изменения, которые затемнили его этимологию: в словах **господь** 'хозяин (принимающий) чужестранцев' < псл. *gospodь[2] < *ghost-

[1] Данное слово трактуется в научной литературе по-разному, но мы, вслед за ЭССЯ, будем рассматривать его как славянское сложение *malъ и *mogt'ь (ЭССЯ. М., 1990. Вып. 17. С. 169).

[2] Незакономерное озвончение конечного *t > *d, возможно, имело место в ранний праславянский период и было связано с изолированностью основы (см.: ЭССЯ. М., 1980. Вып. 7. С. 62).

pot-i-s (ср. лат. *hospes*, Р. ед. *hospitis* 'хозяин') и **невѣгласъ** 'невежда' < псл. *ne-vēd-gals-u < *ne-vēd-gols-o-s произошли фонетические изменения, изменившие вид первого корня этих сложений.

Незначительное количество композит могло возникнуть и в результате калькирования слов германского происхождения; хронологически их обычно относят к дописьменному периоду славянских языков: **виноградъ** (← гот. weinagards 'виноградник'), **врътоградъ** (← гот. aúrtigards 'сад, огород').

Чаще всего старославянские композиты соответствуют греческим сложным словам, что абсолютно естественно при переводе текстов с греческого оригинала: μεγαλοπρεπής — **вельлѣпъ**, μεγαλοπρέπεια — **вельлѣпота**, οἰνοδοσία — **винодатиѥ**, ψυχοφθόρος — **доушегоубьнъ**, φιλόπτωχος — **любонищь**, ψευδομαρτυρία — **лъжесъвѣдѣниѥ**, πρωτόπλαστος — **прьвозьданъ**.

Калькирование в старославянском языке представляло достаточно сложную словообразовательную процедуру и вместе с тем настолько важную, что ее необходимо тщательно исследовать как неотъемлемую часть славянского словообразовательного механизма.

Процессы калькирования сыграли важную роль в системе славянского словообразования, выступив катализатором образования сложных слов по образцу калек, но уже на собственном материале: к подобным новообразованиям относится, например, лексема **иносъказаѥмъ**, и морфологически, и семантически отличающаяся от остальных сложных слов с первой частью **ино-** (типа **иноплеменьникъ**). Наряду со словом **потокъ** в текстах старославянских памятников появляется **водотѣчь** (Супр.) — славянское образование. Показательным является употребление гапакса **кровоточениѥ** (Сав.): в других памятниках ему соответствует словосочетание **течениѥ кръви (кръве)**. Появление новообразований типа **водотѣчь**, **иносъказаѥмъ**, **кровоточениѥ** свидетельствует о том, что данный способ словообразования приобретает все большее распространение на славянской почве, подобные слова передают «аромат эпохи», представляя типологическую особенность славянского литературно-письменного языка.

Разнообразие приемов (словообразовательные кальки, семантические кальки, псевдокальки) свидетельствует об определенных трудностях в интерпретации сложных слов старославянских текстов. Интересна в этом отношении трактовка лексемы **лицемѣръ**. А. Мейе считал, что оно калькирует слово германского происхождения с тем же значением — др.-в.-н. līhhazāri. ЭССЯ дает реконструкцию исконной формы этого слова как *licemě̄nъ с последующим изменением вследствие «народной этимологии»[1]. А Р. М. Цейтлин полагает, что данное слово является удачным изобретением Константина-Кирилла для перевода греческого ὑποκριτής, поскольку

[1] ЭССЯ. М., 1988. Вып. 15. С. 79.

его вторая часть представляет непроизводную глагольную основу, характерную для исконно славянских сложных слов.

2. Процесс деривации может протекать таким образом, что в нем не оказывается задействованным ни одно из словообразовательных средств, указанных выше. В отличие от морфологического такие способы носят названия синтаксического и лексического.

2.1.1. Если в процессе деривации одна лексическая единица разделяется на две, такой способ называют *синтаксическим* способом словообразования, который нашел свое выражение в так называемом переходе слова из одной части речи в другую. Разновидностями синтаксического способа словообразования являются:

— *субстантивация* (переход прилагательных и причастий в существительные): **дѣлаѭи** ‘работник’, **живꙑи** ‘житель’, **отълѫчивꙑи сѧ** ‘отступник, раскольник’, **пагоубьнꙑи** ‘губитель’, **плътьнꙑи** ‘человек’, **повиньнꙑи** ‘должник’, **поустꙑньнꙑи** ‘отшельник, пустынник’, **хранѧи** ‘сторож’; **мѧкъка** (с. р. мн.) ‘мягкая одежда’, **небесьнаꙗ** (с. р. мн.) ‘небо’;

— *адвербиализация* (переход разных частей речи в наречия): **вътаинѣ**, **домови**, **зади**, **зимѣ**, **по пророчьскоумоу**, **тѧжько**.

Что касается *адъективации*, т. е. перехода причастий в прилагательные, то следует признать сложность трактовки старославянского состояния: прил. → прич. или прич. → прил.: **брашьно гъблѭштее** ‘пища тленная’, **тельць оупитѣнъ** ‘теленок откормленный (на убой)’. Связано это с тем, что в праславянском языке древние и.-е. отглагольные прилагательные на базе глагольных категорий времени и залога постепенно превращаются в причастия (см. главу «Морфология»), в отличие от современного языка, где имеет место адъективация, т. е. переход причастий в прилагательные.

2.1.2. Новое слово (или форма) может возникнуть путем *сращения* в одно слово двух или более лексических единиц: **без** + **дъна** > **бездъна**; **за** + **оутра** > **заоутра**; **имь** + **же** > **имьже** ‘потому что, поэтому’; **ис** + **прьва** > **испрьва** ; **къ** + **то** > **къто**, **къ** + **и** > **къи**; **пакꙑ** + **бꙑтиѥ** > **пакꙑбꙑтиѥ** ‘будущая жизнь’ и др. В результате сращения краткой (именной) формы прилагательного с постпозитивным указательным местоимением (членом) появились полные (членные) формы прилагательных: ср. **добръ** ‘добрый’ + **и** ‘тот’ > **добръи** (>**добрꙑи**), **добра** ‘добрая’ + **ꙗ** ‘та’ > **добраꙗ**, **добро** ‘доброе’ + **ѥ** ‘то’ > **доброѥ** (см. § 61).

В истории славянского словообразования наблюдается такое интересное явление, как взаимодействие сращения и сложения, состоящее в морфологическом осмыслении и преобразовывании слов-сращений по типу существующих в языке морфемных композит. Например, по старославянским памятникам можно представить историю слова *лжесвидетель* и однокоренных ему, которые со временем являют собой уже результат морфологического

переосмысления приведенных сращений: **не лъжь съвѣдѣтель бѫди** (Мар.) 'лживым свидетелем не будь' (здесь **лъжь** 'лживый' — прил. И. ед.) → **не лъжі съвѣдѣтель бѫди** (Асс., Сав.) 'лжи свидетелем не будь' (здесь **лъжі** — Д. ед. сущ. **лъжа**) → **не лъжесъвѣдѣтель бѫди** (Зогр.) 'лжесвидетелем не будь' (здесь **лъже-** — часть сложного слова с соединительным гласным **-е-**); **не лъжѧ съвѣдѣтельствоуи** (Мар.) 'не подтверждай ложных сведений (лжи) = не лжесвидетельствуй' (здесь **лъжѧ** — В. мн. сущ. **лъжа** 'ложь') → **мъноѕи бо лъжесъвѣдѣтельствовааХѫ на нь** (Мар., **лъжи-** Зогр.) 'ибо многие лжесвидетельствовали на Него' (здесь **лъже-** — часть сложного слова с соединительным гласным **-е-**).

Довольно сложной задачей является разграничение *сложений* и *сращений* старославянского языка. Чаще всего трудности в интерпретации возникают с гапаксами, так как имеющегося материала недостаточно для точного определения, сложение ли это основ (корней) или сращение целых слов, входящих в состав словосочетания. Для отдельных моделей, например для глагольных композит с первой частью **благо-**, **добро-**, данный вопрос был решен в пользу сращения: **благовѣщати** ← **благо** + **вѣщати**, **добротворити** ← **добро** + **творити**. В отличие от других сращений (**домаживьць** 'туземец', **мимогрѧсти** 'проходить (мимо)', **мимоити**) они были созданы по греческим моделям.

2.2. Суть *лексико-семантического способа* словообразования состоит в том, что новые слова образуются в результате изменений в смысловой стороне слова, разные значения одного и того же слова превращаются в разные слова. Данный процесс часто начинается с процесса метонимизации, метафоризации какого-либо значения слова, ср.: **зьданиѥ** 'сотворение, создание' → 'здание, постройка'[1]; **колѣно** 'колено' → 'племя, поколение'; **кровъ** 'крыша, кровля' → 'охрана, покровительство'; **село** 'поле' → 'место поселения, двор' → 'жилище'; **тишина** 'спокойствие, тишина' → 'штиль, спокойное море' → 'убежище, тихая пристань' и т. п. Со временем процесс семантического словообразования может привести к расщеплению слова на омонимы.

§ 42. Словообразование частей речи

Одной из тенденций развития грамматической системы славянских языков была все бóльшая дифференциация частей речи. Словообразовательная специфика частей речи — один из факторов, определивших их дифференциацию.

[1] А. М. Камчатнов предполагает иное направление процесса, противоположное: **зьданиѥ** 'здание, постройка' (ср. **зьдъ** 'стена, постройка') > 'сотворение, создание'.

1. При образовании имен существительных в старославянском языке основным способом была суффиксация. Значительное количество существительных образовывалось также путем сложения (и сложения с суффиксацией). Менее характерны для существительных приставочный и приставочно-суффиксальный способы.

1.1. Как уже было отмечено (см. главу «Лексика»), лексикон старославянского языка антропоцентричен. С этим вполне согласуется тот факт, что наиболее распространенными моделями при словообразовании имен существительных были модели со значением лица у производных существительных.

Для образования имен существительных, обозначающих лиц мужского пола, использовались следующие суффиксы:

а) **-ьникъ** / **-ѥникъ**: **грѣшьникъ**, **промꙑсльникъ** ‘наставник’, **скѫдьльникъ** ‘гончар’, **мѫченикъ**, **възлюблѥникъ** ‘любимый’;

б) **-ьць**, **-ьца**, **-ица**: **жьрьць**, **льстьць**, **пивьца** ‘пьяница’, **старьць**, **сѣчьць** и **сѣчьца** ‘палач’, **оубиица**, **чародѣица** ‘колдун, обманщик’, **чьтьць**, **ꙗдьца** ‘обжора’;

в) -(**и**)**тел҄ь**: **дрьжител҄сь**, **жѧтел҄ь**, **проситель҄** ‘нищий’, **родител҄ь**, **строител҄ь** ‘управляющий’, **оучител҄ь**;

г) **-ар҄ь**: **вратар҄ь**, **мꙑтар҄ь**, **рꙑбар҄ь**;

д) **-ии** /-ьji/: **балии** ‘врач’, **вѣтии** ‘оратор, вития’, **сѫдии** ‘судья’;

е) -(**ъ**)**чии** /-č’ьji/: **кън҄игъчии**, **кръмъчии**, **сокачии** ‘мясник, повар’, **шаръчии** ‘художник’;

ж) -(**а**)**таи** /-tajь/: **ратаи** ‘пахарь’, **ходатаи**;

з) **-инъ**, **-ѣнинъ** (**-ꙗнинъ**): **агарѣнинъ**, **болꙗринъ**, **галилеꙗнинъ**, **гражданинъ**, **жѧтелꙗнинъ** ‘жнец’, **людинъ**, **роуминъ** ‘римлянин’.

Кроме того, следует отметить суффикс *-j-, который проявляется в чередованиях конечного согласного основы: ср. **вождь** < *vodj- (ср. **водити**, **вождѫ**, **водиши**... ‘водить, вожу, водишь...’), **стражь** < *storgj- (ср. **стрѣшти**, **стрѣгѫ**, **стрѣжеши**... ‘стеречь, стерегу, стережешь...’).

Большинство указанных выше суффиксов также использовались при конфиксации и сложении: **бестоудьць** ‘бесстыдник’, **бесхрамьникъ** ‘человек без крова’, **богочьтьць**, **братоубиица**, **бѣлоризьць** ‘мирянин’, **мъꙁдоимьць**, **поводатаи**, **поꙁоратаи** ‘зритель, очевидец’, **прѣльстьникъ** ‘обманщик, соблазнитель’, **самодѣльникъ** ‘виновник’, **оугодьникъ**.

1.2. Для называния лиц женского пола использовались суффиксы:

а) **-ица**: **блѫдьница**, **вьдовица**, **плѣньница**, **постьница**, **пророчица**;

б) **-ꙑн҄и**: **богꙑн҄и**, **господꙑн҄и**, **поганꙑн҄и** ‘язычница’, **сѫсѣдꙑн҄и**;

в) *-j-: **тьща** (< *tьstja; ср. **тьсть**), **госпожда** (< *gospodja; ср. **господь**).

1.3. Для называния животных использовались суффиксы:

а) **-ѧ(т)-**: **агнѧ** ‘ягненок’ (← **овьца**), **жрѣбѧ** ‘жеребенок, осленок’ (← **кон҄ь**, **осьлъ**), **коꙁьлѧ** ‘козленок’ (← **коꙁьлъ**), **овьчѧ** ‘овечка’

(← **овьца**, **овьнъ**), **осьлѧ** ‘осел, ослица’ (← **осьлъ**). Традиционно исконное значение данного суффикса трактуется как уменьшительное, указывающее на детенышей животных, однако названный формант имеет достаточно широкое значение — живое существо без конкретизации пола и возраста, например лексема **осьлѧ** обычно называла ослицу, а в значении детеныша этого животного использовалась лексема **жрѣбѧ**;

б) **-ьць**: **агньць**, **жрѣбьць**, **пътеньць**, **тельць**;

в) **-ица**: **рꙑбица**, **телица**.

1.4. Среди разнообразных суффиксов, используемых для образования существительных со значением предметности (названия предметов), укажем наиболее частотные:

а) **-ьникъ**: **въторьникъ**, **источьникъ**, **почрьпальникъ**, **скѫдьльникъ** ‘глиняный сосуд’;

б) **-ьць**, **-ьце**, **-ьца**: **брашьньце** ‘еда’, **влъчьць** ‘волчец (название колючего растения)’, **гостиньць** ‘широкая дорога’, **двьрьца**, **плесньце** ‘сандалия’, **срьдьце**, **стоуденьць**;

в) **-(ьн)ица**: **гостиница** и **гостиньница**, **дьньница**, **житьница**, **кадильница**, **чрьница** ‘шелковица, тутовое дерево’;

г) **-ище** (nomina loci): **жилище**, **нꙑрище**, **позорище** ‘театр, зрелище’, **селище**, **сѫдище**, **тръжище**, **ѫзилище** ‘тюрьма’;

д) **-ло** (орудия действия): **весло** (< *vez-slo; ср. **везѫ** ‘везу’), **рало** ‘плуг’ (< *or-dlo; ср. рус. диал. *орати* ‘пахать’), **точило** ‘точило, пресс для выжимания винограда’;

е) **-иѥ** (значение собирательности): **вѣтвиѥ**, **зелиѥ** ‘овощи, зелень’, **листиѥ**.

В данную группу, без сомнения, следует отнести и существительные **прѫтиѥ**, **рѣпиѥ**, **стьблиѥ**, хотя в старославянских текстах не зафиксирована производящая форма единственного числа ***прѫтъ**, ***рѣпии**, ***стьбль**;

ж) *-j-: **кръмлꙗ** ‘пища’ (ср. **кръмити**), **ножь** (ср. **вънозити**), **ноша** (ср. **носити**).

1.5. Имена существительные с отвлеченными значениями (значение отвлеченного признака, свойства, качества, особенностей, присущих кому-либо или чему-либо) образованы посредством следующих суффиксов:

а) **-ьство**, **-ьствиѥ**: **апостольство**, **богатьство** и **богатьствиѥ**, **братьство**, **боуиство**, **величьство** и **величьствиѥ**, **врачьство**, **оубииство**, **чловѣчьство**;

б) **-ость**: **кротость**, **мрьзость**, **радость**, **рьвьность**, **скѫпость**;

в) **-ота** / **-ѥта**: **великота**, **нагота**, **нищета**, **слѣпота**, **чистота**;

г) **-иѥ**, **-ѥниѥ**: **бѣшениѥ**, **влъшьвениѥ**, **гонѥниѥ**, **питиѥ**, **оужасениѥ**;

д) **-ина**: **глѫбина**, **истина**, **обьщина** ‘общее дело’;

е) **-ꙑн҄и**: **благꙑн҄и**, **гръдꙑн҄и**, **свѧтꙑн҄и**.

Материал старославянских памятников свидетельствует о словообразовательной синонимии. Суффиксальная синонимия проявляется особенно ярко в таких группах производных имен существительных, как названия лиц (**давьць — дате͡ль** ‘даритель’, **корабьчии — корабльникъ, мытаре͡ь — мытьникъ, побѣдите͡ль — побѣдьникъ, рыбакъ — рыба͡рь, четврьтовластьць — четврьтовластьникъ**) и названия отвлеченных понятий **алъканиѥ — алъчьба** ‘пост’, **благость — благы͡ни, правость — правота, цѣломѫдриѥ — цѣломѫдрость — цѣломѫдрьствиѥ**).

Приставочный способ словообразования для существительных в целом не характерен, приведем в качестве примера лишь несколько слов: **несытость, нечистота, нечловѣкъ** ‘жестокосердный человек’, **прадѣдъ, ѫдоль** ‘долина’. Чисто именными приставками считаются **па-, сѫ-, ѫ-**, однако в старославянском языке они были уже непродуктивны, а в некоторых словах вообще не выделяются (**памѧть**).

2. При образовании имен прилагательных основным способом была суффиксация. Значительное количество слов данного класса также образовывалось путем сложения (и сложения с суффиксацией). Менее характерны приставочный и приставочно-суффиксальный способы. Представляется целесообразным рассматривать словообразовательные модели по грамматическим разрядам.

2.1. Наибольшим разнообразием суффиксов отличается группа качественных прилагательных.

2.1.1. Непродуктивные суффиксы качественных прилагательных:

а) **-в- / -ав-** (*-v-): **живъ** (ср. **жити**), **лѣвъ** (ср. греч. *λαίος*), **лѫкавъ** (ср. **лѫка**);

б) **-л- / -ьл-** (*-l-): **крѫглъ** (ср. **крѫгъ**), **кыслъ** (ср. **кыснѫти**), **свѣтьлъ** (ср. **свѣтъ**);

в) **-н- / -ан-, -ѣн-** (*-n-): **тѣснъ** (ср. **тискати**), **сланъ** (ср. **соль**);

г) **-р-** (*-r-): **бъдръ** (ср. **бъдѣти**), **добръ** (ср. **добль**), **пьстръ** (ср. **пьсати**), **хытръ** (ср. **хытити**);

д) *-j-: **добль** (ср. **добръ**), **тъшть** (ср. **тъска**).

2.1.2. Среди продуктивных (в разной степени) суффиксов качественных прилагательных выделяются следующие:

а) **-ък- / -ьк-**: **крѣпъкъ, сладъкъ, горькъ, тѧжькъ**;

б) **-ок-**: **высокъ, глѫбокъ, широкъ**;

в) **-ив- / -лив-**. При помощи данных суффиксов от имен существительных и глаголов образуются производные со значением ‘склонный к чему-либо, обладающий тем, что указано производящей основой’: **бъдръливъ** ‘бодрый’, **гнѣвьливъ, лопотивъ** ‘косноязычный’, **милостивъ, млъчаливъ, поучаливъ**, ‘способный поучать’, **тръпѣливъ**;

г) -**ат**- / -(**ов**)**ит**-: **богатъ**, **брадатъ**, **домовитъ**, **именитъ**, **мас-титъ**, **трѫдовитъ**;

д) -(**ов**)**ьн**-: **бѣдьнъ**, **вѣрьнъ**, **грѣшьнъ** и **грѣховьнъ**, **доблѥстьнъ**, **доухoвьнъ** и **доушьнъ**, **лъжьнъ**, **мѧтежьнъ**, **правьдьнъ**, **пооустьнъ** ‘бодрый’, **сильнъ**, **тьмьнъ**, **тъчьнъ**, **чьстьнъ**.

2.2. Относительные прилагательные характеризуются меньшим разнообразием словообразовательных аффиксов:

а) -**ьн**-. Продуктивный суффикс, который присоединялся к именным основам и имел самое общее значение ‘относящийся к тому, что названо производящей основой’: **горьнъ**, **дьневьнъ**, **дьньнъ**, **лозьнъ** ‘виноградный’, **кинъсьнъ** ‘налоговый’, **небесьнъ**, **писменьнъ**, **породьнъ** ‘райский’, **пьшеничьнъ**, **сельнъ**, **скотьнъ**, **хлѣбьнъ**, **ꙗмьнъ**;

б) -**ьск**-. Продуктивный суффикс, который присоединялся к именным основам и имел самое общее значение ‘относящийся к чему-либо’: **браньскъ** ‘военный’, **кон҄ьскъ**, **львьскъ**, **плътьскъ**. Внутри данной группы, однако, можно выделить разнообразные подгруппы:

— ‘относящийся к какому-либо месту’ (в широком смысле): **земьскъ**, **земл҄ьскъ**, **мор҄ьскъ**, **пол҄ьскъ** ‘полевой, дикий’;

—‘относящийся к какому-либо месту’ (в узком смысле): **декапольскъ**, **иероусалимьскъ**, **иоръданьскъ**, **римьскъ**;

— ‘относящийся к группе, виду, коллективу’: **ангельскъ**, **бѣсовьскъ**, **еврѣискъ**, **елиньскъ**, **женьскъ**, **жидовьскъ**, **июдеискъ**, **людьскъ**, **мънишьскъ**, **пророчьскъ**.

Прилагательные, указывающие на отношение к месту, пространству, в том числе производные от собственных (географических) названий, образовывались только при помощи данного суффикса.

в) -**ѣн**- / -**ан**-. Суффикс, который присоединялся к именным основам и имел значение ‘сделанный или состоящий из материала, вещества’: **дрѣвѣнъ** ‘древесный’, **мѣдѣнъ**, **оцьтѣнъ**, **трьнѣнъ** ‘терновый’, **шипъчанъ** ‘колючий’ (**шипъкъ** ‘роза’).

2.3. Для притяжательных прилагательных характерны следующие суффиксы, прибавляемые к именным основам (названиям лиц и животных) и имеющие самое общее значение индивидуальной принадлежности:

а) -**ов**- / -**ев**-: **ехидьновъ** ‘гадючий’, **змиѥвъ**, **китовъ**, **пастоухoвъ**, **петровъ**, **тектоновъ** ‘плотничий’, **цѣсаревъ**;

б) -**ин**-: **богородичинъ**, **змиинъ**, **ионинъ**, **осьлѧтинъ**, **сотонинъ**;

в) *-j-: **вьдовичь**, **говѧждь**, **иꙗковль**, **кънѧжь**, **ловьчь**, **овьчь**, **отьчь**, **пророчь**, **чловѣчь**;

г) *-ьj-: **божии**, **вражии**, **львии**, **отрочии**, **рабии**, **скотии**;

д) -**ьн҄**-: **братьн҄ь**, **господьн҄ь**, **дроужьн҄ь**, **матерьн҄ь**.

Представленная классификация традиционна и в целом отражает давно сложившиеся представления о закрепленности определенных суффиксов за определенным разрядом прилагательных.

Материал же старославянских памятников свидетельствует о том, что значения прилагательных с одним и тем же суффиксом в зависимости от контекста колеблются от притяжательности до относительности и т. п. Данное обстоятельство играет важную роль при установлении распределения функциональной нагрузки на различные словообразовательные морфемы. Интересный материал для наблюдений подобного рода представляют имена прилагательные, образованные от одной основы с помощью разных суффиксов: **земьнъ** — **земльскъ**, **львии** — **львовъ** — **львьскъ** ‘львиный’, **осьл҄ь** — **осьльскъ** — **осьлѧтинъ**, **пьшеничьнъ** — **пьшеньнъ**, **чловѣчь** — **чловѣчьскъ** и т. п. Анализ употреблений прилагательных **львии** — **львовъ** — **львьскъ** ‘львиный’ свидетельствует о том, что книжники стремились создавать новые лексемы с продуктивными суффиксами, поэтому «старое» прилагательное со значением индивидуальной принадлежности **львии** вытеснялось синонимичным ему **львовъ**. Что же касается гапакса **львьскъ**, то он выступает в переносном значении ‘сильный, мощный’: **глаголъ єтеръ крѣпокъ... и львьскъ къ противьнъıимъ силамъ** (Супр. 464.14) ‘одно слово сильно и мощно в отношении враждебных сил (войск)’.

Несмотря на кажущуюся простоту и ясность словообразовательных процессов, становление старославянской словообразовательной системы в сфере прилагательного требует дальнейших исследований. Однако некоторые предварительные выводы можно сделать.

Велик удельный вес книжных образований, представляющих собой прилагательные с суффиксом **-ьск-**, создававшиеся в процессе переводов греческих текстов на славянский. Данный суффикс не только стал продуктивным, но и «значительно расширил сферу своего применения с точки зрения мотивирующих существительных»[1].

Установлен факт закрепления некоторых словообразовательных типов прилагательных за языком определенных групп памятников. Так, употребление прилагательных с суффиксом **-ив-** характерно для языка преславских книжников, именно в Преславском центре письменности прилагательные с суффиксом **-ьн-** заменялись на прилагательные с суффиксом **-ив-**[2].

Префиксация не была таким актуальным способом образования прилагательных в старославянском языке, как суффиксация. Приведем отдельные примеры: **достоинъ** → **недостоинъ**, **нѣмь** → **нанѣмь** ‘косноязычный’, **скврьньнъ** → **прѣскврьньнъ**, **тьмьнъ** → **прѣтьмьнъ**.

С чисто формальной точки зрения можно было бы предположить и такой словообразовательный процесс: **законьнъ** → **беза-**

[1] *Ефимова В. С.* Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006. С. 244.

[2] Там же. С. 285.

коньнъ, однако установлено, что прилагательные с приставкой **без-** и суффиксом **-ьн-** (**безаконьнъ** 1) ‘нарушающий законы’, 2) ‘негодный, злодейский’, **безводьнъ**, **безгнѣвьнъ** ‘беззлобный’, **безгрѣшьнъ**, **бездродьнъ**, **бесрамьнъ** ‘бесстыдный’) представляют префиксально-суффиксальную продуктивную модель, возникшую под влиянием языка греческих оригиналов.

3. При образовании старославянских наречий использовались морфологические способы, а также морфолого-синтаксический способ адвербиализации, причем последний был наиболее распространен.

3.1. При помощи приставок наречия образовывались, как правило, от других наречий: **додолоу** ← **долоу**, **донизоу** ← **низоу**; **нѣкако** ‘как-нибудь, как-то’ ← **како**, **нѣкъгда** ‘когда-то, когда-нибудь, однажды’ ← **къгда**, **нѣколи** ‘однажды, когда-то’ ← **коли**, **нѣкъде** ‘где-то’ ← **къде**, **недалече** ← **далече**, **неоудобь** ‘неудобно, с трудом, трудно’ ← **оудобь**; **прѣизлиха** ‘чрезмерно, излишне’ ← **излиха**; **отътоли** ← **толи**, **отътолѣ** ← **толѣ**.

3.2. Поскольку вопрос суффиксального образования наречий с точки зрения синхронии представляет достаточно сложное явление, приведем несколько наиболее очевидных примеров словообразовательных моделей:

а) количественное наречие **-ма**, **-ми**: **коль** → **кольма** и **кольми**, **толь** → **тольма** и **тольми**;

б) относительное прилагательное + **-ы** → наречие, имеющее сравнительный оттенок в значении: **анг҃ельскы** ‘ангельски’, **грьчьскы** ‘по-гречески’, **пьсьскы** ‘по-собачьи’;

в) прилагательное с твердой основой + **-ѣ** → отадъективное наречие: **добрѣ**, **крѣпѣ** ‘крепко’, **мѫдрѣ**, **простѣ**, **различьнѣ**, **топлѣ** и др.

Наречия с суффиксом **-ѣ**, образованные от производных прилагательных и адъективированных причастий, например **безгодьнѣ**, **бестоудьнѣ**, **мирьнѣ**, **неблюдомѣ** ‘без присмотра’, **сладьцѣ** ‘приятно, с наслаждением’, по мнению исследователей, характеризуют деятельность книжников Преславской школы, которые не только последовательно использовали данные лексемы вместо сходных с суффиксом **-о** при переводе, но и заменяли ими наречия на **-о** в редактируемых списках с более ранних переводов;

г) при помощи одного и того же суффикса **-ѫдоу** (**-ѫдѣ**) могли образовываться и местоименные, и знаменательные наречия, например **кѫдоу** ‘каким путем’, ‘откуда’, **тѫдоу** и **тѫдѣ** ‘здесь, тут’, ‘оттуда’ и **изѫтрьѫдоу** ‘изнутри’, **ѫтрьѫдѣ** ‘внутри’.

3.3. С точки зрения синхронии, т. е. мотивированности слов в пределах старославянского лексического фонда, можно указать префиксально-суффиксальную модель образования некоторых наречий: **въкоупь** ‘вместе’, ‘одновременно’ ← **коупъ**, **послѣдь** ‘впоследствии, позже’ ← **слѣдъ**, **прѣпрость** ‘просто’ ← **простъ**.

3.4. Способ сложения при образовании наречий был весьма ограничен. К примерам подобного рода традиционно относят двукорневые сложения **вьсєсрьдь** ‘от всего сердца, всем сердцем’, **колькратъі** ‘сколько раз’, **мъногократъі** (**мъногъкратъі**, **мъногъікратъі**) ‘много раз, часто’, **ТОКРАТЪ** ‘только что, недавно, незадолго’. Наречия типа **дъвашьдъі**, **мъногашьдъі**, **тришьдъ**, **тришьда**, **тришьдъі** тоже, по-видимому, целесообразно рассматривать как результат сложения с причастным по происхождению корнем -**шьд**- во второй части, который впоследствии стал восприниматься как суффикс.

3.5. Образование наречий путем адвербиализации именных падежных и предложно-падежных форм является типичным для индоевропейских языков. Разряд знаменательных наречий в них постоянно пополняется за счет перехода в наречия падежных форм имени. Старославянский язык оказался активно задействованным в указанном процессе.

Результат адвербиализации именных падежных форм представлен в следующих наречиях: **бръзо** ‘быстро’, **весєло**, **врьхоү**, **далга** ‘на расстоянии’, **дьнє**, **льѕѣ** ‘можно’ (это Д. или М. п. ед. существительного *lьga ‘облегчение, возможность’; ср. рус. диал. и бел. *льга*), **лѫками** ‘обманом’, **малъі** ‘немного’, **низоү**, **оүдобь** ‘легко’ и др.

Результат адвербиализации именных предложно-падежных форм представлен в следующих наречиях: **доврѣмени**, **досъіти**, **излиха**, **изница** ‘украдкой (смотреть)’, **изѫтрь**, **искони** и др.

В большинстве случаев в качестве словообразовательной базы наречия выступают слова старославянского языка, которые зафиксированы и в независимом употреблении: **горѣ** ‘вверх’, ‘наверху’ (ср. **гора**), **лѫками** ‘обманом’ (ср. **лѫка** ‘хитрость’), в некоторых же случаях наречия образованы от таких словоформ, которые в старославянском языке не представлены: **долѣ**, **долоү**, **зади**, **кромѣ** ‘в стороне, в отдалении’, **ѫтрь** ‘внутри’.

Основная тенденция в словообразовании старославянских наречий может быть охарактеризована как формирование на основе адвербиализации именных форм продуктивных моделей морфологического способа, в первую очередь суффиксации. Например, так называемые «наречия на -о» первоначально представляли собой адвербиализованные формы И.-В. с. р., со временем же данная модель становится продуктивной и в более поздних по времени переводах возрастает доля наречий, образованных при помощи суффикса -о от производных прилагательных: **ѥдиномѫдрьно** ‘единодушно’, **непоглоүмьно** ‘непоколебимо’, **непрѣстаньно**.

4. Глагольная лексика старославянского языка представлена, с одной стороны, не столь многочисленными по числу лексем, но

чрезвычайно частотными по употребительности славянскими глаголами со значением конкретных действий, состояний, бытовых отношений. С другой стороны, древние тексты насыщены собственно книжными образованиями, переводящими отвлеченную лексику греческих оригиналов, во многих случаях — гапаксами. При образовании глаголов использовались разнообразные морфологические способы: префиксальный, суффиксальный, приставочно-суффиксальный, сложение, а также сложение с суффиксацией.

4.1. Часть старославянских глаголов образована от существительных и прилагательных суффиксальным способом:

а) **-а-**: **клевета** → **клеветати**;

б) **-и-**: **бѣда** → **бѣдити** 'принуждать', **гость** → **гостити** 'угощать', **тихъ** → **тишити** 'умерять, успокаивать', **хоула** → **хоулити** 'поносить, оскорблять';

в) **-ѣ-** / **-а-**: **богатъ** → **богатѣти**, **брада** → **брадѣти** 'обрастать бородой', **великъ** → **величати** 'увеличивать', **разоумъ** → **разоумѣти** 'понять/понимать';

г) **-ова-**: **безокъ** 'безглазый, бесстыдный' → **безоковати** 'быть бесстыдным, нахальным', **зълоба** → **зълобовати** 'причинять зло', **недостатъкъ** → **недостатъковати** 'недоставать', **хоула** → **хоуловати** 'богохульствовать'.

Большинство глагольных новообразований старославянских переводов произведены от именных основ (со значением деятелей или отвлеченных понятий), поэтому в старославянском глагольном словообразовании они активизировали в качестве продуктивных те суффиксальные средства, которые использовались при производстве отыменных глагольных основ.

4.2. Типичным способом глагольного словообразования является префиксация: **богатѣти** → **разбогатѣти**, **гнѣвати сѧ** → **погнѣвати сѧ**, **кротити** 'укрощать, успокаивать' → **оукротити** 'успокоить, унять', **плѣти** 'полоть' → **исплѣти** 'выполоть', **сѣıати** → **въсѣıати**, **хѫпати** 'просить милостыню' → **въсхѫпати** 'начать просить милостыню' (см. табл. 9) Традиционно выделяют две основные группы глагольных приставок:

— приставки, практически утратившие значение и преимущественно использовавшиеся как средство образования основ совершенного вида: **блѫдити** 'развратничать' → **съблѫдити** 'предаться разврату', **женити** → **оженити**, **красти** → **съкрасти**, **красти** → **оукрасти**, **завидѣти** 'завидовать' → **възавидѣти** 'позавидовать'. Подобные приставки обычно называют «пустыми», хотя некоторые аспектологи, например Ю. С. Маслов, не без основания выделяют определенное семантическое содержание и у данных префиксов;

Таблица 9

Приставки, использующиеся при образовании глаголов

въ(н)-	**въбѣгати**, **въметати** ‘забрасывать (сети)’, **вънити** ‘войти, вступить’, **вънооушити** ‘услышать’
въз-	**възалъкати сѧ** ‘проголодаться’, **възѧти**, **въспоустити** ‘начать петь’
до-	**дозьрѣти** ‘созерцать’, **домыслити сѧ** ‘понять’, **доходити**
за-	**забъдѣти** ‘не спать’, **зазьрѣти** ‘тайком порочить, поносить’, **запрѣщати**
из-	**измыти сѧ** ‘умываться’, **исплѣти** ‘выполоть’, **ицѣлѣти** ‘выздоравливать’
на-	**навадити** ‘подговорить’, **надоути сѧ** ‘возгордиться’, **нарещи** ‘назвать’
надъ-	**надълежати** ‘лежать на чем-либо’
не-	**небрѣщи** ‘оставлять без внимания, пренебрегать’, **невидимъ** (**невидомъ**) ‘невидимый, незримый’, **невѣждьствовати** ‘не знать’, **негодовати**
недо-	**недовѣдѣти** ‘не понимать’, **недоимѣти** ‘не иметь в достаточном количестве, недоставать’, **недомыслити** ‘не понимать’
низъ-	**низъбити** ‘низвергнуть, свалить’, **низъити** ‘сойти (вниз)’, **низъложити** ‘низвергнуть, повергнуть’
об- (о-)	**облѣщи** ‘одеть’, **обѧзати**, **омыти**, **ослѣпити**
от- (о-), отъ-	**оходити** ‘отходить’, **отрѣшити** ‘отвязать’, **отъдаꙗти** ‘воздавать, оплачивать’
по-	**погрети** ‘похоронить’, **помолити сѧ**, **поꙗсти** ‘съесть’
подъ-	**подъити**, **подъклонити** ‘склонить’, **подъпадати** ‘подчиняться чему-либо’
при-	**пригласити** ‘позвать’, **приимати**, **прити** ‘прийти’
про-	**прозѧбнѫти** ‘прорасти, взойти’, **проклѧти**, **прослышати**
прѣ-	**прѣдати**, **прѣзьрѣти** ‘посмотреть на кого-либо’, **прѣкръмити** ‘накормить’
прѣдъ-	**прѣдъзьрѣти** ‘видеть перед собой’, **прѣдъставити** ‘привести кого-либо к кому-либо’, **прѣдътещи** ‘побежать впереди’
раз-	**разбогатѣти**, **разоумѣти** ‘понять / понимать’, **растрошити** ‘растратить’, **расъматрꙗти** ‘разглядывать’
съ(н)-	**съвѣдѣти** ‘знать’, **съликъствовати** ‘радоваться вместе с кем-либо’, **съмлѣти** ‘смолоть’, **сънѣсти** ‘съесть’
оу-	**оумыти**, **оуслышати**, **оучюти** ‘услышать, ощутить’

— приставки, служившие для изменения как грамматического, так и лексического значения глагольных основ: **коурити сѧ** ‘дымиться’ → **въскоурити сѧ** ‘задымиться’, **смиꙗти сѧ** ‘смеяться’ → **въсмиꙗти сѧ** ‘засмеяться, начать смеяться‘, **хлѫпати** ‘просить милостыню’ → **въсхлѫпати** ‘начать просить милостыню’ (значение начинательности действия); **погрети** ‘похоронить’ → **съпогрети** ‘похоронить вместе с кем-либо’, **власти** ‘властвовать’ → **съвласти** ‘властвовать, господствовать над кем-либо совместно с кем-либо’ (значение совместного действия). Как показывает материал, значение приставок достаточно близко к тому, которое известно современному русскому языку: **въкопати** ‘вкопать, вскопать’, **ископати** ‘выкопать’, **окопати** ‘окопать, окучить’.

Подобное разграничение типов приставок, по-видимому, возможно далеко не всегда. Отдельные глаголы имеют несколько образованных приставочным способом производных, специфицировать значение которых достаточно сложно, ср.: **бѣдити** ‘принуждать’ → **побѣдити//оубѣдити**, **гнѣвати сѧ** → **погнѣвати сѧ//прогнѣвати сѧ//разгнѣвати сѧ**; **садити** → **въсадити//насадити//посадити**.

4.3. Приставочно-суффиксальный способ образования глаголов.

Приведем примеры глаголов, которые могли быть образованы приставочно-суффиксальным способом: **безаконьновати** ‘не соблюдать законы’, **въздивиꙗти** ‘одичать’ (от **дивии** ‘дикий’), **насилити** ‘совершить насилие’, **обнищати**, **обоуꙗти** ‘сойти с ума’, **окаменити** ‘ожесточить, сделать грубым’, **отлъстѣти** ‘зажиреть, ожиреть’, **оутлъстѣти** ‘ожиреть’. Для всех приведенных глаголов установление способа словообразования является однозначным в связи с отсутствием соответствующего бесприставочного глагола.

4.4. Сложение как способ образования глаголов.

Среди сложных слов, известных старославянскому языку, глаголы составляют меньшинство: **зълотворити**, **зълосътворити**, **лихосътворити**, **любоплакати** ‘любить плакать’, **словопрѣпирати сѧ** ‘спорить’, **цѣломѫдровати** ‘быть сдержанным’, **цѣломѫдрьствовати** 1) ‘обладать здравым умом’, 2) ‘быть сдержанным’. В отличие от именных сложений они редко являются отдельным объектом исследования. Именно с этим классом слов связано наибольшее количество спорных и неясных с точки зрения словообразования случаев.

§ 43. Структура слова

Слово, будучи базовой единицей языка, представляет собой структурное целое, состоящее из определенным образом связанных между собой **морфем**, минимальных значимых частей слова.

По роли, которую они играют в составе слова, морфемы делятся на корневые и аффиксальные (приставка, суффикс, окончание). Корневые морфемы в языке, как правило, самые многочисленные и не закреплены за определенными частями речи. Варианты морфемы, выделяемые в составе конкретной словоформы, называются **морфы (алломорфы)**, ср.: {**мог**}**ѫ** 'могу' — {**мож**}**етъ** 'может' — {**моз**}**и** 2 ед. пов. — **по**{**маг**}**ати** 'помогать'; {**ис**}**ходити** 'выходить' — {**из**}**морити** 'погубить' — {**изд**}**растити** 'вырастить' — {**и**}**цѣлꙗти** 'исцелять'. В ряде случаев на стыке морфем происходят фонетические изменения, которые затрудняют вычленение морфем: ср. **ищистити** = {**ис**}{**чист**}**ити** 'очистить, вычистить', **иждити** = {**из**}**жити** 'истратить, прожить'. Как и для современного русского языка, для старославянского существует проблема морфологического членения в инфинитивах глаголов с корнями на заднеязычные согласные: ср. **мощи** 'мочь' = {**мог**}-{**ти**} (ср. **могѫ** 'могу'), **пещи** 'печь' = {**пек**}-{**ти**} (ср. **пекѫ** 'пеку').

Проследим вкратце процесс становления структуры славянского слова. В праиндоевропейском языке корни были односложными: *es- 'быть' (лат. est, ст.-сл. **ѥстъ**), *b^her- 'нести' (скр. bharāmi, ст.-сл. **берѫ**), *stā- 'стоять' (лат. stare, лит. stóti, ст.-сл. **стати**), *leuk'светлый, белый' (лат. lūcēre, ст.-сл. **лоучь**). Однако в составе некоторых реконструированных корней были выделены и другие элементы, значение которых неизвестно. По-видимому, это омертвевшие суффиксы, получившие название *распространителя* или *детерминатúва*. *Редупликация* (*удвоение*) корня, впоследствии сменившаяся сложением корней, привела к формированию типичного двусложного слова, отражающего усложнение понятийной структуры в человеческом мышлении. С развитием праиндоевропейского языка в нем появляются слова с бóльшим количеством слогов. Агглютинативный тип языка-основы постепенно сменяется флективным: конечные слоги претерпевают делексикализацию, в результате чего формируются суффикс и окончание.

Рассмотрим историю одной конкретной индоевропейской лексемы. В структуре индоевропейского слова *pətēr целесообразно выделять две морфемы: корневую *pə- и аффиксальную *-tēr (выделение аффиксальной морфемы осуществляется благодаря такому ее свойству, как воспроизводимость, т. е. повторяемость в других лексемах, ср. с основными терминами родства *mātēr, *b^hrātēr, *d^hug^h(ə)tēr и примыкающим к ним термином свойства *yen(ə)tēr 'жена брата мужа'). Некоторые исследователи приписывали грамматическому форманту *-tēr значение собирательности, а позднее — двойственности или множественности. Постепенно в праиндоевропейском языке происходит расщепление форманта (суффикса), его начальный консонантный элемент отходит к

корню: *pat-er. Благодаря *переразложению* большинство корневых морфем получило вид CVC (согласный + гласный + согласный). Кроме того, если ранее слово имело трехморфемный состав (корень + суффикс + окончание), то теперь его состав упрощался (корень + окончание). Подобный процесс называется *опрощением* и проявляется на всех этапах развития языка (ср. невыделяемость прежних аффиксальных морфем в таких словах русского языка, как *вкус*, *жир*, *красный*, *супруг* и т. п.).

Большинство старославянских слов состоят как минимум из двух морфем, обладающих специфической семантикой. Представим основные структурные типы старославянских (несложных) слов:

1. Слова, структурно равные морфеме: **въ**, **же**, **о**, **по**.

2. Слова, структурно более сложные, чем морфемы:

корень + окончание: **иде**, **лѣпъ** ‘красивый’, **трѫсъ**;

корень + суффикс: **лити**, **маломь** ‘недалеко’;

корень + суффикс + окончание: **година**, **соушитъ**, **шьдъши**;

корень + суффикс + суффикс: нар. **вѣрьно**, **соушити**;

корень + суффикс + суффикс + окончание: **жѧтелꙗнинъ** ‘жнец’, **стоуденьць**, **съхнѫще**;

приставка + корень + окончание: **въложѫ**, **нелѣпъ**, **пропадь**;

приставка + корень + суффикс: **изоутра**, **нѣкъде** ‘где-то’, **прорьци**;

приставка + корень + суффикс + окончание: **помориѥ**, **пригвожденъ**, **ѫдолиѥ** ‘долина’;

приставка + корень + суффикс + суффикс: **досытости**, **неблюдомѣ** ‘без присмотра’, **погрѣбати**;

приставка + корень + суффикс + суффикс + окончание: **бесправьдиѥ**, **нескоудѣѥмъ**;

приставка + корень + суффикс + суффикс + суффикс: **въздивиꙗти** ‘одичать’, **въправьдити**;

приставка + приставка + корень + окончание: **заповѣдь**;

приставка + приставка + корень + суффикс: **извъноу**, **прѣизлиха** ‘чрезмерно, излишне’;

приставка + приставка + корень + суффикс + окончание: **неприꙗзнь**, **непрѣмѣньнъ**, **прѣподобиѥ**;

приставка + приставка + корень + суффикс + суффикс: **непоглоумьно**, **неоубожьно**, **сънабъдѣти**;

приставка + приставка + корень + суффикс + суффикс + окончание: **неиздреченьникъ** ‘неизъяснимое существо’.

Сложные слова по структуре могут представлять многочлены типа **вьсеизѣдаѭи** ‘всепожирающий’, **законопрѣстѫпьникъ**, **мьздоотъдавьць** перен. ‘тот, кто воздает по заслугам’, **прѣждевъзлѣганиѥ** ‘возлежание на первом (почетном) месте за пиршественным сто-

лом’ и т. п. Такие многоморфемные образования являлись характерной чертой книжно-литературного типа языка.

Морфемика старославянского языка ставит перед исследователями целый ряд вопросов, из которых назовем только установление границ морфем **въ нѥмь**, **съ ни҃мь**, **сънѧти**, **влѣщи**, **мощи** или **въздрадовати сѧ**, **въздрастъ**, **издрещи**, **раздрѣшити**) и определение морфемного статуса отдельных компонентов (**нѣкъде — къгда — тъгда**; **обоıако — обоıамо — обоиждє**; **отъходѧ — отъходѧщи**).

Так же, как и в других языках, в старославянском существуют проблемы ограничения в словообразовании, когда какой-либо аффикс может абсолютно свободно сочетаться со всеми основами или быть закрепленным за определенными классами слов.

Корневые морфемы могут быть свободными и связанными. Слова со связанными корнями образуют гнезда родственных слов: **вънѧти — зачѧти — начѧти — оучѧти**.

Контрольные вопросы и задания

1. Охарактеризуйте морфемную структуру старославянского слова.

2. Перечислите продуктивные словообразовательные средства и способы образования слов в старославянском языке.

3. Назовите особенности словообразования различных частей речи старославянского языка.

4. Известно, что при переводе греческих текстов в старославянском языке появилось много слов, созданных по греческим моделям. Какие морфемы чаще всего использовались в качестве первой части сложных слов?

5. Какова роль чередований в старославянском словообразовании?

Практические задания

Задание 1. Из приведенных ниже слов выберите те, которые имеют отвлеченное значение, и сгруппируйте их по общему словообразовательному форманту:

былиѥ, **сытость**, **грътань**, **соуѥта**, **бѣлость**, **житиѥ**, **срьдьце**, **вражьда**, **имѣниѥ**, **грьдꙑн҃и**, **поустꙑн҃и**, **сѫдище**, **близочьство**.

Задание 2. Сгруппируйте слова в соответствии с моделями, по которым они образованы:

гостьникъ, **дѣлател҃ь**, **вражьда**, **маломощь**, **отъшьльць**, **приставьникъ**, **ризьница**, **келар҃ь**, **кън҃игъчии**, **оушидь**, **сълъ**, **тръжьникъ**, **старьць**, **винар҃ь**, **самарѣнинъ**, **самъчии**, **пѣнѧжьникъ**, **людинъ**, **блѫдьница**, **тѧжател҃ь**.

Задание 3. Определите, что общего между словами **мытар҃ь**, **мытьникъ**, **мьздоимьць** и чем они различаются.

Задание 4. Проанализируйте приведенные ниже сложные слова старославянского языка и охарактеризуйте модели, по которым они образовывались:

братоубиица, братолюбьць, соухоꙗдьць, трименьнъ, ѥдиночѧдьнъıи, благодатьнъ, ꙁъломѫдръıи.

Задание 5. Установите словообразовательные и семантические связи между группами слов:

льгъкъ — льгота — льгън҄и, ꙁълъ — ꙁъль — ꙁълѣ, мъıто — мъıтар҄ь — мъıтьница, ѫꙁа — ѫꙁъкъ — ѫжии — ѫжика, добл҄ь — добл҄ии — доблѥ — добл҄ьство — доблꙗти.

Задание 6. Установите словообразовательные связи между словами бъдръ — бъдѣти.

Задание 7. Установите грамматическое значение суффикса в слове оустатъ и на основании сделанного вывода определите значение слова.

Задание 8. Определите, какое значение имела приставка в следующих словах старославянского языка:

сѫсѣдъ, сѫпьр҄ь (‘противник в борьбе’), сѫпрѧгъ (‘парная упряжка’).

Задание 9. Пользуясь словарем, определите различия в значении однокоренных слов:

агнѧ — агньць, почрьпало — почрьпальникъ, жрѣбѧ — жрѣбьць, коꙁьлѧ — коꙁьлищь, мъıтар҄ь — мъıтьница — мъıтоимьць, побѣдотворьць — побѣдител҄ь — побѣдьникъ, рыбитвъ — рыбар҄ь.

Задание 10. Установите словообразовательные связи между словами одного словообразовательного гнезда:

бесправьдиѥ, въправьдити сѧ, исправител҄ь, исправити, направити, направлꙗти, неправьдивъ, оправьданиѥ, правило, правител҄ь, правость, правота, правъ, правьдивъ, правьдьникъ, правѣ, оуправити, оуправлꙗти.

Задание 11. Установите способ образования следующих слов:

въспрѣщати ‘угрожать’, жестоколѣганьникъ ‘ложащийся на жесткое ложе’, законодаѩи ‘законодатель’, кротолюбьць ‘миролюбивый человек’, оклеветавати, самодѣльникъ ‘виновник’.

Задание 12. Установите морфемный состав следующих слов:

братолюбьць, доблѥ, исѣщи ‘высечь’, ишьдъ, мъножьство, новорасль ‘побег, отросток’, овьн҄ь ‘бараний’, пригваждати, приѩтел҄ь, станиѥ ‘стена, ограда’, стоуденьць ‘колодец’, съплетъкъ, тельчь, оусѣкнѫти, щоуждекръмьница ‘гостиница, трапезная’

Задание 13. Найдите корень в следующих словах и объясните чередования в нем:

грети — гробьнъ — гребище, обѣдъ — сънѣдь — ѩдѧтъ — ѩсти, оучитель — въıкнѫти — обычаи, чьтѫ — чисти — чьсть.

Литература

Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969.

Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.

Ефимова В. С. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006.

Марков В. М. 1) К истории приставки *от-* в русском языке; 2) К вопросу о происхождении суффикса *-тель* в славянских языках // Марков В. М. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001. С. 84—102.

Николаев Г. А. Русское историческое словообразование. Казань, 1987.

Ольшанский О. Е. Очерки по историческому словообразованию: В 2 вып. Славянск, 2003.

Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969.

Ревзина О. Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969.

Сигалов П.С. Вопросы теории русского исторического словообразования. Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1977.

Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. София, 1986.

Глава V
МОРФОЛОГИЯ

§ 44. Грамматический строй старославянского языка по сравнению с современным русским: общая характеристика

Как старославянский (IX—XI вв.), так и современный русский литературный язык (XIX—XX вв.) в известном смысле являются продолжением праславянского языка, но на разных этапах его развития. Если сравнить старославянскую и раннюю древнерусскую морфологические системы, то следует констатировать значительное сходство между ними и их принципиальную близость поздней праславянской системе. В какой-то степени их можно рассматривать как ее диалектные разновидности. Сравнивая грамматический строй старославянского языка с грамматическим строем современного русского литературного языка, следует, несмотря на наличие основополагающего типологического сходства (оба языка в морфологическом плане являются синтетическими и флективными, а в синтаксическом — характеризуются свободным порядком слов), отметить некоторые принципиальные и показательные различия между ними.

1. Старославянское склонение и спряжение отличаются от современного русского тем, что в старославянском (как и в древнерусском) было 3 числа — единственное, двойственное и множественное.

2. Кроме 6 падежей, известных в современном русском языке, старославянский язык имел звательный падеж (или звательную форму).

3. Типов склонения в старославянском языке было больше: например, слова мужского рода, относящиеся к современному 2-му склонению (*раб*, *сын*, *гость*, *камень*), склонялись по-разному.

4. Весьма велики и различия между падежными формами старославянского и современного русского склонения. Например, если мы сравним парадигму склонения во множественном числе старославянского слова **рабъ** со склонением соответствующего русского слова *раб* (кстати, заимствованного в древнерусский период из старославянского и вытеснившего др.-рус. **робъ**), то увидим, что нет ни одного падежа, в котором бы флексии обоих языков совпадали, причем различия не носят фонетического характера.

Падеж	Старославянский язык	Русский язык
Именительный	**раб-и**	*раб-ы*
Родительный	**раб-ъ**	*раб-ов*
Дательный	**раб-омъ**	*раб-ам*
Винительный	**раб-ы**	*раб-ов*
Творительный	**раб-ы**	*раб-ами*
Местный/Предложный	**раб-ѣхъ**	*раб-ах*

5. Категория *одушевленности* имени существительного в старославянском языке в том виде, в каком мы наблюдаем ее в современном русском языке, еще не сформировалась.

6. Имя *прилагательное* в морфологическом отношении еще не было противопоставлено имени существительному так четко, как в современном русском языке. *Краткие* формы прилагательных играли в старославянском языке значительно бóльшую роль, чем в современном русском, причем они могли употребляться в качестве определений, а *полные* формы прилагательных не употреблялись в составе именного сказуемого.

7. Значительные отличия характеризуют и глагольные системы: категории *вида* и *залога* в старославянском языке еще не сформировались в том виде, в каком они существуют в современных славянских языках. В условиях недостаточной оформленности категории вида старославянский язык имел несколько *прошедших* времен (*аорист*, *имперфект*, *перфект*, *плюсквамперфект*). Способы передачи будущих действий также сильно отличались от форм будущего времени современного русского языка.

8. В отличие от современных *причастий действительного залога* соответствующие старославянские причастия имели как краткие, так и полные формы, а кроме того, могли выступать в функции сказуемого.

9. Категория *деепричастия* в старославянском языке еще не сформировалась (в русском языке деепричастия возникли из древнерусских действительных причастий), но наряду с *инфинитивом* имелась особая глагольная форма *супин* (целевой инфинитив), отсутствующая в современном русском языке.

10. В старославянском языке нашли отражение общие *особенности древнеславянского синтаксиса*: преобладание паратаксиса (сочинения) над гипотаксисом (подчинением), внутри подчинения — предпочтение согласования управлению, большее распространение беспредложного управления.

11. Сложноподчиненное предложение в старославянском языке еще не получило такого полного развития, как в современном русском литературном языке: союзных средств было меньше и они были менее дифференцированы.

Перечисленные различия между современным русским литературным языком и старославянским отражают те изменения, которые претерпела грамматическая система русского языка в процессе его эволюции от праславянского состояния к современному.

§ 45. Имя существительное: категория рода

Каждое старославянское существительное принадлежит к одному из трех классов слов, называемых родами, — *мужскому*, *женскому* или *среднему*. Подразделение существительных по родам — это абстрактно-грамматическая классификация. Принадлежность существительного к роду отражалась в формах прилагательных, причастий, местоимений, которые согласовались с существительным в роде, числе и падеже. Ср. **прiльплı ѩзыкъ** [В. ед. м.] **моı грътани** [М. ед. м.] **моѥмь** ‘прильпни (=приклей) язык мой в горле моем’ (Син. 136.6), **прильпє кость** [И. ед. ж.] **моѣ плъти** [М. ед. ж.] **моєі** ‘прилипла кость плоти моей’ (Син. 101.6), **вино** [И. ед. ср.] **благоѥ новааго винограда** ‘хорошее вино из нового виноградника’ (Супр. 143: 23), **прѣпоѣши сѧ жржжъемъ**[1] **твоімъ по бедрѣ** [Д. ед. ж.] **твоєі** ‘препояшь Себя мечем Твоим по бедру Твоему’ (Син. 44.4), **гора** [И. ед. ж.] **божьѣ гора тоучьна** ‘гора Божия — гора плодородная’ (Син. 67.16), **слоугы** [И. мн. м.] **єго творѩщє волѭ єго** ‘служители Его [суть] исполняющие волю Его’ (Син. 102.21), **бѣаше стоудень велика** ‘была сильная стужа’ (Супр. 76.12) и т. п. В этих примерах согласуемые формы выявляют род существительных. Иногда род существительного в старославянском не совпадает с тем, к которому оно относится в современном русском литературном языке, например **грътань** ‘горло’ в старославянском относилось к мужскому роду, а **бедра** ‘бедро’ — к женскому.

Родовая принадлежность уже в праславянском языке не была прямо мотивирована значением слова, за исключением существительных, обозначавших людей и имевших естественную связь рода с понятием о половой принадлежности: **мои отьць** И. ед. м. — **моꙗ мати** И. ед. ж. Таким образом, *в старославянском языке род был семантически мотивирован только у личных существительных.* То, что род у личных существительных мотивирован семантически, позволяло не выражать его морфологически: **потьпѣга** ж. ‘отпущенная, разведенная жена’ и **слоуга** м. ‘слуга, служитель, дьякон, исполнитель судебных приговоров’ относились в старославянском языке к одному типу склонения и не различались ни одной падежной формой.

У неличных существительных род не был подкреплен семантически и поэтому обязательно выражался морфологически, причем

[1] Так в рукописи (вместо **оржжъемъ**).

выражался всей парадигмой данного существительного. Существительные, принадлежавшие к разным родам, отличались двумя и более падежными формами. Например, слова **тать** (м.) и **кость** (ж.), относившиеся к одному типу склонения на *i, имели тем не менее две различающиеся падежные формы: Т. ед. **татьмь** и **костиѭ**, И. мн. **татиѥ** и **кости**.

Некоторые старославянские существительные, заимствованные главным образом из греческого языка, не склонялись: **авва** м. ‘отец’ < греч. ἀββᾶ, **кана** ж. ‘город Кана’ < греч. Κανᾶ, **мънась** ж. ‘мина (монета)’ < греч. μνᾶ, μνᾶς, **бꙑлꙗ** м. ‘сановник, господин’ < др.-тюрк. buila ‘благородный, знатный’. На род существительного в этих случаях указывали только формы согласуемых слов: ср. **мънась** [И. ед. ж.] **твоѣ господи сътвори • д҃ • мънасъ** (Лк. 19: 18 Зогр.) ‘Мина твоя, господин, принесла пять мин’, **бракъ бꙑстъ въ кана** [М. ед. ж.] **галилѣiсцѣ** (Ин. 2: 1 Зогр.) ‘свадьба была в Кане Галилейской’.

Для существительных родовая характеристика постоянна, в отличие, например, от прилагательных, для которых род — словоизменительная грамматическая категория. Ср., с одной стороны, существительные среднего рода **соухо** ‘суша’[1] И. ед. с., **соуха** Р. ед. с., **соухъ** Р. мн. с. и **благо** ‘добро, доброе дело’ И. ед. с.[2], **блага** Р. ед. с., **благъ** Р. мн. с., а с другой — однокоренные прилагательные, изменяющиеся по родам, **дѫбъ соухъ** И. ед. м., **рѫка соуха** И. ед. ж., **тѣло соухо** И. ед. с. и **пастоухъ благъ** И. ед. м., **вѣра блага** И. ед. ж., **дѣло благо** И. ед. с.

Для некоторых существительных старославянские памятники отражают колебания в роде: ср. **ѥзеро** с. — **ѥзеръ** м. ‘озеро’, **прапрѫдъ** м. — **прапрѫда** ж. и **прѣпрѫдь** ж. ‘багряница, богатая одежда пурпурного цвета’. Однако, в сущности, здесь имеет место колебание не столько в роде, сколько в типе склонения, с которым в старославянском языке категория рода имеет непосредственную связь.

§ 46. Имя существительное: категория числа

В отличие от большинства современных славянских языков в старославянском языке было не два числа (единственное и множественное), а три: *единственное* (singularis), *двойственное* (dualis) и *множественное* (pluralis). Конечно, трехчленная система числовых противопоставлений была характерна не только для существительных, но также для местоимений, прилагательных

[1] В старославянском было и другое слово с тем же значением — **соуша**: ср. **ходѧ и по мороу акꙑ по соухоу** (Супр. 77.8) ‘ходящий по морю, как по суше’ и **прѣходите море и соушѫ** (Мф. 23: 15 Мар.) ‘обходите море и сушу’.

[2] Ср. в сочетании с прилагательным: **благо же приимше великое отъ чловѣколюбивааго б҃а** (Супр.) ‘добро принявшие великое от человеколюбивого Бога’.

и глаголов. Такая система организации категории числа имела праславянские и индоевропейские истоки. Отчасти она сохранилась в словенском и лужицких языках.

Морфологически категория числа выражалась при помощи флексии. В старославянском языке формы единственного, двойственного и множественного числа последовательно различались во всех падежах. В качестве примера приведем склонение слов **жена** и **мѫжь** (табл. 10).

Таблица 10

Склонение слов жена и мѫжь в единственном, двойственном и множественном числе

Падеж	Ед. ч.		Дв. ч.		Мн. ч.	
И.	**жена**	**мѫжь**	**женѣ**	**мѫжа**	**жены**	**мѫжи**
Р.	**жены**	**мѫжа**	**женоу**	**мѫжю**	**женъ**	**мѫжь**
Д.	**женѣ**	**мѫжю**	**женама**	**мѫжема**	**женамъ**	**мѫжемъ**
В.	**женѫ**	**мѫжь**	**женѣ**	**мѫжа**	**жены**	**мѫжѧ**
Т.	**женоѭ**	**мѫжемь**	**женама**	**мѫжема**	**женами**	**мѫжи**
М.	**женѣ**	**мѫжи**	**женоу**	**мѫжю**	**женахъ**	**мѫжихъ**

Единственное исключение — совпадение форм двойственного и множественного числа в И.-В. у существительных женского рода i-склонения типа **кость** (см. § 52): И.-В. дв. **кости** = И.-В. мн. **кости** (но ср. И. дв. **гости** ≠ И. мн. **гостиѥ**).

Формы двойственного числа использовались в старославянском языке при обозначении двух предметов или лиц. Наиболее последовательно формы двойственного числа употреблялись в сочетании с числительным **дъва/дъвѣ** и местоимением **оба/обѣ** (так называемое *связанное двойственное*: **дъвѣ женѣ** ‘две женщины’, **дъвѣ лѣтѣ** ‘два года’, **дъвѣма господьма** ‘двум господам’) и в тех контекстах, где речь шла о парных предметах (**рѫцѣ** ‘руки (обе)’, **оуши** ‘уха (оба)’, **родителꙗ** ‘родители (оба)’). Связанному двойственному было противопоставлено *свободное двойственное*, когда существительное в двойственном числе употреблялось без числительного. В случае, когда парные предметы относились не к одному, а ко многим лицам, в старославянском языке могли употребляться формы как двойственного (так называемое *дистрибутивное двойственное*), так и множественного числа: **се прѣдаатъ сѧ с҃нъ чл҃вчскы въ рѫцѣ** [В. дв.] **грѣшьникомъ** (Мар.) ‘вот, предается Сын Человеческий в руки грешников’ — **не омываѭтъ бо рѫкъ** [Р. мн.] **своихъ егда хлѣбъ ѣдѧтъ** (Мар.) ‘ибо не умывают рук своих, когда хлеб едят’[1]; **егда оумы нозѣ ихъ . i приѩтъ ризы своѩ** (Ин. 13: 12 Зогр., Мар., Сав.)

[1] Ср. вариативность дистрибутивного единственного и множественного в современном русском языке: *Все подняли* ***руку / руки***.

‘когда умыл им ноги и надел одежду свою...’ — **въ рѣцѣ проіджтъ ногами** (Пс. 65: 6. Син.) ‘через реку перешли ногами’. Парные существительные получают только свободное двойственное (**никъ̆тоже бо можааше своима очима бг҃а бесплътъна видѣти** (Супр. 364. 15) ‘ибо никто не мог видеть своими глазами бесплотного Бога’; **оудобѣе бо естъ вельбждоу • сквозѣ іглинѣ оуши проіти** (Лк.18: 25); **оуши ѥмоу свѣтьлѣ быста** (Супр. 142. 7) ‘уши его стали радостными (= просветлели)’), если нет количественного противопоставления, при котором вместо числительного **дъва/дъвѣ** используется местоимение **оба/обѣ** (**добрѣе ти естъ съ единѣмь окомь • вьнити вь цр҃сие бж҃ие. неже обѣ очи имжщю • ити въ геонж огньнжѭ** (Мк. 9:47) ‘лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие, чем, имея оба глаза, пойти в геенну огненную’; **обѣма ржкама ѥго имъша за обѣ полѣ ризьнѣи • и закрывающта обнаженѥ своѥ** (Супр. 187.7) ‘обеими руками своими взявшегося за обе половины верхней одежды (=ризы) и прикрывающего наготу свою’[1].

Собирательные существительные обозначали совокупности предметов или лиц, но формально оставались существительными единственного числа, поэтому в принципе от них могли образовываться и формы множественного числа: ср. существительное мужского рода И. ед. **камы** ‘камень’ (И. мн. **камене** ‘камни’) и собирательное существительное среднего рода И. ед. **каменѥ** ‘каменье’ (И. мн. **каменьꙗ**); И. ед. **братъ** ‘брат’ (И. мн. **брати** ‘братья’) и собирательное существительное женского рода **братиꙗ** ‘братия (монастырская)’ (И. мн. **братиѩ**). Формы множественного числа собирательных существительных, вероятно, первоначально обозначали множества совокупностей. Однако у некоторых существительных довольно рано формы собирательных существительных стали вытеснять формы множественного числа (ср. рус. *брат — братья, лист — листья*[2]).

§ 47. Категория падежа

В старославянском языке различалось 7 падежей. Перечислим некоторые типичные синтаксические значения славянских падежей:

1. *Именительный* (лат. Nominativus) — падеж подлежащего и именного сказуемого;

---

[1] Подробнее о состоянии двойственного числа в праславянском и старославянском языках см.: Историческая грамматика древнерусского языка / под. ред. В. Б. Крысько. Т. II: Двойственное число / О. Ф. Жолобов, В. Б. Крысько. М., 2001. С. 11—47.

[2] Рус. *листья* по происхождению является древней формой И. мн. собирательного существительного ср. р. **листиѥ** (ср. **листъ**), в то время как *братья* — древняя форма И. ед. собирательного существительного ж. р. **братиꙗ** (ср. **братъ**).

2. *Родительный* (лат. Genetivus) — падеж приименного дополнения или прямого дополнения при глагольном отрицании, признака предмета, а также субъекта и объекта действия;

3. *Дательный* (лат. Dativus) — падеж косвенного дополнения, объекта, по направлению к которому или для которого совершается действие;

4. *Винительный* (лат. Accusativus) — падеж прямого дополнения;

5. *Творительный* (лат. Instrumentalis) — падеж орудия действия (вместе с чем или при помощи чего производится действие), иногда — обстоятельства времени или образа действия;

6. *Местный* (лат. Locativus) — падеж обстоятельства места или времени;

7. *Звательный* (лат. Vocativus) — падеж обращения.

В праиндоевропейском был еще один падеж — *отложительный* (лат. Ablativus), падеж приименного дополнения (предмет, от которого удаляются или от которого отправляется действие). Аблатив сохранился в индоиранских языках, а в праславянском был вытеснен генетивом.

Звательный падеж не всегда включают в падежную систему, называя его *звательной формой*, поскольку обращение не является членом предложения. Однако звательная форма часто включается в структуру предложения, сближаясь по функции с именительным падежом подлежащего: ср. **нꙑнѣ поустиши раба твоего владꙑко** (Лк. 2: 29 Зогр.). Это вызвано тем, что название лица, выраженное звательной формой, может мыслиться как субъект действия, выраженного в форме 2 л. глагола.

Морфологически категория падежа находила свое выражение во всей системе падежных противопоставлений. В двойственном числе каждое существительное имело только три формы: 1) И.-В.-Зв., 2) Р.-М., 3) Д.-Т. (табл. 11).

Таблица 11

Склонение сущ. столъ м., стрѣла ж., село с. р. в двойственном числе

Падеж	М. р.		Ж. р.		С. р.	
И.-В.-Зв.	дъва	стола	дъвѣ	стрѣлѣ	дъвѣ	селѣ
Р.-М.	дъвою	столоу	дъвою	стрѣлоу	дъвою	селоу
Д.-Т.	дъвѣма	столома	дъвѣма	стрѣлама	дъвѣма	селома

Существительные среднего рода имели одну форму И.-В.-Зв. не только в двойственном, но также в единственном и множественном числе.

Падеж	Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.
И.-В.-Зв.	(ѥдино) село	(дъвѣ) селѣ	(три) села

§ 48. Типы склонения имен существительных

Склонением традиционно называют систему словоизменения именных форм языка. В старославянском языке различаются следующие разновидности склонения: *именное* (склонение существительных, именных (кратких) прилагательных и числительных со значением ‘3’—‘10’) и *местоименное* (склонение неличных местоимений и числительных со значением ‘1’ и ‘2’), а также *склонение полных прилагательных*, возникшее на базе двух первых. Особняком стоит склонение личных местоимений.

Таким образом, склонение существительных в старославянском языке — это изменение существительных по падежам в единственном, двойственном и множественном числе. Старославянский язык как язык, для которого характерно четкое противопоставление основы и окончания (флексии) в словоформах имени существительного, различает разные типы склонения существительных, т. е. классы слов (лексем), которые характеризуются одинаковыми падежно-числовыми флексиями. Типы склонения представляют собой системы не совпадающих друг с другом *словоизменительных парадигм*[1]. Если родовая классификация существительных довольно ярко отражается в формах согласуемых с ними слов, то классификация по типам склонения базируется исключительно на различиях в структуре самого имени. Склонение именных (кратких) форм прилагательных не отличалось от склонения имен существительных, за исключением того, что у существительных имелось больше типов склонения, чем у кратких прилагательных, которые распределялись по двум продуктивным типам склонения, имевшимся и у имен существительных.

Склонение имен существительных в старославянском языке, с одной стороны, определяется их *родом*, а с другой — *типами основы*, восходящими еще к праиндоевропейской системе. В процессе эволюции праславянского языка индоевропейская классификация типов склонения, связанная с фонетической характеристикой основы, постепенно заменялась собственно славянской классификацией по родам. В значительной степени преобразованию индоевропейской системы склонения способствовали фонетические изменения, связанные с тенденцией к открытости слога. В старославянском языке смешение типов склонения, восходящих к и.-е., зашло достаточно далеко. Классификация, основанная на различении индоевропейских основ на *ā/jā, *ŏ/jŏ, *ū, *ŭ, *ĭ и на

[1] Под *словоизменительной парадигмой* (от греч. παράδειγμα ‘образец, пример’) обычно понимается упорядоченная совокупность словоформ с одним лексическим значением и разными грамматическими значениями.

согласные, не соответствовала реальному соотношению основ и флексий, представленному в старославянском, где бывшие тематические гласные основ стали частью флексий. Фактически в позднем праславянском и старославянском языках основы всех типов склонения оканчивались на согласный (см. табл. 12).

Таблица 12

Типы склонения имен существительных

Падеж	*ā	*ŏ	*ŭ	*ĭ	*ū/*uv	*es
И. ед.	**раб-а**	**раб-ъ**	**вол-ъ**	**кост-ь**	**боук-ы**	**слов-о**
Р. ед.	**раб-ы**	**раб-а**	**вол-оу**	**кост-и**	**боукъв-є**	**словес-є**
Д. ед.	**раб-ѣ**	**раб-оу**	**вол-ови**	**кост-и**	**боукъв-и**	**словес-и**
В. ед.	**раб-ѫ**	**раб-ъ**	**вол-ъ**	**кост-ь**	**боукъв-ь**	**слов-о**

Это было следствием перераспределения основ в пользу окончаний: в праславянском языке граница между основой и флексией сместилась влево. Толчком к этому послужили утрата конечных согласных и монофтонгизация дифтонгов.

Тем не менее традиционно старославянское склонение рассматривается через призму индоевропейского праязыка, и было бы опрометчиво отступать от этой традиции (см. табл. 13). Во-первых, древнейшие памятники отражают определенные тенденции в преобразовании типов склонения, поэтому для понимания этих тенденций полезно иметь некую общую точку отсчета. Во-вторых, эти тенденции более понятны, если их рассматривать в исторической перспективе, тем более что перестройка склонения на базе категории рода еще не завершилась в период создания старославянского языка.

Таблица 13

Переразложение именных основ в праславянском языке

Падеж	И.-е. →	Раннепсл. →	Позднепсл. →	Ст.-сл.
И. ед.	*g^{w}enā-#	*genā-#	*žen-ā > *žen-a	**жен-а**
Р. ед.	*g^{w}enā-os	*genā-s[1]	*žen-ā > *žen-y[2]	**жен-ы**
Д. ед.	*g^{w}enā-ei	*genā-i	*žen-$ē_2$ > *žen-ě	**жен-ѣ**
В. ед.	*g^{w}enā-m	*genā-n	*žen-ān > *žen-ǫ	**жен-ѫ**

[1] То есть *g^{w}enā-os > *g^{w}enā-as > *g^{w}enā-s.

[2] Существуют разные фонетические и морфологические интерпретации этого изменения.

Таблица 14

Распределение имен существительных по типам склонения и по родам

Тип склонения	Окончание И. ед./Р. ед.	Род		
		Мужской	Средний	Женский
*a	-а / -ꙑ	воѥвода, -ꙑ владꙑка, -ꙑ		жена, -ꙑ нога, -ꙑ
*ja	-ꙗ / -ѩ -а / -ѧ	оубиица, -ѧ ꙗдьца, -ѧ		банꙗ, -ѩ змиꙗ, -ѩ доуша, -ѧ овьца, -ѧ
	-и / -ѩ	кръмьчии, -ѩ балии, -ѩ		млънии, -ѩ рабꙑн҄и, -ѩ
*o	-ъ / -а	врагъ, -а сѫдъ, -а		
	-о / -а		мѣсто, -а вино, -а	
*jo	-ь / -ꙗ -ь / -а -и / -ꙗ	кон҄ь, -ꙗ коньць, -а покои, -ꙗ ходатаи, -ꙗ жрѣбии, -ꙗ зълодѣи, -ꙗ		
	-ѥ / -ꙗ -є / -а		морѥ, -ꙗ съдравиѥ, -ꙗ жилиштє, -а лицє, -а	
*u	-ъ / -оу	сꙑнъ, -оу врьхъ, -оу		
*i	-ь / -и	пѫть, -и господь, -и		кость, -и заповѣдь, -и
*en	-ꙑ / -(єн)є -ь / -є	камꙑ, -(єн)є корєнь, -є дьнь, -є		
	-ѧ / -(єн)є		имѧ, -(єн)є сѣмѧ, -(єн)є	
*ent	-ѧ /-(ѧт)є		отрочѧ, -(ѧт)є осьлѧ, -(ѧт)є	
*es	-о / -(єс)є		тѣло, -(єс)є чюдо, -(єс)є	
*er	-и / -(єр)є			мати, -(єр)є дъщи, -(єр)є
*uv	-ꙑ / -(ъв)є			црькꙑ, -(ъв)є свєкрꙑ, -(ъв)є

С учетом изменений, отраженных старославянскими памятниками, представляется целесообразным, сохраняя в целом индоевропейскую классификацию типов склонения, различать в старославянском языке продуктивные и непродуктивные типы склонения имен существительных (см. табл. 14). Продуктивными были типы склонения, восходящие к древним основам на *ā («женское» склонение, по которому склонялись многие существительные женского рода и некоторые существительные мужского рода, обозначавшие лиц мужского пола) и на *ŏ («неженское» склонение, по которому склонялись существительные мужского и среднего рода). Каждый из этих типов имел «твердую» (собственно на *ā и *ŏ) и «мягкую» (на *jā и *jŏ) разновидности склонения. По типу на *а склонялись также имена прилагательные женского рода, а по типу на *о — прилагательные мужского и среднего рода. С некоторыми оговорками, касающимися существительных мужского рода, к продуктивным типам можно отнести и склонение на *ĭ. Новые заимствования осваивались продуктивными типами склонения. Кроме того, продуктивные типы склонения втягивали в свою орбиту слова, входившие в непродуктивные типы.

Что касается древнего склонения на *ŭ, то в старославянском языке в целом оно уже не представляло самостоятельного типа, находясь в процессе слияния в один тип со склонением на *ŏ. Результатом этого слияния были варианты окончаний в типе склонения на *ŏ, отраженные старославянскими памятниками. Древний тип склонения на согласный, в который входили существительные всех трех родов, и примыкавший к ним тип склонения на *ū = ŭv также находились в состоянии разложения. Многие слова, когда-то склонявшиеся по типу на согласный и *ū = ŭv, переходили в продуктивные типы склонения (об изменениях в системе типов склонения см. § 55).

Итак, в старославянском языке представлены следующие типы склонения имен существительных (в дальнейшем мы не будем указывать долготу/краткость тематического гласного основы в названиях древних типов склонений):

- продуктивное склонение существительных ж. р. на ***a/*ja**;
- продуктивное склонение существительных м. р. на ***a/*ja**;
- продуктивное склонение существительных м. р. на ***o/*jo**;
- продуктивное склонение существительных с. р. на ***o/*jo**;
- продуктивное склонение существительных ж. и м. р. на ***i**;
- древний тип склонения существительных м. р. на ***u**;
- древние типы склонения на согласный: ***er**, ***en**, ***es**, ***ent** и ***uv**.

§ 49. Тип склонения на *а/*ja

В данный тип склонения входило прежде всего подавляющее большинство существительных женского рода (см. табл. 15). Они могли оканчиваться в И. ед. на **-а** (подтип на *а) или **-ꙗ** (подтип на *ja): **жена**, **страна**, **рѫка**, **нога**, **моуха**, **доуша**, **овьца**, **ловлꙗ**, **вꙑꙗ** ‘шея’ и т. д.; на **-ꙑн҄и** (= [-yń-i]) или **-ии** (= [-ьj-i]): **рабꙑн҄и**, **грьдꙑн҄и**, **поустꙑн҄и**, **млънии**, **ладии** ‘лодка’ и т. д.

Кроме того, к данному типу склонения относились существительные мужского рода (как правило, обозначающие лицо мужского пола), оканчивающиеся в И. ед. на **-а** или **-ꙗ**: **воѥвода**, **владꙑка**, **дрѣводѣлꙗ** ‘плотник’, **юноша** и т.д.; на **-чии** (= [-čьj-i]) и **-ии** (= [-ьj-i]): **кръмьчии** ‘рулевой’, **самъчии** ‘начальник’, **сокачии** ‘мясник, повар’, **шаръчии** ‘художник’, **сѫдии** ‘судья’ и т. д.

Таблица 15

Склонение существительных женского рода

Падеж	Твердый подтип		Мягкий подтип			
Единственное число						
И.	жена	рѫка	каплꙗ	вꙑꙗ	ладии	овьца
Р.	женꙑ	рѫкꙑ	каплѩ	вꙑѩ	ладиѩ	овьцѩ
Д.	женѣ	рѫцѣ	капл҄и	вꙑи	ладии	овьци
В.	женѫ	рѫкѫ	каплѭ	вꙑѭ	ладиѭ	овьцѭ
Т.	женоѭ	рѫкоѭ	каплѥѭ	вꙑѥѭ	ладиѥѭ	овьцеѭ
М.	женѣ	рѫцѣ	капл҄и	вꙑи	ладии	овьци
Зв.	жено	рѫко	каплѥ	вꙑѥ	ладиѥ	овьце
Множественное число						
И.-Зв.	женꙑ	рѫкꙑ	каплѩ	вꙑѩ	ладиѩ	овьцѩ
Р.	женъ	рѫкъ	капл҄ь	вꙑи	ладии	овьць
Д.	женамъ	рѫкамъ	каплꙗмъ	вꙑꙗмъ	ладиꙗмъ	овьцамъ
В.	женꙑ	рѫкꙑ	каплѩ	вꙑѩ	ладиѩ	овьцѩ
Т.	женами	рѫками	каплꙗми	вꙑꙗми	ладиꙗми	овьцами
М.	женахъ	рѫкахъ	каплꙗхъ	вꙑꙗхъ	ладиꙗхъ	овьцахъ
Двойственное число						
И.-В.-Зв.	женѣ	рѫцѣ	капл҄и	вꙑи	ладии	овьци
Р.-М.	женоу	рѫкоу	каплю	вꙑю	ладию	овьцю
Д.-Т.	женама	рѫкама	каплꙗма	вꙑꙗма	ладиꙗма	овьцама

В этом типе склонения выделяются две разновидности — *твердая* (подтип на *а) и *мягкая* (подтип на *ja), имеющие закономерные различия в падежных окончаниях (см. табл. 16). Например, окончанию **-ѣ** твердой разновидности соответствует **-и** мягкой разновидности (ср. Д. и М. ед. и И.-В. дв. **женѣ — доуши**), а окончанию **-ы** твердой разновидности соответствует **-ѩ** мягкой разновидности (ср. Р. ед. и И.-В. мн. **жены — доушѩ**).

В тех случаях, когда конечный согласный основы был заднеязычным, перед окончанием **-ѣ** в формах Д. и М. ед. и И.-В. дв. имеются рефлексы 2-й палатализации: ср. **рѫка, слоуга, пазоуха — рѫцѣ, слоуꙃѣ, пазоусѣ**.

Таблица 16

Склонение существительных мужского рода

Падеж	**Твердый подтип**		**Мягкий подтип**		
Единственное число					
И.	юнота	слоуга	балии	юноша	ꙗдьца
Р.	юноты	слоугы	балиѩ	юношѧ	ꙗдьцѧ
Д.	юнотѣ	слоуꙃѣ	балии	юноши	ꙗдьци
В.	юнотѫ	слоугѫ	балиѭ	юношѫ	ꙗдьцѭ
Т.	юнотоѭ	слоугоѭ	балиѥѭ	юношеѭ	ꙗдьцеѭ
М.	юнотѣ	слоуꙃѣ	балии	юноши	ꙗдьци
Зв.	юното	слоуго	балии	юноше	ꙗдьце
Множественное число					
И.-Зв.	юноты	слоугы	балиѩ	юношѧ	ꙗдьцѧ
Р.	юнотъ	слоугъ	балии	юношь	ꙗдьць
Д.	юнотамъ	слоугамъ	балиꙗмъ	юношамъ	ꙗдьцамъ
В.	юноты	слоугы	балиѩ	юношѧ	ꙗдьцѧ
Т.	юнотами	слоугами	балиꙗми	юношами	ꙗдьцами
М.	юнотахъ	слоугахъ	балиꙗхъ	юношахъ	ꙗдьцахъ
Двойственное число					
И.-В.-Зв.	юнотѣ	слоуꙃѣ	балии	юноши	ꙗдьци
Р.-М.	юнотоу	слоугоу	балию	юношю	ꙗдьцю
Д.-Т.	юнотама	слоугама	балиꙗма	юношама	ꙗдьцама

У существительных, входивших в твердую разновидность склонения, конечный согласный основы был фонологически твердым по всей парадигме, за исключением тех случаев, когда имелся рефлекс 2-й палатализации. У существительных мягкой разновидности конечный согласный был палатальным, причем в большинстве случаев палатальный согласный в исходе основы был рефлексом сочетания согласного с *j или рефлексом *j после гласного: **доуша** < *douxjā, **капльа** < *kāpjā, **ладии** < *aldijī и т. п. Кроме того, в мягкую разновидность этого типа склонения входили существительные, которые в исходе основы имели рефлекс 3-й палатализации и которые этимологически никогда не имели *j перед флексией: **овьца** < *avikā, **вьдовица** < *vidavīkā, **польꙃа** < *paligā и т. п. До 3-й палатализации они относились к твердой разновидности склонения.

§ 50. Тип склонения на *o/*jo

В этом типе склонения объединились существительные мужского и среднего рода. Существительные мужского рода оканчивались в И. ед. на **-ъ** (подтип на *o) или -ь (подтип на *jo): **врагъ**, **рабъ**, **животъ**, **мѫжь**, **въпль** и т. д. Некоторые слова мужского рода оканчивались в И. ед. на **-и** (= [jь]): **раи**, **краи**, **врабии** ‘воробей’ и т. д. (см. табл. 17).

Существительные среднего рода оканчивались в И. ед. на **-о** (подтип на *o) или **-ѥ** (подтип на *jo): **село**, **вино**, **полѥ**, **лице**, **знамениѥ** и т. д.

Как и в типе на *a/*ja, в этом типе склонения выделяются две разновидности — *твердая* (подтип на *o) и *мягкая* (подтип на *jo), у которых наблюдаются регулярные соответствия в падежных окончаниях (см. табл. 18). У существительных, входивших в твердую разновидность склонения, конечный согласный основы был фонологически твердым по всей парадигме, конечно, за исключением тех форм, где имелся рефлекс 2-й палатализации. У существительных мягкой разновидности конечный согласный был палатальным, который обычно являлся рефлексом сочетания согласного с *j или рефлексом *j после гласного: **ножь** < *nozjas, **въпль** < *vupjas, **краи** < *krājas и т. п. К мягкой разновидности склонения относились также существительные, никогда не имевшие *j в исходе основы и получившие палатальный согласный в качестве рефлекса 3-й палатализации: **отьць** < *atikas, **кънѧꙃь** < *kuningas и т. п. Первоначально они относились к твердой разновидности склонения и перешли в мягкий подтип после появления палатального согласного в результате 3-й палатализации.

В тех случаях, когда конечный согласный основы был заднеязычным (**-к-**, **-г-**, **-х-**), перед окончаниями **-ѣ** и **-и** в формах М. ед.

и И. и М. мн. дв. имеются рефлексы 2-й палатализации: ср. **отрокъ, дроугъ, женихъ** — М. ед. **отроцѣ, дроуꙃѣ, женисѣ**; М. мн. **отроцѣхъ, дроуꙃѣхъ, женисѣхъ**; И. мн. **отроци, дроуꙃи, жениси**; а в форме Зв. ед. — рефлексы 1-й палатализации: ср. **отрочє, дроужє, женишє**. В мягкой разновидности у существительных с суффиксом **-ьць**, где /c'/ по всей парадигме (кроме формы Зв. ед.) является рефлексом 3-й палатализации, в Зв. ед. перед окончанием **-є** также стоит рефлекс 1-й палатализации: ср. **отьць** И. ед. — **отьчє** Зв. ед. (< *atike). Это объясняется тем, что подобные существительные исконно принадлежали к твердой разновидности и перешли в мягкий подтип только после 3-й палатализации, сохранив, однако, исконную звательную форму с закономерным рефлексом 1-й палатализации.

Таблица 17

Склонение существительных мужского рода

Падеж	**Твердый подтип**			**Мягкий подтип**		
Единственное число						
И.	пьсъ	мѣхъ	богъ	кон҄ь	жрѣбии	отьць
Р.	пьса	мѣха	бога	конꙗ	жрѣбиꙗ	отьца
Д.	пьсоу	мѣхоу	богоу	коню	жрѣбию	отьцю
В.	пьсъ, -а	мѣхъ	богъ, -а	кон҄ь, -ꙗ	жрѣбии	отьць, -а
Т.	пьсомь	мѣхомь	богомь	конѥмь	жрѣбиѥмь	отьцемь
М.	пьсѣ	мѣсѣ	боꙃѣ	кон҄и	жрѣбии	отьци
Зв.	пьсє	мѣшє	божє	коню	жрѣбию	отьчє
Множественное число						
И.-Зв.	пьси	мѣси	боꙃи	кон҄и	жрѣбии	отьци
Р.	пьсъ	мѣхъ	богъ	кон҄ь	жрѣбии	отьць
Д.	пьсомъ	мѣхомъ	богомъ	конѥмъ	жрѣбиѥмъ	отьцемъ
В.	пьсы	мѣхы	богы	конѩ	жрѣбиѩ	отьцѧ
Т.	пьсы	мѣхы	богы	кон҄и	жрѣбии	отьци
М.	пьсѣхъ	мѣсѣхъ	боꙃѣхъ	кон҄ихъ	жрѣбиихъ	отьцихъ
Двойственное число						
И.-В.-Зв.	пьса	мѣха	бога	конꙗ	жрѣбиꙗ	отьца
Р.-М.	пьсоу	мѣхоу	богоу	коню	жрѣбию	отьцю
Д.-Т.	пьсома	мѣхома	богома	конѥма	жрѣбиѥма	отьцема

Таблица 18

Склонение существительных среднего рода

Падеж	Твердый подтип		Мягкий подтип			
Единственное число						
И.-В.-Зв.	**рало**	**вѣко**	**ложе**	**полѥ**	**житиѥ**	**чѧдьце**
Р.	**рала**	**вѣка**	**ложа**	**полꙗ**	**житиꙗ**	**чѧдьца**
Д.	**ралоу**	**вѣкоу**	**ложю**	**полю**	**житию**	**чѧдьцю**
Т.	**раломь**	**вѣкомь**	**ложемь**	**полѥмь**	**житиѥмь**	**чѧдьцемь**
М.	**ралѣ**	**вѣцѣ**	**ложи**	**пол҄и**	**житии**	**чѧдьци**
Множественное число						
И.-В.-Зв.	**рала**	**вѣка**	**ложа**	**полꙗ**	**житиꙗ**	**чѧдьца**
Р.	**ралъ**	**вѣкъ**	**ложь**	**пол҄ь**	**житии**	**чѧдьць**
Д.	**раломъ**	**вѣкомъ**	**ложемъ**	**полѥмъ**	**житиѥмъ**	**чѧдьцемъ**
Т.	**ралъı**	**вѣкъı**	**ложи**	**пол҄и**	**житии**	**чѧдьци**
М.	**ралѣхъ**	**вѣцѣхъ**	**ложихъ**	**пол҄ихъ**	**житиихъ**	**чѧдьцихъ**
Двойственное число						
И.-В.-Зв.	**ралѣ**	**вѣцѣ**	**ложи**	**пол҄и**	**житии**	**чѧдьци**
Р.-М.	**ралоу**	**вѣкоу**	**ложю**	**полю**	**житию**	**чѧдьцю**
Д.-Т.	**ралома**	**вѣкома**	**ложема**	**полѥма**	**житиѥма**	**чѧдьцема**

Существительные мужского рода с суффиксами **-тел҄ь**, **-ар҄ь**, **-инъ** (обозначавшие лиц) склонялись по типу *o/*jo только в единственном числе, во множественном числе они изменялись по типу основ на согласные (см. § 54).

Заимствованные слова на **-єи/-ѣи** типа **иѥреи/иѥрѣи** (< греч. ἱερεύς) могли иметь некоторые падежные флексии, начинающиеся с **-о-** и **-а-**, т. е. по твердому типу: ср. **иѥреомъ** Д. мн. (Мар.), **фарисѣомъ** Д. мн. (Зогр., Мар., Асс., Сав.), **олѣомь** Т. ед. (Зогр.), **олѣа** Р. ед. (Син.), **зеведеомь** Т. ед. (Асс.), **зеведѣа** В. ед. (= Р.) (Асс.). Это, видимо, связано с произношением данных форм без /j/, что вызывало изменение /е/ > /о/ (ср. также **геона** < греч. γέεννα, **витьлеомъ** < греч. Βηθλεέμ)[1].

[1] См.: *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. М., 1957. С.116—117, 239.

§ 51. Тип склонения на *u

К этому типу склонения относились только существительные мужского рода, оканчивающиеся в И. ед. на **-ъ**: **волъ**, **сынъ**, **полъ** 'половина', **домъ**, **медъ**, **врьхъ**, а также **чинъ**, **садъ**, **даръ**, **санъ**, **рѧдъ** и др.[1] Однако у большинства слов, для которых можно предполагать былую принадлежность к типу склонения на *u, падежные окончания данного типа сохранились лишь частично. Только первые шесть существительных безусловно относились к данному типу склонения еще в праиндоевропейском языке. Тем не менее круг существительных, относившихся к типу склонения на *u в праславянском языке, был значительно шире, т. е. когда-то он представлял собой достаточно продуктивный тип. На связь с основами на *u указывают, в частности, производные с суффиксом **-ов-** от некоторых слов: ср. ст.-сл. **грѣховьнъ**, **сановитъ** и т. п., что предполагает принадлежность существительных **грѣхъ**, **санъ** к типу на *u в праславянском языке.

Таблица 19

Склонение существительных мужского рода

Единственное число				
И.	**сынъ**	**волъ**	**домъ**	**медъ**
Р.	**сыноу**	**волоу**	**домоу**	**медоу**
Д.	**сынови**	**волови**	**домови**	**медови**
В.	**сынъ**	**волъ**	**домъ**	**медъ**
Т.	**сынъмь**	**волъмь**	**домъмь**	**медъмь**
М.	**сыноу**	**волоу**	**домоу**	**медоу**
Зв.	**сыноу**	**волоу**	**домоу**	**медоу**
Множественное число				
И.-Зв.	**сынове**	**волове**	**домове**	**медове**
Р.	**сыновъ**	**воловъ**	**домовъ**	**медовъ**
Д.	**сынъмъ**	**волъмъ**	**домъмъ**	**медъмъ**
В.	**сыны**	**волы**	**домы**	**меды**
Т.	**сынъми**	**волъми**	**домъми**	**медъми**
М.	**сынъхъ**	**волъхъ**	**домъхъ**	**медъхъ**
Двойственное число				
И.-В.-Зв.	**сыны**	**волы**	**домы**	**меды**
Р.-М.	**сыновоу**	**воловоу**	**домовоу**	**медовоу**
Д.-Т.	**сынъма**	**волъма**	**домъма**	**медъма**

[1] См.: *Эккерт Р.* К вопросу о составе группы имен существительных на -ŭ в праславянском языке // Вопросы славянского языкознания. М., 1959. Вып. 4; *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 330—331; *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. С. 240—242; *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 109—112.

В старославянском языке тип склонения на *u фактически уже не представляет собой самостоятельного типа, а слова, принадлежавшие к нему в праславянском языке, могут рассматриваться как относящиеся к типу склонения на *о (твердая разновидность). При этом ряд флексий древнего склонения на *u выступает в качестве вариантов исконных флексий типа склонения на *о: ср. **гласа — гласоу** Р. ед., **богоу — богови** Д. ед., **чини — чинове** И. мн., **грѣхъ — грѣховъ** Р. мн. и т. п. (ср. табл. 17 и 19).

§ 52. Тип склонения на *i

В этом типе склонения объединились существительные мужского и женского рода, которые оканчивались в И. ед. на **-ь** (см. табл. 20). При этом в словах женского рода конечный согласный основы по всей парадигме мог быть как твердым, так и мягким (палатальным): ср. **пѧдь** ‘пядь’, **вьсь** ‘деревня, село’, **вѣсть**, **стоудень** ‘стужа’, **ноштъ**, **мꙑшь** и т. д. В словах мужского рода этого склонения конечный согласный основы мог быть только фонологически твердым: **чрьвь**, **голѫбь**, **тьсть**, **ѫгль** и т.п.

К этому типу склонения относились также существительные, употреблявшиеся только во множественном числе (так называемые *pluralia tantum*): **гѫсли** (ж.), **ꙗсли** (ж.), **дѣти** (ж.), **людиѥ** (м.). Во множественном числе различие по роду отражается в форме И.: в ж. **-и**, в м. **-иѥ**.

По типу на *i изменялись существительные ср. рода **очи** (**око**) и **оуши** (**оухо**), но только в двойственном числе (см. § 54).

§ 53. Тип склонения на согласный (*en, *er, *es, *ent, *uv)

К этому типу склонения относились существительные всех трех родов и распределялись они по подтипам в зависимости от согласного в конце древней основы: *en, *er, *es, *ent, *uv. В индоевропейском и раннем праславянском основы на согласный не имели тематического гласного (были нетематическими). В старославянском языке основообразующие суффиксы -en-, -er-, -es-, -ent-, -uv- проявляются в формах косвенных падежей единственного числа и во всех формах множественного и двойственного числа, т. е. во всех формах, кроме И. ед., где они представлены в преобразованном виде и могут рассматриваться как окончание И. ед.: ср. И. ед. **слов-о** — Р. ед. **слов-ес-е**, И. ед. **им-ѧ** — Р. ед. **им-ен-е**, И. ед. **мат-и** — Р. ед. **мат-ер-е** и т. д. (см. табл. 21).

Таблица 20

Склонение существительных женского и мужского рода

Падеж	Женский род			Мужской род		
	Единственное число					
И.	**вьсь**[1]	**мышь**	—	**гвоздь**	**тать**	—
Р.	**вьси**	**мыши**	—	**гвозди**	**тати**	—
Д.	**вьси**	**мыши**	—	**гвозди**	**тати**	—
В.	**вьсь**	**мышь**	—	**гвоздь**	**тать**	—
Т.	**вьсиѭ**	**мышиѭ**	—	**гвоздьмь**	**татьмь**	—
М.	**вьси**	**мыши**	—	**гвозди**	**тати**	—
Зв.	**вьси**	**мыши**	—	**гвозди**	**тати**	—
	Множественное число[2]					
И.-Зв.	**вьси**	**мыши**	**гѫсли**	**гвоздиѥ**	**татиѥ**	**людиѥ**
Р.	**вьсии**	**мышии**	**гѫслии**	**гвоздии**	**татии**	**людии**
Д.	**вьсьмъ**	**мышьмъ**	**гѫсльмъ**	**гвоздьмъ**	**татьмъ**	**людьмъ**
В.	**вьси**	**мыши**	**гѫсли**	**гвозди**	**тати**	**люди**
Т.	**вьсьми**	**мышьми**	**гѫсльми**	**гвоздьми**	**татьми**	**людьми**
М.	**вьсьхъ**	**мышьхъ**	**гѫсльхъ**	**гвоздьхъ**	**татьхъ**	**людьхъ**
	Двойственное число					
И.-В.-Зв.	**вьси**	**мыши**	—	**гвозди**	**тати**	—
Р.-М.	**вьсию**	**мышию**	—	**гвоздию**	**татию**	—
Д.-Т.	**вьсьма**	**мышьма**	—	**гвоздьма**	**татьма**	—

У существительных мужского рода с древней основой на *en в И. ед. она представлена в архаической форме только в Супр.: **камы**, **пламы**. В остальных памятниках отмечаются новые формы: **камень**, **пламень**, **корень**, **ремень**, **степень**, совпавшие с формой В. ед., что было связано с разрушением типа склонения на согласный и его преобразованием под влиянием типа склонения на *i, где в единственном числе формы И. и В. совпадали.

---

[1] Ст.-сл. **вьсь** 'деревня, село' с твердым конечным согласным основы, рефлексом и.-е. *k', — /vьsь/ (см. § 15). Ср. склонение местоимения **вьсь** 'весь' с конечным мягким согласным основы, рефлексом 3-й палатализации, — /vьśь/ (см. § 26).

[2] Ст.-сл. **гѫсли** ж. 'муз. инструмент' и **людиѥ** м. 'люди, народ, миряне' — существительные *pluralia tantum*.

Таблица 21

Склонение существительных мужского и женского рода

Падеж	Мужской род		Женский род	
	*en		*er	*uv
Единственное число				
И.	камꙑ, камень	дьнь	дъшти	црькꙑ
Р.	камене, -и	дьне, -и	дъштере, -и	црькъве, -и
Д.	камени	дьни	дъштери	црькъви
В.	камень	дьнь	дъштерь	црькъвь
Т.	каменьмь	дьньмь	дъштериѭ	црькъвиѭ
М.	камене, -и	дьне, -и	дъштере, -и	црькъве, -и
Зв.	камꙑ	дьнь	дъшти	црькꙑ
Множественное число				
И.-Зв.	камене	дьне	дъштери	црькъви
Р.	каменъ	дьнъ	дъштеръ	црькъвъ
Д.	каменьмъ	дьньмъ	дъштерьмъ	црькъвамъ
В.	камени	дьни	дъштери	црькъви
Т.	каменьми	дьньми	дъштерьми	црькъвами
М.	каменьхъ	дьньхъ	дъштерьхъ	црькъвахъ
Двойственное число				
И.-В.-Зв.	камени	дьни	дъштери	црькъви
Р.-М.	каменоу	дьноу	дъштероу, -ию	црькъвоу
Д.-Т.	каменьма	дьньма	дъштерьма	црькъвама

Склонение существительных среднего рода

Падеж	Средний род		
	*es	*en	*ent
Единственное число			
И.-В.-Зв.	слово	племѧ	агнѧ
Р.	словесе	племене	агнѧте
Д.	словеси	племени	агнѧти
Т.	словесьмь	племеньмь	агнѧтьмь
М.	словесе	племене	агнѧте
Множественное число			
И.-В.-Зв.	словеса	племена	агнѧта
Р.	словесъ	племенъ	агнѧтъ
Д.	словесьмъ	племеньмъ	агнѧтьмъ
Т.	словесꙑ	племенꙑ	агнѧтꙑ
М.	словесьхъ	племеньхъ	агнѧтьхъ
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	словесѣ	племенѣ	агнѧтѣ
Р.-М.	словесоу	племеноу	агнѧтоу
Д.-Т.	словесьма	племеньма	агнѧтьма

У существительных женского рода с древней основой на *er форма И. ед., где исконно была нулевая флексия, представлена в виде **мати** (Р. ед. **матере**) и **дъшти** (Р. ед. **дъштере**). В старославянских памятниках для этих существительных зафиксированы только формы единственного и множественного числа (формы двойственного числа реконструируются, в частности, по более поздним церковнославянским памятникам).

У существительных среднего рода с основой на *es форма И. ед. была представлена в виде **слово** (Р. ед. **словесе**), **небо** (**небесе**), **коло** (**колесе**), **дрѣво** (**дрѣвесе**), **тѣло** (**тѣлесе**), **чоудо** (**чоудесе**). Существительные **оухо** и **око** имели формы этого склонения в единственном (Р. **оушесе**, **очесе**) и множественном (И. **оушеса**, **очеса**) числе, а в двойственном они склонялись по типу на *i.

У существительных среднего рода с основой на *en форма И. ед. была представлена в виде **имѧ** (Р. ед. **имене**), **сѣмѧ** (**сѣмене**), **племѧ** (**племене**), **врѣмѧ** (**врѣмене**) и др.

У существительных среднего рода с основой на *ent форма И. ед. была представлена в виде **агнѧ** (Р. ед. **агнѧте**), **козьлѧ** (**козьлѧте**), **жрѣбѧ** (**жрѣбѧте**), **отрочѧ** (**отрочѧте**) и др.

У существительных женского рода с основой на *uv (< *ŭu̯ = *ū), т. е. с древней основой на *ū, форма И. ед. выступала с конечным формантом **-ы**, а в других падежах всех чисел была представлена основа на **-ъв-**: И. ед. **црькꙑ**, **свекры** — Р. ед. **црькъве**, **свекръве**. В Д., Т. и М. мн. у слов этого типа были окончания по типу склонения на *a: **црькъв-амъ**, **црькъв-ами**, **црькъв-ахъ**, а формы двойственного числа в старославянских памятниках не зафиксированы (в табл. 21 представлены реконструированные формы).

§ 54. Разносклоняемые существительные

Как уже было отмечено, некоторые существительные старославянского языка были разносклоняемыми, т. е. их падежно-числовые формы могли относиться к разным типам склонения. В частности, это относится к существительным мужского рода с суффиксами **-тель**, **-арь**, **-инъ**, обозначавшим лицо, деятеля, и к существительным **око** и **оухо** (см. табл. 22).

Существительные **житель**, **тѧжатель** ‘работник’, **дѣлатель**, **оучитель**, **родитель** и др., а также **мꙑтарь** ‘сборщик податей’, **рꙑбарь** ‘рыбак’, **вратарь** ‘привратник’ и др. в единственном числе склонялись по типу основ на *jo, а во множественном числе — по типу основ на согласный. Соответственно в формах единственного числа основа этих существительных оканчивалась на мягкий (палатальный) согласный /ĺ/ и /ŕ/, а в формах множественного

числа — на фонологически твердый согласный /l/ и /r/. В памятниках отмечаются формы, свидетельствующие о влиянии на склонение таких существительных во множественном числе типа склонения на *jo, характерного для склонения этих слов в единственном числе: ср. И. мн. **съвѣдѣтелі** (Син.), **властели** (Евх.), Р. мн. **съвѣдѣтел҄ь** (Зогр.) и др. Из форм единственного числа палатальный согласный мог распространяться и на парадигму множественного числа при сохранении флексии типа склонения на согласный: ср. **свѣдѣтел҄е** (Супр.) и т. п.

Таблица 22

Склонение существительных мужского и среднего рода

Падеж	*Единственное число*		
	*o	*jo	*es
И.	**гражданинъ**	**жител҄ь**	**око**
Р.	**гражданина**	**жителꙗ**	**очесе**
Д.	**гражданиноу**	**жителю**	**очеси**
В.	**гражданинъ, -а**	**жител҄ь, -ꙗ**	**око**
Т.	**гражданиномь**	**жителѥмь**	**очесьмь**
М.	**гражданинѣ**	**жител҄и**	**очесе, -и**
Зв.	**гражданине**	**жителю**	**око**
Множественное число			
	*en	*en/*jo	*es
И.-Зв.	**граждане**	**жителе / жител҄и**	**очеса**
Р.	**гражданъ**	**жителъ / жител҄ь**	**очесъ**
Д.	**гражданемъ**	**жительмъ / жителѥмъ**	**очесьмъ**
В.	**гражданы**	**жителѩ**	**очеса**
Т.	**гражданы**	**жителы / жител҄и**	**очесы**
М.	**гражданехъ**	**жительхъ / жител҄ихъ**	**очесьхъ**
Двойственное число			
	*o	*jo	*i
И.-В.-Зв.	**гражданина**	**жителꙗ**	**очи**
Р.-М.	**гражданиноу**	**жителю**	**очию**
Д.-Т.	**гражданинома**	**жителѥма**	**очима**

Существительные мужского рода с суффиксами **-(а)нинъ/-(ꙗ)нинъ** (**гражданинъ**, **крьстиꙗнинъ** ‘христианин’, **самарꙗнинъ** и т. п.) склоня-

лись в единственном числе по типу основ на *о, а во множественном числе — по типу основ на согласный с усечением суффикса **-ин-**: И. ед. **крьстиıанинъ**, Р. ед. **крьстиıанина** — И. мн. **крьстиıанє**, Р. мн. **крьстиıанъ**. В обоих случаях в конце основы первоначально в поздний праславянский период был фонологически твердый /n/.

Существительные **око** и **оухо** в единственном и множественном числах склонялись по типу древних основ на согласный[1], а формы двойственного числа, обозначавшие парные предметы, которые употреблялись у этих существительных чаще, чем формы множественнго числа, имели по типу склонения на *i.

§ 55. Изменения в системе склонения, отражаемые старославянскими памятниками

Реконструируемая для праславянского языка система именного склонения, восходящая к праиндоевропейским структурным типам имен, уже к началу письменного периода находилась в состоянии распада. Классификация по конечным звукам основы, принятая для праиндоевропейского и раннепраславянского периодов, в позднепраславянский период уже утратила свою актуальность, в частности в связи с изменениями, произошедшими в структуре праславянской словоформы, которые, в свою очередь, были обусловлены фонетическими изменениями (утрата конечных согласных, монофтонгизация дифтонгов и др.). *Переразложение* — изменение границы между основой и окончанием в пользу окончания — привело в конце праславянской эпохи к выработке однотипной основы, которая во всех древних типах склонения оканчивалась на согласный звук, за которым следовала флексия, начинавшаяся с гласного. Все это послужило толчком к преобразованию прежней системы именного склонения. Суть изменения — в унификации типов склонения и сокращении их количества. Формирование новой системы происходит на основе категории рода, которая все больше подчиняет себе типы склонения. При этом *взаимодействие разных типов склонения осуществлялось в рамках противопоставления мужского и среднего рода женскому и происходило прежде всего в пределах одного рода*. Таким образом, процесс, традиционно обозначаемый как взаимодействие разных типов склонения, представлял собой объединение в одном типе склонения существительных с разными древними основами в соответствии с их родовыми характеристиками.

[1] Предполагается, что для тех слов, которые в старославянских памятниках имеют в ед. ч. вариантные окончания по типу на согласный и по типу на *о (**очесє/ока**, Д. **очеси/окоу**, Т. **очесьмь/окомь**, М. **очесє/оцѣ**), исконным является тип склонения на согласный (см.: *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. С. 268).

Старославянские памятники отразили взаимодействие следующих типов склонения.

1. Взаимодействие основ на *o и *u проявляется в виде взаимного влияния склонения существительных мужского рода типа **богъ** и **сынъ**, которые фактически сливаются в один тип.

Влияние *u-основ на *o-основы широко проявляется в формах Р. и Д. ед.: ср. Р. ед. **гласоу** (Син.), **длъгоу** (Супр.), **родоу** (Супр.) и т. п. вместо **гласа, длъга, рода**; Д. ед. **чловѣкови** (Мар.), **доухови** (Асс., Зогр., Мар.), **сътникови** (Сав.), **петрови** (Мар.) и других вместо **чловѣкоу, доухоу, сътьникоу, петроу** (также проникает в мягкую разновидность склонения: ср. **мѫжеви, кесареви** (Зогр., Мар.), **врачеви** (Евх.) и др.). Особенно часто такие формы встречаются у имен собственных и названий лиц. Кроме того, окончания *u-основ проникают в Т. ед., И. и Р. мн. существительных типа склонения на *o: ср. Т. ед. **гладъмь** (Супр.), **образъмь** (Хил.), **гласъмь** (Зогр.), **щитъмь** (Син.) вместо **гладомь, образомь, гласомь, щитомь**; И. мн. **доухове** (Евх.), **сѫдове** (Евх., Супр.), **попове** (Евх.), **дарове** (Евх.) вместо **доуси, сѫди, дари, попи** (а также **зноеве, змиеве** вместо **знои, змии**); Р. мн. **бѣсовъ** (Супр.), **плодовъ** (Супр.), **гадовъ** (Евх.), **врачевъ** (Зогр.), **змиевъ** (Евх., Супр.), **зноевъ** (Супр.) и т. п. вместо **бѣсъ, плодъ, гадъ, врачь, змии, знои**.

Обратное влияние *o-основ на существительные *u-основ проявляется в Р., Д., М. и Зв. ед., И. и Т. мн., а также в И.-В. и Р.-М. дв.: ср. Р. ед. **сына** (Сав.), **паче меда** (Син.), **до врьха** (Асс., Зогр., Мар.) и других вместо **сыноу, паче медоу, до врьхоу**; Д. ед. **сыноу** (обычно), **домоу** (обычно), **полоу** (Мар.), **чиноу** (Супр.) вместо **сынови, домови, полови, чинови**; Зв. ед. **сыне** (обычно) вместо **сыноу**; И.-В. дв. **дъва сына** (Асс., Зогр.) вместо **дъва сыны** (Асс., Мар.); И. мн. **сыни** (Зогр.), **сынови** (Син.) вместо **сынове** (обычно); Т. мн. **сыны** (Син., Евх.) вместо **сынъми** (Супр.).

2. Взаимодействие основ на *jo/*o и *i проявляется в виде смешения склонений существительных мужского рода типа **кон҄ь/столъ** и **огнь, господь**. Влияние *jo-основ на *i-основы отмечается в Р., Д. ед., а также в И. мн.: ср. Р. ед. **огн҄ꙗ** (Супр.), **господа** (Сав., Супр.) вместо **огни, господи**; Д. ед. **огню** (Зогр., Супр.), **господю** (Асс., Мар., Зогр., Син.), **господоу** (Сав., Супр.) и **господеви** (Супр.), **пѫтоу** (Клоц.) вместо **огни, господи, пѫти**; Т. ед. **господемь** (Супр.), **огнемь** (Зогр., Мар.), **печатомь** (Клоц., Супр.) вместо **господьмь, огньмь, печатьмь**; И. мн. **пѫти, звѣри** вместо **пѫтие, звѣрие**. Обратное влияние *i-основ на *jo-основы отмечается в Т. ед., а также в И., Р. и Т. мн.: ср. Т. ед. **плачьмь, ножьмь** вместо **плачемь, ножемь**, И. мн. **коумирие,важдие, стражие** вместо **коумири, вожди, стражи**, Р. мн. **врачеи** вместо **врачь**, Т. мн. **стражьми, въпльми, зълодѣими** вместо **стражи, въпли, зълодѣи**.

3. Взаимодействие основ на *i и основ на согласный (подтип *en) начинается довольно рано и проявляется главным образом во

влиянии существительных мужского рода *i-основ типа **зѧть** на существительные *en-основ типа **дьнь** в формах Р., М. ед., И. и Р. мн., Р.-М. дв.: ср. Р. ед. **дьни, камєни** вместо **дьнє**, **камєнє**, И. мн. **дєньѥ**, **дєниѥ** вместо **дьнє**, Р. мн. **дьнии, дьнєи** вместо **дьнъ**, Р.-М. дв. **дьнью**, **дьнию** вместо **дьноу**.

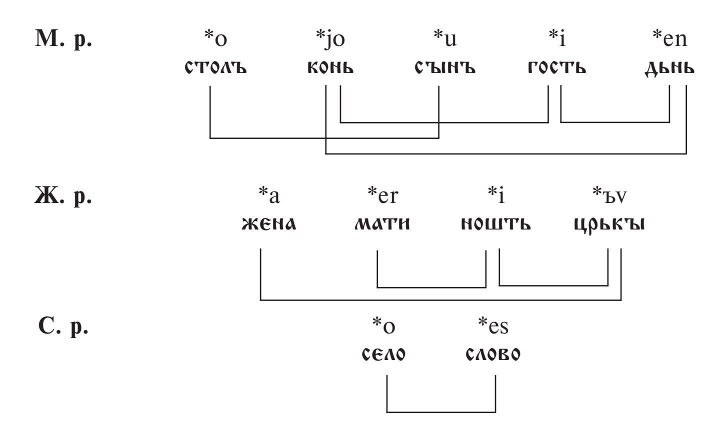
4. Взаимодействие основ на *i и основ на согласный (подтип *er и *uv) проявляется в получении существительными типа **мати**, **свєкръı** флексий существительных женского рода типа **кость** и **вѣтвь**: ср. Р. ед. **матєри** (Син., Евх., Супр.), М. ед. **дъштєри** (Зогр., Мар.), Р. мн. **матєрии**, **дъштєрии** (Син.).

5. Взаимодействие основ на *i и основ на согласный (подтип *en и *ent) осуществлялось через посредство форм Р. и М. ед. **камєни**, **дьни** (< **камєнє**, **дьнє**), возникших под влиянием соответствующих форм склонения на *i, и вызвало новые формы Р. и М. ед. у существительных среднего рода: ср. **врѣмєни** (Асс., Мар., Зогр.), **отрочѧти** (Асс.), **жрѣбѧти** вместо старых форм **врѣмєнє**, **отрочѧтє**, **жрѣбѧтє**.

6. Влияние *o-основ на *es-основы проявлялось уже в дописьменный период, что привело к возникновению вариантных форм в парадигме склонения существительных типа **слово**: ср. Р. ед. **словєсє** (*es) и **слова** (*o), Д. ед. **словєси** (*es) и **словоу** (*o), Т. ед. **очєсьмь** (*es) и **окомь** (*o), М. ед. **очєсє** (*es) и **оцѣ** (*o). Ср. **ли како рєчєши братоу своємоу • остави і изъмѫ сѫчєць із очєсє** (Р. ед., скл. *es) **твоѥго • і сє бръвъно въ оцѣ** (М. ед., скл. *o) **твоємь** (Мф. 8: 4 Зогр.) ‘или, как скажешь брату твоему: «Дай, я выну сучок из глаза твоего»; а вот, в твоем глазе бревно?’; **сѫчьць іжь єстъ въ оцѣ братра твоѥго** (Мф. 8: 3 Зогр., Мар.) ‘сучок, который есть в глазе брата твоего’, но — **въ очєсє** (Сав.), **въ очєсі** (Асс.).

Итак, данные памятников старославянской письменности свидетельствуют о разрушении праславянской системы именного

Основные направления взаимодействия типов склонения (схема)



склонения. Процесс преобразования типов склонения происходит на основании морфологической категории рода.

§ 56. Категория одушевленности

Старославянские памятники отражают начальные этапы становления категории одушевленности, которая последовательно представлена в современном русском языке, где она выражается парадигмой существительного, а именно совпадением форм В. и Р. падежей у так называемых одушевленных существительных (во множественном числе у всех, а в единственном числе только у существительных типа *муж*, *вол*).

Как видно из приведенных парадигм (см. табл. 15—22), в старославянском языке совпадали формы И. и В. падежей *единственного* числа практически во всех типах склонения, кроме склонения на *a/*ja. Совпадение это, при свободном порядке слов, свойственном праславянскому языку, могло приводить к смысловой неясности: поскольку И. — падеж субъекта (подлежащее), а В. — падеж объекта (прямое дополнение), то в случае, если оба существительных обозначают лицо, может быть непонятно, кто субъект, а кто объект действия; например, во фразе **пригласи женихъ архитриклинъ** неясно, кто кого пригласил: жених распорядителя пира (архитриклина) или распорядитель пира — жениха. Следует сказать, что подобная «неоднозначность» не была свойственна праиндоевропейскому языку (там И. и В. падежи различались) и возникла уже в праславянский период, являясь следствием фонетических процессов, связанных с тенденцией к открытости слога, в частности утраты конечных согласных: ср. **раб-ъ** И. ед. = **раб-ъ** В. ед. < *arba-s И. ед. ≠ *arba-n В. ед., **сын-ъ** И. ед. = **сын-ъ** В. ед. < *sūnu-s И. ед. ≠ * sūnu-n В. ед. (как видим, у слов м. р. первоначально в И. ед. было окончание -s, а в В. ед. -n, что их и различало).

Выбор В. = Р. в качестве формы, выражающей одушевленность, является славянской инновацией. Употребление формы именно Р. обычно объясняют влиянием модели вопросительного местоимения И. **къто** ≠ Р. **кого** = В. **кого**, которое исконно имело В. = Р. (например, при ответе на вопрос: **кого** [В. = Р.] **посълѥши**? — **аньгела моѥго** [В. = Р.] ‘Кого посылаешь? — Посылаю вестника моего’). Иногда указывают также на близость значений этих падежей[1].

В древнейших старославянских памятниках категория одушевленности, формальным выражением которой была новая форма В. = Р. в парадигме единственного числа, проявляется прежде всего у

[1] Р. употреблялся в качестве падежа прямого объекта при отрицании и при выражении некоторого количества — так называемый Genetivus Partitivus, или родительный части, ср. *выпил молоко,* но *не выпил молока* и *выпил молока*.

слов, обозначавших лицо мужского пола (особенно у имен собственных), относившихся к типу склонения на *o и *jo: **отьць**, **братъ**, **рабъ**, **дроугъ**, **богъ**, **пророкъ**, **женихъ**, **мѫжь**, **кънѧзь**, **исоусъ**, **петръ**, **павьлъ**, **авраамъ**, **пилатъ** и др. Как уже было сказано, сначала форма В. = Р. вместо В. = И., видимо, получала распространение в тех контекстах, где возникала необходимость маркировать одушевленное существительное в качестве объекта действия, чтобы исключить возможность его понимания как субъекта действия: **пригласи <u>жениха</u>** [В. = Р.] **архитриклинъ** (Ин. 2: 9 Зогр.) ‘пригласил жениха распорядитель пира’. Ср. другой пример: **братъ твоі приде і ѕакла о҃ць твоі <u>тельць</u>** [В. = И.] **оупитѣнъı ѣко <u>съдрава</u>** [В. = Р.] **і приѩтъ** (Лк. 15: 27 Зогр.) ‘брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым’. Вряд ли данный контекст допускает возможность понимания **тельць** как субъекта, а **отьць** как объекта действия (**ѕаклати**), поэтому сохраняется **тельць** [В. = И.]. Что касается прилагательного (**съдрава**), то в случае употребления его в форме **съдравъ** оно теоретически могло бы относиться как к **отьць** (‘отец принял сына, будучи [еще] здоровым’), так и к **братъ** (‘отец принял [=вновь обрел] своего сына здоровым’). Это потребовало использования формы **съдрава** [В. = Р.] для указания на его связь с объектом (**братъ**), а не субъектом (**отьць**) действия (**приѩти**). При этом указательное местоимение сохраняет форму **и** [В. = И.] без замены ее на **его** [В. = Р.].

Можно предполагать, что В. = Р. сначала употреблялся в беспредложных конструкциях, но старославянские памятники широко отражают его распространение на конструкции с предлогами, как то: **раздѣлѧтъ сѧ о҃ць на <u>с҃на</u>** [В. Р.] **і с҃нъ на <u>о҃ца</u>** [В.-Р.] (Лк. 12: 53 Зогр.) ‘станет отец против сына и сын против отца’. Существительные, обозначавшие животных, также факультативно могли получать формы В. = Р., хотя, возможно, в начале лишь в том случае, если имело место олицетворение (персонификация)[1]: **ı попереші <u>льва</u> ı <u>змьѣ</u>** (Син. 90.13) ‘попирать будешь льва и дракона’, **лютааго <u>ѕмиꙗ</u> осѫди** (Супр. 463.3) ‘и осудил лютого змея’, **видитъ <u>влька</u> грѧдѫшта** (Ин. 10: 12 Мар.) ‘видит подходящего волка (= что приближается волк)’, ср., однако, употребления в прямом значении: **поусти <u>льва</u> велика ѕѣло** (Супр. 298.22) ‘и выпустил огромного льва’, **июдеи же свѧзаѭште <u>агньца</u> ѕаклахѫ** (Супр. 450.21—22) ‘иудеи, связав, закалывали ягненка’[2], но — **і ѕакла о҃ць твоі <u>тельць</u>** [В. = И.] **оупитѣнъı** (Лк. 15: 27 Зогр.) ‘и отец твой заколол откормленного теленка’.

При олицетворении изредка было возможно употребление также и нарицательных слов мужского рода (среди них — и слов с

---

[1] См. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. С. 206.

[2] Не следует удивляться тому, что большинство форм существительных, обозначающих животных, именно из Супр., поскольку именно в текстах Супр. широко представлены отсутствующие в других текстах такие существительные.

собирательным значением: **народъ**, **ѩзыкъ** ‘народ’, **миръ**) в формах В.=Р.: **и ада съвѧзана показати** (Супр. 341.28) ‘и показать связанный ад’, **вѣроуите въ свѣта** (Ин. 12: 36 Мар.) (в других **свѣтъ**) ‘веруйте в свет’.

Таким образом, формы В. = Р. в единственном числе встречались прежде всего у слов мужского рода склонения на *o/*jo, даже слова исконного склонения на *u (например, слово **сынъ**) в В. получали форму на **-а** типа **сына** под влиянием продуктивного склонения на *o (вместо ожидаемой ***сыноу**): **вѣроуѭ азъ въ отца и сына и ст҃ааго доуха** (Супр. 261.3) ‘верую я в Отца и Сына и Святого Духа’.

Иногда формы В. = Р. проявляются у существительных склонения на *i (но только в конструкциях с приложением, которым является слово склонения на *o, употребленное в форме В. = Р.): **господи бога благословишѧ** (Супр. 326.15) ‘Господа Бога восславили’, **разбоиника тати толикоу доброу съподоби** (Супр. 410.21—22) ‘разбойника вора такого добра удостоил’.

В некоторых памятниках отражается употребление форм В. = Р. ед. для имен существительных ж. р. склонения на согласный, обозначающих лиц женского пола: **раздѣлѧтъ сѧ ...невѣстѫ** (так в рукописи! вм. правильного **-та**) **на свекръве** [В. = Р.] **своѭ** (Лк. 12: 53 Зогр.) ‘и разделятся (= станет против) ... невестка на свекровь свою’; **любѧи сына** [В. = Р.] **ли дъштере** [В. = Р.] (Мф. 10: 37 Сав.) (но в Мар. и Зогр. **дъштерь**) ‘любящий сына или дочь’, **тоу бо обрѧшти алеѯандра** [В. = Р.] **• и ѥго матере** [В. = Р.] **пүрониѭ** (Супр. 235.30) ‘ибо там ты найдешь Александра и его мать Пиронию’. У существительных женского рода типа склонения на согласный И. и В. исконно различались (ср. И. **мати**, **свекры** ≠ В. **матерь**, **свекръвь**) и в принципе продолжали различаться в старославянских памятниках, поэтому формы В. = Р. здесь не должны были бы появляться. Однако памятники отражают и появление новых форм И. ед. для этих слов как следствие влияния продуктивного типа склонения на *i (типа **кость**): И.ед. **матерь**, **свекръвь** вместо исконного **мати**, **свекры**. И тогда распространение форм Р. = В. у личных существительных женского рода исконного склонения на согласный, у которых стали совпадать формы И. и В. ед. (И. **матерь**, **свекръвь** = В. **матерь**, **свекръвь**), может быть объяснено влиянием существительных мужского рода[1], развивающих В. = Р. в рамках становления категории одушевленности[2].

---

[1] *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. М., 1952. С. 108.

[2] Примечателен, однако, тот факт, что появление форм В. = Р. у существительных ж. р. исконного склонения на согласный не ограничено лишь личными существительными ж. р.: ср. **на сицѫ смокве** [В. = Р.] **вьлѣзе закхеи видѣтъ господа** (Супр. 350.13) ‘на эту смоковницу залез Закхей, чтобы увидеть господина’, **създа цръкъве** [В. = Р.] **свѧтааго прьвомѫченика стефана** (Супр. 209.9) ‘создал церковь святого первомученика Стефана’.

За исключением нескольких указанных выше слов женского рода, относящихся к непродуктивным типам склонения, остальные существительные женского рода, а также все существительные среднего рода не развивают форм В. = Р.

Поскольку основной причиной развития категории одушевленности, очевидно, являлась необходимость грамматически маркировать одушевленный объект действия, то существительные, сохранявшие различия между формами И. и В. ед. (в частности, слова склонения на *a/*ja, в том числе и обозначающие лиц мужского пола: **владꙑка**, **слоуга**, **исаиꙗ** и т. д.), не получали форм В. = Р.

В склонении на *o/*jo, которое и было источником появления В. = Р., формы И. мн. и В. мн. различались, поэтому во множественном числе одушевленность грамматически не проявлялась.

Появление инновационных форм В. = Р. в процессе развития категории одушевленности создавало условия для использования возникшей вариативности в употреблении старой (В. = И.) и новой (В. = Р.) форм в других функциях, например для противопоставления определенных и неопределенных объектов (о выражении категории определенности/неопределенности полными и краткими прилагательными см. § 61). При этом новые формы В. = Р. обозначали определенный, а старые В. = И. — неопределенный объект: ср. **нꙑн҃ѣ поустиши раба** [В. = Р.] **твоѥго владꙑко** (Лк. 2: 29 Зогр.) ‘ныне отпускаешь Раба Твоего, Владыко’ — **посъла рабъ** [В. = И.] **свои** (Лк. 14: 17 Мар.) ‘[господин] послал раба своего (т. е. одного из своих рабов)’; **ѡц҃ъ посла сн҃а своѥго съп҃сителѣ въсемоу мироу** (Ин. 4: 14 Ен.) ‘отец послал сына своего спасителем всего мира’ — **се азъ посъл҄ѭ аг҃лъ мои прѣдъ лицемь твоıмь** (Мф. 11: 10 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘вот я посылаю вестника моего (=одного из вестников моих) перед тобой’; **сѵмеонъ сърѣте х҃а** [В. Р.] • **на р҃коу приѩтъ прѣвѣчънаго б҃а** [В. = Р.] **ѣко младѣньць** [В. = И.] (Клоц. 1а32) ‘Симеон встретил Христа, на [обе] руки взял предвечного Бога, как младенца (не конкретного младенца, а как принято брать младенцев)’[1]. Так, субстантивированные полные формы прилагательных и причастий, использовавшиеся для обозначения лиц, уже упомянутых в контексте, употребляются в старославянских памятниках в В. = Р.: **и видѣшѧ бѣсновавъшагосѧ** [В. = Р.] **сѣдѧшта** (Мк. 5: 15 Зогр.) ‘и видят, что бесновавшийся ... сидит (= и видят бесновавшегося сидящим)’. В то же время в памятниках может употребляться форма В. = И. в контекстах, исключающих

[1] Впрочем, отмечается, что существительные, обозначающие детей, не дают форм с Р. = В. в старославянских памятниках, т. е. такие существительные не были еще включены в группу «одушевленных предметов» (*Мейе А.* Общеславянский язык. С. 326).

понимание существительного как обозначающего субъект действия, когда это действие выражено глаголом в форме 1-го или 2-го л., хотя объект действия явно определенный: **авраамъ** **ли єси видѣлъ** (Ин. 8: 57 Зогр.) 'видел ли ты Авраама?', **поражѫ пастꙑрь** (Мф. 26: 31 Мар.) 'сражу пастыря'.

Категория одушевленности проявлялась в старославянском языке еще непоследовательно и на тот момент явно находилась в славянских языках в процессе становления: даже слова со значением лица мужского пола (и со значением определенного лица мужского пола) в одном и том же контексте в одних памятниках имеют более древние формы В. = И., а в других — новые В. = Р.: ср. **призови мѫжь твои** (Ин. 4: 16 Мар.) 'позови мужа твоего', но **мѫжа своєго** в Зогр., Асс.; **приобрѧштеши братръ твои** (Мф. 18: 15 Мар.), но **братра своєго** в Асс., Сав. 'приобретешь (= вновь обретешь, не потеряешь) брата своего'; **привѣсѧ чловѣкъ нѣмъ** (Мф. 9: 32 Мар., Зогр., Остр.), но **чловѣка нѣма** в Асс., Сав. 'привели немого человека'.

Категория одушевленности отражается в старославянских памятниках прежде всего у слов мужского рода со значением лица. Подобное выделение слов со значением лиц мужского пола (склонения на *o/*jo) посредством особого окончания проявляется также в возможном употреблении у них в Д. ед. окончания **-ови/-єви** (из исконного склонения на *u): ср. **почрьпѣтє нꙑнѣ и принесѣтє архитриклинови** 'зачерпните теперь и принесите распорядителю пира' (Ин. 2: 8 Мар.), **пристѫпьше... исоусови** (Мф. 17: 19 Мар.) 'подошли к Иисусу', **гл҃а аньдрѣови** (Ин. 12: 22 Мар.) 'сказал Андрею', **рєчє жє къ винарєви** (Лк. 13: 7 Зогр., Мар.) 'сказал виноградарю', **нѣси дроугъ кєсарєви** (Ин. 19: 12 Зогр., Сав.) (**кєсарови** Мар., **кєсароу** Асс.) 'ты не (есть) друг кесарю'. Однако данное явление отражается в памятниках менее последовательно, чем употребление форм В. = Р.

§ 57. Местоимение

К местоимениям относятся слова, называющие лиц, предметы, явления, признаки, количество не прямо, непосредственно, а опосредованно, т. е. указанием на них. Это обусловило различные семантические и грамматические функции местоимений в старославянском языке, проявляющиеся в обобщенности значения и в отсутствии постоянной предметной соотнесенности:

ис҃ъ жє рєчє имъ [ученикам]... **дадитє імъ** [народу] **вꙑ ѣсти** (Мф. 14: 16. Зогр., Мар., Асс.) 'Иисус же сказал им: «Дайте им есть»'; здесь одно и то же местоимение **имъ** (Д. мн.) указывает на разные группы лиц в одном контексте.

В зависимости от значения в старославянском языке выделяются две неравночисленные группы местоимений — *личные* и *неличные*. Функция быть «заместителями имён» присуща местоимениям, которые называются *неличными*. *Личные* же местоимения 1-го лица **азъ** и 2-го лица **ты** являлись обозначениями лиц — участников диалога (говорящего и того, кому этот текст предназначен, «собеседника»). Так называемое *местоимение 3-го лица* не обозначает участника диалога и в этом смысле не является «личным», но оно может обозначать любой предмет, т. е. является «заместителем имени». Говоря о *личных* местоимениях, следует подчеркнуть их связь с двумя лицами диалога, а также с другими подобными лицами, в диалоге не участвующими (это служит основанием для грамматического оформления местоимения 3-го лица как входящего в систему личных местоимений). Что касается *возвратного* местоимения **себе**[1] , то оно также не выступало «заместителем имени», но могло являться обозначением лиц. Отличительная особенность *возвратного* местоимения **себе** состоит в том, что оно может относится к любому из трех лиц, а также ко всем неодушевленным деятелям.

Группы личных и неличных местоимений отличались особенностями синтаксического употребления, но еще больше — разным набором морфологических категорий и форм. Личные местоимения характеризовались категориями числа, которое проявлялось своеобразно (см. § 58), и падежа, но не имели рода. Большинство неличных местоимений характеризовалось категориями рода, числа и падежа; при этом род, число и падеж неличного местоимения зависели от существительного. Из неличных местоимений вопросительно-относительные **къто** и **чьто** и производные от них не имели рода и числа.

По значению и функции в предложении старославянские местоимения представляют следующие семантические разряды.

Личные местоимения: 1-го лица — **азъ** (ед. ч.; для обозначения самого говорящего), **мы** (мн. ч.; для обозначения говорящего и других лиц), **вѣ** (дв. ч.; для обозначения говорящего и другого лица), 2-го лица — **ты** (ед. ч.; для обозначения слушающего), **вы** (мн. ч.; для обозначения слушающих или слушающего и других лиц), **ва** (для обозначения двух слушающих или слушающего и другого лица).

В отличие от русского и других современных славянских языков старославянский язык еще не имел специализированной (грамматикализованной) формы для обозначения любого 3-го

[1] Обозначается по форме Р. падежа, так как И. падеж в парадигме отсутствует (см. табл. 23).

лица, т. е. в старославянском были только местоимения 1-го и 2-го лица, но не было местоимения 3-го лица. Древнейшие славянские письменные памятники используют в этой функции различные *указательные* местоимения: **сь**, **тъ**, **онъ**, **и**, **овъ**. Чаще всего для указания на 3-е лицо в функции личного употреблялись указательные местоимения **и**, **ꙗ**, **ѥ**. Обычно форма именительного падежа этого местоимения не встречается, ее заменяет форма указательного местоимения **онъ**, **она**, **оно**. Таким образом, старославянские памятники отражают начало процесса формирования местоимения 3-го лица и его парадигмы **онъ** И. ед. м., **ѥго** Р. ед., **ѥмоу** Д. ед. и т. д.

Возвратное местоимение: **себе** (Р. п.), **сѧ** (В. п.) и т. д. не имело формы именительного падежа (как и в современном русском языке).

Указательные местоимения: **сь**, **си**, **се** (указание на ближайший к говорящему предмет); **тъ**, **та**, **то** (указание на несколько отдаленный предмет, противопоставляющийся ближайшему, но без акцентирования отдаленности того, на что дается указание); **онъ**, **она**, **оно** (указание на наиболее отдаленный предмет, далекий, невидимый); **овъ**, **ова**, **ово** обычно в противопоставлении: **овъ**... **сь**; **овъ**... **инъ**, **овъ**... **дроугыи** — ‘этот... тот; один... другой’: **<u>ові</u> вь сѣнь вьзирахѫ • <u>ові</u> же къ слънъцю** (Клоц. 13б.) ‘одни на тень смотрели, другие — на солнце’ (см. табл. 24).

Указательные местоимения употреблялись в трех основных функциях:

1) в *собственно указательной*, или *дейктической*: **се <u>онъı</u> н҇ивъı противѫ не копанъı остаѭтъ** (Супр. 37.22) ‘вон те нивы напротив не обработаны остаются’; **слъıшитъ словеса моѣ <u>си</u>** (Мф. 7: 24 Зогр.) ‘[кто] слушает слова мои эти’;

2) в *анафорической* (функция не столько *указания*, сколько *отнесения* к уже упомянутому и потому известному предмету): **бѣ же имѧ рабꙋ <u>томоу</u> мельхъ** (Ин. 18: 10 Сав.) ‘имя рабу этому (вышеупомянутому) было Малх’; в ц.-сл. памятниках русского извода имеются примеры употребления в этой функции указательного местоимения **и**, **ꙗ**, **ѥ**: **оуꙁда коневи правитель ѥсть и въꙁдьржаникѥ. правьвьдьникоу** (sic!) **же книгъı <u>ѩ</u>** (Изборник 1076 г.) ‘узда коня и направляет и сдерживает, а праведника [направляют и сдерживают] — книги эти (о которых речь была выше)’;

3) в функции местоимения *3-го лица*, которая может сочетаться с дейктической или анафорической: **<u>тъ</u> въскрьсе отъ мрьтвъıхъ • ι сего ради силъı дѣѭтъ сѧ о <u>н҇емь</u>** (Мк. 6: 14 Зогр.) ‘он [Иоанн Креститель] воскрес из мертвых, и поэтому чудеса делаются им’; **вѣвѣ ѣко <u>сь</u> ѥстъ сн҇ъ наю • ї ѣко слѣпъ сѧ роди** (Ин. 9: 20 Мар.) ‘мы знаем, что он (= это) сын наш и что он родился слепым’.

Определительные местоимения: **вьсь, вьсꙗ, вьсе** (**оба, обѣ**[1]); **вьсꙗкъ, вьсꙗка, вьсꙗко; самъ, сама, само; сиць, сицꙗ, сице; такъ, така, тако; ꙗкъ, ꙗка, ꙗко; какъ, кака, како: ѥдиноѭ ноштиѭ вьсь вѣкъ измѣнимъ** ‘за одну ночь весь мир изменим’ (Супр.); **і҃с самъ не крьштааше нъ оученици его** ‘Иисус сам не крестил, но ученики его’ (Зогр., Мар.); **како можетъ ч҃лкъ грѣшенъ • сица знамениѣ творити** ‘как может человек грешный творить такие знамения’ (Мар.); **ты единъ вѣси г҃і какы моꙗ сѫтъ бѣды** ‘Ты один знаешь, Господи, каковы мои бедствия’ (Евх.) и т. п.

Притяжательные местоимения: **мои, моꙗ, моѥ; твои, твоꙗ, твоѥ; свои, своꙗ, своѥ; нашь, наша, наше; вашь, ваша, ваше**.

Относительные местоимения: **иже, ꙗже, ѥже** (образованное с помощью частицы **же** от указательного местоимения **и, ꙗ, ѥ**[2]); **ꙗкъже, ꙗкаже, ꙗкоже: хлѣбъ бо ıже азъ дамь • плъть моѣ естъ • ѩже азъ дамь за животъ вьсего мира** ‘хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь всего мира’ (Зогр., Мар.); **бѫдетъ бо тъгда скръбь велиѣ • ѣкаже не была • ѿтъ начѧла всего мира • до селѣ** ‘ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне’ (Зогр.) и т. п.

Вопросительные местоимения: **къто, чьто; кыи, каꙗ, коѥ; чии, чиꙗ, чиѥ: кого мѧ глѣте быти** ‘за кого [вы] почитаете меня?’ (Зогр.); **чиі ıматъ образъ и нап҇санье** ‘чье на нем [на динарии] изображение и написание?’ (Зогр.); **каꙗ сѫтъ словеса си • ꙗже прѣрѣкаета къ себѣ** ‘каковы те события, о которых вы пререкаетесь между собою?’ (Супр.) и т. п.

Отрицательные местоимения: **никъто(же), ничьто(же); никыи(же), никаꙗ(же), никоѥ(же)** ‘никакой’: **никомоуже отъ чловѣкъ да не творите пакости** ‘никому из людей не причиняйте вреда’; **въ тъ дьнь мене не въпросите ничьсоже** ‘и в тот день вы не спросите Меня ни о чем’ (Зогр., Мар., Асс.; ср. **не помолите ни о чемь же** (Сав.)).

Неопределенные местоимения: **етеръ, етера, етеро** ‘некий’; **которыи (котерыи), котораꙗ, котороѥ** ‘какой-нибудь’; **нѣкъто, нѣчьто; нѣкыи, нѣкаѥ, нѣкоѥ; нѣкоторыи, нѣкотораꙗ, нѣкотороѥ: ч҃къ етеръ ıмѣ дъва с҃на** ‘человек некий имел двух сыновей’ (Лк. 15—11 Зогр.); **аще котораа жена извръжетъ отрочѧ • в҃ лѣт да**

---

[1] По своим морфосинтаксическим свойствам местоимение **оба** сближается с числительным **дъва**, однако в целом по семантике оно тождественно местоимению **вьсь**, от которого **оба** отличается только в отношении указания на число предметов, т. е. различие между ними грамматическое. Учитывая, что **вьсь** имеет только парадигмы ед. и мн. числа, а **оба** — только парадигму дв. числа, можно рассматривать их в рамках супплетивной парадигмы **вьсь — вьси — оба**. См.: *Moszyński L.* Czy wjęzyku staro-cerkiewno-słowiańskim była kategoria duale tantum // Slavia Hierosolymitana. 1985. 1. P. 107—118.

[2] Ср. употребление относительного местоимения без **же**: **і помѣнѫ петръ г҃лъ і҃съвъ • і рече емоу** (Зогр.; в Мар., Асс. — **иже**) ‘и вспомнил Петр слово Иисусово, которое [Иисус] сказал ему’.

покаетъ҆сѧ ‘если какая-нибудь женщина изгонит плод, то пусть кается 2 года’ (Евх.); **бѣ • нѣкъ҆то мѫжь въ поустꙑни** ‘был некий человек в пустыни’ (Супр.) и т. п.

К местоимениям примыкают прилагательные, которые восходят к количественным наречиям[1] и частично склоняются по местоименному склонению: **коликъ, колика, колико** ‘какой (по количеству), столь большой’; **толикъ, толика, толико** ‘такой большой, столь большой’; **ѥликъ, ѥлика, ѥлико** ‘который, какой (по количеству); **селикъ, селика, селико** ‘столь многий, столь многочисленный’: **а сии въ колицѣ мразѣ сѫште доселѣ живи сѫтъ** ‘а эти на столь сильном морозе до сих пор еще живы’ (Супр.); **нꙑнꙗ же о селицѣ добрѣ не радоуѭтъ сѧ • но плачѫтъ сѧ • и толика добра виньника погоубити мꙑслѧтъ** ‘ныне же о столь многочисленном добре не радуются, но плачутся, и того, кто является причиной столь большого добра, замышляют погубить’ (Супр. 386, 22—23); **ѥлико врѣмѧ съ собоѭ імѫтъ жениха • не імѫтъ постити сѧ** ‘какое время имеют жениха [= пока жених с ними], не должны поститься’ (Зогр.); **къде оу насъ въ поустѣ мѣстѣ хлѣбъ** [Р. мн.] **толико • ако насꙑтити народъ толикъ** ‘где у нас в пустыне столько хлеба, чтобы накормить столький народ [= такую толпу]’ (Сав.) и т. п. Учитывая то, что в старославянском эти местоимения-прилагательные сохраняют количественное значение, их можно считать *количественными местоимениями*[2].

§ 58. Склонение личных и возвратного местоимений

Как уже отмечалось, по форме флексии склонение в старославянском языке подразделялось на *именное* и *местоименное*. По местоименному склонению изменялись неличные местоимения.

По способности различать род местоимения делятся на *родовые* и *неродовые*. Склонение родовых местоимений по происхождению было *тематическим* (*вокалическим*, т. е. основа заканчивалась тематическим гласным): **тъ-та-то, онъ-она-оно, овъ-ова-ово, и-ꙗ-ѥ, сь-си-се, кꙑи, которъ, мои, твои, свои, чии, нашь, сиць, ꙗкъ, такъ, какъ, мъногъ, вьсь, селикъ, толикъ, ѥликъ, коликъ**.

Неродовыми были вопросительные местоимения **къто** и **чьто**, которые склонялись по парадигме мужского рода (**-то** здесь является по происхождению местоимением **тъ, то**), а также личные местоимения 1-го и 2-го лица **ꙗзъ/вѣ/мꙑ** и **тꙑ/ва/вꙑ**.

В результате ряда преобразований, связанных с тенденцией к открытости слога, склонение личных местоимений приобрело в позднем праславянском вид, унаследованный старославянским языком.

---

[1] *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 355.

[2] *Иванова Т. А.* Старославянский язык. СПб., 2005. С. 144.

Таблица 23

Склонение личных и возвратного местоимений

Число	Падеж	1-е лицо	2-е лицо	Возвратное
Ед.	И.	**азъ**	**ты**	—
	Р.	**мене, мьне**	**тебе**	**себе**
	Д.	**мьнѣ/ми**	**тебѣ/ти**	**себѣ/си**
	В.	**мѧ, мене**	**тѧ, тебе**	**сѧ, себе**
	Т.	**мъноѭ**	**тобоѭ**	**собоѭ**
	М.	**мьнѣ**	**тебѣ**	**себѣ**
Мн.	И.	**мы**	**вы**	—
	Р.	**насъ**	**васъ**	—
	Д.	**намъ/ны**	**вамъ/вы**	—
	В.	**ны, насъ**	**вы, васъ**	—
	Т.	**нами**	**вами**	—
	М.	**насъ**	**васъ**	—
Дв.	И.	**вѣ**	**ва, вы**	—
	В.	**на, ны**	**ва, вы**	—
	Р.-М.	**наю**	**ваю**	—
	Д.-Т.	**нама**	**вама**	—

Склонение личных и возвратного местоимений в старославянском языке было весьма архаичным (табл. 23).

1. Яркой особенностью склонения личных местоимений является восходящий к индоевропейскому праязыку супплетивизм, когда разные падежные формы образуются от разных основ: ср. **азъ — мене** и т. д. (ср. и.-е.* ēg’-//*m-). Кроме того, в парадигмах личных местоимений отмечаются характерные морфонологические противопоставления. Так, у местоимения 1-го л. формы ед. ч. (кроме И. ед.), где представлено начальное **м-**, противопоставлены формам мн. и дв. с начальным **н-**. У местоимения 2-го л. парадигма ед. ч. с начальным **т-** четко противопоставлена парадигмам мн. и дв. с начальным **в-**. Все падежные формы возвратного местоимения характеризуются начальным **с-**.

2. Местоимение 1-го л. в И. ед. встречается не только в форме **азъ**, но изредка и в форме **ꙗзъ** (с протетическим *j перед начальным *а).

3. Местоимение **азъ** в Д. и М. ед. встречается в старославянских памятниках в виде **мън-**, **мьн-** (даже в одном памятнике). Какое

из этих написаний отражает исходную старославянскую форму, не ясно, поскольку такие написания относятся к эпохе после падения редуцированных и могут отражать их утрату. Возможно все же, что именно **мънѣ**, встречающееся чаще, является отражением более раннего произношения. В этом случае закономерным соответствием старославянскому **мънѣ** была бы литовская диалектная форма *mùnei*, а форма **мьнѣ** могла бы объясняться как результат регрессивной межслоговой ассимиляции перед гласным переднего ряда следующего слога. Изредка в памятниках встречается Р. п. **мьне**.

4. Формы Д. ед. **ми**, **ти**, **си** и Д. мн. **ны**, **вы** являлись в старославянском языке энклитиками, т. е. не могли нести самостоятельного ударения и примыкали к предшествующему слову, как правило первому в предложении: **г҃и повели ми прѣжде іти**... (Лк. 8: 32 Зогр.) ‘Господи, позволь мне прежде пойти [и похоронить отца моего]’; **с҃нъ ти живъ естъ** (Мар.; Зогр. **твои**) ‘сын твой жив’. Они не могли употребляться в сочетании с предлогами, поскольку те также не могли иметь самостоятельного ударения. В конструкции с предлогами употреблялись только неэнклитические формы **мънѣ**, **тебѣ**, **себѣ**: **къ тебѣ г҃і въздвигъ д҃шѫ моѭ** (Син. 24.1), но они употреблялись и без предлогов, особенно если было необходимо подчеркнуть местоимение: **колико лѣтъ работаѭ тебѣ** <...> **и мънѣ николи же не далъ еси козьлѧте** (Лк. 15: 29 Зогр.) ‘сколько лет служу тебе <...>, а ты мне никогда не дал даже козлёнка’.

5. Формы В. ед. **мѧ**, **тѧ**, **сѧ** и В. мн. **ны**, **вы** первоначально в праславянском языке не являлись энклитиками и имели самостоятельное ударение, поэтому могли употребляться и в конструкциях с предлогами: **не прѣстаи за ны м҃лѧщи** (Ен. 28б.9) ‘не останавливайся, молясь за нас’; **повелѣ привести прѣдъ сꙙ с҃тыѧ мѫченикъı** (Супр.). Постепенно, однако, эти формы также втягивались в систему энклитик, что отражается древними славянскими письменными памятниками. Это связано с заменой исконных акцентно самостоятельных форм В. ед. **мѧ**, **тѧ**, **сѧ** и В. мн. **ны**, **вы** формами Р. ед. **мене**, **тебе**, **себе** и Р. мн. **насъ**, **васъ**.

6. К форме В. возвратного местоимения **сѧ** восходит формальный показатель возвратности в возвратных глаголах (рефлексивах), который еще не был строго закреплен в контактной постпозиции к глаголу, хотя в старославянских памятниках обычно находился непосредственно после глагола: **о семь ли сътѧзаете сѧ • междю собоѭ** (Ин. 16: 19 Зогр.) ‘о том ли спрашиваете вы друг друга?’; **не отъвръгѫ сѧ тебе** (Мф. 26: 35 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘не отрекусь от Тебя’; **чьто сѧ вамъ мьнитъ** (Мф. 18: 21 Мар.) ‘как вам кажется?’. В последнем случае **сѧ** ведет себя как энклитика и занимает позицию после первого слова предложения, в первом же примере как энклитика ведет себя частица **ли**, а **сѧ** выступает как акцентно самостоятельное слово.

7. Употребление вместо исконных форм И.-В. дв. **ва** и В. дв. **на** форм И.-В. мн. **вꙑ** и В. мн. **нꙑ** не свидетельствует об утрате категории двойственного числа.

§ 59. Склонение неличных местоимений

В отличие от личных местоимений, которые склонялись особым образом, склонение неличных местоимений представляет собой особую систему форм, которую называют тематическим местоименным склонением. Под воздействием тематического местоименного склонения неличных местоимений со временем стали изменяться полные формы прилагательных и причастий (сохранив некоторые особенности, обусловленные происхождением этих форм).

В склонении неличных местоимений выделяются две разновидности (твердая и мягкая) для местоимений, изменяющихся по родам (табл. 24, 25), а также особые виды склонений: 1) для местоимений **къто** и **чьто**, стоящих вне категории рода и числа; 2) для местоимений, склонявшихся то по мягкой, то по твердой разновидности (**вьсь**, **сиць** и т. д.).

Форма В. ед. м. **н҄ь** первоначально появилась в положении после предлога **въ** (< *vun-) в результате переразложения (реинтерпретации морфемной границы) между предлогом *vъn и местоимением *jь: *{vъn} + {jь} > {vъ} + {ńь} > **въ н҄ь** (после падения редуцированных — **во н҄ь**). Вариант **н҄ь** позднее по аналогии был перенесен и на сочетания с другими предлогами: **отиде июда • и вьниде <u>за н҄ь</u> матѳиꙗ** (Супр. 94.5) ‘ушел Иуда, и вошел вместо него Матфий’; **простеръше <u>на н҄ь</u> своѩ рѫкꙑ ноуждаахѫ и принести ѥмоу имѣниѥ** (Супр. 38.22) ‘протянув к нему руки свои, они принуждали его принести ему имущество’. В последнем примере представлены оба варианта В. ед. **простеръше на <u>н҄ь</u>** и **ноуждаахѫ <u>и</u>**.

По-особому склонялись местоимения **вьсь**, **сиць** (имели формы мягкой и твердой разновидностей), **кꙑи** (имело формы мягкой разновидности и полных прилагательных), **которꙑи/котерꙑи** (склонялось как полное прилагательное), **къто**, **чьто** (не различались по родам и не изменялись по числам).

1. Парадигма определительного местоимения **вьсь** (аналогично **сиць**) имела формы и мягкой (**вьс-его**, **вьс-емоу**), и твердой (**вьсѣмь**, **вьс-ѣми**) разновидностей склонения (табл. 26). Первоначально в праславянском это местоимение склонялось по твердой разновидности, но после появления корневого палатального /ś/ из *x по 3-й палатализации падежные формы с /ś/ переориентировались на мягкую разновидность, что привело к замене окончаний твердого варианта окончаниями мягкого варианта: ср. *vixo > *vьśo > *vьśe (**вьсе**) и т. д. (см. табл. 26).

Таблица 24

Склонение указательных местоимений

Падеж	Твердая разновидность			Мягкая разновидность		
	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число						
И.	тъ	то	та	сь	сє	си
Р.	того	того	тоѩ	сєго	сєго	сєѩ
Д.	томоѹ	томоѹ	тои	сємоѹ	сємоѹ	сєи
В.	тъ	то	тѫ	сь	сє	сиѭ
Т.	тѣмь	тѣмь	тоѭ	симь	симь	сєѭ
М.	томь	томь	тои	сємь	сємь	сєи
Множественное число						
И.	ти	та	ты	сии	си	сиѩ
Р.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	сихъ	сихъ	сихъ
Д.	тѣмъ	тѣмъ	тѣмъ	симъ	симъ	симъ
В.	ты	та	ты	сиѩ	си	сиѩ
Т.	тѣми	тѣми	тѣми	сими	сими	сими
М.	тѣхъ	тѣхъ	тѣхъ	сихъ	сихъ	сихъ
Двойственное число						
И.-В.	та	тѣ	тѣ	сиꙗ	си	си
Р.-М.	тою	тою	тою	сєю	сєю	сєю
Д.-Т.	тѣма	тѣма	тѣма	сима	сима	сима
Единственное число						
И.	онъ	оно	она	и	ѥ	ꙗ
Р.	оного	оного	оноѩ	ѥго	ѥго	ѥѩ
Д.	ономоѹ	ономоѹ	онои	ѥмоѹ	ѥмоѹ	ѥи
В.	онъ	оно	онѫ	и, нь	ѥ	ѭ
Т.	онѣмь	онѣмь	оноѭ	имь	имь	ѥѭ
М.	ономь	ономь	онои	ѥмь	ѥмь	ѥи
Множественное число						
И.	они	она	оны	и	ꙗ	ѩ
Р.	онѣхъ	онѣхъ	онѣхъ	ихъ	ихъ	ихъ
Д.	онѣмъ	онѣмъ	онѣмъ	имъ	имъ	имъ

Окончание табл. 24

Падеж	Твердая разновидность			Мягкая разновидность		
	м. р.	с. р.	ж. р.	м. р.	с. р.	ж. р.
В.	оны	она	оны	ѩ	ꙗ	ѩ
Т.	онѣми	онѣми	онѣми	ими	ими	ими
М.	онѣхъ	онѣхъ	онѣхъ	ихъ	ихъ	ихъ
	Двойственное число					
И.-В.	она	онѣ	онѣ	ꙗ	и	и
Р.-М.	оною	оною	оною	ѥю	ѥю	ѥю
Д.-Т.	онѣма	онѣма	онѣма	има	има	има

Таблица 25

Склонение притяжательных местоимений

Падеж	Мягкая разновидность					
	М. р.	С. р.	Ж. р.	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число						
И.	мои	моѥ	моꙗ	нашь	нашє	наша
Р.	моѥго	моѥго	моѥѩ	нашєго	нашєго	нашєѩ
Д.	моѥмоу	моѥмоу	моѥи	нашємоу	нашємоу	нашєи
В.	мои	моѥ	моѭ	нашь	нашє	нашѫ
Т.	моимь	моимь	моѥѭ	нашимь	нашимь	нашєѭ
М.	моѥмь	моѥмь	моѥи	нашємь	нашємь	нашєи
Множественное число						
И.	мои	моꙗ	моѩ	наши	наша	нашѧ
Р.	моихъ	моихъ	моихъ	нашихъ	нашихъ	нашихъ
Д.	моимъ	моимъ	моимъ	нашимъ	нашимъ	нашимъ
В.	моѩ	моꙗ	моѩ	нашѧ	наша	нашѧ
Т.	моими	моими	моими	нашими	нашими	нашими
М.	моихъ	моихъ	моихъ	нашихъ	нашихъ	нашихъ
Двойственное число						
И.-В.	моꙗ	мои	мои	наша	наши	наши
Р.-М.	моѥю	моѥю	моѥю	нашєю	нашєю	нашєю
Д.-Т.	моима	моима	моима	нашима	нашима	нашима

Таблица 26

Особые виды склонения местоимений

Падеж	*Единственное число*					
И.	**вьсь**	**вьсе**	**вьсꙗ**	**кыи**	**коѥ**	**каꙗ**
Р.	**вьсего**	**вьсего**	**всеѩ**	**коѥго**	**коѥго**	**коѥѩ**
Д.	**вьсемоу**	**вьсемоу**	**вьсеи**	**коѥмоу**	**коѥмоу**	**коѥи**
В.	**вьсь**	**вьсе**	**вьсѭ**	**кыи**	**коѥ**	**кѫѭ**
Т.	**вьсѣмь**	**вьсѣмь**	**вьсеѭ**	**кыимь**	**кыимь**	**коѥѭ**
М.	**вьсемь**	**вьсемь**	**вьсеи**	**коѥмь**	**коѥмь**	**коѥи**
	Множественное число					
И.	**вьси**	**вьсꙗ**	**вьсѧ**	**ции**	**каꙗ**	**кыѩ**
Р.	**вьсѣхъ**	**вьсѣхъ**	**вьсѣхъ**	**кыихъ**	**кыихъ**	**кыихъ**
Д.	**вьсѣмъ**	**вьсѣмъ**	**вьсѣмъ**	**кыимъ**	**кыимъ**	**кыимъ**
В.	**вьсѧ**	**вьсꙗ**	**вьсѧ**	**кыѩ**	**каꙗ**	**кыѩ**
Т.	**вьсѣми**	**вьсѣми**	**вьсѣми**	**кыими**	**кыими**	**кыими**
М.	**вьсѣхъ**	**вьсѣхъ**	**вьсѣхъ**	**кыихъ**	**кыихъ**	**кыихъ**

Падеж			Падеж		
И.	**къто**	**чьто**	В.	**кого**	**чьто**
Р.	**кого**	**чесо, чесого**	Т.	**цѣмь**	**чимь**
Д.	**комоу**	**чесомоу**	М.	**комь**	**чемь**

Выше уже было отмечено, что парадигмы склонения местоимений **вьсь** ед. — **вьси** мн. — **оба** дв. по сути составляли единую супплетивную парадигму, поскольку семантика здесь различна только в отношении указания на число предметов.

2. Склонение местоимений **къто** и **чьто** отличается от остальных неличных местоимений. Местоимение **къто** изменялось по твердой разновидности, а **чьто** — по мягкой (см. табл. 26).

Форма И. п. этих местоимений образовывалась присоединением форманта **-то** к обычной форме И. ед. м. р. типа склонения на *o/*jo: **къ-то / чь-то** (ср. образование от тех же основ местоимений **кыи**, **чии**). В косвенных падежах формант **-то** отсутствовал. В Р. п. местоимения **чьто** употреблялась архаичная форма **чьсо/чесо**: **чесо изидосте видѣтъ** (Мф. 11: 8 Мар., Асс.) ‘что же ходили [вы] смотреть’. Позднее исконная форма Р. п. **чьсо/чесо** (< и.-е. *-es(i)o) была заменена формой **чесого** по аналогии с формами **того**, **оного**. В ста-

рославянском языке основа **чес-** (или **чьс-**) распространилась и на другие падежи: **чесомоу** (**чьсомоу**) (Д. п.), **чесомь** (М. п.). Форма Т. п. местоимения **къто цѣмь** отразила рефлекс 2-й палатализации.

Полагают, что еще в праславянском языке наметилось определенное разграничение в употреблении этих местоимений: **къто** начинает замещать в контексте *лицо*: **аще къто сънѣстъ отъ хлѣба сего живъ бѫдетъ въ вѣкъ** (Ин. 6: 51 Зогр., Мар., Асс. ‘если кто-нибудь будет есть этот хлеб, [тот] будет жить всегда’), а **чьто** — *предмет*: **аще чьто імате на кого** (Мк. 11: 25 Зогр., Мар. ‘если что-то против кого-то имеете’). Ср. **к҄то ты неси. и чьто нестъ имѧ твоне** (Супр. 122.3) ‘кто ты [есть] и каково твое имя’.

Это проявляется на формальном уровне в различии форм В. п. для местоимений **къто** и **чьто**. Местоимение **къто** имеет В. = Р.: ср. **кого мѧ глѣте быти** ‘за кого [вы] почитаете меня?’ (Мф. 16: 15 Зогр., Мар., Асс.).

§ 60. Имя прилагательное: общая характеристика

Прилагательное обозначает признак (качество, свойство, отношение, принадлежность), носителем которого является предмет (в широком смысле), соответственно прилагательное определяет существительное, поэтому синтаксически оно функционирует как согласованное определение (атрибут) и именная часть сказуемого (предикат).

Имя прилагательное в старославянском языке, как и в современном русском, обладало категориями *рода*, *числа* и *падежа*. Они проявлялись при согласовании прилагательного с существительным. Категория рода проявлялась не только в единственном числе, но и в формах множественного и двойственного числа.

В старославянском языке было несколько несклоняемых и не имеющих родовых различий прилагательных: **испльнь** ‘полный’, **нанѣмь** ‘косноязычный’, **прѣпрость** ‘простой, краткий’, **различь** ‘различный’, **свободь** ‘свободный’, **соугоубь** ‘двойной’, **оудобь** ‘легкий’. Все они оканчивались на **-ь** и исторически восходили к типу склонения на *i. Некоторые из них могли употребляться и в качестве наречий: ср. **стада различь** (прил. ‘разные’) **воловъ • кобылъ** (Супр. 42.29) ‘различные стада волов, кобыл’ — **четворы бо сѫтъ вьсѧ • о томь различь** (нареч. ‘иначе’) **намъ съказаѭшта** (Супр. 370.12) ‘всех четверых, рассказывающих нам о том по-разному’, поэтому такие прилагательные находятся на периферии системы, если вообще считать их прилагательными. В старославянских текстах их бывает нелегко отграничить от наречий: ср. **оубогыи же отъ**

всєго сєго свободь (прил. ‘свободен’ или нареч. ‘в свободе’?) **ѥсть** (Супр. 492.15) ‘нищий же от всего этого свободен’. Одновременно в старославянских текстах встречаются прилагательные с тем же значением, но образованные уже по продуктивной модели: **плънъ, различьнъ, свободьнъ, соугоубъ/соугоубьнъ, оудобьнъ.**

Прилагательные имели *краткую* и *полную* формы. Однако, в отличие от современного русского языка, в старославянском краткая форма являлась исходной как с точки зрения системы старославянского языка, так и исторически. Краткая форма была свойственна всем прилагательным и от нее по соответствующим правилам образовывалась полная форма. Кроме того, она склонялась и могла употребляться в функции определения: **гладъ крѣпъкъ** (Лк. 15:14) ‘сильный голод’, **странѫ гадариньскѫ** (Лк. 8: 26) ‘в землю Гадаринскую’.

Прилагательные имели степени сравнения — *сравнительную* и *превосходную*, но образование и особенности склонения этих форм существенно отличались от привычных нам в современном русском языке.

В старославянском языке, как и в современном русском, выделяют лексико-грамматические разряды *качественных*, *относительных* и *притяжательных* прилагательных.

§ 61. Краткие и полные формы прилагательных

Праславянский язык унаследовал из индоевропейского имя прилагательное как *лексико-синтаксическую* категорию, т. е. как *согласуемые с существительными признаковые слова*. Это были прилагательные, которые затем стали так называемыми краткими формами прилагательных. Собственно морфологически — с точки зрения системы словоизменения — существительное и (краткое) прилагательное не противопоставлялись друг другу, т. е. склонялись одинаково, хотя, строго говоря, прилагательные, вступая в согласование с существительными, оказываются противопоставлены им и морфологически (например, содержание категории рода у существительных и прилагательных различно).

Если образование лексико-синтаксической категории прилагательных принадлежит индоевропейскому праязыку, то оформление морфологических отличий прилагательного от существительного происходит на поздних этапах праславянской эпохи в связи с противопоставлением полных и кратких форм и завершается уже в отдельных славянских языках.

Итак, морфологическое обособление прилагательных от существительных усилилось с появлением *полных* (*членных*, *местоимен-*

ных) форм прилагательных, которые образовались в праславянском языке от исконных *кратких* (*нечленных*, *именных*) прилагательных.

Краткие (именные) прилагательные структурно не отграничены от имен существительных, и только семантика (обозначение признака) и синтаксическая функция показывают, что перед нами — существительное или прилагательное. Краткие формы прилагательных были первичными и, соответственно, были свойственны прилагательным всех разрядов: *качественным* — **звѣрь хоудъ** 'маленький', **врачь хытръ** 'искусный'; *относительным* — **пѫть мирьнъ**, **печаль мирьска**, **блюдо сьребрьно**; *притяжательным* — **сынъ авраамль** 'Авраамов, Авраама', **домъ петровъ**, **пророчьство исаиино**.

Краткие прилагательные склонялись по продуктивным типам именного склонения: краткие прилагательные мужского и среднего рода — по склонению на *o, *jo, а прилагательные женского рода — по склонению на *a, *ja, т. е. **желѣзнъ** склоняется как **жьзлъ** 'палка, прут' (ср. **жезлъ желѣзнъ** (Евх.)), **добро** — как **жито**, **красьна** — как **дѣва** и т. д., аналогично и в мягком варианте склонения: **нищь** склоняется как **мѫжь**, **синє** — как **морє**, **тъща** 'пустая' — как **землꙗ**.

При склонении кратких прилагательных происходят те же чередования согласных, что и при склонении имен существительных, например: **благъ** (И. ед.), но **блазѣ** (М. ед.), **блази** (И. мн.). Особые варианты возможны у прилагательных с суффиксом **-ьск-** типа **июдѣискъ**: в падежах, где происходила 2-я палатализация, помимо форм **июдѣисцѣ**, **июдѣисци**, **июдѣисцѣхъ** возможны формы **июдѣистѣ**, **июдѣисти**, **июдѣистѣхъ**.

Склонение кратких прилагательных отличалось от склонения имен существительных отсутствием звательной формы в женском и среднем роде. Вместо нее у прилагательных употреблялась форма именительного падежа: **и ты віѳлеемє землє июдова** (Мф. 2: 6 Асс., Сав.) 'И ты, Вифлеем, земля Иудина!'. У прилагательных мужского рода употребление форм на **-є** в Зв. падеже было возможно[1]: **фарисєю слѣпє** (Мф. 23: 26 Зогр.), **єдиныи блажє** (Супр. 21.27; с чередованием по 1-й палатализации).

В старославянском языке можно выделить некоторые группы прилагательных, которые, как правило, употреблялись только в краткой форме, — это притяжательные прилагательные, образован-

[1] Для прилагательных мужского рода в звательном падеже более характерно употребление полных, а не кратких форм, например: **отъчє праведьныи** (Ин. 17.25 Мар.), **родє невѣрьны и развращены** (Лк. 9: 41 Мар.) (в последнем примеры — стяженные полные формы).

ные с помощью праславянских суффиксов *-ov-, *-ьj, *-in-, *-ьń-, *-j- (**давидовъ**, **божии**, **мариинъ**, **гоподьн҃ь**, **кънѧжь**)[1] и прилагательные с суффиксом -**ьск**- (< *-ьsk-), имеющие оттенок притяжательности (типа **ıюдѣискъ**).

Краткие (именные) формы образуют более древний слой, чем полные прилагательные.

Происхождение склонения полных (членных) прилагательных может быть установлено по архаическим формам старославянских памятников и по данным литовского языка, где отношения полных и кратких форм более прозрачны, чем в славянском (можно предполагать параллельное развитие).

Полная (членная) форма получалась в результате сращения именного прилагательного с формой относительно-указательного местоимения **и** (< *jь), **ꙗ** (< *ja), **ѥ** (< *je) в соответствующем роде, числе и падеже (так называемого *члена*, который функционировал как энклитика). В частности, формы И. ед. возникали следующим путем:

м. р. **живъ** + **и** (< *jь) давало форму **живъıи**, где **ъı** передает напряженный редуцированный [ъ̂] (ст.-сл. окончание -**ъıи**, фонетически [ъ̂jь̂], восходит к праславянской форме *-ъjь);

м. р. **тъщь** + **и** (< *jь) → **тъщии**, где **и** передает напряженный редуцированный [ь̂] (ст.-сл. окончание -**ии**, фонетически [ь̂jь̂], восходит к праславянской форме *-ьjь);

ж. р. **жива** + **ꙗ** (< *ja) → **живаꙗ**;

с. р. **живо** + **ѥ** (< *je) → **живоѥ**.

Так же образовывались и формы косвенных падежей, например:

Р. ед. м. р. **живаѥго** ← **жива** (краткая форма Р. ед. по склонению на -**o*) + **ѥго** (Р. ед. местоимения **и**);

Д. ед. м. р. **живоуѥмоу** ← **живоу** (краткая форма Д. ед.) + **ѥмоу** (Д. ед. местоимения **и**) и т. д.

Первоначально обе формы склонялись как два разных слова. В дальнейшем могли происходить фонетические изменения, приводившие к некоторому преобразованию этих форм: интервокальный j исчезал, потом в возникшей группе гласных происходила ассимиляция с возможным последующим их стяжением. Так, в И. ед. м. р. появляются формы **живъı** (< **живъıи**)и **дольн҃и** (< **дольн҃ии**). В Р. ед. м. р. происходила следующая цепочка изменений: исходная форма **живаѥго** вследствие утраты интервокального [j]

[1] Изредка в памятниках встречаются полные формы притяжательных прилагательных: **к҃есареваѣ въздадите к҃есареви** (Мк. 12: 17 Зогр.) ‘кесарево воздайте кесарю’; **д҃дъ же ц҃рь роді соломона ѡт оурїинъıѩ** (Мф. 1: 6 Асс.) ‘Давид царь родил Соломона от Урииной (= бывшей за Урией)’, **кръвь христоваꙗ** (Супр. 483.23).

и ассимиляции гласных дает форму **живааго**, которая после стяжения гласных превращалась в **живаго**. Аналогично в Д. ед. м. р.: **живоуѥмоу** > **живоуемоу** > **живоуоумоу** > **живоумоу**.

Подобные стяженные формы образовывались также в формах множественного и двойственного числа — **живꙑихъ**, **живꙑимъ**, **живꙑими**, **живꙑима** (соответственно **дольнꙗихъ**, **дольнꙗимъ** и т. д. в мягком варианте).

В очень редких случаях в старославянских памятниках встречаются формы, имеющие не фонетический характер, а возникшие в результате аналогии с местоименным склонением: Р. ед. **живаго** → **живого** (по аналогии с **того**, **оного**), Д. ед. **свѧтоумоу** → **свѧтомоу** (по аналогии с **томоу**, **ономоу**).

В целом исконная парадигма склонения полных прилагательных в старославянском языке реконструируется следующим образом (табл. 27, 28).

Существуют разные точки зрения на происхождение полных прилагательных[1]. Ряд исследователей считает, что местоимение **и**, прибавляемое к краткой форме, играло роль своеобразного *определенного артикля*, и таким образом членные формы отличались от именных значением *определенности* предмета, характеризуемого прилагательным. Эта точка зрения восходит к основоположникам научного славяноведения Й. Добровскому и А. Х. Востокову. Другие объясняют возникновение полных форм стремлением разграничить склонение существительных и прилагательных. Третьи предполагают, что возникновение полных форм связано с необходимостью разграничить определительную и предикативную функции прилагательных.

Функционирование полных и кратких форм прилагательных в старославянском языке было не таким, как в современном русском литературном языке.

Во-первых, старославянские краткие прилагательные могли выступать в качестве определения, а не только именного сказуемого, и соответственно имели склонение:

вино ново въ мѣхꙑ новꙑ • въливати (Л. 5.38 Зогр.) ‘молодое вино [*следует*] в новые мехи (= бурдюки) вливать’;

---

[1] Обзор различных точек зрения на проблему происхождения полных прилагательных и соотношение именных и членных форм в старославянском и древних славянских языках см.: *Толстой Н.И.* Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов) // Вопросы славянского языкознания. Вып. 2. М., 1957. С. 43—122 (перепечатано: *Толстой Н. И.* Избранные труды. Т. III: очерки по славянскому языкознанию. М., 1999. С. 52—170); см. также: *Кузнецов А. М.* Исходная система склонения прилагательных по данным древнерусской письменности XI в. // Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV: прилагательные / под ред. В. Б. Крысько. М., 2006. С. 70—90.

въспоітє г҃ю пѣснь новѫ (Син. 95.1) ‘воспойте Господу песнь новую’;

с҃тꙑи кодратъ съ дръзновениімъ великомь гласомъ отъвѣштаваашє (Супр. 100.25—26) ‘святой Кондрат смело громким голосом отвечал’; здесь **с҃тꙑи** (= **свѧтꙑи** ‘тот самый, который известен как святой’) — полная форма со значением определенности (И. ед.; краткая — **свѧтъ**), а **великомь** — краткая форма (Т. ед.; полная была бы **великꙑимь**).

В современном русском языке краткие прилагательные не имеют форм склонения, так как выступают только в составе сказуемого[1].

Таблица 27

Склонение полных прилагательных (твердый вариант)

Падеж	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число			
И.	**живꙑи**	**живоѥ**	**живаꙗ**
Р.	**живаѥго**		**живꙑѩ**
Д.	**живоуѥмоу**		**живѣи**
В.	**живꙑи**	**живоѥ**	**живѫѭ**
Т.	**живꙑимь**		**живоѭ**
М.	**живѣѥмь**		**живѣи**
Множественное число			
И.	**живии**	**живаꙗ**	**живꙑѩ**
Р.	**живꙑихъ**		
Д.	**живꙑимъ**		
В.	**живꙑѩ**	**живаꙗ**	**живꙑѩ**
Т.	**живꙑими**		
М.	**живꙑихъ**		
Двойственное число			
И.-В.	**живаꙗ**	**живѣи**	**живѣи**
Р.-М.	**живоую**		
Д.-Т.	**живꙑима**		

[1] Остатки древнего употребления в качестве определений сохраняются во фразеологизмах типа *на босу ногу*, *среди бела дня* и т. п., а также в так называемых *усеченных* формах прилагательных, которые исторически не являются прямым продолжением древних славянских кратких прилагательных, а представляют собой искусственные образования уже от полных форм в литературном, прежде всего поэтическом, языке XVIII — начала XIX в.: ср. «*Поля покрыла* ***мра́чна*** *ночь*...» (М. Ломоносов; усеченное прилагательное в функции определения) — «*Душа моя* ***мрачна́***...» (М. Лермонтов; краткое прилагательное в функции сказуемого).

Таблица 28

Склонение полных прилагательных (мягкий вариант)

Падеж	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число			
И.	**дольн̑ии**	**дольнѥѥ**	**дольнꙗꙗ**
Р.	**дольнꙗѥго**		**дольнѩѩ**
Д.	**дольнюѥмоу**		**дольн̑ии**
В.	**дольн̑ии**	**дольнѥѥ**	**дольнѭѭ**
Т.	**дольн̑иимь**		**дольнѥѭ**
М.	**дольн̑иимь**		**дольн̑ии**
Множественное число			
И.	**дольн̑ии**	**дольнꙗꙗ**	**дольнѩѩ**
Р.	**дольн̑иихъ**		
Д.	**дольн̑иимъ**		
В.	**дольн̑ѩѩ**	**дольнꙗꙗ**	**дольнѩѩ**
Т.	**дольн̑иими**		
М.	**дольн̑иихъ**		
Двойственное число			
И.-В.	**дольн̑ꙗꙗ**	**дольн̑ии**	**дольн̑ии**
Р.-М.	**дольнюю**		
Д.-Т.	**дольн̑иима**		

Во-вторых, в составе сказуемого в старославянском языке употреблялись только краткие формы: ср. **онъ же слꙑшавъ се • прискрьбьнъ бꙑстъ • бѣ бо богатъ зѣло** (Лк. 18: 23 Сав.) ‘он же, услышав это, стал печален, потому что был очень богат’. В современном русском языке полные формы в сказуемом возможны: ср. *Этот случай весьма прискорбный. Он богатый.*

В-третьих, в современном русском языке относительные прилагательные существуют только в полной форме — это один из основных грамматических признаков, отличающих их от качественных, тогда как в старославянском языке относительные прилагательные могли иметь не только полную, но и краткую форму:

дадите ми млатъ желѣзнъ (Супр. 27.25) ‘дайте мне молот железный’;

бѣ же тоу водоносъ камѣнъ шесть лежаштъ • по очиштению июдеискоу (Ин. 2: 6 Мар.) ‘было же тут водоносов каменных шесть, стоявших по обычаю очищения иудейского’ (краткие формы относительных прилагательных: **камѣнъ** — Р. мн., **июдеискоу** — Д. ед.).

§ 62. Степени сравнения прилагательных

Сравнительная степень, будучи определением к существительному, в старославянском языке согласовывалась с ним в роде, числе и падеже, т. е. склонялась: **домъ новѣи** (И. ед.), **домоу новѣиша** (Р. ед.), **домове новѣише** (И. мн.) и т. д.

Формы сравнительной степени образовывались при помощи двух суффиксов: **-ѣи(ш)-** (*-ě-jьš-) и -(j)**ь(ш)**- (*-jьš-): ср. Р. ед. **новѣиша** и **лоучьша**.

Продуктивным был суффикс **-ѣиш-**, который восходит к праславянскому *-ējis(j)-, где второй j, очевидно, из основы склонения существительного (на *jo, *ja), по типу которого эти формы склонялись.

С помощью суффикса **-ѣиш-** образовывалась сравнительная степень у некоторых непроизводных (первообразных) прилагательных (среди них — **слабъ**, **юнъ**, **чистъ**, **скоръ**, **милъ**, **старъ**, **плънъ**, **простъ**, **пръвъ** и др.), и у большинства производных прилагательных (**блажьнъ**, **покоинъ**, **свѣтьлъ**, **веселъ**, **грѣшьнъ**, **ветъхъ**, **больнъ**, **оубогъ** и др.), включая страдательные причастия (**съвръшенъ**), которые по происхождению были отглагольными прилагательными. Выбор того или иного суффикса сравнительной степени у первообразных прилагательных первоначально, видимо, зависел от интонации — восходящей или нисходящей — корневого гласного, суффикс **-ѣиш-** использовался в прилагательных с восходящей интонацией корня и **-ьш-** — в прилагательных с нисходящей корневой интонацией[1]. Однако в старославянском языке от некоторых прилагательных представлена сравнительная степень с обоими суффиксами: ср. **люштии** и **лютѣи** от **лютъ** ‘жестокий, страшный’.

Особого комментария требует образование форм И. ед. У прилагательных мужского рода отпадал конечный согласный суффикса (по закону открытого слога, поскольку в качестве окончания

[1] *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. М., 1952. С. 132—138; см. также: *Дыбо В. А.* Правило Селищева — Вайана в праславянском // Отцы и дети Московской лингвистической школы: памяти Владимира Николаевича Сидорова. М., 2004. С. 192—205.

здесь тоже исконно выступал согласный) — *slābējis > **славѣи**, *jaunējis > **юнѣи**. У прилагательных среднего рода в И. и В. п. ед. также отпадал конечный согласный суффикса, но в качестве варианта суффикса в этих формах выступал вариант **-ѣѥ(ш)-** (т. е. /ěje/, а не /ějь/), поэтому этот падеж представлен формами **славѣѥ**, **юнѣѥ** (а не **славѣи**, **юнѣи**). В И. ед. ж. р. суффикс проявлялся целиком, однако окончание было **-и** — **славѣиши**, **юнѣиши** (по типу таких слов склонения на *-ja, как **рабыни**). Таким образом, И. ед. сравнительной степени выглядел следующим образом:

скоръ — м. р. **скорѣи**, с. р. **скорѣѥ**, ж. р. **скорѣиши**;
новъ — м. р. **новѣи**, с. р. **новѣѥ**, ж. р. **новѣиши**;
сильнъ — м. р. **сильнѣи**, с. р. **сильнѣѥ**, ж. р. **сильнѣиши**.

В прилагательных, основа которых заканчивалась на заднеязычный, при образовании сравнительной степени перед **ѣ** суффикса происходило чередование (в соответствии с условиями 1-й палатализации и последующим переходом *ē > ā): **кротъчаи**, **-аѥ**, **-аиши** от **кротъкъ**; **мъножаи**, **-аѥ**, **-аиши** от **мъногъ**.

Сравнительная степень с суффиксом -(j)**ьш**- из псл. *-jьs(j)- (в формах И.-В. ед. с. р. *-jes(j)-) образовывалась у следующих групп прилагательных.

1. У прилагательных со значениями *большой*, *маленький*, *плохой*, *хороший*, у которых сравнительная степень образовывалась от супплетивной основы:

бол҄ии, **болѥ**, **бол҄ьши** (от **великъ**, **велии**);
вѧщии, **вѧщє**, **вѧщьши** (от **мъногъ**);
мьн҄ии, **мьнѥ**, **мьн҄ьши** (от **малъ**);
лоучии, **лоучє**, **лоучьши**; **оун҄ии**, **оунѥ**, **оун҄ьши**; **соул҄ии/-ѣи**, **соулѥ**, **соул҄ьши** (от **благъ**, **добръ**);
гор҄ии, **горѥ**, **гор҄ьши** (от **ѕълъ**).

2. У некоторых первичных (непроизводных) прилагательных, среди них:

гѫщии, **гѫщє**, **гѫщьши** (от **гѫстъ**);
грѫблии, **грѫблѥ**, **грѫбльши** (от **грѫбъ**);
лишии, **лишє**, **лишьши** (от **лихъ**);
хоуждии, **хоуждє**, **хоуждьши** (от **хоудъ**) и некоторые другие.

3. У прилагательных с суффиксами **-ък-**, **-ок-**, **-ьк-** (при образовании сравнительной степени от этих прилагательных происходило усечение основы, т. е. «выпадение» суффикса):

крѣпл҄ии, **крѣплѥ**, **крѣпл҄ьши** (от **крѣпъкъ**);
слаждии, **слаждѥ**, **слаждьши** (от **сладъкъ**);
вышии, **вышє**, **вышьши** (от **высокъ**).

Как видно из приведенных выше примеров, при образовании этих форм в основе прилагательного происходило чередование

согласных, вызванное изменением в сочетании с *j: **п/пл҃**, **с/ш**, **д/жд**, **х/ш**, **ст/шт**, **р/р҃** и т. д.

Формы И. ед. у прилагательных мужского и среднего рода и в этом случае были особыми: в мужском роде не проявляется **ш**, но вместо ожидаемых форм на **-ь** (***бол҃ь**, ***мьн҃ь**) в старославянских текстах зафиксированы уже только формы с добавлением **и** — **бол҃ии**, **мьн҃ии** (возможно, под влиянием продуктивных форм на **-ѣи**). В формах И.-В. ед. с. р. в суффиксе был не редуцированный, а **-є**, поэтому после отпадения конечного согласного получилась форма **болѥ**, **мьнѥ**. В И. ед. ж. р. так же, как и в формах на **-ѣиши**, суффикс сохранялся целиком и в качестве окончания выступал **-и** — **бол҃ьши**, **мьн҃ьши**.

С точки зрения происхождения первичным был суффикс *-jis(j)-, который, очевидно, был унаследован праславянским языком из индоевропейского: в латинском языке суффиксом сравнительной степени был *-jus (<*-jos). Суффикс -*ējis(j)- получился из *-jis(j)посредством присоединения гласного *ē. Суффикс **-ѣиш-** был продуктивным в старославянском языке, поэтому формы с ним появляются и от прилагательных, первоначально образовывающих сравнительную степень с помощью суффикса -(j)**ьш**-, например: **горьчаи** (вместо **гор҃ии** от **горькъ**), **въісочаи** (наряду с **вышии** от **высокъ**), **мъножаи** (наряду с **вѧщии** от **мъногъ**), **величаи** (наряду с **бол҃ии** от **великъ**).

Краткие формы прилагательных в сравнительной степени склонялись в целом по именному склонению (на *-jo, *-ja), но с некоторыми особенностями, из которых отметим следующие:

1) наличие особых форм в И. и В. ед. у прилагательных м. и с. рода (см. выше);

2) И. ед. прилагательных ж. р. имел окончание **-и** (по типу **рабъін҃и**);

3) И. мн. у прилагательных м. р. имел окончание **-є** (как в склонении на согласный; такое же окончание встречается и в склонении причастий действительного залога);

4) формы И. и В. ед. с. р. **въіше**, **болѥ** часто употреблялись в качестве наречий, поэтому в старославянском языке возникает новая форма сравнительной степени прилагательного — **въішьшє**, **бол҃ьшє**, в которой суффикс проявляется полностью по аналогии с формами других падежей.

Древнеславянские памятники иногда отражают формы сравнительной степени от имен существительных и местоимений: **блажѫ іѡсифа и никодима • бъісте бо прѣжде херовимъ херовимѣиша бога вь себѣ носѧшта** (Супр. 458.5) ‘восхваляю Иосифа и Никодима, ибо они стали давно херувимов «херувимее», Бога в себе нося’;

вьсѣкъ чл҃вкъ прѣжде доброѥ вино полагаатъ • ѥгда оупиѭтъ сѧ тогда тачѣѥ[1] (Ин. 2: 10 Мар.) ‘всякий человек сперва хорошее вино выставляет, а когда напьются, тогда худшее’. В большинстве случаев сравнительная степень такого типа соответствует греческому компаративу[2].

Таблица 29

Склонение сравнительной степени прилагательных типа новѣи

Падеж	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число			
И.	**новѣи**	**новѣѥ**	**новѣиши**
Р.	**новѣиша**		**новѣишѧ**
Д.	**новѣишю**		**новѣиши**
В.	**новѣи**	**новѣѥ**	**новѣишѫ**
Т.	**новѣишемь**		**новѣишеѭ**
М.	**новѣиши**		**новѣиши**
Множественное число			
И.	**новѣишє**	**новѣиша**	**новѣишѧ**
Р.	**новѣишь**		
Д.	**новѣишемъ**		
В.	**новѣишѧ**	**новѣиша**	**новѣишѧ**
Т.	**новѣиши**		
М.	**новѣишихъ**		
Двойственное число			
И.-В.	**новѣиша**	**новѣиши**	**новѣиши**
Р.-М.	**новѣишю**		
Д.-Т.	**новѣишема**		

[1] От местоимения **такъ** ‘такой’.

[2] Сходные образования отмечаются в русских говорах: ср. *бережее* ‘ближе к берегу’, *скотее*, *зверее* от *берег*, *скот*, *зверь* и т. п.

Таблица 30

Склонение сравнительной степени прилагательных типа лоучии

Падеж	М. р.	С. р.	Ж. р.
Единственное число			
И.	**лоучии**	**лоуче**	**лоучьши**
Р.	**лоучьша**		**лоучьшѧ**
Д.	**лоучьшю**		**лоучьши**
В.	**лоучии**	**лоуче**	**лоучьшѫ**
Т.	**лоучьшемь**		**лоучьшеѭ**
М.	**лоучьши**		**лоучьши**
Множественное число			
И.	**лоучьше**	**лоучьша**	**лоучьшѧ**
Р.	**лоучьшь**		
Д.	**лоучьшемъ**		
В.	**лоучьшѧ**	**лоучьша**	**лоучьшѧ**
Т.	**лоучьши**		
М.	**лоучьшихъ**		
Двойственное число			
И.-В.	**лоучьша**	**лоучьши**	**лоучьши**
Р.-М.	**лоучьшю**		
Д.-Т.	**лоучьшема**		

Полные формы сравнительной степени образуются, как и полные формы положительной степени (см. § 61). Отдельного комментария заслуживают несколько падежных форм:

1) в И. и В. ед. м. р. полная форма совпадает с краткой (**бо͡лии — бо͡лии**);

2) И. ед. с. р. имеет форму **болѥѥ**, что закономерно, поскольку краткая форма была **болѥ** и к ней прибавлялось **ѥ** (форма И. ед. ср. рода указательного местоимения **и**);

3) И. ед. ж. р. также получает закономерную в данном случае форму **бо͡льшиꙗ**;

4) И. мн. полных прилагательных м. р. имеет окончание **-еи**, что тоже закономерно, поскольку в этом падеже окончание краткой формы было **-е**.

Превосходная степень в старославянском языке не имела особых морфологических форм выражения. Значение превосходной степени могло передаваться, с одной стороны, аналитическими конструкциями: сравнительная степень + Р. мн. определительного местоимения **вьсѣхъ**, например **вьсѣхъ мьнии, кротъчаи вьсѣхъ**.

С другой стороны, значение превосходной степени могло выражаться посредством наречий **ѕѣло, вельми — на горѫ высокѫ ѕѣло** (Мф. 4: 8 Зогр., Асс., Сав.).

Также для передачи значения превосходной степени могли использоваться приставки **прѣ-** (**прѣвеликъ, прѣсвѧтъ, прѣподобьнъ, прѣмѫдръ**) и **наи-**, последняя усиливала значение сравнительной степени (**наискорѣѥ, наивѧште**).

§ 63. Имя числительное

Система счисления в славянских языках была десятеричной, а числительные в старославянском языке представляли собой строго упорядоченную и сформировавшуюся систему количественных и порядковых числительных, которая вполне заслуживает того, чтобы считать ее особой частью речи — такое положение имело место уже и в индоевропейском праязыке. Обозначая цифры и числа, числительные выступали в *счетной* и *количественной* функциях. В счетной функции числительные неизменяемы (**ѥдинъ** '1', **дъва** '2' ... **пѧть** '5' ... **десѧть** '10', **ѥдинъ на десѧте** '11', **дъва на десѧте** '12' ... **двѣ десѧти** '20', **дъвѣ десѧти и ѥдинъ** '21' ... **съто** '100', **съто и ѥдинъ** '101' ...), а в количественной функции они образуют особые конструкции с существительными, характеризующиеся весьма специфическими морфологическими и синтаксическими отношениями (см. § 64, 66).

Однако в славистике широко распространен и другой подход к частеречному статусу древнеславянских числительных. На основании того, что числительные изменялись по падежам, а некоторые также и по родам, т. е. их грамматические характеристики пересекались с характеристиками других частей речи — существительных, прилагательных и местоимений, многие слависты относят одни числительные (**дъва, триѥ, четыре**) к прилагательным, а другие — к существительным (**пѧть, шесть** и т. д.). При этом, характеризуя частеречную принадлежность числительных старославянского языка, они зачастую относят их не к особой части речи, а считают лишь *словами с числовым значением* или *словами, обозначавшими числа*[1].

[1] Критику такого подхода см. в кн.: *Жолобов О. Ф.* Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV: числительные. М., 2006. С. 12—38.

В соответствии с принадлежностью к тому или иному лексико-грамматическому разряду, числительные можно разделить на *количественные*, *порядковые* и *собирательные*.

§ 64. Количественные числительные

Система старославянских количественных числительных состояла из 12 простых числительных и их сочетаний, которые образовывались по определенным моделям. Особенности образования сложных числительных (от '11' и далее) определялись тем, какими характеристиками обладали составляющие их «компоненты». Чтобы правильно определять форму любого количественного числительного (и уметь ее образовывать), необходимо знать, каковы были грамматические особенности простых числительных со значением от '1' до '10' (**ѥдинъ, дъва, триѥ, четъıре, пѧть, шесть, седмь, осмь, девѧть, десѧть**), а также '100' (**съто**) и '1000' (**тъıсѧщи/тъıсѫщи**).

Числительные **ѥдинъ** м., **ѥдина** ж., **ѥдино** с. и **дъва** м., **дъвѣ** ж./с. склонялись по местоименному склонению, имели формы рода и согласовывались со стоящим при них существительным в роде и падеже.

Числительные со значением '3' и '4' склонялись как существительные с основой на *i (**триѥ** м., **три** ж./с.) и на согласный (**четъıре** м., **четъıри** ж./с.), что мешает относить их к прилагательным морфологически, но они имели формы рода и, подобно прилагательным, *согласовывались* со стоящим при них существительным в падеже.

Числительные **пѧть**, **шесть**, **седмь**, **осмь**, **девѧть** склонялись, как существительные ж. р. типа склонения на *i, не изменялись по родам и *управляли* стоящими при них существительными, требуя Р. мн. На род этих существительных нам указывают употребляющиеся при них определения (как правило, местоимения): **приѥмъ седмь тѫ** (В. ед. ж. р.) **хлѣбъ** (Мк. 8: 6 'взяв те семь хлебов'); **приобрѣте дроугѫѩ пѧть талантъ** (Мф. 25: 16 'приобрел другие пять талантов'). Однако в соответствии с семантикой эти числительные иногда могут получать определение и во множественном числе: **съ инѣми шестиѭ братиѩ**. Глагол при них также может стоять в форме единственного или множественного числа: **егда іcплъни сѧ осмь дьниі** (Лк. 2: 21 Зогр., Асс.) 'когда прошло восемь дней', ср. **іcплъниша сѧ** (Мар., Сав.).

Числительное **ѥдинъ** имело три формы рода и склонялось по местоименному склонению (**ѥдинъ, ѥдиного, ѥдиномоу** и т. д.). В Супрасльской рукописи наряду с И.-В. **ѥдинъ** в косвенных падежах встречается форма с -**ь**- в основе -**ѥдьн**- (и с утратой его вследствие падения

редуцированных), которая, очевидно, уже тогда была свойственна разговорному языку. Числительное *edinъ развивало в праславянском языке новые значения: 1) ‘некто, некий’, 2) ‘единый, общий’ и др. Таким образом, в старославянском языке ѥдинъ фактически было многозначным словом. Употребляясь в функции неопределенного местоимения в значении ‘некий, некоторый’, оно могло получать формы множественного числа: єдини отъ стоꙗштиихъ съде (Мар.) ‘некоторые из стоящих здесь’. Слово ѥдинъ употреблялось также в значении ‘единый, общий’, и в этом случае могли возникать *полные* формы (как у прилагательного): єдинааго бг҃а (Ин.5:44 Мар.) ‘единого Бога’, єдиноє сп҃ниє (Евх.84б13) ‘общее спасение’.

Числительное дъва и близкое ему по значению местоимение оба ‘оба, тот и другой’ имели по две формы рода: дъва, оба м. и дъвѣ, обѣ ж./с. Местоимение оба не могло заменять числительное дъва в счетной функции, а в количественной сохраняло местоименную семантику: абиє цѣлоуєтъ пп҃ъ оба братра (Евх. 11а 2—3) ‘тотчас целует поп обоих братьев (= того и другого брата)’; ѡбѣма же на десѧте апо҃лома • ıмена сѫтъ си (Мф. 10: 2 Зогр.) ‘(всех) двенадцати апостолов имена суть сии...’. Отнесение старославянского местоимения оба к числительным традиционно и объясняется тем, что морфосинтаксические характеристики дъва и оба совпадают: в частности, склонялись они по местоименному склонению, причем, естественно, только в двойственном числе.

Таблица 31

Простые количественные числительные

	М. р.	Ж. р.	С. р.	Тип склонения
‘1’	ѥдинъ	ѥдина	ѥдино	местоименное склонение
‘2’	дъва	дъвѣ	дъвѣ	местоименное в дв.
‘3’	триѥ	три	три	на *i во мн.
‘4’	четыре	четыри	четыри	на согласный во мн.
‘5’	пѧть			на *i в ед.
‘6’	шесть			
‘7’	седмь			
‘8’	осмь			
‘9’	девѧть			
‘10’	десѧть			на согласный во всех числах
‘100’			съто	на *о во всех числах
‘1000’		тысѧщи/ тысѫщи		на *ja (как рабын҃и)

Таблица 32

Склонение числительного ‘2’ и местоимения ‘оба’

Падеж	М. р.	Ж. р. / С. р.
И.-В.	**дъва, оба**	**дъвѣ, обѣ**
Р.-М.	**дъвою, обою**	
Д.-Т.	**дъвѣма, обѣма**	

Таблица 33

Склонение числительных ‘3’ и ‘4’

Падеж	М. р.	Ж. р. / С. р.	М. р.	Ж. р. / С. р.
И.	**триѥ**	**три**	**четꙑре**	**четꙑри**
Р.	**трии**		**четꙑръ**	
Д.	**трьмъ**		**четꙑрьмъ**	
В.	**три**		**четꙑри**	
Т.	**трьми**		**четꙑрьми**	
М.	**трьхъ**		**четꙑрьхъ**	

Таблица 34

Склонение числительных ‘5’ и ‘10’

Падеж	Ед. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
И.	**пѧть**	**десѧть**	**десѧте**	**десѧти**
Р.	**пѧти**	**десѧте, -и**	**десѧтъ**	**десѧтоу**
Д.	**пѧти**	**десѧти**	**десѧтьмъ**	**десѧтьма**
В.	**пѧть**	**десѧть**	**десѧти**	**десѧти**
Т.	**пѧтиѭ, -ьѭ**	**десѧтиѭ, -ьѭ**	**десѧтꙑ**	**десѧтьма**
М.	**пѧти**	**десѧте, -и**	**десѧтьхъ**	**десѧтоу**

Числительные **триѥ** и **четꙑре** тоже имели только две формы рода (форме м. р. противостояла форма ж./ср.) и, естественно, только формы множественного числа, но относились они к разным типам склонения: **триѥ** склонялось как существительные с древней основой на *i, а **четꙑре** — на согласный.

В ряде падежей возможны графические варианты, связанные с судьбой и особенностями передачи редуцированных, в частности: **трьѥ** и **трьи** в И. и Р. (на месте напряженного **ь**); **трeмъ, четꙑремъ, трeхъ, четꙑрехъ** — в Д. и М. (на месте **ь** в сильной позиции).

Числительное **десѧть** первоначально склонялось как существительное мужского рода с основой на согласный, однако постепенно переходило, очевидно под влиянием числительных типа **пѧть**, в женский род и тип склонения на *i, на что указывают форма Т. ед. и вариантные окончания Р. и М. ед.

Как уже было указано, числительные от ‘1’ до ‘4’ *согласовывались* с существительными в роде и падеже (и, выражая лексически число предметов, обозначенных существительным, как бы «задавали» ему число — так, при числительном ‘2’ использовались формы двойственного числа, а при числительных ‘3’ и ‘4’ — формы множественного числа), а числительные от ‘5’ до ‘10’ *управляли* Р. существительного во множественном числе.

И. ед.	**ѥдинъ дроугъ**	**ѥдина жена**	**ѥдино село**
И. дв.	**дъва дроуга**	**дъвѣ женѣ**	**дъвѣ селѣ**
И. мн.	**триѥ дроуѕи**	**три жены**	**три села**
И. мн.	**четыре дроуѕи**	**четыри жены**	**четыри села**
Р. мн.	**пѧть дроугъ**	**пѧть женъ**	**пѧть селъ**

При склонении сочетаний числительных от ‘1’ до ‘4’ с существительными меняются обе части словосочетания **дъвою дроугоу**, **дъвѣма дроугома**), а в сочетаниях с ‘5’ до ‘10’ склоняется только управляющее существительным числительное (**пѧти дроугъ**, **пѧтиѭ дроугъ**).

Образование и изменение всех остальных числительных было основано на указанных выше особенностях употребления числительных от ‘1’ до ‘10’. В частности, числительные от ‘11’ до ‘19’ состояли из двух частей: названия единицы, прибавляемой к десятку, и самого десятка; вторая часть (название десятка) представляет собой застывшую форму М. ед. с предлогом **на**:

‘11’ **ѥдинъ на десѧте**[1]

‘12’ **дъва (дъвѣ) на десѧте оба (обѣ) на десѧте**

‘13’ **триѥ (три) на десѧте**

‘14’ **четыре (четыри) на десѧте**

‘15’ **пѧть на десѧте** и т. д.

В этих числительных изменялась только первая часть (сочетание **на десѧте** оставалось неизменным): например, **ѥдиного на десѧте** (Р.), **дъвою на десѧте** (Р.-М.) и т. п.

То, в какой форме употреблялось существительное, относившееся к этим числительным, также зависело от первой части: от ‘11’ до ‘14’ имело место согласование, а от ‘15’ до ‘19’ — управление: **исплъниша дъва на десѧте коша оукроухъ** (Лк. 9: 17 Зогр.)

[1] В памятниках в данном случае иногда встречаются полные формы числительного **ѥдинъ**: **ѥдинъı же на десѧте оученикъ ꙇдоша въ галилеѭ** (Мф. 28:16 Зогр.), ‘одиннадцать же учеников пошли в Галилею’, **вь єдинѫѭ же на десѧте годинѫ** (Мф. 20:6 Мар.) ‘в одиннадцатом часу’.

‘наполнили 12 корзин кусками’(**коша** В. дв.; **кошь** м. ‘корзина’), **шесть на десѧте лѣтъ** (Р. мн.) (Супр. 227.11) ‘шестнадцать лет’.

Числительные от ‘20’ до ‘90’ представляют собой названия десятков, при этом составные формы строятся на указанных ранее закономерностях (напомним, что **десѧть** было числительным мужского рода, склонявшимся по типу на согласный):

‘20’ **дъва** (м.) **десѧти — десѧть** стоит в форме И. дв.

‘30’ **триѥ** (м.) **десѧте — десѧть** стоит в форме И. мн.

‘40’ **четыре** (м.) **десѧте — десѧть** стоит в форме И. мн.

‘50’ **пѧть десѧтъ — десѧть** стоит в форме Р. мн. и т. д.

При склонении числительных ‘20’, ‘30’, ‘40’ имеет место согласование (меняются обе части): **съ дъвѣма десѧтьма** (Т. дв.), **трьмъ десѧтьмъ** (Д. мн.), **четырми десѧтъı** (Т. мн.). У числительных от ‘50’ до ‘90’ меняется только первая часть: **къ пѧти десѧтъ** (Д.), **пѧтиѭ десѧтъ** (Т.), **о пѧти десѧтъ** (М.).

Числительные ‘50’—‘90’ всегда управляют Р. мн. относящегося к ним существительного: **пѧть десѧтъ сърєбрьникъ** (Р. мн.), **пѧти десѧтъ сърєбрьникъ**, **пѧтиѭ десѧтъ сърєбрьникъ**. Числительные ‘20’, ‘30’, ‘40’ в И. и В., как правило, управляют существительным (т. е. требуют Р. мн., как и числительные ‘50’—’90’): **три десѧте сърєбрьникъ** (Р. мн.). В остальных падежах обычно наблюдается согласование, представляющее собой инновацию: **въ четꙑрехъ десѧтехъ лѣтѣхъ** (М. мн.) (Супр.210.15—16). Однако в отдельных случаях сохранялось управление (в частности, под влиянием конструкций с числительными ‘50’—‘90’): **тремъ десѧтемъ лѣтъ** (Р. мн.) (Лк. 3: 23 Мар.).

В составных числительных типа ‘21’, ‘22’, ‘25’ существительное соотносится со словом, обозначающим единицы (ср. в современном русском языке *двадцать один дом*, но *двадцать пять домов*).

Числительное **съто** склонялось как существительные среднего рода типа склонения на *о. Числительные ‘200’—‘900’ образовывались, подобно числительным, обозначающим десятки (‘20’—‘90’), исходя из грамматических особенностей слова, обозначающего количество сотен, причем числительные ‘200’—‘400’ строятся на согласовании, а ‘500’—‘900’ — на управлении:

‘200’ **дъвѣ** (ср.) **сътѣ — съто** стоит в форме И. дв.

‘300’ **три** (ср.) **съта — съто** стоит в форме И. мн.

‘400’ **четыри** (ср.) **съта — съто** стоит в форме И. мн.

‘500’ **пѧть сътъ — съто** стоит в форме Р. мн. и т. д.

При склонении числительных ‘200’, ‘300’, ‘400’ менялись обе формы (**дъвою сътоу** Р. дв., **дъвѣма сътома** Д. дв., **трии сътъ** Р. мн., **трьмъ сътомъ** Д. мн. и т. д.), при склонении числительных ‘500’— ‘900’ менялась только первая часть (**пѧти сътъ** Р., Д. и М., **пѧтьѭ сътъ** Т.).

Числительные ‘500’—‘900’ во всех падежах управляли Р. мн. существительного: **пѧтиѭ сътъ сърєбрьникъ** (Супр. 390.22—23) ‘пятьюстами сребреников’. Числительные ‘200’, ‘300’, ‘400’ в И. и В. управляли Р. мн. существительного, но в остальных падежах согласовывались с ним: **дъвѣ сътѣ** (И.-В. дв.) **лактъ** (Р. мн.) (Ин. 21: 8 Мар.) ‘двести локтей’, но **трьмъ сътомъ сьцѣни динарємъ** (Д. мн.) (Супр. 425.2)[1] ‘оценил в триста динариев’.

Числительное ‘1000’ в старославянском языке имело варианты **тысѫщи** и **тысѧщи** и склонялось как существительные ж. р. склонения на *jā (по типу **рабыни**). В некоторых рукописях представлены оба варианта — **тысѫщи** и **тысѧщи** с преобладанием первого, который, очевидно, имел западноболгарское (македонское) происхождение, но характерен также для сербского церковнославянского языка, в то время как вариант **тысѧщи** — восточноболгарский и характерен для русского церковнославянского[2].

Конструкции составных числительных с **тысѫщи** образуются так же, как и числительные со значением десятков и сотен: у ‘2000’— ‘4000’ — согласование, а у ‘5000’—‘9000’ — управление:

‘2000’ **дъвѣ** (ж.) **тысѫщи** — **тысѫщи** стоит в форме И. дв.

‘3000’ **три** (ж.) **тысѫщѧ** — **тысѫщи** стоит в форме И. мн.

‘4000’ **четыри** (ж.) **тысѫщѧ** — **тысѫщи** стоит в форме И. мн.

‘5000’ **пѧть тысѫщь** — **тысѫщи** стоит в форме Р. мн. и т. д.

В числительных ‘2000’—‘4000’ при склонении изменяются обе части, например: **дъвѣма тысѫщама** (Д.-Т.); вчислительных ‘5000’— ‘9000’ — только первая часть: **пѧти тысѫщь** (Р., Д., М.).

К числительным в старославянском языке примыкало слово для передачи ‘10 000’ — существительное ж. р. (склонение на *ā) **тьма** (у него был омоним **тьма** ‘мрак, темнота’): **длъжьникъ... тьмоѭ таланътъ** (Мф. 18: 24 Мар.) (в этом значении могло также употребляться и сочетание **десѧть тысѫщь**) ‘который был должен 10 000 талантов’. Слово **тьма** наряду с **несъвѣда** могло обозначать и ‘бесчисленное множество’: **тъмѫ імамъ добрыхъ дѣлъ** (Клоц. 96.15) ‘у нас бесчисленное множество благих дел’; **несьвѣдами поѥмлѧ плѣнникы** (Супр. 291.29—30) ‘захватывая бесчисленное множество пленников’.

В старославянском языке отсутствовали слова для передачи количества, превышающего ‘10 000’. Выражение бо́льших чисел было возможно посредством сочетания имеющихся слов. Например, значение ‘1 000 000’ могло передаваться сочетанием **съто тьмъ**.

При передаче составных числительных, в составе которых были десятки и единицы (или сотни, десятки и единицы), между частя-

---

[1] Однако и в этом случае в текстах уже есть формы с управлением **дъвѣма сътома** (Д.) **пѣнѧзъ** (Р. мн.) (Мк. 6: 37) ‘двумстам динариям (монетам)’.

[2] *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. С. 188.

ми ставился сочинительный союз **и** или **ти** (последний реже, в Супр.): **по девѧти сътъ и три десѧти лѣтѣхъ** ‘по прошествии 930 лет’; **до осми десѧтъ и четъіръ лѣтъ** ‘84’; **числомъ четъіри десѧти • ти шесть** ‘46’. Для числительных от ‘20’ до ‘30’ был возможен оборот типа **пѧть междоу десѧтьма** ‘25’ наряду с **дъва десѧти и пѧть** (аналогично **четъіре междоу десѧтьма** ‘24’ и т. п.).

Приблизительное количество в старославянских текстах могло обозначаться синтаксическими средствами при помощи слова **ꙗко**: ср. **прѣбъістъ же мариѣ съ нею • ѣко три мсцѧ** (Зогр.) ‘пребыла же Мария с нею около трех месяцев’.

Следует иметь в виду, что в старославянских текстах числа часто передавались посредством букв, в этом случае над буквой или группой букв стоял надстрочный знак — титло, а при буквах в числовом значении, как правило, были отточия, например: **•а҃•** передавало ‘1’ **ѥдинъ**, **•і҃•** — ‘10’ **десѧть**, **•аі҃•** — ‘11’ **ѥдинъ на десѧте**, **•ка҃•** — ‘21’ **дъва десѧти и ѥдинъ** и т. д.

§ 65. Происхождение и эволюция количественных числительных

Старославянские числительные восходят к праиндоевропейским формам.

ѥдинъ — к и.-е. *oino- (видимо, через промежуточное *eino-) восходит компонент **-ин-** со значением ‘1’: греч. οἰνή, лат. ūnus (< др.-лат. oinos), др.-прус. ains, гот. ains; и.-е. основа полностью сохранилась в кальках с греческого типа **инорогъ** ‘единорог’ < греч. μονόκερος. Этот компонент был осложнен местоименной частицей *ed.

дъва — из и.-е. *duwo/*dwō: скр. d(u)vā, греч. δύω, лат. duo, гот. twai, лит. dù.

триѥ — из и.-е. *treyes: скр. trayas, греч. ат. τρεῖς, лат. trēs, лит. trỹs, гот. þreis.

четъіре — из и.-е. *k^{w}etwores: скр. čatvāras, греч. τέτταρες, лат. quattuor, лит. ketur-i, гот. fidwōr.

пѧть — из и.-е. *penk^{w}e: скр. pañča, греч. πέντε/πέμπτε, лат. quīnque, лит. penki, гот. fimf.

шесть — из и.-е. *s(w)ek’s: скр. ṣaṣ-, греч. ἕχ, лат. sex, лит. šešì, гот. saihs.

седмь — из и.-е. *septm̥: скр. saptá, греч. ἑπτά, лат. septem, гот. sibun (звонкое **д**, возможно, под влиянием основы порядкового числительного — ср. греч. ἕβδομος).

осмь — из и.-е. *ok’tō: скр. aṣṭā, греч. ὀκτώ, лат. octō, лит. aštuonì, гот. ahtau.

девѧть — из и.-е. *newn̥: скр. náva, греч. ἐννέα, лат. novem, гот. niun, лит. devynì. Начальное **д** возникло, очевидно, при диссими-

ляции двух носовых и под влиянием следующего числительного со значением ‘10’.

десѧть — из и.-е. *dek’m̥t, скр. dáša, греч. δέκα, лат. decem, лит. dẽšimt, гот. taihun.

Для двух последних числительных в соответствии с и.-е. праформами ожидались бы закономерные (пра)славянские формы **девѧ** и **десѧ** типа склонения на согласный (*nt), которые отмечаются в восточнославянских церковнославянских (и древнерусских) памятниках: **по трьхъ десѧхъ дн҃ьхъ** (М. мн.; Служебная минея 1096 г., л. 55а), **поприцю дъвою на десѧ лавра есть** (В. ед., Патерик Синайский XI в., л. 36) и др.[1] Новые формы **девѧть** и **десѧть**, с переходом в ж. р., появились под влиянием числительных **пѧть**, **шесть**, **седмь**, **осмь**.

Позднепраславянская и старославянская система количественных числительных была разнородной в морфологическом и синтаксическом отношениях и уже в старший период стала подвергаться изменениям, которые отражали тенденцию к сращению составных числительных в единые грамматические единицы:

— у числительных со значением ‘20’, ‘30’, ‘40’ в связи с этим началась утрата склонения: **бѣахѫ бо въ широтѫ пѧти лакътъ • а въ длъготѫ дъва десѧти ти пѧти лакътъ** (Супр. 230.11) ‘были же шириной в 5 локтей, а длиной в 25 локтей’ вместо Р. дв. **дъвою десѧтоу**; **по девѧти сътъ и три десѧти лѣтѣхъ** (Супр. 9.24—25) ‘спустя 930’ вместо М. мн. **трьхъ десѧтьхъ**);

— в некоторых случаях склонялись, напротив, только обозначения десятков, а обозначения единиц оставались в И.: **девѧти десѧть і девѧть** (вместо **девѧти** в Р.);

— у числительных со значением ‘12’, ‘13’, ‘14’ утрачивается согласование с названием единиц, и числительное целиком управляет Р. мн. Так, уже в старославянских текстах проявляется тенденция к функционированию числительного типа ‘12’ как простого числительного, управляющего (как и числительные ‘15’—‘19’) Р. мн.: ср. **кошъ в҃і** ‘= **кошъ дъва на десѧте**’ (Мар.) вместо **коша**; **лѣтъ дьвѣ на десѧте** (Мар., Зогр.) вместо **лѣтѣ**; **родъ д҃і** ‘= **родъ четыре на десѧте**’ вместо **роди**. Процесс сращения составного числительного сопровождался утратой согласования в роде: ср. **кошъ в҃і** ‘= **кошъ дъва на десѧте**’ (Лк. 9: 17 Мар.) вместо **коша** ‘двенадцать корзин’; **лѣтъ дьвѣ на десѧте** (Мк. 5: 25 Мар., Зогр.) вместо **лѣтѣ** ‘двенадцать лет’; **родъ д҃і**; ‘= **родъ четыре на десѧте**’ (Мф. 1: 17 Сав.) вместо **роди** ‘четырнадцать родов’. Процесс сращения составного числительного сопровождался утратой согласования в роде: ср. **дъва на десѧте златицъ** (Супр. 122.10) вместо **дъвѣ**

[1] *Жолобов О. Ф.* Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. С. 126—128.

на десѧте златици ’12 золотых монет’ (**златица** ‘золотая монета’ — сущ. ж. р.).

§ 66. Порядковые числительные

В текстах старославянского языка отмечены следующие порядковые числительные:

‘1-й’ **прьвъıи**,
‘2-й’ **въторъıи**,
‘3-й’ **третии**,
‘4-й’ **четврьтъıи**,
‘5-й’ **пѧтъıи**,
‘6-й’ **шестъıи**,
‘7-й’ **седмъıи**,
‘8-й’ **осмъıи**,
‘9-й’ **девѧтъıи**,
‘10-й’ **десѧтъıи**,
‘11-й’ **ѥдинъıи на десѧте**, **ѥдинонадесѧтъıи**,
‘12-й’ **въторъıи на десѧте**,
‘13-й’ **третии на десѧте** и т. д.,
‘18-й’ **осмъıи на десѧте**, **осмонадесѧтъıи**,
‘19-й’ **девѧтъıи на десѧте**, **девѧтьнадесѧтьнъıи**,
‘20-й’ **дъвадесѧтьнъıи**, **дъводесѧтьнъıи** и т. д.,
‘50-й’ **пѧтьдесѧтьнъıи** и т. д.,
‘100-й’ **сътьнъıи** и т. д.,
‘500-й’ **пѧтьсътьнъıи** и т. д.,
‘1000-й’ **тъıсѧщьнъıи**.

Числительное **прьвъıи** образовывало сравнительную степень: **прьвѣи** (**-ѣиши**, **-ѣѥ**).

Наибольшее количество возможных вариантов дают порядковые числительные от ‘11-й’ до ‘19-й’, иногда восстанавливают[1] до трех форм, как то: **ѥдинъıи на десѧте** = **ѥдинонадесѧтъıи** = **прьвъıи на десѧте** для ‘11-й’, **въторъıи на десѧте** = **дъванадесѧтъıи** = **дъванадесѧтьнъıи** для ‘12-й’ и т. д.). У порядковых числительных начиная с **дъвадесѧтьнъıи** ‘20-й’ формы образовывались регулярным образом посредством прибавления суффикса **-ьн-**. Числительное ‘20-й’ могло образовывать формы от двух основ **дъва** и **дъво-**.

В составных порядковых числительных, имеющих сотни и единицы или десятки и единицы, *порядковую форму имеют обе части*. Эти части соединяются с помощью союза **и** или **ти**: **седмьдесѧтъноѥ**

[1] Примеры порядковых числительных, засвидетельствованных в старославянских памятниках (а встречаются далеко не все), см., напр.: *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. С. 192—193.

и девѧтоѥ (Супр. 295.6), возможны формы и без союза: **сътьнааго четврьтааго** (Супр. 302.19)[1].

Старославянские порядковые числительные склонялись как прилагательные соответствующего рода: краткие формы по именному склонению на *а (ж.) и *о (м. и с.), а полные — как членные формы прилагательных. Однако, в отличие от прилагательных, порядковые числительные, по-видимому, не имели противопоставления полных и кратких форм, так как в старославянских текстах краткие формы порядковых числительных встречаются крайне редко и, скорее всего, не в значении порядкового числительного: **каѣ єстъ заповѣдъ пръва вьсѣхъ** (Мк. 12: 28 Мар.; в Зогр. **прьваѣ**) ‘какая заповедь является важнейшей?’, **да не вътори ꙗвимъ сѧ мѫченикомъ хръстовомъ** (Супр. 63.16—17) ‘да не откажемся вторыми (второстепенным) по отношению к мученикам Христовым’, **адамъ бо пръвъ създанъ бꙑстъ потомъ єѵга** (Супр. 482.22) ‘ибо сначала был создан Адам, а потом Ева’.

Некоторые формы могут встречаться в стяженном виде, например: **трєти** ‘3-й’ < **трєтии**. Это единственное порядковое числительное с мягкой основой склонения. Оно же и единственное порядковое числительное, которое сохраняет древнюю краткую форму **трєтии** < *tretьjь, которая в старославянском языке была переосмыслена как полная. Ср. полные формы **трєтьиі** (< *tretь̂jь̂jь̂ < *tretьjь+jь) и **трєтьєи** м. р. (Евх.), **трєтиєє** с. р. (Мар.), **трєтиѣѣ** ж. р. (Зогр.) и др.

§ 67. Собирательные числительные

Собирательные числительные имели формы среднего рода единственного числа (**дъвоѥ**, **троѥ**, **четворо**, **пѧторо**, **шесторо**, **седморо**, **осморо**, **девѧторо**, **десѧторо**) и формы всех трех родов множественного и двойственного числа.

Числительные **дъвоѥ** (и примыкающее к нему местоимение **обоѥ**) и **троѥ** склонялись по местоименному склонению (**дъвоѥго**, **дъвоѥмоу** и т. д.), а числительные типа **четворо** — по именному склонению (как краткие прилагательные). Формы типа **четверо** (с суффиксом **-ер-**) в памятниках старославянского языка засвидетельствованы слабо и свойственны в основном уже церковнославянским текстам.

Формы среднего рода единственного числа собирательных числительных обозначали совокупность контекстуально связанных друг с другом предметов: ср. **вино ново въ мѣхꙑ новꙑ • въливати • ι обоѥ съблюдетъ сѧ** (Мф. 9: 17 Зогр.) ‘молодое вино *следует* в новые мехи (= бурдюки) вливать, тогда сбережется и то, и другое (= и вино, и бурдюки)’. Форма единственного числа среднего

[1] Составные формы, в которых порядковым числительным является только последнее слово, характерны уже для церковнославянских памятников, ср. **въ псалъмѣ съто три десѧти ти четврьтѣемъ** (‘в псалме сто тридцать четвертом’).

рода могла употребляться и с собирательным существительным **брат(р)ига**, которое ставилось в Р. ед.: **десдторо братиꙗ** (Супр. 279.15), при обычном в таких случаях употреблении количественных числительных (**пѧть братриꙗ** (Лк. 16: 28), **седмь оубо братриꙗ бѣ** (Лк. 20: 29 Зогр) 'было семь братьев'.

Формы множественного числа употреблялись при указании на множество совокупностей однородных предметов: ср. **повелѣшѧ вльсви прьсты ѥмоу отъсѣкати обоѧ** (В. мн.) • **рѫчьныѧ и ножьныѧ** (Супр., 268. 4) 'приказали волхвы пальцы ему отсечь, и на руках, и на ногах', **поимъше ѥдиного свѧзашѧ веригами двоими** (Т. мн.) (Супр. 146.45) 'схватив одного, связали его двумя цепями'. Множественное число употреблялось также со словами *pluralia tantum*: **дъвоі людьѥ** (Клоц. 13б 4—5).

§ 68. Наречие

Наречие — это знаменательная часть речи, обозначающая признак действия или состояния, а также признак другого признака или предмета. Важным морфологическим свойством старославянского наречия, служащим критерием выделения его в самостоятельную часть речи, является неизменяемость формы (если не считать возможности образовывать сравнительную степень). Формирование наречия как части речи, как правило, представляет собой процесс изолирования форм других частей речи с утратой этими формами связи с исходными парадигмами: ср. **горѣ** сущ. М. ед. → нар. 'вверх'; **мѫжьскы** прил. Т. мн. → наречие 'мужественно'; псл. *vъ jьnǫ 'в одну' → **въинѫ** 'постоянно, всегда'; **полоу нощи** словосочетание в 'половине ночи'. Исторический процесс превращения словоформ разных частей речи в наречие называется *адвербиализацией*.

Первообразных (*первичных*) наречий в старославянском языке мало: **абиѥ** 'сейчас же, тотчас', **нынѣ** 'теперь, ныне', **пакы** 'опять, снова, вновь, еще', **тоу** 1) 'там, на том месте', 2) 'здесь, тут', **оу** (**ю**) 'уже'[1] и некоторые другие. Судить о происхождении первообразных наречий достаточно трудно.

Подавляющее большинство старославянских наречий являются *вторичными*, они характеризуются очевидной словообразовательной соотнесенностью с разными знаменательными частями речи: **вьсегда** (ср. **вьсь**), **законьнѣ** 'в соответствии с законом, по закону', **неблюдомѣ** 'без присмотра', **невидимѣ** 'незримо', **низоу** 'внизу, вниз', **тоуижде** 'там'.

Особенно легко адвербиализуются существительные, обозначавшие промежутки времени: **вьчера**; **дьне дьне** 'изо дня в день', **дьнь**

---

[1] От него, в свою очередь, образовались наречия **оуже** 'уже' и **не оу** 'еще не'.

‘днем’, **дьниѭ** ‘днем’; **нощиѭ**, **(въ) полоунощи** ‘в полночь’ и т. п. (ср. рус. *сегодня* < сего + дня, пол. *jutro* ‘завтра < утро’, исп. *ahora* ‘сейчас’ < a ‘в’ + hora ‘час’, турецк. *bugün* ‘сегодня’ < bu ‘этот’ + gün ‘день’).

Семантическая классификация наречий традиционно проводится по двум основаниям: по лексическому значению и по характеру выражения этого значения.

С точки зрения лексического значения наречия подразделяются на две группы: *определительные* (собственно-характеризующие) и *обстоятельственные*.

Группа определительных наречий в старославянском языке довольно многочисленна. Она подразделяется на:

— качественные: **безгодьнѣ** ‘не вовремя’, **бестоудьнѣ** ‘бесстыдно’, **бръзо** ‘быстро’, **богочьстивѣ, весело, добрѣ** ‘хорошо’, **кротъко, съмꙑсльно** ‘разумно, рассудительно, благоразумно’, **спѣшьно** ‘усердно’, **срамьнѣ** ‘позорно’, **тѧжько** и **тѧжьцѣ** ‘трудно, тяжело’.

Наречия, так же, как прилагательные, могли образовывать сравнительную степень: **скоро** — сравн. **скорѣѥ**, сравн. **тъщьно** ‘усердно, убедительно’ — сравн. **тъщьнѣѥ**. Некоторые наречия представлены в Старославянском словаре только в форме сравнительной степени, которая и вынесена в качестве заголовочного слова словарной статьи: **болѥ** ‘больше, более’, **вѧще** ‘больше’, **лоучє** ‘лучше’, **сетьнѣѥ** ‘наконец’, **соулѣѥ** ‘лучше’, **хоуждє** ‘меньше’, ‘хуже’. Такие формы в большинстве представляют не сравнительную степень, образованную от реально существующего наречия, а являются результатом адвербиализации прилагательных так называемой изолированной сравнительной степени, (т. е. такой сравнительной степени, которая образовывалась от другой — супплетивной — основы, как то: **бол҇ии**, **болѥ**, **бол҇ьши** от **великъ**, **велии**, см. § 62);

— количественные (обозначают неоднократность действия, степень интенсивности действия или его предел, меру качества признака): **больми** ‘очень’, **дъвашьдꙑ**, **ѕѣло**, **коль** ‘как, сколь’, **колькратꙑ**, **мало** ‘немного’, **мъногократꙑ**, **прѣизлиха** ‘чрезмерно, излишне’, **рократъ** ‘только что, недавно’, **тришьдꙑ**, **мъногашьдꙑ**, **соугоубь** ‘вдвое’, **третиѥ**, **третиици**, **третиицеѭ** ‘в третий раз’;

— способа и образа действия, к которым примыкают наречия сравнения и уподобления: **вражьскꙑ** ‘вражески’, **вьсꙗко** ‘поразному’, **како** ‘как’, **нѫдьма** ‘насильно’, **по пророчьскоумоу**, **полъма** ‘пополам’, **спꙑти** ‘напрасно’, **тако** ‘так’, **толь** ‘столь, до такой степени’, **тольми** ‘так, столь’.

Обстоятельственные наречия указывают на различные обстоятельства, при которых совершается действие, протекает процесс или реализуется признак, и подразделяются на наречия:

— времени: **вьсегда**, **дроугоици** ‘иногда’, **зимѣ**, **коли** ‘когда’, ‘когда-нибудь’, **коньць** ‘наконец’, **мало** ‘недолго’, **нощиѭ** и **въ нощи** ‘ночью’, **потомь мало** ‘вскоре’, **тачє** ‘потом’;

— места: **дроугоиде** ‘в другом месте’, **къде**, **маломь** ‘недалеко’, **недалече**, **по срѣдѣ** ‘посреди’.

По характеру выражения лексического значения наречия делятся на знаменательные (отыменные) и местоименные. Знаменательные наречия связаны с именными (реже глагольными) основами: **блаждьно**, **мала** ‘едва не’, **невидимѣ** ‘невидимо, незримо’, **неоудобь** ‘неудобно, с трудом, трудно’, **нечьстьнѣ** ‘безбожно, нечестиво’, **очивисть** ‘явно’, **прѣмь** ‘правильно’, **съвѣдꙑ** ‘сознательно’.

Местоименные наречия образуются от местоименных основ с прибавлением элемента, выражающего соответствующее значение, например: **къ** (основа вопросительного местоимения) + **-де** (значение места) → **къде** (местоименное наречие места). Перечислим основные элементы:

— **-ако** (**-аче**): **инако** ‘иначе’, **иначе**, **тако**, **ѥдинако** ‘одновременно’;

— **-амо**: **камо** ‘куда’, **овамо**, **онамо** (обычно **сѣмо и овамо** или **сѣмо и онамо** ‘туда и сюда’), **тамо** ‘туда’;

— **-гда**: **къгда**, **онъгда** ‘тогда’, **тъгда**;

— **-де**: **вьсьде** ‘везде’, **инъде** ‘в другом месте’, **нѣкъде** ‘негде’, **сьде** ‘здесь’;

— **-ли**, **-ль**, **-лѣ**: **коли** ‘когда’, **коль** ‘как, сколь’, **колѣ** (обычно **доколѣ**); **селѣ** (обычно **доселѣ** ‘до сих пор’); **толи** (**отътоли** ‘с тех пор’), **толь** ‘столь’;

— **-ждоу**, **-ждѣ**: **иждоу** ‘в другом месте, из другого места’, **онждоу**, **сждоу** (обычно **сждоу и онждоу** ‘с обеих сторон, по обе стороны’), **тждѣ** ‘здесь, тут, оттуда’.

Старославянскому наречию, как и другим знаменательным частям речи, свойственно вступать в синонимические отношения: **благо** — **годѣ** — **любо** — **оугодьно** ‘как следует’. Кроме того, данная часть речи характеризуется наличием словообразовательных вариантов, ср.: **въкоупь** — **въкоупъ** — **въкоупѣ** — **коупьно** ‘вместе’, **невидимо** — **невидимѣ**, **нꙑнѣ** — **нꙑнꙗ** — **нꙑнѣчоу** — **нꙑнꙗчоу**, **послѣди** — **послѣдь** — **послѣжде** ‘потом’, **прѣпрость** — **прѣпростѣ** ‘прямодушно’, **таи** — **отаи** — **таинѣ** — **о таинъıихъ** — **въ таинѣ** — **въ таинѫ** ‘тайно’; **толь** — **тольма** — **тольми** ‘так, столь’.

Активный характер процесса образования наречий в старославянском языке привел к тому, что в некоторых случаях отдельные словоформы носят грамматически нерасчлененный характер, проявляя свои частеречные свойства в контексте. Чаще всего такой синкретизм выступает в соотношении прилагательное/наречие (**оудобь**, **соугоубь**), предлог/наречие (**близъ**), союз/наречие (**тѣмь** и **тѣмьже** ‘итак, потому’, **тъкъмо** ‘только’), частица/наречие (**тоу** ‘вот’, ‘здесь’, ‘там’, ‘тогда’), союз/частица/наречие (**тъчиѭ** ‘только’):

близъ [наречие] **бѣаше гробъ идеже положисте іс҃а** ‘рядом находился гроб, куда они (двое) и положили Иисуса’ (Зогр., Мар.,

Ас.) — **<u>близъ</u>** [предлог] **вьси вьлѣзє въ нивѫ** ‘около деревни пошел в поле’ (Супр.);

<u>тъчьѭ</u> [частица] **мьнѣ ѥдномоу повѣждъ** ‘только мне одному скажи’ (Супр. 241.2) — **и <u>тъчьѭ</u>** [наречие/союз] **слово рєчє • и разбоиника въ породѫ вьвєдє** ‘и как только слово сказал, разбойника в рай принял’ (Супр. 308.20—21).

§ 69. Глагол: грамматические категории и формы

Для старославянского глагола характерны те же грамматические категории, что и для современного русского языка: *наклонение*, *время*, *лица*, *вид*, *залог*, а также свойственные и другим частям речи категории *числа* и *рода*, хотя категории вида и залога существенно отличаются от одноименных категорий современного русского языка. Все глагольные формы подразделяются на две группы: *verba finita* (финитные, личные, спрягаемые) и *verba infinita* (инфинитные, неличные, именные).

Категория наклонения служит для выражения отношения действия (события, процесса или состояния), обозначаемого глаголом, к действительности и дает возможность обозначать действие как реальное *с точки зрения говорящего* (изъявительное наклонение) или как нереальное (ирреальное) — возможное или желательное

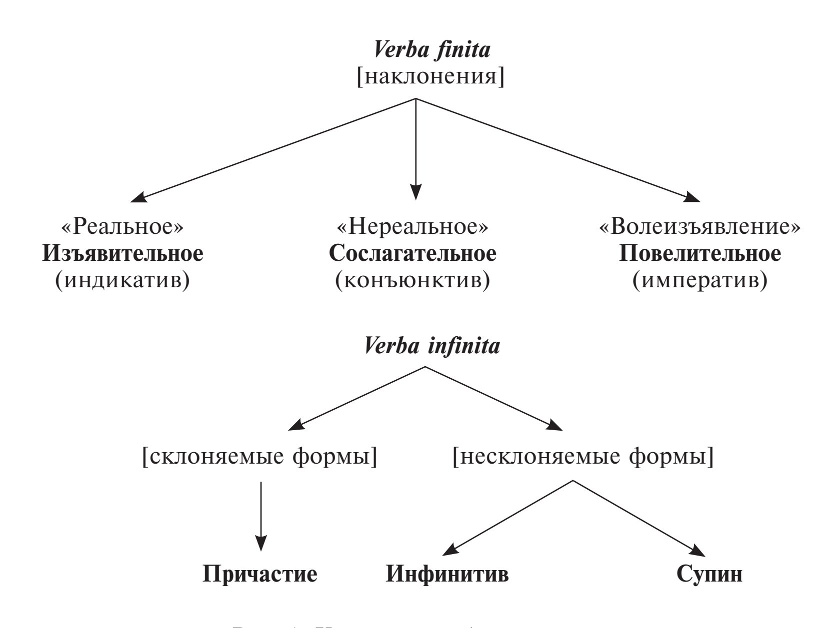


Рис. 1. Категории и формы глагола

(сослагательное наклонение). Кроме того, особые глагольные формы могут выражать волеизъявление говорящего относительно осуществления/неосуществления того или иного действия (повелительное наклонение)[1]. Приметой изъявительного наклонения являются показатели времени. Значение изъявительного наклонения в старославянском языке (как и в современном русском) выражалось теми же средствами, что и значение времени. Сослагательное и повелительное наклонения имели собственные парадигмы и не имели временны́х форм. Таким образом, глаголы, входящие во временны́е парадигмы, являются формами изъявительного наклонения.

Категория времени выражает отношение действия, трактуемого как реальное и обозначаемого глаголом в изъявительном наклонении, к *моменту речи* (времени сообщения). Формы настоящего времени передают действие, которое с точки зрения говорящего совпадает с моментом речи (с временем сообщения). Формы прошедшего времени указывают на действие, предшествовавшее моменту речи, а формы будущего времени обозначают действие, которое будет иметь место после момента речи. В сослагательном и повелительном наклонениях категория времени отсутствовала. Причастие имело только формы настоящего и прошедшего времени.

Временны́е значения выражались синтетически — с помощью специальных формообразующих суффиксов и окончаний или аналитически — с использованием вспомогательных глаголов. Временные парадигмы в старославянском языке обязательно включали личные формы глагола и представляли собой систему спрягаемых форм (см. парадигмы спряжения). *Категории лица* и *числа* выражались личными окончаниями.

В славянских языках грамматические *категории вида* и *времени* тесно взаимосвязаны. Видо-временная система строится на трех характеристиках: момент речи (это своего рода временная точка отсчета), момент действия (категория времени) и характер протекания действия (категория вида). Система времен в праславянском языке противопоставляла две основы: основу инфинитива и основу настоящего времени, по последней обычно определяют класс глагола. По отношению к категории вида противопоставляют основу совершенного вида (СВ, «перфективную») и основу несовершенного вида (НСВ, «имперфективную»). Данное противопоставление не следует смешивать с прошедшими временами — перфектом и имперфектом!

Современные славянские языки имеют в значительной степени сходные видовые системы, характеризующиеся тем, что бинарное

[1] Некоторые лингвисты не считают императив формой наклонения.

противопоставление СВ/НСВ пронизывает все глагольные формы (с нейтрализацией в двувидовых глаголах, в которых вид определяется по контексту). Видовое значение в современных славянских языках находится на первом плане и накладывает ограничения на временную систему. Категория вида в славянских языках определяет характер протекания действия во времени, а значение вида выражается глагольной основой. Глаголы СВ указывают на временные границы (начала или конца) действия, передают прежде всего события, т. е. смену ситуации или состояния. Общее значение несовершенного вида определить труднее, но в целом глаголы НСВ характеризуют действие или состояние как таковое, без указания на временные границы его осуществления. Видовые различия глаголов (противопоставление основ совершенного и несовершенного вида) в старославянском языке еще не получили развития в той степени, как это впоследствии имело место в разных славянских языках.

Славянская видовая система с ее противопоставлением СВ и НСВ не была унаследована из индоевропейского языка и ко времени появления первых славянских памятников письменности еще не сформировалась окончательно. Начало формирования категории вида относится к праславянскому периоду[1]. Вид формировался на основе *способов действия*, т. е. лексико-семантических групп глаголов, объединенных по различным признакам протекания действия. Видовые различия первоначально появлялись только у приставочных глаголов, причем сначала возник несовершенный вид. Первым средством выражения видового значения была суффиксация. Приставки же сначала были только словообразовательным средством и не придавали глагольной основе значения СВ.

Глагольная система позднепраславянского языка с точки зрения развития категории вида может быть охарактеризована следующим образом: 1) возникли глаголы НСВ (**съвѧзовати** НСВ ← **съвѧзати**, **саждати** НСВ ← **садити**, **раждати** НСВ ← **родити**); 2) оформляются видовые пары, противопоставленные по СВ/НСВ, но только у приставочных глаголов (**въсадити** СВ — **въсаждати** НСВ, **изгънати** СВ — **изгонити** НСВ[2], **породити** СВ — **пораждати** НСВ), причем семантика СВ еще не определилась; 3) основная масса бесприставочных глаголов **вѧзати**, **пьсати**, **садити**, **цѣловати**, **нести**, **ити** и др.), а также многие глаголы с приставками (**ослабѣти** ‘осла-

[1] Подробнее о возникновении категории вида в славянских языках см.: *Маслов Ю. С.* Возникновение категории совершенного/несовершенного вида (1959 г.) // Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2001. С. 131—140.

[2] Ср.: **і своѩ овьцѧ глашаетъ по імени і изгонитъ ѩ • егда своѩ овьцѧ іжденетъ • прѣдъ ними ходитъ і овьцѧ по немь ідѫтъ** (Ин. 10: 3 Зогр.) ‘и своих овец он зовет по имени и выгоняет их; когда своих овец выгонит, идет перед ними и овцы за ним идут’.

бевать, ослабеть’, **завѧзати** ‘чинить сети’, **покалꙗтисѧ** ‘пачкаться’, **нарѫгатисѧ** ‘высмеивать, порочить’, **присѣдѣти** ‘сидеть, находиться рядом’[1], **изгонити** ‘выгонять, преследовать’, особенно глаголы движения — **походити** ‘ходить, подходить’, **понести** ‘нести, понести’, **прѣити** ‘перейти, пройти’ и т. п.) были недифференцированы по виду. Чисто видовые приставки еще находились в процессе формирования. Ряд явлений в глагольной системе указывает на незавершенность процесса развития морфологической категории вида и в старославянском языке.

Формирование видовых пар в славянских языках шло двумя основными способами — сначала посредством суффиксации, в результате которой возникал глагол НСВ, а позднее и префиксации, которая создавала глагол СВ:

а) **въздати** → **въздаꙗти**, **обрѣсти** → **обрѣтати**, **съпасти** → **съпасати**, **съжешти** → **съжагати/съжиꙃати**, **избавити** → **избавлꙗти**, **отъвѣтити** → **отъвѣштати** (от приставочного глагола образуется приставочный глагол несовершенного вида с суффиксом **-а-**);

б) **дати** → **даꙗти**, **пасти** → **падати**, **лешти** → **ложити сѧ**, **сѣсти** → **садити сѧ** (от бесприставочного глагола образуется бесприставочный глагол НСВ с суффиксами **-а-** или **-и-**);

в) **дѣлати** → **съдѣлати**, **творити** → **сътворити**, **зьрѣти** → **оузьрѣти / призьрѣти**, **съхнѫти** → **оусъхнѫти** (от бесприставочного глагола образуется приставочный глагол СВ; приставка не изменяет лексического значения глагола, т. е. становится чистовидовой).

Оформление подобных видовых пар глаголов могло сопровождаться чередованием звуков в корне глагола:

Глагол СВ	Глагол НСВ
събьрати	**събирати**
начѧти	**начинати**
ꙗвити	**ꙗвлꙗти**
съжешти	**съжагати/съжиꙃати**
лешти	**ложити сѧ**

Имеются видовые пары, образованные от разных основ, т. е. супплетивно:

Глагол СВ	Глагол НСВ
решти ‘сказать’	**глаголати** ‘говорить’
врѣшти ‘бросить’	**метати** ‘бросать’
прѣобидѣти ‘пренебречь’	**нерадити** ‘пренебрегать’

[1] Ср.: **милъ ми єстъ народъ сь • ѣко оуже три дьни присѣдѧтъ мнѣ • і нє імѫтъ чесо ѣсти** (Мк. 8: 2 Зогр.) ‘вызывают у меня жалость люди эти, ведь уже три дня находятся они со мною и не имеют ничего поесть’.

В некоторых случаях видовые пары возникали на базе разных моделей в рамках одного глагольного класса при совпадающих инфинитивах: ср. **показати/покажѫ** 'показать' СВ и **показати/показаѭ** 'показывать' НСВ (оба глагола относятся к 3-му классу).

С категорией вида связана группировка глаголов по так называемым способам глагольного действия (многократные, однократные, начинательные, результативные и т. п.). Способ действия в отличие от категории вида является не чисто морфологической, а лексико-грамматической категорией. Способы действия — это семантические группы глаголов, которые, как и вид, определяют способ развертывания действия, обозначаемого глаголом. Поэтому глаголы, различающиеся по виду, либо составляют видовую пару (ср. *открыть — открывать*, *делать — сделать*), либо относятся к разным способам действия (ср. рус. *крикнуть — кричать*, *сохнуть — засохнуть*, ст.-сл. **тлъкнѫти — тлъкати**, **коснѫти сѧ — касати сѧ**, **крикнѫти — кричати**). Способы действия выражаются приставками, суффиксами, их сочетаниями, а также чередованиями в основе глагола.

Одним из проявлений способа глагольного действия можно считать наличие у так называемых *глаголов движения* противопоставления по *определенности/неопределенности* действия: определенные глаголы имеют значение «направленности» действия, т. е. обозначают действие, которое совершается в определенном направлении: **вести**, **нести**, **ити**, тогда как неопределенные глаголы, имеющие значение «ненаправленности» действия, обозначают действие, не направленное к определенной цели, или способность к совершению действия: **водити**, **носити**, **ходити**. Различия по определенности/неопределенности, выражавшиеся глагольной основой и, в частности, посредством чередования по аблауту (*е//о), являются осколком разрушившейся индоевропейской глагольной системы. Ряд исследователей считает, что к оформлению категории совершенного/несовершенного вида привело взаимодействие категории определенности/неопределенности с категорией времени[1]. Еще одним проявлением категории определенности/неопределенности явилось противопоставление так называемых *каузативных* глаголов (со значением «воздействия на субъекта») и глаголов, обозначающих «контролируемое состояние»: **ставити — стоꙗти**, **садити — сѣдѣти**.

Некоторые глаголы образуют противопоставления по кратности: одни передают однократность действия (*однократные* глаголы), другие — его повторяемость, многократность (*итеративные* глаголы):

---

[1] Обзор мнений по этому поводу см.: *Бородич В. В.* К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках // Вопросы языкознания. 1953. № 6. Об употреблении вида и времени глагола в старославянском языке см.: *Бунина И. К.* Система времен старославянского глагола. М., 1959.

ходити — хаждати, приводити — приваждати, съгорѣти — съгарати и т. п. Оба глагола в таких парах являются глаголами несовершенного вида, причем образование семантически различающихся пар глаголов посредством суффиксации сопровождается чередованием гласных звуков в корне глагола: **принести/приносити** → **принашати**.

§ 70. Формообразующие основы глагола

Глагольные формы в старославянском языке делились на личные и неличные.

Личные формы могли быть *простыми* (т. е. состоящими из одной словоформы) — настоящее, аорист, имперфект, повелительное наклонение — или *сложными* (т. е. состоящими из двух словоформ) — будущее первое, будущее второе, перфект, плюсквамперфект, сослагательное наклонение.

Неличные формы делились на *изменяемые* и *неизменяемые*. К *изменяемым* (склоняемым) формам относились причастия действительного залога настоящего времени, действительного залога прошедшего времени, страдательного залога настоящего времени, страдательного залога прошедшего времени. Действительное причастие прошедшего времени на **-л-**, входившее в состав сложных спрягаемых форм глагола (см. § 75—76), не склонялось, но изменялось по роду и числу[1]. К *неизменяемым* формам относились инфинитив и супин.

Эту сложную систему глагольных форм старославянский язык унаследовал из праславянского языка. В праславянском языке все глагольные формы образовывались от двух глагольных основ, условно называемых основой инфинитива и основой настоящего времени.

Основа инфинитива старославянских глаголов во многих случаях определяется путем отделения в форме инфинитива суффикса инфинитива **-ти**: **нес-ти**, **пас-ти**, **мрѣ-ти**, **плоу-ти**, **бьра-ти**, **слыша-ти**, **съхнѫ-ти**, **съказа-ти**, **ходи-ти**, **люби-ти**. По структуре основы инфинитива глаголы делились на непроизводные и производные. *Непроизводные* основы были равны корню и могли оканчиваться как на корневой гласный (**мрѣ-ти**, **плоу-ти**), так и на корневой согласный звук (**пас-ти**, **нес-ти**). *Производные* основы образовывались при помощи суффикса и всегда оканчивались на гласный (**слыша-ти**, **съхнѫ-ти**).

Древняя *основа настоящего времени* хорошо проявляется в праславянской форме 3-го лица единственного числа *-ti — окон-

[1] К причастиям на **-л-** восходят формы прошедшего времени современного русского языка: ср. ст.-сл. **ходилъ**, **-ла**, **-ло**, **-ли** — рус. *ходил*, *ходила*, *-ло*, *-ли* и т. п.

чание 3 ед. (тематический гласный основы выделен): *nes**e**-ti, *pās**e**-ti, *ber**e**-ti, *slūx**ī**-ti, *suxn**e**-ti, *sukāzj**e**-ti, *xod**ī**-ti, *leub**ī**-ti. Однако в старославянском языке тематический гласный уже входит в состав окончания: **нєс-єтъ**, **пас-єтъ**, **бєр-єтъ**, **слыш-итъ**, **съхн-єтъ**, **съкаж-єтъ**, **ход-итъ**, **люб-итъ**.

У большинства глаголов в старославянском языке основы инфинитива и настоящего времени не совпадают. Даже глаголы с основой инфинитива на **-и-ти**, у которых в праславянском эти основы совпадали (*xodī-tei — *xodī-tu, *leubī-tei — *leubī-tu), в старославянском имеют разные основы: **ходи-ти — ход-итъ, люби-ти — люб-итъ**.

Если на стыке основы и суффикса инфинитива возникало консонантное сочетание (конечный согласный основы + согласный **т** суффикса), которое в силу действия определенных фонетических тенденций не могло сохраниться, то происходило упрощение подобных сочетаний, что существенно изменяло фонетический облик слова (см. § 22; § 27 п. 6). В этом случае для определения основы инфинитива глагола нужно реконструировать праславянскую форму инфинитива. Сопоставляя инфинитив с формой 1 ед. наст. вр. **пєшти/пєщи** — **пєкѫ**, определяем основу инфинитива **пєк** — *pek-tei; **мошти/мощи** — **могѫ**, основа инфинитива **мог-** — *mog-tei; **плєсти** — **плєтѫ**, основа инфинитива **плєт-** — *plet-tei и т. д.

Часть форм старославянских глаголов (простые) образуются в результате присоединения соответствующих суффиксов и окончаний к основе глагола.

От *основы настоящего времени* образуются формы настоящего времени и повелительного наклонения, а также действительных и страдательных причастий настоящего времени.

От *основы инфинитива* образуются простые формы прошедшего времени (имперфекта и аориста), инфинитива и супина, а также формы действительных и страдательных причастий прошедшего времени, в том числе действительных причастий на **-л-**, входивших в состав сложных (аналитических) форм глагола (перфекта, плюсквамперфекта, будущего второго и сослагательного наклонений).

§ 71. Классификация глаголов

Морфологическая классификация глаголов может опираться как на основу настоящего времени, так и на основу инфинитива, однако в любом случае учитываются обе основы.

По характеру *основы настоящего времени* все старославянские глаголы распадаются на пять групп, которые называются глагольными классами. Каждый глагольный класс (своего рода аналог типов склонения у существительных) характеризуется определенными особенностями формообразования входящих в него глаголов.

Принципы распределения глаголов по пяти глагольным классам следующие.

Во-первых, все глаголы старославянского языка делятся на две неравные группы.

Одну — очень небольшую группу — составляют так называемые *нетематические глаголы*. Они имеют в 1 ед. настоящего времени окончание **-мь**, которое исторически присоединялось непосредственно к корню (**ѥсмь** — инф. **быти**, **дамь** — инф. **дати**, **ıамь** — инф. **ıасти**, **вѣмь** — инф. **вѣдѣти**, **имамь** — инф. **имѣти**). Нетематические глаголы образуют так называемый 5-й глагольный класс (5 кл.).

Все остальные глаголы были *тематическими*. В 1 ед. настоящего времени они имели окончание **-ѫ/-ѭ** (**несѫ** — инф. **нести, знаѭ** — инф. **знати, хвалѭ** — инф. **хвалити**). Эти глаголы называются тематическими, так как в праславянском языке перед флексией у них находился основообразующий суффикс (= *тематический гласный*) *e/o или *ī. Позднее, вследствие возникновения носовых гласных (см. § 23, п. 2), старые тематические гласные *o и *ī вошли в состав окончания: **-ѫ/-ѭ** (1 ед.), фонетически [ǫ] (из псл. *o + n), **-ѫтъ/-ѭтъ** (3 мн.), фонетически [ǫtъ] (из псл. *o + nti); **-ѧтъ** (3 мн.), фонетически [ętъ] (из псл. *-ī-nti).

Во-вторых, все *тематические* глаголы подразделяются на две большие группы:

1) глаголы с тематическим гласным *e/o, причем *e и *o находились в чередовании по аблауту (см. § 24) (**несѫ** — **несеши**..., **знаѭ** — **знаѥши**...). Эта группа глаголов соответствует 1-му спряжению в современном русском языке;

2) глаголы с тематическим гласным *i (**хвалѭ** — **хвалиши**..., **виждѭ** — **видиши**...). Эта группа глаголов соответствует современному 2-му спряжению.

Глаголы, у которых был тематический гласный *i, составляют так называемый 4-й глагольный класс (4 кл.). В свою очередь, глаголы на *e/o подразделяются еще на три класса.

К 1-му классу относятся глаголы, в которых древний тематический гласный присоединялся непосредственно к корню: **несѫ** — **несеши**... (инф. **нести**), **берѫ** — **береши**... (инф. **бьрати**), **идѫ** — **идеши**... (инф. **ити**), **ıадѫ** — **ıадеши**... (инф. **ıахати**). К 1-му классу относятся также глаголы **ити** и **жити**. У **ити** основа инфинитива представляет собой корневой гласный **и**: **и-ти** (< *ei-tei), а основа настоящего времени имела тематический гласный e//o после расширителя -d-: **идѫтъ, ид-ѫ** (< *jьdǫ < *ido-n). У **жити** основа инфинитива представляет собой корневой гласный **и**: **жи-ти** (< *gei-tei), а основа настоящего времени имела тематический гласный e//o после расширителя -u-: **живѫтъ, жив-ѫ** (< *živǫ < *geiuo-n).

Ко 2-му классу относятся глаголы, в которых между глагольным корнем и тематическим гласным находился суффикс *n: **двигнѫ — двигнеши**... (инф. **двигнѫти**), **минѫ — минеши**... (инф. **минѫти**).

К 3-му классу относятся глаголы, в которых перед тематическим гласным находился суффикс *j (или его рефлекс после изменения сочетаний согласных с *j): **знаѭ — знаѥши**... (инф. **знати**), **коупоуѭ — коупоуѥши**... (инф. **коуповати**), **пишѭ — пишеши**... (инф. **пьсати**), **борѭ — борѥши**... (инф. **брати** <*bor-tei).

В старославянском языке встречались и разноспрягаемые глаголы. Глагол **хотѣти** спрягался в основном по 3-му классу (**хощѭ — хощеши**...), за исключением формы 3 мн. **хотѧтъ**, которая образовывалась по 4-му классу (в соответствии с 3-м классом должна быть форма ***хощѭтъ**, не встречающаяся в старославянских памятниках). Глагол **искати** мог спрягаться по 1-му и 3-му классам: ср. формы 1 кл. **искѫ — ищеши** ..., **искѫще** действ. прич. И. мн. м. р., **искомъ** страд. прич. И. ед. м. р. и формы 3 кл. **ищѭ — ищеши**..., **ищѧ** действ. прич. И. ед. м. р. (ср. **вси іщѫтъ тебе** в Зогр., Мар., Сав., но **искѫтъ** в Асс.). Глагол 5 кл. **имѣти** в старославянском языке подвергался влиянию продуктивного 3-го кл. **оумѣти/оумѣѭ** и изредка имел формы по типу глагола 3 кл.: **имѣѭ, имѣѥши**...

Знание о классе того или иного глагола необходимо для образования различных форм этого глагола.

Таблица 35

Классификация глаголов по основе настоящего времени

Тематические глаголы				Нетематические глаголы
1-е спряжение			2-е спряжение	
1-й класс	2-й класс	3-й класс	4-й класс	5-й класс
несѫ	**съхнѫ**	**знаѭ**	**хвалѭ**	**ѥсмь**
несеши...	**съхнеши**...	**знаѥши**...	**хвалиши**...	**ѥси**...
инф. **нести**	инф. **съхнѫти**	инф. **знати**	инф. **хвалити**	инф. **быти**

Основы инфинитива также требуют классификации, поскольку тип инфинитива играет роль в глагольном формообразовании. В старославянском языке целесообразно различать следующие типы основ инфинитива:

1) на согласный, который мог перед суффиксом **-ти** чередоваться или выпадать: **гнести** (< *gnettei; 1 кл.: **гнетѫ**), **мошти** (< *mogtei; 1 кл.: **могѫ**), **грети** (< *grebtei; 1 кл.: **гребѫ**), **обрѣсти** (< *obrēttei; 3 кл.: **обрѧштѫ**) и др.;

2) на корневой гласный (в праславянском и на сонант): **мыти** (3 кл.: **мыѭ**), **бити** (3 кл.: **биѭ**), **брати сѧ** (3 кл.: **борѭ сѧ**), **мрѣти** (1 кл.: **мьрѫ**), **жръти/жрѣти** (1 кл.: **жьрѫ**), **клѧти** (1 кл.: **кльнѫ**) и др.;

3) на суффиксальный гласный -**а**- и -**ѣ**-: **бьрати** (1 кл.), **гънати** (1 кл.: **женѫ**), **вѣровати** (3 кл.), **пьсати** (3 кл.: **пишѫ**), **сѣдѣти** (4 кл.), **ослабѣти** (3 кл.), **лежати** (4 кл.) и др.;

4) на суффиксальный гласный -**и**-: **ходити** (4 кл.), **носити** (4 кл.), **родити** (4 кл.) и др.;

5) с суффиксом -**нѫ**- после согласного, который мог выпадать перед суффиксом: **двигнѫти** (2 кл.), **дръзнѫти** (2 кл.), **оусънѫти** (< *ou-sup-nǫ-tei, 2 кл.; ср. **оусъпати** ‘усыпить’, 3 кл.: **оусъплѭ**), **съгънѫти** (< *su-gub-nǫ-tei, 2 кл.; ср. **съгъбати** ‘согнуть’, 3 кл.: **съгъблѭ**) и др.;

6) с суффиксом -**нѫ**- после гласного: **помѣнѫти/помѧнѫти** (2 кл.), **минѫти** (2 кл.), **ринѫти сѧ** (2 кл.) и др.

Таблица 36

Классификация глаголов по основе инфинитива

На корневой согласный	На корневой гласный	На суф. гласный -**а**- и -**ѣ**-
мошти 1 кл.	**клѧти** 1 кл.	**гънати** 1 кл.
грєти 1 кл.	**плоути** 1 кл.	**пьсати** 3 кл.
бости 1 кл.	**гнити** 3 кл.	**сѣдѣти** 4 кл.
обрѣсти 3 кл.	**пѣти** 3 кл.	**лежати** 4 кл.

На суф. гласный -**и**-	С суф. -**нѫ**- после согласного	С суф. -**нѫ**- после гласного
носити 4 кл.	**съхнѫти** 2 кл.	**минѫти** 2 кл.
родити 4 кл.	**сльпнѫти** 2 кл.	**зинѫти** 2 кл.
ꙗвити 4 кл.	**тъкнѫти** 2 кл.	**плинѫти** 2 кл.
оучити 4 кл.	**гънѫти** 2 кл.	**ринѫти** 2 кл.

Несмотря на то что в большинстве форм древняя глагольная основа сохранилась, в ряде случаев в формах старославянского глагола, как и в формах имени существительного, отразились фонетические изменения и результаты действия морфологической аналогии.

Прежде всего это проявилось в переразложении глагольной основы (перераспределении границ между основой и окончанием)

вследствие ассимилятивных процессов на стыке основы и окончания и перехода суффиксальной части глагольной основы в состав окончания, что привело к образованию однотипных непроизводных основ на согласный звук.

1. Особенно часто этот процесс наблюдается при образовании некоторых глагольных форм от основ с тематическим гласным -о- 1 ед., 3 мн. наст. вр. у глаголов 1, 2, 3 и 4 кл.

В формах 1 ед. тематический суффиксальный элемент -о- оказывается перед носовым сонантом и дает носовой гласный [ǫ]:

*ved-o-m > ved-on > ved-ǫ (**ведѫ**);
*krīk-n-om > krīk-n-on > krikn-ǫ (**крикнѫ**);
*znāj-o-m > znā-j-on > znaj-ǫ (**знаѭ**);
*nosī-o-m > *nosj-om > nos-j-on > noš'-ǫ (**ношѭ**).

В 3 мн. непередний носовой гласный появляется у глаголов 1, 2 и 3 кл.:

*ved-o-nti > ved-ǫ-tъ > ved-ǫtъ (**ведѫтъ**)[1];
*dvīg-n-o-nti > dvign-ǫ-tъ > dvign-ǫtъ **двигнѫтъ**);
*znā-j-o-nti > znaj-ǫ-tъ > znaj-ǫtъ (**знаѭтъ**).

Таблица 37

Соотношение глагольных основ инфинитива и настоящего времени

Класс и древняя основа наст. вр.		Типы основ инфинитива	Примеры (3 ед. наст. — инф.)
1	е//о	1) непроизводная на согласный	**несетъ — нести** **течетъ — тешти** **можетъ — мошти** **мететъ — мести**
		2) непроизводная на гласный -**и**-	**идетъ — ити** **живетъ — жити**
		3) непроизводная на гласные -**ѧ**-, -**ѫ**-	**кльнетъ — клѧти** **дъметъ — дѫти**
		4) непроизводная на гласный -**оу**-	**пловетъ — плоути**
		5) непроизводная на сочетание -**рѣ**-	**мьретъ — мрѣти**
		6) производная на -**а**-	**зоветъ — зъвати** **беретъ — бьрати**

[1] Комментарий по поводу незакономерного ст.-сл. -**тъ** < псл. *-ti в 3 л. ед. и мн. см. § 73.

Класс и древняя основа наст. вр.		Типы основ инфинитива	Примеры (3 ед. наст. — инф.)
2	ne//no	производная на -**нѫ**- (*nǫ):	
		1) с корнем на согласный	**двигнетъ — двигнѫти**
		2) с корнем на гласный	**минетъ — минѫти**
3	je//jo	1) непроизводная на -**а**-	**знаѥтъ — знати**
		2) непроизводная на -**и**-, -**ы**-, -**оу**-	**биѥтъ — бити** **крыѥтъ — крыти** **обоуѥтъ — обоути**
		3) производная на -**а**-	**дѣлаѥтъ — дѣлати**
		4) производная на -**ꙗ**-	**сѣѥтъ — сѣꙗти**
		5) производная на -**ѣ**-	**оумѣѥтъ — оумѣти**
		6) производная на -**ва**-	**бываѥтъ — бывати**
		7) производная на -**ова**-	**бесѣдоуѥтъ — бесѣдовати**
		8) непроизводная на неполногласные -**ра**-, -**ла**-, -**рѣ**-	**борѥтъ — брати** **колѥтъ — клати** **мелѥтъ — млѣти**
4	i	1) производная на -**и**-	**молитъ — молити**
		2) производная на -**ѣ**-	**видитъ — видѣти**
		3) производная на -**а**-	**слышитъ — слышати**
5	на согл.	разнотипные основы	**ѥстъ — быти** **дастъ — дати** **вѣстъ — вѣдѣти** **ꙗстъ — ꙗсти**

У глаголов 4 кл. появляется передний носовой гласный:

*nos-ī-nti > nos-ę-tъ > nos-ętъ (**носѧтъ**).

Чередование e//o было довольно регулярным, но чередования краткого [o] с носовыми не было, что впоследствии и привело к переразложению основ (таким образом, [e], [ę] и [ǫ] перешли из основы глагола в его окончание)[1].

2. Кроме этого, в глаголах 3 и 4 кл. произошел ряд изменений конечного согласного основы, вызванных воздействием [j]:

*peis-j-o-m > pīs-j-on > piš’-ǫ (**пишѭ**, 1 ед.);

*peis-j-o-nti > pīs-j-ǫ-tъ > piš’-ǫtъ (**пишѭтъ**, 3 мн.);

*xod-ī-o-m > *xod-j-o-m > xod-j-o-n > xožď-ǫ (**хождѭ**, 1 ед.).

[1] См. об этом: *Осипов Б. И.* Основы славянского языкознания. Омск, 2004. С. 112.

Ряд изменений произошел и в исконных флексиях, например, во 2 ед. у глаголов 1, 2 и 3 кл. по аналогии с глаголами 4 кл. (*nos-ī-sī > nos-ī-xī > nosiši > **носиши**) на месте *s появляется *š: *nes-e-šī > **несеши**, *dvīg-n-e-šī > **двигнеши**, *znā-j-e-šī > **знаѥши**.

В корнях основ на согласный ряда глаголов 1 кл. возникало сочетание согласных на стыке основы и суффикса инфинитива, которое затем упрощалось (вследствие ассимилятивно-диссимилятивных процессов в консонантных группах). Так возникли формы инфинитива:

плести < *plet-tei;

рещти < *rek-tei.

В нетематических глаголах с основой на согласный на стыке основы и окончания также имело место упрощение консонантных групп при образовании форм настоящего времени:

*dād-mi > damь (**дамь**, 1 ед.);

*dād-ti > dastъ (**дастъ**, 3 ед.);

*dād-nti > *dād-in-ti > dad-ę-tъ (**дадѧтъ**, 3 мн.).

5. Аналогичные процессы характеризуют также образование форм повелительного наклонения: *nes-o-i-te > nes-ě-te (**несѣте**, 2 мн.), причастий действительного залога настоящего времени: *nes-o-nt-jī > nes-ǫš͡t'-i (**несѫшти**, И. ед. ж. р.).

Как можно видеть, в ряде форм древняя основа в результате фонетических изменений уже затемнена и может быть восстановлена только с помощью сравнительно-исторического метода, хотя в ряде случаев реконструкция весьма гипотетична.

§ 72. Система глагольных времен: общая характеристика

Старославянский глагол имел следующие временные парадигмы: ***настоящее*** (Н), ***будущее первое*** (Б1), ***будущее второе***[1] (Б2), ***аорист***(А), ***имперфект***(И), ***перфект*** (П), ***плюсквамперфект***[2] (ПП). Эти времена по характеру грамматического значения времени и способу его передачи образуют две группы: *простых* (Н, А, И) и *сложных* (Б2, П, ПП) времен. К *сложным* относятся времена, которые обычно выражают *относительное* время и образуются аналитически, а именно при помощи вспомогательного глагола **быти** в разных формах и причастия прошедшего времени на **-л-**. ***Будущее первое***, которое также часто называют ***будущим сложным первым***,

[1] Это время не имеет устойчивого наименования. Его называют по-разному: прошедшее в будущем, преждебудущее, будущее предварительное, futurum exactum, Future Perfect.

[2] Плюсквамперфект имел аналитические формы двух типов: с вспомогательным глаголом **быти** в аористе ($ПП_А$) и в имперфекте ($ПП_И$).

примыкает к *простым* (*абсолютным*) временам (см. § 74). Формы 1-го и 2-го лица ед. ч. всех времен для двух частотных глаголов (**нести** и **ити**) представлены в табл. 38.

Таблица 38

Формы 1 и 2 ед. глаголов нести и ити

нести				
Простые времена	Н **несѫ, -ѥши**	Б1 **имамь, -ши** + инф. **нести**	А 1) **нѣсъ, несе** 2) **несохъ, несе**	И **несѣахъ, -аше**
Сложные времена	П **ѥсмь, ѥси** + **неслъ**	Б2 **бѫдѫ, бѫдеши** + **неслъ**	ПП$_{А}$ **бѣхъ, бѣ** + **неслъ**	ПП$_{И}$ **бѣахъ, бѣаше** + **неслъ**
ити				
Простые времена*	Н **идѫ, -ѥши**	Б1 **имамь, -ши** + инф. **ити**	А 1) **идъ, иде** 2) **идохъ, иде**	И **идѣахъ, -аше**
Сложные времена	П **ѥсмь, ѥси** + **шьлъ**	Б2 **бѫдѫ, бѫдеши** + **шьлъ**	ПП$_{А}$ **бѣхъ, бѣ** + **шьлъ**	ПП$_{И}$ **бѣахъ, бѣаше** + **шьлъ**

В старославянском языке настоящее и будущее внутри настоящего еще не были морфологически дифференцированы, т. е. будущее простое (будущее совершенного вида) еще не вычленилось из категории настоящего. С одной стороны, формы старославянских глаголов, которые носитель современного русского языка воспринимает как формы настоящего времени НСВ, имеют значение планируемого, будущего действия: ср. <...> **рече • въставъ ідѫ къ оц҃ю моемоу • і рекѫ ѥмоу • о҃че съгрѣшихъ на н҃бо і прѣдъ тобоѭ... і въставъ іде къ оц҃ю своѥмоу** (Лк. 15: 18—19 Зогр.) '[он] сказал: «Встав, пойду к отцу моему и скажу ему: „Отец, согрешил я перед небом и перед тобою" <...>. И встал и пошел к отцу своему'». С другой стороны, глаголы, воспринимаемые теперь как глаголы будущего времени СВ, имеют значение обычного, повторяющегося действия, относящегося к плану настоящего времени: ср. **сльньцоу въсходѧштоу съкрыѥтъ сѧ стѣнь** (417.29 Супр.) 'Когда восходит солнце, скрывается тень'. Эта нерасчлененность настоящего, которое функционирует в старославянском как настоящее — будущее, связана с недостаточным развитием категории вида, в частности с

неполным охватом этой категорией всех глаголов. Таким образом, представление о времени высказывания (данный момент мышления) еще не приобрело свойства грамматической абстракции.

В то же время в старославянском языке существовало несколько возможностей обозначения действия, которое относится к будущему по отношению к моменту речи (Н, Б1, Б2), что говорит о начале формирования морфологической категории будущего времени. При отсутствии четкого морфологического разграничения настоящего и будущего времени в глагольной системе старославянского языка необходимым признаком вспомогательных глаголов, которые в сочетании с инфинитивом (Б1) использовались при обозначении длительного действия, относящегося к будущему, было наличие фазового (начинательного: **начьнѫ ненавидѣти** ‘возненавижу/буду ненавидеть’) или модального (**хощѭ дати** ‘[я] намерен, готов отдать/вот-вот отдам’, **имамь мѫчити** ‘должен буду мучить/обязательно замучу’) оттенка значения. Переплетение настоящего и будущего, характерное для древнего строя мышления и отраженное в старославянской системе времен, вполне естественно, поскольку конкретно переживаемое в момент речи будущее — это перенесение будущего в настоящее в виде желания, готовности, намерения, возможности, обязанности совершить действие.

Как следует из приведенной схемы (§ 69, рис. 2), в старославянском было четыре прошедших времени: два простых, «синтетических» (аорист и имперфект), и два сложных, аналитических (перфект и плюсквамперфект).

В исходной системе старославянского языка аорист и имперфект как главные времена, используемые в повествовании о прошлых событиях, были, видимо, противопоставлены как факт и уточнение факта или как факт и фон, на котором имеет место этот факт. Отношения между аористом и имперфектом иногда описываются формулой: *аорист продвигает повествование вперед, имперфект его останавливает*.

Аорист — временна́я точка отсчета для любого действия в прошлом. Первоначальная его функция — устанавливать границу совершившихся действий в прошлом. Аорист представляет прошедшее действие как факт, независимо от способа его протекания, т. е. независимо от вида.

Имперфект же выполнял уточняющую или фоновую временну́ю функцию, выражая вместе с тем одновременность, предшествование или следование по отношению к действию, обозначенному в том же контексте аористом. В предложении **възиде** (А) **же на горѫ іс҃ і тоу сѣдѣаше** (И) **съ оученикъı своими** (Ин. 6: 3 Мар.) ‘взошел на гору Иисус и там сидел с учениками своими’ действие, обозначенное имперфектом (И), в цепи событий следует за действием, обозначенным

аористом (А), но главное, что имперфект здесь обозначает сопутствующее, второстепенное с точки зрения повествования действие. Вместе с тем имперфект мог изображать, как происходило событие в прошлом, показывать действие в развитии, представлять его как неограниченное во времени, длительное или повторяющееся, т. е. в имперфекте соприсутствовали элементы значения, характерные для глаголов НСВ. Однако он мог обозначать повторяющиеся и законченные действия: **приношаахѫ же къ немоу и младенъцѧ • да би сѧ ихъ коснѫлъ** (Лк. 18: 15 Мар.) 'приносили к нему и младенцев, чтобы он прикоснулся к ним'. Особенно характерно это было для имперфектов, образованных от основ, которые позднее станут основами СВ: **егда бо вь ратехъ обрѣтахомъ сѧ и помолꙗхомъ б҃а • то помагааше намъ** (Супр. 27.23—44) '[всякий раз] когда мы находились в сражениях и молились Богу, он помогал нам'; **ч҃къ слѣпъ • прѣхождааше тварь • ємь же сѧ оуткънѣаше • кланѣаше сѧ ємоу** (Клоц. 10а 22) 'слепой человек [всякий раз], когда проходил мимо какого-то предмета и о него спотыкался, кланялся ему'. Обычно имперфект и образуется от глаголов, ставших позднее глаголами НСВ, но он мог быть образован и от основы, которая впоследствии была осознана как основа СВ.

Что касается перфекта, то он первоначально выражал прошедшее действие: 1) как отнесенное к настоящему времени; 2) как признак (свойство) субъекта, а не как проявление его деятельности. Это нашло отражение в форме перфекта: связка (настоящее время глагола **быти**) + причастие на **-л-** (см. табл. 38). Перфект в старославянских текстах обычно характеризует прямую речь **кто ти ѥстъ раздьралъ котыгѫ** 'кто тебе разорвал нижнюю одежду?' (Супр. 187.11—12). Функция плюсквамперфекта — обозначение действия, совершившегося ранее другого прошедшего действия, т. е. своего рода «прошедшее в прошедшем»: **дѣвоѭ бо бѣ єуа • не оубо бѣ мѫжа познала** (Супр. 489.9) 'ведь Ева была девственницей, так как она еще не познала мужчины'. Ср. также сочетание перфекта и плюсквамперфекта в одном контексте: **не бѣхъ ли ти реклъ в҃ы позъвати • то како без моѥго повелѣниꙗ.**

§ 73. Настоящее время

Настоящее время является основным грамматическим временем, по отношению к которому характеризуются все остальные грамматические времена старославянского глагола.

Если отвлечься от того, что в старославянском языке формы настоящего времени могли использоваться для обозначения будущих действий (см. § 72), глагол в форме настоящего времени передает действие, в какой-то своей части совпадающее с моментом речи действующего субъекта:

і г҃лѭ семоу иди и <u>идетъ</u> • і дроугоумоу приди и <u>придетъ</u> • і рабу моемоу сътвори се и <u>сътворитъ</u> (Мф. 8: 9 Мар.) ‘и говорю одному: «пойди», и идет; и другому: «приди», и приходит; и слуге моему: «сделай», и делает’;

възложи ржцѣ на нь • въпрашааше и аште чьто видитъ • и възьрѣвъ г҃лааше <u>виждж</u> ч҃лкы (Мк. 8: 23 Зогр.) ‘[он] возложил на него руки и спросил, видит ли [он] что-нибудь, и [тот], посмотрев, сказал: «Вижу людей...»’;

вы г҃лете ѣко <u>власвимл҃ѣеши</u> • зан҃е рѣхъ ѣко с҃нъ б҃жіи есмь (Ин. 10: 36 Зогр.) ‘...вы говорите: «Богохульствуешь», потому что я сказал: «Я сын божий»?’;

аще же <u>рекжтъ</u> вамъ • се въ поустыни <u>естъ</u> • не изидѣте (Мф. 24: 26 Мар.) ‘если же скажут вам: «Вот, [он] в пустыне [находится]», — не выходите’.

В этих примерах действие, передаваемое глаголом в настоящем времени, совпадает с моментом речи действующего лица, независимо от того, когда реальное действие происходит по отношению к моменту сообщения повествователя, по отношению к которому оно может быть и прошлым, и будущим.

Глагол в настоящем времени может также передавать вневременное действие: **<u>не трѣбоуѭтъ</u> съдравиі врачевъ нъ болѧщеі** (Мф. 9: 12 Зогр.) ‘Не здоровые нуждаются во врачах, но больные’ (т. е. нуждались, нуждаются и будут нуждаться).

Система флексий настоящего времени в старославянском языке выглядит следующим образом:

Единственное число

1 л. **-ж** (1, 2 кл.), **-ѭ** (3, 4 кл.), **-мь** (5 кл.)

2 л. **-еши** (1, 2, 3 кл.), **-иши** (4 кл.), **-си** (5 кл.)

3 л. **-етъ** (1, 2, 3 кл.), **-итъ** (4 кл.), **-тъ** (5 кл.)

Множественное число

1 л. **-емъ** (1, 2, 3 кл.), **-имъ** (4 кл.), **-мъ** (5 кл.)

2 л. **-ете** (1, 2, 3 кл.), **-ите** (4 кл.), **-те** (5 кл.)

3 л. **-жтъ** (1, 2 кл.), **-ѭтъ** (3 кл.), **-ѧтъ** (4, 5 кл., кроме **быти, имѣти**)

Двойственное число

1 л. **-евѣ** (1, 2, 3 кл.), **-ивѣ** (4 кл.), **-вѣ** (5 кл.)

2 л. **-ета** (1, 2, 3 кл.), **-ита** (4 кл.), **-та** (5 кл.)

3 л. **-ете** (1, 2, 3 кл.), **-ите** (4 кл.), **-те** (5 кл.)

Система личных окончаний старославянского глагола представляет собой продолжение форм более раннего времени[1].

1 ед.: ведж, знаѭ. Окончание тематических глаголов **-ж**, **-ѭ**, вероятно, было окончанием древней формы *конъюнктива* (на

[1] См. об этом: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. М., 1952. С. 152—158.

Таблица 39

Спряжение тематических глаголов

Лицо	1-й класс		2-й класс	3-й класс		4-й класс	
	вести	**мошти**	**двигнѫти**	**плакати**	**глаголати**	**лежати**	**просити**
Единственное число							
1	**ведѫ**	**могѫ**	**двигнѫ**	**плачѫ**	**глаголѭ**	**лежѭ**	**прошѫ**
2	**ведеши**	**можеши**	**двигнеши**	**плачеши**	**глаголѥши**	**лежиши**	**просиши**
3	**ведетъ**	**можетъ**	**двигнетъ**	**плачетъ**	**глаголѥтъ**	**лежитъ**	**проситъ**
Множественное число							
1	**ведемъ**	**можемъ**	**двигнемъ**	**плачемъ**	**глаголѥмъ**	**лежимъ**	**просимъ**
2	**ведете**	**можете**	**двигнете**	**плачете**	**глаголѥте**	**лежите**	**просите**
3	**ведѫтъ**	**могѫтъ**	**двигнѫтъ**	**плачѫтъ**	**глаголѭтъ**	**лежѧтъ**	**просѧтъ**
Двойственное число							
1	**ведевѣ**	**можевѣ**	**двигневѣ**	**плачевѣ**	**глаголѥвѣ**	**леживѣ**	**просивѣ**
2	**ведета**	**можета**	**двигнета**	**плачета**	**глаголѥта**	**лежита**	**просита**
3	**ведете**	**можете**	**двигнете**	**плачете**	**глаголѥте**	**лежите**	**просите**

*-ām). У славян же: *-ām > *-an > *-on > -ǫ. Такое же окончание было у глаголов с основой на *-i, где конечный элемент основы в положении перед гласным изменялся в [j] и ассимилировался с предшествующим согласным:

*xadi-ām > xadj-on > xožd͡ď-ǫ (**хождѫ**);

*nasi-ām > nasj-on > noš’-ǫ (**ношѫ**).

Таблица 40

Спряжение нетематических глаголов

Лицо	**быти**	**дати**	**вѣдѣти**	**ꙗсти**	**имѣти**
Единственное число					
1	**ѥсмь**	**дамь**	**вѣмь**	**ꙗмь**	**имамь**
2	**ѥси**	**даси**	**вѣси**	**ꙗси**	**имаши**
3	**ѥстъ**	**дастъ**	**вѣстъ**	**ꙗстъ**	**иматъ**
Множественное число					
1	**ѥсмъ**	**дамъ**	**вѣмъ**	**ꙗмъ**	**имамъ**
2	**ѥсте**	**дасте**	**вѣсте**	**ꙗсте**	**имате**
3	**сѫтъ**	**дадѧтъ**	**вѣдѧтъ**	**ꙗдѧтъ**	**имѫтъ**
Двойственное число					
1	**ѥсвѣ**	**давѣ**	**вѣвѣ**	**ꙗвѣ**	**имавѣ**
2	**ѥста**	**даста**	**вѣста**	**ꙗста**	**имата**
3	**ѥсте**	**дасте**	**вѣсте**	**ꙗсте**	**имате**

В нетематических основах окончанием 1 ед. (**дамь**, **вѣмь**) было **-мь** (*mь < *mĭ) — очевидное отражение индоевропейской флексии *-mi (греч. ἐιμί, др.-инд. ásmi, лит. esmi).

2 ед.: ведеши, **знаѥши**. Окончание **-ѥши** у тематических глаголов соответствует **-си** (**даси**, **вѣси**, но **имаши**) у глаголов нетематических основ. По-видимому, окончание **-ши** сформировалось у глаголов 4 кл. из и.-е. *-si (*nasī-si > *nasī-xī > nosiši); по аналогии было перенесено на глаголы с тематическими гласными *e//o.

*-ši должно было дать **-шь** (так как *i > ь). Однако эта флексия, известная славянским диалектам, в старославянских памятниках отсутствует. Происхождение конечного **-и** здесь не совсем ясно. Возможно, это влияние форм нетематических глаголов, в которых *-sī возникло из индоевропейского окончания 2 ед. (средневозвратного спряжения) — *sai, где *ai > ī на конце слова (ср. греч. τίθεσαι).

3 ед.: ведетъ, **знаѥтъ** и **3 мн.: ведѫтъ**, **знаѭтъ**. Форма 3 ед. имела окончание *-**тъ**: в нетематическом 5 кл. — **дастъ**, **вѣстъ**. То же в 3 мн. глаголов 4 и 5 кл.: **ходѧтъ**, **дадѧтъ**.

Судьба этих форм в восточнославянских языках, а также соответствия в других индоевропейских языках свидетельствуют об исходных формах на *-ti (для 3 ед.) и *-nti (для 3 мн.): ср. др.-рус. **береть** (3 ед.), **бероуть** (3 мн.) — др.-инд. bhárati (3 ед.), bháranti (3 мн.), др.-рус. **ѥсть** — греч. ἐστί (3 ед.). В праславянском языке фонетически закономерными формами должны быть окончания с конечным *-tь, что и отразилось в восточнославянских (древнерусских) памятниках: **ведеть**, **знаѥть**; **ведѫть**, **знаѭть**; **дасть**, **вѣсть**; **дадѧть**, **вѣдѧть**. В старославянских же памятниках господствует окончание **-тъ**.

С несомненностью о наличии конечного **ъ** в старославянском языке свидетельствуют написания с **о** на месте сильного редуцированного перед местоимением **сь**: **можето сь** (Мар.) из **можетъ сь** 'может он (этот)', **лежито сь** (Ас.) из **лежитъ сь** 'лежит он (этот)' и др.

В некоторых памятниках старославянской письменности встречаются формы 3 ед. и мн. без окончания **-тъ**: **є** (Асс., Зогр., Мар.) вместо **ѥстъ**; **може** (Мар.) вместо **можетъ**; **сѧде** (Асс.) вместо **сѧдетъ**; **вѣроуѭ** (Асс.) вместо **вѣроуѭтъ**; **прозираѭ** (Асс.) вместо **прозираѭтъ**. Наиболее часты формы без **-тъ** в Супр. — памятнике, отразившем много специфических черт сравнительно с другими старославянскими памятниками.

Появление **-ъ** в окончаниях 3 ед. и мн. до сих пор общепринятого объяснения не имеет. Предположение Ф. Ф. Фортунатова о происхождении флексии **-тъ** (в 3 ед., а по аналогии с ним и в 3 мн.) из указательного местоимения **тъ**[1] возможно только в случае, если будет доказано, что формы без **-тъ** были обычны в праславянском языке, т. е. достаточно архаичны. Однако существует гипотеза, что эти формы являются новообразованием. В настоящее время широко распространена точка зрения, что формы без *-tь/*-tъ являются индоевропейским архаизмом.

1 мн.: ведемъ, **знаѥмъ**; **дамъ**, **вѣмъ**. Окончание **-(є)мъ** в формах 1 мн. всех основ имеет индоевропейское происхождение. Старославянский язык, по-видимому, отражал изменение *-mos > *-mus > -mъ: *vedemos > vedemus > vedemъ (**ведемъ**).

Наряду с этим индоевропейским языкам известны и другие окончания: *-mes, *-men, *-me, *-mo (греч. -μες, -μεν, лит. -me). В разных славянских диалектах им соответствовали не только **-мъ**, но и **-ме**, **-мо**.

В старославянских памятниках встречаются и формы 1 мн. с окончанием на **-мꙑ**: **имамꙑ**, **накажемꙑ** (Супр.), **оувѣмꙑ** (Клоц.) и др., очевидно возникшим по аналогии с местоимением 1 л. **мꙑ**.

---

[1] Было высказано впервые в: *Фортунатов Ф. Ф.* Старославянское -тъ в 3-м лице глаголов // Изв. II Отд. АН. 1908. Т. XIII. Кн. 2, а позднее развито С. П. Обнорским (*Обнорский С. П.* Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953. С. 117— 137).

2 мн.: ведєте, знаѥте; дасте, вѣсте. Окончание -(**є**)**те** также имеет индоевропейское происхождение, о чем свидетельствуют соответствия типа греч. φέρετε — ст.-сл. **берете**.

1 дв.: ведевѣ, знаѥвѣ; давѣ, вѣвѣ. Окончание -(**є**)**вѣ** появилось под влиянием формы И. дв. местоимения 1 л. **вѣ**, что свидетельствует о раннем воздействии форм личных местоимений на глагольные формы.

В других индоевропейских языках форма 1 дв. глагола имела окончание: лит. -va, др.-инд. -vas.

2 дв.: ведєта, знаѥта; даста, вѣста; 3 л. дв.: ведєте, знаѥте; дасте, вѣсте. Окончания 2 и 3 дв. -(**є**)**та**, -(**є**)**те** находят соответствия в других индоевропейских языках, ср.: лит. -ta (2 дв.), греч. -τον (3 дв.). Но в форме 3 дв. -(**є**)**те** уже в старославянских памятниках вытесняется окончанием -(**є**)**та** , например в Сав.; а в Супр. формы 3 дв. с окончанием -(**є**)**те** вообще отсутствуют.

§ 74. Будущее время

Глагольные формы будущего времени передают действие, которое должно совершаться после момента речи: **идѣта въ слѣдъ мене и створѫ ва ловьца чл҃комъ** (Мф. 4: 19 Сав.) ‘Идите вслед за мной, и я сделаю вас (обоих) ловцами людей’.

В старославянском языке было 3 парадигмы для обозначения действия в будущем времени: *настоящее*, *будущее первое*, *будущее второе*.

Глаголы в форме настоящего времени могли выражать значение действия, которое произойдет в будущем. В принципе любой глагол в форме настоящего времени мог передавать будущее действие, но постепенно в этой функции специализировались глаголы совершенного вида.

Значение будущего времени, непосредственно не связанное с видовыми различиями глагола, выявляется в контексте и определяется временны́м планом высказывания и типом повествования в целом:

нынѣ поустиши раба твоего владыко • по гл҃оу твоемоу съ миромь (Лк. 2: 19 Зогр.) ‘ныне отпускаешь раба твоего, Владыко, по слову твоему, с миром’; в Мар. и Асс. **отъпоустиши**, в Сав. **отъпоущаеши**; **поустити** — глагол, недифференцированный по виду, **отъпоустити** — глагол СВ, **отъпоущати** — НСВ, но в приведенном тексте все три глагола обозначают настоящее время;

и варити і на ономь полоу... доньдеже самъ отъпоуститъ народы (Мф. 14: 22 Зогр.) ‘И ждать его на другой стороне, (до тех пор) пока он не отпустит народ’; **отъпоуститъ** — буд. вр.;

оучителю • ідѫ по тебѣ • ѣможе колиждо ідеши (Мф. 8: 19 Зогр.) ‘Учитель, я пойду за тобой туда, куда ты пойдешь’; идѫ, идеши — буд. вр.;

отсели оузьрите нб҃са отвръста (Ин. 1: 52 Асс.) ‘отныне будете видеть небо отверстым’; ср.: отъсели не видите мене (Супр. 16.29) (= ‘не увидите’), где не видите — буд. вр.

От глагола бъıти формы со значением будущего времени образовывались по образцу спряжения глаголов 1 кл. от специальной основы бѫд- (она имела значение только будущего времени) с окончаниями настоящего времени (табл. 41).

Таблица 41

Спряжение глагола бъıти в будущем времени

Лицо	Ед.	Мн.	Дв.
1	бѫдѫ	бѫдемъ	бѫдевѣ
2	бѫдеши	бѫдете	бѫдета
3	бѫдетъ	бѫдѫтъ	бѫдете

Будущее первое имело абсолютное значение, т. е. передавало действие, которое произойдет после момента речи.

Оно образовывалось посредством сочетания двух форм — вспомогательного глагола, спрягавшегося в форме настоящего времени, и инфинитива основного глагола. В качестве вспомогательных глаголов использовались имѣти (чаще всего), хотѣти, а также начѧти (въчѧти) (табл. 42). Поскольку категория вида находилась в стадии формирования, в составе формы могли употребляться глагольные инфинитивы совершенного и несовершенного вида: имамь (начьнѫ, хоштѫ) творити и имамь (начьнѫ, хоштѫ) сътворити:

азъ ва имамь мѫчити • да никъто же възможетъ помошти вама (Супр.) ‘я вас [двоих] буду мучить, и никто не сможет помочь вам’;

сн҃ъ бо ч҃скъı імать прѣдати сѧ • въ рѫцѣ ч҃цѣ (Лк. 9: 44 Зогр.) ‘сын человеческий будет предан в руки человеческие’;

кто слово мое съблюдетъ • съмръти не иматъ видѣти въ вѣкъ (Мар.) ‘кто указание мое исполняет, тот никогда смерти не увидит’;

чьто естъ знаменье • егда хотѧтъ си бъıти (Лк. 21: 7 Зогр.) ‘какой есть признак, когда это произойдет?’;

кгда величик силы бж҃иѩ авѣ хоштетъ быти (Супр. 546) ‘когда величие силы Божией будет явно (= проявится)’;

сами сѧ прѣдадѧтъ и ненавидѣти сѧ начънѫтъ[1] (Мф. 24: 10 Сав.) ‘и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга’.

[1] В других списках възненавидѧтъ.

Итак, для обозначения будущего действия в старославянском языке использовались сочетания модальных и фазовых глаголов с инфинитивом. Сами вспомогательные глаголы являются формами настоящего времени, однако в сочетании с инфинитивом они стали употребляться для обозначения действия, отнесенного к будущему, именно в силу своего исходного лексического значения, модального или фазового: **имамь** сначала имел значение долженствования, предопределенности, **хоштѭ** — значение желания, готовности совершить действие, а потом неизбежности предстоящего действия, которое вот-вот произойдет: **начьнѫ/въчьнѫ** — начала действия.

Таблица 42

Спряжение глаголов в будущем первом времени

Лицо	Вспомогательный глагол			Инфинитив
Единственное число				
1	**имамь**	**начьнѫ**	**хоштѭ**	
2	**имаши**	**начьнеши**	**хоштеши**	+ **ходити**
3	**иматъ**	**начьнетъ**	**хоштетъ**	
Множественное число				
1	**имамъ**	**начьнемъ**	**хоштемъ**	
2	**имате**	**начьнете**	**хоштете**	+ **ходити**
3	**имѫтъ**	**начьнѫтъ**	**хотѧтъ**	
Двойственное число				
1	**имавѣ**	**начьневѣ**	**хоштевѣ**	
2	**имата**	**начьнета**	**хоштета**	+ **ходити**
3	**имате**	**начьнете**	**хоштете**	

Первоначально выбор вспомогательного глагола зависел от его лексического значения. В старославянском языке еще сохраняется связь вспомогательного глагола с его исходным модальным или фазовым значением. Когда-то в праславянском языке эти вспомогательные глаголы были элементами словосочетания, а не частью аналитической формы. Такие словосочетания также представлены в старославянских текстах:

жити же съ вами не хоштѫ (Супр. 252.21) ‘жить с вами не хочу’;

единого дръжитъ сѧ а о дроугѣмь небрѣшти въчьнетъ (Мф. 6: 24 Асс.) ‘одного предпочитает (предпочтет), а другим пренебрегать начинает (начнет)’;

симоне • <u>имамь</u> ти нѣчьто <u>решти</u> (Зогр.) ‘Симон! Я должен кое-что сказать тебе’.

Модальное значение неизбежности глагол **хотѣти** в сочетании с инфинитивом имел не только в настоящем, но и в прошедшем времени, при обозначении «будущего в прошедшем»: **начѧтъ имъ гл҃ти еже <u>хотѣаше</u>** (имп.) **<u>быти</u> емоу** (Мк. 10: 32 Мар.) ‘[он] начал им говорить, что должно случиться [неизбежно будет] с ним’[1]. Не всегда легко определить, что перед нами — вспомогательный или знаменательный глагол с модальным значением. Например, не ясно, дает ли сочетание **хоштѫ** + инф. представление об одном действии или о двух в следующих текстах: **что <u>хоштете</u> ми <u>дати</u> і азъ вамъ прѣдаме и** (Мар.) ‘что хотите мне дать [мне дадите], чтобы я вам предал его [и я вам предам его]’; **і мънѣахѫ ѣко абие <u>хощетъ</u> цр҃ствие бж҃ие <u>ꙗвити сѧ</u>** (Сав.) ‘и они думали, что тотчас должно открыться [вот-вот явится, откроется] Царствие Божие’.

В старославянском языке будущее первое, видимо, уже функционирует как особая временнáя форма. В первую очередь это относится к сочетанию **имамь** + инф. В семантическом плане развитие, возможно, было таким: **<u>имамь</u> ти нѣчьто <u>решти</u>** ‘Я имею кое-что сказать тебе’ → ‘Я должен сказать тебе кое-что’ → ‘Я намерен сказать тебе кое-что’ → ‘Я скажу тебе кое-что’.

В отличие от глаголов **начьнѫ/въчьнѫ** и **хоштѫ** глагол **имамь** (+ инф.) употребляется для обозначения будущего действия только в форме настоящего времени, поэтому можно считать, что конструкция **имамь** + инф. в старославянском языке стоит на пути к грамматикализации или уже грамматикализовалась, т. е. превратилась в форму *будущего* абсолютного. На каком-то этапе развития формы глаголов **начьнѫ/въчьнѫ**, **имамь** и **хоштѫ** + инф. в качестве аналитических форм будущего времени омонимичны соответствующим словосочетаниям, обозначающим два действия расчлененно.

Разнообразие вспомогательных глаголов свидетельствует о том, что еще совсем недавно это были не аналитические формы, а свободные синтаксические сочетания. Примечательно, что в старославянском языке глагол **бѫдѫ**[2] никогда не использовался как вспомогательный в будущем первом, хотя сочетания вспомогательных форм **бѫдѫ**, **бѫдеши**, **бѫдетъ**... с прилагательными или причастиями страдательного залога передавали будущее действие или состояние: **живъ бѫдетъ, приѩтъ бѫдетъ, зъванъ бѫдеши, ведоми бѫдете** и т. д. Форм типа **бѫдѫ пьсати**, которые соответство-

---

[1] Ср. также неразложимое словосочетание **хотѧщаꙗ быти** ‘будущее’, где **хотѧщаꙗ** — полное причастие мн. ч. с. р.: **акы оуже сѫшта • хотѧщаꙗ быти проповѣдааше** (Супр. 323 10—11) ‘как уже существующее [он] будущее проповедовал’.

[2] Глагол **быти** имел этимологическое значение ‘расти’ (ср. греч. φυτόν, ст.-сл. **былиѥ** ‘трава, растения’); **бѫдѫ** исторически был фазовым глаголом, имел начинательное значение, которое выражалось внутренним суффиксом *n.

вали бы несовершенному будущему в современном русском языке (*буду писать*), старославянские памятники не знают. В безличных предложениях использовались конструкции с **бѫдетъ** + инф., внешне похожие на аналитическую форму будущего первого: **да не бѫдетъ отъстѫпити отъ сътворивъшааго мѧ б҃а** (Супр.) 'пусть не придется [мне] отступить от сотворившего меня Бога'; **по того оумрьтви(і) спѣшьнѣѥ бѫдетъ съпсати • троудъі же и гоненיꙗ** (Супр. 302.4) 'после его кончины потребуется больше усилий описать его [аскетическую] жизнь и гонения'. Здесь **бѫдетъ спѣшьнѣѥ** составное именное сказуемое в безличном предложении, а инфинитив **съпсати/ съпьсати** — дополнение.

Будущее второе образовывалось посредством сочетания двух форм — вспомогательного глагола **быти**, спрягаемого в формах будущего простого времени, и причастия прошедшего времени с суффиксом **-л-** (перфектного причастия) от спрягаемого глагола. Таким образом, форма будущего второго — аналитическая. Перфектное причастие не являлось личной формой глагола и не изменялось по лицам. Оно выступало в форме именительного падежа и имело число-родовые окончания по основам на *о (м. и с. р. **неслъ, несло**) и *а (ж. р. **несла**), изменялось по числам.

Причастие прошедшего времени на **-л-**, входившее в состав будущего второго, а также сложных прошедших времен и сослагательного наклонения, образовывалось от основы инфинитива при помощи суффикса -l-, к которому присоединялись родо-числовые окончания: **нести — неслъ, носити — носилъ**. Глаголы 2 кл., в которых суффиксу **-нѫ-** предшествовал согласный, образовывали причастие без **-нѫ-**: **двигнѫти — двиглъ**, но **минѫти — минѫлъ**. Если в праславянском языке основа инфинитива оканчивалась на согласные *t, *d, то перед суффиксом *-l- они утрачивались: **вести — велъ, плести — плелъ** (см. § 22). У некоторых глаголов 1 кл. при образовании причастия имеет место чередование в корне: **чисти** 'читать, считать' — **чьлъ, мрѣти** 'умирать' — **мрьлъ** и т. п. Супплетивизм на базе сильно разошедшихся в процессе звуковых изменений форм имеет место в причастии на **-л-** глагола **ити**: **шьлъ** < *š'ьlъ < *xid-l- (иная ступень чередования представлена в корне *xod-: **ходъ, ходити**).

Таблица 43

Спряжение глаголов в будущем втором времени

Лицо	Ед.	Мн.	Дв.
1	**бѫдѫ неслъ, -а, -о**	**бѫдемъ несли, -ы, -а**	**бѫдевѣ несла, -ѣ, -ѣ**
2	**бѫдеши неслъ, -а, -о**	**бѫдете несли, -ы, -а**	**бѫдета несла, -ѣ, -ѣ**
3	**бѫдетъ неслъ, -а, -о**	**бѫдѫтъ несли, -ы, -а**	**бѫдете несла, -ѣ, -ѣ**

Противоречивая структура этого времени определяется его значением: будущее второе обозначает действие, которое происходило или будет происходить до определенного момента в будущем, и его результат будет важен в этот момент: **паче съкрꙑѭ таиноѥ се • ѥда бѫдетъ сълъгалъ приходивꙑи** (Супр.) ‘лучше скрою тайну эту, а то еще (выяснится, что) солгал приходивший’. Момент в будущем — это когда надо скрыть или открыть тайну, а действие, обозначенное глаголом в будущем втором, к этому времени уже завершилось, причем оно завершилось даже и до момента речи. В церковнославянском памятнике русской редакции Изборнике 1076 г. будущее второе выступает в чисто временном значении: **въдаи дъштерь и боудеши съвьршилъ дѣло велико: и моужеви разоумивоу въдаи ѭ** ‘выдай дочь [замуж] и совершишь большое дело, и отдай ее человеку разумному’.

Это время, в отличие от будущего первого, обычно функционирует как относительное, т. е. выражает действие, предшествующее другому действию, которое является будущим по отношению к моменту речи. Таким образом, будущее второе — будущее в том смысле, что оно как-то связано с будущими по отношению к моменту речи событиями или предшествует им. Однако само будущее второе может обозначать действие, которое является прошлым, настоящим или будущим по отношению к моменту речи.

В евангельских текстах формы этого времени не встречаются. В старославянских памятниках будущее второе употребляется довольно редко и обычно в главной или придаточной части условных конструкций: **аште на то сътворимъ владꙑкꙑ подражали бѫдемъ** (Супр. 379.11) ‘если это используем, владыкам подражать будем’; **аще ли с(ѧ) бѫдет(ъ) недобрѣ покаалъс(ѧ) • то да не приѩтъ бѫдет(ъ) въ своѥ от҄ч(ь)ство** (Евх. 102.15—16) ‘если плохо покается, то не будет принят в своем отечестве’ (оба действия относятся ко времени после момента речи, а именно ко времени применения данного установления; первое действие предшествует второму и обосновывает его); **аще нꙑ деситъ день съмрътнꙑ въ грѣсѣхъ то въскѫѭ сѧ и родили бѫдемъ** (Евх. 71а 6) ‘если нас застанет день смерти в грехах, тогда зачем мы и родимся’ (важно, что второе действие предшествует первому, но второе может относиться и ко времени до момента речи: ведь говорящий уже родился).

Действие, обозначенное глаголом в будущем втором, не является обязательно прошедшим или будущим по отношению к моменту речи, но оно всегда соотносится с планом будущего, поэтому будущее второе целесообразно считать будущим временем.

§ 75. Прошедшее время

В систему прошедших времен старославянского глагола входили: аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Каждая из

этих форм грамматического времени имела свое значение. Две формы прошедшего времени (аорист и имперфект) были *простыми*, т. е. состояли из одной словоформы. Две формы прошедшего времени (перфект и плюсквамперфект) были *сложными* (аналитическими), т. е. состояли из двух словоформ.

Такая система была унаследована из праславянского языка, но индоевропейские соответствия имели только некоторые формы аориста; остальные формы прошедших времен представляли собой славянские новообразования.

Аорист

Аористом (от греч. *αόριστος* 'неопределенный, неограниченный') в старославянском языке называют систему глагольных форм, которые передавали действие, имевшее место до момента речи и являвшееся временно́й точкой отсчета для любого действия в прошлом. Аорист использовался прежде всего в повествовании. Аорист представляет прошедшее событие независимо от способа протекания действия, поэтому в зависимости от лексического значения глагола формы аориста могли передавать и разные видовые оттенки (законченность, результативность, мгновенность) действия. Аорист мог передавать действие как мгновенное, так и длительное, но целиком отнесенное в прошлое, не расчлененное на моменты:

съпѧщемъ же чл҃вкомъ • приде врагъ его и въсѣѣ плѣвелъ по срѣдѣ пъшеницѧ и ѡтиде (Мф. 13: 25 Унд.) 'Когда люди спали, пришел его враг (= дьявол) и посеял плевел (= сорняк) среди пшеницы и ушел';

...**прѣломи и дастъ оученикомъ (исоу)с а оученици народоу • и ѣшѧ вси и насытишѧ сѧ и вьзѧшѧ избытъкъ оукроухъ з҃ кошьниць плънъ** (Мф. 15: 37 Сав.) '[взяв семь хлебов и рыбу,] преломил [их] Иисус и дал ученикам, а ученики — народу, и ели все, и насытились; и [даже еще] набрали излишек кусков [хлеба] 7 полных корзин';

ї авїе оустръми сѧ стадо все по брѣгоу въ море. ї оумрѣшѧ ї оутопошѧ въ водахъ (Мф. 8: 32 Зогр.) 'И тотчас все стадо устремилось (= бросилось) по крутому склону в море, и (все) погибли и утонули в воде';

ютроу же бывъшю • съвѣтъ сътворишѧ • вси архиереи ї старци л͡юдьсцїи на ї҃са • ѣко оубити ι • ї сьвѧзавъше и ведошѧ ї прѣдашѧ пѫн҄тьскоумоу пилатоу їѕемоноу (Мф. 27: 1 Зогр.) 'Когда настало утро, все архиереи и старейшины народные собрали совет против Иисуса и решили предать его смерти. Связав его, они повели и передали Понтию Пилату, правителю (= наместнику)';

онъ [...] **имъ ѭ за рѫкѫ • <u>възгласи</u> г҃лѧ • отроковице въстани • і <u>възврати сѧ</u> д҃хъ ѥѩ** [...] **і <u>оужаснѫста</u> родителѣ ѥѩ** (Лк. 8: 56 Зогр., Лк. 8: 54—56) ‘Он... взял ее за руку и воскликнул: «Девочка, встань!» И возвратилось дыхание к ней (= она ожила)... и изумились родители ее’;

излѣзъ же ис кораблѣ петръ и хождаше по водѣ и <u>приде</u> к ісѹ (Мф. 14: 29 Сав.) ‘Вылезши из лодки, Петр, пошел (= идя) по воде и подошел к Иисусу’.

Аорист мог образовываться от глагольных основ, давших впоследствии глаголы и совершенного, и несовершенного вида, но в памятниках старославянской письменности чаще представлен аорист от глагольных основ совершенного вида и от основ несовершенного вида, имевших значение определенности (направленности): **ити, нести**; **глаголати, решти** и т. д. Соответственно аорист чаще всего можно переводить современным глаголом совершенного вида, а имперфект — глаголом несовершенного вида.

Значение аориста могло передаваться несколькими способами (простой аорист, суффиксальный аорист от глаголов с основой инфинитива на гласный, суффиксальный аорист с основой инфинитива на согласный древнего и нового типа), что зависело от характера основы инфинитива.

Образование аориста

По способу образования в старославянском языке различаются:

1) *простой* (= несуффиксальный), или *асигматический*, аорист, который иногда называют *корневым*, так как флексия присоединяется непосредственно к корню глагола: **азъ ид-ъ** 1 ед., **вы ид-ете** 2 мн., **они ид-ѫ** 3 мн.;

2) *сигматический* (= суффиксальный) аорист (**решти** ‘сказать’ — **азъ рѣхъ** 1 ед., **вы рѣсте** 2 мн., **они рѣшѧ** 3 мн.).

Сигматический аорист называется так по суффиксу *-s-, который участвовал в образовании его форм в праславянском языке: в греческом алфавите латинской букве S соответствует Σ «σίγμα». В сигматическом аористе суффикс *-s-, который в старославянском языке выступает в виде **с** [s], **х** [x], **ш** [š'], чередовавшихся в парадигме аориста, мог присоединяться к основе глагола без соединительного гласного. Такой аорист имели глаголы с основой инфинитива на гласный[1] (**познати — азъ познахъ** 1 ед., **вы познасте** 2 мн., **они познашѧ** 3 мн.), а также те глаголы с основой

[1] За исключением глаголов с суффиксом **-нѫ-**, который присоединялся к конечному согласному корня (**двигнѫти, сѫхнѫти** и т. п.). Эти глаголы образовывали простой аорист.

на согласный, которые не образовывали простой аорист. Аорист от основ на согласный называется *сигматическим аористом древнего типа*, так как в старославянском языке имелся также сигматический аорист с соединительным гласным -о-, который располагался между корнем и суффиксом -s-. Он развивался у глаголов, образовывавших как сигматический, так и простой аорист. Это так называемый *сигматический аорист нового типа*: он появился позже по модели сигматического аориста от основ на гласный.

Таблица 44

Типы старославянского аориста

Лицо	Корневой (простой)	Сигматический (суффиксальный) аорист				
		Древний	Нового типа		На гласный	
	мошти	**нести**	**пасти**	**нести**	**ловити**	**дати**
		Единственное число				
1 2 3	**могъ** **може** → **може** →	**нѣсъ** **[несе]** **[несе]**	**падохъ** **[паде]** **[паде]**	**несохъ** **[несе]** **[несе]**	**ловихъ** **лови** **лови**	**дахъ** **да(стъ)** **да(стъ)**
		Множественное число				
1 2 3	**могомъ** **можете** **могѫ**	**нѣсомъ** **нѣсте** **нѣсѧ**	**падохомъ** **падосте** **падошѧ**	**несохомъ** **несосте** **несошѧ**	**ловихомъ** **ловисте** **ловишѧ**	**дахомъ** **дасте** **дашѧ**
		Двойственное число				
1 2 3	**моговѣ** **можета** **можете**	**нѣсовѣ** **нѣста** **нѣсте**	**падоховѣ** **падоста** **падосте**	**несоховѣ** **несоста** **несосте**	**ловиховѣ** **ловиста** **ловисте**	**даховѣ** **даста** **дасте**
Основы инфинитива на согласный и на -**нѫ**-после согласного					Основы инфинитива на гласный	

Таким образом, глаголы с основами на согласный образовывали аористы всех трех типов. При этом глаголы, которые образовывали корневой аорист, и глаголы, которые образовывали сигматический аорист древнего типа, находились в отношении дополнительного распределения. Одни глаголы (например: **ити**, **мошти**, **пасти** — 1 кл.; **двигнѫти**, **иштезнѫти**, **постигнѫти**, **прозѧбнѫти** — 2 кл.; **обрѣсти**, **сърѣсти** — 3 кл. и др.) образовывали *корневой* аорист, другие (например: **нести**, **вести**, **решти**, **бости**, **грети**) — *сигматический*[1]. Кроме того, и те и другие глаголы могли образовывать

[1] Установлено, что корневой аорист образовывали глаголы, которые имели в наст. подвижное ударение, а сигматический — глаголы, у которых в наст. было постоянное ударение.

сигматический аорист нового типа (с соединительным гласным *-о-), который по образованию сходен с сигматическим аористом от основ инфинитива на гласный типа **познахъ** (инф. **познати**).

Следует иметь в виду, что *корневой аорист* фактически образовывался от глагольного *корня*, а не от основы инфинитива, например у глаголов 2-го класса в формы аориста не включался суффикс **-нѫ-**, который имелся в составе основы инфинитива. В парадигмах сигматического аориста как древнего, так и нового типа в 2 ед. и 3 ед. представлены формы, перенесенные из корневого аориста. В аористе формы 2 ед. и 3 ед. всегда совпадали: ср. **масломь главы моеѩ не <u>помаза</u> • си же м҆ѵромь <u>помаза</u> ноꙁѣ моі** (Зогр.) ‘маслом головы моей [ты] не помазал, она же (= эта) миром помазала ноги мои’.

Простой аорист

Простой (корневой) аорист образовывался от глаголов с основой инфинитива на корневой согласный: **пасти**, **мошти** (**мог-**) 1 кл.; **обрѣсти** (**обрѣт-**), **сърѣсти** (**сърѣт-**) 3 кл.; и с основой инфинитива на суффиксальный **-нѫ-** после корневого согласного: **двигнѫти**, **съхнѫти** 2 кл. При этом суффикс **-нѫ-** в образовании простого аориста не участвовал (**двиг-**, **съх-**). Формы аориста от глагола **ити** образовывались от основы **ид-**: **азъ идъ**, **ты иде**, **мы идомъ** и т. д. При образовании аориста к корню присоединялись тематические гласные *е/о и так называемые вторичные личные окончания, использовавшиеся также при образовании форм имперфекта и повелительного наклонения.

Вторичные окончания отличались от *первичных*, которые применялись при образовании форм настоящего времени, только в формах 1, 2, 3 ед. и 3 мн. (совпадая в остальных формах) и представляли собой: *-m (1 ед.), *-s (2 ед.), *-t (3 ед.), *-nt (3 мн.).

В формах аориста, которые были образованы в праславянском языке при помощи вторичных окончаний, вследствие действия закона открытого слога, произошли фонетические изменения: *pad-o-m > **падъ** (1 ед.); *pad-e-s > **паде** (2 ед.); *pad-e-t > **паде** (3 ед.); *pad-o-nt > **падѫ** (3 мн.).

В случае если корень оканчивается на твердые заднеязычные согласные **г**, **к**, **х**, при образовании форм аориста в положении перед гласным переднего ряда **-е-** они переходили в мягкие шипящие согласные (вследствие 1-й палатализации): инф. **двигнѫти** — **двигъ** (1 ед.) — **движе** (2, 3 ед.), инф. **навыкнѫти** ‘научиться’ — **навыкъ** (1 ед.) — **навыче** (2, 3 ед.), инф. **исъхнѫти** ‘высохнуть’ — **исъхъ** (1 ед.) — **исъше** (2, 3 ед.).

Таблица 45

Спряжение тематических глаголов в простом аористе

Лицо	**пасти (пад-)**	**мошти (мог-)**	**двигнѫти (двиг-)**	**обрѣсти (обрѣт-)**	**ити (ид-)**
		Единственное число			
1	**падъ**	**могъ**	**двигъ**	**обрѣтъ**	**идъ**
2	**паде**	**може**	**движе**	**обрѣте**	**иде**
3	**паде**	**може**	**движе**	**обрѣте**	**иде**
		Множественное число			
1	**падомъ**	**могомъ**	**двигомъ**	**обрѣтомъ**	**идомъ**
2	**падете**	**можете**	**движете**	**обрѣтете**	**идете**
3	**падѫ**	**могѫ**	**двигѫ**	**обрѣтѫ**	**идѫ**
		Двойственное число			
1	**падовѣ**	**моговѣ**	**двиговѣ**	**обрѣтовѣ**	**идовѣ**
2	**падета**	**можета**	**движета**	**обрѣтета**	**идета**
3	**падете**	**можете**	**движете**	**обрѣтете**	**идете**

Следует иметь в виду, что формы 2 и 3 ед. в парадигме глаголов, имевших сигматический аорист, также образовывались по типу простого аориста: **азъ рѣхъ** (1 ед.), **вы рѣсте** (2 мн.), **они рѣшѧ** (3 мн.), но **ты, онъ рече** (2 и 3 ед.).

Формы простого аориста считаются наиболее архаичными образованиями в старославянском языке, поскольку простой аорист встречается в глаголических памятниках (Зогр., Асс., Мар.) и почти отсутствует в кириллических (например, в Супр. — памятнике, самом большом по объему из дошедших до нас старославянских памятников, — отмечена только одна форма простого аориста[1]). Однако следует учесть, что от глаголов с основой инфинитива на согласный и на **-нѫ-** после корневого согласного в формах 2 ед. и 3 ед. в памятниках зафиксированы только формы простого аориста: **иде**, **паде**, **прозѧбе** и т. д.

[1] Очевидно, что уже в XI в. такие формы не имели (или почти не имели) употребления в живой речи. См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. С. 170. Не исключено, впрочем, что в эпоху создания дошедших до нас старославянских памятников это различие носило диалектный характер.

Сигматический (суффиксальный) аорист

Сигматический (суффиксальный) аорист образовывался от любой основы инфинитива (как на гласный, так и на согласный звук), к которой присоединялся суффикс *-s- и личные («вторичные», как и в простом аористе) окончания. Поэтому образование форм сигматического аориста характеризуют те же фонетические изменения, какие имели место при образовании форм простого аориста.

Глаголы с основой инфинитива на согласный и кратким гласным **-є-** в корне (**вєсти** < *ved-tei, **нєсти** < *nes-tei, **рєшти** < *rek-tei и др.), спрягающиеся в целом по типу сигматического аориста, во 2 и 3 ед. всегда имеют формы, образованные по типу простого аориста: **вєдє**, **рєчє**, **тєчє**. Возможно, эти формы оказались устойчивыми в глагольной системе и вытеснили соответствующие формы сигматического аориста[1]. Для других лиц формы простого аориста у таких глаголов не зафиксированы: в этих случаях употребляются только формы сигматического аориста.

Образование сигматического аориста от разных основ инфинитива имело свои особенности.

При образовании сигматического аориста от производных и непроизводных основ инфинитива на гласные звуки суффикс аориста присоединялся прямо к основе. При этом в формах с основой на *-i-, *-u- (а по аналогии с ними — и на остальные гласные) происходило изменение суффикса аориста *s > *x (см. § 25 о переходе *s > *x), если дальше не следовал согласный:

*nosi-s-om > nosixъ (**носиχъ**, 1 ед.);

*nosi-s-te > nosiste (**носистє**, 2 мн.);

*nosi-s-nt > nosi-x-n̥t > nosi-x-int > nosišę (**носишѧ**, 3 мн.).

При этом в форме 3 мн. происходили более сложные изменения: поскольку окончание *-nt присоединялось непосредственно к суффиксу, у сонорного согласного в положении между согласными развивалась слоговая функция. Это приводило к развитию перед ним гласного *i, перед которым *x > š’ (по 1-й палатализации). В случае если *-s- оказывался в положении перед согласным *t, переход *s > *x не происходил: *nosi-s-te > **носистє**, 2 мн., *nosi-s-ta > **носиста**, 2 дв., *nosi-s-te > **носистє**, 3 дв.

Таким образом, отличительная черта сигматического аориста — суффикс **-с-** и его разновидности **-χ-** и **-ш-** — отразилась в виде чередования **с** || **χ** || **ш** в парадигме сигматического аориста.

У глаголов с непроизводной основой инфинитива на корневые гласные **-ѧ-** (**начѧ-ти** < *nāken-tei, **клѧ-ти** < *klen-tei) наряду с формами, возникшими по аналогии (**начѧχъ**, **клѧχъ**, 1 ед.), были возможны и фонетически закономерные формы без перехода *s > x (**начѧсъ**, **клѧсъ**, 1 ед.).

---

[1] См. об этом: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. С. 169.

Таблица 46

Спряжение тематических глаголов в сигматическом аористе

Лицо	1-й класс			2-й класс		3-й класс		
	бьрати	минѫти	плакати	бити	кръıти	чюти	любити	просити
Единственное число								
1	бьрахъ	минѫхъ	плакахъ	бихъ	кръıхъ	чюхъ	любихъ	просихъ
2	бьра	минѫ	плака	би (битъ)	кръı	чю	люби	проси
3	бьра	минѫ	плака	би (битъ)	кръı	чю	люби	проси
Множественное число								
1	бьрахомъ	минѫхомъ	плакахомъ	бихомъ	кръıхомъ	чюхомъ	любихомъ	просихомъ
2	бьрастє	минѫстє	плакастє	бистє	кръıстє	чюстє	любистє	просистє
3	бьрашѧ	минѫшѧ	плакашѧ	бишѧ	кръıшѧ	чюшѧ	любишѧ	просишѧ
Двойственное число								
1	бьраховѣ	минѫховѣ	плакаховѣ	биховѣ	кръıховѣ	чюховѣ	любиховѣ	просиховѣ
2	бьраста	минѫста	плакаста	биста	кръıста	чюста	любиста	просиста
3	бьрастє	минѫстє	плакастє	бистє	кръıстє	чюстє	любистє	просистє

Таблица 47

Спряжение нетематических глаголов в сигматическом аористе

Лицо	**быти**	**дати**	**вѣдѣти**	**ꙗсти**	**имѣти**
Единственное число					
1	**быхъ**	**дахъ**	**вѣдѣхъ**	**ꙗсъ (ꙗхъ)**	**имѣхъ**
2	**бы (быстъ)**	**да (дастъ)**	**вѣдѣ**	**ꙗ (ꙗстъ)**	**имѣ**
3	**бы (быстъ)**	**да (дастъ)**	**вѣдѣ**	**ꙗ (ꙗстъ)**	**имѣ**
Множественное число					
1	**быхомъ**	**дахомъ**	**вѣдѣхомъ**	**ꙗсомъ (ꙗхомъ)**	**имѣхомъ**
2	**быстє**	**дастє**	**вѣдѣстє**	**ꙗстє**	**имѣстє**
3	**быша**	**даша**	**вѣдѣша**	**ꙗса (ꙗша)**	**имѣша**
Двойственное число					
1	**быховѣ**	**даховѣ**	**вѣдѣховѣ**	**ꙗсовѣ (ꙗховѣ)**	**имѣховѣ**
2	**быста**	**даста**	**вѣдѣста**	**ꙗста**	**имѣста**
3	**быстє**	**дастє**	**вѣдѣстє**	**ꙗстє**	**имѣстє**

Нетематические глаголы **быти**, **дати**, **ꙗсти** имели во 2 и 3 ед. не только формы **бы**, **да**, **ꙗ**, представляющие собой чистую основу инфинитива, но и формы с окончанием **-стъ**: **быстъ**, **дастъ**, **ꙗстъ**.

От некоторых тематических глаголов с непроизводной основой инфинитива на гласные **-и-**, **-ѧ-**, **-ѣ-** и от основ на неполногласные сочетания в корне в формах 2 и 3 ед., наряду с формами без **-тъ**, отмечены образования с окончанием **-тъ**: **би-ти — битъ**, **клѧ-ти — клѧ-тъ**, **начѧ-ти — начѧтъ**, **въспѣ-ти — въспѣтъ**, **приꙗ-ти — приꙗтъ**, **поꙗ-ти — поꙗтъ**, **оумрѣ-ти — оумрѣтъ**.

Однозначного объяснения происхождение форм на **-тъ** и **-стъ** не получило. Возможно, их появление вызвано воздействием форм настоящего времени.

Сигматический аорист древнего типа известен только от некоторых основ на согласные звуки. Наиболее широко представлены формы сигматического архаического аориста от глаголов с гласным **-є-** в корне: **рєшти**, **вєсти**, **нєсти**, но не встречаются формы такого аориста от глаголов 2 кл. и от основы **ид-** (глагола **ити**).

При образовании форм данного типа аориста суффикс **-с-** присоединялся непосредственно к основе инфинитива; соединительная гласная употреблялась только в форме 1 ед., мн. и дв., далее

шли вторичные окончания. Согласный корня оказывался перед согласным суффикса, возникало сочетание согласных; сочетание согласных, возникшее на стыке основы и суффикса, подлежало упрощению:

*ved-s-om > veds-om > vēsom > **вѣсъ** (1 ед.) (**вести** < *vedtei);
*bod-s-om > bods-om > bōsom > **басъ** (1 ед.) (**бости** < *bodtei).

Если древняя основа оканчивалась заднеязычным согласным *k, то в формах аориста происходили следующие изменения (см. § 25, 26):

*rek-s-om > rekx-om > rēxom > **рѣхъ** (1 ед.) (**решти** < *rektei);
*rek-s-o-mos > rekxo-mos > rēxomos > rēxomъ > **рѣхомъ** (1мн.);
*rek-s-n̥t > reks-int > rekx-int > rēx-int > rēs’ę > **рѣшѧ** (3мн.).

Но:

*rek-s-te > rēste > rěste > **рѣсте** (2 мн., 3 дв.);
*rek-s-ta > rēsta > rěsta > **рѣста** (2 дв.).

Таким образом, фонетически закономерный переход *s > x отражен в формах 1 ед., 1 мн., 3 мн. В форме 3 мн. произошло еще изменение *x > š’ по 1-й палатализации.

При образовании аориста этого типа наблюдается количественное чередование гласных **є** // **ѣ**, **о** // **а**, **ь** // **и** как результат продления корневого гласного вследствие утраты согласного корня перед согласным суффикса.

Таблица 48

Спряжение тематических глаголов в сигматическом аористе древнего типа

Лицо	решти (рек-)	вести (вед-)	бости (бод-)
Единственное число			
1	рѣхъ	вѣсъ	басъ
2	рече	веде	боде
3	рече	веде	боде
Множественное число			
1	рѣхомъ	вѣсомъ	басомъ
2	рѣсте	вѣсте	басте
3	рѣшѧ	вѣсѧ	басѧ
Двойственное число			
1	рѣховѣ	вѣсовѣ	басовѣ
2	рѣста	вѣста	баста
3	рѣсте	вѣсте	басте

Таблица 49

Спряжение тематических глаголов в сигматическом аористе нового типа

Лицо	1-й класс			2-й класс	3-й класс
	пасти (пад-)	**решти (рек-)**	**мошти (мог-)**	**двигнѫти (двиг-)**	**обрѣсти (обрѣт-)**
Единственное число					
1	**падохъ**	**рекохъ**	**могохъ**	**двигохъ**	**обрѣтохъ**
2	**падє**	**речє**	**можє**	**движє**	**обрѣтє**
3	**падє**	**речє**	**можє**	**движє**	**обрѣтє**
Множественное число					
1	**падохомъ**	**рекохомъ**	**могохомъ**	**двигохомъ**	**обрѣтохомъ**
2	**падостє**	**рекостє**	**могостє**	**двигостє**	**обрѣтостє**
3	**падошѧ**	**рекошѧ**	**могошѧ**	**двигошѧ**	**обрѣтошѧ**
Двойственное число					
1	**падоховѣ**	**рекоховѣ**	**могоховѣ**	**двигоховѣ**	**обрѣтоховѣ**
2	**падоста**	**рекоста**	**могоста**	**двигоста**	**обрѣтоста**
3	**падостє**	**рекостє**	**могостє**	**двигостє**	**обрѣтостє**

Во 2 и 3 ед. в сигматическом архаическом (и в новообразованном) аористе встречаются только простые несуффиксальные формы.

Сигматический аорист нового типа мог образовываться от любых основ инфинитива на согласные. Он считается более поздним образованием, чем архаический аорист. Общепринятым является мнение, объясняющее появление этого типа аориста влиянием сигматического аориста от основ на гласные звуки[1].

Формы сигматического аориста нового типа образовывались от основ на согласные путем присоединения к ним посредством тематического гласного **о** суффикса сигматического аориста **-с-** (отразив чередование **с** ‖ **х** ‖ **ш**) и личных окончаний:

[1] См.: *Иванова Т. А.* Старославянский язык. СПб., 2005. С. 183; *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1974. С. 275. Высказываются предположения, что данный тип аориста мог явиться результатом контаминации простого и древнего сигматического аориста. См.: *Ремнева М. Л.* Старославянский язык. М., 2004. С. 261. Есть и иная точка зрения, рассматривающая разные формы аориста от основ на согласные как параллельные образования. См.: *Откупщиков Ю. В.* О старославянском сигматическом аористе // Учен. зап. Ин-та славяноведения. 1963. Т. 27.

пад- > **падохъ** (1 ед.);
вед- > **ведохъ** (1 ед.);
рек- > **рекохъ** (1 ед.), как **хвалихъ**, **знахъ** и т. д.

Не случайно спряжение этих форм оказалось аналогичным спряжению форм сигматического аориста от глаголов с основой инфинитива на гласные звуки.

У глаголов с основой инфинитива на суффикс **-нѫ-** этот суффикс отбрасывался, и форма аориста образовывалась от корня слова: **двиг-нѫ-ти** (**двиг-**) — **двигохъ** (1 ед.). Позднее от этих глаголов стали также употребляться формы аориста, сохранившие основу инфинитива: **двигнѫхъ** (1 ед.).

Формы сигматического аориста нового типа отсутствуют в таких древнейших памятниках старославянской письменности, как Клоц., Мар., Син., но встречаются иногда в Асс. и довольно часто — в Зогр. Кириллические памятники Сав. и Супр. знают только формы типа **падохъ**, **обрѣтохъ**, **рѣкохъ**, почти вытеснившие старые формы сигматического аориста типа **рѣхъ**.

Имперфект

Если *аорист* был временной точкой отсчета для любого действия в прошлом и устанавливал границу совершавшихся действий в прошлом, то *имперфект* (от лат. imperfectum — ‘несовершенное’), выполняя уточняющую временнýю функцию, обозначал фоновое, побочное, сопутствующее действие — одновременное, предшествовавшее или следующее по отношению к действию, обозначенному аористом: **і исцѣли** (аор.) **отрока • и въдастъ** (аор.) **і оц҃ю его • дивлѣхѫ** (имп.) **же сѧ вьси о величии б҃жии** (Лк. 9: 42 Мар.) ‘и [Иисус] исцелил мальчика и отдал его отцу его; и удивлялись все величию божию’[1]. При этом имперфект мог передавать действие или состояние, длившееся или повторявшееся, имевшее место в прошлом на фоне событий, обозначенных формами аориста:

и събра вьсѧ архиерея и кънижьникы людьскыя и въпрашаше ѩ (Мф. 2.2 Сав.) ‘и собрал всех архиереев и книжников людских, и расспрашивал их’ (**събра** 3 ед. — аорист; **въпрашаше** 3 ед. — имперфект, выражающий последствие или цель действия, выраженного аористом);

[1] Исследователи отмечают, что, поскольку в евангельских текстах главной фигурой является Иисус Христос, «чаще всего действия Христа, привлекающего основное внимание евангелистов, обозначаются формами аориста, а действия остальных лиц, как второстепенных, но связанных с ним, — формами имперфекта» (*Бунина И. К.* Система времен старославянского глагола. М., 1959. С. 116).

сърѣте и мѫжъ единъ отъ града ïже имѣ бѣсы отъ лѣтъ мъногъ • ï вь ризѫ не облачрааше сѧ ï вь храмѣ не живѣаше • нъ въ гробѣхъ (Лк. 8: 27 Мар.) ‘встретил его [Иисуса] один человек из города, который много лет был одержим бесами, и не носил одежду, и жил не в доме, а в пещерах’ (**сърѣте** 3 ед. и **имѣ** 3 ед. — аористы, обозначающие действия и состояния первого плана повествования; **не облачааше сѧ** 3 ед. и **не живѣаше** 3 ед. — имперфекты, которые раскрывают содержание обозначенной с помощью аориста характеристики персонажа, который **имѣ бѣсы**). В данном случае формами имперфекта передано длительное и повторяющееся действие, что подчеркивается сочетанием **отъ лѣтъ мъногъ** ‘в течение многих лет’, которое, впрочем, относится скорее к аористу, обозначавщему главное действие;

въ тѣхъ лежааше мъножьство болѧштиихъ • слѣпъ хромъ • соухъ • чаѭштиихъ движениѣ • водѣ • аг҃лъ бо гн҃ь на вьсѣ лѣта съхождааше въ кѫпѣль • ï възмѫштааше водѫ • ï иже пръвѣе вълажааше по възмѫштении воды съдравъ бывааше (Ин. 5: 3—4 Мар.) ‘в них лежало множество больных: слепых, хромых, параличных, ожидающих движения воды, ибо ангел господень время от времени сходил в купальню и возмущал воду, и кто первый входил [в воду] по возмущении воды, тот становился здоровым’. Здесь, описывая ситуацию, в которой произойдут следующие события, цепочка форм имперфекта, прерывающая повествование, передает повторяющиеся действия в прошлом.

Таким образом, имперфект, обозначая действие длительное или повторяющееся, часто употреблялся при описании, когда важно было специально подчеркнуть длительность или повторяемость действия, и в этом смысле являлся маркированной формой. Аорист же при повествовании был нейтрален, передавая любое действие в прошлом, независимо от характера его протекания (см. § 72).

Кроме того, в старославянских текстах отмечается употребление имперфекта для обозначения нового события по отношению к действию, обозначенному предшествующим аористом, другими словами, «для обозначения действий, составляющих одно из последующих звеньев в цепи событий данного периода прошлого»[1]. Ср.: **вьзиде** (аор.) **же на горѫ ис • и тоу сѣдѣаше** (имп.) **съ оученикъı своими** (Ин. 6: 3 Мар.) ‘взошел на гору Иисус и там сел с учениками своими’. В таких контекстах имперфект мог приобретать оттенок начала действия, являющегося как бы следствием предыдущего: ср. **і бъıстъ** (аор.) **боурѣ вѣтръна велиѣ • влънъı же въливаахѫ** (имп.) **сѧ въ ладиѭ • ѣко юже погрѧзнѫти хотѣаше** (имп.) (Мк. 4:

[1] *Бунина И. К.* Система времен старославянского глагола. М., 1959. С. 107.

37 Зогр.) ‘и поднялась сильная буря, и волны стали вливаться в лодку, так что она чуть не начала тонуть’.

Формы имперфекта являются праславянским новообразованием. Происхождение славянского имперфекта во многом остается неясным, хотя очевидно влияние форм сигматического аориста на образование имперфекта. В праславянском языке имперфект образовывался от основы инфинитива с помощью специального суффикса имперфекта *-(ē)āx-, к которому присоединялись тематический гласный и вторичные личные окончания. Выбор суффикса *-ēāx- или *-āx- зависел от типа основы инфинитива. Старославянские формы имперфекта отражают фонетические изменения позднего праславянского периода.

Образование имперфекта

Формы имперфекта в старославянских текстах легко узнать по суффиксам **-ѣах(ш)-**/**-ꙗах(ш)-** и **-ах(ш)-**, однако образование имперфекта трудно описать, так как не всегда ясно, от какой основы — инфинитива или настоящего времени — он образовывался и какие суффиксы принимали участие в его образовании. В праславянском языке имперфект образовывался от основы инфинитива, однако в результате ряда фонетических изменений возникли сложности в определении основы. Старославянские памятники отражают тенденцию к сближению славянского имперфекта с основой настоящего времени. Можно исходить из того, что имперфект образовывался от древней (праславянской) основы инфинитива или настоящего времени при помощи перечисленных суффиксов, за которыми следовали окончания корневого аориста (т. е. вторичные окончания).

Если основа инфинитива оканчивалась на гласные -a- и -ě-, то глаголы 1, 3 и 4 кл. образовывали имперфект от основы инфинитива при помощи суффикса **-ах(ш)-**: **бьраахъ**, **бьрааше**... (1 кл.), **знаахъ**, **знааше**... (3 кл.), **видѣахъ**, **видѣаше**... (4 кл.). Однако в старославянских памятниках для некоторых глаголов этой группы имеются и формы имперфекта от основы настоящего времени: **зовѣахъ** вместо **зъваахъ**, **женꙗахъ** вместо **гънаахъ**, **берꙗахъ** вместо **бьраахъ**, **вѣроуꙗахъ** вместо **вѣроваахъ** и т. п.

Глаголы 1-го и 2-го классов, а также те глаголы 3-го класса, которые имели основу инфинитива на корневые гласные -i- (**пити**), -y- (**крыти**), -u- (**чюти** ‘замечать, чувствовать’) или на рефлекс метатезы плавных (**млѣти** ‘молоть’, **мелѭ** < *melti, *meljon), образовывали имперфект от основы настоящего времени при помощи суффикса **-ѣах-** (или **-ꙗах-** после рефлексов 1-й палатализации

и *j): **несѣахъ, несѣаше**...; **съхнѣахъ, съхнѣаше**...; **течаахъ, течааше**..., **пиꙗхъ, пиꙗаше**..., **мелꙗахъ, мелꙗаше**... и т. п. К этому же суффиксу примыкали глаголы 4-го класса, образовывавшие имперфект от основы инфинитива (которую, впрочем, можно в принципе интерпретировать как основу настоящего времени как она представлена в форме 1 ед.) на гласный -i- (но не на гласный -ě-). Этот гласный -i-, который в позиции перед гласным давал *j, в процессе праславянских фонетических изменений воздействовал как на предшествующий согласный глагольной основы (изменения сочетаний согласных с *j), так и на гласный суффикса (изменение *ē > *ā после палатальных согласных, возникших из сочетаний с *j): **носити — ношаахъ, ношааше**...; **хвалити — хвалꙗахъ, хвалꙗаше**... и т. п.

Итак, если основа инфинитива:

1) на -**а**- или некорневой -**ѣ**- → суффикс имперфекта -**ах(ш)**- присоединяется к основе инфинитива: **дати** → **даахъ, дааше**..., **сѣдѣти** ‘сидеть’ → **сѣдѣахъ, сѣдѣаше**..., **прихаждати** ‘приходить’ → **прихаждаахъ, прихаждааше**..., **движати сѧ** ‘двигаться’ → **движаахъ сѧ, движааше сѧ**...;

2) **не** на -**а**- или некорневой -**ѣ**- → суффикс имперфекта -**ѣах(ш)**-/ -**ꙗах(ш)**-/-**аах(ш)**- присоединяется к основе настоящего времени: **двигнѫ-ти** → **двигн-ѫ** → **двигн-ѣахъ, двигнѣаше**..., **жи-ти** → **жив-ѫ** → **жив-ѣахъ, жив-ѣаше**..., **дѫ-ти** ‘дуть’ → **дъм-ѫ** → **дъм-ѣахъ, дъмѣаше**..., **пѣ-ти** ‘петь’ → **поѭ** [poj-ǫ] → **поꙗахъ, поꙗаше**..., **приходити** ‘приходить, подходить’ → **прихождѭ** [prixošd͡ʼ-ǫ] → **прихождаахъ, прихождааше**...

Тематических гласных, которые использовались при образовании имперфекта, было два: *o — для 1 ед., 1 мн., 1 дв. и 3 мн.; *e — для 2 ед., 2 мн., 2 дв. и 3 ед. и 3 дв. В формах с тематическим гласным *e в суффиксе имперфекта происходило чередование согласных, вызванное 1-й палатализацией: **вед-ѣаш-е** (2, 3 ед.), **вед-ѣаш-е-те** (2 мн.), **вед-ѣаш-е-та** (2 дв.), **вед-ѣаш-е-те** (3 дв.). В старославянском языке тематические гласные вошли в состав окончания имперфекта в результате переразложения.

«Вторичные» окончания, которые использовались при образовании имперфекта, — *-m (1 ед.), *-s (2 ед.), *-t (3 ед.), *-nt (3 мн.) — не могли сохраниться в силу действия закона открытого слога, поэтому в формах имперфекта произошел ряд преобразований, аналогичный тому, что имел место в простом аористе (см. выше): в 1 ед. *-om > *-on > ъ: *vedēāxom > veděaxъ (**ведѣахъ**); во 2 ед.: *vedēāxes > *vedēāše > veděaše (**ведѣаше**); в 3 ед.: *vedēāxet > *vedēāše > veděaše (**ведѣаше**), т. е. формы совпали; в 3 мн.: *-ont > ǫ (в результате монофтонгизации и утраты конечного согласного): *vedēāxont > veděaxǫ (**ведѣахѫ**).

Таблица 50

Спряжение тематических глаголов в имперфекте

Лицо	1-й класс		2-й класс	3-й класс		4-й класс	
	вести	**мошти**	**двигнѫти**	**плакати**	**глаголати**	**любити**	**просити**
				Единственное число			
1	**ведѣахъ**	**можаахъ**	**двигнѣахъ**	**плакаахъ**	**глаголаахъ**	**люблꙗахъ**	**прошаахъ**
2	**ведѣашє**	**можаашє**	**двигнѣашє**	**плакаашє**	**глаголаашє**	**люблꙗашє**	**прошаашє**
3	**ведѣашє**	**можаашє**	**двигнѣашє**	**плакаашє**	**глаголаашє**	**люблꙗашє**	**прошаашє**
				Множественное число			
1	**ведѣахомъ**	**можаахомъ**	**двигнѣахомъ**	**плакаахомъ**	**глаголаахомъ**	**люблꙗахомъ**	**прошаахомъ**
2	**ведѣашетє**	**можаашетє**	**двигнѣашетє**	**плакаашетє**	**глаголаашетє**	**люблꙗашетє**	**прошаашетє**
3	**ведѣахѫ**	**можаахѫ**	**двигнѣахѫ**	**плакаахѫ**	**глаголаахѫ**	**люблꙗахѫ**	**прошаахѫ**
				Двойственное число			
1	**ведѣаховѣ**	**можааховѣ**	**двигнѣаховѣ**	**плакааховѣ**	**глаголааховѣ**	**люблꙗаховѣ**	**прошааховѣ**
2	**ведѣашета**	**можаашета**	**двигнѣашета**	**плакаашета**	**глаголаашета**	**люблꙗашета**	**прошаашета**
3	**ведѣашетє**	**можаашетє**	**двигнѣашетє**	**плакаашетє**	**глаголаашетє**	**люблꙗашетє**	**прошаашетє**

Глагол **бꙑти** в имперфекте имел особое образование от специальной основы имперфекта **бѣ-** при помощи суффикса **-ах-** и личных окончаний (**бѣахъ** 1 ед., **бѣаше** 2, 3 ед. ...). В старославянском языке от этой основы имперфекта образовывались и формы аориста глагола **бꙑти**, который, таким образом, имел две парадигмы аориста: от основы инфинитива **бꙑ-** (**бꙑхъ** 1 ед., **бꙑ(стъ)** 2, 3 ед. ...) и от основы имперфекта **бѣ-** (**бѣхъ** 1 ед., **бѣ** 2, 3 ед....).

Аорист от основы инфинитива **бꙑ-** имел значение ‘стал, возник, произошел’, аорист от основы имперфекта **бѣ-** имел значение ‘был, имел место (быть)’, а имперфект имел значение ‘был, находился’:

се трѫсъ вели бꙑстъ въ мори (Мф. 8: 24 Зогр.) ‘и вот буря сильная была [= сделалась] на море’;

і печаленъ бꙑⷭ҇ цс҃рь (Мф. 14: 9 Мар.) ‘и печален был [= сделался] (= опечалился) царь’;

въ істинѫ ч҃къ сь правьдьнъ бѣ (Лк. 23: 47 Зогр.) ‘истинно человек этот был праведник’;

не бѣшѧ бо далече отъ землѧ ‘ибо они были [= находились] не далеко от земли’ (Ин. 21: 8).

Памятники старославянской письменности отражают следующие изменения в формах имперфекта:

1) сближение основ имперфекта с основами настоящего времени, что проявилось в образовании форм имперфекта от основ настоящего времени: **зовѣаше** (Супр.) наряду с **зъваахъ**; **бесѣдоуꙗше** (Супр.) наряду с **бесѣдоваагше** и др.;

Таблица 51

Спряжение глагола бꙑти в аористе и имперфекте

Лицо	Аорист от основы инфинитива **бꙑ-**	Аорист от основы имперфекта **бѣ-**	Имперфект от основы **бѣ-**
Единственное число			
1	**бꙑхъ**	**бѣхъ**	**бѣахъ**
2	**бꙑ(стъ)**	**бѣ**	**бѣаше**
3	**бꙑ(стъ)**	**бѣ**	**бѣаше**
Множественное число			
1	**бꙑхомъ**	**бѣхомъ**	**бѣахомъ**
2	**бꙑсте**	**бѣсте**	**бѣашете**
3	**бꙑшѧ**	**бѣшѧ**	**бѣахѫ**
Двойственное число			
1	**бꙑховѣ**	**бѣховѣ**	**бѣаховѣ**
2	**бꙑста**	**бѣста**	**бѣашета**
3	**бꙑсте**	**бѣсте**	**бѣашете**

2) распространение аористных окончаний на формы имперфекта во 2 мн., 2 и 3 дв.: **несѣасте** вместо **несѣашете**, **несѣаста** вместо **несѣашета**;

3) ассимиляцию и стяжение гласных в суффиксе имперфекта: **ведѣахъ** > **ведѣхъ**, **можаахъ** > **можахъ** и др.

Сложные прошедшие времена: перфект и плюсквамперфект

Сложные (описательные) прошедшие времена — перфект и плюсквамперфект — образуются при помощи действительного причастия на -**л**-, изменявшегося по родам и числам, и форм вспомогательного глагола **быти**. При образовании перфекта использовалась соответствующая форма настоящего времени, а при образовании плюсквамперфекта — форма имперфекта ($ПП_{И}$) или аориста ($ПП_{А}$) от основы имперфекта.

Причастие прошедшего времени на -**л**-, входившее в состав сложных прошедших времен, а также будущего второго и сослагательного наклонения образовывалось от основы инфинитива при помощи суффикса -l- (см. § 79).

Перфект

Перфект (от лат. perfectum ‘совершенное’) — сложная (аналитическая) форма прошедшего времени. Обычно перфектом называют такое грамматическое время, посредством которого обозначают действие, имевшее место в прошлом, результат которого актуален в настоящем:

и се възъписте гл҃ща • чьто естъ нама и тебѣ сн҃е бж҃іи • прішелъ еси сѣмо прѣжде врѣмене мѫчитъ насъ (Мф. 8: 29 Асс.) ‘И вскричали (они), говоря: «Что Тебе до нас, Сын Божий? Зачем Ты пришел сюда раньше срока мучить нас?»’ (перфект 2 ед. **пришелъ еси** — т. е. в данный момент пришедший находится здесь).

Таким образом, перфект устанавливал связь между прошлым и настоящим, что отражалось в его форме.

Перфект образовывался при помощи вспомогательного глагола **быти**, спрягавшегося в настоящем времени, и перфектного причастия с суффиксом -**л**- основного глагола. Причастие изменялось по родам и числам. Значения лица и числа выражали формы вспомогательного глагола (см. табл. 52).

В старославянском языке вспомогательный глагол мог находиться как после причастной формы, так и перед ней, однако чаще вспомогательный глагол ставился после причастия на -**л**-: **далъ еси веселие въ ср҃ци моемь** (Пс. 4.8 Син.); **далъ емоу есі • длъготѫ дъны вь вѣкъ** (Пс. 20.5 Син.) ‘Ты дал ему жизнь вечную’; **вьселенѭѭ вьсѭ съпаслъ естъ** (Клоц. 3б, 40) ‘Он спас весь мир’.

Таблица 52

Спряжение глаголов в перфекте и плюсквамперфекте

Лицо	Перфект	Плюсквамперфект	
		с вспомогательным глаголом в имперфекте	с вспомогательным глаголом в аористе
Единственное число			
1	ѥсмь велъ, -а, -о	бѣахъ велъ, -а, -о	бѣхъ велъ, -а, -о
2	ѥси велъ, -а, -о	бѣаше велъ, -а, -о	бѣ велъ, -а, -о
3	ѥстъ велъ, -а, -о	бѣаше велъ, -а, -о	бѣ велъ, -а, -о
Множественное число			
1	ѥсмъ вели, -ы, -а	бѣахомъ вели, -ы, -а	бѣхомъ вели, -ы, -а
2	ѥсте вели, -ы, -а	бѣашете вели, -ы, -а	бѣсте вели, -ы, -а
3	сѫтъ вели, -ы, -а	бѣахѫ вели, -ы, -а	бѣшѧ вели, -ы, -а
Двойственное число			
1	ѥсвѣ вела, -ѣ, -ѣ	бѣаховѣ вела, -ѣ, -ѣ	бѣховѣ вела,-ѣ,-ѣ
2	ѥста вела, -ѣ, -ѣ	бѣашета вела, -ѣ, -ѣ	бѣста вела, -ѣ, -ѣ
3	ѥсте вела, -ѣ, -ѣ	бѣашете вела, -ѣ, -ѣ	бѣсте вела, -ѣ, -ѣ

Подвижность вспомогательного глагола была связана с тем, что, функционируя как служебное слово, в конце праславянского периода он стал энклитикой и подчинялся строгим правилам поведения энклитик. Эти правила восходят к индоевропейскому периоду и заключаются в том, что энклитика, примыкая к предшествующему ударному слову, занимала место непосредственно после первого самостоятельного слова элементарного предложения (или после другой энклитики или даже нескольких энклитик, примыкающих к первому самостоятельному слову), поэтому он мог стоять и перед причастием на **-л-**, если первым словом было не причастие: **г҃и кто ти ѥстъ раздърал котыгѫ** ‘Господин, кто тебе разорвал нижнюю одежду?’ (Супр. 187.11—12) (первым самостоятельным словом является местоимение **кто**, за ним следует другая энклитика — местоимение Д. ед. **ти**, тогда как обращение трактуется как отдельная предикативная единица и в расчет не принимается).

Если требовалось подчеркнуть отрицание действия или состояния, то перед причастной формой употреблялась отрицательная

частица **не**: ...**і мьнѣ николи же не далъ єси козьлѧте**... (Лк. 15: 29 Зогр.) ‘...а (ты) мне ни разу не дал (даже) козленка...’. Усилению общеотрицательного смысла высказывания служит отрицательное наречие **николи** ‘никогда’.

Если отрицательный смысл придавался всему высказыванию, то отрицательная частица **не** употреблялась перед вспомогательным глаголом **ѥстъ**. При этом вместо ожидаемого **не ѥстъ** в старославянском выступала форма **нѣсть**, видимо возникшая в праславянском еще до появления протетического *j, т. е. *ne esti > *nēsti > *něstь > **нѣстъ**:

бѫдетъ бо тъгда скръбь велика. ѣка нѣстъ была. ѡтъ начѧла всего міра доселѣ. ни иматъ быти (Мф. 24: 21 Асс.) ‘Ибо будет тогда великая печаль, какой не было с сотворения мира доныне и не будет (после)’.

Перфект встречается, как правило, не в авторском повествовании, а в прямой речи, что обусловлено его семантикой.

В старославянских памятниках, в частности в Супр., отмечаются формы перфекта без вспомогательного глагола. Известны случаи опущения вспомогательного глагола в 1 ед. в Синайском требнике: **испътaлъ ли єси манастъıрь оⷮвѣⷮ: испътaлъ. въпроⷭ : єстъ ли ти годѣ̑ игоуменъ и братриѣ вʼсѣ оⷮвѣⷮ: годѣ** (Евх. 92а 17—18) ‘[Вопрос:] — Разузнал ли ты о монастыре? — Ответ: — Разузнал. Вопрос: — Нравится ли тебе игумен и вся братия? — Ответ: — Нравится’. Подобные примеры квалифицируются как эллипсис, характерный для разговорной речи[1].

Первоначально перфект представлял некое прошедшее действие прежде всего как *признак* (свойство) субъекта, причем как признак, сохраняющий актуальность к *настоящему* времени, что находило отражение в форме: связка, превратившаяся в вспомогательный глагол, + причастие на **-л-**. В старославянском языке первоначальное значение перфекта претерпело изменение: начался процесс «оглаголивания» причастия на **-л-**, т. е. переход его в *verba finita*. Ко времени появления древнейших славянских памятников причастия на **-л-** стали выражать активную прошедшую деятельность субъекта, но такую деятельность, которая была *актуальна* для субъекта в момент речи. Таким образом, перфект указывает на связь прошедшего действия с ситуацией настоящего момента времени (это как бы «преднастоящее» время), что объясняет преимущественное употребление перфекта в прямой речи: **въшедъ гл҃а имъ • чьто млъвите и плачете сѧ • отроковица нѣстъ оумръла нъ съпитъ** (Мк. 5: 39 Мар.) ‘и войдя [в дом], говорит им: «что шумите и плачете? девица не умерла, но спит»’; (**ѣко**) **гл҃ы ѩже далъ єси**

[1] См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. С. 173—174.

мьнѣ дахъ имъ і ти приѧсѧ (Ин. 17: 8 Мар.) ‘[молитва Иисуса за оставляемых учеников:] и слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли’.

Плюсквамперфект

Плюсквамперфект (от лат. plusquamperfectum ‘более чем совершенное’) — сложная (аналитическая) форма прошедшего времени (так называемое предпрошедшее или давнопрошедшее). Плюсквамперфект обозначал действие или состояние в прошлом, предшествовавшее другому прошедшему действию или состоянию, т. е. характеризовал одно прошедшее действие или состояние относительно другого прошедшего действия или состояния. Это нашло отражение в структуре плюсквамперфекта, который образовывался при помощи вспомогательного глагола **бꙑти**, спрягавшегося в прошедшем времени, и перфектного причастия с суффиксом **-л-** основного глагола. Формы вспомогательного глагола (как и в перфекте) указывали на лицо и число, а причастие изменялось по родам и числам. При этом плюсквамперфект в старославянском языке мог образовываться двумя способами (см. табл. 52):

1) с помощью вспомогательного глагола в форме имперфекта глагола **быти** (**бѣахъ**, **бѣаше**... + **ходилъ**, **-ла**, **-ло**);

2) с помощью вспомогательного глагола в форме аориста глагола **быти**, образованного от основы имперфекта **бѣ-** (**бѣхъ**, **бѣ**... + **ходилъ**, **-ла**, **-ло**).

Возможно, использование вспомогательного глагола в имперфекте (**бѣахъ ходилъ**) или аористе (**бѣхъ ходилъ**) зависело от того, с каким из простых прошедших времен (имперфектом или аористом) соотносился плюсквамперфект:

сѫсѣди же и иже и <u>бѣахѫ видѣли</u> прѣжде ѣко слѣпъ бѣ • г҃лаахѫ... (Ин. 9: 8 Мар.) ‘Соседи же и те, кто видел (= которые видели) раньше, что он был слепым, говорили...’ (имперфект **глаголаахѫ** — ПП$_{\text{И}}$ **бѣахѫ видѣли**);

і видѣ дъва ан҃гла въ бѣлахъ сѣдѧшта • единого оу главꙑ і единого оу ногоу • їде же <u>бѣ лежало</u> тѣло і҃сво (Ин. 20: 12 Зогр.) ‘и увидела [Мария] двух ангелов в белых (одеждах), сидящих, одного у изголовья, а другого — у ног, где [раньше] лежало тело Иисуса’ (аорист **видѣ** — ПП$_{\text{А}}$ **бѣ лежало**).

Функция плюсквамперфекта — обозначение действия, совершившегося или не свершившегося ранее другого прошедшего действия. Обычно плюсквамперфект передает действие, предшествующее другому действию, с актуальными последствиями в после-

дующем временнóм плане, в частности аннулированность действия:

и искахѫ же ѩти и • і никто же не възложи рѫкы на нь • ѣко не оу бѣ пришелъ годъ его (Ин. 7: 30 Мар.) ‘и хотели схватить его, но никто не наложил на него рукѝ, потому что еще не пришло время его’;

іде же и оумꙑ сѧ и приде видѧ • сѫсѣди же и иже и бѣахѫ видѣли прѣжде ѣко слѣпъ бѣ • гл҃аахѫ не сь ли естъ сѣдѧи и просѧ (Ин. 9: 7—8 Мар.) ‘он пошел и умылся и пришел зрячим; соседи же и те, которые прежде видели, что он был слепым, говорили: не тот ли это, кто сидел и просил [милостыню]’;

рече же оц҃ь къ рабомъ своімъ <...> **да веселимъ сѧ • ѣко сн҃ъ моі сь мрътвъ бѣ і оживе • ізгъıблъ бѣ і обрѣте сѧ • і начѧшѧ веселити сѧ** (Лк. 15: 22—24 Зогр.) ‘сказал отец рабам своим: «<...> давайте станем веселиться, ибо сын мой был мертв и ожил, пропал было и нашелся». И начали веселиться’ (аннулированность действия).

Для понимания старославянских текстов существенно, что действия, обозначенные глаголами в перфекте и плюсквамперфекте, выступают как второстепенные по отношению к главным действиям, переданным соответственно формами настоящего и аориста. Ср. в примерах, приведенных выше — **нѣстъ оумръла нъ съпитъ гл҃ꙑ ѩже далъ еси дахъ имъ и ти приѩшѧ**; **ізгъıблъ бѣ и обрѣте сѧ**; **видѣ дъва ан҃ћла їде же бѣ лежало тѣло** — главные действия (настоящее и аорист), на которые направлено внимание говорящего, подчеркнуты двумя чертами, а второстепенные (перфект и плюсквамперфект) — одной.

§ 76. Сослагательное наклонение

Старославянский язык имел аналитические формы сослагательного наклонения (конъюнктива). В памятниках зафиксированы два типа образования сослагательного наклонения. Один из них представлял собой сочетание перфектного причастия на **-л-** и особых личных форм вспомогательного глагола **быти**, употреблявшихся только в составе сослагательного наклонения и образованных от основы **би-**: 1 ед. — **бимь**, 2—3 ед. — **би**, 1 мн. — **бимъ** или **бихомъ**, 2 мн. — **бисте**, 3 мн.— **бѫ** или **бишѧ** (формы дв. ч. в старославянских текстах не зафиксированы). Такие формы отражены главным образом в глаголических (западноболгарских) памятниках. В другом типе образования форм сослагательного наклонения, который представлен прежде всего кириллическими памятниками восточноболгарского происхождения, используется вспомогательный глагол **бъıти** в аористе от основы инфинитива (**бъıхъ**, **бъı**...): ср.

аште не <u>би бꙑлъ</u> сь зълодѣі • не <u>бимъ прѣдали</u> его тебѣ (Ин. 18: 30 Мар.) и аште не <u>бы былъ</u> злодѣи • не <u>быхомъ</u> его <u>прѣдали</u> тебѣ (Сав.) ‘если бы он не был злодеем, мы не предали бы его тебе’.

В некоторых памятниках встречаются оба типа: аште отъ мира <u>би бꙑло</u> цр҇ство мое • слоугꙑ оубо моꙗ <u>подвизалъı сѧ</u> <u>бꙑшѧ</u> • да не <u>прѣданъ бимь</u> іюдеомъ (Ин. 18: 36 Зогр.) ‘[Иисус сказал:] если бы от мира сего было царство мое, то слуги мои вступили бы в борьбу, чтобы (я) не был предан иудеям’. Последний пример представляет форму страдательного залога в сослагательном наклонении: прѣданъ бимь.

Большинство исследователей считает, что бимь-формы восходят к одной из форм индоевропейского желательного наклонения (оптатива), которые в праславянском языке получили значение сослагательного наклонения. Позднее эти формы стали заменяться формами аориста от глагола бꙑти, образованными от основы инфинитива (бꙑхъ, бꙑ и т. д.). Недавно была выдвинута гипотеза, что бꙑхъ-формы не являются инновацией, а представляют собой древний плюсквамперфект типа бꙑхъ ходилъ, который был переосмыслен как сослагательное наклонение и контаминировался с бимь-формами[1].

Таблица 53

Спряжение глаголов в сослагательном наклонении

Лицо	бимь-формы	бꙑхъ-формы	Причастие на -л-
Единственное число			
1	бимь	бꙑхъ	ходилъ, -ла, -ло
2	би	бꙑ	ходилъ, -ла, -ло
3	би	бꙑ	ходилъ, -ла, -ло
Множественное число			
1	бимъ (бихомъ)	бꙑхомъ	ходили, -лъı, -ла
2	бисте	бꙑсте	ходили, -лъı, -ла
3	бѫ (бишѧ)	бꙑшѧ	ходили, -лъı, -ла
Двойственное число			
1	—	бꙑховѣ	ходила, -лѣ, -лѣ
2	—	бꙑста	ходила, -лѣ, -лѣ
3	—	бꙑсте	ходила, -лѣ, -лѣ

[1] *Сичинава Д. В.* К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 292—312.

Формы **бихомъ** 1 мн. и **бишѧ** 3 мн., представленные в табл. 53 как варианты **бимь**-форм, можно рассматривать либо как переходные от **бимь**-форм к **быхъ**-формам, либо как результат взаимодействия двух уже сформировавшихся конкурирующих парадигм сослагательного наклонения. Во всяком случае, старославянские рукописи отражают взаимодействие **бимь**-форм сослагательного наклонения с формами аориста (**быхъ**, **бы** и т. д.). В памятниках представлены не только вспомогательные глаголы **бишѧ** или **быша**, но и аорист от основы имперфекта **бѣхъ**: **аще не <u>бѣхъ пришьлъ</u>... не <u>бышѧ имѣли</u>** (Ин. 15: 22 Сав.), ср. в Зогр.: **аште не <u>бимь пришьлъ</u> і <u>гл҃алъ</u> імъ и грѣха не <u>бѫ імѣли</u>** ‘Если бы я не приходил и не говорил (= не проповедовал) им, то (они) и не имели бы греха (= не несли бы ответственности за свои грехи)’.

Сослагательное наклонение в старославянском языке использовалось прежде всего при обозначении неосуществившегося условия и его возможного, но неосуществившегося следствия, а также для передачи желательного для говорящего действия, поэтому формы сослагательного наклонения, как правило, представлены в сложных предложениях с союзом **аще** ‘если’ и в придаточных цели с союзом **да** ‘чтобы’:

аште бо <u>бисте</u> вѣрѫ <u>імали</u> мосѣови • вѣрѫ <u>бисте ꙗли</u> і мьнѣ (Ин. 5: 46 Зогр.) ‘Ведь если бы (вы) верили Моисею, (то) поверили бы и мне’ (неосуществившееся условие и следствие);

аще <u>не би былъ</u> • сь зълодѣи • <u>не бихомъ прѣдали</u> его тебѣ (Ин. 18: 30 Мар.) ‘Если бы он (= этот человек) не был злодеем, (то) его не предали (= выдали) бы тебе’ (неосуществившееся условие и следствие);

ведошѧ і до връхоу горы... да <u>бѫ</u> і <u>низъринѫли</u> (Лк. 4: 29 Зогр.) ‘(Они) привели его на вершину горы, чтобы сбросить его вниз’;

и се весь градъ изїде противѫ ис҃ви • и видѣвъше молишѧ и да <u>бї прѣшелъ</u> ѡтъ прѣдѣлъ их (Мф. 8: 34 Асс.) ‘И весь город вышел навстречу Иисусу, и, увидев, они умоляли его, чтобы (он) ушел из их пределов’;

молѣаше же сѧ емоу мѫжъ • із него же бѣси изидѫ • да <u>бы</u> съ нимъ <u>былъ</u> (Мк. 5: 18 Сав.) ‘умолял Его человек, из которого вышли бесы, чтобы он оставался с ним’;

еша <u>моглъ быхъ</u> азь васъ оувѣштати крьстиꙗномь быти (Супр. 131.9) ‘О если бы я только мог вас уговорить стать христианами!’ (неосуществившееся желание).

§ 77. Повелительное наклонение

Парадигма повелительного наклонения (императива) в старославянском языке неоднородна. В 2 и 3 ед., а также в 1 и 2 дв. и

мн. представлены формы, восходящие к индоевропейскому оптативу. В 1 ед. и в 3 мн. повелительное наклонение имело следующее образование: частица **да** + соответствующие формы настоящего/будущего: **да идѫ** (1 ед.), **да идѫтъ** (3 мн.) вместо более древних **идѣмь** (1 ед.), **идѫ** (3 мн.).

Что касается форм, восходящих к оптативу, то они образовывались от основы настоящего времени. В формах единственного числа императива глаголы 1 кл. (**иди**), 2 кл. (**ізбѣгни**), 3 кл. (**завѧжи**) и 4 кл. (**ходи**) оканчивались на -**и**, который можно трактовать как суффикс императива -**и**- + нулевая флексия ед. ч. В дв. и мн. к основе настоящего времени прибавлялся суффикс императива -**ѣ**- (в глаголах 1 и 2 кл.) и -**и**- (в глаголах 3 и 4 кл.) + соответствующие флексии дв. (-**вѣ**, -**та**) и мн. (-**мъ**, -**те**).

Поскольку -і- и -ě- в формах праславянского инфинитива восходили к дифтонгам, то в основах на заднеязычный согласный имели место чередования, вызванные 2-й палатализацией: **тлѣшти** ‘стучать’[1] — **тлъкѫ** ‘стучу’ — **тлъци**, **тлъцѣте** ‘стучи, стучите’. Кроме того, в ряде глаголов происходило чередование гласных в глагольной основе: **пешти** ‘печь’ — **пекѫ** ‘пеку’ — **пьци**, **пьцѣте** ‘пеки, пеките’, **жештн** ‘жечь’ — **жегѫ** ‘жгу’— **жьѕи**, **жьѕѣте** ‘жги, жгите’.

Повелительное наклонение не обозначало реального действия или состояния, но выражало волеизъявление (в форме приказания, просьбы, совета, разрешения, побуждения и др.) говорящего относительно осуществления или неосуществления того или иного действия:

не дадите ст҃аго псомъ • ни помѣтаіте бисеръ вашихъ прѣдъ свинн҃ѣми... просите • і дастъ сѧ вамъ • <u>іштѣте</u> • і обрѧштете • <u>тлъцѣте</u> і отвръзетъ сѧ вамъ (Мф. 7: 6—7 Зогр.) ‘Не давайте того, что свято, собакам, не бросайте жемчужин ваших перед свиньями... Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и откроют вам’ (совет);

гл҃а имъ іс҃ъ • <u>наплъните</u> водоносы водъı... и гл҃а имъ • <u>почръпѣте</u> нынѣ и <u>принесѣте</u> архитриклинови (Ин. 2: 7—8 Мар.) ‘сказал им Иисус: «Наполните сосуды водой»... и сказал (он) им: «А теперь зачерпните и несите распорядителю пира»’ (приказ);

<u>дръзаи</u> дьщі вѣра твоѣ сп҃се тѧ (Мф. 9: 22 Асс.) ‘Дерзай, дщерь, вера твоя спасла тебя’ (побуждение к началу действия, пожелание);

<u>да въскръснетъ</u> б҃ъ и <u>разидѫтъ сѧ</u> враѕи его (Син. 67.2) ‘Пусть воскреснет Бог и рассеются (= исчезнут) его враги’;

---

[1] Глагол **тлѣшти** имел и значение ‘толочь, дробить’.

ѩко вѣрова • да бѫдетъ ти (Мф. 8: 13 Сав.) ‘Раз (ты) уверовал, пусть воздастся тебе’.

Итак, в повелительном наклонении старославянского глагола представлено сочетание простых форм со сложными. Неоднородность парадигмы императива связана со спецификой его грамматического значения. Для выражения волеизъявления, относящегося к третьим лицам, в том числе в 3 ед., могла использоваться форма настоящего/ будущего времени с частицей **да** (**да ходитъ**, **да дастъ** и т. п.).

Старославянские формы повелительного наклонения, восходящие к индоевропейскому оптативу, отразили различные фонетические изменения праславянского периода: отпадение конечных согласных, упрощение групп согласных, монофтонгизацию дифтонгов, 2-ю палатализацию заднеязычных согласных, изменение согласных под воздействием йота.

В праславянском языке при образовании форм повелительного наклонения от тематических глаголов 1, 2, 3, 4 кл. к тематическому гласному основы *-o- или *-i- присоединялись суффикс повелительного наклонения *-i- и личные окончания:

2 ед.:
*ved-o-i-s > *vedī$_2$ > **веди**;
*mog-o-i-s > *mogī$_2$ > moʒ́i > **моѕи**;
*dvīg-no-i-s > *dvīgnī$_2$ > **двигни**;
*znā-i-o-i-s > *znājeis > *znājī$_2$ > **знаи**;
*xod-ī-i-s > *xodī > **ходи**;
3 ед.:
*ved-o-i-t > *vedī$_2$ > **веди**;
*mog-o-i-t > mogī$_2$ > moʒ́i > **моѕи**;
*dvīg-no-i-t > *dvīgnī$_2$ > **двигни**;
*znā-i-o-i-t > *znājei > *znājī$_2$ > **знаи**;
*xod-ī-i-t > *xodī$_2$ > **ходи**;
1 мн.:
*ved-o-i-mos > *vedoimos > vedī$_2$mu > **ведѣмъ**;
*mog-o-i-mos > *mogē$_2$mos > moʒ́ē$_2$mu > **моѕѣмъ**;
*dvīg-no-i-mos > *dvīgnē$_2$mos > dvīgnē$_2$mu > **двигнѣмъ**;
*znā-jo-i-mos > *znājeimos > znājī$_2$mu > **знаимъ**;
*xod-ī-i-mos > *xodīmos > xodīmu > **ходимъ**;
2 мн.:
*ved-o-i-te > vedoite > vedē$_2$te > **ведѣте**;
*mog-o-i-te > mogoite > moʒ́ē$_2$te > **моѕѣте**;
*dvīg-no-i-te > dvīgnoite > dvīgnē$_2$te > **двигнѣте**;
*znā-jo-i-te > *znājeite > *znājī$_2$te > **знаите**;
*xod-ī-i-te > *xodīte > **ходите**
и т. д.

Таблица 54

Спряжение тематических глаголов в повелительном наклонении

Лицо	1-й класс	2-й класс	3-й класс	4-й класс
	нєсти	**съхнѫти**	**пьсати**	**носити**
Единственное число				
1	**да нєсѫ**	**да съхнѫ**	**да пишѫ**	**да ношѫ**
2	**нєси**	**съхни**	**пиши**	**носи**
3	**нєси**	**съхни**	**пиши**	**носи**
Множественное число				
1	**нєсѣмъ**	**съхнѣмъ**	**пишимъ**	**носимъ**
2	**нєсѣтє**	**съхнѣтє**	**пишитє**	**носитє**
3	**да нєсѫтъ**	**да съхнѫтъ**	**да пишѫтъ**	**да носѧтъ**
Двойственное число				
1	**нєсѣвѣ**	**съхнѣвѣ**	**пишивѣ**	**носивѣ**
2	**нєсѣта**	**съхнѣта**	**пишита**	**носита**
3	**да нєсѣтє**	**да съхнѣтє**	**да пишитє**	**да носитє**

В старославянском языке при образовании форм повелительного наклонения от глаголов 1 и 2 кл. в ед. использовался суффикс -**и**- (<*oi), а во мн. и дв. — -**ѣ**- (<*oi). При этом в корнях некоторых глаголов 1 кл. при образовании повелительного наклонения происходило количественное чередование гласных **є** ‖ **ь**: *rikois > **рьци** (2 ед.), *rikoite > **рьцѣтє** (2 мн.) (от **рєшти/рєкѫ**); *tikois > **тьци** (2 ед.); *tikoite > **тьцѣтє** (2 мн.) (от **тєшти/тєкѫ**).

При образовании форм повелительного наклонения от глаголов 3 и 4 кл. в ед., мн. и дв. использовался суффикс -**и**-, но у глаголов 3 кл. -**и**- < *ei < *oi, а у глаголов 4 кл. -**и**- < *ī < *īi.

При образовании форм повелительного наклонения от нетематических глаголов 5 кл. в единственном числе использовался суффикс -jь- (<*ji); при этом согласный основы *d переходил в положении перед j в ž͡ď:

*dād-ji-s/t > *dādji > *dadjь > **даждь** (2/3 ед.);

*vēd-ji-s/t > *vēdji > *vědjь > **вѣждь** (2/3 ед.);

*ēd-ji-s/t > *jēdji > *jadjь > **ꙗждь** (2/3 ед.).

По аналогии с нетематическими глаголами у глагола 4 кл. **видѣти/виждѫ**, **видиши**... образовалась форма **виждь** (2, 3 ед.) вместо закономерной формы * **види**.

Таблица 55

Спряжение нетематических глаголов в повелительном наклонении

Лицо	**быти**	**дати**	**вѣдѣти**	**ꙗсти**
Единственное число				
1	**да бѫдѫ**	**да дамь**	**да вѣмь**	**да ꙗмь**
2	**бѫди**	**даждь**	**вѣждь**	**ꙗждь**
3	**бѫди**	**даждь**	**вѣждь**	**ꙗждь**
Множественное число				
1	**бѫдѣмъ**	**дадимъ**	**вѣдимъ**	**ꙗдимъ**
2	**бѫдѣте**	**дадите**	**вѣдите**	**ꙗдите**
3	**да бѫдѫтъ**	**да дадѧтъ**	**да вѣдѧтъ**	**да ꙗдѧтъ**
Двойственное число				
1	**бѫдѣвѣ**	**дадивѣ**	**вѣдивѣ**	**ꙗдивѣ**
2	**бѫдѣта**	**дадита**	**вѣдита**	**ꙗдита**
3	**да бѫдѣте**	**да дадите**	**да вѣдите**	**да ꙗдите**

При образовании форм повелительного наклонения у глаголов 5 кл. во мн. и дв. использовался суффикс **-и-** (кроме глагола **быти**, у которого, как и у глаголов 1, 2 кл., во мн. и дв. был суффикс **-ѣ-**).

У глагола **быти** образование форм повелительного наклонения происходило от основы будущего времени **бѫд-**, причем у этого глагола в памятниках зафиксированы древние формы всех трех лиц и всех трех чисел.

Старославянские памятники отразили взаимодействие форм повелительного наклонения, образованных от глаголов разных классов. Например, имеются формы повелительного наклонения, образованные от глаголов 3 кл., возникшие под влиянием форм глаголов 1 кл.: по аналогии с **иди** (2 ед.) — **идѣте** (2 мн.) появились формы 2 мн. **иштѣте**, **съвѧжѣте**, **плачѣте**, **покажѣте** вместо **иштите**, **съвѧжите**, **плачите**, **покажите**. Поскольку после палатальных согласных гласные /ě/ (**ѣ**) и /а/ (**а**) не различались (в связи с переходом *ē/ě > *ā/а после мягких согласных) в глаголических и кириллических памятниках появились формы **иштате** (Зогр.), **плачате**, **покажате** (Лк. 17: 15 Сав.), **съвѧжате** (Мф. 13: 30 Мар.) и др. В Евх. отмечены формы **дажди** (1а 8),

повѣжди (48а 20) и также **вижди** ед. ч. повелительного наклонения нетематических глаголов, на появление которых могли оказать воздействие формы тематических глаголов, а также формы **дадитє**, **вѣдитє** 2 мн.

§ 78. Именные формы глагола: инфинитив и супин

Как уже отмечалось, в старославянском языке кроме личных (спрягаемых) форм глагола имелись и неличные (именные) формы. Это были формы, образованные от глагольных основ, но совмещавшие глагольные признаки (вида, залога, отчасти времени) с некоторыми морфологическими и синтаксическими признаками имени.

Именные (неспрягаемые) формы глагола делятся на неизменяемые и изменяемые. К неизменяемым относятся *инфинитив* и *супин*, а к изменяемым — *причастия*.

Инфинитив

В старославянском языке суффиксом инфинитива является **-ти**, прибавлявшийся к основе, которая могла совпадать с корнем глагола (**пи-ти**, **нєс-ти**, **мрѣ-ти**), но обычно представляла собой корень, распространенный суффиксами -а- (**зъв-а-ти**), -va- (**съгрѣ-ва-ти**), -ova-/-eva- (**коуп-ова-ти**), -nǫ- (**съх-нѫ-ти**), -ě-/-а- (**сѣд-ѣ-ти**, **лєж-а-ти**), -i- (**ход-и-ти**).

Славянский инфинитив как составная часть глагольной системы не был унаследован из праиндоевропейского языка и является праславянским новообразованием. По происхождению славянский инфинитив — это грамматикализованная застывшая падежная форма Д. ед. отглагольных существительных с основой на *i. В индоевропейском праязыке будущие славянские инфинитивы были формами отглагольных абстрактных существительных, в которых к глагольной основе присоединялись суффикс *-t- и именная тема (окончание) *-ei. В праславянском они и дали суффикс инфинитива *-tei > ст.-сл. **-ти**.

Суффикс инфинитива **-ти** легко выделяется в тех случаях, когда основа оканчивается на корневой или суффиксальный гласный: **зна-ти**, **дѣла-ти**, **ходи-ти**, **видѣ-ти**, а также на корневой согласный: **нєс-ти**, **пас-ти**. Однако в последнем случае в зависимости от качества конечного согласного (в силу действия закона открытого слога и закона слогового сингармонизма) происходили раз-

личные фонетические процессы, которые существенно изменили фонетический облик инфинитива некоторых глаголов.

Если конечным согласным основы был заднеязычный *-g или *-k, то он сливался с начальным согласным *t суффикса инфинитива в мягкий сложный согласный š͡t' (**шт**):

*rek-tei > reš͡t'i > **решти**;

*mog-tei > *mok-tei > moš͡t'i > **мошти**.

Если конечным согласным основы был переднеязычный или губной взрывной, то при образовании инфинитива возникало сочетание согласных, в котором он подвергался диссимиляции или утрачивался (см. § 22):

*met-tei > mesti > **мести**;

*ved-tei > vetti > vesti > **вести**;

*greb-tei > greti > **грети**.

Инфинитив мог употребляться в сочетаниях со спрягаемой формой глагола (или причастием) как уточнение производимого действия, выражая значение дополнения и обстоятельства, сопровождающего действие. При этом субъект действия, выражаемого инфинитивом, и субъект действия, выражаемого спрягаемой формой глагола, могли быть одними и теми же или разными:

приде къ нимъ по морю ходѧ и хотѣ минѫти ѩ (Мк. 6: 48 Зогр., Мар.) '[Иисус] подошел к ним, идя по морю (= по воде), и хотел пройти мимо них'.

не дастъ огню сътѫжити има (Супр. 5.24) 'не дал огню потеснить их'.

Отыменное происхождение инфинитива обусловило основную его функцию — косвенное дополнение при глаголе:

... **не дадѣаше імъ гл҃ати** (Лк. 4: 41 Зогр.) '... [Иисус] не давал им говорить';

и повелѣ народоу • вьзлещи по трѣвѣ (Мф. 14: 19 Сав.) 'И [Господь] повелел людям возлечь на траве';

і абие оубѣди оученикы вълѣсти въ корабь (Мф. 14: 22 Зогр.) 'и тотчас заставил учеников влезть в лодку'.

Кроме того, инфинитив часто употреблялся в сочетании с фазовыми и модальными глаголами:

...**понѥже оубо мнози начѧшѧ • чинити повѣсть • о ізвѣстъныхъ въ насъ вештехъ**... (Лк. 1: 1 Асс.) 'Так как уже многие начали (= взялись) сочинять повествование об известных нам фактах (= обстоятельствах)...';

како можете добро творити зьли сѫште (Мф. 12: 34 Зогр., Мар.) 'Как можете делать добро, будучи плохими (= дурными)?'.

В сочетании с глаголом **быти** инфинитив передавал значение необходимости или возможности:

вамъ <u>**естъ вѣдѣти**</u> **таiны цр҃ствиꙗ нб҃есаго** (Мф. 13: 10 Сав.) ‘Вам следует знать тайны царствия небесного’. О конструкциях с союзами **ꙗко**, **еже**, включавших инфинитив, см. § 89.

Супин

Супин (как и инфинитив) — славянское новообразование. По происхождению супин является застывшей формой В. ед. отглагольных существительных с суффиксом *-t-, склонявшихся по типу основ на *u, соответственно *-tum > *-tun > *-tu > ст.-сл. **-тъ**.

В старославянском языке супин образовывался от глагольной основы инфинитива (на гласный или согласный) с помощью суффикса **-тъ**: **зна-тъ**, **нес-тъ**, **дѣла-тъ**, **ходи-тъ**, **видѣ-тъ**, **жѧ-тъ**, **ѩ-тъ**. Глаголы 1-го класса с основой на заднеязычный (-*g или -*k) образовывали супин под влиянием инфинитива (по аналогии с инфинитивами **мошти**, **решти**, **пешти**, **облѣшти**): **мошть**, **решть**, **пешть**, **облѣшть** и т. д. вместо закономерных фонетически ***моктъ**, ***ректъ**, ***пектъ**, ***облѣктъ**.

Супин был близок по значению инфинитиву. Формой супина передавалось действие, которое было целью движения, причем супин выступал в функции «дополнения» при глаголе, обозначающем движение к цели. Синтаксически супин отличался от других глагольных форм, в частности от инфинитива, тем, что, сохранив связь с именем (именное управление), управлял Р., а не В. падежом: <u>**чесо**</u> **видѣтъ iзидете въ поустынѭ** (Мф. 11: 7 Зогр.) ‘что смотреть ходили вы в пустыню?’ (**iзидете** — аорист 2 мн.); **iдѫ** <u>**рыбъ**</u> **ловитъ** (Ин. 21: 3 Зогр.) ‘(я) иду ловить рыбу’. Ср., впрочем, одновременно и Р., и В. в функции однородных дополнений при супине: **не прiдъ** <u>**праведъникъ**</u> **прiзьватъ • нъ** <u>**грѣшьникы**</u> **на покаание** (Мф. 9: 13 Асс.) ‘я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию’.

Приведем примеры употребления супина в старославянских памятниках:

сѫпрѫгъ воловънꙑихъ коупихъ пѧть и <u>**грѧдѫ искоуситъ**</u> **ихъ** (Лк. 14: 19 Мар.) ‘(я) купил пять парных воловьих упряжек и иду испытать их’;

...замазавꙑ слинами i брениемь слѣпоумоу рождьшю сѧ i <u>**посълавъ**</u> **и** <u>**оумꙑтъ сѧ**</u> (Евх. 33а 4) ‘...(он) помазал слюной и грязью [глаза] слепорожденному и послал его умыться’;

изидѫ же народи из града <u>**видѣтъ**</u> **бывъшаго** (Р. п.) (Лк. 8:35 Сав.) ‘Люди же вышли из города, чтобы увидеть случившееся’;

и їже на селѣ • такожде • да не възвратітъ сѧ въспѧть • <u>възѧтъ</u> ризъ своихъ (Мф. 24: 18 Асс.) ‘И тот, кто в поле, также пусть не возвращается назад, чтобы взять свои одежды’;

и отъпоущь народъ вьзиде на горѫ единъ <u>помолитъ сѧ</u> (Мф. 14: 23 Сав.) ‘И, отпустив народ, он взошел на гору (= чтобы) помолиться наедине’.

Поскольку, как уже отмечалось, супин и инфинитив были близки по выражаемому значению и синтаксической функции, в старославянском языке формы супина заменялись формами инфинитива. При этом замена супина инфинитивом сопровождалась и заменой родительного падежа винительным:

идѫ <u>оуготоватъ</u> мѣста (Ин. 14: 2 Сав.) ‘(Я) иду приготовить место (вам)’ (**мѣста** — Р. ед.), но **идѫ оуготовати мѣсто** (Зогр., Мар., Асс.) (**мѣсто** — В. ед.);

...**посъланъ бѣстъ гаврилъ <u>възвѣститъ</u> вьсемоу мироу съпасениꙗ** (Супр. 247) ‘...послан был Гавриил, чтобы возвестить о спасении всему миру’ (**съпасениꙗ** — Р. ед.); но ...**посъланъ бꙑстъ гаврилъ съказати сѫштааго на прѣстолѣ • и въ врьтьпѣ** (Супр. 210) ‘...послан был Гавриил сообщить (= сделать известным) о пребывающем на престоле и в саду (= в раю; о Всевышнем)’ (**сѫштааго** — В. = Р. ед.);

...**посълана бꙑста <u>мѫчитъ</u> рекомꙑѩ рабꙑ** (В. мн.)... **съвѧзати же вьсѧ приобьштаваѭштѧ** (В. мн.) **сѧ къ ни͡мъ** (Супр. 210.17—18) ‘... были посланы (чтобы) мучить обвиняемых рабов и связать (= заключить в оковы) всех общавшихся с ними’.

Формы супина сохранились только в двух славянских языках — словенском и нижнелужицком.

§ 79. Именные формы глагола: причастие

Причастия в старославянском языке входят в систему глагола, но совмещают глагольные и именные признаки. Обозначая признак предмета, причастие, как и прилагательное, характеризовалось согласовательными категориями рода и падежа и, конечно, числа. Кроме того, с именами прилагательными причастия связывало наличие краткой и полной форм. Глагольными характеристиками причастия являлись категории времени и залога, а также способность управлять винительным падежом прямого дополнения.

Однако категория времени в причастии не совпадает с соответствующей категорией в спрягаемых формах, так как в причастиях

категория времени не предикативна, т. е. не связана с наклонением и лицом. Причастия обозначают относительное время: причастия настоящего времени передают действие, одновременное действию, выраженному спрягаемым глаголом, а причастия прошедшего времени — предшествующее ему.

Исторически старославянские причастия восходят к индоевропейским отглагольным прилагательным, которые первоначально не входили в систему глагола. Категория залога у причастий формируется на поздних этапах развития праславянского языка.

Образование причастий не зависело от вида глагола в такой степени, как это имеет место, например, в современном русском языке, где причастия прошедшего времени образуются в основном от глаголов СВ, а причастия настоящего времени — от глаголов НСВ. Это связано с тем, что процесс формирования видовых пар в праславянском и старославянском языках еще не завершился.

Как и прилагательные, причастия имели в старославянском языке краткую и полную формы. Полные причастия, если они не были субстантивированы, всегда выступали в функции определения. Краткие действительные причастия выступали в функции «второстепенного сказуемого» (термин А. А. Потебни), обозначая сопутствующее или предшествующее главному сказуемому действие. Краткие страдательные причастия могли использоваться в функции сказуемого. Кроме того, в старославянском были действительные причастия прошедшего времени на **-л-**, входившие в состав аналитических временны́х форм.

Исторически действительные и страдательные причастия настоящего времени образовывались от основы настоящего времени, а прошедшего — от основы инфинитива.

Причастия действительного залога настоящего времени

Причастия действительного залога настоящего времени образовывались в старославянском языке от основы настоящего времени, представленной в форме 3 мн., к которой присоединялись суффикс и падежное окончание. Для удобства описания здесь приводятся формы причастий женского рода, так как в них, в отличие от форм И. ед. мужского и среднего рода, суффиксы и окончания представлены более наглядно.

Действительные причастия настоящего времени образовывались при помощи суффикса -ǫš͡tʼ- (**-ѫщ-/-ѭщ-**) для глаголов 1, 2, 3 и 5 кл. и суффикса -ęš͡tʼ- (**-ѧщ-**) для глаголов 4 кл., к кото-

рым прибавлялись падежно-родовые окончания: **нести** (**несѫтъ** 1 кл.) — **нес-ѫщ-и** (И. ед. ж.), **мрѣти** (**мьрѫтъ** 1 кл.) — **мьр-ѫщ-и**, **бьрати** (**берѫтъ** 1 кл.) — **бер-ѫщ-и** (И. ед. ж.), **съхнѫти** (**съхнѫтъ** 2 кл.) — **съхн-ѫщ-и** (И. ед. ж.), **вѧзати** (**вѧжѭтъ** 3 кл.) — **вѧж-ѭщ-и** (И. ед. ж.), **ходити** (**ходѧтъ** 4 кл.) — **ход-ѧщ-и** (И. ед. ж.), **дати** (**дадѧтъ** 5 кл.) — **дад-ѫщ-и** (И. ед. ж.).

Причастия действительного залога настоящего времени от нетематических глаголов **бꙑти** и **имѣти** образовывались от той же основы настоящего времени, которая представлена в форме 3 мн., с помощью суффикса -**ѫщ**-: **сѫтъ** — **с-ѫщ-и**, **имѫтъ** — **им-ѫщ-и** (И. ед. ж.).

Значение будущего времени имело, видимо, причастие с суффиксом -**ѫщ**- от основы **бѫд**-, от которого образовались прилагательное **бѫдѫщии** ‘предстоящий, будущий’ и существительное **бѫдѫщеѥ** ‘то, что будет’: **не отъпоустититъ сѧ ѥмоу • ни вь сь вѣкъ ни въ <u>бѫдѫщии</u>** (Мф. 12: 32 Мар.).

Краткие действительные причастия настоящего и прошедшего времени склоняются по типу *ja в женском роде и по типу *jo в мужском и среднем роде, за исключением И. ед. всех трех родов и И. мн. мужского рода. Окончание в И. ед. ж. -**и** такое же, как и у существительных склонения на *ja типа **кънѧгꙑн҃и**. Форма И. мн. м. имела окончание основ на согласный.

Старославянские суффиксы -ǫšt͡ʼ- (-**ѫщ**-/-**ѭщ**-) и -ęšt͡ʼ- (-**ѧщ**-) возникли в результате фонетических изменений позднепраславянского периода из соединения тематического гласного *o или *ī с суффиксом *-nt-[1], осложненным распространителем *-j-: *-o-nt-j и *-i-nt-j-. При этом в силу действия закона открытого слога дифтонгические сочетания гласных с носовыми согласными *on, *in, оказавшись в положении перед следующим согласным, дали носовые гласные /ǫ/ (**ѫ**) и /ę/ (**ѧ**); а сочетание *tj дало сложный мягкий согласный [št͡ʼ] (**шт**):

*met-o-nt-j-ī > **метѫщи**;
*sux-no-nt-j-ī > **съхнѫщи**;
*plāk-jo-nt-j-ī > **плачѫщи**;
*xvāl-ī-nt-j-ī > **хвалѧщи** (И. ед. ж.).

В парадигме причастий настоящего времени действительного залога выделяются формы И. ед. м. и с. р., которые оканчиваются на -у (-**ꙑ**) у глаголов 1, 2 и 5 кл. (**несꙑ**, **съхнꙑ**, **ꙗдꙑ**). От глагола **жити** в старославянских памятниках встречаются две формы причастия настоящего времени — **живꙑ** и **живѧ**.

[1] Ср. формы латинских действительных причастий настоящего времени: И. ед. м. *laudans*, Р. ед. *laudan**t**is* (*laudare* ‘хвалить’); И. ед. м. *capiens*, Р. ед. *capien**t**is* (*capier* ‘брать’); И. ед. м. *timens*, Р. ед. *timen**t**is* (*timere* ‘бояться’) и др.

Формы И. ед. м. и с. р.[1] в праславянском языке оканчивались на согласный, который отпадал по закону открытого слога. Кроме того, у глаголов 3-го и 4-го классов имела место монофтонгизация дифтонгических сочетаний носовых с гласными переднего ряда:

*vez-o-nt-s > *vezōns > *vezōs > *vezūs > *vezy > **вєзꙑ**;
*mirzn-o-nt-s > *mirznōns > *mirznōs > *mьrzny > **мръзнꙑ**;
*znāj-o-nt-s > *znājōns > *znājēns > znaję > **знаѩ**;
*lov-ī-nt-s > *lovins > *lovin > lovę > **ловѧ**.

Для некоторых глаголов 1-го и 5-го классов в глаголических старославянских памятниках (Мар., Асс., Син. и др.) наряду с формами И. ед. на **-ꙑ** изредка представлены также формы на **-ѫ**, но только полные: **грѧдѫи**, **живѫи**, **сѫи** вместо **грѧдꙑи**, **живꙑи**, **сꙑи**.

Как уже говорилось, в косвенных падежах к основе причастий присоединялись падежные окончания; происхождение их такое же, как и у существительных.

Полные формы действительных причастий настоящего времени образовывались так же, как и полные формы прилагательных, — путем присоединения к краткой (именной) форме указательных местоимений **и, ꙗ, ѥ**, и склонялись по местоименному типу склонения.

Отличие от склонения членных прилагательных наблюдается только в И. ед. всех трех родов (при этом в с. р. выступает закономерная, а не возникшая по аналогии с м. р. форма) и в И. мн. м. р.:

м. р.: **вєзꙑ-и** > **вєзꙑи**;
ж. р.: **вєзѫщи-ꙗ** > **вєзѫщиꙗ**;
ср. р.: **вєзѫщє-ѥ** > **вєзѫщєѥ**.

---

[1] Вообще причастная форма с. р. должна была развиваться следующим образом: *vez-o-nt-jom > vez-ont-jo > vez-ǫŝt́-e > **вєзѫщє**. Это свидетельство былой принадлежности причастия к именному склонению на согласный сохранилось в полной форме причастия с. р., краткая форма причастия с. р. отразила воздействие причастий м. р. и получила ту же форму м. р. Некоторые ученые считают это одним из ранних проявлений тенденции к утрате согласования краткими причастиями, приведшей к превращению их в деепричастия (см. об этом: *Осипов Б. И.* Основы славянского языкознания. Омск, 2004. С. 133). А. М. Селищев с уверенностью характеризовал форму В. ед. на **-щє** (**-штє**), представленную в некоторых памятниках XI в., как использующуюся в значении деепричастия: **повелѣвааашє народъ градъскꙑихъ приводити ѥмлѭщє и** (Супр. 174.28); **мо(литва) на воискѫ идѫщє** (Евх. 19а 1). См.: *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. С. 186—187.

Таблица 56

Склонение кратких действительных причастий настоящего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везѫ			
Единственное число			
И.-Зв.	**везꙑ**	**везѫщи**	**везꙑ**
Р.	**везѫща**	**везѫщѧ**	**везѫща**
Д.	**везѫщю**	**везѫщи**	**везѫщю**
В.	**везѫщь**	**везѫщѫ**	**везѫще**
Т.	**везѫщемь**	**везѫщеѭ**	**везѫщемь**
М.	**везѫщи**	**везѫщи**	**везѫщи**
Множественное число			
И.-Зв.	**везѫще**	**везѫщѧ**	**везѫща**
Р.	**везѫщь**	**везѫщь**	**везѫщь**
Д.	**везѫщемъ**	**везѫщамъ**	**везѫщемъ**
В.	**везѫщѧ**	**везѫщѧ**	**везѫща**
Т.	**везѫщи**	**везѫщами**	**везѫщи**
М.	**везѫщихъ**	**везѫщахъ**	**везѫщихъ**
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	**везѫща**	**везѫщи**	**везѫщи**
Р.-М.	**везѫщю**	**везѫщю**	**везѫщю**
Д.-Т.	**везѫщема**	**везѫщама**	**везѫщема**
мрьзнѫти — мрьзнѫ			
Единственное число			
И.-Зв.	**мрьзнꙑ**	**мрьзнѫщи**	**мрьзнꙑ**
Р.	**мрьзнѫща**	**мрьзнѫщѧ**	**мрьзнѫща**
Д.	**мрьзнѫщю**	**мрьзнѫщи**	**мрьзнѫщю**
В.	**мрьзнѫщь**	**мрьзнѫщѫ**	**мрьзнѫще**
Т.	**мрьзнѫщемь**	**мрьзнѫщеѭ**	**мрьзнѫщемь**
М.	**мрьзнѫщи**	**мрьзнѫщи**	**мрьзнѫщи**
Множественное число			
И.-Зв.	**мрьзнѫще**	**мрьзнѫщѧ**	**мрьзнѫща**
Р.	**мрьзнѫщь**	**мрьзнѫщь**	**мрьзнѫщь**
Д.	**мрьзнѫщемъ**	**мрьзнѫщамъ**	**мрьзнѫщемъ**

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
В.	мрьзнѫщѧ	мрьзнѫщѧ	мрьзнѫща
Т.	мрьзнѫщи	мрьзнѫщами	мрьзнѫщи
М.	мрьзнѫщихъ	мрьзнѫщахъ	мрьзнѫщихъ
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	мрьзнѫща	мрьзнѫщи	мрьзнѫщи
Р.-М.	мрьзнѫщю	мрьзнѫщю	мрьзнѫщю
Д.-Т.	мрьзнѫщема	мрьзнѫщама	мрьзнѫщема
знати — знаѭ			
Единственное число			
И.-Зв.	знаѩ	знаѭщи	знаѩ
Р.	знаѭща	знаѭщѧ	знаѭща
Д.	знаѭщю	знаѭщи	знаѭщю
В.	знаѭщь	знаѭщѫ	знаѭще
Т.	знаѭщемь	знаѭщеѭ	знаѭщемь
М.	знаѭщи	знаѭщи	знаѭщи
Множественное число			
И.-Зв.	знаѭще	знаѭщѧ	знаѭща
Р.	знаѭщь	знаѭщь	знаѭщь
Д.	знаѭщемъ	знаѭщамъ	знаѭщемъ
В.	знаѭщѧ	знаѭщѧ	знаѭща
Т.	знаѭщи	знаѭщами	знаѭщи
М.	знаѭщихъ	знаѭщахъ	знаѭщихъ
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	знаѭща	знаѭщи	знаѭщи
Р.-М.	знаѭщю	знаѭщю	знаѭщю
Д.-Т.	знаѭщема	знаѭщама	знаѭщема
ловити — ловлѭ			
Единственное число			
И.-Зв.	ловѧ	ловѧщи	ловѧ
Р.	ловѧща	ловѧщѧ	ловѧща
Д.	ловѧщю	ловѧщи	ловѧщю
В.	ловѧщь	ловѧщѫ	ловѧще

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
Т.	ловѧщємь	ловѧщєѭ	ловѧщємь
М.	ловѧщи	ловѧщи	ловѧщи
Множественное число			
И.-Зв.	ловѧщє	ловѧщѧ	ловѧща
Р.	ловѧщь	ловѧщь	ловѧщь
Д.	ловѧщємъ	ловѧщамъ	ловѧщємъ
В.	ловѧщѧ	ловѧщѧ	ловѧща
Т.	ловѧщи	ловѧщами	ловѧщи
М.	ловѧщихъ	ловѧщахъ	ловѧщихъ
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	ловѧща	ловѧщи	ловѧщи
Р.-М.	ловѧщю	ловѧщю	ловѧщю
Д.-Т.	ловѧщєма	ловѧщама	ловѧщєма
бꙑти			
Единственное число			
И.-Зв.	сы	сѫщи	сы
Р.	сѫща	сѫщѧ	сѫща
Д.	сѫщю	сѫщи	сѫщю
В.	сѫщь	сѫщѫ	сѫщє
Т.	сѫщємь	сѫщєѭ	сѫщємь
М.	сѫщи	сѫщи	сѫщи
Множественное число			
И.-Зв.	сѫщє	сѫщѧ	сѫща
Р.	сѫщь	сѫщь	сѫщь
Д.	сѫщємъ	сѫщамъ	сѫщємъ
В.	сѫщѧ	сѫщѧ	сѫща
Т.	сѫщи	сѫщами	сѫщи
М.	сѫщихъ	сѫщахъ	сѫщихъ
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	сѫща	сѫщи	сѫщи
Р.-М.	сѫщю	сѫщю	сѫщю
Д.-Т.	сѫщєма	сѫщама	сѫщєма

Таблица 57

Склонение полных действительных причастий настоящего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везѫ			
Единственное число			
И.-Зв.	**везꙑи**	**везѫщиꙗ**	**везѫщеѥ**
Р.	**везѫщаѥго**	**везѫщѧѩ**	**везѫщаѥго**
Д.	**везѫщюѥмоу**	**везѫщии**	**везѫщюѥмоу**
В.	**везѫщии**	**везѫщѫѭ**	**везѫщеѥ**
Т.	**везѫщиимь**	**везѫщеѭ**	**везѫщиимь**
М.	**везѫщиимь**	**везѫщии**	**везѫщиимь**
Множественное число			
И.-Зв.	**везѫщеи**	**везѫщѧѩ**	**везѫщаꙗ**
Р.	**везѫщиихъ**	**везѫщиихъ**	**везѫщиихъ**
Д.	**везѫщиимъ**	**везѫщиимъ**	**везѫщиимъ**
В.	**везѫщѧѩ**	**везѫщѧѩ**	**везѫщаꙗ**
Т.	**везѫщиими**	**везѫщиими**	**везѫщиими**
М.	**везѫщиихъ**	**везѫщиихъ**	**везѫщиихъ**
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	**везѫщаꙗ**	**везѫщии**	**везѫщии**
Р.-М.	**везѫщюю**	**везѫщюю**	**везѫщюю**
Д.-Т.	**везѫщиима**	**везѫщиима**	**везѫщиима**

и. т. д.

Причастия действительного залога прошедшего времени

Действительные причастия прошедшего времени образовывались при помощи суффикса -ъš’- (**-ъш-**) у глаголов 1, 2 и 3 кл. с основой на согласный или на гласный, восходивший к дифтонгическому сочетанию (с носовым или плавным) + соответствующие падежно-родовые окончания. Как и для действительных причастий, приводятся формы причастий женского рода, так как в них, в отличие от форм И. ед. м. и ср., суффикс **-ъш-** хорошо сохраняется: **нести (несѫ** 1 кл.) — **нес-ъш-и** (И. ед. ж.), **ѹмрѣти (ѹмьрѫ** 1 кл.) — **ѹмьр-ъш-и** (И. ед. ж.), **съхнѫти (съхънѫ** 2 кл.) — **съх-ъш-и** (И. ед. ж.), **обрѣсти (обрѧщѭ** 3 кл.) — **обрѣтъши** (И. ед. ж.). Исторически к этой группе также примыкали глаголы 4 кл. с основой инфинитива на **-и-**, причем перед гласным суффикса этот /i/ (из псл. *ī) перед следую-

щим гласным превращался в *j, вызывая чередование как в основе глагола, так и в самом суффиксе (-ъш-/-ьш-): **родити — рожд-ьш-и** (И. ед. ж.), **ıавити — ıавл҄-ьш-и** (И. ед. ж.). Все остальные глаголы с основой инфинитива на гласный образовывали действительные причастия прошедшего времени при помощи суффикса -vъš’- (**-въш-**): **минѫти — минѫвъши** (И. ед. ж.), **бити — бивъши** (И. ед. ж.), **знати — знавъши** (И. ед. ж.), **дати — давъши** (И. ед. ж.). Старославянские памятники отражают постепенное распространение суффикса **-въш-** на глаголы с инфинитивом на -i-: **родити — роди-въш-и** вместо **рождьш-и**, **ıавити — ıавив-ъш-и** вместо **ıавл҄-ьш-и**.

Таким образом, у причастий действительного залога прошедшего времени в старославянском языке было два морфонологических варианта суффикса — **-ъш-/-ьш-** и **-въш-**, причем первый существовал в двух фонетических вариантах в зависимости от твердости или мягкости предшествующего согласного.

С помощью суффикса **-ъш-** (**-ьш-**) образовывались причастия от глаголов с основой инфинитива:

1) на согласный: **вести — вез-ъш-и**, **рещи — рек-ъш-и** (И. ед. ж.); по этой же модели образовывались формы действительных причастий прошедшего времени глагола **ити** (< *eitei) и производных, в которых суффикс присоединялся к основе **шьд-**: **шьд-ъш-и**, **въшьдъш-и**, **пришьд-ъш-и** (И. ед. ж.);

2) с суффиксом **-нѫ-**, которому предшествовал согласный; в этом случае суффикс **-нѫ-** устранялся: **съхнѫти — съх-ъш-и**, **двигнѫти — двиг-ъш-и** (И. ед. ж.);

3) на носовой гласный **-ѧ** (ę < *en) и на неполногласное сочетание **-рѣ-** в корне (rě < *er): **начѧти — начьн-ъш-и** (И. ед. ж.); **мрѣти — мьр-ъш-и**, **прострѣти — простьр-ъш-и** (И. ед. ж.); строго говоря, в этом случае причастие образовывалось от основы инфинитива, но корневой гласный находился на ступени редукции: *nā-kentei — *nā-kin-tei.

Суффикс **-ъш-** первоначально употреблялся и для образования причастий от глаголов с основой инфинитива на суффиксальный гласный **-и-** (< *-ī-), который перед гласным причастного суффикса переходил в *j и воздействовал на конечный согласный корня, в результате чего возникал мягкий согласный, а в суффиксе причастия в соответствии с законом внутрислогового сингармонизма после палатального согласного на месте [ъ] оказывался гласный переднего ряда [ь]: **ловити — ловльши** (И. ед. ж.), **родити — рождьши** (И. ед. ж.) и т. п.

С суффиксом **-въш-** образовывались причастия от глаголов с основой инфинитива на гласный (кроме суффиксального **-и-** < *-ī-): **знати — зна-въш-и**, **дѣлати — дѣла-въш-и**, **бити — би-въш-и**, **быти — бы-въш-и** (И. ед. ж.).

Позднее и глаголы с основой инфинитива на суффиксальный гласный **-и-** (-*i-) под влиянием других глаголов с основой на гласный звук образуют причастные формы с помощью суффикса **-въш-**: **избавивъ**, **похваливъ**, **поѹстивъ**, **пристѫпивъ**, **расточивъ** и др. вместо **избавл҄ь**, **похвал҄ь**, **поѹшть**, **пристѫпл҄ь**, **расточь** и др. В старославянских памятниках XI в. примеры подобного рода единичны (Мар., Сав., Зогр.) или отсутствуют (Асс., Клоц., Син.). Но в Супр. такие новообразования являются преобладающими.

Суффикс **-въш-** использовался также при образовании причастий от глаголов с основой инфинитива на суффиксальный **-нѫ-** (*-nǫ-) с предшествующим гласным: **минѫти** — **минѫ-въш-и** (И. ед. ж.).

В праславянском языке суффикс действительных причастий прошедшего времени *-us-/-vus- осложнялся распространителем *-j-, после которого в большинстве форм парадигмы шел тематический гласный. Краткие действительные причастия прошедшего времени, как и соответствующие причастия настоящего времени, склоняются в старославянском по типу *ja в ж. р. и по типу *jo в м. и с. р., за исключением форм И. ед. м. и с., которые оканчиваются на -ъ (**-ъ**), и И. мн. м. р., которые имеют окончания по типу склонения на согласный.

Формы И. ед. м. и с. р. в праславянском оканчивались на *s, поэтому при образовании причастий в старославянском языке в силу действия закона открытого слога происходило отпадение конечного согласного, который после *u переходил в *x по «правилу RUKI» (*-us > *-ux > *-u > *-ъ; см. § 25):

*vezus > **везъ**;
*dvīgus > **двигъ**;
*znāvus > **знавъ**;
*lovīus > *lovjus > *lovju > *lovĺi > **ловль** (И. ед. м. и с.).

Поскольку в остальных формах основа причастия была распространена посредством *-j- в составе именного суффикса *jo или *jā, происходило взаимодействие *-j- с предшествующим *x (< *s) причастного суффикса:

*vez-us-jī > *vez-ъx-jī > **везъши**;
*dvīg-us-jī > *dvīg-ъx-jī > **двигъши**;
*znā-vus-jī > *znā-vъx-jī > **знавъши**;
*lovī-us-jī > *lovj-us-jī > *lovj-ux-jī >*lovĺьš’i > **ловльши** (И. ед. ж.).

Прежнее окончание основ на согласные (**-є**) сохранилось только в форме И. мн. м. р., где не было *j, а *x > š’ по 1-й палатализации:

*vez-us-e > *vez-ъx-e > **везъшє**;
*dvīg-us-e > *dvīg-ъx-e > **двигъшє**;
*znā-vus-e > *znā-vъx-e > **знавъшє**;
*lovī-us-e > *lovj-ux-e > *lovĺьš’e > **ловльшє** (И. ед. м.).

Таблица 58

Склонение кратких действительных причастий прошедшего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везѫ			
Единственное число			
И.-Зв.	**везъ**	**везъши**	**везъ**
Р.	**везъша**	**везъшѧ**	**везъша**
Д.	**везъшю**	**везъши**	**везъшю**
В.	**везъшь**	**везъшѫ**	**везъше**
Т.	**везъшемь**	**везъшеѭ**	**везъшемь**
М.	**везъши**	**везъши**	**везъши**
Множественное число			
И.-Зв.	**везъше**	**везъшѧ**	**везъша**
Р.	**везъшь**	**везъшь**	**везъшь**
Д.	**везъшемъ**	**везъшамъ**	**везъшемъ**
В.	**везъшѧ**	**везъшѧ**	**везъша**
Т.	**везъши**	**везъшами**	**везъши**
М.	**везъшихъ**	**везъшахъ**	**везъшихъ**
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	**везъша**	**везъши**	**везъши**
Р.-М.	**везъшю**	**везъшю**	**везъшю**
Д.-Т.	**везъшема**	**везъшама**	**везъшема**
знати — знаѭ			
Единственное число			
И.-Зв.	**знавъ**	**знавъши**	**знавъ**
Р.	**знавъша**	**знавъшѧ**	**знавъша**
Д.	**знавъшю**	**знавъши**	**знавъшю**
В.	**знавъшь**	**знавъшѫ**	**знавъше**
Т.	**знавъшемь**	**знавъшеѭ**	**знавъшемь**
М.	**знавъши**	**знавъши**	**знавъши**
Множественное число			
И.-Зв.	**знавъше**	**знавъшѧ**	**знавъша**
Р.	**знавъшь**	**знавъшь**	**знавъшь**
Д.	**знавъшемъ**	**знавъшамъ**	**знавъшемъ**

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
В.	знавъшѧ	знавъшѧ	знавъша
Т.	знавъши	знавъшами	знавъши
М.	знавъшихъ	знавъшахъ	знавъшихъ
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	знавъша	знавъши	знавъши
Р.-М.	знавъшю	знавъшю	знавъшю
Д.-Т.	знавъшема	знавъшама	знавъшема
ловити — ловлѭ			
Единственное число			
И.-Зв.	лов͡ль	лов͡льши	лов͡ль
Р.	лов͡льша	лов͡льшѧ	лов͡льша
Д.	лов͡льшю	лов͡льши	лов͡льшю
В.	лов͡льшь	лов͡льшѫ	лов͡льше
Т.	лов͡льшемь	лов͡льшеѭ	лов͡льшемь
М.	лов͡льши	лов͡льши	лов͡льши
Множественное число			
И.-Зв.	лов͡льше	лов͡льшѧ	лов͡льша
Р.	лов͡льшь	лов͡льшь	лов͡льшь
Д.	лов͡льшемъ	лов͡льшамъ	лов͡льшемъ
В.	лов͡льшѧ	лов͡льшѧ	лов͡льша
Т.	лов͡льши	лов͡льшами	лов͡льши
М.	лов͡льшихъ	лов͡льшахъ	лов͡льшихъ
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	лов͡льша	лов͡льши	лов͡льши
Р.-М.	лов͡льшю	лов͡льшю	лов͡льшю
Д.-Т.	лов͡льшема	лов͡льшама	лов͡льшема
быти			
Единственное число			
И.-Зв.	бывъ	бывъши	бывъ
Р.	бывъша	бывъшѧ	бывъша
Д.	бывъшю	бывъши	бывъшю
В.	бывъшь	бывъшѫ	бывъше

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
Т.	бывъшемь	бывъшеѭ	бывъшемь
М.	бывъши	бывъши	бывъши
Множественное число			
И.-Зв.	бывъше	бывъшѧ	бывъша
Р.	бывъшь	бывъшь	бывъшь
Д.	бывъшемъ	бывъшамъ	бывъшемъ
В.	бывъшѧ	бывъшѧ	бывъша
Т.	бывъши	бывъшами	бывъши
М.	бывъшихъ	бывъшахъ	бывъшихъ
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	бывъша	бывъши	бывъши
Р.-М.	бывъшю	бывъшю	бывъшю
Д.-Т.	бывъшема	бывъшама	бывъшема
дати			
Единственное число			
И.-Зв.	давъ	давъши	давъ
Р.	давъша	давъшѧ	давъша
Д.	давъшю	давъши	давъшю
В.	давъшь	давъшѫ	давъше
Т.	давъшемь	давъшеѭ	давъшемь
М.	давъши	давъши	давъши
Множественное число			
И.-Зв.	давъше	давъшѧ	давъша
Р.	давъшь	давъшь	давъшь
Д.	давъшемъ	давъшамъ	давъшемъ
В.	давъшѧ	давъшѧ	давъша
Т.	давъши	давъшами	давъши
М.	давъшихъ	давъшахъ	давъшихъ
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	давъша	давъши	давъши
Р.-М.	давъшю	давъшю	давъшю
Д.-Т.	давъшема	давъшама	давъшема

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
ꙗсти			
Единственное число			
И.-Зв.	**ꙗдъ**	**ꙗдъши**	**ꙗдъ**
Р.	**ꙗдъша**	**ꙗдъшѧ**	**ꙗдъша**
Д.	**ꙗдъшю**	**ꙗдъши**	**ꙗдъшю**
В.	**ꙗдъшь**	**ꙗдъшѫ**	**ꙗдъшє**
Т.	**ꙗдъшємь**	**ꙗдъшєѭ**	**ꙗдъшємь**
М.	**ꙗдъши**	**ꙗдъши**	**ꙗдъши**
Множественное число			
И.-Зв.	**ꙗдъшє**	**ꙗдъшѧ**	**ꙗдъша**
Р.	**ꙗдъшь**	**ꙗдъшь**	**ꙗдъшь**
Д.	**ꙗдъшємъ**	**ꙗдъшамъ**	**ꙗдъшємъ**
В.	**ꙗдъшѧ**	**ꙗдъшѧ**	**ꙗдъша**
Т.	**ꙗдъши**	**ꙗдъшами**	**ꙗдъши**
М.	**ꙗдъшихъ**	**ꙗдъшахъ**	**ꙗдъшихъ**
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	**ꙗдъша**	**ꙗдъши**	**ꙗдъши**
Р.-М.	**ꙗдъшю**	**ꙗдъшю**	**ꙗдъшю**
Д.-Т.	**ꙗдъшєма**	**ꙗдъшама**	**ꙗдъшєма**

Полные формы действительных причастий прошедшего времени образовывались так же, как и полные формы прилагательных и причастий настоящего времени, — присоединением к краткой форме указательных местоимений **и**, **ꙗ**, **ѥ**. Полные причастия склонялись по местоименному типу склонения.

В старославянском языке совпали полные формы И. ед. м. действительных причастий настоящего (**вєзꙑи** < * vezŷjь̂) и прошедшего (**вєзꙑи** < *vezъ̂jь̂) времени. Кроме того, формы И. ед. м. полных действительных причастий прошедшего времени вследствие утраты йота и стяжения гласных **вєзꙑи** (из *vezъ̂-jь̂) > **вєзꙑ** совпали с краткими формами настоящего времени (**вєзꙑ**).

Таблица 59

Склонение полных действительных причастий прошедшего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везѫ			
Единственное число			
И.-Зв.	**везъıи**	**везъшиꙗ**	**везъшеѥ**
Р.	**везъшаѥго**	**везъшѧѩ**	**везъшаѥго**
Д.	**везъшюѥмоу**	**везъшии**	**везъшюѥмоу**
В.	**везъшии**	**везъшѫѭ**	**везъшеѥ**
Т.	**везъшиимь**	**везъшеѭ**	**везъшиимь**
М.	**везъшиимь**	**везъшии**	**везъшиимь**
Множественное число			
И.-Зв.	**везъшеи**	**везъшѧѩ**	**везъшаꙗ**
Р.	**везъшиихъ**	**везъшиихъ**	**везъшиихъ**
Д.	**везъшиимъ**	**везъшиимъ**	**везъшиимъ**
В.	**везъшѧѩ**	**везъшѧѩ**	**везъшаꙗ**
Т.	**везъшиими**	**везъшиими**	**везъшиими**
М.	**везъшиихъ**	**везъшиихъ**	**везъшиихъ**
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	**везъшаꙗ**	**везъшии**	**везъшии**
Р.-М.	**везъшюю**	**везъшюю**	**везъшюю**
Д.-Т.	**везъшиима**	**везъшиима**	**везъшиима**

Причастия страдательного залога настоящего времени

В старославянском языке страдательные причастия настоящего времени образовывались от основы настоящего времени, проявляющейся в форме 3 мн. при помощи суффиксов **-ом-** у глаголов 1, 2 и 5-го классов (**нести/нес-ѫтъ/нес-омъ, двигнѫти/двигн-ѫтъ/двигн-омъ, ꙗсти/ꙗд-ѧтъ/ꙗд-омъ**), **-ем-** у глаголов 3-го класса (**знати/зна-ѭтъ/зна-ѥмъ, клати/кол-ѭтъ/кол҄-емъ**) и **-им-** у глаголов 4-го класса (**носити/нос-ѧтъ/ нос-имъ, видѣти/вид-ѧтъ/вид-имъ**) + падежно-родовые окончания (приводятся формы И. ед. м.):

*vez-o-m-o-s > *vezomus > **везомъ** (**вести — вез-ѫтъ**);

*dvīgn-o-m-o-s > *dvīgnomus > **двигномъ** (**двигнѫти — двигн-ѫтъ**);

*ēd-o-m-o-s > jēdomus > **ꙗдомъ** (**ꙗсти — ꙗд-ѧтъ**);

Таблица 60

Склонение кратких страдательных причастий настоящего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везѫ			
Единственное число			
И.-Зв.	**везомъ**	**везома**	**везомо**
Р.	**везома**	**везомы**	**везома**
Д.	**везомоу**	**везомѣ**	**везомоу**
В.	**везомъ**	**везомѫ**	**везомо**
Т.	**везомомь**	**везомоѭ**	**везомомь**
М.	**везомѣ**	**везомѣ**	**везомѣ**
Множественное число			
И.-Зв.	**везоми**	**везомы**	**везома**
Р.	**везомъ**	**везомъ**	**везомъ**
Д.	**везомомъ**	**везомамъ**	**везомомъ**
В.	**везомы**	**везомы**	**везома**
Т.	**везомы**	**везомами**	**везомы**
М.	**везомѣхъ**	**везомахъ**	**везомѣхъ**
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	**везома**	**везомѣ**	**везомѣ**
Р.-М.	**везомоу**	**везомоу**	**везомоу**
Д.-Т.	**везомома**	**везомама**	**везомома**

*dēlā-jo-m-o-s > *dēlājemus > **дѣлаѥмъ (дѣлати — дѣла-ѭтъ)**;
*mol-ī-m-o-s > *molīmus > **молимъ (молити — мол-ѧтъ)**.

Таким образом, в праславянском языке к тематическому гласному *-o (1, 2, 5 кл.), *-jo > *-je (3 кл.), *-ī (4 кл.) глагольной основы настоящего времени присоединялся суффикс причастия *-m- (восходящий к и.-е. суффиксу *-mo), за которым следовали именной суффикс *-o или *-ā в зависимости от типа склонения и падежное окончание.

Склонялись краткие страдательные причастия настоящего времени так же, как краткие прилагательные: м. и с. р. — по типу на *-o, ж. р. — по типу на *-ā.

Полные формы страдательных причастий настоящего времени образовывались от кратких форм путем присоединения к кратким формам указательных местоимений **и**, **ꙗ**, **ѥ**: **везомъ-и** > **везомꙑи**

(м. р.); **везома-ıа** > **везомаıа** (ж. р.); **везомо-ѥ** > **везомоѥ** (с. р.). Склонялись они так же, как полные прилагательные.

Таблица 61

Склонение полных страдательных причастий настоящего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везѫ			
Единственное число			
И.-Зв.	**везомъıи**	**везомаıа**	**везомоѥ**
Р.	**везомаѥго**	**везомъıѩ**	**везомаѥго**
Д.	**везомоуѥмоу**	**везомѣи**	**везомоуѥмоу**
В.	**везомъıи**	**везомѫѭ**	**везомоѥ**
Т.	**везомъıимь**	**везомоѭ**	**везомъıимь**
М.	**везомѣѥмь**	**везомѣи**	**везомѣѥмь**
Множественное число			
И.-Зв.	**везомии**	**везомъıѩ**	**везомаıа**
Р.	**везомъıихъ**	**везомъıихъ**	**везомъıихъ**
Д.	**везомъıимъ**	**везомъıимъ**	**везомъıимъ**
В.	**везомъıѩ**	**везомъıѩ**	**везомаıа**
Т.	**везомъıими**	**везомъıими**	**везомъıими**
М.	**везомъıихъ**	**везомъıихъ**	**везомъıихъ**
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	**везомаıа**	**везомѣи**	**везомѣи**
Р.-М.	**везомоую**	**везомоую**	**везомоую**
Д.-Т.	**везомъıима**	**везомъıима**	**везомъıима**

Причастия страдательного залога прошедшего времени

Страдательные причастия прошедшего времени образовывались путем присоединения к основе инфинитива суффиксов причастий **-н-**, **-ен-**, **-т-**, за которыми следовало падежное окончание (в качестве образцовой формы страдательного причастия приводится форма И. ед. м.):

1) суффикс **-н-** присоединялся к основам на суффиксальный **-а-** и **-ѣ-**: **съдѣланъ**, **слъıшанъ**, **видѣнъ**;

Таблица 62

Склонение кратких страдательных причастий прошедшего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
вести — везѫ			
Единственное число			
И.-Зв.	**везенъ**	**везена**	**везено**
Р.	**везена**	**везены**	**везена**
Д.	**везеноу**	**везенѣ**	**везеноу**
В.	**везенъ**	**везенѫ**	**везено**
Т.	**везеномь**	**везеноѭ**	**везеномь**
М.	**везенѣ**	**везенѣ**	**везенѣ**
Множественное число			
И.-Зв.	**везени**	**везены**	**везена**
Р.	**везенъ**	**везенъ**	**везенъ**
Д.	**везеномъ**	**везенамъ**	**везеномъ**
В.	**везены**	**везены**	**везена**
Т.	**везены**	**везенами**	**везены**
М.	**везенѣхъ**	**везенахъ**	**везенѣхъ**
Двойственное число			
И.-В.-Зв.	**везена**	**везенѣ**	**везенѣ**
Р.-М.	**везеноу**	**везеноу**	**везеноу**
Д.-Т.	**везенома**	**везенама**	**везенома**

2) суффикс -**ен**- присоединялся к основам на согласный (**несенъ, реченъ, двигновенъ/движенъ, обрѣтенъ**), на -**ы**- (**оумыти — оумъвенъ**), на -**оу**- (**обоути — обоувенъ**) и на -**и**- (**родити — рожденъ, носити — ношенъ**); если корень, входящий в основу инфинитива, оканчивался на заднеязычный согласный, то он подвергался палатализации: **пещи** (<*pek-tei) — **печ-ен-ъ**, **рещи** (<*rek-tei) — **реч-ен-ъ**, **двигнѫти — движ-ен-ъ** (И. ед. м.);

3) при помощи суффикса -**т**- от основ инфинитива на корневые (в первую очередь восходившие к дифтонгам и дифтонгическим сочетаниям) гласные -**ѧ**-, -**ѣ**-, -**и**-: **начѧти — начѧтъ, пожрѣти — пожрътъ, пити — питъ, пѣти — пѣтъ**; возможно, по аналогии с этими формами появились страдательные причастия с суффиксом -**т**- от основ на согласный: **отврѣсти** ‘открыть’ (**отврьзѫ**) — **отвръстъ, оувѧсти** ‘обвязать’ (**оувѧзѫ**) — **оувѧстъ**.

Таблица 63

Склонение полных страдательных причастий прошедшего времени

Падеж	М. р.	Ж. р.	С. р.
		вести — везѫ	
		Единственное число	
И.-Зв.	**везеныи**	**везенаꙗ**	**везеноѥ**
Р.	**везенаѥго**	**везеныѩ**	**везенаѥго**
Д.	**везеноуѥмоу**	**везенѣи**	**везеноуѥмоу**
В.	**везеныи**	**везенѫѭ**	**везеноѥ**
Т.	**везеныимь**	**везеноѭ**	**везеныимь**
М.	**везенѣѥмь**	**везенѣи**	**везенѣѥмь**
		Множественное число	
И.-Зв.	**везении**	**везеныѩ**	**везенаꙗ**
Р.	**везеныихъ**	**везеныихъ**	**везеныихъ**
Д.	**везеныимъ**	**везеныимъ**	**везеныимъ**
В.	**везеныѩ**	**везеныѩ**	**везенаꙗ**
Т.	**везеныими**	**везеныими**	**везеныими**
М.	**везеныихъ**	**везеныихъ**	**везеныихъ**
		Двойственное число	
И.-В.-Зв.	**везенаꙗ**	**везенѣи**	**везенѣи**
Р.-М.	**везеноую**	**везеноую**	**везеноую**
Д.-Т.	**везеныима**	**везеныима**	**везеныима**

Старославянские суффиксы страдательных причастий настоящего времени **-н-**, **-ен-**, **-т-** (в праславянском соответственно *-n-, *-en-, *-t-) имели индоевропейское происхождение.

У глаголов 4-го класса с основой инфинитива на суффиксальный гласный **-и-** этот суффиксальный **-и-** (< *-ī-) перед тематическим гласным суффикса причастия изменялся в *j, который фонетически взаимодействовал с предшествующим согласным корня, в результате чего возникало чередование: **коупити — коуплѥнъ**, **носити — ношенъ** и др.

Чередования гласных возникали и при образовании причастий от основ инфинитива на корневые гласные:

омы-ти (*ob-mū-tei) — **омъв-ен-ъ**, где отразилось чередование **ы // ъв** (восходящее к *ū//u+u);

бра-ти (*bor-tei) — **бор̑-ен-ъ** (ср. **боренѥ** ‘борьба’); **закла-ти** (*zā-kol-tei) — **закол̑-ен-ъ** (ср. **заколенѥ** ‘убийство’), где отрази-

лось чередование **ра // ор, ла // ол** (восходящее к [*or, *ol + согласный] // [*or, *ol + гласный]);

простр҃ѣти (*pro-ster-tei) — **прострьтъ** (*pro-str̥-tu).

В глаголах, имеющих основы инфинитива с суффиксом -**нѫ**- и относившихся к группе глаголов со значением *мгновенного действия*, при образовании страдательных причастий прошедшего времени имеется чередование в суффиксе -nǫ-//-nov-: **дръзнѫти — дръзновенъ (дръзновение), помѧнѫти — помѧновенъ (помѧновение), прикоснѫти — прикосновенъ (прикосновение)**. У этих глаголов суффикс -**нѫ**- восходит к и.-е. *-nou-. У глаголов со значением *постепенного изменения состояния* суффикс -**нѫ**- восходит к и.-е. *-nān-: **прозѧбнѫти — прозѧбенъ (прозѧбение), въскрьснѫти — въскрьсенъ (въскрьсение / въскрьсновение)**.

В старославянских памятниках встречаются формы причастий одного глагола, образованные при помощи разных суффиксов: **оубитъ — оубиенъ, шитъ — шьвенъ, прострьтъ — простьренъ** и т. п., а также с одним суффиксом от разных основ: **закланъ — заколенъ**[1], **движенъ — двигновенъ**.

В целом суффикс -**т**- в старославянском языке был менее продуктивным, чем в русском. Ср. рус. *убит*, *скрыт*, *забыт*, *омыт*, *заколот*, *постигнут*, *отринут*, но ц.-сл. *убиен*(*ный*), *сокровен*(*ный*), *незабвен*(*ный*), *омовен*(*ие*), *заклан*(*ие*), *постигновен* (от *постигнуть*), *отриновен* (от *отринуть*).

Краткие страдательные причастия склонялись как краткие прилагательные соответствующего рода: м. и с. р. — по типу на *о, ж. р. — по типу на *-а.

Полные формы страдательного причастия прошедшего времени образуются от кратких по той же схеме, что и соответствующие полные прилагательные: **везенъ-и** > **везенъıи** (м. р.); **везена-ꙗ** (ж. р.); **везено-е** (с. р.). Склонение полных причастий аналогично склонению полных прилагательных.

Перфектное причастие с суффиксом -л-

Несклоняемые причастия действительного залога, или перфектные причастия на -**л**-, были унаследованы из праславянского языка. Они образовывались от основы инфинитива с помощью суффикса *-l- и изменялись по родам и числам.

Показатели (окончания) рода и числа у них были такие же, как и у существительных типа склонения на *о (м. и с. р.) и на *ā (ж. р.).

пещи (*pek-tei): **пек-л-ъ, пек-л-а, пек-л-о**;

[1] Форма **закланъ** образована от основы инфинитива при помощи суффикса *n (*zā-kol-en- > *zaklan), а **заколенъ** — либо от основы инфинитива при помощи суффикса *en (*zā-kol-en- > *zakolenъ), либо от основы наст. вр. посредством того же суффикса (**zā-kolj-en- > *zakoĺenъ).

нес-ти: **нес-л-ъ**, **нес-л-а**, **нес-л-о**;
зъва-ти: **зъва-л-ъ**, **зъва-л-а**, **зъва-л-о**;
ходи-ти: **ходи-л-ъ**, **ходи-л-а**, **ходи-л-о**;
видѣ-ти: **видѣ-л-ъ**, **видѣ-л-а**, **видѣ-л-о** и т. д.

Именные формы причастий на **-л-** употреблялись в составе сложных глагольных форм: сложных прошедших времен — перфекта и плюсквамперфекта, будущего второго сложного времени и сослагательного наклонения. В составе этих форм перфектное причастие функционировало как именная часть сказуемого, поэтому согласовывалось с подлежащим в роде и числе и имело только форму именительного падежа.

Образование причастий на **-л-** характеризуется рядом особенностей. При образовании причастий от глаголов с основой инфинитива на согласный -t, -d эти согласные утрачивались: **мести** (*met-tei > metlъ > melъ) — **мелъ**; **вести** (*ved-tei > *vedlъ > velъ) — **велъ**. Причастия от глагола **ити** (*eitei) образовывались, как и действительные причастия прошедшего времени, от основы **шьд-**; при этом согласный основы тоже утрачивался: *š'ьdlъ > š'ьlъ > **шьлъ**. От глаголов с основой инфинитива на суффикс **-нѫ-** (-*nǫ-) причастия образовывались двояко:

1) присоединением суффикса **-л-** к основе инфинитива с сохранением суффикса основы инфинитива **-нѫ-** (у глаголов с корнем на гласный): **минѫти** — **минѫлъ**;

2) присоединением суффикса **-л-** к основе инфинитива с утратой суффикса основы инфинитива **-нѫ-** (у глаголов с корнем на согласный): **двигнѫти** (< *dvīg-non-tei) — **двиглъ**; **съхнѫти** (*sux-non-tei) — **съхлъ**.

А. Мейе считал причастия на **-л-** предикативными[1], поскольку они в краткой форме превращались в часть аналитической глагольной формы (вместе со связкой в составе именного сказуемого).

Полные (членные) формы этих причастий в русском языке перешли в прилагательные (ср. совр.: *бывалый*, *горелый*, *лежалый*, *усталый* и т. д.). Утрата склонения краткими формами причастий на **-л-** началась еще в праславянский период и повлияла в дальнейшем на судьбу других причастий.

§ 80. Деепричастие

Дошедшие до нас старославянские памятники отражают начало утраты склонения краткими действительными причастиями настоящего и прошедшего времени, что определялось синтаксическими изменениями — переходом от подчиненности их подлежащему

[1] См. об этом: *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951. С. 210—213. Возможно, это в чем-то объясняет существование в праславянском языке двух форм действительных причастий прошедшего времени.

(согласование с ним) к подчиненности сказуемому (примыкание к нему). Эти процессы приводили сначала к возникновению несклоняемых причастий, различающих род и число, а затем и деепричастий. В современном русском языке деепричастие — это неспрягаемая форма глагола, обладающая категориями вида и залога и обозначающая второстепенное действие по отношению к глаголу в личной форме, которое характеризует главное действие или состояние.

Деепричастие традиционно рассматривается как относительно новая грамматическая категория, которой в старославянском языке еще не было. Однако иногда в качестве деепричастий рассматривают старославянские «застывшие формы на **-штє** и **-шє** действительных причастий», хотя отмечаются их редкость и вторичность в текстах[1]:

...**ѣко народоу дивити сѧ • <u>видѧщє</u> нѣмꙑѩ глаголѭштѧ** (Мф. 15: 31 Зогр., Мар.) ‘[и Он исцелил их,] так что народ дивился, видя немых говорящими’;

...**нєжє дъвѣ ноꙁѣ <u>имѫщє</u> въвръжєноу бꙑти въ ꙉєонѫ** (Мк. 9: 45 Мар.; в Зогр. — **імѫщю**) ‘[лучше тебе войти в жизнь хромому,] чем, имея две ноги, ввержену быть в геенну’;

повєли ми • дрєвлѥ <u>шьдъшє</u> погрєти оц҃а моєго (Лк. 9: 59 Зогр.; в Асс. — **шєдъшю**) ‘позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего’;

подоба ми ѥстъ сѣдѣти мльчѧштє (Супр. 205.14) ‘подобает мне сидеть молча’;

и трєтиі дьнь въставъ из мрътвꙑихъ • ꙗв҃ своимъ оученикомъ • <u>рєк҄шє</u> ст҃ꙑмъ апо҃ломъ (Супр. 11.21) ‘ и на третий день, восстав из мертвых, явился своим ученикам, то есть святым апостолам’.

В последнем случае форма **рєкъшє** выступает в качестве пояснительного союза в значении ‘то есть’.

§ 81. Залог

Категория залога характеризует отношение действия к предмету, обозначенному подлежащим.

Если подлежащее обозначает производителя действия (агенс), то глагол ставится в действительном (активном) залоге: **сє азъ посълѭ аꙉ҃лъ мои прѣдъ лицємь твоімь** (Мк. 1: 2 Зогр.) ‘вот я посылаю вестника моего перед тобою’.

Если подлежащее обозначает объект действия (пациенс), то используется форма страдательного (пассивного) залога: **<u>посъланъ бꙑ</u>ͤ аꙉ҃лъ гавьріилъ • отъ б҃а • въ градъ галилєіскъ** (Лк. 1: 26 Зогр.) ‘[в шестой месяц] послан был ангел Гавриил богом в город галилейский’.

---

[1] *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. С. 279.

В принципе активная и пассивная конструкции описывают одну и ту же ситуацию, но по-разному распределяют синтаксические роли субъекта и объекта действия. Ср. **не осѫждаите да не осѫждени бѫдете** (Мф. 7: 1 Зогр.) ‘не осуждайте [никого] и [тогда] не будете осуждены [сами]’ — **да не осѫдите сѧ** (Сав.); **осѫждаите** — действительный залог[1], **осѫждени бѫдете** и **осѫдите сѧ** — страдательный залог[2].

Значение страдательного залога в старославянском языке могло быть выражено двояким образом:

1) сложной (описательной) формой, состоящей из страдательного причастия и вспомогательного глагола, в качестве которого выступали различные формы глаголов **быти** и **бывати**: **азъ же поставленъ есмъ цр҃ъ отъ него** (Син. 2, 6) ‘Я поставлен царем им (= он поставил меня царем)’; **слышасте ꙗко речено бысть древьнімъ не оубиеши** (Мф. 5: 21 Зогр.) ‘вы слышали, что сказано было древним (Т. ед.): «не убивай...»’; **в҆сѣко оубо дрѣво... посѣкаемо бъиваетъ и въ огнъ въмѣтаемо** (Мф. 3: 10 Асс.) ‘всякое древо (не приносящее доброго плода) срубают и бросают в огонь’; **гонимъ бываааше бѣсомь** (Лк. 8: 29 Зогр.) ‘(он) был гоним бесом’; **тъшта же симон҃ѣ бѣ одръжима огн҃емь вельемь** (Лк. 4: 38 Зогр.) ‘теща же Симонова была одержима сильною горячкою’;

2) возвратной формой глагола, т. е. присоединением к глаголу постфикса **сѧ**, который по происхождению является возвратным местоимением В. п.: **вьса подънебесъскаꙗ • просвѣтиша са • апостольскомъ проповѣданиѥмъ** (Супр. 185.30—186.1) ‘вся поднебесная [земля] осветилась апостольским проповеданием’, но **да ты ми просвѣтиши оумъ** (Евх. 79а 21—22) ‘ты мне осветишь разум’; **всѣкъ възносѧі сѧ съмѣритъ сѧ** (Лк. 14: 11 Зогр.) ‘всякий возносящий сам себя, унижен будет’, но **съмѣрилъ ны еси на мѣстѣ озълобленьѣ** (Син. 43.20) ‘сокрушил ты нас в земле страдания’; **тлъцѣте і отвръзетъ сѧ вамъ** (Мф. 7: 7 Зогр.) ‘стучите и откроется вам (= откроют вам)’, но **по вѣрѣ єю отвръзе очи обѣма** (Евх. 336.16) ‘[он] по вере им открыл глаза обоим’; **шаръчиꙗ на единои дьстѣ • и образы чрътаѭтъ и истинѫ пишѫтъ шаромъ** (Супр. 418.2) ‘художники на одной доске и изображения рисуют, и (саму) действительность пишут красками’, но **пишетъ бо сѧ не чътыи сн҃а не чьтетъ отьца** (Супр. 328. 16-17) ‘ибо пишется (= написано): не почитающий сына не почитает (и) отца’.

Однако эти средства выражения страдательности в старославянском языке еще не были грамматикализованы. Об этом, в част-

---

[1] Формы императива в принципе не имеют пассива: ср. необычность таких фраз, как ***будьте осуждены*, ***осуждайтесь*.

[2] Подробнее о категории залога в старославянском языке см.: *Гавранек Б.* Залог (genera verbi) в старославянском языке в сравнительном плане // Исследования по синтаксису старославянского языка: сб. статей. Прага, 1963. С. 15—120.

ности, говорит употребление разных вспомогательных глаголов в описательных пассивных конструкциях с причастиями, а также то, что страдательные причастия настоящего времени встречаются довольно редко и во многих контекстах выступают еще как отглагольные прилагательные. Кроме того, страдательное значение глаголов на **сѧ** было лишь одним из многих значений возвратных глаголов.

Наряду с выражением страдательного значения **сѧ** использовался и как словообразовательное средство (часто в комбинации с префиксом), с помощью которого образовывались возвратные глаголы (их называют также *рефлексивами*): ср. **клѧти** 'проклинать' → **клѧти сѧ** 'клясться', **молити** 'просить, молить' → **молитисѧ** 'молиться, совершать молитву', **сънити** 'сойти, спуститься' → **сънити сѧ** 'собраться, сойтись (в бою), сразиться', **ити** → **разити сѧ** 'разойтись, рассеяться, исчезнуть', **горѣти** → **възгорѣти сѧ** 'загореться'.

Возвратный глагол может обозначать ситуацию, когда субъект действия одновременно является и объектом действия (т. е. действие возвращается к самому производителю и сосредоточивается на нем): **възвеселити** 'порадовать' → **възвеселити сѧ** 'порадоваться', **възвеличити** 'увеличить, умножить' → **възвеличити сѧ** 'увеличиться, умножиться'.

В старославянском языке переходные глаголы, присоединяя возвратный постфикс **сѧ**, могли развивать значение взаимного действия. Ср. **сънѧти** → **сънѧти сѧ** 'собраться, сойтись (в бою), совершить половой акт'; **цѣловати** 'целовать' (кого)' → **цѣловати сѧ** 'целоваться': **и абиѥ <u>цѣлоуѥтъ</u> п[о]пъ оба братра • і сама сѧ <u>цѣлоуѥте</u>** (Евх. 11а 2—3) 'и тотчас целует поп обоих братьев и они (оба) сами целуются'; **облобъзати** 'целовать (кого)' → **облобъзати сѧ** 'целоваться': **правъда и міръ <u>обобъзасте</u>** (sic!) **сѩ** (Син. 84.11) 'правда и мир поцелуются'.

Некоторые глаголы всегда были возвратными (**дивити сѧ**, (**оу**) **боꙗти сѧ**, **надѣꙗти сѧ** и др.), так как не употреблялись без **сѧ**: **азъ <u>дивлѭсѧ</u>** (Супр. 151.7); **видѣвъше і оученици ѥго по морoу ходѧща • <u>оубоꙗшѧ сѧ</u>** (Мф. 14: 26 Сав.) 'его ученики, увидев его идущего по морю, испугались'; **<u>надѣаше сѧ</u> знаменьѥ ѥтеро видѣти** (Лк. 23: 8 Мар.) '(Ирод) надеялся чудо какое-нибудь увидеть (от Иисуса)'.

Некоторые рефлексивы, прежде всего такие, которые обозначали эмоциональные состояния, имели в качестве постфикса возвратности не **сѧ**, а **си**, который по происхождению был формой дательного падежа того же возвратного местоимения: **пожалити си** 'опечалиться', **съжалити си** 'опечалиться', **сътѫжити си** 'ослабеть, впасть в уныние', **сътѫжати си** 'падать духом', **печаловати си/сѧ** 'печалиться' (ср. **печалити сѧ** 'расстраиваться, беспокоиться'): **съжалишѧ си ѕѣло** (Мф. 18: 31 Мар.) '(они) очень огорчились'; **не сътѫжи си вѣрою** (Супр. 427.6).

Обычно в старославянских текстах возвратный элемент **сѧ** стоит после глагола, к которому он относится. Изначально **сѧ** имел самостоятельное ударение (см. § 58, 103), однако в позднепраславянский период эта форма перешла в разряд энклитик и в соответствии с правилами поведения энклитик **сѧ** должно было занимать (если не было других энклитик) место после первого знаменательного слова предложения, каковую тенденцию отражают некоторые старославянские памятники: **жено чьто сѧ плачеши** (Ин. 2: 15 Асс.) ‘Женщина! Что ты плачешь?’; **без оума сѧ прічѧштаеші жрътвѣ** (Клоц. 9а 25) ‘безрассудно ты присоединяешься к жертве’.

§ 82. Служебные части речи: предлоги

Предлоги в старославянском языке можно разделить на *первичные* (непроизводные, первообразные) и *вторичные* (производные, непервообразные).

К *первичным* предлогам относились: **без**, **въ**, **въз**, **до**, **за**, **из**, **къ**, **на**, **надъ**, **о(б)**, **от(ъ)**, **по**, **подъ**, **при**, **прѣдъ**, **съ**, **оу**.

Первичные предлоги генетически имеют общее происхождение с приставками — значительная часть первообразных предлогов может выступать и в качестве приставок (*с*, *при*, *за*, *на* и т. д.). Исключения составляют **про-**, **раз-**, которые в старославянском не употреблялись в качестве предлогов. Кроме того, **въз** в роли предлога использовалось крайне редко, а **прѣ** при образовании предлога получал элемент **д** (отсюда появились предлог и префикс **прѣдъ**, аналогично образовались **надъ** и **подъ** из **на** и **по**). С другой стороны, **къ** был только предлогом.

Близкая связь между приставками и предлогами связана с тем, что они восходят к морфемам с адвербиальными значениями (прежде всего пространственными), существовавшим в праиндоевропейском языке; из этих морфем и сформировалась впоследствии система славянских приставок и первичных предлогов.

Предлоги **съ**, **къ** и **въ** первоначально оканчивались на носовой согласный (*sъn, *kъn, *vъn), поэтому в формах местоимений после них появлялось **н** (**съ нимь**, **къ немоу**, **въ нѥ**) *sъn jimь > sъńimь > sъ ńimь > **съ ҥимь**, * kъn jemu > kъńemu > kъ ńemu > **къ нѥмоу**, *vъn je > vъńe > vъ ńe > **въ нѥ**. После остальных предлогов формы на **н** появились по аналогии: **подъ ҥимь**, **без нѥго** (**беж нѥго**) и др.

Предлоги на конечный звук **з** (**без**, **въз**, **из**) исконно не имели редуцированного на конце, и поэтому на стыке предлога и слова могло происходить изменение группы согласных (ассимиляция и др.), например: **без оума**, но **бес тебе** (< *bez tebe), **беж нѥго** (<

*bez ńego), **бе страха** (< *bez straxa), **бештѧда** (< *bez čęda), **без д разоума** (< *bez razuma).

Ко *вторичным* предлогам относились: **близъ**, **врьхоу**, **вънѣ**, **въслѣдъ**, **искрь** ‘близко от’, **кромѣ** ‘вне, без’, **междю**, **окрьстъ** ‘вокруг’, **окрѫгъ** ‘вокруг’, **подлъгъ** ‘вдоль’, **посрѣдѣ**, **прѣжде**, **развѣ** ‘без, помимо, кроме’, **противѫ** ‘против, напротив, навстречу, по’, **прѣмо** ‘напротив, перед’, **сквозѣ**. Предлоги **дѣлꙗ**, **дѣл҃ьма** и **ради** ‘из-за, ради’ точнее было бы назвать *послелогами*, поскольку они употреблялись не перед, а *после* слова, к которому относились, и имели значение не только цели, как в современном русском языке, но и причины: **мене дѣлꙗ освѧтѧтъ имѧ моѥ** (Супр. 325. 18; ср. **мене ради** Клоц. 1а 11) ‘ради меня освятят имя мое’. Предлог **въ** ... **мѣсто** ‘вместо’ как бы обрамлял именную словоформу: **въ хлѣба мѣсто** ‘вместо хлеба’.

Производные предлоги возникали из наречий, застывших падежных (или предложно-падежных) форм.

Значительная часть предлогов могла употребляться только с одним определенным падежом. Однако некоторые, в первую очередь первообразные предлоги, могли употребляться в разных значениях с различными падежами.

Предлоги, употреблявшиеся с одним падежом

1. Предлоги с Р. п.:

без — при обозначении отсутствия чего-либо ‘без’ (**създавъшоу храминѫ безъ основаньѣ** (Лк. 6: 49 Зогр.) ‘создавшему дом без фундамента’) и в значении несогласия ‘вопреки, против, не по’ (**не бѣхъ ли ти реклъ в҃і позъвати • то како без моѥго повелѣниа три на десѧте ѥси позвалъ** (Супр. 121.16) ‘не я ли приказал тебе позвать двенадцать, а ты, вопреки моему приказанию, позвал тринадцать’);

до — с местным и временным значением ‘до, вплоть до’ (**до витл҃ѣема** (Лк. 2: 15 Зогр.) ‘до Вифлеема’, **до сего дьне** (Мф. 27: 8 Зогр.) ‘до сегодняшнего дня’), при указании на лицо, против которого направлено действие, ‘против’ (**до главы мі зъло сътдѣа** (Клоц. 481) ‘содеял зло против меня’);

из — обозначает место, из которого начинается действие (**ишедъ ис҃ъ иц҃ркве** (Мф. 24: 1 Мар.) ‘вышел Иисус из храма’), обозначает исходный момент действия или состояния (**изь оуности моеѩ** (Лк. 18: 21 Мар.) ‘с юности моей’), указывает на предка (**із неѩже родисѧ праведъное слън҃це** (Евх. 856.1) ‘от которой родилось праведное солнце’), обозначает материал (**врътъпъ іс камене** (Супр. 451.22) ‘пещера из камня’) и некоторые другие;

отъ — один из самых многозначных предлогов в старославянском языке; древняя форма была без конечного ера (псл. *ot);

помимо местного и временнóго значения ‘от, из, с’ (**възиде отъ водъı** (Мф. 3: 16 Зогр.) ‘вышел из воды’, **отъ того часа поѩтъ ѭ оученикъ въ своѣ си** (Ин. 19: 27 Зогр.) ‘и с того момента ученик взял ее к себе’), мог употребляться, в частности, при обозначении родительного разделительного ‘из’ (**ѥдинъ отъ васъ прѣдастъ мѧ** (Мф. 26: 21 Зогр.) ‘один из вас предаст меня’), а также при выражении субъекта в страдательном обороте (**поржганъ бъıстъ отъ влъхвъ** (Мф. 2: 16 Асс.) ‘был осмеян волхвами’) и др.; во многих из этих и других значениях в современном русском языке ему соответствует предлог *из* (см. также § 94);

оу — указывает на близость (**стоѣше оу гроба** (Ин. 20: 11) ‘[Мария] стояла у гроба...’), на принадлежность (**оу господи** (Супр. 313.28) ‘у Господа’) и т. д.; в целом спектр его значений в старославянском совпадает с современным русским.

К числу вторичных предлогов, требовавших Р. п., относятся:

врьхоу — ‘вверху, на’ — **врьхоу горъı стоѩ** (Мф. 5: 14 Асс.) ‘стоя на горе’;

кромѣ — ‘вне, без’ — **кромѣ грѣха** (Евх. 57а.12) ‘без греха’;

окрьстъ — ‘вокруг’ — **окрьстъ себе** (Мф. 8: 18 Зогр.) ‘вокруг себя’;

прѣжде — ‘перед, до’ — **прѣжде потопа** (Мф. 24: 38. Асс.) ‘до потопа’;

развѣ — ‘без, помимо, кроме’ — **пѧть тъıсѩщь развѣ женъ і дѣтиі** (Мф. 14: 21 Зогр.) ‘пять тысяч, помимо женщин и детей’.

Также с Р. п. употреблялись предлоги: **по срѣдѣ** ‘посреди’, **близъ** ‘вблизи’, **вънъ** ‘из’, **вънѣ** ‘вне’, **въ слѣдъ** ‘за’, **въскраи** ‘возле, около’.

С Р. п. употреблялись и послелоги **ради** и **дѣла**, **дѣльма**, имевшие в старославянском языке, как уже указывалось, причинное значение ‘из-за’ — **сѫбота чловѣкъ ради бъıстъ • а не чловѣкъ сѫботъı ради** (Мк. 2: 27 Асс.) (в Сав. — **дѣла**) ‘суббота для человека была, а не человек для субботы’.

2. Предлоги с Д. п.:

къ — кроме как при обозначании объекта, к которому направлено движение или действие (**къ тебѣ**), часто используется для выражения разного рода объектных отношений, для передачи которых в современном русском языке служит или Д. беспредложный, или другие падежи: **рече къ симоноу** (Лк. 7: 44 Сав.) (Зогр., Мар., Асс. — **рече симоноу**) ‘сказал Симону’, **вѣровашѧ къ богоу** (Супр. 6. 11) ‘веровали в Бога’); возможно значение ‘против’: **брань творѧтъ къ бо҃у** (Клоц. 76. 9) ‘борются против Бога’;

противѫ — ‘напротив’ (**противѫ манастъıроу** (Супр. 208. 25) ‘напротив монастыря’), ‘против’ (**противѫ отьцоу твоѥмоу диаволоу** (Супр. 99. 29) ‘против отца твоего — дьявола’), ‘навстречу’ (**противѫ иисоусови** (Мф. 8: 34 Асс.) ‘навстречу Иисусу’), ‘по, в соответствии

с’ **кождо противѫ силѣ своеи** (Мф. 25: 15 Зогр.) ‘каждому по его силе’);

прѣмо — ‘напротив, перед’ (**і сѣдѧштю емоу на горѣ елеонсцѣ · прѣмо цр҃кви** (Мк. 13: 3 Зогр.) ‘и когда он сидел на горе Елеонской против храма...’).

3. Предлоги с В. п.:

възъ — встречался редко, имел значения ‘вместо, взамен, за’ (**въздаахѫ ми зълаа възъ добраа** (Пс. 34. 12 Син.) ‘воздавали мне злом за добро’; **приѩхомъ благодѣть възъ благодѣть** (Ин. 1: 16 Зогр., Мар.) ‘мы получили [еще большую] благодать вместо благодати’); видимо, у **възъ** имелось и значение ‘близ, у’ (ср. употреблявшийся с Р. п. вторичный предлог **въскраи** ‘возле, около’ < *vъz + krajь); к местоименному сочетанию с предлогом **възъ** восходит наречие **въскѭѭ** ‘почему, зачем’ (<*vъz+kǫjǫ, В. ед. ж. вопросительного местоимения **кыи** ‘какой’);

сквозѣ — ‘сквозь, через’ — **бъістъ же ... іти емоу сквозѣ сѣаньѣ** (Лк. 6.1 Зогр.) ‘случилось же... ему идти через засеянные поля’;

подлъгъ — ‘вдоль’ — **тъ ишедъ на походѫ подлъгъ рѣкѫ** (Супр. 146. 10) ‘тот, выйдя на прогулку вдоль реки...’.

Предлоги **мимо** и **чрѣзъ (чрѣсъ)**, также требовавшие винительного падежа, сохранились только в церковнославянских памятниках.

4. Предлоги с Т. п.:

междоу — **междю нами і вами · пропасть вельѣ отврьди сѧ** (Лк. 16: 26 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘между нами и вами пропасть великая утвердилась’. По происхождению он представляет собой застывшую форму местного падежа двойственного числа существительного **межда** (русский вариант предлога ‘меж’ восходит к восточнославянской форме **межи** — М. ед.).

5. Предлоги с М. п.:

при — в пространственном значении: **сѣдѣаше при мори** (Мф. 13: 1) ‘сидел у моря’; во временно́м значении: **облѧѕи съ нама ѣко при вечерѣ естъ** (Лк. 24: 29 Мар., Асс., Охр.) ‘переночуй с нами, потому что дело идет к вечеру (‘вечереет, наступил вечер’)’, **при декиі цр҃и** (Ен. 386. 18) ‘при царе Декии’; переносно в значении ‘в отношении, по поводу’: **при одежди что сѧ печете** (Мф. 6: 28 Сав.) (Зогр., Мар., Асс. — **о одежди**) ‘и по поводу одежды зачем переживаете?’.

Предлоги, употреблявшиеся с несколькими падежами

1. Предлоги с В. и М. падежами:

въ — обычно с В. п. имел значения направления, а с М. п. — места (**ити въ градъ, быти въ градѣ**). Во временно́м значении употреблялся, как правило, В. п. (**въ часъ** ‘в момент’, **въ сиѭ нощь** ‘в эту ночь’), но мог употребляться и М. п. (**въ дьне** ‘днем, в течение

дня’, **въ недѣл҃и** ‘в неделю, в течение недели’). С В. п. **въ** мог обозначать способ и меру действия — **братра своего въ гнѣвъ проклънетъ** (Евх. 104б. 16) ‘брата своего в гневе проклянет’; **въ нѭже мѣрѫ мѣрите** (Мк. 4: 24, Зогр., Мар.) ‘какой мерой мерите...’. С В. п. также было возможно употребление в значении ‘предназначенности для чего-нибудь’ — **въметѣте мрѣжѧ вашѧ въ ловитвѫ** (Лк. 5: 4 Зогр., Мар., Асс.) ‘закиньте сети свои для лова’, что являлось калькой с греческого. Предлог **въ** встречался изредка и с Р. п. во временно́м значении — **дроужина быхомъ • въ маловрѣменьнаaго сего житиꙗ** (Супр. 72.8) ‘мы были сотоварищами в кратковременной этой жизни’;

на — как и предлог **въ**, в значении направления требовал В. п., а в значении места — М. п. В отличие от предлога **въ** обозначал нахождение на поверхности или на краю чего-то, а не внутри, поэтому, например, **придѫ на гробъ** (Лк. 24: 1) ‘пришли на могилу’. С М. п. **на** употреблялся в значении ‘по отношению к (кому-то или чему-то)’ и ‘за [по цене]’: **потръпи на мьнѣ** (Мф.18: 29 Мар, Асс.) ‘прояви ко мне терпение’; **чесо ради хризма си не продана бысть • на трьхъ сътѣхъ пѣнѧзь** (Ин. 12: 5 Зогр.) ‘почему миро это не продано было за триста динариев?’. С В. п. **на** обозначал назначение — **да ничесоже вьземлѭтъ на пѫть** (Мк. 6: 8 Зогр., Мар.) ‘да ничего не возьмут в дорогу’, имел значение ‘для, к’ — **благъ естъ на невъзблагодѣтънꙑѩ** (Лк. 6: 35 Зогр., Асс.) ‘он благ к неблагодарным’, и значение ‘против’ — **іже на вꙑ речетъ** (Ин. 5: 45 Зогр.) ‘который против вас говорит (= вас обвиняет)’. Во временном значении чаще употреблялся В. п. (**веселѧ сѧ на вьсѣкъ дьнь** (Лк. 16: 19 Зогр., Асс., Мар., Сав.) ‘празднуя каждый день’ и реже — М. п. (**на длъѕѣ врѣмени** (Лк. 18: 4 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘долгое время’);

о — в пространственном значении первоначально означал ‘вокруг’ (**видѣвъ же іс҃ъ многъ народъ о себѣ** (Мф. 8: 18 Сав.) ‘Иисус же, увидев вокруг себя множество народа...’ (ср. в Зогр., Мар., Асс. **окрѫстъ себе**), но вытеснялся в этом значении предлогом **окрьстъ**. В старославянском языке, по точному замечанию А. Вайана, «конкретное значение **о** бледнеет, и он начинает передавать весьма неопределенные значения»[1]. Среди этих значений — указание на лицо, предмет, рядом с которыми происходит действие, — ‘у’ (**видѣвъше же и иже бѣахѫ о немь • бꙑваемое** (Лк. 22: 49 Мар.) ‘увидели же те, кто были у него, то, что происходило’), обозначение обстоятельств состояния или действия — ‘в, на’ (**прѣбѫдѣте о вѣрѣ х҃свѣ** (Супр. 16. 25) ‘пребывайте в вере Христовой’), указание на предмет, лицо, ради которого совершается действие, — ‘для, за’ (**дѣло бо добро съдѣла о мнѣ** (Мф. 26: 10 Зогр.) ‘доброе дело сделала для меня’), обозначение причины — ‘из-за’ (**о семь вѣроуемъ • ѣко отъ б҃а еси**

---

[1] *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. С. 223.

ішелъ (Ин. 16: 30 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘потому (из-за этого) веруем, что ты от Бога вышел’) и др.

2. Предлоги с В. и Т. падежами. Эти предлоги требовали В. п. при указании на движение и употреблялись с Т. п., если речь шла о местонахождении, к ним относились:

надъ — **нап’сано надъ н҃имь** (Лк. 23: 38) ‘написано над ним’, **въсходѧщѧ и низъходѧштѧ надъ сына** (В. = Р.) **чловѣчьскааго** (Ин. 1: 51 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘[ангелов Божиих] восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому’;

подъ — **отъ землѧ подъ землѫ • б҃ъ пріходитъ** (Клоц. 13а. 2, Супр. 449.6) ‘из земли, под землю Бог приходит’, **сѫшта подъ смоковьницеѭ...** (Ин. 1: 49 Зогр, Мар., Асс., Сав.) ‘находящегося под смоковницей’;

прѣдъ — **кадило приносимъ прѣдъ тѧ г҃і** (Евх. 42а. 8) ‘тебе, Господи, возносим ладан’, **петръ же стоа прѣдъ вратъı** (Т. мн.) **вьнѣ** (Ин.18: 16 Сав.) ‘Петр же встал снаружи, перед воротами’.

3. Предлоги с Р., В. и Т. падежами:

за — с Р. п. употреблялся во временных сочетаниях (**за оутра**) и в значении ‘по причине’ (**разбѣгошѧ сѧ за страха иоудеиска** (Супр. 483. 11) ‘разбежались из-за страха иудейского’). В Т. п. обозначал ‘сзади, позади’ — **зади за вьсѣми стоѧ** (Супр. 99.9) ‘стоя позади всех’.

С В. п. означал ‘вслед за’ — **иди за мѧ** (Мф. 4: 10 Сав.) ‘иди вслед за мной’. Употреблялся в сочетаниях **ити за мѫжь**, **око за око**, **зѫбъ за зѫбъ**, **ꙗти за рѫкѫ** ‘взять за руку’, **бити за ланитѫ** ‘бить по щеке’. С В. п. также мог иметь значения ‘по причине’ и ‘в пользу’ — **не за твоѭ бесѣдѫ вѣроуемъ** (Ин. 4: 42 Зогр., Мар., Асс.) ‘не из-за твоей речи веруем’; **молите сѧ за творѧштаѩ вамъ обидѫ** (Лк. 6: 28 Зогр., Мар.) ‘молитесь за обижающих вас’.

4. Предлоги с Д., В. и М. падежами:

по — имел много значений, установить которые так же, как и в случае с приставкой **по-**, достаточно сложно.

С В. п. указывал распределение чего-то в пространстве или во времени (при этом всегда употреблялся с формами мн. ч.): **по вьсѧ дьни** ‘все дни (= каждый день)’, **по вьсѧ градъı** ‘во все города, по всем городам’. В. п. употреблялся при глаголах **съвѧзати**, **порѫчати сѧ**: **съвѧзавъше и по рѫцѣ и по нозѣ** (Евх. 106б.20) ‘связали его по рукам и по ногам’; **порѫчаеши сѧ по доушѧ людьскъıѩ** (Евх. 82а. 21) ‘ручаешься ты за души человеческие’. К предложным сочетаниям **по** с В. п. восходят наречие **по чьто** ‘почему’ и союз **понеже** ‘потому что’ (см. § 100).

С Д. п. обозначал место, на поверхности которого совершается действие: **ходѧ по морю** (Мф. 14: 25) ‘идя по морю’. С Д. п. обозначал также ‘в соответствии, соразмерно’ — **по вѣрѣ ваю** (‘вы’ в Р. дв.) **бѫди вама** (Мф. 9: 29) ‘по вере вашей (вас двоих) да будет вам (двоим)’.

С М.п. **по** означал, в частности, ‘вслед за’ — **по немь иде** (Мк. 3: 7) ‘пошел за ним’; во временно́м значении ‘после’ — **по томь** ‘после того, потом’, **по словесехъ сихъ** (Лк. 9: 28) ‘после этих слов’ (ср. совр. рус. *по приезде*, *по окончании*); также с М. п. употреблялся в значении ‘в пользу’ — **по господи борѩ** (Клоц. 681) ‘борясь ради Господа’ и с глаголами со значением ‘плакать, горевать’ — **плака по нихъ** (Супр. 38. 5) ‘заплакал по ним (= стал оплакивать их)’.

§ 83. Служебные части речи: союзы

В генетическом отношении союзы — вторичны: они возникали из слов других частей речи — из местоимений и наречий, с одной стороны, из частиц — с другой, а в отдельных случаях из слов и словосочетаний других частей речи.

Начало формирования союзных средств уходит своими корнями в праиндоевропейскую эпоху. Этот процесс продолжался в праславянский период и заключался, прежде всего, в семантической дифференциации и специализации уже существовавших средств, а также в образовании новых типов и подтипов слов, имеющих союзную функцию. Процесс образования и развития союзных средств в старославянском языке связан в первую очередь с формированием сложного предложения.

Очень большое влияние на формирование союзных средств старославянского языка оказал *греческий язык*. При этом греческий синтаксис был не столько источником прямых заимствований (ни один греческий союз не был заимствован славянскими языками), сколько играл роль образца, который в значительной степени определял принципы построения фразы и выработку средств союзного сочинения и подчинения. Греческое влияние проявлялось при формировании некоторых синтаксических моделей или при выборе той или иной конструкции в условиях наличия вариантов.

Старославянский язык в основном сохраняет возникшие ранее союзные средства. Так, старославянские сочинительные союзы **же**, **и**, **а** восходят к индоевропейским частицам с эмоциональным значением[1], другие древние союзы имели местоименное происхождение, например такие сочинительные союзы, как **да**, **та**, **ти**, **то** (все означали ‘и’), **ꙗко**[2]. В праславянский период появляются союзы **бо** ‘ибо’ (из усилительной частицы), **нъ** ‘но’ (из ограничительной частицы), **да** (**до**) ‘чтобы’, **даже** ‘пока, пока не’ (из желательной),

---

[1] *Bauer J.* Podíl citoslovcí na vzniku českých spojek // Syntactica slavica. Brno, 1972. См. с. 370—373.

[2] *Večerka R.* Souvětí se závislými větami relativními v staroslověnštině // Slovo. 1983. T. 32—33. C.15—52.

любо ‘либо’, **аще** ‘если’ (из модальных), **ни**, **ниже** (из отрицательных), **ли**, **или** (из вопросительных)[1]. Позднее появляются сложные сочинительные союзы типа **оубо** ‘и, но...’, **небонъ** ‘ведь’ и составные подчинительные союзы типа **аще и** ‘если и’, **не тъкъмо... нъ и** ‘не только..., но и’. К именному сочетанию восходит союз **сирѣчь** ‘то есть’, а **рекъше** (с тем же значением) представляет собой застывшую форму действительного причастия прошедшего времени.

Видимо, уже в старославянский период как калька с греческого (καὶ γάρ) появляется союз **ибо**. В соответствии с греческой же моделью (с элементом ἄν/ἐάν) возникают составные союзы с модальными оттенками. Эти союзы с модальным значением имели в качестве второго элемента **аще** и **колижьдо** (**иже аще** ‘что бы ни’, **ѣкоже колижьдо** ‘как бы ни’ и т. п.).

В результате этих изменений в старославянском языке сложилась довольно развитая система союзных средств, в которую входили ***союзы*** и ***союзные слова***. В функции союзных слов выступали относительные местоимения и наречия, которые употреблялись как союзные средства сложноподчиненного предложения.

По количеству составляющих их компонентов и их месту в предложении союзы могли быть *простыми* (**да**, **же**, **бо**, **рекъше**, **аще** и т. д.), *составными* (**аще и**, **сего ради**, **прѣжде даже** ‘прежде чем’ и т. п.) и *соотносительными* (**и... и**, **или... или**, **не тъкъмо... нъ и** ‘не только..., но и’ и др.).

В зависимости от типа связи, для которой служили союзные средства, их можно разделить на *сочинительные* и *подчинительные*.

К *сочинительным* союзам относились:

соединительные — **и**, **ни... ни**, **ниже**, **же**, **да**, **та**, **ти**, **то**, **таже**, **тоже** и некоторые другие: **отъ бога быти вѣрьнооуоумоу прѣданию • <u>и</u> чисти <u>и</u> примати • повелѣниѥмъ <u>же</u> цѣсаремъ вьсѫдоу по вьсеи земи • та дръжати коуп҅носѫштѫѭ вѣрѫ**... (Супр. 189.26) ‘быть верными данному Богом учению и чистыми (= безгрешными) его (= Бога) принимать, и по повелению царя, всюду, по всей земле хранить единосущную веру’;

противительные — **а**, **же**, **нъ**, **нъ обаче**, **а не нъ**, **тъкъмо** и некоторые другие: **приходѧтъ къ вамъ въ одеждахъ овьчахъ • вънѫтрьѭдоу <u>же</u> сѫтъ вльци** (Мф. 7: 15 Зогр., Мар.) ‘(они) приходят к вам в овечьих одеждах, а внутри — волки’;

сопоставительные — **не тъкъмо... нъ и**, **не тъчиѭ... нъ и**, **не просто... нъ и**: **приде <u>не</u> ӥса ради <u>тъкъмо</u> • <u>нъ</u> да <u>і</u> лазарѣ видѧтъ** (Ин. 12: 9 Зогр.) ‘и пришел (народ) не только из-за Иисуса, но и чтобы увидеть Лазаря’;

[1] *Bednarczuk L.* Uwagi o słowiańskich spójnikach alternatywnych// Rozcnik sławistyczhny. 1962. № 22, 1. С. 13—20.

разделительные — **или, или… или, ли… ли, любо, любо… ли** и некоторые другие: **не пꙋ҄цѣте сѧ ⷣшеѭ своеѭ • чьто ѣсте іли что пиете** (Мф. 6: 25 Зогр.) ‘не заботьтесь для души своей (для себя), что вам есть и что вам пить’;

пояснительные — **сирѣчь** и **рекъше**: **моли ѥго попешти сѧ о пештерѣ • рек҄ше о гробѣ** (Супр. 531.27) ‘попросил его позаботиться о пещере, т. е. о могиле’; **і видѣвъше единъ отъ оученикъ его • нечистама рѫкама • сирѣчь не оумьвенама ѣдѫштѧ хлѣбъı зазьрѣахѫ** (Мк. 7: 2 Мар.) ‘...и увидев, что некоторые из учеников его нечистыми, т. е. немытыми, руками ели хлеб, укоряли’.

Подчинительные союзы можно классифицировать по типу придаточного, которое они вводили.

Придаточные *изъяснительные* вводились союзами **ꙗкоже / акоже** (нейтральный), **да, ꙗко да** (имеют оттенок *предположительности*), **еда** (имеет оттенок *предостережения* ‘чтобы не’): **вѣдомо да бѫдетъ тебѣ ꙗко богомъ твоимъ не жърѫ** (Супр. 104.16) ‘да будет тебе известно, что я не приношу жертву твоим богам’; **добро ѥстъ да живеши • и свѣта сего видѣти** (Супр. 129.29) ‘хорошо, что живешь и видишь свет’; **блюди оубо еда свѣтъ иже естъ въ тебѣ тъма естъ** ‘смотри [= остерегайся], чтобы свет, который в тебе, не был тьмою’ (Лк. 11: 35 Мар.).

Обстоятельственные союзы делятся на союзы: *времени*, *причины*, *цели*, *условия*, *уступки*, *следствия*.

Временно́е значение ‘когда’ передавали союзы **ꙗко/ако**, например: **ако начѧ снопъı вѧзати • оуслъıша гласъ…** (Супр. 41.1) ‘когда начал вязать снопы, услышал голос’; значения ‘прежде чем, пока, пока не’ имели союзы **даже, прѣжде даже, прьвѣѥ даже**: **съниди прѣжде даже не оумьретъ отрочѧ мое** (Ин. 4: 49 Зогр.) ‘приди, пока не умер сын мой’.

Значение причины передавалось союзом **ꙗко** и его дублетом **ꙗкоже**, например: **бьдите оубо ѣко не вѣсте дьни ни часа** (Мф. 25: 13 Мар.) ‘будьте бдительны, потому что вы не знаете ни дня, ни часа...’.

Союзы цели могли быть нейтральны по значению (**ꙗко/ ꙗкоже, да / до, ꙗко да, ꙗкоже да**) и с модальным оттенком предотвращения (‘*чтобы не*’), в этом значении использовался союз **еда** (**еда како, еда когда**) и реже **егда**, например: **прослави сн҃а своего до и сн҃ъ твоі прославитъ тѧ** (Ин. 17: 1 Зогр.) ‘прославь сына своего, да и сын твой прославит тебя’, **помилоуи мѧ рабе бж҃ии еда како звѣрьми изѣдена бѫдѫ прѣдъ главоѭ твоеѭ** (Супр. 515.19) ‘помилуй меня, раб божий, да не буду съедена зверьми прямо перед тобой’.

Условные союзы могли иметь нейтральное значение ‘если’ (**аште** и некоторые его варианты **ꙗще, ащи, ащишѧ, а** и **ли**), значение с модальными оттенками предположительности (**аще да** и **да**) и ограничительными ‘если только’ (**тъчиѭ аще** и **а тъчиѭ**): **хоштеши ли**

исплънити • иди продаждь все имѣние свое (Мф. 19: 21 Сав.) ‘если хочешь быть совершенным, иди и продай все имущество свое’, **аште ли да вѣроуѥши въ господ҄ нашь і҃с х҃с • то избѫдеши болѣзни тоѧ лютыѧ** (Супр. 222.24) ‘если бы уверовал в Господа нашего Иисуса Христа, то избавился бы от этой жестокой [= страшной] болезни’; **и старѣишинъскꙋмоу саноу бѫдѫ ти ходатаи • тъчиѭ аште б҃гы благодарьствиши** (Супр. 100.15) ‘буду ходатаем, чтобы тебе дали сан старейшины, но только если возблагодаришь богов’.

В уступительном значении, которое не вполне еще, видимо, вычленилось из условного, могли употребляться **аще и**, **и аще**, **а и**, **а**, **цѣ и**, **цѣ**, **ацѣ**, **и тоже**, **ꙗко**, например: **зане никътоже прѣдъ тобоѭ чистъ бѫдетъ • ѣко единъ день живъ бѫдетъ** (Евх. 65в 18, цит. из Иов. 14.5; в Супр. та же цитата с **аще и**) ‘потому что никто не будет чист перед тобой, хоть (даже если) и один день проживет’; **не видѣаше тоу сѫшта ѥгоже хотѣаше прѣдати • цѣ свѣштамъ сѫштамъ и свѣтоу толикоу** (Супр. 412.16) ‘(он) не видел, там ли находился тот, кого он хотел предать, хотя горели свечи и было много света’.

Значение следствия имели союзы **ꙗко**, **ꙗкоже/акоже**, **да**: **кнѧзи ѥсмь • да ѥже хоштѫ творѭ** (Супр. 137.10) ‘я князь; что захочу, то и делаю’.

Итак, старославянская система союзных средств обладала двумя особенностями, характерными для древнего синтаксиса в целом, — широко представленной *вариантностью* и многозначностью (*полисемантичностью*).

Первая особенность проявляется в наличии у одного союза разных вариантов (дублетов) (ср., например, у союза **ꙗко — ꙗкоже**, **ꙗкосе**, **ако**, **акоже**, **ꙗкожесе** и т. д.). Варианты могут быть фонетическими (**когда — къгда**), словообразовательными (**неже — нежели**, **ѥлико — ѥликоже**, **ѥгда — вънегда**), морфологическими (**иже — ѥже**), синтаксическими (в последнем случае имеется в виду вариативность порядка компонентов: **аще и — и аще**) и лексическими (**и — ти**, **сирѣчь — рекъше**)[1].

Под *многозначностью* (которая в некоторых случаях, возможно, доходит и до омонимии) понимают возможность употребления одного и того же союзного средства в разных значениях. Например, один из самых многозначных старославянских союзов — **ꙗко** мог вводить следующие типы придаточных предложений: изъяснительное, причинное, временно́е, цели, следствия, образа действия, сравнения, уступки (см. примеры в § 101).

Поскольку функция союзов — служить средством связи в предложениях, им уделяется внимание и в разделе о синтаксисе, поэтому о союзных средствах, используемых в разных типах сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, см. § 99, 100.

---

[1] Граматика на старобългарския език. София, 1991. С. 340—350.

§ 84. Служебные части речи: частицы

Функции частиц весьма разнообразны — от указательных, усилительных, выделительных до модальных (отрицательных, вопросительных и др.). Частицы бывают слово- и формообразующими. Во многих случаях тонкие оттенки, которые передают те или иные частицы, оказывается довольно трудно определить и классифицировать.

Для древнего грамматического строя индоевропейских языков было характерно отсутствие той четкой дифференциации между частицами, союзами и наречиями, которая наблюдается в современных индоевропейских языках: некоторые слова (или даже первоначально морфемы) могли выполнять все три функции. Подобный синкретизм у многих частиц наблюдается, в частности, и в старославянском языке (**аще**, **бо**, **же** были и частицами, и союзами; а **еи** и **волѥ** — частицами и междометиями). По этой причине довольно сложно дать не только полную и бесспорную, но хотя бы непротиворечивую классификацию частиц.

В качестве указательной частицы, как правило с усилительным оттенком, в старославянском языке использовалось **се** ‘вот’: **се изиде сѣꙗи сѣꙗтъ** (Мк. 4: 3 Мар.) ‘вот вышел сеятель сеять’. По происхождению частица **се** была формой И. ед. с. р. указательного местоимения **сь**.

В значении усилительных частиц могли употребляться **бо** (чаще всего при местоимениях), **же**, **оубо**. Например, **помози намъ • милосръдовавъ же о насъ** (Мк. 9: 22 Зогр.) ‘помоги же нам, сжалься же над нами’; **їꙉемонъ рече имъ • что бо** (Асс. **оубо**) **зъло сътвори** (Мф. 27: 23 Мар.) ‘правитель сказал им: «Какое же зло он сотворил?»’.

В качестве отрицательных частиц использовались **не** и **ни**. Частица **нѥ** использовалась для выражения основного отрицания, **ни** употреблялась в трех случаях: для выражения дополнительного отрицания, в значении ‘нет’ и в случае особого подчеркивания отрицания (подробнее об особенностях выражения отрицания и о закономерностях употребления этих двух частиц см. § 95).

Утвердительной (в значении ‘да’, ‘конечно’) была частица **еи**: **бѫди же слово ваше еи еи • і ни ни** (Мф. 5: 37 Зогр.) ‘да будет слово ваше «да, да» и «нет, нет»’.

В функции вопросительных частиц (в прямых и косвенных вопросах) употреблялись: **аще**, **волѥ**, **дѣѥши**, **еда**, **ли**, **оубо**. Частица **ли** вводила нейтральный вопрос, а остальные частицы вводили вопросы с разными модальными оттенками — сомнением, опасением (‘неужели’, ‘разве’, ‘разве не’): **оучитель вашъ не даетъ ли дидрагма** (Мф. 17: 24 Мар.) ‘учитель ваш не даст ли дидрахмы?’; **волѥ же и рѫцѣ сълагаѥши...** (Супр. 456. 28) ‘неужто ты опускаешь руки’ (см. также § 87).

К числу модальных частиц относились: **да** (со значением *побудительности*), **аще**, **ѥша**, **ꙉароу** (со значением *желательно-*

сти — ‘о если бы! хоть бы!’), **ѥда коли** и **ѥда когда** ‘пусть не!’: **ꙗко вѣрова • да бѫдетъ ти** (Мф. 8: 13 Сав.) ‘как ты веровал, да будет тебе’; **ѥша и не събрали събора • ѥша и сице не бесѣдовали • ꙗроу тоу грѣховьнѣи зълоби прѣсталъ коньцъ** (Супр. 7) ‘о если бы вы не собирали собрания, о если бы вы не встречались, о если бы тогда греховному злу настал конец’; **аште би разоумѣлъ вь дьнь сь • і ты ѣже къ мироу твоемоу** (Лк. 19: 42 Зогр.) ‘о если бы хоть в этот день и ты увидел путь к миру’; **ѥда когъда пораджѭтъ ми сѧ враѕи моі** (Син. 37.17) ‘да не посмеются надо мной враги мои’.

Словообразовательными можно считать частицы, использовавшиеся для образования местоимений и наречий (в первую очередь отрицательных и неопределенных и реже относительных):

нѣ-: **нѣкъто**, **нѣкъıи**, **нѣкоторъıи**, **нѣкогда**, **нѣкакъ** ‘какой-то’, **нѣкъдє** ‘негде’...;

ни-: **никъто**, **никогда**, **никакъ** ‘никакой’, **никъде...**;

любо (‘-либо’): **къто любо**, **къıи любо** ‘какой-либо’, **какъ любо** ‘какой-либо’ и др.;

-жде: **тъжде** ‘тот же’, **такъжде** ‘такой же’, **такожде** ‘так же’ и т. д.;

-жьдо: **къжьдо** ‘каждый’, **къıижьдо** ‘каждый’, **колижьдо** ‘кто бы ни’.

В состав большого числа местоимений, наречий и союзов входит частица **же**: **даже** ‘прежде чем’, **неже(ли)**, **никьтоже**, **иже** ‘который’, **идеже** ‘где’, **понеже** ‘потому что’ и многие другие.

Ряд частиц мог выполнять разные функции. Например, **аще** могла выступать в роли *неопределенной*, *вопросительной* и *желательной* частицы; **оубо** — в качестве *усилительной*, *побудительной* (в повелительных и желательных предложениях) и *неопределенной* частицы; **да** — *побудительной* и *усилительной*; **ѥда** — *вопросительной* и *желательной*.

Некоторые частицы при передаче определенных значений употреблялись не отдельно, а в устойчивых сочетаниях с другими частицами или союзами: например: **волѥ оубо** и даже **волѥ же оубо** (в значении ‘разве не, истинно ли’), **ѥда когда** ‘пусть бы!’ и т. п.

Частицы, которые представляли собой односложные слова, были клитиками (не имели самостоятельного ударения) и ставились или *перед* словом, к которому относились (*проклитики* **да**, **не**, **ни**), или *после* (*энклитики* **же**, **бо**, **ли**) (см. также § 103).

§ 85. Междометия

Междометия представляют собой класс неизменяемых слов, служащих для выражения эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность (ср. в рус. *ах*, *ой*, *ну*, *ура*). Выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, меж-

дометия не обозначают и не называют их, и, таким образом, они относятся к сфере *эмоционального* языка в отличие от языка интеллектуального. Все это противопоставляет междометия словам всех других частей речи.

В старославянском языке можно выделить около полутора десятков междометий, часть из которых — заимствования или кальки с греческого. Они могли выражать *удивление* (**ѡ, веле**), *скорбь* (**горѥ, оувъı**), *упрек* (**оува**), *уверенность* в чем-либо (**аминъ, благоже, еи**) и др.

В старославянских памятниках встречаются следующие междометия:

алелоуиꙗ с многочисленными графическими вариантами (**алелоугиа, алилоу** и др.) — греч. ἀλληλούϊα (в греческом из еврейского) — ‘аллилуйя’;

аминъ, аминь (и с другими орфографическими вариантами) — греч. ἀμήν (из еврейского) — ‘аминь, да будет так!, истинно’; в соответствии с этимологией еврейского *аминь* в церковнославянских текстах возможен перевод этого слова как **правь**;

благоже — калька греч. εὖγε ‘хорошо, так и надо’: **рѣшѧ благоже благоже видѣсте очи наши** (Син. 34.21) ‘сказали: хорошо! хорошо! видели наши глаза’;

веле (или чаще **ѡ веле**) — ‘ох! о как!’: **ѡ веле медъ капљѫштии ѩзыкъ дѣтии** (Супр. 327.1) ‘о, как мед капающий язык детей’;

волѥ — ‘итак, давайте’: **воле же оубо... памѧть на обьштѫ пользѫ... състроимъ** (Супр. 83.3) ‘давайте же память используем на общую пользу’; ‘и вот, а вот’: **воле же чьто сътворилъ тъгда владыка тъ** (Супр. 86.22) ‘а вот что сделал тогда тот владыка’;

горѥ — греч. οὐαί, οἴμοι — ‘увы! горе! беда!’: **горѥ же непраздънымъ и доѭштимъ въ ты дьни** (Мф. 24: 19 Мар., Асс., Сав.) ‘увы беременным и кормящим [матерям] в те дни’;

еи — греч. ναί — *в утвердительном значении* ‘да, же, конечно’: **гл҃а імъ ис҃ъ • разоумѣете ли вьсѣ си • гл҃ашѧ ємоу єі г҃и** (Мф. 13: 51 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘сказал им Иисус: Поняли ли вы все это? Сказали ему: Конечно, Господи’;

осана, осанна (и с другими графическими вариантами) — греч. ὡσαννά (из еврейского) — ‘осанна’: **зъвааахѫ гл҃ѭште • ѡсанна • благословенъ грѧдыи въ імѧ гн҃е** (Ин. 12: 13 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘звали, говоря: «Осанна! Благословен грядущий во имя Господне!»’;

сѣ — греч. δεῦρο, φέρε — ‘ну вот, ну-ка’: **сѣ оубо и мы възлюбьѥнии... слышимъ что глаголетъ намъ г҃** (Супр. 318.24) ‘ну вот и мы любимые [Господом] услышим, что говорит нам Господь’;

оу — ‘о! увы! ах!’: **оу горе мьнѣ • окаанѣи...** (Супр. 517.6) ‘о, горе мне, несчастной’;

оува — очевидно, заимствование из греч. οὐά выражает *насмешку*, *недоверие* (‘э!’): **оувъва • разарѣѩі цръковь • і трьми дьньми**

съзидаѩ ѭ • сп҃и себе (Мф. 27: 40 Мар., Асс., Сав., Зогр.) ‘эй, разрушающий храм и в три дня создающий его! Спаси себя (самого)’;

оувъı — греч. *οἴμοι, οὐαί μοι* — ‘о горе! увы!’ **оувъı мьнѣ оувъı мьнѣ • побѣжденъ бъıхъ мѫжи сими свѧтыими** (Супр. 78.27) ‘о горе мне! Увы мне! Я оказался побежден этими святыми мужами’;

ѡ — греч. ὦ, ὤ — ‘о!’ **ѡ жено велиѣ естъ вѣра твоѣ** (Мф. 15: 28 Мар., Асс., Зогр.) ‘о женщина! Велика вера твоя’.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем различие между *именным* и *местоименным* склонением в старославянском языке?

2. Какие *типы склонения* имен существительных выделяются в старославянском языке? Как в старославянских памятниках отражается *унификация типов склонения*? В какой степени на этот процесс влияет *категория рода*?

3. Какой этап развития категории *одушевленности* отражает старославянский язык?

4. Что такое *звательный падеж* имен существительных?

5. Сравните систему личных и указательных местоимений старославянского и современного русского языка. Какими средствами в старославянском языке передавалось значение 3-го лица?

6. Почему краткие прилагательные в старославянском языке называются *именными*, а полные — *членными* и *местоименными*?

7. Каковы синтаксические функции *именных* и *членных* прилагательных в старославянском языке? В чем их отличие от современного русского языка?

8. Какие суффиксы использовались для образования *притяжательных* прилагательных? Существовали ли членные формы притяжательных прилагательных?

9. Каковы были морфологические и синтаксические особенности *числительных* в старославянском языке?

10. Чем морфологическая *категория числа* старославянского языка отличалась от одноименной категории современного русского языка?

11. Проиллюстрируйте примерами разнообразие *наречий* в старославянском языке и неоднородность их структуры.

12. Какие *классы глаголов* выделяются в старославянском языке и каковы принципы этой классификации?

13. Дайте общую характеристику *видо-временной* системы старославянского глагола. Каковы ее отличия от глагольной системы современного русского языка?

14. Как образовывались возвратные глаголы в старославянском языке?

15. Перечислите *прошедшие времена* старославянского глагола. Каковы особенности их функционирования?

16. Какие *типы аориста* были в старославянском языке и каковы особенности их образования?

17. Какие типы *причастий* существовали в старославянском языке? В каких синтаксических функциях они использовались?

18. Были ли в старославянском языке *деепричастия*?

19. Что такое *супин*? Чем супин отличается от инфинитива, какова его дальнейшая судьба в славянских языках?

Практические задания

Задание 1. Определите, к одному ли типу склонения относились в старославянском языке следующие существительные с окончанием -ь в И. ед.:
кон҃ь, дань, дьнь, клєнь, огнь, стоудьнь, рємєнь, брань, сѣнь, грътань, стѣнь.

Задание 2. Определите тип склонения существительных:
дрьзость, братолюбьць, соухоꙗдьць, приꙗтєл҃ь, ѫгль, дьбрь, пѣснь, прьстєнь, лакъть, льстьць, людинъ, начѧтькъ, жьзлъ, оугодьникъ, дъщи, мєдъ, прахъ, мꙑшь.

Задание 3. Напишите праславянскую форму имен существительных с учетом их принадлежности к определенному типу склонения:
рабъ, братъ, домъ, вождь, пѫть, зависть, морє, вино, дрѣво, слово, вражьда, жажда, землꙗ, дъщи, врѣмѧ, плємѧ, жрѣбѧ, жрѣбии, црькꙑ.

Задание 4. Определите разряд имен прилагательных:
іюда іскариотьскꙑ, цр҃ю іюдєіскъ, трьновъ вѣньць, сн҃ъ бж҃и, кънигами єлинъсками і римьсками і єврѣісками, цр҃и зємьніі, птицами нєб҃сьнꙑими, боурѣ вѣтръна, страхомъ вєлиємь, гладъ крѣпъкъ, мьніі сꙑнъ, брѣмєна тѧжька, вожди слѣпии, стоудєньць иꙗковль, овьча кѫпѣль.

Задание 5. Просклоняйте словосочетания:
пѫть правьдьнъ, стадо свиноє, вьдовица оубогаꙗ, хꙑтра свєкрꙑ, сн҃ъ чл҃чь, правьдьноє слъньцє, домъ иѣков҃ль.

Задание 6. Выберите из приведенных примеров местоимения и определите их разряд:
гл҃а імъ, чьто сътвори, они жє въпиѣхѫ, сєго правьдьника, вꙑ оузьритє, вси людиє, кръвь єго на насъ, на чѧдѣхъ нашихъ, биѣꙗхѫ і по ланитама, вьсѣкъ жє противитъ сѧ кєсарєви, чк҃ъ єтєръ, чк҃ъ сь, пръси своꙗ, ничто жє таіно, братъ твои, тоꙗ странꙑ, коупитє сєбѣ, овомоу жє дастъ таланътъ, комоужъдо противѫ силѣ своєи, єжє пьсахъ, с нимь іна дъва, дроугꙑ оставлѣатъ сѧ, въ кѫѭ странѫ, въ часъ въ ньжє нє вѣстъ, дроугаєго о лѣвѫѭ распѧшѧ, ни о комъжє нє зьриши, възлюбиши искрънѣаго своєго ако и самъ сѧ, волєѭ оц҃а твоєго прославльшааго тѧ, кꙑ чк҃ъ отъ васъ имꙑ съто овьць, а ижє кльнєтъ сѧ даромь, тацѣми притъчами.

Задание 7. Приведенные ниже наречия распределите по группам в зависимости от местоименного (1) и наречного (2) элементов в их структуре. Дайте их перевод на современный русский язык.
къгда, онамо, сѫдоу, сьдє, овамо, къдє, тъгда, овѫдоу, сѣмо, нѣкъдє, онъгда, инѫдоу, тамо, инъдє, онѫдоу, вьсьдє, тѫдоу.

Задание 8. Определите значение формы **ти** в следующих примерах:
сѫштємъ имъ числомъ чєтꙑри дєсѧти • ти шєсть • повєлѣ къ сѫдиштоу привєсти (Супр.), **придѫ жє слоугꙑ къ архиєрєомъ и фарисѣомъ • і рѣшѧ имъ ти • почто нє привѣстє єго** (Мар.), **прьсти твои опослоушаѭтъ сѧ ти** (Супр.), **сꙑнъ ти живъ єстъ** (Мар., Асс.).

Задание 9. Образуйте от данных глаголов форму 3 ед. настоящего времени и объясните чередования согласных в корне:
вєсти, бости, красти, мєсти, пасти, плєсти, чисти.

Задание 10. Определите класс глаголов:

жити, ходити, крꙑти, бꙑти, стоꙗти, питати, пити, бьрати, зѧбнѫти, оумрѣти, млѣти, лобъꙃати, цѣловати, распѧти, жещи, насадити, дати, грети, имѣти.

Задание 11. Найдите в следующих глагольных формах суффикс, определите его грамматическое значение:

плетѣахъ, пасѣаше, изнесѣше, исцѣлꙗахъ, стоꙗше, послоушааше.

Задание 12. Найдите в предложениях формы аориста и дайте их морфологическую характеристику:

и сънидє дъждъ и придошѧ рѣкꙑ • и възвѣꙗшѧ вѣтри и нападошѧ на храминѫ тѫ • и не паде сѧ бо бѣ на камене; отъвѣшта і҃с і рече имъ, и възъпивъ припаде къ немоу • і вълѣзе въ корабь і҃с • і съвлькше і хламидоѭ чрьвеноѭ облѣкошѧ.

Задание 13. Найдите в предложениях формы сослагательного наклонения и дайте их морфологическую характеристику:

молѣаше же и единъ отъ фарисѣи да би ѣлъ съ ними (Мар.); **і посълашѧ къ немоу • етерꙑ отъ фарисеи • і иродиѣнꙑ • да і бѫ обльстили словомь** (Зогр.); **и се весь градъ иꙃидѫ противѫ і҃сви • и видѣвъше і молишѧ да би прѣшелъ отъ прѣдѣлъ ихъ** (Мар.).

Задание 14. Определите форму причастия:

крꙑтъ, грѧдѫщее, въсаждена, рождьшю, шьдъшѧѩ, избивꙑ, побиваѩ, посъланꙑѩ, въходѧи.

Задание 15. Найдите частицы в приведенных ниже предложениях и определите их значение:

і се приде мѫжь къ ис҃оу (Мар.); **оуже нѣсмь достоинъ нарешти сѧ сн҃ъ твои** (Остр.); **да оузьрѧть ваша добраꙗ дѣла** (Остр.); **правьдънꙑи же слꙑшавъ то • и вьздѣвъ рѫцѣ на небо • кротцѣ и тихо братоу рече** (Супр.); **аште ми сѧ ключитъ і съ тобоѭ оумрѣти • не отъвръгѫ сѧ тебе • такожде і вси оученици рѣшѧ** (Зогр.); **не видѣти съмръти прѣжде даже видить хрьста господьнѣ** (Мар.); **достоино ли естъ дати кинъсь кесареви или ни** (Зогр.); **и падъ же оубо работъ кланѣше сѧ глаголѩ** (Асс.); **се обѣдъ мои оуготовахъ** (Евх.); **по неже оубо мнози начѧшѧ чинити повѣсть** (Зогр.); **ни почръпала имаши и стоуденецъ естъ глѫбокъ отъкѫдѫ оубо имаши водѫ живѫ** (Мар.); **се звѣзда ѭже видѣшѧ на въстоцѣ идѣше прѣдъ ними** (Сав.); **о дни томь и годинѣ тоі • никтоже не вѣсть ни аг҃ли нб҃сціі • тъкмо оц҃ь единъ** (Сав.).

Литература

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.

Бородич В. В. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках // Вопросы языкознания. 1953. № 6. С. 68—86.

Бунина И. К. Система времен старославянского глагола. М., 1959.

Гавранек Б. Залог (genera verbi) в старославянском языке в сравнительном плане // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. С. 15—120.

Гадолина М. А. История форм личных и возвратного местоимений в славянских языках. М., 1963.

Гаспаров Б. Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах (К вопросу о природе грамматического значения) // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5). С. 215—242.

Историческая грамматика древнерусского языка / под ред. В. Б. Крысько. Т. 1—4—. М., 2000—2006—.

Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.

Маслов Ю. С. Возникновение категории совершенного/несовершенного вида (1959 г.) // Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М., 2001. С. 131—140.

Маслов Ю. С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Вопросы славянского языкознания. М., 1954. Вып. 1. С. 68—138.

Откупщиков Ю. В. О старославянском сигматическом аористе // Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1963. Т. 27. С. 153—172 (перепечатано в кн.: *Откупщиков Ю. В.* Opera philological minora (Античная литература. Языкознание). СПб., 2001. С. 372—393).

Супрун А. Е. Старославянские числительные. Минск, 1969.

Толстой Н. И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке (на материале евангельских кодексов) // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2. С. 43—122 (перепечатано в кн.: *Толстой Н. И.* Избранные труды. Т. III: Очерки по славянскому языкознанию. М., 1999. С. 52—170).

Томсон А. И. Избранные работы по морфологии славянских языков. Развитие категории одушевленности. М., 2006.

Трубецкой Н. С. О притяжательных прилагательных (possessiva) староцерковнославянского языка (1937 г.) // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 219—222.

Фортунатов Ф. Ф. Сравнительная морфология индоевропейских языков // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. М., 1957. Т. 2.

Фортунатов Ф. Ф. Старославянское -**тъ** в 3-м лице глаголов // Изв. II Отд. АН. 1908. Т. XIII. Кн. 2.

Фролова С. В. К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русского языка // Учен. зап. Куйбышевского пед. ин-та. Куйбышев, 1960. Вып. 32. С. 323—340.

Хабургаев Г. А. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М., 1991. С. 42—54.

Ходова К. И. Система падежей старославянского языка. М., 1963.

Эккерт Р. Основы на -ӣ в праславянском языке // Учен. зап. Ин-та славяноведения. М., 1963. Т. 27. С. 87—110.

Якубинская-Лемберг Э. А. Употребление кратких и полных прилагательных в старославянском языке // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. филол. наук. 1957. Вып. 23. № 197. С. 92—109.

Глава VI
СИНТАКСИС

§ 86. Общие замечания

При обращении к старославянскому синтаксису необходимо учитывать не только характерные черты древнеславянского синтаксического строя, но и специфические особенности создания и оформления письменных текстов.

Текст писался без разделения не только на предложения и синтагмы, но и на слова (см. § 12). Не было и знаков препинания в современном понимании: в середине строки употреблялись точки • и отточия ⁘, но они не всегда совпадали с реальными границами фразы и ее частей — синтагм, поэтому уже при членении старославянского текста — иногда не только на предложения, но и на слова — у современного читателя могут возникать сложности. Помимо этих особенностей древней «пунктуации» следует указать, что сам древний синтаксис в целом отличался от современного литературного меньшей расчлененностью: синтаксические границы могли быть не очень четкими, многие союзы служили для передачи широкого спектра значений. Все это составляет сложности уже на уровне **определения границ предложения** (иногда может вставать вопрос — сложное перед нами предложение или несколько простых, где именно проходит граница между частями и т. д.)[1].

Еще одной важной чертой старославянского синтаксиса, которую постоянно следует иметь в виду, является то, что старославянские тексты — это прежде всего *переводы* греческих богослужебных текстов. Характер древних переводов был в целом несколько иной, чем характер современных переводов. Современные литературные переводы стремятся не столько сохранить буквальную близость оригиналу, сколько передать стиль автора. Но даже современные технические переводы, которые вроде бы должны «строже» соответствовать оригиналу, не следуют за порядком слов в предложении оригинального текста. Что касается древних переводов,

[1] Сложности определения границ предложения в древних текстах объясняются не только «правилами» древней пунктуации, но и в целом большей спонтанностью письменной речи, чем это стало нормой в эпоху книгоиздательства.

то они зачастую носили *пословный* характер[1]. Помимо этого, греческий язык — язык оригиналов старославянских текстов, с его многовековой историей и детально разработанной системой синтаксических средств, — служил образцом для старославянского языка, только возникающего и формирующегося как письменный, книжный язык, причем именно в процессе переводческой деятельности. Греческое влияние на старославянский проявляется на разных языковых уровнях, но наиболее ощутимо оно на уровне синтаксиса. Воздействие греческого синтаксиса может сказываться, в частности, как в механическом калькировании отдельных выражений, так и в возникновении определенных синтаксических моделей старославянского языка, а также в частотности употребления тех или иных оборотов[2].

И тем не менее, несмотря на все сказанное, старославянские тексты отражают определенные общие особенности древнеславянского синтаксиса, среди которых наиболее важными являются следующие:

1) преобладание сочинения (*паратаксиса*) над подчинением (*гипотаксисом*)[3];

2) предпочтение, где это возможно, согласования управлению: **крѣпостиѭ д҃шьнѫѭ побѣдите** (Супр. 108.22) ‘вы победите крепостью души’;

3) большее употребление беспредложного управления, чем в современных славянских языках: **ч҃лкъ нечистомь дх҃омь** (Мк. 1: 23 Зогр.) ‘человек с нечистым духом’;

4) синкретизм союзов (например, один только союз **ꙗко** мог употребляться в значениях ‘как’, ‘как будто’, ‘что’, ‘чтобы’, ‘потому что’, ‘если’ и некоторых других).

В то же время, характеризуя старославянские синтаксические единицы, принято прилагать к ним понятия современного синтаксиса: в старославянском языке выделяют те же структурные типы

---

[1] Перевод славянских богослужебных текстов, как правило, следует за порядком слов греческого оригинала. Господствующим правилом перевода является то, что одному слову оригинала соответствует одно слово в переводе. Хотя, говоря о буквалистичном характере средневековых, особенно библейских, переводов, не следует забывать, что мера буквализма в них не определена с достоверностью. Подробнее об особенностях древних переводов см.: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 74—84.

[2] Подробнее о влиянии греческого синтаксиса на славянский см. § 104.

[3] Следует, однако, отметить, что, хотя особенностью древнеславянского синтаксиса и является преобладание паратаксиса над гипотаксисом, старославянские тексты как тексты переводов с греческого, обладавшего высокоразвитыми гипотаксическими отношениями, проявляют его значительно меньше, чем *оригинальные* древнеславянские тексты, в частности тексты юридического характера. Подробнее о паратаксисе и гипотаксисе см. § 98.

предложений, что и в современных славянских языках. По цели высказывания предложения делят на повествовательные, вопросительные и побудительные, по наличию/отсутствию отрицания — на утвердительные и отрицательные, по количеству грамматических основ — на простые и сложные; выделяют также главные и второстепенные члены в предложении и т. д.

§ 87. Вопросительные, побудительные, восклицательные предложения

Вопросительные предложения в старославянском языке оформлялись посредством вопросительных местоимений и наречий **къто**, **когда** и т. д. или, в случае общего вопроса, — с помощью частиц **ли**, **еда**, **аште**, **дѣѣши** и некоторых других. Частица **ли** вводила нейтральный вопрос, частицы **еда**, **аште**, **дѣѣши** вводили вопросы с разными модальными оттенками — сомнением в отношении положительного ответа ‘неужели’, опасением ‘разве, разве не’ и т. п. (в греческом им соответствуют μή, μήτι, ἤ): **нѣси ли николиже плавалъ по морꙋ** (Супр. 115.9—10) ‘ты никогда не плавал по морю?’, **еда и вы прѣльштени бысте** (Ин. 7: 47 Мар., Зогр., Асс. и др.) ‘неужели и вы прельстились?’, **дѣѣши законъ бѣ данъ** (Супр. 365.19) ‘разве не был дан закон?’.

В побудительных предложениях по преимуществу употреблялся императив глагола, разные оттенки побудительности могли также передаваться отдельными частицами. Наиболее частотной в побудительных предложениях была частица **да**: **да поклонѧтъ сѧ емꙋ вьси ангели бжии** (Ен. 25а 7—8) ‘да поклонятся Ему все ангелы Божьи’, **да пристѫпаемъ ꙋбо съ дръзновениемъ къ прѣстолꙋ благодѣти** (Ен. 9б.17—10а.1) ‘да подходим смело к престолу благодати’. Некоторые частицы, употреблявшиеся в побудительных предложениях, придавали ему разные модальные оттенки (вежливой просьбы, желания, мольбы и т. д.), среди них **ѥша**, **ꙗрꙋ**, **ѥда**, **да не**: **еша моглъ быхъ азъ вась ꙋвѣштати крьстиꙗномь быти** (Супр. 131.9—10) ‘если бы я мог убедить вас стать христианами!’; **ꙗрꙋ и того да быхъ не вѣдѣлъ** (Супр. 410.12—13) ‘если бы я этого не знал!’.

В восклицательных предложениях для передачи соответствующего эмоционального состояния употребляются междометия **ѡ**, **ѡ веле** ‘о!’, **ꙋвъі**, **горе** ‘увы!’: **ѡ бж҃iѣ въ iстiнѫ прѣмѫдрость** (Клоц. 10в.7—8) ‘о божия воистину премудрость!’, **горе же непраздънымъ и доѭштимъ въ ты дьни** (Мф. 24: 19 Асс.) ‘горе же беременным и кормящим [матерям] в те дни!’.

§ 88. Структура простого предложения: односоставные и двусоставные предложения

Односоставные предложения в старославянском языке были представлены следующими типами:

1) определенно-личные: **вь грѣсѣ вашемъ оумьрете** (Ин. 8: 21 Зогр.) 'вы умрете в грехе вашем';

2) неопределенно-личные: **і осѫдѧтъ і на съмрътъ • і прѣдадѧтъ і ѩзкмъ** (Мк. 10: 33 Асс.) 'и осудят его на смерть, и предадут его язычникам';

3) обобщенно-личные: **възлюбиши искрьнѣго своего і вьзненавидиши врага своего** (Мф. 5: 43 Мар.) 'Возлюби ближнего твоего и возненавидь врага твоего'[1];

4) безличные: **не бѣ има мѣста въ обитѣли** (Лк. 2: 7 Мар., Асс., Сав.) 'не было им [двоим] места в жилище';

5) назывные: **заклинание стааго василѣ над дхы нечистъı** (Евх. 56в.34) 'Заклинание святого Василия на нечистых духов'[2].

Одним из важных отличий старославянского от современного русского языка является тот факт, что нормой было определенно-личное предложение, а не двусоставное предложение с подлежащим — личным местоимением, как в современном языке (ср. *Люблю...* и *Я люблю*).

Личные местоимения в старославянских текстах, как правило, не употребляются: их наличие было грамматически избыточным, поскольку личная форма глагола всегда показывала, кто является субъектом действия (в том числе в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения): **вс҄е бо въздалъ еси намъ** (Евх. 63а.8— 9) 'ибо Ты нам все воздал'; **проидохомъ сквозѣ огнь и водѫ** (Супр. 94.18—19) 'мы прошли сквозь огонь и воду'; **врагъ іхъ съмѣрилъ бімъ** (Син. 80.15) 'я сокрушил бы врагов их'. Употребление же личного местоимения в предложении, вероятно, имело стилистическую функцию — на него падало логическое ударение: **не вы мене избрасте нъ азъ избърахъ вы** (Ин. 15: 16 Мар., Зогр.) 'не *вы* Меня избрали, а *Я* избрал вас'.

В тех случаях, когда личное местоимение не опускается, при нем обычно есть приложение или обращение: **азъ самоиль рабъ бжи** (Надп. Сам. 993 г.) 'я, *Самуил*, раб Божий'; **ѣко ты гі єдіного на оупьванье вьселілъ мѩ есі** (Син. 4.9) 'ибо ты, Господи, один даешь мне жить в безопасности'.

Еще одной особенностью старославянских текстов является возможное отсутствие (или неповторение) подлежащего в том случае,

---

[1] Будущее время в значении императива — гебраизм, см. § 104.

[2] Строго говоря, названия-заголовки, формулы-приветствия и подобное не являются назывными (номинативными) предложениями, а представляют собой особые конструкции, возникшие на базе двусоставных.

когда субъект действия выявляется из контекста. При этом он может меняться, как, например, в данном фрагменте из евангельской притчи о блудном сыне: **чк҃ъ етеръ їмѣ дъва сн҃а • ї рече мьниі сн҃ъ ею оц҃ю оч҃е даждь ми • достоїнѫѭ чѧсть їмѣньѣ • ї раздѣли їма їмѣнье** [...] **ї тъ начѧтъ лишити сѧ • ї шьдъ прилѣпи сѧ единомь отъ жителъ тоѩ страны • ї посъла і на села своѣ пастъ свиніи • ї желааше насытити сѧ отъ рожьць ѩже ѣдѣахѫ свиниѩ • ї никътоже дааше емоу** (Лк.15: 12—16 Зогр.) ‘Некий человек имел двоих сыновей. И сказал младший сын отцу их (обоих): «Отец, отдай мне причитающуюся часть имущества». И [тот (отец)] разделил между ними имущество. [...] И он [младший, он же блудный, сын] начал нуждаться. И пошел [он], пристал к одному из жителей той земли; а [тот (житель)] послал его на свои поля пасти свиней. И хотел [он (блудный сын)] насытиться от рожков, которые ели свиньи, но никто не давал ему’.

§ 89. Безличные и инфинитивные предложения

Безличные и инфинитивные конструкции в старославянском языке часто имели модальные оттенки долженствования, желательности и т. д. При этом субъект в данных конструкциях, как правило, употреблялся в дательном падеже.

Среди всего многообразия безличных и инфинитивных оборотов остановимся на тех, которые либо отсутствуют в современном языке, либо иначе оформляются.

В безличных конструкциях с отрицанием помимо закономерного родительного падежа отрицаемого субъекта возможно употребление и именительного падежа при отрицании, например: **нѣстъ бж҃ие тоу пришествиѥ** (Супр. 95.17) ‘нет здесь пришествия божия’; **како пасха нѣстъ жидовъска** (Супр. 419.11) ‘как нет еврейской пасхи’.

Безлично могут употребляться глаголы с **сѧ** в страдательном значении в соответствии с греческим пассивом: **дастъ бо сѧ вамъ въ тъ часъ** (Мф. 10: 19 Мар.) ‘дано будет вам в тот час’; **тльцѣте и отвръзетъ сѧ вамъ** (Мф. 7: 7 Зогр.) ‘стучите и откроют вам’.

Сочетания глагола **быти** с глаголами чувственного восприятия имели значение возможности/невозможности осуществления действия: **гласа же ѥмоу не бѣаше слышати** (Супр. 116.26—27) ‘невозможно было ему услышать голос’; **и бѣаше видѣти чоудо прѣславьно** (Супр. 66.29—30) ‘и возможно было увидеть чудо преславное’.

Также модальный оттенок имели сочетания глагола **быти** с глаголами мысли (**разоумѣти**, **оуказати**), говорения (**нарешти**, **проповѣдати**), чувства (**ненавидѣти**, **любити**, **радовати сѧ**). Модальный признак в этом случае мог представлять возможность, необходимость, предопределенность действия: **тебѣ бо естъ миловати**

(Евх. 25а.16) ‘тебе надлежит миловать’; **въı ѥстъ ненавидѣти и любіті** (Супр.) ‘вам предопределено ненавидеть и любить’.

Значение предопределенности действия могло иметь также сочетание глагола **бъıти** с глаголами определенных лексических групп, в частности с глаголами типа **оумрѣти**, **погъıбнѫти**, **страдати**, с одной стороны, и с глаголами **творити**, **полоучити**, **дати**, с другой стороны. Например, **иж҄де по объıчаю имъ бѣаше творити съборъ** (Супр. 26.15—16) ‘ведь было предназначено им, по обычаю, собирать совет’; **понеже бо вьсѣко оумрѣти ѥстъ оумрѣмъ** (Супр. 91.20—21) ‘поскольку суждено умереть, пусть мы умрем’.

С формой аориста **бъıстъ**, соответствующей греческому ἐγένετο, могли соседствовать глаголы движения **ити**, **вънити**, **приближити сѧ**; в данном случае форма **бъıстъ** имела значение ‘случилось, произошло’: **бъıстъ вьнити исови въ домъ ѥдиного кънѧза фарисеиска** (Лк. 14: 1 Сав.) ‘случилось Иисусу прийти в дом одного начальника фарисейского’.

Среди более частных особенностей можно отметить употребление в безличном значении ‘довольно, достаточно’ глаголов **довьлѣти**, **достати**, невозможное в современном языке: **довьлетъ оученикоу да бѫдетъ ѣкоже оучитель ѥго** (Мф. 10: 25 Мар.) ‘довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его’.

Модальное значение ‘необходимо, следует, требуется’ имели односоставные инфинитивные предложения: **свѧтоумоу господоу пешти сѧ о томь** (Супр. 131.21) ‘святому Господу надлежит позаботиться о том’.

Среди инфинитивных оборотов особого комментария заслуживает оборот *дательный с инфинитивом* с союзом **ıако**: **і пристѫпишѧ къ немоу... імѫште съ собоѭ хромъı • нѣмъı • слѣпъı бѣсьнъı... і привръгѫ ıѧ • къ ногама исвама • і ицѣли ıѧ • ѣко народоу дивити сѧ • видѧште нѣмъııѧ глѫштѧ...** (Мф. 15: 30—31 Мар.) ‘и приступили к нему... имея с собой хромых, немых, слепых, одержимых бесами... и повергли их к ногам Иисуса; и исцелил их; так что народ дивился, видя немых говорящими...’ — ср. ὥστε τόν ὄχλον θαυμάσαι. Сказуемое здесь выражено инфинитивом, а дополнение в Д. п. обозначает субъект действия. Фактически союзом **ıако** вводится придаточное следствия. Эта конструкция помимо передачи греческого дательного с инфинитивом часто передавала греческий Accusativus cum Infinitivo (винительный с инфинитивом).

§ 90. Способы выражения подлежащего

Способы выражения подлежащего в старославянском языке в общем совпадают с таковыми в современном русском языке: в роли подлежащего могут выступать существительное, место-

имение-существительное, слова других частей речи (прилагательные, причастия, числительные и т. д.) в субстантивированном значении, а иногда целостные словосочетания (количественно-именные синтагмы, словосочетания со значением совместности и некоторые другие):

огнь възгорѣ сѧ (Син. 77.21) ‘огонь загорелся’;

кого мѧ глѭтъ чл҃вци бъіти • они же отвѣщашѧ • ови иоана крстителѣ • і ини илиѭ • а дроугии единого отъ пр҃къ (Мк. 8: 28 Мар., Зогр., Асс.) ‘За кого меня принимают люди? Они же отвечали: одни — за Иоанна Крестителя, другие — за Илию, а иные — за одного из пророков’;

да събѫдетъ сѧ реченое пророкомъ ісаиемь (Мф. 8: 17 Сав.) ‘да сбудется сказанное пророком Исаией’;

мъноѕи вѣровашѧ въ імѧ его (Ин. 2: 23 Мар., Зогр.) ‘многие уверовали во имя Его’;

дъвѣ на десѧте бо бѣста кошници оукроухъ осталѣ (Супр. 428.29) ‘двенадцать корзин кусков осталось’;

молѣаше же и единъ отъ фарисѣи[1] (Лк. 7: 36 Мар.) ‘Один из фарисеев просил его...’;

етери же отъ стоѩштихъ тоу слъішавъше гл҃ахѫ (Мф. 27: 47 Зогр.) ‘некоторые из стоящих там, услышав это, говорили...’.

Как отмечалось выше, употребление личного местоимения 1—2 л. в качестве подлежащего является стилистически маркированным.

Для старославянского языка характерно употребление формы мн. ч. с. р. **вьсꙗ** местоимения **вьсь** в обобщающем значении ‘всё’: **оуже оуготована сѫть вьса** (Лк. 14: 17 Остр.) ‘всё уже приготовлено’ (ср. в рус. *всё и* ***вся***). Вероятно, это влияние греческого языка, так как аналогичная форма использовалась в древнегреческом языке.

§ 91. Способы выражения сказуемого

Сказуемое в старославянском языке, как и в современном русском, могло быть простым и составным (в случае с составным сказуемым — составным глагольным или составным именным): **тогда** **придошѧ** **оученици** (Супр. 415.17) ‘тогда пришли ученики’; **і** **желааше насъітити** **чрѣво свое** (Лк. 15.16 Мар.) ‘и хотел насытить чрево свое’; **ср҃це іхъ** **соуетъно естъ** (Син. 5.10) ‘сердце их суетно’.

[1] В качестве сочетания с выделительным значением типа ‘один из’, ‘многие из’, ‘пять из’ в старославянском языке употребляется сочетание местоимения (**етеръ, единъ, мъноѕи** и т. д.) или числительного с предложно-падежным сочетанием **отъ** + Р. п.

Одним из важных отличий старославянского синтаксиса от современного является возможность употребления причастия в функции простого глагольного сказуемого (подобное употребление возможно и в древнегреческом языке). В старославянском языке в качестве сказуемого употребляются формы кратких причастий действительного залога: **излѣзъ** (прич.) **же ис кораблѣ петръ • и хождаше** (имп.) **по водѣ и приде** (аор.) **къ іс҃ѹ** (Мф.14: 29 Сав.) ‘Петр вышел из лодки и пошел по воде, и пришел к Иисусу’.

В таких случаях причастие употребляется одновременно с личной формой глагола, и последнюю принято называть *главным* сказуемым, в то время как причастие в роли сказуемого— *второстепенным* сказуемым, поскольку личная форма глагола называет основное действие, а причастие— сопутствующее ему, добавочное действие. То, что в данном случае причастие выполняет функцию сказуемого, доказывается возможностью его употребления в качестве однородного с личной формой глагола члена, в частности соединения с личной формой посредством сочинительного союза: **и призъвавъ іс҃ отрочѧ и постави є посрѣдѣ їхъ** (Мф. 18: 2 Сав.) ‘и позвал Иисус дитя и поставил его среди них’; **видѣвъ іс҃ многъ народъ • и милосрдовавъı • исцѣли недѫжънъѧ имъ** (Мф. 14: 14 Сав.) ‘увидел Иисус много людей и, сжалившись, исцелил больных их’; **ї имъ за рѫкѫ слѣпаего • ї изведе и вънъ їз вьси** (Мк. 8: 23, Зогр.) ‘и взял за руку слепого, и вывел его вон из деревни’. Подобного рода конструкции, в которых причастие в функции сказуемого соединено с личной формой глагола соединительным союзом *и*, называют «конструкции типа **въставъ и рече**» (где **въставъ** — это причастие, а **рече** — аорист, но на русский язык сочетание переводится как ‘встал и сказал’).

В структуре *составного глагольного сказуемого* в качестве связки могут употребляться фазовые глаголы **начѧти**, **въчѧти**, **къснѣти** ‘медлить’, **прѣстати** и другие или глаголы с модальным значением **имѣти**, **мощи**, **нѫдити** ‘принуждать’, **хотѣти**,**чаꙗти** и т. д.): **кьснитъ мои гн҃ъ прити** (Лк. 12: 45 Зогр.) ’медлит прийти мой господин’; **хощете ли и отъ камыка сего слъıшати** (Супр. 34.15—16) ‘хотите услышать это и от камня?’.

Особенностью употребления *составного именного сказуемого* в старославянском языке является необходимость употребления связки — глагола **быти** — в формах настоящего времени. В отличие от современного русского языка, в котором связка в настоящем времени не употребляется, в старославянском, напротив, является нормой ее наличие: **ѹста єго плъна сѫтъ и горести і лъсти** (Син. 9.28) ‘уста его полны и горечи, и лжи’; **юже нѣсмь [= не есмь] достоїнъ нарешти сѧ сн҃ъ твоі** (Лк. 15: 19 Зогр.) ‘уже я не достоин называться сыном твоим’; **і моѣ въсѣ твоѣ сѫтъ** (Ин. 17: 10 Мар.) ‘и все мое — твое’.

В свою очередь, отсутствие связки возможно только в особого типа конструкциях, в частности: в конструкциях с обстоятельством места, выраженным предложно-падежными сочетаниями или наречиями: **азъ вь нихъ и тъи въ мьнѣ** (Ин. 17: 23 Мар.) ‘я в них и ты во мне’; **никъдеже покоꙗ никъдеже ослабьѥниꙗ... вьсьжде печаль • вьсьжде плачь** (Супр. 57, 46) ‘нигде нет покоя, нигде нет послабления... везде печаль, везде плач’; в придаточных предложениях с относительным союзом **иже** ‘тот, который’: **ни отецъ вашъ иже въ небсхъ отъпоуститъ прѣгрѣшении вашихъ** (Мк. 11: 26 Мар.) ‘и отец Ваш, который на небесах, не отпустит прегрешений ваших’[1]; в конструкциях с нераспространенным одиночным именным сказуемым: **и слово твоѥ истина** (Евх. 57а.13) ‘и слово твое истина’, **слово чловѣчьско • нъ дѣло божьско** (Супр. 345.11—12) ‘слово — человеческое, а дело — Божье’; и в некоторых других[2].

В составе *именной части сказуемого* в старославянском языке может употребляться причастие действительного залога, например: **бѫди оувѣштаѩ сѧ съ сѫпьрьмь своимъ скоро** (Мф. 5: 25 Мар., Зогр.) ‘мирись с соперником твоим скорее’; **и бѣ сѣдѧ съ слоугами и грѣѩ сѧ при свѣшти** (Мк. 14: 54 Мар., Зогр.) ‘и сидел со служителями и грелся у огня’; **бысть иоанъ кръстѧ въ поустыни и проповѣдаѩ** (Мк. 1: 4 Асс.) ‘крестил и проповедовал Иоанн в пустыне’; **и бѫдеши и ты очиштаѩ многы отъ ꙗзь различьнъıихъ** (Супр. 236.1—3) ‘и ты будешь очищать многих от различных язв’; **и оба заматорѣвъша въ дьнехъ своіхъ бѣашете** (Лк. 1: 7 Мар., Зогр.) ‘и оба были уже в преклонных летах’. Использование действительного причастия в составе именного сказуемого связывают с необходимостью передать повторяющееся или длительное действие, а также обычное действие или состояние[3].

§ 92. Согласование подлежащего и сказуемого

Если сказуемое употреблено в формах настоящего или будущего времени, аориста, имперфекта, императива, оно согласуется с подлежащим в лице и числе. Если в состав сказуемого входит аналитическая глагольная форма, частью которой является причастие, то происходит согласование не только в лице и числе, но и в роде. При составном именном сказуемом связка согласуется в лице и

---

[1] См.: *Večerka R.* Souvětí se závislými větami relativními v staroslověnštině // Slovo. 1983. Т. 32—33. С. 38 и след.

[2] См.: Граматика на старобългарския език. С. 422.

[3] *Večerka R.* Syntaxis aktivních participií v staroslověnštině. Praha, 1961. С. 82, 86; *Златанова Р.* Структура на съставното сказуемо с причастен компонент в старобългарски // Известия на Института за български език. 1973. № 22. С. 90—92.

числе, а именная часть — в роде и числе (если это прилагательное) и в числе (если это существительное): **дъшти иночѧда бѣ емоу... и та оумирааше** (Лк. 8: 42 Мар.) 'была у него единственная дочь ... и она умирала' (согласование в лице и числе); **братръ твоі сь • мрътвъ бѣ і оживе • ізгыбль бѣ і обрѣте сѧ** (Лк. 15: 32 Зогр.) 'брат твой сей был мертв и ожил, был пропавшим и нашелся' (прямое согласование в числе и роде, а поскольку подлежащее — существительное, а не личное местоимение, то личные формы глагола стоят в 3 л.); **бѣста** (3 дв. от **быти**) **бо рыбамъ ловьца** (И. дв.) (Мк. 1: 16 Сав.) 'поскольку [они] были рыболовы' (согласование в лице и числе в связке и в числе в именной части).

Отдельного комментария требуют следующие случаи согласования подлежащего со сказуемым:

1. С собирательными существительными, означающими множество живых существ (напр., **брат(р)иꙗ**, **стражиѥ**, **чѧдь**, **дроужина**, **племѧ**, **народъ**, **градъ**, **стадо**), возможно, а в некоторых случаях и преобладает *согласование по смыслу*, т. е. глагол при существительном, которое грамматически имеет единственное число, употребляется во множественном числе: **възидѫ** (простой аор. 3 мн.) **братиѣ** (Им. ед., **ѣ** = **ꙗ**) **его** (Ин. 7: 10 Мар.) 'пришли братья его'; **многъ народъ въ орѫжиі придошѧ** (аор. 3 мн.) **на нь** (Супр. 50.28—29) 'пришло против него много вооруженных людей' (буквально: *народ... пришли*); **въпрашаахѫ** (имперф. 3 мн.) **же ѥго дроужина ѥмоу** (Супр. 218.24—25) 'спрашивала же его дружина его' (буквально: *спрашивали... дружина*).

2. Некоторые местоимения также допускают *согласование по смыслу*, среди них **къто**, **никъто**, **вьсакъ**, **къжьдо**[1]. Например: **начѧшѧ** (аор. 3 мн.) **гл҃ати емоу • единъ кождо іхъ** (Мф. 26: 22 Зогр.) 'и начал говорить каждый из них' (буквально: *и начали говорить*...).

Устойчивое словосочетание **дроугъ дроуга**, функционирующее как местоимение, тоже могло употребляться как с единственным, так и со множественном числом: **і дроугъ дроуга прѣдастъ** (простое будущее 3 ед.) **і вьзненавидитъ** (простое будущее 3 ед.) **дроугъ дроуга** (Мф. 24: 10 Асс.) 'и предадут друг друга, и возненавидят друг друга', но **и гл҃ахѫ** (имперфект 3 мн.) **дроугъ къ дроугоу** (Мк. 4: 41 Мар.) 'и сказали друг другу'.

3. При количественно-именных сочетаниях (числительное + Р. п.) употребляется сказуемое в единственном числе (**дъва на десѧте ихъ ѥстъ** (Супр. 121.20) 'их двенадцать', однако, если в качестве подлежащего употребляется отдельное числительное со значением больше пяти, сказуемое ставится во множественном числе: **і слышавъше десѧть начѧсѧ** (аор. 3 мн.) **негодовати** (Мк. 10: 41 Мар.) 'и услышав, десять начали негодовать'.

---

[1] См.: *Ходова К. И.* Простое предложение в старославянском языке. М., 1980. С. 116—126.

§ 93. Второстепенные члены предложения

Определение

Определение в старославянском языке, как и в современном русском, могло быть *согласованным* и *несогласованным*.

Согласованное определение выражалось как полными, так и краткими формами имен прилагательных. Что касается позиции определения по отношению к определяемому слову, то оно могло находиться не только в препозиции, но и в постпозиции, последнее было нормой для старославянского языка и не было стилистически маркировано, как это имеет место в современном русском языке.

В роли согласованного определения в старославянском языке выступают:

- прилагательные: **при мори галилеісцѣ** (Мф. 4: 18 Сав.) ‘близ моря Галилейского’;
- местоимения: **словеса моѣ си** (Мф. 7: 24 Зогр.) ‘эти мои слова’;
- причастия: **трьсти съкроушенъı не прѣломитъ** (Мф. 12: 20 Мар.) ‘трости надломленной не преломит’;
- слова с числовым значением: **видѣ дъва брата** (Мф. 4: 18 Мар.) ‘увидел двух братьев’; **въ четврътѫѭ же стражѫ ношти** (Мф. 14: 15 Зогр.) ‘в четвертую же стражу ночи’;
- существительные-приложения: **аҥ҃ӗлъ гавьрилъ** (Лк. 1: 26 Мар.) ‘ангел Гавриил’.

Несогласованное определение выражалось преимущественно родительным или дательным падежом имени существительного или местоимения.

Употребление в качестве несогласованного определения дательного падежа имеет праславянские корни и является важным признаком собственно старославянского языка (в греческом в данной функции употребляется родительный падеж). В качестве несогласованного определения в дательном падеже могут выступать имена существительные и местоимения (в том числе и энклитические формы **ти**, **си** и т. д.): **скръжетъ зѫбомъ** (Мф. 8: 12 Мар.) ‘скрежет зубов’; **храмъ молитвѣ** (Мф. 21: 13 Мар.) ‘дом молитвы’; **оузьрѣ... їѡана брата емоу** (Мф. 4: 21 Мар.) ‘увидел... Иоанна, брата его’; **сънъ ти живъ естъ** (Ин. 4: 51 Асс.) ‘Сын твой жив’; **възлюбиши ближнꙗго си** (Мф. 5: 43 Сав.) ‘возлюби ближнего своего’.

В свою очередь, широкое употребление приименного родительного падежа в старославянских текстах вызвано, очевидно, влиянием греческого языка. Приведем примеры употребления несогласованного определения в родительном падеже: **лице отъца моего нб҃скааго** (Мф. 18: 10 Мар.) ‘лицо Отца Моего небесного’; **і вѣроваша во нь оученици его** (Ин. 2: 11 Мар.) ‘и уверовали в Него ученики Его’.

Дополнение

В старославянском языке, как и в современном русском, выделяют два типа дополнений — *прямое* и *косвенное*.

Прямое дополнение выражалось беспредложным винительным падежом (в значении прямого объекта): **посъли на нь милость твоѭ** (Евх. 44а.10) ‘пошли на него свою милость’, родительным падежом прямого объекта при отрицании и при супине: **идѫ рыбъ ловить** (Ин. 21: 3 Зогр., Мар., Асс.) ‘иду ловить рыбу’, **ни помѣтаіте бисеръ вашихъ прѣдъ свиниѣми** (Мф. 7: 6 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘не бросайте жемчуга вашего перед свиньями’, а также, реже, родительным части (genetivus partitivus): **егда же приꙗтъ оцьта исъ** (Ин. 19: 30 Мар.) ‘когда же Иисус вкусил уксуса...’.

В отдельных случаях при отрицании возможно колебание в употреблении родительного или винительного падежа, например: **не імать приꙗти съторицеѭ • нынѣ въ врѣмѧ се • домы • братрьѭ • сестры • і оца і мрь • і чѧда і села** (Мк. 10: 30 Мар., Зогр.), но **домовъ и братриꙗ и сестръ • отца и матеръ и чѧдъ и селъ** (Мар.) ‘не получит ныне в сто крат больше домов и братьев, и сестер, отца и матерей, и детей, и земель’. Иногда подобная вариативность может быть объяснена определенными грамматическими особенностями отрицательной конструкции, например винительный падеж при отрицании возможен, когда, как в приведенном выше примере, отрицание относится к вспомогательному глаголу **імѣти**, а не к смысловому глаголу, непосредственно управляющему существительным. В случае невозможности объяснить наличие винительного падежа вместо родительного особенностями самой отрицательной конструкции ее трактуют как кальку с греческого языка, как, в частности, в следующем примере: **не съкрываите себѣ съкровишта на земи** (Мф. 6: 19 Мар., Зогр.), ср. **съкровиштъ** (Асс., Сав.) ‘не прячьте своих сокровищ на земле’.

Косвенное дополнение могло быть выражено винительным падежом с предлогом, беспредложными и предложными конструкциями других падежей (подробнее об особенностях употребления падежей в разных значениях см. § 94).

Обстоятельство

Обстоятельство в старославянском языке могло быть выражено наречиями, а также именами существительными в косвенных падежах (с предлогом и без предлога).

В отличие от современного русского языка в старославянском местный падеж со значением места и времени может употребляться без предлога: **прѣбыстъ оусоровѣ вьси** (Супр. 47.18) ‘пробыл в

селении Соров’; **і исцѣлѣ отрокъ томь часѣ** (Мф. 17: 18 Мар.) ‘и отрок исцелился в тот час’.

Другой особенностью старославянского синтаксиса является использование дательного падежа без предлога в значении цели и направления, например: **се цс҇ръ твои грѧдетъ тебѣ** (Мф. 21: 5 Мар.) ‘вот царь твой идет к тебе’ (дательный направления).

Роль обстоятельства цели после глаголов движения изначально выполнял *супин*, который в славянских языках постепенно был вытеснен инфинитивом (примеры этого встречаются уже в старославянских памятниках): **приде жена... почрѣтъ** (супин, управляет Р. п.) **водъı** (Ин. 4: 7 Зогр.) ‘пришла женщина... почерпнуть воды’; **изидите... ѩти** (инф., управляет В. п.) **мѧ** (Мф. 26: 55 Зогр., Мар., Асс.) ‘выйдите... схватить меня’.

Обстоятельство причины могло быть выражено формой родительного падежа с послелогами **ради**, **дѣлꙗ**: **съвръшілъ есі хвалѫ • врагъ твоіхъ раді** (Син. 8.3) ‘ты устроил хвалу из-за врагов твоих [дабы сделать безмолвным врага...]’; **того дѣлꙗ • и противѫ изиде народъ** (Ин. 12: 18 Сав.) ‘поэтому и вышел ему навстречу народ’.

Полный перечень конструкций, выражавших те или иные обстоятельственные значения в старославянском языке, можно найти в «Грамматике старославянского языка», изданной Болгарской академией наук[1].

§ 94. Значения падежей

Не пытаясь представить полный перечень значений падежей и предложно-падежных конструкций в старославянском языке, отметим в употреблении падежей главным образом те особенности, которые отличают старославянский от современного русского языка. При этом речь пойдет как о значениях определенных синтаксических конструкций, так и об управлении некоторых глаголов.

Именительный падеж

Особенностью старославянского языка является почти исключительное употребление в предикативной функции (в роли именной части составного именного сказуемого) именительного падежа: **блаженъıи григории • поставьѥнъ бъıстъ патриархъ** (Супр. 119.17) ‘блаженный Григорий был поставлен патриархом’; **юже**

[1] Граматика на старобългарския език. С. 442—444.

нѣсмъ достоинъ нарещи сѧ снъ твои (Лк. 15: 19 Мар.) ‘уже я не достоин называться сыном твоим’. В современном русском языке в данном случае нормой является творительный предикативный, в старославянском также возможны случаи употребления творительного падежа в предикативной функции, но они крайне редки (см. § 94 творительный падеж): **дѣвоѭ бо бѣ еуа** (Супр. 489.9) ‘ведь девою была Ева’. Наличие двух именительных падежей в одном предложении называют конструкциями с *двойным именительным падежом*.

Родительный падеж

Среди отличий в употреблении родительного падежа в старославянском языке можно отметить следующие.

1. Родительный разделительный мог употребляться без предлога или с предлогом **отъ** (в современном русском языке в этом значении используется родительный падеж с предлогом *из*): **въ единѫ же сѫботъ** (Лк. 24: 1 Зогр.) ‘в одну из суббот’; **къто же отъ васъ** (Лк. 12: 55 Мар.) ‘кто же из вас’.

В греческих оригиналах чаще встречается беспредложная конструкция (в соотношении 3 : 2), а в старославянских текстах преобладает конструкция с предлогом **отъ** (в соотношении 4 : 1). Очевидно, на развитие обеих конструкций в старославянском языке оказало влияние их наличие в греческих оригиналах. Предпочтение предложной конструкции беспредложной в старославянских переводах (в противоположность оригинальным текстам) объясняют влиянием разговорного древнеболгарского языка, в котором подобное употребление в дальнейшем получило активное развитие[1].

2. Родительный партитивный при глаголах также мог употребляться с предлогом **отъ**, в частности с глаголами **дати**, **приѩти**, **ꙗсти**, **пити** (часто подобное употребление соответствует предложным конструкциям в греческом языке ἐκ, ἀπο + Gen.): **дадите намъ отъ олѣа вашего** (Мф. 25.8 Мар.) ‘дайте нам вашего масла’; **а иже піетъ отъ водꙑ ѭже азъ дамь емоу** (Ин. 4.14 Мар.) ‘а кто будет пить воду, которую я дам ему...’.

3. Родительный падеж с предлогом **отъ** также употреблялся для передачи субъекта в страдательном обороте: **тогда иродъ віде́въ ѣко поржганъ бъистъ отъ влъхвъ** (Мф. 2: 16 Асс.) ‘тогда Ирод увидел, что был осмеян волхвами’. Подобная передача субъекта в

[1] *Вечерка Р.* Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963; *Седлачек Я.* Синтаксис старославянского языка в свете балканистики // Slavia. 1963. 32.

страдательной конструкции соответствует в греческом языке обороту ὑπο + Gen.

В то же время в старославянских текстах субъект в пассивной конструкции мог передаваться и творительным падежом (ср. современное употребление). Широкое распространение в старославянском оборота **отъ** + Р. п. связывают с влиянием греческого языка, хотя предполагают и его возможное праславянское происхождение. В последнем случае распространение конструкции на славянской почве связывают с воздействием балканской языковой среды, в которой конструкции с предлогом **отъ** (в партитивном значении и др.) получили широкое распространение[1].

4. Родительного падежа требовал супин: **изидѫ же народи из града • видѣтъ бывъшаго** (Лк. 8: 35 Сав.) 'вышли же люди из города, чтобы увидеть случившееся' (см. также примеры § 78).

5. Родительный падеж без предлога мог употребляться при глаголах, имеющих значение удаления в пространстве (так называемый *родительный отделительный*), в частности: **бѣгати**, **отъбѣгати**, **отити**, **отъстоꙗти**, **излазити**, **отъстѫпити** (**остѫпити**). Например: **ї не остѫпімъ тебе • живіші ны і їмѧ твое прізовемъ** (Син. 17.23) 'и мы не отступим от тебя; оживи нас, и мы будем призывать имя твое'.

6. Родительный беспредложный был возможен после глаголов со значением отстранения, лишения, освобождения, таких как: **оуклонити сѧ**, **свободити**, **лишити** (**сѧ**), **отѧти**, **исповѣдати сѧ**. Например: **остани сѧ бѣснованиꙗ твоего** (Супр.) 'освободись от беснования твоего'.

Такое же управление возможно и при прилагательных с подобным значением (**исповѣдьнъ**, **лихъ**, **скѫдъ**, **тъштъ**, **чистъ** и т. п.): **тебѣ бѫдѫ исповѣденъ • в҇сѣхъ моихъ грѣхъ** (Евх. 72 а. 5—6) 'Тебе исповедаюсь во всех моих грехах'.

7. Дополнение в родительном (а не в винительном) падеже, как правило, имели при себе следующие глаголы: **съмотрити**, **слоушати**, **имѣти**, (**въс**)**просити**, **трѣбовати**, **жьдати**, **искати**, **въкоусити**, **чаꙗти**, **ненавидѣти**. Например: **съмотрити цвѣтъ селънꙑхъ** (Р. мн.) **како растѫтъ • ни троуждаѭтъ сѧ ни прѧдѫтъ** (Мф. 6: 28 Зогр. Мар., Асс., Сав.) 'посмотрите на полевые цветы, как они растут? Не трудятся, не прядут'; **слоушаѩи словесе моего... иматъ живота вѣчънаго** (Мар.) 'слушающий слово мое... имеет жизнь вечную'; **вьсѣкъ бо дѣлаѩи зъла** (В. мн. кратк. прил.) **ненавидитъ свѣта** (Ин. 3: 20 Мар., Асс.) 'ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет'.

---

[1] *Bartula Cz.* Składnia zdania pojedyńczego w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków, 1969. С. 81.

Дательный падеж

Дательный падеж обладал широким спектром значений и активно употреблялся не только как падеж глагольного управления, но и как приименной падеж. Среди наиболее существенных отличий в употреблении дательного падежа в старославянском языке по сравнению с современным русским языком можно назвать следующие:

1. Дательный принадлежности (Dativus Posessivus, или Dativus Sympatheticus). Дательный падеж в старославянском языке мог выражать принадлежность. В современном русском языке ему будет соответствовать притяжательное прилагательное, притяжательное местоимение или родительный падеж имени существительного: **бѫди ми** (Д. ед. от **азъ**) **помощьникъ** (Евх. 72б.5—6) ‘будь моим (= мне) помощником’; **и не бѣ има** (Д. дв. от **и**) **чѧда** (Лк. 1: 7 Мар.) ‘у них не было детей’; **начѧтъ оумывати ноѕѣ оученикомъ** (Ин. 13: 5 Мар.) ‘и начал омывать ноги учеников’; **тъ естъ цр҃ъ славѣ** (Син. 23.10) ‘он — царь славы’.

Как дательный принадлежности в широком понимании можно рассматривать и некоторые другие значения дательного падежа в роли несогласованного определения, всем им в современном русском языке будет соответствовать родительный падеж:

— дательный субъекта **движениѥ водѣ** (Ин. 5: 3 Зогр., Мар., Асс.) ‘движение воды’, **желание грѣшьникоу** (Син. 111.10) ‘желание грешника’;

— дательный объекта **ловьць рыбамъ** (Мф. 4: 18 Сав.) ‘ловец рыб’, **ископание ровомъ** (Супр. 568.2) ‘копанье рвов’;

— дательный объяснительный **праздьникъ пасцѣ** (Лк. 2: 41 Зогр., Мар., Асс.) ‘праздник Пасхи’, **врѣмѧ жѧтвѣ** (Мф. 13: 3.0) ‘время жатвы’;

— дательный отношения **краи ризѣ** (Лк. 8: 44 Сав.) ‘край одежды’.

Возможно также употребление дательного падежа в значении предназначения и цели: **азъ ж-е-смъ (= же ѥсмъ) чръвъ и не ч҃лкъ • поношенье ч҃лкомъ • оунічъженъе людемъ** (Син. 21.7) ‘я же червь, а не человек, поношение для людей, презрение в народе’; **храмъ молитвѣ** (Мф. 21: 13 Мар.) ‘дом молитвы (для молитвы)’.

2. В старославянском языке была возможна конструкция с двумя дательными падежами при одном глаголе, или *двойной дательный падеж.*

Два дополнения в дательном падеже могли употребляться при глаголе **быти**, при этом одно из них выполняло функцию косвенного объекта (адресата), а второе имело предикативную функцию (на современный русский язык оно переводится творительным падежом): **дастъ імъ** (адресат) **власть чѧдомь бж҃иемъ** (Д. предикативный) **бъіти** (Ин. 1: 12 Зогр.) ‘дал им власть быть чадами Божьими’; **не добро**

ѥстъ быти чл҃вѣкоу ѥд҄номоу (Супр. 9.1—2) 'не хорошо, чтобы человек был одиноким'; **прѣжде же подобаатъ емоу мъного пострадати • і искоушеноу быти отъ рода сего** (Лк. 17: 25 Мар.) 'прежде надлежит Ему много пострадать и быть отверженным родом сим'.

3. Дательный падеж после глаголов движения в значении направления мог употребляться без предлога: **се цс҃ръ твои грѧдетъ тебѣ кротокъ** (Мф. 21: 5 Мар.) 'Царь твой грядет к тебе кроткий'; **и възлюбі клѧтвѫ и пріде емоу** (Син. 108.17) 'и возлюбил проклятие, оно и придет на него'; **послѣдоваша ис҃ві народъ мъногъ** (Мк. 5: 24 Асс.) 'последовало за Иисусом множество народа'.

4. Дательным падежом управляли глаголы **вънимати**, **сѫдити**, **рѫгати сѧ**, **поносити**, **хотѣти**, **трьпѣти**, **надѣıати сѧ** (**надѣти сѧ**), **оудолѣти**: **імъже бо сѫдомь сѫдите • сѫдѧтъ вамъ** (Мф. 7: 2 Зогр., Мар., Асс.) 'каким судом судите, таким будут судить вас'; **рѫгаахѫ сѧ емоу** (Лк. 8: 53 Зогр.) 'и глумились над ним'; **надѣıѫщеі сѩ сілѣ своеі** (Син. 48.7) 'надеющиеся на силы свои'.

5. При глаголах со значением говорения (verba dicendi) — **рещи**, **глаголати**, **благовѣстити**, **бесѣдовати**, **отъвѣщати** — возможно употребление беспредложного дательного падежа и дательного падежа с предлогом **къ**: **фарисѣі же реша къ себѣ** (Ин. 12: 19 Зогр.) 'фарисеи же говорили между собой'; **гл҃лаше же і притъчѫ къ нимъ** (Лк. 5: 36 Зогр.) 'рассказал им притчу'.

В греческом языке подобному употреблению часто соответствует конструкция προς + Acc. Относительно исконного или заимствованного характера данной конструкции существуют разные точки зрения: одни исследователи считают ее употребление в старославянском языке независимым от греческого влияния[1]; другие, напротив, объясняют распространение данной конструкции влиянием греческого языка[2].

Винительный падеж

Одной из отличительных черт старославянского синтаксиса является употребление *двойного винительного падежа*. Эта конструкция состоит из двух винительных падежей, относящихся к одному переходному глаголу, первый из которых обозначает прямой объект, а второй имеет предикативное значение (переводится на современный язык творительным падежом): **идѣта въ слѣдъ мене • и створѭ ва ловьца** (В. дв.) **чловѣкомъ** (Мк. 1: 17 Сав.) 'идите за мной, и я сде-

[1] *Bartula Cz.* Związki czasownika z dopełnieniem w najstraszych zabytkach języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Wrozław; Warszawa; Kraków, 1964. С. 87—89; *Ходова К. И.* Простое предложение в старославянском языке. М., 1980. С. 178—179.

[2] *Мразек Р.* Дательный падеж в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. С. 239; *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. V: La syntaxe. Paris, 1977. P. 116.

лаю вас (обоих) ловцами людей'; **кто мѧ постави сѫдиѭ ли дѣлителѣ надъ вами** (Лк. 12: 14 Мар.) 'кто поставил меня судьей или тем, кто делит вас?' После глаголов со значением восприятия предикативное значение обычно выражалось причастием: **видѣ тъщѫ ѥго лежащѫ огньмь жегомѫ** (Мф. 8: 14 Остр.) 'увидел тещу его лежащей в горячке (= увидел, что теща его лежит в горячке)'.

К числу более частных отличий употребления винительного падежа можно отнести, например, конструкцию с предлогом **на** после глаголов **рещи**, **помыслити**, (**про**)**гнѣвати**, **съвѣдѣтельствовати**, которая имеет значение 'говорить (свидетельствовать и т. д.) против кого-то': **не слышиши ли колико на тѧ съвѣдѣтельствоуѭтъ** (Мф. 27: 13 Мар.) 'не слышишь, сколько свидетельствуют против тебя?'.

В отдельных случаях возможно употребление винительного падежа при возвратном глаголе, например: **о себѣ землѣ плодитъ сѧ • прѣжде трѣвѫ по томь же класъ • по томь же и пьшеницѫ въ класѣ** (Мк. 4: 28 Мар.) 'ибо земля сама собой производит сперва зелень, потом колос, потом пшеницу в колосе'.

Творительный падеж

В старославянском языке творительный падеж мог выражать разнообразные обстоятельственные значения (время, место, орудие, образ действия и т. п.). В частности, творительный падеж мог употребляться для выражения причины (*творительный причины*): **тѣмь же нарече сѧ село то село кръве** (Мф. 27: 8 Зогр.) 'поэтому называется земля та «землей крови»'; **азъ же сьде гладомь гыблѭ** (Лк. 15: 17, Зогр., Мар. и др.) 'а я здесь умираю от голода'; **аще к҄то бѣдоѭ оукрадетъ • сънѣдьно чьто • к҃ денъ да покаетъ сѧ** (Евх. 103б.1) 'если кто по необходимости украдет что-то съестное, да принесет покаяние 20 дней'.

Творительный падеж употребляется для выражения субъекта в страдательном обороте (наряду с оборотом **отъ** + Р. п.): **побѣжденъ быхъ мѫжи сими свѧтыми** (Супр. 78.28) 'я был побежден сими святыми мужами'.

Творительный предикативный в старославянских текстах встречается мало — есть несколько примеров в Супрасльской рукописи (**и сиротоѭ дѣтиштъ не бѫдетъ** (Супр. 237.16) 'и не будет ребенок сиротой') и два примера в Синайском евхологии.

Творительный падеж употреблялся при глаголах **женити**, **женити сѧ**, **оженити сѧ**, **пешти сѧ**, (**оу**)**пъвати**: **съвѣштаста сѧ женити ї дѣвицеѭ именемь аннѫна** (Супр. 24.29) 'решили женить его на девице по имени Анна'; **чим бо пъваѭште • хытростиѭ ли словесънѫѭ** (Супр. 442.8) 'на что надеетесь, на словесное мастерство?'

Местный падеж

Самое существенное отличие в употреблении местного падежа в старославянском языке — это возможность его употребления без предлога (так называемый *местный беспредложный*), в частности в значении места (**ꙗко сѫтъ съхранены кости наша семь мѣстѣ** (Супр. 81.3) ‘как сохранены мощи наши в этом месте?’) и времени (**полоу ношті въстахъ ӏ҆сповѣдати сѧ тебѣ** (Син.) ‘в полночь (в половине ночи) вставал славословить Тебя’).

Местный беспредложный употреблялся также после глаголов **касати сѧ — коснѫти сѧ, надѣꙗти сѧ, належати** ‘окружать’, **нападати, приближати сѧ, прилежати** ‘заботиться’, **прильнѫти — прилѣпити сѧ, приобьщити** и некоторых других, преимущественно с приставками **при** и **на**: **кто прикоснѫ сѧ ризахъ моихъ** (Мк. 5: 30 Мар., Асс., Сав.) ‘кто прикоснулся к одежде моей (= одеждам моим)?’; **приобьщи мѧ пакы стадѣ твоемь ст҃ыхъ** (Евх. 78б.12) ‘приобщи меня к твоему стаду святых’.

Конструкции с двойными падежами

Как было показано выше, в старославянском языке были возможны конструкции с двумя одинаковыми падежами при одном глаголе. Вторая форма имела предикативное значение, на современный русский язык она переводится творительным падежом. Существовали три типа подобных конструкций:

— *двойной именительный*: **ти вамъ сѫдиꙗ бѫдѫтъ по съпасовоу словеси** (Супр. 325.12—14) ‘они будут вам судьями, по слову Спасителя’;

— *двойной дательный*: **чаꙗѭште ѥмоу живоу быти** (Супр. 80.14—15) ‘надеялись, что он был живым’;

— *двойной винительный*: **сего видѣвъ ис҃ лежѧшта** (Ин. 5: 5—6 Зогр.) ‘его увидел Иисус лежащим (увидел Иисус, что он лежит)’.

§ 95. Выражение отрицания

Отрицание в старославянском языке выражалось посредством частиц **не** и **ни**.

Частица **не** ставилась непосредственно перед отрицаемым элементом фразы: если отрицание относилось к глаголу, оно находилось перед ним — **не знаѭ его жено** (Лк. 22: 57 Мар.) ‘я не знаю его, женщина’; если отрицание относилось к другому элементу фразы, частица **не** ставилась перед этим элементом — **не вы мене избъpacтe** (Ин. 15: 16 Мар.) ‘не вы Меня избрали [а Я избрал вас]’;

мене не въсегда имате (Ин. 12: 8 Мар.) ‘[ибо нищих всегда имеете с собою, а] Меня не всегда имеете’.

Отрицательная форма от глагола **быти** в настоящем времени имела стяженный вид: **нѣсмь** (*ne-esmь > *nēsmь), **нѣси**, **нѣстъ** и т. д.

Значение ‘еще не’ выражалось сочетаниями **не оу**, **не ю**, **ни оу**, **не оу ли**. Например: **не ю бо бѣ дх҃ъ ст҃ы данъ ѣко іс҃ не ю прославленъ** (Ин. 7: 39 Зогр., Сав.) ‘ибо не было еще дано духа святого, потому что Иисус еще не был прославлен’. Значение ‘больше не’ передавалось в старославянском сочетаниями **къ томоу не**, **къ семоу не**, **оуже не**: **і къ томоу не видите мене** (Ин. 16: 10 Мар.) ‘и больше вы не увидите Меня’. Значения ‘совсем не, совершенно не’ соответствуют в старославянском **бъхъма не**, **бъхъмь не**, **бъшиѭ не**: **водъы же оу нею бъхъма не бѣаше** (Супр. 547.29) ‘воды же у них [двоих] совсем не было’.

Частица **ни** употреблялась в следующих случаях:

— в качестве дополнительного отрицания при существительном, местоимении, наречии: **не хотѣаше ни очи възвести на небо** (Лк. 18: 13 Зогр.) ‘не смел глаза поднять на небо’; **без него ничьтоже не бъıстъ** (Ин. 1: 3 Остр.) ‘без него не было ничего’. Такие конструкции называются конструкциями с *двойным отрицанием*;

— в значении ‘нет’: **бѫди же слово ваше еи еи • і ни ни** (Мф. 5: 37 Зогр.) ‘но да будет слово ваше «да», «да» и «нет», «нет»’; **онъ же рече • ни** (Мф. 13: 29 Мар.) ‘Он же сказал: «нет»’;

— в случае особого подчеркивания отрицания: **ни въ из҃ли толикъı вѣръı не обрѣтъ** (Мф. 8: 10 Мар.) ‘и в Израиле не нашел Я такой веры’; **ні посмѣѭтъ мі сѧ враѕі моі** (Син. 24.12) ‘да не посмеются надо мной враги мои’.

Существенной особенностью старославянского синтаксиса является наличие конструкций с *одиночным отрицанием*, в этом случае в предложении есть только один отрицательный компонент, например отрицательное местоимение, а отрицание при глаголе не ставится: **ничьсоже отъвѣштавааше** (Мф. 27: 12 Мар., Зогр.) ‘ничего не отвечали [буквально: ничего отвечали]’.

К числу возможных отрицательных компонентов относятся отрицательные местоимения **никъто(же)**, **ничьто(же)**, **никъıи(же)** и т. д., отрицательные наречия **никъгда(же)**, **никако(же)**, **николи(же)** и т. п., сочетание **ни юдинъ**.

Приведем примеры предложений с одиночным отрицанием: **никоторъı же пророкъ приѩтенъ естъ въ отечъствии своемъ** (Лк. 4: 24 Мар., Асс.) ‘никакой пророк не принимается в своем отечестве’; **тъı віфлееме земле июдова • нічімъ же меньши есі вь вл҃дкахъ июдовахъ** (Мф. 2: 6 Асс.) ‘и ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше ты воеводств Иудиных’; **николиже тако видѣхомъ** (Мк. 2: 12 Мар.) ‘никогда такого мы не видели’; **да оуже никъдеже покоıа**

• **никꙋдеже ослабьѥнига** (Супр. 54.4—6) ‘уже нигде не будет покоя, нигде не будет послабления’; **ни единъ же отъ нихъ очисти сѧ** (Лк. 4: 27 Мар., Зогр.) ‘ни один из них не очистился’.

Одиночное отрицание было возможно только в том случае, если глагол стоял после отрицательного местоимения (как во всех приведенных выше примерах); если глагол был употреблен в предложении раньше местоимения, в этом случае всегда было двойное отрицание: **азъ не сѫждѫ никомоуже** (Ин. 8: 15 Мар.) ‘Я не сужу никого’; **вѣроуѩи въ мѧ не иматъ въждѧдати сѧ никогдаже** (Ин. 6: 35 Мар., Зогр.) ‘верующий в меня не будет жаждать никогда’; **намъ не достоино ѥстъ погоубити ни ѥдного же** (Супр. 433.9—10) ‘не позволительно нам погубить ни одного’.

Однако и в случае препозиции отрицательного местоимения или наречия возможно было повторение отрицания при глаголе: **николиже не отъврьгѫ сѧ господа моѥго ї҃с х҃са** (Супр. 433.9—10) ‘никогда я не отрекусь от Господа моего Иисуса Христа’; **не въсхытитъ ихъ никтоже отъ рѫкы моѩ** (Ин. 10: 28 Мар., Асс.) ‘и никто не похитит их из руки Моей’.

Более частотными в старославянских текстах были конструкции с повторением отрицания (*конструкции с двойным отрицанием*, или *полинегативные конструкции*).

Оборот с одиночным отрицанием, вероятно, свойственный еще праславянскому языку, был более древним по происхождению, чем полинегативные конструкции. Уже в старославянский период он подвергался вытеснению более продуктивными конструкциями с двойным отрицанием[1]. Тем не менее, находясь на пути к исчезнованию уже в старший период славянской письменности, оборот с одиночным отрицанием «удерживался и даже реставрировался в поздних памятниках как калька греческих оборотов»[2].

§ 96. Способы выражения принадлежности

Старославянский язык располагал тремя способами выражения принадлежности:

1) форма притяжательных прилагательных и местоимений: **домъ отьцевъ, братъ твои**;

2) родительный падеж: **домъ отьца**, который, в отличие от современного русского языка, не был наиболее частотной формой выражения принадлежности;

---

[1] *Цакалиди Т. Г.* Общеотрицательные конструкции в древнеболгарских текстах евангелия-тетра X—XI вв. // Старобългаристика. 1981. № 1. С. 54.

[2] *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. С. 392.

3) дательный падеж: **домъ отьцю**, **братъ тебѣ/ти** (форма **ти** — энклитическая).

Значение принадлежности является лишь одним из значений приименных падежей, которые выражают также значения субъекта, объекта, отношения и т. д. В современном русском языке основным приименным падежом, выражающим все эти значения, является родительный, в то время как в старославянском языке практически в любом из этих значений с родительным падежом конкурировал дательный падеж существительного (местоимения) или имя прилагательное[1]. Например, в старославянских текстах можно встретить сочетания: **врѣмѧ жѧтвы** (Р. п.), **врѣмѧ жѧтвѣ** (Д. п.), **врѣмѧ жѧтвьное** (прил.); **краи ризы** (Р. п.), **краи ризѣ** (Д. п.), **полѣ** [‘(обе) пóлы ризные’, дв. ч.] **ризьнѣи** (прил.).

§ 97. Дательный самостоятельный

В старославянском языке существовал особый абсолютивный оборот — *дательный самостоятельный* (или Dativus Absolutus), в котором субъект действия, как правило, был отличен от субъекта в главной части предложения. Оборот называется самостоятельным (или по-латыни absolutus), поскольку он непосредственно не зависит ни от какого члена главной части предложения, а относится к ней в целом. Подобные обороты известны в других древних индоевропейских языках, в частности в латыни — Ablativus Absolutus, в древнегреческом — Genetivus Absolutus.

Дательный самостоятельный состоял из построенной на согласовании конструкции: причастия в дательном падеже и существительного (или местоимения) в дательном падеже. По значению этот оборот соответствует современному придаточному предложению. При переводе дательного самостоятельного необходимо форму дательного падежа существительного (местоимения) заменить на именительный падеж и сделать подлежащим предложения, а причастие заменить личной формой глагола, сделав сказуемым. Например: **съшедъшоу же емоу съ горы • въ слѣдъ его іджѫ народи мнози** (Мф. 8: 1 Зогр.): **съшедъшоу же емоу съ горы** — оборот дательный самостоятельный, где **съшедъшоу** — краткое действительное причастие прошедшего времени в дательном падеже (от глагола **сънити** ‘сойти, спуститься’) **емоу** — Д. п. местоимения **и[же]**; целиком предложение следует перевести так: ‘Когда он сошел с горы, за ним последовало множество народа’.

---

[1] *Вечерка Р.* Синтаксис беспредложного родительного падежа в старославянском языке. С. 193—201; *Минчева А.* Развой на дателния притежателен падеж в българския език. София, 1964. С. 21—76.

В качестве некоторой аналогии дательному самостоятельному можно привести абсолютивное употребление деепричастного оборота в ненормативной русской речи (ср. классический чеховский пример: *Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа*). В современном русском литературном языке деепричастный оборот не может быть *самостоятельным* (*абсолютивным*), т. е. иметь субъект действия, отличный от субъекта действия, обозначенного подлежащим. Согласно нормам русского литературного языка приведенное выше предложение должно быть построено следующим образом: *Когда я подъезжал к сией станции и глядел на природу в окно, у меня слетела шляпа*. А если использовать оборот дательный самостоятельный, то предложение выглядит следующим образом: ****Подъезжающу мне к сией станции и глядящу на природу в окно, у меня слетела шляпа*.

Дательный самостоятельный соответствует в современном русском языке придаточным предложениям, как правило обстоятельственным. Чаще всего дательному самостоятельному соответствуют придаточные предложения со значениями времени и причины. Данный оборот со значением времени, в частности, составляет до 75—95% от общего числа дательных самостоятельных, встречающихся в старославянских текстах[1].

Приведем примеры дательного самостоятельного в разных обстоятельственных значениях:

— в значении времени: **слꙑшѧштемъ же вˇсѣмъ людьмъ • рече къ оученикомъ своімъ** (Лк. 20: 45 Зогр.) ‘и когда слушали [Его] все люди, сказал [Он] ученикам своим’;

— в значении причины: **не имѫштема** (Д. дв. действительное прич. наст.) **же іма** (Д. дв.) **въздати • обѣма іма отъда** (Лк. 7: 42 Зогр., Мар.) ‘поскольку оба не имели, чем заплатить, [Он] обоим им простил’;

— в значении условия: **можеши ли благодѣтиѭ х҃воѭ • обрѫчити брата… и глеᵀ игоуменъ • отъвѣтъ • могѫ поспѣшѭщю ми х҃оу** (Евх. 82а.9— 14) ‘можешь ли ты обручить брата благодатью Христовой?.. И сказал игумен в ответ: «Могу, если споспешествует мне Христос»’;

— в значении уступки: **толика же знамениѣ сътворьшю прѣдъ ними • не вѣровахѫ емоу** (Ин. 12: 37 Зогр., Мар., Асс.) ‘хотя [Он] сотворил столько знамений пред ними, они не веровали в Него’;

— в значении следствия: **и се рекъ • слꙑшѧштемъ вьсѣмъ** (Супр. 144.19) ‘и сказал следующее, чтобы все слышали’.

Следует отметить, что указанные обстоятельственные значения не всегда являются строго дифференцированными, иногда в дательном самостоятельном возможно сочетание разных значений, например временно́го и причинного или условного и временно́го. Так, в следующей фразе возможно условное и временно́е понимание

[1] Граматика на старобългарския език. С. 449.

дательного самостоятельного: **отъшъдъшоу вл҃дцѣ • бикть клевреты своѩ** (Супр. 107.27—28) 'если отошел хозяин, бьет своих сотоварищей' или 'когда отошел хозяин, бьет своих сотоварищей'.

Как правило, в составе дательного самостоятельного употребляются причастия действительного залога (как и во всех приведенных выше примерах), но встречаются и страдательные причастия (со связкой **быти** и без нее): **обрѫченѣ бъивъші матері его** (Мф. 1: 18 Зогр.) 'когда была обручена мать его'; **изгънаноу бѣсоу проглагола нѣмы** (Мф. 9: 33 Мар.) 'когда бес был изгнан, немой заговорил'.

Существительное (или местоимение) в дательном самостоятельном может опускаться и подразумеваться из контекста: **сѣѭштюмоу ова оубо падошѧ при пѫти** (Мф. 13: 4 Зогр.) 'когда [он] сеял, некоторые [зерна] упали при дороге'. В отдельных случаях субъект может совсем отсутствовать, в этом случае дательный самостоятельный соответствует безличному предложению, например: **поздѣ** (наречие 'поздно') **же бывъшю въ четврьтѫѭ же годинѫ ноши • приде къ нимъ ис҃** (Мф. 14: 25 Сав.) 'когда уже было поздно, в четвертую часть ночи, пришел к ним Иисус'.

Иногда дательный самостоятельный может быть связан с главной частью союзом «и»: **въсиꙗвъшю слъньцю и глаголаахѫ къ себѣ** (Мк. 16: 1—2 Остр.) 'когда взошло солнце, они сказали друг другу'.

В греческом языке обороту дательный самостоятельный могут соответствовать разные конструкции, среди них: родительный самостоятельный, конструкция ἐν τῷ + инфинитив, конструкция с независимым причастием, конструкции с темпоральным значением с союзом ὅτε.

Относительно происхождения оборота не существует однозначного ответа. Уже тот факт, что данный славянский оборот не всегда соответствует греческому обороту Genetivus Absolutus, дает основание говорить, что он не является калькой греческого абсолютивного оборота, а представляет собой самостоятельное синтаксическое средство в системе старославянского языка[1]. Но и среди исследователей, принимающих исконно славянское (или балтославянское) происхождение данной конструкции, нет единства взглядов по отношению к распространенности данного оборота в разговорном языке, его органичности. Возможно, в случае с дательным самостоятельным мы имеем дело с синкретичным по характеру и происхождению явлением, сочетающим исконные славянские черты с влиянием языка-оригинала: корни данного оборота, быть может, лежат в специфике индоевропейских языков — их способности выражать обстоятельственные значения абсолютивными причастными конструкциями; в живом древнеболгарском языке, очевидно, в таком значении была возможна,

[1] *Večerka R.* Syntaxis aktivních participií v staroslověnštině. Praha, 1961. С. 55—56.

но не очень употребительна конструкция с дательным падежом; широкое распространение данного оборота в письменных текстах связано с переводческой деятельностью создателей старославянского языка, которые не только использовали уже существующие возможности живого языка, но и развивали их, часто под влиянием языка оригинальных текстов, и таким образом создавали необходимые синтаксические средства для только возникающего в качестве письменного старославянского языка[1].

§ 98. Сложное предложение: способы выражения отношений между его частями

Сложное предложение в праславянский период было еще слабо развито. Господствовали близкие к паратактическим конструкции *цепочечного нанизывания*. **Паратаксисом** (греч. παράταξις ‘расположение подряд, соположение’) называется такой способ выражения синтаксических отношений, когда соотносящиеся элементы следуют один за другим без использования выражения зависимости одного от другого с помощью формальных средств — союзов и союзных слов (ср. разг. рус. *Дай мне книгу, ты вчера купил. Висит груша — нельзя скушать*), а **гипотаксисом** (из греч. ὑπό ‘под’ и τάξις ‘устроение, расположение’) принято называть открытое выражение синтаксических отношений зависимости одного элемента от другого (ср. *Дай мне книгу, **что** ты вчера купил. Дай мне книгу, **которую** ты вчера купил. Висит груша, **которую** нельзя скушать*).

Для древнеславянского разговорного синтаксиса было характерно отсутствие «синтаксической перспективы» (по выражению А. А. Потебни), привычной для носителей современного литературного языка. Гипотаксис развивался в живых славянских языках постепенно, но в старославянском языке, как языке переводов с греческого (а греческий обладал высокоразвитым синтаксисом), предложения с паратаксисом представлены довольно слабо. Однако в древних славянских текстах, отражающих разговорный язык, черты древнего синтаксиса представлены широко, например в древнерусских памятниках: ср. **аже тиоунъ оуслышить латинескꙑи гость пришелъ • послати ѥмоу люди • с колꙑ • пьревѣсти товарꙑ** (Смоленская грамота 1229 г.) ‘а [если/когда] тивун услышит, [что] иностранный купец пришел, [то] ему следует послать к нему людей с телегами, [чтобы] перевезти имущество’; **первое к ростову идохъ • сквозѣ вѧтичѣ • посла мѧ ѡц҃ь • а самъ иде курьску** (Поучение Владимира Мономаха, нач. XII в. по списку Лаврентьевской летописи 1377 г.) ‘Сначала я на Ростов пошел, через вятичей, послал меня отец, а сам пошел в Курск’ или **оженисѧ мьстиславъ къıевѣ • поѧ дмитровьноу**

[1] *Večerka R.* Syntaxis aktivních participií v staroslověnštině. С. 55—56.

новѣгородѣ завидица (Новгородская первая летопись, под 1112 г.) ‘женился Мстислав в Киеве, взял (в жены) Дмитровну (дочь Дмитра), в Новгороде, (Дмитра) Завидича’. В старославянских текстах изредка также обнаруживается разговорный синтаксис: ср. **дъщи иночѧда болѣше ємоу • ꙗко двою на десѧте лѣтоу • ꙗже оумираше** (Лк. 8: 42 Сав.) ‘дочь единственная болела у него; около 12 лет от роду; та умирала’ (греч. ὃτι θυγάτηρ μονογενής ἦν αὐτῳ ὡς ἐτῶν δώδεκα καὶ αὐτη ἀπεθνῃσκεν). Здесь **ꙗко** и **ꙗже** являются не столько союзами и союзными словами, сколько специальными служебными средствами членения текста на отдельные предикативные единицы.

Цепочечное, или цепное, нанизывание представляло собой один из начальных этапов преодоления паратаксиса, но это было еще довольно свободное соединение простых (элементарных) предложений при помощи присоединительных союзов, прежде всего *и* (а также *а*, *же*, *ли*, *бо*). Цепочечные конструкции позднего праславянского периода еще не были сложными предложениями в современном смысле, хотя порядок следования объединенных в такие конструкции простых предложений имел уже и грамматическое значение, а присоединительные союзы уже выступали то в соединительной, то в противительной, то в подчинительной функции. Например, **чк҃ъ єтеръ їмѣ дъва сн҃а • ї рече мьниі сн҃ъ єю оц҃ю оч҃е даждь ми • достоїнѫѭ чѧсть їмѣньѣ • ї раздѣли їма їмѣнье • ї не по мнозѣхъ дьнехъ • събъравъ все мьни сн҃ъ • отиде на странѫ далече • ї тоу расточи їмѣнье свое живы блѫдъно • іждивъшю же ємоу вьсѣ • бъıстъ гладь крѣпъкъ на странѣ тоі • ї тъ начѧтъ лишити сѧ • ї шьдъ прилѣпи сѧ единомь отъ жителъ тоѩ странъı • ї посъла і на села своѣ пастъ свиніи • ї желагаше насъıтити сѧ отъ рожьць ѩже ѣдѣахѫ свиниѩ • ї никътоже дааше ємоу** (Лк. 15: 12—16 Зогр.) ‘(1)Некий человек имел двоих сыновей; **и** сказал младший сын отцу их (обоих): «Отец, отдай мне причитающуюся часть имущества»; **и** тот разделил между ними имущество; **и** через несколько дней, собрав все, младший сын ушел в далекий край; **и** там он растратил все состояние, живя распутно. (2) Когда он все истратил, случился сильный голод в краю том; **и** он начал нуждаться; **и** пошел и пристал к одному из жителей той земли; **и** тот послал его на свои поля пасти свиней; **и** он рад был уже есть рожки ([а ведь] ими питались свиньи); **и** никто не давал ему’ (ср. с переводом этого отрывка в § 88).

Синтаксису старославянского языка были свойственны подобного рода цепочечные конструкции, характерные для библейских текстов в целом. Подобное «нанизывание» однородных конструкций порой создает трудности при делении текста на самостоятельные синтаксические единицы. Наличие в старославянском конструкций цепочечного нанизывания приводит к тому, что главное и придаточное предложения могут одновременно соединяться при помощи подчинительного и присоединительного союзов: **єгда же сн҃ъ твоі**

ізѣдъı твоє імѣньє • съ ꙉюбодѣіцами • придє • і закла ємоу тєлєць питомъı (Лк. 15:30 Зогр.) ‘когда сын твой, промотавший твое имущество, пришел, (и) ты заколол для него бычка откормленного’.

В старославянском языке выделяют союзную и бессоюзную формы соединения частей в составе сложного целого и таким образом говорят о бессоюзном и союзном сложном предложении; в свою очередь, союзные предложения, в зависимости от типа союзных средств, делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные.

Союзные средства представляли собой союзы и союзные слова. В качестве **союзных слов** могли выступать: *относительные местоимения*, *относительные наречия* и *местоименно-именные сочетания*.

Относительные союзные средства можно разделить на *немодальные* (нейтральные) и *модальные*. Модальные имеют дополнительный элемент **аштє**, **колижьдо**, **да** (например, нейтральный вариант — **ижє**, модальные — **ижє аштє**, **ижє колижьдо**, **ижє да**).

Относительное местоимение **ижє**, вводящее придаточное определительное в старославянском языке и имевшее значение ‘который’, ‘тот кто’, ‘то что’, представляло собой соединение указательного местоимения **и** и частицы **жє**, при согласовании данного относительного местоимения с соответствующими словами главного и придаточного предложений менялась только первая часть (**ижє**, **ѥгожє**, **ѥмоужє** и т. д.): **хлѣбъ бо іжє азъ дамь • плъть моѣ єстъ • ѭжє азъ дамь за животъ вьсєго мира** (Ин. 6: 51 Зогр.) ‘хлеб, который я дам, — это плоть Моя, которую я отдаю за жизнь всего мира’; **чьто жє видиши сѫчьць • іжє єстъ въ очєсє братра твоєго • а брьвъна єжє єстъ въ очєсє твоємь нє чюєши** (Лк. 6: 41 Зогр.) ‘Что же ты смотришь на щепочку в глазу брата своего, а бревна, которое в твоем глазу, не замечаешь?’.

Относительные наречия, употреблявшиеся в качестве союзных средств с обстоятельственными придаточными, были следующие (приводим только нейтральные варианты; как указывалось ранее, модальные варианты образовывались посредством прибавления к нейтральным вариантам компонентов **аштє**, **колижьдо**, **да**):

— в значении места: **идєжє** (и его варианты **идє**, **иждє**, **иждєжє**), **къдє**, **къдєжє**;

— в значении направления: **ꙗможє** ‘куда’, **ѭдоужє**, **ѭдѣжє**, **отънѭдоу**, **отънѭдоужє**, **отънѭдѣжє**, **отъкъдоужє** ‘откуда’;

— в значении времени: **ѥгда**, **ѥгдажє**, **вънєгда**, **вънєгдажє** ‘когда’. Иногда во временном значении могли употребляться и союзы места (**иждє**, **иждєжє**, **къдє**, **къдєжє**). В значении ‘до тех пор пока’ встречались наречия: **доньдєжє** (и варианты **доньждє**, **доньждєжє**, **доидєжє**, **доиждє**, **доиждєжє**), **донєлижє** (**донєлѣжє**); в значении ‘с тех пор как’ **отънєли**, **отънєлижє**, **отънєлѣжє**;

— в значении степени (количества) — в одинаковой степени: **ѥлико**, **ѥликожє**, **ѥль**, **ѥльма**, **ѥльмажє**, **ѥльми**, **ѥльмижє**, в разной степени — **нєжє**, **нєжєли**, **нєкъли**, **нєгъли**;

— в значении причины: **зане**, **занеже**, **поне**, **понеже**. В этом значении также могли использоваться некоторые количественные наречия (**ѥльма**, **ѥльмаже**, **ѥльми**), наречия места (**иде**, **ижде**, **иждеже**) и застывшая форма Т. п. местоимения **иже — имьже**;

— в значении условия — количественные наречия **ѥль** (**ѥли**) и **ѥлико**.

В предложениях с *косвенными вопросами* в качестве союзных слов выступают следующие местоимения и наречия: **къто**, **чьто**, **кыи**, **которыи**, **чии**, **какъ**, **каковъ**, **къде**, **отъкѫдоу**, **камо** ‘куда’, **къгда**, **коли**, **доколѣ**, **како**, **коликъ**, **колико** ‘сколько’.

Бессоюзное сложное предложение встречается в старославянском языке довольно редко, в основном при перечислении однородных явлений, например в составе наставлений: **болѧштѧѩ іцѣлите • мрътвыѩ въскрѣшаите • прокаженыѩ очиштаите • бѣсы ізгоните** (Мф. 10: 8 Зогр.) ‘больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте’.

§ 99. Сложносочиненное предложение

Для сложносочиненного предложения в старославянском языке свойственны те же особенности, что и для сложного предложения в старославянском языке в целом, — неполная семантическая дифференцированность сочинительных союзов, их синкретизм, возможное сочетание сочинительного и подчинительного компонентов в значении. Например, союз **а** помимо сочинительных значений (противительного ‘но’ и соединительного ‘и’) мог иметь и значения подчинительные, как то: ‘если’, ‘хотя’.

В роли соединительных союзов в старославянском языке могли выступать следующие слова: **и**, **и... и**, **ни**, **ни... ни** (при отрицании), **да**, **же**, **ти**, **то**, **а**, **таже**, **толи**. Помимо собственно соединительного и присоединительного значения они могли иметь и дополнительные оттенки, в частности, **а** мог выполнять роль соединительного союза с оттенком сопоставления, **то** мог играть роль присоединительного союза с оттенком следствия, **таже** был соединительным союзом с обобщающим оттенком ‘затем, итак’.

Приведем примеры употребления в старославянских текстах предложений с некоторыми из этих союзов: **в҄сѣкы гады • ѿтидѣте отъ лозиѣ • ѿтъ нивъ • ѿтъ врътоградъ • ти отиди въ горы поустыѩ** (Евх. 59а.23) ‘все змеи, уйдите из лоз, с нив, из садов, **и** уйдите в пустынные горы’; **не послоушаѥте ли мене молѧштоу ми сѧ вамъ • то ноудите мѧ повелѣноѥ отъ цѣсара сътворити** (Супр. 178.3) ‘не слушаете меня, когда я вас прошу, и [поэтому] заставляете меня выполнить повеленное цесарем’; **принесошѧ дръва и огн҃ь • и їждегошѧ въ ровѣ • таже повелѣ вьврѣшти паула и**

ꙋлиꙗниѭ въ огн҃ь (Супр. 5.14) ‘принесли дрова и огонь, и разожгли [костер] в яме, и повелел бросить Павла и Иулиану в огонь’.

В роли противительных союзов употреблялись **а**, **же**, **нъ**, **обаче**, **ли** (в составе сочетаний **аще ли**, **ѥгда ли** — ‘но если’, ‘но когда’) и некоторые др. Например: **имѣахѫ бо масло не обильно же** (Супр. 370.27) ‘у них было масло, но не в изобилии’; **дъштери ѥ҃лмскы • не плачите сѧ о мнѣ • обаче себе плачите сѧ** (Лк. 23: 28 Зогр.) ‘дщери Иерусалимские! Не плачьте обо мне, но плачьте о себе’; **не оумрѣтъ бо дѣвица нъ** съпитъ (Зогр. Мф. 9: 24) ‘не умерла девица, но спит’; **аште оубо бѫдетъ око твое просто • все тѣло твое бѫдетъ свѣтъло • аште ли око твое лѫкаво бѫдетъ • все тѣло твое тьмъно бѫдетъ** (Мф. 6: 23 Зогр., Мар.) ‘если око твое будет чисто, все тело твое будет светло, но если око твое будет худо, все тело твое будет темно’.

В качестве сопоставительных союзов использовались **не тъкъмо/ тъкъма/ тъчиѭ/ просто... нъ и**: **сего раді не самъ тъкмо пріде • нъ і инъı творѩштѩ таковаа** (Клоц. 9а.31) ‘поэтому не только сам он пришел, но и другие это делают’; **тоже не просто словесы кыими • нъ и дѣлесемь винны сътворити своѩ оученикы • рѣшити и вѧзати** (Супр. 358.6) ‘не только словами разными, но и делом нужно обязать своих учеников «освобождать и связывать»’.

К числу разделительных союзов относились: **или**, **или... или**, **ли... ли**, **любо**, **любо... ли** — и некоторые другие: **исправи імъ пѫть • ли по земи • ли по морю • ли по блатомъ • ли по рѣкамъ** (Евх. 18б.5—7) ‘сделай прямым их путь по земле, или по морю, или по болотам, или по рекам’; **любо въ въторѫѭ • любо въ третиѭ стражѫ придетъ** (Лк. 12: 38 Зогр.) ‘либо во вторую стражу придет, либо в третью’.

§ 100. Сложноподчиненное предложение

В зависимости от синтаксической функции придаточного предложения в старославянском языке, как и в современном русском, можно выделить следующие типы сложноподчиненных предложений: предложения с придаточным изъяснительным, с придаточным определительным и придаточным обстоятельственным (времени, причины, условия т. д.).

В качестве союзных средств в сложноподчиненном предложении могли употребляться подчинительные союзы **ꙗко**, **ѥда**, **аще** и др. и союзные слова — относительные местоимения и наречия **иже**, **идеже**, **доньдеже** и др.

Сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными

Придаточные изъяснительные относятся к сказуемому главного предложения, при этом сказуемое может быть выражено как лич-

ной формой глагола, так и причастием, в его состав мог входить инфинитив или супин, оно могло быть также составным именным: **мъі вѣмь** (личная форма) **ѣко чл҃къ сь грѣшенъ естъ** (Ин. 9: 24 Мар.) 'мы знаем, что этот человек грешен'; **видѣвъ** (прич.) **же ис҃ъ ѣко съриштетъ сѧ народъ** (Мк. 9: 25 Мар.) 'увидел же Иисус, что сбегается народ', **поманѫ же семоу симонъ петръ въпросити** (инф.) **кто оубо естъ о немьже гл҃етъ** (Ин. 13: 24 Мар.) 'Симон Петр сделал ему знак спросить, кто тот, о котором он говорит'; **і придѫ видѣтъ** (супин) **что естъ бъівъшее** (Мк. 5: 14 Мар.) 'и пришли посмотреть, что случилось'; **нѣсмъ достоинъ** (прил.) **да въ домъ мои вьнидеши** (Мф. 8: 8 Мар.) '[я] не достоин, чтобы ты вошел в мой дом'.

В качестве союзных средств, используемых для введения придаточного изъяснительного предложения, используются подчинительные союзы, союзные слова и частицы, среди них: **ꙗко, ꙗкоже** 'что', **да** 'чтобы' (после глаголов с модальным значением), **иже** 'то, что', **ли, еда, къто, чьто, къіи** 'какой', **какъ, коликъ** 'сколько', **чии** 'чей', **къде** 'где', **камо** 'куда', **когда** и ряд других[1].

Союзы **ꙗко/ако** и **ꙗкоже/акоже** употреблялись в немодальном значении 'что' после глаголов со значением речевой деятельности (**рещи, глаголати, повѣдати, чисти, пьсати** и др.), мысли (**вѣдѣти, знати, разоумѣти, оучити...**), чувств (**видѣти, слъішати, чоути**) и эмоционального состояния (**радовати сѧ, дивити сѧ**): **възвѣщѫ ѣко оуслъіша гласъ моі** (Син. 54.18) 'и возвещу, что Он услышал голос мой'; **чоухь ꙗко ничꙿтоже сѫтъ** (Супр. 141.5) 'я почувствовал, что они — ничто'; **не диви сѧ ѣко рѣхъ ти • подобаетъ вамъ родити сѧ съвъіше** (Ин. 3: 7 Мар.) 'не удивляйся тому, что Я сказал тебе: «должно вам родиться свыше»'.

В модальном значении употреблялись союзы **да**[2], **ꙗко да** 'чтобы', **ѥда** (в отрицательном значении 'дабы не'): **блюди сѧ оубо еда свѣтъ иже естъ въ тебѣ тъма естъ** (Лк. 11: 35 Мар.) 'блюди себя, дабы свет, который в тебе, не стал тьмой'; **і вратьникоу повелѣ да бьдитъ** (Мк. 13: 34 Мар.) 'и приказал привратнику, чтобы бодрствовал'.

В качестве союзного слова со значением 'то, что' употреблялось относительное местоимение **иже** в соответствующей форме, а также местоимения **ѥлико / ѥликоже**. По происхождению **иже** восходит к сочетанию **и** (указательное местоимение) + **же** (частица); поскольку в данном сочетании изменяемая часть стоит первой, то при склонении меняется только она, и к ней примыкает неизменяемое **же**, например: **егоже, емоуже, имьже** и т. д. Приведем примеры: **и еже** (И. ед. с. р.) **иматъ отъимѫтъ отъ него** (Лк. 19: 26 Мар.) 'и то,

---

[1] Полный список союзов, возможных в придаточном изъяснительном, см., в частности: Граматика на старобългарския език. С. 481.

[2] Союз **да**, как и многие союзы, происходит из частицы (так же как, например, **же, бо, ли**).

что имеет, отнимут у него’; **помните югоже** (Р. ед. ср. р.) **слъшасте** (Супр. 136.7) ‘помните то, что вы услышали’; **вьсѣ елико вьсхотѣ сътвори г҃ь** (Син. 134.6) ‘все, что захотел, сотворил Господь’.

С модальным оттенком (‘что бы ни’, ‘кто бы ни’ и т. д.) могут употребляться те же созные слова в сочетании с **аще** или **колижьдо** (**иже аще, иже колижьдо, юлико аще, юлико колижьдо**): **егоже аште просиши дамь ти** (Мк. 6: 23 Мар.) ‘чего ни попросишь [чего бы ты ни попросила], дам тебе’; **і елико аште обрѧштете призовѣте на бракъ** (Мф. 22: 9 Мар.) ‘и вы ни найдете, зовите на брачный пир’.

В изъяснительных предложениях, являющихся косвенными вопросами, в зависимости от характера косвенного вопроса в роли союзного слова могут выступать союзы (частицы) и разнообразные местоимения и наречия, среди них: в общем вопросе — **ли, аще**; в частных вопросах — **къто, чьто, къде, камо, когда, коли, колико** и др.: **пилатъ же слъшавъ галилеѭ въпроси и • аште ч҃лкъ галилѣискъ естъ** (Лк. 23: 6 Мар.) ‘Пилат, услышав о Галилее, спросил его, галилеянин ли Он’; **понеже не вѣмъ доколѣ живи бѫдемъ** (Евх. 70в.25) ‘поскольку не знаем, как долго проживем’; **і не обрѣтаахѫ чъто сътворѧтъ емоу** (Лк. 19: 48 Мар.) ‘и не находили, что сделать с ним’; **и ѣможе азъ идѫ вѣсте** (Ин. 14: 4 Мар.) ‘и куда Я иду, вы знаете’.

Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными

В качестве основного союзного средства при придаточных определительных выступало относительное местоимение **иже** ‘который’. Местоименная часть **и** согласовывалась в роде и числе с существительным, к которому относилось придаточное предложение, и ставилась в том падеже, которого требовал глагол в придаточной части (т. е. вела себя так же, как в современном русском языке местоимение *который*). Помимо местоимения **иже** в качестве союзных средств могли употребляться такие союзные слова, как **ꙗкъ, ꙗкъже, юликъ, которъи, идеже, къдеже, вънегда, къто, чьто** и т. д.

В качестве главного слова, к которому относилось придаточное, мог выступать практически любой член предложения.

Когда местоимение **иже** употреблялось в значении современного ‘тот, кто’, ‘то, что’, придаточное предложение могло играть роль подлежащего: **іже вы приемлетъ мѧ приемлетъ** (Мф. 10: 40 Мар.) ‘тот, кто принимает вас, принимает меня’ или выступать дополнением к сказуемому: **они же не разоумѣшѧ • чъто бѣшѧ • ѣже** (И. мн. с. р.) **г҃лаше имъ** (Ин. 10: 6 Мар.) ‘они не поняли, что было то, что он им говорил’.

Когда союзное слово означало ‘который’, придаточное предложение могло относиться:

— к существительному: **і силы** **<u>ѩже</u>** (И. мн. ж. р.) **сѫтъ на нб҃сх҃ подвижѫтъ сѧ** (Мк. 13: 25 Мар.) ‘и силы, которые на небесах, поколеблются’; **хлѣбъ бо егоже азъ дамь • плъть моѣ естъ • <u>ѩже</u> азъ дамь за животъ вьсего мира** (Ин. 6: 51 Асс.) ‘хлеб же, который я дам, есть плоть моя, которую я отдам за жизнь всего мира’;

— к местоимению: **и молитъ поустити нѣкоторыѩ • иже** (И. мн. м. р.) **то имъ съкажѫтъ** (Супр. 374.13) ‘и просит пустить некоторых, которые им это объяснят’;

— к субстантивированным формам числительного, причастия, цельного словосочетания: **і събыстъ сѧ писаное <u>еже</u>** (И. ед. ср. р.) **гл҃тъ** (Мк. 15: 28 Мар.) ‘и сбылось написанное, которое гласит’.

Приведем примеры с другими словами в функции союза при придаточном определительном предложении: **бѫдетъ бо тогда скрьбь велиѣ • <u>ѣкаже</u> нѣстъ была отъ начѧла въсего мира до селѣ • ни иматъ быти** (Мф. 24: 21 Мар.) ‘ибо тогда будет скорбь великая, какой не было от начала мира доныне и не будет’; **въпрашааше же часа отъ н҃ихъ • <u>въ которъı</u> соулѣе емоу бъıстъ** (Ин. 4: 52 Зогр.) — **въпраша же годинъı отъ нихъ • <u>въ кѫѭ</u> соулѣе емоу бъı^с** (Мар.) ‘он спросил у них, в котором часу тому стало легче [букв. он спросил у них час, в который тому стало легче]’; **възвраштѫ сѧ въ храмъ мои • <u>отъньѭдоуже</u> изидъ** (Мф. 12: 44 Мар.) ‘возвращусь в дом мой, откуда [из которого] я вышел’; **единъı же на десѧте оученикъ идѫ въ галилеѭ • въ горѫ <u>ѣможе</u> повелѣ имъ ис҃ъ** (Мф. 28: 16 Мар.) ‘Одиннадцать учеников пошли в Галилею, в гору, куда [на которую] повелел им Господь’.

При наличии модальных оттенков в придаточном предложении в качестве союзного средства использовалась составная форма, как то **иже аще, иже колижьдо, иже чьто, ѥлико аще, ѣкоже колижьдо** и т. п.; **вьсѣ оубо елико аште рекѫтъ вамъ блюсти • съблюдаите и творите** (Мф. 23: 3 Мар.) ‘итак, все, что бы ни повелели вам соблюдать, соблюдайте и делайте’. Значение желательности, предопределенности могло выражаться с помощью союза **да**: **приде година да прославитъ сѧ сн҃ъ чл҃вскъ** (Ин. 12: 23 Мар.) ‘пришло время [в которое суждено] прославиться Сыну Человеческому’.

Сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельственными

Сложноподчиненные предложения с придаточным обстоятельственным имели значения места, времени, причины, цели, условия, следствия, уступки, образа действия, степени.

В качестве союзных элементов при придаточных места могли выступать многие относительные наречия и местоименные сочетания. Среди них: **идеже** ‘где’, **иждеже** ‘где’, **къде** ‘где’, **ꙗможе** ‘куда’, **ѩдоуже** ‘куда’, **ѩдѣже** ‘куда’, **отъньѩдоуже** ‘откуда’, **отъньѩдѣже** ‘откуда’, **отъкѫдоуже, на немьже мѣстѣ, въ ньже домъ, въ ньже градъ**. Например: **жьнѫ ідеже не сѣѣхъ • і събираѭ ѩдоуже не расточихъ** (Мф. 25: 26 Зогр.) ‘я жну, где не сеял, и собираю, где [куда] не рассыпал’; **идѣвѣ въ црък҃вище иждеже стоитъ богъ твои** (Супр. 227.22) ‘[мы оба] пойдем в храм, где стоит бог твой’; **і въ ньже градъ колижьдо вьнидете • і приемлѭтъ вы • ѣдите прѣдълагаемаѣ вамъ** (Лк. 10: 8 Зогр.) ‘В какой город вы ни войдете [куда бы вы ни пришли], и если примут вас, ешьте предлагаемое вам’.

Союзы придаточных предложений времени также довольно многочисленны: **ѥгда(же)** ‘когда’, **вънегда(же)** ‘когда’, **доньде(же)** ‘до тех пор пока’, **донелиже** ‘пока’, **ижде** ‘когда’, **отънели** ‘с тех пор как’ и ряд других. Приведем примеры: **нъ по томь егда вьскрьснѫ варѭ вы въ галилеи** (Мк. 14: 28 Мар.) ‘но когда я воскресну, предварю вас в Галилеи’; **и бꙑс҃ вънегда ськонча ис҃ъ вьсѣ словеса сіи • дивлѣахѫ сѧ народі • о оучении его** (Мф. 7: 28 Асс.) ‘и было, когда закончил Иисус все эти слова, удивились люди учению Его’; **сѣди о деснѫѭ мене • доньдеже положѫ врагы твоѩ • подъножью ногама твоима** (Лк. 20: 43 Зогр.) ‘сиди одесную Мне, до тех пор пока не положу врагов Твоих в подножие ног Твоих’; **слоужить ми донелѣже ꙗмь и пиѭ** (Лк. 17: 8 Сав.) ‘служит мне, пока ем и пью’; **трети се д҃нь іматъ • отънелиже си бꙑшѧ** (Лк. 24: 21 Зогр.) ‘уже третий день с тех пор, как это произошло’.

Придаточные предложения со значением образа действия вводят союз **ꙗко** и его варианты **ꙗкоже, ꙗкосе, ако** и т. д.: **шедъша же оученика и сътворша ѣкоже повелѣ имъ ис҃ъ • привѣсте осьлѧ и жрѣбѧ** (Мф. 21: 6—7 Асс.) ‘Ученики (два ученика) пошли и поступили так, как повелел им Иисус. Привели (они двое) ослицу и осленка’; **ѣко таетъ воскъ отъ лицѣ огнѣ • тако погꙑбнѫтъ грѣшъници отъ ліца бж҃ьѣ** (Син. 67.3) ‘как тает воск от огня, так нечестивые погибнут от лица Господа’; **и възлюбіши искрънѣаго своего ако и самъ сѧ** (Мф. 19: 19 Асс.) ‘люби ближнего своего, как самого себя’.

Сложноподчиненные предложения с придаточными причины имели разные союзные средства. В первую очередь причинное значение выражалось союзами **зане(же)**, **поне(же)** и несколько реже союзами **имьже, ѥльма**: **і се бѫдеши мльчѧ • до н҃егоже дьне бѫдетъ се • зан҃е не вѣрова • словесемъ моімъ** (Лк. 1: 20 Зогр.) ‘ты будешь молчать (будешь молчащим) до того дня, как это сбудется, потому что ты не поверил словам моим’; **не достоіно естъ въложити**

его въ кар҄ванѫ поне же цѣна кръве естъ (Мф. 27: 6 Зогр.) ‘нельзя положить его в сокровищницу церковную, потому что это цена крови’; **ис҃ъ • не въдааше себе въ вѣрѫ іхъ • імьже самъ вѣдѣаше вьсе** (Ин. 2: 24 Зогр.) ‘Иисус не был откровенным с ними, потому что он единственный знал все’; **ѥлма же молитвъı проси молитвѫ дастъ** (Супр. 308.12) ‘поскольку ты просил молитву, молитву он дал [тебе]’.

Среди других союзов, которые могли вводить придаточное предложение причины, — союзы **ꙗко, ѥже: бьдите оубо ѣко не вѣсте дьни ни часа** (Мф. 25: 13 Мар.) ‘Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа...’; **сиꙗ же плакааста сѧ и тѫжааста о томь ѥже сътвориста зьло много** (Супр. 211.22) ‘они же [оба] плакали и сожалели об этом, потому что наделали много зла’.

Придаточные предложения цели вводятся союзами **да, ꙗко(же), ꙗко(же) да: се изиде сѣѩи да сѣетъ** (Мф. 13: 3 Мар.) ‘вот вышел сеятель, чтобы сеять’; **і съвѧжате и въ снопъı • ѣко съжешти ѩ** (Мф. 13: 30 Мар.) ‘и свяжите в снопы, чтобы сжечь их’. В значении ‘чтобы не, как бы не, а не то’ употреблялся союз **еда**, который, как и союз **да**, находился при личной форме глагола: **онъ же рече ни • еда въстръгаѭште плѣвелъ въстръгнете коупьно съ н҄имь і пьшеницѫ** (Мф. 13: 39 Зогр.) ‘он же сказал им: «нет», чтобы, выдергивая плевел, вы не выдернули вместе с ним и пшеницу [= а не то, выдергивая плевел, вы выдернете и пшеницу]’. В греческом языке в случае отрицания в предложении со значением цели мог использоваться союз μήποτε, в состав которого входит местоименный элемент ποτε. Следует отметить, что в старославянских текстах этому союзу, в зависимости от контекста, соответствовали составные союзы с разными местоименными компонентами — **еда къто, еда како, ѥда когда** и т. д.: **просвѣті очі моі еда когда оусънѫ во съмръті** (Син. 12.4) ‘просвети очи мои, да не [= а не то] усну [сном] смерти’; **егда възъванъ бѫдеши на бракъ • не сѧди на прѣдьн҄имь мѣстѣ • еда къто чьстьнѣи тебе бѫдетъ • зъванъıхъ** (Лк. 14: 8 Зогр.) ‘когда ты будешь позван на свадьбу, не садись на первое место, чтобы не случился [= а не то случится] кто из званых почетнее тебя’. В данном случае перед нами, с одной стороны, еще один пример влияния греческого синтаксиса на старославянский, а с другой — пример, демонстрирующий не механическое калькирование оригинала, а использование наиболее адекватных средств славянского языка для передачи соответствующей греческой модели.

Придаточные предложения условия вводятся союзом **аще** и его вариантами, в частности **аще да** или, с ограничительным оттенком, — **аще тъчиѭ** ‘если бы только’. В редких случаях придаточные предложения условия могут вводиться некоторыми другими союзами, в частности союзами **а** и **ѥли**. Приведем примеры: **аште азъ**

съвѣдѣтеꙗ҃льствоуѭ о мьнѣ • съвѣдѣтеꙗ҃льство мое нѣстъ істинъно (Ин. 5: 31 Зогр.) 'если я свидетельствую сам о себе, свидетельство мое неистинно'; **аште ли да вѣроуѥши въ господ҄ нашъ іс҃ хс҃ • то избѫдеши болѣзни тоѧ лютъіѧ** (Супр. 222.24) 'если уверуешь в Господа Нашего Иисуса Христа, то избавишься от этой лютой болезни'; **възвѣштѫ о тебѣ къ цѣсароу... тъчьѭ аште бг҃ъі благодарьствиши** (Супр. 100.16) 'возвещу о тебе цесарю... если только ты возблагодаришь Бога'; **г҃и а бъі бъілъ сьде • не бъі оумрълъ ми братъ** (Супр. 306.24) 'Господи, если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой'.

Придаточные предложения следствия всегда стоят после главного предложения и присоединяются к нему союзами **ꙗко, ꙗкоже, да**. В евангельских текстах и Псалтыри употребляются союзы **ꙗко** и **да**, в Супрасльской рукописи преобладает **ꙗкоже**: **о нихъже сънъмъшемъ сѧ тъмамъ народа • ѣко прѣпираахѫ дроугъ дроуга • начѧтъ гл҃ати кь оученикомъ своимъ • пръвѣе** (Лк. 12: 1 Зогр.) 'между тем, когда собрались тысячи народа, так что теснили друг друга, он начал говорить сперва своим ученикам'; **толикъ бо даръ дастъ сѧ ѥмоу • ꙗкоже ѥмоу словомъ въскорѣ прогонити нечистъіѧ дх҃ъі** (Супр. 531.23) 'столь великий дар был дан ему [= ему было принесено столько даров], что вскоре прогнал словом нечистых духов'. В последнем предложении в придаточной части вместо личной формы глагола представлен инфинитив, подобное употребление довольно распространено в старославянских текстах и является калькой греческого оборота ὥστέ/ὡς с инфинитивом в значении следствия.

В придаточных предложениях уступки в качестве союзов употреблялись: **аще** (и варианты: **аще и, и аще**), реже **цѣ, тоже**: **аште і б҃а не боѭ сѧ • і чк҃ъ не срамлѣѭ сѧ • за н҃е творитъ ми троуда въдовца си да мьштѫ ѥѩ** (Лк. 18: 4 Зогр.) 'хотя я и Бога не боюсь, и людей не стыжусь, но поскольку эта вдова доставляет мне беспокойство, защищу ее'; **и не въ годъ просишѧ • цѣ и ничтоже онѣхъ дѣвицъ чловѣколюбивѣѥ** (Супр. 373.1) 'и не вовремя попросили, хотя не было никого человеколюбивее тех девушек'.

В придаточных предложениях степени в зависимости от характера выражения степени (имеется в виду одинаковое или разное выражение степени в главном и придаточном предложениях) выделяются две группы союзных средств.

1. Для выражения одинаковой степени — наречия **ѥлико(же), ѥльма(же)**, местоимение **ѥликъ**: **аще к҄то гнѣваетъ҄ сѧ на брата своего • еликоже денъ гнѣвъ дръжитъ • толико да поститъ сѧ о хлѣбѣ о водѣ** (Евх. 104в.12) 'если кто прогневается на брата своего, то сколько дней держит гнев, столько ему поститься на хлебе и воде'; **елико врѣмѧ съ собоѭ имѧтъ жениха • не имѧтъ постити**

сѧ (Мк. 2: 19 Мар.) ‘сколько времени с ними жених, [столько] не могут поститься’.

2. Для выражения разной степени, т. е. при придаточных сравнения, — **неже**, **нежели**, **негъли** (**некъли**): **добрѣе ти естъ маломоштинѫ въ животъ вънити • нежели обѣ рѫцѣ імѫштю іти въ ѣеонѫ** (Мк. 9: 43 Зогр.) ‘лучше тебе увечному идти в жизнь, чем с обеими руками идти в геенну’; **оудобѣе естъ вельбѫдѫ сквозѣ иглинѣ оуши проіти негъли богатоу вь цр҃ствие бж҃ие** (Мф. 19: 24 Сав.) ‘удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царство Божие’.

В главной части сложноподчиненного предложения возможно наличие соотносительных слов — указательных частиц **то**, **тѣ**, местоимений **тъ**, **тожде** и др., наречий **тъгда**, **тоу**, **толико**, **тако** и т. д. Например: **аште оубо свѣтъ іже въ тебѣ тъма естъ • то** [Зогр., Мар. **тѣ**] **тьма кольми** (Мф. 6: 23 Асс., Сав.) ‘если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?’; **нъ иже сътрьпитъ до коньца • тъ съпасетъ сѧ** (Супр. 71.1) ‘но кто вытерпит до конца, тот будет спасен’; **еже сътворілъ естъ іночѧдъı сн҃ъ бж҃і• тожде і тъı сътворі** (Клоц. 9а.34) ‘что сделал единочадый Сын Божий, то же и ты делай’; **егда же оуслъıша ѣко болитъ • тъгда же прѣбъıстъ на немьже бѣ мѣстѣ дъва дьни** (Ин. 11: 6 Мар.) ‘когда же услышал, что тот болен, тогда пробыл на том месте, на котором находился, два дня’; **ідеже тѣло тоу орьли сънемлѭтъ сѧ** (Лк. 17: 37 Мар.) ‘где труп, там соберутся и орлы’.

§ 101. Особенности употребления отдельных союзов

Как отмечалось выше, союзы в старославянском языке еще не всегда были вполне дифференцированны по своему значению. Иногда один и тот же союз мог не только иметь разные сочинительные значения (например, **нъ**) или разные подчинительные значения (**ѥже**), но и совмещать сочинительное значение с подчинительным, в частности, это было характерно для таких сочинительных по преимуществу союзов, как **и**, **а**, **же**.

Например, у союза **и** в старославянском языке можно выделить следующие значения:

— соединительный союз: **і сънидѫ дъжди і придѫ҃ рѣкъı • і възвѣашѧ вѣтри • і нападѫ на храминѫ тѫ** (Мф. 7: 25 Зогр.) ‘и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и обрушились на дом этот’;

— соединительный с усилительным оттенком (‘как... так и’): **къто оубо сь естъ • ѣко і вѣтри і море послоушаѭтъ его** (Мк. 4: 41 Зогр., Мар.) ‘кто же Он, если и ветер, и море повинуются ему?’;

— соединительный с противительным оттенком (‘а’, ‘однако’): **бѣ бо оучѧ ѣко власть імꙑ • і не ѣко кънижьници іхъ** (Мф. 7: 29 Зогр.) ‘ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи’;

— соединительный с разделительным оттенком (‘или’): **бѫди же слово ваше • еи • еи • і ни ни** (Мф. 5: 37 Мар.) ‘да будет слово ваше «да, да» или «нет, нет»’;

— начинательный (вводит новое предложение): **і бѣ чл҃къ въ іл҃мѣ • емоуже имѧ семьонъ** (Лк. 2: 25 Зогр.) ‘и был в Иерусалиме человек именем Симеон’;

— соотносительный, соединяет предложения, находящиеся в условно-следственной зависимости (‘[если]... то’, ‘[когда]... тогда’): **грѧдѣта въ слѣдъ мене і сътворѭ вꙑ чл҃комъ ловьца** (Мф. 4: 19 Зогр.) ‘идите за мной, и [тогда] сделаю вас ловцами человеков’;

— соотносительный, соединяет предложения, находящиеся в причинно-следственной зависимости (‘[потому что]... поэтому’): **сѫбота естъ і не достоітъ тебѣ вьзѧти одра своего** (Ин. 5: 10 Зогр.) ‘сегодня суббота, поэтому не должно тебе взять постели твоей’;

— соотносительный, соединяет предложения, находящиеся в уступительно-следственной зависимости (‘[хотя]... и все-таки’): **не ѣкоже ѣшѧ оц҃и ваши ман҄нѫ і оумрѣшѧ** (Ин. 6: 58 Зогр.) ‘не так, как отцы ваши, ели манну и все-таки умерли’;

— соотносительный, присоединяет предложение со значением цели (‘чтобы’): **остави і изъмѫ сѫчець із очесе твоего** (Мф. 7: 4 Зогр.) ‘позволь, чтобы я вынул сучок из глаза твоего’.

Союз **а**, в свою очередь, помимо противительного значения, свойственного ему в современном русском языке, выражал и ряд других значений. Он мог выступать, в частности, и как присоединительный союз, и как соединительный (с оттенком сопоставления), и как условный (только в Евх.), а в редких случаях — и как уступительный. Например, **аще к҄то оукрадетъ • главъно чьто... д҃ лѣта да покаетъ сѧ • а ли мало ч҄то оукрадетъ • в҃ лѣта да покает҄сѧ** (Евх. 102б.7) ‘если кто украдет что-то важное, пусть кается четыре года, если украдет что-то малое, пусть кается два года’; **землѣ мимоидетъ а словеса моѣ не мимоидѫтъ** (Лк. 21: 33 Зогр., Мар., Асс., Сав.) ‘небо и земля прейдут (исчезнут), тогда как слова Мои не прейдут’.

Одним из самых многозначных подчинительных союзов был **ꙗко**, который мог выступать в значении:

— изъяснительного союза ‘что’: **не мните ѣко придъ разоритъ закона** (Мф. 5: 17 Зогр., Асс.) ‘не думайте, что Я пришел, чтобы нарушить закон’;

— причинного союза ‘потому что, так как’: **величитъ д҃ша моѣ г҃дѣ... ѣко призьрѣ на съмѣренье рабꙑ своеѩ** (Лк. 1: 48 Зогр.) ‘возра-

довалась душа моя о Господе... потому что Он призрел на смирение Рабы Своей’*;*

— временнóго союза ‘когда’: **да ако бъістъ посрѣдѣ рѣкъı • пакъı въскрича** (Супр. 154.18) ‘и когда был посреди реки, тогда закричал’;

— союза цели ‘чтобы’: **да іспльнѩтъ сѩ оуста моѣ похвалъı • ѣко да въспоѭ славѫ твоѭ** (Син. 70.8) ‘да наполнятся уста мои похвалою, чтобы воспеть славу Твою’;

— следственного союза ‘так что’: **сърѣтосте и дъва бѣсъна... л҄юта ѕѣло • ѣко не можааше никꙋтоже • минѫти пѫтемь тѣмь** (Мф. 2: 28 Зогр., Мар.) ‘встретили Его двое бесноватых... весьма свирепые, так что никто не мог пройти тем путем’;

— союза образа действия ‘как’: **придѫ пакъı народи къ н҄емоу • і ѣко імѣ объıчаи • пакъı оучааше ѩ** (Мк. 10: 1 Зогр., Мар.) ‘снова собрались люди к нему, и он, по обыкновению, снова учил их’;

— сравнительных союзов ‘как’, ‘как будто’: **ї азъ оунічьженъ і не разоумѣхъ • ѣко скотъ бъıхъ оу тебе** (Син. 72.22) ‘я был сокрушен и не понимал (ничего); как скот был я пред Тобою’;

— уступительного союза ‘хотя’: **зане никътоже прѣдъ тобоѭ чистъ бѫдетъ • ѣко единъ день живъ бѫдетъ** (Евх. 65б.21) ‘ибо никто не чист перед Тобой, хоть и один день суждено жить ему’.

§ 102. Прямая и косвенная речь

Прямая речь может вводиться посредством союза **ꙗко**, который в данном случае на русский язык не переводится: **гл҃ааше бо • ѣко аште прикоснѫ сѧ понѣ ризѣ его • сп҃ена бѫдѫ** (Мк. 5: 28 Зогр.) ‘ибо говорила: «Если хотя бы к одежде Его прикоснусь, то выздоровею»’; **наплънишѧ сѧ страхъмь глаголюще ꙗко видѣхомъ прѣславьна дьнь сь** (Лк. 5: 26 Остр.) ‘были исполнены страха, говорили: «Мы видели чудесное сегодня»’.

Прямая речь может также вводиться сочетанием *ответил*..., *говоря* или *сказал*..., *говоря*, которое является гебраизмом, проникшим в славянский язык через посредство греческого: **отъвѣща имъ иоанъ гл҃ѧ • азъ кр҃щаѭ въ водѣ** (Ин. 1: 26 Мар.) ‘Иоанн ответил им, говоря: «Я крещу в воде»’.

При передаче косвенных вопросов в старославянском языке употреблялись соответствующие изъяснительные союзы и союзные слова (см. § 83). Фактически это конструкции прямой речи. В специальных вопросах использовались относительные местоимения и наречия **къто**, **чьто**, **къгда**, **къде** и т. д. (**оуслъıшѫ чьто речетъ о мнѣ г҃ь б҃ъ** (Пс. 84.9 Син.) ‘послушаю, что скажет обо мне Господь Бог’), а в случае общего вопроса — частица **ли**

(**сѫсѣди же ... глаахѫ • не сь ли естъ...** (Ин. 9: 8 Мар.) ‘соседи же... говорили, не тот ли это (человек)...’). Вместо частицы **ли** в косвенном вопросе может быть представлена частица **аще** в качестве кальки с греческого εἰ: **пилатъ же слышавъ галилеѭ въпроси и • аште члкъ галилѣискъ естъ** (Лк. 23:6 Мар.) ‘Пилат, услышав о Галилее, спросил его, галилеянин ли он’; **въпрашааше и аште чъто видитъ** (Мк. 8: 23 Зогр.) ‘(он) спросил его, видит ли он что-нибудь’ (в греч. εἴ τι βλέπει).

§ 103. Порядок слов во фразе: проклитики, энклитики, полуэнклитики

Порядок слов в старославянском языке (для слов, имеющих самостоятельное ударение) был свободным. В свою очередь, слова, не имевшие самостоятельного ударения, могли либо примыкать к ударному слову спереди — в этом случае они называются *проклитики*, либо примыкать к ударному слову сзади, и тогда они называются *энклитики*. К числу проклитик относятся, в частности, отрицание **не** и предлоги. К числу энклитик — союзы и частицы **бо**, **же**, **ли**, дательный падеж личных **ми**, **ти**, **си**, **ны**, **вы** (см. § 58) и винительный падеж указательных местоимений **и[же]**, **ꙗ[же]**, **ѥ[же]** — **и**, **ѭ**, **ѥ**, **ѩ**, **ꙗ**.

Энклитики никогда не выступают в начале фразы. Союзы **бо**, **же**, например, находятся после первого ударяемого элемента фразы, им может быть первое ударяемое слово в предложении или целое неделимое сочетание. Местоположение этих союзов позволяет установить неделимые единицы в старославянском языке: **не въ мѣрѫ бо** (Ин. 3: 34) ‘ибо не мерою’, **мимоходѧштеи же** (Мф. 27: 39) ‘проходящие же’ (**мимоходѧштеи**, а не **мимо ходѧштеи**). Частица **ли** следует за словом, к которому ставится вопрос: **оучитель вашъ не дастъ ли дидрагма** (Мф. 17: 24) ‘Учитель ваш не даст ли дидрахмы?’ При переводе славянские книжники стремились следовать порядку слов в греческом языке, однако разночтения, встречающиеся в славянских рукописях, свидетельствуют о том, что в разговорном славянском языке была тенденция ставить энклитику после первого полноударного слова во фразе (ср. Мф. 20: 12): **равьны намъ сътворилъ ѩ еси** (Мар.) — **равьны ѩ намъ сътворилъ еси** (Асс., Зогр.) ‘ты сделал их равными нам’. В случае употребления нескольких энклитик подряд первыми ставятся частицы **же** и **ли** (**дѣѣши ли бо**, **сица же бо трапеза**), **ли** обычно стоит перед **же** (**аште ли же идѫ**). Частицы находятся перед местоименными энклитиками, причем у местоимений сначала идет дательный падеж, а затем винительный: **въпросишѧ же и** (Ин. 5: 12) ‘спросили же его’, **оунѣе**

бо ти естъ (Мф. 5: 29) ‘ибо лучше для тебя’, **приведѣте ми и** (Мф. 17: 17) ‘приведите его ко мне’.

Некоторые слова были близки к энклитикам, однако иногда они могли иметь самостоятельное ударение. Их называют *полуэнклитики*. К ним, в частности, можно отнести формы винительного падежа личных местоимений **мѧ**, **тѧ**, **сѧ**, **ны**, **вы**. Употребляясь в качестве безударных вариантов, они находились либо после первого полноударного слова фразы, либо после глагола: **да не прѣдастъ тебе сѫпьрь сѫдиі · і сѫдиі <u>тѧ</u> прѣдастъ слоуѕѣ і въ темьницѫ въвръжетъ <u>тѧ</u>** (Мф. 5: 25 Зогр., Мар.) ‘и соперник не отдаст тебя судье, а судья не отдаст тебя слуге и не бросит тебя в темницу’.

§ 104. Влияние греческого языка на старославянский синтаксис

Влияние греческого языка на старославянский сказывается на разных уровнях, но наиболее ярко оно проявляется на уровне лексики и синтаксиса.

Говоря о воздействии греческого языка на славянский в области синтаксиса, важно помнить, что старославянский был *первым письменным* языком славян, а письменный язык всегда существенно отличается от разговорного. Во многих случаях было необходимо использовать определенные синтаксические средства для адекватной передачи переводимых текстов, и в этом смысле греческий язык как язык оригиналов оказал существенное влияние на сложение синтаксиса старославянского языка.

Греческое влияние было сложным и разнообразным, поэтому принято выделять разные типы синтаксических грецизмов. В частности, болгарские исследователи[1] выделяют четыре вида синтаксического воздействия греческого языка на старославянский:

— возникновение *механических калек* с греческих оборотов, не имеющих системного характера;

— существование так называемых *структурных грецизмов* — конструкций, присутствовавших в общеславянском языке, но получивших импульс в своем развитии под влиянием соответствующих греческих оборотов;

— влияние греческого языка на *частоту употребления* той или иной конструкции в старославянском языке. Так, в случае возможной синонимии синтаксических средств — существование двух или более способов для выражения определенного синтаксического

[1] Граматика на старобългарския език. С. 520—523.

значения — в старославянских текстах могла преобладать конструкция, больше соответствующая греческой;

— «*задерживающее*» воздействие греческого языка на активное употребление некоторых исконно славянских оборотов.

1. В качестве некоторых примеров *механических калек* с греческого языка можно, в частности, привести следующие:

1) оборот родительный самостоятельный, являющийся калькой греческого Genetivus Absolutus. Данный оборот встречается несколько раз в Супрасльской рукописи: **и никогоже сѫшта оучителꙗ прѣмѣнн сѧ** (Супр. 415.5) καὶ μηδενὸς ὄντος διδασκάλου μετεβάλετο ‘и когда никого не было, он отвернулся от учителя’. Напомним, что в качестве абсолютивной причастной конструкции в старославянском языке использовался оборот дательный самостоятельный, имеющий, очевидно, славянские корни;

2) буквальный перевод греческой конструкции γενέσθαι εἰς τί — **быти въ чьто**, например: **бѫдете оба въ плъть единѫ** (Мф. 19: 5 Мар., Зогр.) ἔσονται οἱ δύο εἰς σάρκα μίαν ‘и будете оба одной плотью’. Народной речи была свойственна беспредложная конструкция **бѫдета оба плъть едина**, которая, в частности, преобладает в Саввиной книге;

3) перевод греческого артикля славянским местоимением **иже** в конструкциях с инфинитивом, причастием и т. д., употребленных в функции подлежащего: **а еже не оумъвенами рѫками • ѣсти не скврънитъ чл҃ка** (Мф. 15: 20 Мар.) — τὸ δὲ ἀνίπτοις χερσὶν φαγεῖν οὐ κοινοῖ τὸν ἄνθτρωπον ‘а есть неумытыми руками — не оскверняет человека’.

2. Под *структурными грецизмами* понимают такого рода конструкции, которые «латентно» существовали в рамках возможностей славянского синтаксиса, но получили окончательное оформление и дальнейший стимул в развитии только под влиянием греческого языка. К числу структурных грецизмов можно, в частности, отнести:

1) дательный самостоятельный (см. § 97);

2) складывание многих составных союзов и наречных оборотов. Например:

на немьже мѣстѣ — ἐν ᾧ τόπῳ,
въ ньже дьнь аште — ἐν ᾗ ἂν ἡμέρα,
въ нѭже мѣрѫ — ἐν ᾧ μέτρῳ и т. п.;

3) использование союза **ѣко**, подобно греческому ὅτι, для ввода прямой речи **гл҃лаше бо • ѣко аште прикоснѫ сѧ понѣ ризѣ его • сп҃ена бѫдѫ** (Мк. 5: 28 Зогр.) — ἔλεγεν γὰρ ὅτι ’Εὰν ἅψωμαι κἂν τῶν ἱματίων αὐτοῦ σωθήσομαι — ‘ибо говорила: «Если хотя бы к одежде Его прикоснусь, то выздоровею»’.

3. Если в старославянском языке существовали синонимичные конструкции для выражения тех или иных значений, влияние гре-

ческого языка могло сказываться в предпочтении конструкций, буквально соответствующих греческим:

1) в разделительном значении была возможна беспредложная и предложная конструкция (**ѥдинъ ихъ** и **ѥдинъ отъ нихъ**). Беспредложная конструкция, очевидно, была уже архаичной в разговорном древнеболгарском языке, в то время как предложная, напротив, была более свойственна живому языку. Тем не менее в текстах предпочтение может отдаваться беспредложной конструкции, если ей соответствует таковая в греческом языке;

2) последовательное употребление в обобщенном значении форм множественного числа среднего рода: **і моѣ вьсѣ твоѣ сѫтъ** (Ин. 17: 10 Мар.) — καὶ τὰ ἐμὰ πάντα σά ἐστιν — 'и все мое — твое';

3) активное употребление в текстах конструкций **быти** + действительное причастие настоящего времени в значении длительного или обычного действия (считается, что эти обороты были редкими в живом языке): **бъıхомъ веселѧште сѧ** (Син. 125.3) — ἐγενήθημεν εὐφραινόμενοι — 'мы радовались'.

4. Примером «задерживающего» влияния греческого языка на славянский можно считать, в частности, сравнительно редкое употребление конструкции винительный падеж + причастие в винительном падеже (**кого глѭтъ мѧ члвци сѫшта** (Мф. 16: 13 Мар.) — τίνα με λέγουσιν δι ἄντρωποι ε͡ἶναι ὑ με͡ῖς δε τίνα με λέγετε ε͡ἶναι — 'за кого люди почитают Меня?'), которой предпочитается оборот с инфинитивом, буквально соответствующий греческому (ср.: **въı же кого мѧ глете бъıти** (Мф. 16: 15 Мар.) 'а вы за кого Меня почитаете?'.

Говоря о влиянии греческого языка на старославянский, следует также помнить, что греческий язык богослужебных текстов отличается от классического древнегреческого языка. В частности, на новозаветный греческий язык оказал влияние древнееврейский язык (под влиянием Септуагинты — греческого перевода текстов Ветхого Завета). Семитические элементы, проникавшие в греческий язык, называются *гебраизмами*. Через посредство греческих текстов гебраизмы могли проникать и в славянские тексты. К числу гебраизмов относится, например, употребление форм простого будущего времени в значении императива: **възлюбиши искрьнѣго своего і възненавидиши врага своего** (Мф. 5: 43 Мар.) — ἀγαπήσεις τὸν πλησίον σου καὶ μινήσεις τὸν ἐχθρόν σου — 'люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего'. Сочетания «пред лицом» [кого-то/чего-то] или «от лица» [кого-то/чего-то] тоже гебраизмы, буквально передающие еврейские составные предлоги с компонентом «лицо»: **отъвръженъ есмъ • отъ ліца очью твоѥю** (Син. 30.23) 'отвержен я от очей твоих'; **веселѧ сѧ ꙗко и прѣжде • прѣдь лицемъ ковьчега божиꙗ** (Супр. 320.18) 'радуясь, как и раньше, перед ковчегом Божиим'.

Таким образом, в синтаксисе старославянского языка непосредственно и опосредованно проявляются разные иноязычные влияния.

§ 105. Основные различия между старославянским и современным русским синтаксисом

В заключение перечислим рассмотренные ранее наиболее существенные особенности старославянского синтаксиса.

1. В старославянском языке как первом письменном языке славян нашли отражение общие *особенности древнеславянского синтаксиса*: преобладание паратаксиса (сочинения) над гипотаксисом (подчинением), внутри подчинения — предпочтение согласования управлению (**крѣпость доушьнаꙗ** — ‘крепость души’; **хлѣбъ животьнꙑи** — ‘хлеб жизни’), большее распространение беспредложного управления (**остоупити кого** — ‘отступить от кого’, **женити дѣвицеѭ** — ‘женить на девице’, **гꙑбати гладомь** — ‘гибнуть от голода’).

2. Нормой старославянского языка было *определенно-личное предложение*, в котором личное местоимение 1-го и 2-го лица отсутствует, а глагольная форма всегда показывает, кто является субъектом действия (**невѣмь чьто глаголеши** — ‘я не знаю, что ты говоришь’). Если же в предложении употребляется личное местоимение, это означает, что на него падает логическое ударение (**азъ же сьде гладомь гꙑблѭ** — ‘а я здесь от голода погибаю’).

3. Особенностью выражения сказуемого в старославянском языке является возможность употребления *причастия* в роли так называемого *второстепенного сказуемого*, которое могло быть связано со сказуемым — личной формой глагола соединительным союзом (конструкции типа **въставъ и рече**).

4. В сказуемом в формах настоящего времени наличествует связка **бꙑти** (в современном русском языке связка в настоящем времени не употребляется: *Он учитель*).

5. В состав составного именного сказуемого могло входить причастие действительного залога (**бꙑстъ крьстꙙ**, **бѫди оучꙙ**) для передачи длительного, повторяющегося или обычного действия.

6. Между подлежащим и сказуемым в отдельных случаях, в частности при словах с собирательным значением (**народъ**, **дроужина**, **градъ** и т. п.), возможно *согласование по смыслу*, т. е. употребление формы множественного числа сказуемого: **дроужина рекошꙙ**.

7. Широкое распространение получил *дательный приименный*: **праздникъ пасцѣ**, **скрьжьтъ зѫбомъ** (основным приименным падежом современного русского языка является родительный).

8. *Местный падеж* мог употребляться *без предлога*.

9. В качестве предикативного падежа в составе составного именного сказуемого употреблялся *именительный* падеж (нормой современного языка будет творительный предикативный, ср. *Он будет учитель* и *Он будет учителем*).

10. В старославянском языке были возможны *конструкции с двойными падежами*, в частности *двойной дательный* и *двойной винительный*. Второй падеж в этих конструкциях имел предикативное значение, в современном русском языке ему соответствует творительный падеж: **постави мѧ сѫдиѭ** ‘поставил меня судьей’.

11. Для выражения отрицания в старославянском языке, помимо являющегося нормой в современном языке *двойного отрицания* (я **ни**чего **не** знаю), было возможно *одиночное отрицание*: **ничьсоже отъвѣштавааше** ‘ничего не отвечали’.

12. В старославянском языке существовали три способа *выражения принадлежности*: притяжательным местоимением или прилагательным (**отьчь домъ**), родительным падежом имени существительного (**домъ отьца**) и дательным падежом имени существительного (**домъ отьцю**).

13. В качестве *определения* могли выступать *краткие формы прилагательных*. Определение могло находиться в препозиции и в постпозиции по отношению к определяемому слову (**морѥ галилѣиско**).

14. В обобщенном значении употреблялось множественное число среднего рода, а не единственное, как в современном русском языке: **вьсꙗ**, а не **вьсѥ** (рус. *всё*).

15. В старославянском языке существовал особый абсолютивный оборот — *дательный самостоятельный*. По своему значению он соответствовал современному придаточному предложению, чаще всего обстоятельственному времени или причины: **і҃соу рождьшю сѧ въ виѳлеомѣ июдеісцѣмь • въ дни ирода ц҃ра • се вльсви отъ въстокъ придѫ въ е҃рлмъ** (Мф. 2.1 Сав.) ‘когда родился Иисус в Вифлееме иудейском в царствование Ирода, пришли с востока в Иерусалим волхвы’.

16. Особенностью сложных предложений в старославянском языке являлось наличие *цепочечного нанизывания*, т. е. употребление подряд нескольких предикативных единиц, присоединенных союзом *и* (*он пришел*..., *и увидели его*..., *и сказал*..., *и ответили ему*...). При этом части сложного предложения могут одновременно соединяться посредством подчинительного союза и присоединительного союза **и** или **а**: **аште и вьси сьблазнѧт’ сѧ о тебѣ • а азь николиже не съблажнѭ сѧ** (Мф. 26: 33 Асс.) ‘если и все соблазняются о тебе, (а) я никогда не соблазнюсь’.

17. В старославянском языке союзных средств было меньше, чем в современном русском, и они были менее дифференцирова-

ны. Синкретизм некоторых союзов, например **ꙗко**, проявлялся в их возможности вводить практически любое придаточное предложение.

18. Особенностью передачи прямой речи является ее введение союзом **ꙗко** (**онъ же гл҃аaше ꙗко азъ ѥсмь** ‘он же ответил: «Это Я»’), который в данной конструкции на современный язык не переводится. Конструкций косвенной речи, подобных тем, что есть в современном русском литературном языке, в старославянском языке не было.

19. Значительное влияние на формирование старославянского синтаксиса оказал греческий язык. Его воздействие проявлялось не только и не столько в механических кальках, сколько в формировании определенных моделей для выражения разных синтаксических значений.

Контрольные вопросы и задания

1. Прокомментируйте проблему установления границы между предложениями в старославянских текстах.

2. Каково было влияние греческого языка на старославянский синтаксис?

3. Отражается ли в старославянских текстах такая особенность древнего славянского синтаксиса, как *цепочечное нанизывание* предложений?

4. Перечислите наиболее существенные отличия старославянского синтаксиса от синтаксиса современного русского литературного языка.

5. Что представляет собой конструкция *дательный самостоятельный* в старославянском языке? В чем заключается его «самостоятельность»?

6. Какие конструкции с двойными падежами имелись в старославянском языке? Что им соответствует в современном русском синтаксисе?

7. Каким образом выражалось отрицание в старославянском языке?

8. Как в старославянских текстах передавалась прямая и косвенная речь?

9. Какие типы сложноподчиненных предложений существовали в старославянском языке?

10. Каковы были особенности порядка слов в старославянском предложении?

Практические задания

Задание 1. Прокомментируйте употребление определенно-личных и двусоставных предложений в следующих примерах:

съгрѣшихъ прѣдавъ кръвь неповиньнѫ (Зогр.), **дръзаїте азъ ѥсмь не боїте сѧ** (Зогр.), **они же рѣшѧ чьто естъ намъ тъı • оуѕьриши** (Зогр.), **гл҃а емоу ис҃ въстани възьми одръ твои • ї иди въ домъ свои** (Мар.), **они же гл҃ашѧ • не имамъ съде • тъкмо є҃ хлѣбъ • и двѣ рибѣ** (Сав.), **мнози бо лъжи съвѣдѣтельствовахѫ на нь... ѣко мы слышахомъ гл҃ѭшть ѣко азъ разорѭ**

цръковь сиѭ... (Зогр.), гл҃а імъ ис҃ колико хлѣбъ имате (Сав.), ис҃ же рече имъ • дадите вꙑ имъ ꙗсти (Сав.), и гл҃а има • идѣта въ слѣдъ мене (Сав.).

Задание 2. Найдите главные члены предложения, укажите, словами каких частей речи они выражены. Прокомментируйте встречающиеся в данных примерах особенности в выражении сказуемого в старославянском языке.

ї пасѫштеи бѣжашѧ • ї шьдъше въ градъ възвѣстишѧ всѣ о бѣсноую (Зогр.), тъгда отъвѣшташѧ етериї • отъ кънижьникъ ї фарисѣи... (Зогр.), се їзиде сѣѩї да сѣетъ (Зогр.), грѧдꙑ кь мънѣ не иматъ възьалкаті сѧ (Асс.), милъ ми естъ народъ (Сав.), къто естъ мати моѣ • ї къто сѫтъ братриѣ моѣ (Зогр.), блажени есте егда поносѧтъ вамъ (Асс.), нѣсмъ достоинъ да въ домъ мои вънідеші (Асс.), [петръ] бѣ сѣдѧ съ слоугами • ї грѣѩ сѧ при свѣшти (Зогр.), [мѫжъ единъ]... гонимъ бꙑваше бѣсомъ (Сав.), и вьсѣмъ въ сьньмишти • очі бѣашете зьрѧшти на нь (Асс.).

Задание 3. Укажите особенности согласования подлежащего со сказуемым в следующих примерах:

многъ народъ въ орѫжиї придошѧ на нь (Супр.), въпрашаахѫ же ѥго дроужина ѥмоу (Супр.), и дроугъ дроуга прѣдастъ • и вьзненавидітъ дроугь дроуга (Асс.), ѩбо и земьꙗ мимо идетъ • а словеса моꙗ не мимо идѫтъ (Сав.).

Задание 4. Какая особенность выражения сказуемого в старославянском языке встречается в следующих примерах?

ї имъ за рѫкѫ слѣпаего • ї изведе и вънъ їз вьси (Зогр.), излѣзъ же ис кораблѣ петръ и хождаше по водѣ и приде къ іс҃ꙋ (Сав.), ї прѣломь дастъ оученикомъ хлѣбꙑ (Сав.), и призъвавъ іс҃ отрочѧ и постави е по срѣдѣ їхъ (Сав.), ї сьвѧзавъше и ведошѧ • ї прѣдашѧ пѫнтьскоумоу пилатоу • ї ћемоноу (Зогр.), видѣвъ іс҃ многъ народъ • и милосрдовавꙑ • исцѣли недѫжьнъѧ... (Сав.).

Задание 5. Прокомментируйте особенности выражения определения (согласованного и несогласованного):

ї пришьдъшюмоу на онъ полъ • въ странѫ ћер҄ћесин҄скѫ (Зогр.), повели намъ їти въ стадо свиное (Зогр.), исцѣли недѫжьнъѧ имъ (Сав.), и вьзѧшѧ избꙑтъкꙑ оукроухомъ (Сав.) — *ср.* и вьзѧшѧ избꙑтъкъ оукроухъ (Сав.), тоу бѫдетъ плачь и скръжьтъ зѫбомъ (Сав.), азъ есмь хлѣбъ животънꙑи (Асс.), ї при четврътѣї стражи ноштьнѣи... (Зогр.) — *ср.* въ д҃ ѭ годинѫ нощи (Сав.), ї приде въ сво гра҄ (Зогр.), всѣкъ їже слꙑшитъ словеса цр҃ѣ (Зогр.).

Задание 6. Прокомментируйте особенности выражения обстоятельства (в частности, обратите внимание на выражение цели, причины и на значения предлогов):

пришелъ ли еси сѣмо • прѣжде врѣмене мѫчитъ насъ (Зогр.), приде отъ концъ земл҃ѧ • слꙑшатъ прѣмѫдрости соломонѩ (Зогр.), вьзиде на горѫ единъ • помолитъ сѧ (Сав.), изидѫ же народи из града • видѣтъ бꙑвъшаго (Сав.), да не възвратитъ сѧ вьспѧть • вьзѧтъ ризъ своихъ (Сав.), блажени и изгнаніи правдъи раді (Асс.), дх҃ъ гн҃ь на мьнѣ его же раді помаза мѧ • благовѣстіти нищиимъ посъла мѧ ицѣлітъ съкроушенꙑхъ ср҃цемъ (Асс.), сего дѣлꙗ горьн҃ии • земьноѥ съпасениѥ проповѣдаѭште поꙗхѫ (Супр.), ї се вьсь градъ ізиде противѫ їс҃ви (Зогр.), архиереї же ї вьсь сънимъ • їскаахѫ на їс҃а • съвѣдѣтелъства да і оубьѭтъ... ї етериї... лъжѫ съвѣдѣтельствоваахѫ на нь (Зогр.).

Задание 7. Прокомментируйте употребление отрицания в следующих примерах:

не оу ли чюете ни разоумѣете (Зогр.), ї посъла і въ домъ его г҃лѧ • ни въ вьсь вьниди • ни повѣждь никомоуже въ вьси (Зогр.), о дни томь и годинѣ тоі никтоже не вѣсть ни агли н҃бсціі • тъкмо о҃ць единъ (Сав.), ни в единъ же отъ нихъ очисти сѧ (Мар.), не прідъ праведъникъ прізьватъ • нъ грѣшьникъı на покаание (Асс.), ѣко не можааше мінѫті ніктоже пѫтемъ тѣмь (Асс.), никоторъı же пророкъ приѩтенъ естъ въ отечъствии своемъ (Мар.), нікоего же с҃псеньѣ • сімі можемъ обрѣсті (Клоц.), никъıже ли тебе осѫди (Зогр.), да оуже ник҃деже покоꙗ (Супр.).

Задание 8. Объясните свойственные старославянскому языку особенности предложного и беспредложного употребления падежей:

ї трьми дънъı • їно нерѫкотворенѫ съзиждѫ (Зогр.), ї третиі дьнь въскръснѫти (Зогр.), и рече градѫщиим по немъ (Асс.), испъıта отъ нихъ врѣмѧ ꙗвльшаѧ сѧ звѣздъı (Сав.), и прістѫплъ едінъ отъ • кънижьнікь рече емоу • оучітелю идѫ по тебѣ... (Асс.), прѣбъıстъ оусоровѣ [Соров, название деревни] вьси (Супр.), се ц҃сръ твои грѧдетъ тебѣ (Мар.), въ единѫ же сѫботъ (Зогр.), ї искоушеноу бъıти • отъ старць ї архиереі • ї кънижьникъ (Зогр.), азъ же сьде гладомь гъıб҃лѭ (Зогр.).

Задание 9. Объясните свойственные старославянскому языку особенности глагольного управления:

и прикоснѫ сѧ рѫцѣ еѩ (Асс.), прікоснѫ сѧ въскриліи різѣ его (Асс.), и дівлѣхѫ сѧ о словесехъ... (Асс.), и рѫгаахѫ сѧ емоу (Асс.), съвѣштаста сѧ женити ї дѣвицеѭ именемь ан҃на (Супр.), імъ же бо сѫдомь сѫдите • сѫдѧтъ вамъ (Зогр.), слоушаѧи словесе моего... иматъ живота вѣчънаго (Мар.).

Задание 10. Укажите способ выражения принадлежности в следующих примерах:

прізрі на с҃на моего • ѣко иночѧдъ ми естъ (Асс.), пристѫпьше къ н҃емоу оученици его (Зогр.), начѧтъ оумъıвати ноѕѣ оученикомъ (Мар.), сынъ ти живъ естъ (Асс.), възлюбиши ближнꙗго си (Сав.), приде... слъıшатъ прѣмѫдрости соломон҃ѩ (Зогр.).

Задание 11. Найдите и переведите конструкции с двойными падежами:

они же видѣвъше і по морю ходѧщь (Зогр.), ѣко мъı слъıшахомъ і г҃лѭшть... (Зогр.), чаѭште ѥмоу живоу бъıти (Супр.), прѣжде же подобаатъ емоу мъного пострадати • і искоушеноу бъıти отъ рода сего (Мар.), идѣта въ слѣдъ мене • и створѫ ва ловьца чловѣкомъ (Сав.), ти вамъ сѫдиѧ бѫдѫтъ по съпасовоу словеси (Супр.), юже нѣсмъ достоинъ нарещи сѧ с҃нъ твои (Мар.).

Задание 12. Найдите оборот дательный самостоятельный, укажите, в каком значении он употреблен:

еште емоу г҃лѭштю къ народомъ • се мати ї братриѣ его стоѣхѫ вьнѣ ї҃скѫште г҃лати емоу... (Зогр.), слъньцю въсиѣвъшю присвѧдѫ зане не їмѣхѫ корениѣ (Зогр.), поздѣ же бъıвъшю припадѫ оученици его... (Сав.), и вьлѣзъшю емоу въ корабь оулеже вѣтръ (Сав.), съпѧщемъ же ч҃ломъ • приде врагъ его и въсѣѣ плѣвелъ (Унд.), толика же знамениѣ сътворьшю прѣдъ ними • не вѣровахѫ емоу (Зогр.), изгънаноу бѣсоу проглагола нѣмъı (Мар.), сѣѭштюмоу ова оубо падошѧ при пѫти (Зогр.).

Задание 13. Определите тип сложного предложения, укажите значение союзов:

егда же оузърите мрьзость запоустѣниꙗ... тогда сѫштеі въ июдеі • да бѣгаѭтъ на горъі (Сав.), мнози пророци • ї праведници • въжделѣшѧ видѣи • ѣже видите (Зогр.), не достоїно естъ въложити его въ кар҃ванѫ • понеже цѣна кръве естъ (Зогр.), сънидъ съ нб҃се • да не творѭ волѧ моеѩ • нъ волѭ посълавъшааго мѧ (Асс.), молѣше же сѧ емоу мѫжъ їз негоже бѣси изидѫ... (Сав.), повѣдаі елико ти створи б҃ъ (Сав.), и се звѣзда ѭже видѣшѧ на въстоцѣ • идѣше прѣдъ ними • доньдеже пришъдъши ста на врьхоу • идеже бѣ отрочѧ (Сав.), тъкьмо рьці словомъ • и ицѣлѣетъ отрок мои • ибо азъ ч҃къ есмъ подъ владкоѭ (Асс.).

Задание 14. Определите значения союза ꙗко в следующих предложениях:

сърѣтосте и дъва бѣсъна... люта ѕѣло • ѣко не можааше ник҃тоже минѫти пѫтемь тѣмь (Зогр.), [ис҃] ... ї ѣко вълѣзъ въ корабь сѣде (Зогр.), блажени ници дх҃мъ ѣко тѣх естъ цр҃ство нб҃съное (Асс.), къде оу насъ въ поустѣ мѣстѣ хлѣбъ толико • ꙗко нас҃ытити народъ коликъ (Сав.), ...ї дашѧ на селѣ скѫдельничи • ѣко же сказа мнѣ г҃ь (Зогр.), ѣко відѣсте мѧ и не вѣроуете (Асс.).

Задание 15. Охарактеризуйте особенности употребления прямой речи в старославянском языке на основании приведенных ниже примеров:

ї се възъписте гл҃ѭшта • чьто естъ нама ї тебѣ ис҃е сн҃е бж҃і и (Зогр.), бѣси же мол҃ѣахѫ и глѭште аште изгониши нъі • повели намъ їти въ стадо свиное (Зогр.), онъ же отъвѣштавъ рече їмъ • родъ лѫкавъ • ї любодѣи • знамениѣ їштетъ • ї знамение не дастъ сѧ емоу (Зогр.), ї етериі въставъше • лъжѫ съвѣдѣтельствоваахѫ на нь гл҃ѭште • ѣко мъі слъішахомъ ї гл҃ѭшть • ѣко азъ разор҃ѭ цръковь сиѭ рѫкотворенѫѭ... (Зогр.), а сѫштеі въ кораби поклонишѧ сѧ емоу гл҃ѭще • ꙗко тъі еси въ истинѫ бж҃и і сн҃ъ (Сав.), кънѧзь етеръ вьшедъ кь ис҃оу кланѣаше сѧ исвн гл҃ѧ ѣко дьщи моѣ оумрѣтъ (Асс.), се вльсви отъ въстокъ придѫ въ ер҃лмъ гл҃ѭще • къде естъ рожды сѧ цр҃ъ июдеіскъ (Сав.).

Задание 16. Прокомментируйте примеры с косвенной речью.

[ис]... възложи рѫцѣ на нь • въпрашааше и аште чьто видитъ (Зогр.), поманѫ же семоу симонъ петръ въпросити кто оубо естъ о немьже гл҃етъ (Мар.), пилатъ же слъішавъ галилеѭ въпроси и • аште ч҃лкъ галилѣискъ естъ (Мар.), повѣждь намъ когда си бѫдѫтъ (Мар.).

Задание 17. Найдите грецизмы и гебраизмы в следующих примерах:

и бъістъ егда молѣаше сѧ единъ • съ нимь бѣахѫ оученици его • ї въпроси ѩ гл҃ѧ • кого мѧ непьштюѭтъ народи бъіти (Зогр.), они же рѣшѧ чьто естъ намъ • тъі оузьриши (Зогр.), гл҃а іс҃ разоумѣете ли вса си... іс҃ же рече имъ • сего ради всакъ кънижникъ наоучь сѧ цр҃ствию нб҃скоумꙋ • подобитъ сѧ ч҃лкоу домовитоу • иже износитъ отъ съкровища своего • новаꙗ и ветхаꙗ • и бъістъ егда съконьча іс҃ притъчѫ сиѭ • прѣіде отътѫдоу (Сав.), подобаатъ емоу... искоушеноу бъіти отъ рода сего (Мар.), бъістъ иоанъ кръстѧ въ поустъіни и проповѣдаѩ (Асс.), не съкрываите себѣ съкровишта (мн. ч.) на земи (Мар.).

Литература

Верещагин Е. М. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972.

Граматика на старобългарския език. София, 1991.

Златанова Р. Структура на съставното сказуемо с причастен компонент в старобългарски // Известия на Института за български език. 1973. № 22. С. 73—105.

Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963.

Мещерский Н. А. О синтаксисе древнеславянских переводных произведений // Теория и практика перевода. Л., 1962. С. 83—103.

Минчева А. Развой на дателния притежателен падеж в българския език. София, 1964.

Седлачек Я. Синтаксис старославянского языка в свете балканистики // Slavia. 1963. № 32. С. 385—394.

Скупский Б. И. Лекции по старославянскому языку. Раздел V. Синтаксис. Махачкала, 1960.

Ходова К. И. Падежи с предлогами в старославянском языке (Опыт семантической системы). М., 1971.

Ходова К. И. Простое предложение в старославянском языке. М., 1980.

Цакалиди Т. Г. Общеотрицательные конструкции в древнеболгарских текстах евангелия-тетра X—XI вв. // Старобългаристика. 1981. № 1. С. 48—54.

Bartula Cz. Związki czasownika z dopełnieniem w najstraszych zabytkach języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Wrozław; Warszawa; Kraków, 1964.

Bartula Cz. Składnia zdania pojedyńczego w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków, 1969.

Večerka R. Souvětí se zavislymi větami relativními v staroslověnštině // Slovo. 1983. № 32—33. C. 15—52.

Večerka R. Syntaxis aktivních participií v staroslověnštině. Praha, 1961.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО КУРСУ

Учебники и учебные пособия

Горшков А. И. Старославянский язык. М., 1963.

Граматика на старобългарския език / гл. ред. И. Дуриданов. София, 1991.

Жолобов О. Ф. Старославянский язык. Задания, таблицы, понятийно-тематический словарь: учебное пособие. Ижевск, 2011.

Иванова Т. А. Старославянский язык. 4-е изд., испр. и доп. СПб., 2005.

Никифоров С. Д. Старославянский язык. М., 1952.

Осипов Б. И. Основы славянского языкознания. Омск, 2004.

Ремнёва М. Л. Старославянский язык. 2-е изд., испр. М., 2004. — Приложение: *Ремнёва М. Л.*, *Дедова О. В.* Старославянский язык: Электронный курс. CD; 3-е изд., испр. и доп. М., 2012 (в этом издании книга дополнена гипертекстовым курсом, текстами и словарем).

Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1974; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1986.

Шевелева М. Н. Старославянский язык: методические указания для студентов филологических факультетов государственных университетов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.

Lunt Horace G. Old Church Slavonic Grammar. The Hague, 1955; 6th ed. The Hague, 1974.

Schmalstieg William R. An Introduction to Old Church Slavic. 2nd Edition Revised and Expanded. Slavica Publishers, Inc. Columbus, Ohio, 1983.

Словари

Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков). М., 1994; 1999.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М., 1986—1987.

Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—2012. Вып. 1—38.

Slovník jazyka staroslověnského. T. I—IV. Praha, 1966—1997. Репринтное издание: Словарь старославянского языка. Т. I—IV. СПб., 2006.

Классические труды по старославянскому языку

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952 (Пер.: *Vaillant A.* Manuel du vieux slave. Paris, 1948).

Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957 (Пер.: *Van Wijk N.* Geschichte der altkirchenslavischen Sprache. Berlin; Leipzig, 1931).

Каринский Н. Хрестоматия по древне-церковно-славянскому и русскому языкам. Ч. 1: древнейшие памятники. 2-е изд. СПб., 1911.

Кульбакин С. М. Грамматика церковно-славянскаго языка по древнейшим памятникам. Пг., 1915.

Лескин А. Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка. Казань, 1915 (Пер.: *Leskien A.* Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg, 1909).

Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. I: Введение. Фонетика. М., 1951; Ч. II: Тексты. Словарь. Очерк морфологии. М., 1952.

Фортунатов Ф. Ф. Лекции по фонетике старославянского (церковнославянского) языка // Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. М., 1957. Т. 2.

Diels P. Altkirchenslavische Grammatik. Heidelberg, 1932; 2-е изд. Heidelberg, 1963.

Trubetzkoy N. S. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954; 2-е изд. Wien, 1968.

Литература по сравнительно-историческому языкознанию и праславянскому языку

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Введение и фонетика. М., 1961.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.

Бирнбаум Х. Праславянский язык. М., 1987.

Бошкович Р. Основы сравнительной грамматики славянских языков: Фонетика и словообразование. М., 1984.

Бурлак С. А., *Старостин С. А.* Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005.

Гаспаров Б. М, *Сигалов П. С.* Сравнительная грамматика славянских языков. Тарту, 1974.

Горнунг Б. В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963.

Гуйер О. Введение в историю чешского языка. М., 1953.

Лер-Сплавинский Т. Польский язык. М., 1954.

Мейе А. Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Нахтигал Р. Славянские языки. М, 1963.

Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964; 2-е изд. М., 2002.

Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

Графико-фонетические особенности славянских языков

Украинский язык

и — [ɨ] после твердых согласных: *мити* ‘мыть’, *син* ‘сын’, *сила* ‘сила’;

і — [i] после мягких согласных: *синій* ‘синий’, *стіл*, *кінь*, *вугіль* ‘уголь’, *він стоїть* ‘он стоит’;

е — [e] после твердых согласных: *море*, *земля*, *реве* ‘ревёт’;

є — [je] в начале слова и после гласных или [e] после мягких согласных: *моє*, *єдиний*, *синєє*;

ї — [ji]: *їда*, *моїх*, *ти стоїш* ‘ты стоишь’;

г — звонкий фрикативный гортанный [h]: *груша*, *година* ‘час’, *горіх* ‘орех’ (в некоторых заимствованиях [g]: *гуля* ‘шишка’, *гвинт* ‘винт’);

ц — мягкая аффриката [c’]: *кінець — кінця*, *молодиця*;

ч — твердая аффриката [č]: *ніч*;

щ — [šč]: *дощ*, *щезнути* ‘исчезнуть’;

ждж — [žd͡ž]: *їжджу* ‘езжу’.

В отличие от русского отсутствуют буквы: **ъ** (вместо него в разделительной функции используется апостроф «’»: *м’ясо*, *п’ять*, *з’їзд*), **ы**, **э**, **ё** (ср. рус. *лён*, *его*, *сегодня*, *серьёзный* — укр. *льон*, *його*, *сьогодні*, *серйозний*). Наличие букв **і**, **ї**, **є**, а также апострофа отличает украинский алфавит от русского.

Характерные буквы, которые отличают украинский алфавит от других славянских: **ї**, **є**.

Белорусский язык

і — [i]: *сіні* ‘синий’, *ісці* ‘есть’;

ў — полугласный [w]: *воўк*, *пісаў*, *прыехалі ў горад — прыехаў у горад;*

г — звонкий фрикативный заднеязычный [γ]: *горад*, *голуб* (в некоторых заимствованиях и в исконных словах после [z]—[g]: *гузік* ‘пуговица’, *розга*, *мазгі*);

ц, **дз** — твердые аффрикаты [c], [d͡z]: *вуліца*, *дзынкаць*;

ц(ь), **дз(ь)** — мягкие аффрикаты [c’], [d͡z’]: *дзесяць*, *шыць*, *адзін*, *адзёжа*;

ч — твердая аффриката [č]: *чэрап*, *чытаць*;

шч — [šč]: *шчыт*, *шчасце*.

В отличие от русского отсутствуют буквы: **ъ** (вместо него используется апостроф «’»: *аб’ява* ‘объявление’), **и** (вместо которого — **і**), **щ** (на его месте в соответствующих словах пишется **шч** [šč]).

Характерная буква: **ў**.

Болгарский язык

ъ — полузакрытый центральный гласный [ə]: *о́гън*, *ръка́*, *бъ́лгарин*;

щ — обозначает сочетание согласных [št]: *щраф*, *свещ*.

Характерные буквы отсутствуют.

Сербохорватский язык

Два алфавита — кириллический сербский («вуковица», названный в честь Вука Караджича (1787—1864), основателя современного сербского литературного языка, положившего в основу сербского правописания фонетический принцип) и латинский хорватский («гаевица», названный по имени Людевита Гая (1809—1872), одного из деятелей объединительного движения, приведшего к созданию единого литературного сербохорватского языка на базе штокавского диалекта).

ч = **č** — твердая аффриката [t͡š]: *му́чати* ‘молчать’, *кључ*;

џ = **dž** — сочетание твердых согласных [d͡ž]: *џеп* ‘карман’;

ћ = **tj/ć** — глухая палатальная аффриката [ć]: *свећа*;

ђ = **dj/đ** — звонкая палатальная аффриката [ʒ́]: *међа*;

љ = **lj** — палатальный сонорный [l̦]: *по̀ље*, *љубав*;

њ = **nj** — палатальный сонорный [ń]: *коњ — коња*;

ћ = **h** — фрикативный заднеязычный [x]: *хо̀ћу*.

В отличие от русского отсутствуют буквы: **ъ, ь, ы, э, ё, я, ю, щ**.

Характерные буквы: đ**,** ћ**,** ђ.

В сербохорватском различаются как долгие и краткие гласные, так и восходящая и нисходящая интонация (или восходящий и нисходящий тон). Эти тоны принято обозначать следующим образом:

Интонация	На долгом	На кратком
Восходящая	*ру́ка, ви́но, хва́лио*	*во̀да, гово̀рити, о̀тац*
Нисходящая	*гра̂д, ру̂ку, пра̂вда*	*во̏ду, ми̏слити, ср̏б*

В литературных текстах ударение не отмечается за исключением случаев типа *па̏с* ‘собака’ — *па̂с* ‘пояс’.

Македонский язык

Алфавит в целом на базе сербской кириллицы:

ѕ — аффриката [d͡z]: *ѕвезда*, *ѕенѕа* ‘качать’;

ќ, **ѓ** (соответствуют с.-х. ћ**,** ђ) — согласные, которые в произношении варьируют между палатальными [ḱ], [ŕ] и аффрикатами [ć], [ʒ́]: *свеќа*, *меѓа*;

ш, **ж** — [š], [ž] (несколько мягче, чем русские): *еш — ежови — ешко* ‘ёжик’;

ч — [č] (тверже русского), **џ** — [d͡ž]: *чин* ‘действие’, *џин* ‘великан, джин’;

Характерные буквы: **s**, **ќ**, **ѓ**.

Ударение постоянное на третьем слоге от конца.

Словенский язык

Используется хорватская латиница:

h — фрикативный заднеязычный [x]: *bogâtih* ‘богатых (Р. мн.)’;

č, c — твердые аффрикаты [t͡š]: *ptíček*, *srcê*, *mésec*;

š, ž — твердые [š], [ž]: *šumo* ‘лес’, *hvališ*, *živí*, *móž*.

Характерные буквы отсутствуют.

Долгий гласный под восходящим ударением обозначается знаком ´, под нисходящим — ˆ, краткий гласный под ударением — `: ср. *sánja* ‘мечта’, *tŕg* ‘базар’, *dân* ‘день’, *krâlj* ‘король’, *jàz* ‘я’.

Польский язык

c — твердая аффриката [c]: *noc* ‘ночь’;

cz — твердая аффриката [č]: *rzecz* ‘вещь’, *czytać*;

sz — [š]: *wszystko*, *napiszę* ‘я напишу’;

ż — [ž]: *mąż* ‘муж’, *wieża* ‘башня’;

rz — [ž]/[š]/[rz]: *rzeka*, *morze / przedmiot / marznąć*;

ł — [ł] или неслоговое [w];

ś, ź, ć — мягкие шепелявые согласные [ś], [ź], [ć]: *gość*;

ń — палатальный [ń]: *koń*, кроме того, мягкость согласного может обозначаться буквой i между согласным и гласной: *biały*, *biedny*, *ziemio!* ‘земля (Зв.)’, *wiązać*;

ch — велярный фрикативный [x]: *mucha — musze* ‘муха — мухе’;

h — [x] или [γ] обычно в заимствованиях;

ą — носовое [õ]: *ząb*, *wiązać*;

ę — носовое [ẽ]: *wodę*, *mięso*;

ó — [u]: *dwór-dworu*;

y — [ɨ]: *synów* ‘сыновей (Р. мн.)’.

Характерные буквы: **ą**, **ę**.

Ударение постоянное, обычно на предпоследнем слоге.

Чешский язык

ě — мягкость [ń], [ť], [ď] перед [e]: *němý*, *tělo*, *děd*; [je] или чаще [ńe] после [m], [je] после остальных губных: *město*, *pět*, *běhati*;

ů — [ū]: *dům* ‘дом’; **ó** — [ō] встречается редко, так как исконное *ō > ū (ů);

á, é, í — [ā], [ē], [ī]: *dráha* ‘дорога’ — *drahá* ‘дорогая’, *piji* ‘я пью’ — *pijí* ‘они пьют’;

h — [γ]; **ch** — [x]: *hoch* ‘мальчик’, *moucha* ‘муха’;

č, c — твердые аффрикаты [č], [c]: *v českém jazece*, *otče! na bocích* ‘на боках’;

š, ž — [š], [ž]: *hoši* ‘мальчики’, *bože*!;

ř — [rž]/[rš]: *břeh / přítel* ‘друг’; ň — [ń]: *kůň*;

ť, ď — [t̕], [d̕]: *šťastný* ‘счастливый’, *síť* ‘сеть’, *ďabel* ‘дьявол’, *sleď* ‘сельдь’.

Характерная буква **ů**.

Ударение постоянное на первом слоге.

Словацкий язык

Алфавит в целом на базе чешской латиницы:

ä — открытый гласный между [æ] и [ɛ]: *päť*;

i, y — [i]: *biť* ‘бить’ — *byť* ‘быть’; **ô** — дифтонг [u̯o]: *stôl*, *vôľa*;

ľ — [ľ]: *vôľa*; **ť** — [ť]: *smrť*, **ň** — [ń]: *dlaň*;

t, d, n, l — перед **e, i** и перед дифтонгами **ia, ie, iu** всегда мягкие: *telo*, *list*, *dieťa*;

c, dz, dž — твердые аффрикаты [c], [d͡z], [d͡ž]: *cudzí* ‘чужой (одуш.)’, *džentry*;

č, ž, š — мягкие шипящие [č’], [ž’], [š’]: *reč*, *dlžen*, *odišel* ‘отошел’;

ch — [x]: *chválim* ‘я хвалю’;

h — [h]: *hrozný*, *noha*, *mohol* ‘мог’;

v — перед гласным и сонантом всегда губно-зубной [v]: *vdova*, *vrana*, в начале слова перед глухим согласным — [f]: *včera*, в середине слова перед согласным всегда и на конце слова — [u̯]: *ovca* [ou̯ca], *dievča*;

´ — знак долготы гласного и слогового плавного: ср. *pas* ‘паспорт’ — *pás* ‘пояс’, *vlk* ‘волк’ — *vĺča* ‘волчонок’, *mŕtvy* ‘мертвый’.

Характерная буква **ä**.

Ударение постоянное на первом слоге.

Верхнелужицкий язык

ě — [ê]: *městno* ‘место’, **ó** — [ô]: *žónska* ‘женщина’, *hórka* (ср. *hora*);

w — [v]: *twjerdy*, *wón* ‘он’, **ł** — полугласный [w/u̯]: *płód*, *tołsty*;

g — [g], **h** — [γ], **ch** — [x]: *hłucheho* ‘глухого’, *chlěb*;

ń/nj — [n’]: *dłoń*, **ŕ/rj** — [r’]: *pisaŕ* — *pisarja*, **mj** — [m’]: *zemja*;

ž, š, č/ć — мягкие шипящие [ž’], [š’], [č’]: *činić* ‘делать’, *šić* ‘шить’, *žona*;

c — твердая аффриката, **z** — [z]: *chcył* ‘хотел’, *ducy* ‘идя, идучи’, *ruce*, *noze* (дв.);

ř — также [š’]: *křidło* ‘крыло’, **dź** — [d͡ž’]: *njedźela* ‘воскресенье’, *dźewjeć* ‘9’, *dźeń*.

Ударение на начальном слоге слова.

Нижнелужицкий язык

ě — [ê]: *něto* ‘теперь’, **ó** — [ô]: *pón* ‘потом’;

ž, š, dž — твердые [ž], [š], [dž]: *šwicaś* ‘свистать’;

ź, ś, ć, dź — [ž’], [š’], [č’], [dž’]: *źeń* ‘день’, *słušaś* ‘принадлежать’;

c — [c] («цоканье»: *č* > *c*), **z** — [z]: *rucy*, *nozy*, *cyniś* ‘делать’;

ń, ŕ — [n’], [r’]: *wóń* ‘аромат’, *ŕědńe* ‘хорошо’, *ńasu* ‘несут’;

j — обозначает мягкость предшествующего согласного перед гласными заднего ряда и после губных — [j]: *brjog*, *brjaza*, *mjod*, *gołubja* ‘берег, береза, мед, голубя’;

ł — полугласный [w/u]: *słomjany* ‘соломенный’;

h — [γ]: *hoko* ‘глаз’, **g** — взрывной [g]: *gnaś* ‘гнать’.

В отличие от верхнелужицкого отсутствует **ŕ** (вместо него после [p, t, k] — пишется ś: *pśijaśel*).

Ударение на начальном слоге слова.

Полабский язык

Полабский язык не имел собственной письменности. При записи текстов на языке полабских славян в конце XVII — начале XVIII в. пользовались немецкой графикой, которая не всегда подходила для передачи полабской речи: ср. *dahssd* = *däzd*, *schneg* = *sneg*, *tschiurna* = *ćórnə* ‘черный’, *deusscha* = *daṷša*. В настоящее время используется специальная научная транскрипция на базе латинского алфавита. Перечислим некоторые специфические символы этой транскрипции:

å — лабиализованный [a]: *dåzd* ‘дождь’;

ė — закрытый гласный [e]: *vėpər* ‘вепрь’;

ǫ — закрытый носовой гласный [õ]: *gǫs* ‘гусь’, *rǫkǫ* ‘руку’;

ą — открытый носовой гласный [ã]: *disąt* ‘десять’, *plocą* ‘плачу́’;

ö, ü — лабиализованные гласные переднего ряда: *püją* ‘пою’, *vå vüde* ‘в воде’, *möst* ‘мост’, *slüvü* ‘слово’;

ă и **ə** — краткие (редуцированные) гласные: *stórnă* ‘сторона’, *tamă* ‘тьма’, *mlåkə* ‘молоко’;

z — [z]: *zénă* ‘жена’, *zlåtə* ‘золото’;

c — твердая аффриката [c]: *crevü* ‘чрево’, *nüc* ‘ночь’;

x — фрикативный [x];

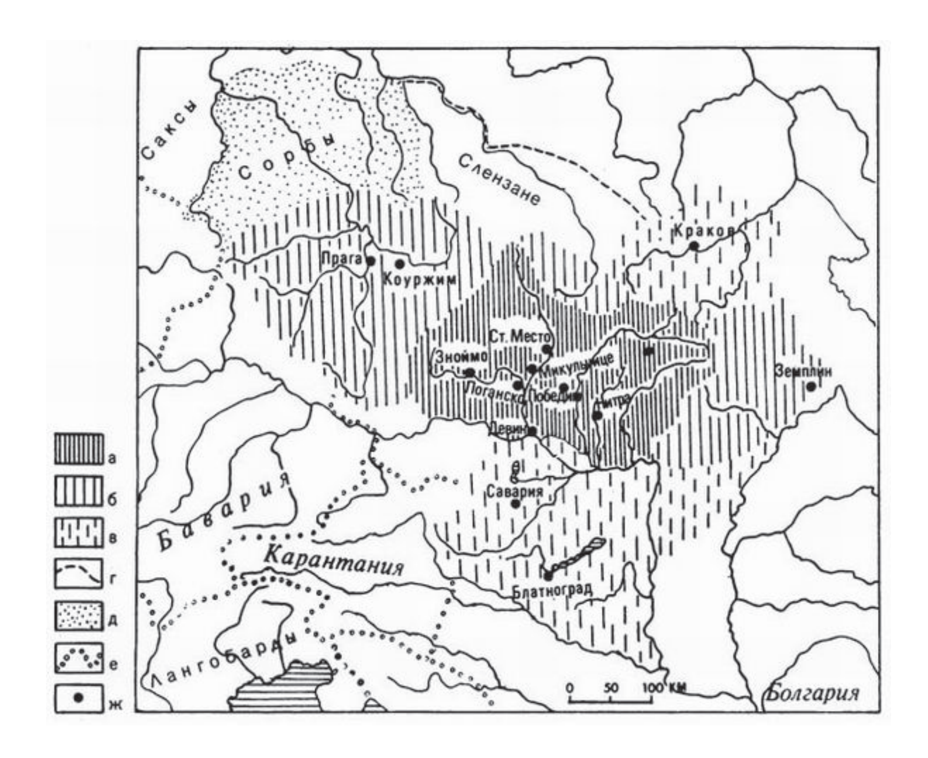
dz — твердая звонкая аффриката [d͡z]: *nüdze* ‘ноги’ И.-В. дв.;

ť, ď, ľ, ś, ć — мягкие палатальные согласные: *ľotű* ‘лето’, *ťåmă* ‘тьма’, *bróťă* ‘братья’, *svéćă* ‘свеча’, *deśǫtə* ‘десятый’, *ṕås* ‘пёс’, *źornü* ‘зерно’, *ḿoró* ‘мера’.

Ударение свободное.

Список иллюстраций

1. Древние славяне в VI—IX вв.



2. Великая Моравия:

а — Великоморавское государство при Моймире I (30-е гг. IX в.) и Ростиславе (846–870 гг.);

б — территориальные приращения до 874 г.;

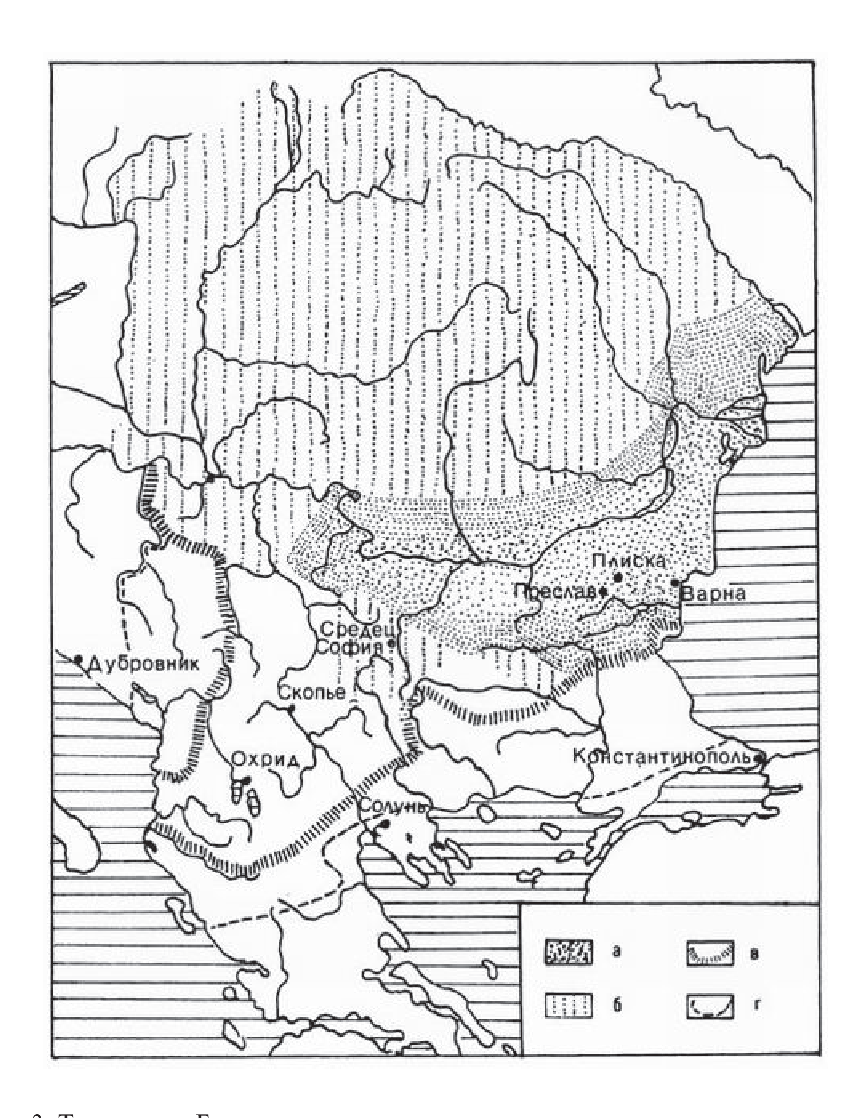
в — приращения при Святоплуке;

г — ареал слензан, предположительно входивший в состав Великоморавской державы;

д — регион сорбов, находившихся при Святоплуке в союзнических отношениях с Великой Моравией;

е — границы соседних политических образований;

ж — важнейшие населенные пункты Великой Моравии



3. Территория Болгарского государства на разных исторических этапах:

а — при хане Аспарухе (681–701 гг.);

б — при Тервеле (701–718 гг.);

в — при Круме (803–814 гг.) и Омуртаге (814–831 гг.);

г — при князе Борисе (852–889 гг.)

4. Кирилл и Мефодий
(иллюстрация из Радзивилловской летописи по списку XV в.)

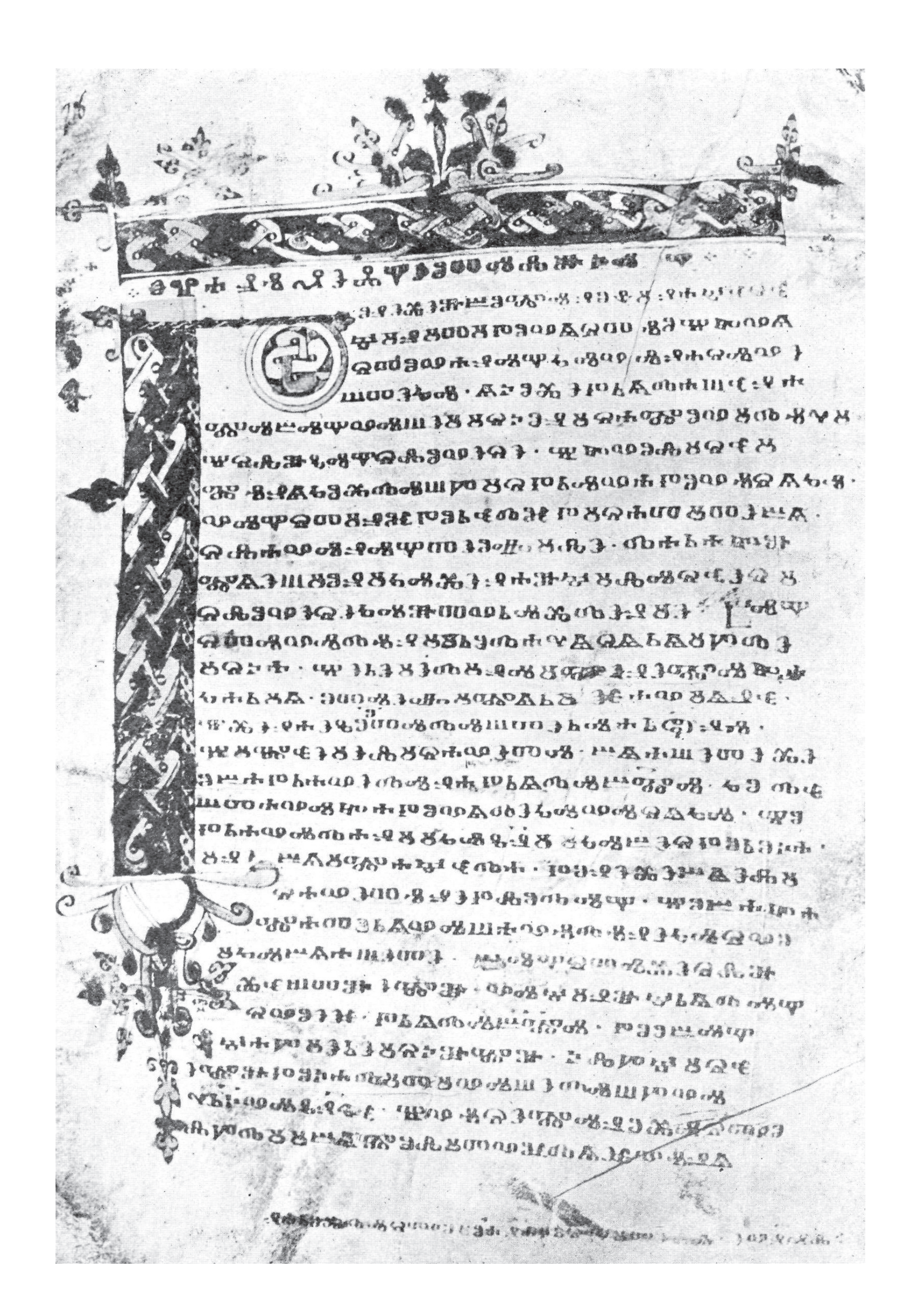
ΟΜΑΡΤΥΡΩΝ ΠΕΡΙ ΤΟΥΤΩΝ ΚΑΙ
ΓΡΑΨΑΣ ΤΑΥΤΑ· ΚΑΙ ΟΙΔΑΜΕΝ· ΟΤΙ
ΑΛΗΘΗΣ ΕΣΤΙΝ· Η ΜΑΡΤΥΡΙΑ ΑΥ
ΤΟΥ· ΕΣΤΙΝ ΔΕ ΚΑΙ ΑΛΛΑ ΠΟΛΛΑ· ΟΣΑ
ΕΠΟΙΗΣΕΝ Ο ΙΣ· ΑΤΙΝΑ ΕΑΝ ΓΡΑΦΗ
ΤΑΙ ΚΑΘ ΕΝ· ΟΥΔ ΑΥΤΟΝ ΟΙΜΑΙ ΤΟ
ΚΟΣΜΟΝ ΧΩΡΗΣΑΙ· ΤΑ ΓΡΑΦΟΜΕ
ΝΑ· ΒΙΒΛΙΑ· ΑΜΗΝ· +
ΕΤΕΛΕΙΩΘΗ ΔΕ ΤΟ Σ' ΤΗ ΜΗΝΙ ΝΟΕΜΒΡΙΩ ΚΖ
ΙΝ Η· ΗΜΕΡΑ· Ε· ΩΡΑ· Β·

5. Образец греческого устава. Евангелие 844 г.

6. Кириллическая и глаголическая азбуки («Мюнхенский абецедарий»), вписанные в латинскую рукопись X–XI вв.

7. Зографское евангелие

8. Ассеманиево евангелие



9. Мариинское евангелие

роучѧтъ· и въ часъ напасти отъ
стѫпаѭтъ· а падъшее въ трьнии
сеи сѫтъ· слышавъше отъ печали бо
гатьствомь и сластьми житиі
искыими потапаѭтъ сѧ· а не до
конъча плода творѧтъ· а еже на
добрѣ земли· сеи сѫтъ иже добромь
срдцемь и благомь· слышавъше сло
во хранѧтъ е· и плодъ творѧтъ
въ трьпѣнии· се глаголѧ възгласи· имѣ
ѩи оуши слышати да слышитъ·

Въ оно· вънидѣ ис въ капернаоумъ·
сътьникоу же единомоу рабъ бо
лѧ оумираше· иже бѣ чьстьнъ е
моу· слышавъ же о исѣ посъла к не
моу старьцѧ июдеискы· молѧ и
да пришъдъ спасетъ раба его· они
же пришъдъше къ исоу молѣхѫ и

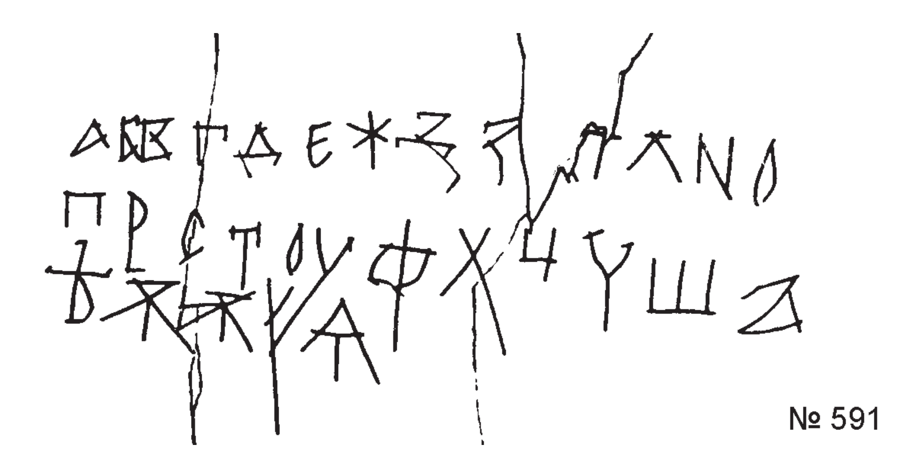
10. Саввина книга

ЕВА: Ѡ ИОАНА · ГЛА · А:

ИСКОНИ БѢ СЛОВО
И СЛОВО БѢ ОТЪ
БА · И БЪ БѢ
СЛОВО СЕ БѢ
ИСКОНИ ОУ

ЖИВОТЪ БѢ СВѢТЪ
ЧЛОВѢКОМЪ · И СВѢ
ТЪ ВЪ ТЬМѢ СВѢТИ
ТЬСЯ · И ТЬМА ЕГО
НЕ ОБЯТЪ · БЫСТЬ

11. Остромирово евангелие



12. Прорись новгородской берестяной грамоты № 591 1-й половины XI в., содержащей одну из древнейших кириллических азбук

мирьско· онъже рече· нъ не бѫдетъ по
льꙃа твоимъ коумиромъ· аште тоу при
демъ· полемонъ рече оубѣштаи са на
мъ пионие· пиониі рече· еша могаль быхь а
ꙁь вась оубѣштати крьстиꙗномь быти· они же ве
льми въсміꙗвъше са рѣша· не имаши что сътвори
ти да живи иꙁгоримь· пионии рече· горе есть ꙁѣло
оумьрьшоу иꙁгорѣти· оскабивъши же са савини·
полемонъ и сѫштіи съ нимь рѣша· самъ ѥши
лиса· она же рече· ѥ наше вѣ хоштете· крь
стиꙗны ни бо есмь· ѥлико бо крьстоу вѣ
роуѭть· смѣѭть са вь радости вѣчьнѣи·
гл҃аше еи· ты бо ѥмоу же не хоштеши бѫде
ть ти приꙗти· иже бо не жьрѫть жены вь бла
дѫни тьствѣ стато на же рече· свꙗтоу оумоу го
сподоу не шти са отъ томь· пакы же пионіи рече·
полемонъ· оубѣштаи са намъ пионие· пи
онии рече· повелѣно ти есть или оубѣшта
ти или мѫчити· не можеши оубѣшта
ти то мѫчи· тогда повъпрашавъ полемо
нъ гл҃а· пожьри пионие· пионии рече· ꙗко крь
стьꙗнъ есмъ· полемонъ рече· коѥго б҃а чъ
теши· пионии рече· б҃а вьседрьжителѣ· сь
творьшаа го небо и ꙁемлѭ и вьсѣ ꙗже вь ни
хъ и вьсѣхъ насъ· и же подасть намъ вьсе бо

13. Супрасльская рукопись

14. Надпись царя Самуила 993 г.

15. Изборник 1073 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Учебное издание

Аверина Светлана Андреевна, **Навтанович** Людмила Михайловна,
Попов Михаил Борисович и др.

СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

*Учебник для высших учебных заведений
Российской Федерации*

Редактор *В. С. Кизило*
Корректор *Л. А. Соловьева*
Художественное оформление *О. В. Рудневой*

Подписано в печать 08.05.2013.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 28. Тираж 1000 экз. Заказ № 66.

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11.

Отпечатано по технологии CtP
в типографии ООО «ИПК БИОНТ».
199106, Санкт-Петербург, В. О., Средний пр., д. 86.